

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

М А Й.

МОСКВА.

1882.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

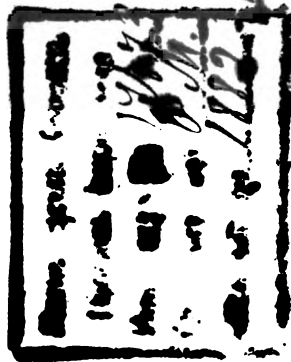
	<i>Стр.</i>
I. О ИЗОЗЕМЕЛЬНОМЪ КРЕДИТѢ.—Л. В. Ходскаго.	1
II. ИЗЪ ПЪСЕНЬ БЕРАНЖЕ: ТѢнь Анакреона.—Орангъ-утанги. Стихотв.—М. Михайлова.	44
III. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ НА КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ. Историческій очеркъ. <i>Продолженіе</i> .—А. Я. Ефименко.	48
IV. СЕЛО ЛЫСКОВО И ГОРОДЪ МАКАРЬЕВЪ. Изъ путевыхъ воспоминаній.—В. П. Безобразова.	74
V. ИЗЪ ЛУДВИГА КОНДРАТОВИЧА: Тостъ въ Петровѣ.—Въ альбомѣ княгини Пузынины. — Еще гусларь. Стихотв.—Д. Д. Минаева.	100
VI. ПОНЯТІЕ О НАРОДѢ У РУССО.—В. И. Герье.	104
VII. ВЪ ГОРАХЪ И СТЕПЯХЪ БАШКИРИИ. (Изъ путевыхъ впе- чатлѣній и разсказовъ.) II — «СИБИРСКІЯ СЛОБОДЫ». — Ф. Д. Нефедова.	158
VIII. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ СТАРОВЪРІЯ.—І. Юзова.	181
IX. МОЛОДЫЕ ВСХОДЫ. Стихотв.—А. В. Круглова.	218
X. ЧЕРЕЗЪ СТЕПИ. (Разсказъ капитана Ральфа.) Повѣсть Ген- рика Сенневича. Переводъ съ польскаго.—В. Л.	219
XI. Л. И. ПАЛЬМИНУ. Стихотвор.—В. Л.	259
XII. ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ И НѢМЕЦКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИ- ТИКѢ ВЪ СВЯЗИ СЪ СЛАВЯНСКИМЪ ВОПРОСОМЪ. II— Австрія и Габсбурги.—Н. С.	1
XIII. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ: „Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Москов- скаго уѣзда“. Ф. Ф. Эрисмана.—„Антропология. Введеніе къ изученію человека и цивилизаціи“. Эд. Б. Тайлора. Перев. съ англ. д-ра Ивина.—„Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра“. Н. Карьева.—„Земля“. Ф. Ратцеля.— „Путешествіе въ Западную Сибирь“. Д-ра О. Финна и А. Брэма.—„Будущность крестьянскаго хозяйства“. С. Шара- нова.—„Европейскіе писатели и мыслители: I—Свифтъ“. Изд. В. Чуйко.—„Паровой домъ“. Ром. Жюль Верна. Перев. Н. Спдельникова.—„Робинзонъ Крузе“. А. Анненской.— „Гюлистанъ. Цвѣтникъ розъ“. Шейха Саади Ширази. Перев. съ персидск. И. Холмогорова.— „Соціальная жизнь животныхъ“. Эспинаса. Перев. г. Пав- ленкова.—„Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи“. Данев- скаго.—В. Г.	28 50

Russkaja Mysl
РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЬ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА V.

МОСКВА.

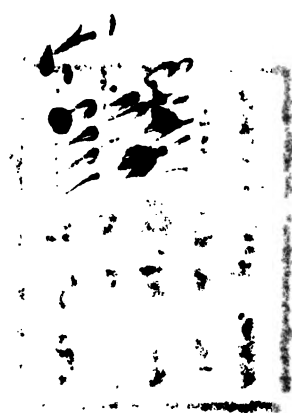
1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская
улица, г. домъ Дреземейеръ.
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговья линіи,
кварт. № 61.

Тиво-Литографія И. Н. Кушнерова и К°, Пименовская ул., д. Кушнеровой.

435-

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

AP50
R875
V.3:5
MAIN

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	Стр.
I. О ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ КРЕДИТѢ.—Л. В. Ходскаго	1
II. ИЗЪ ПЪСЕНЬ БЕРАНЖЕ: ТѢнь Анакреона.—Орангъ-утанги. Стихотв.—М. Михайлова	44
III. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ НА КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ. Историческій очеркъ. <i>Продолженіе</i> .—А. Я. Ефименко	48
IV. СЕЛО ЛЫСКОВО И ГОРОДЪ МАКАРЬЕВЪ. Изъ путевыхъ воспоминаній.—В. П. Безобразова	74
V. ИЗЪ ЛУДВИГА КОНДРАТОВИЧА: Тость въ Петровѣ.—Въ альбомѣ княгини Пузынины.—Еще гусярь. Стихотв.—Д. Д. Минаева	100
VI. ПОНЯТИЕ О НАРОДѢ У РУССО.—В. И. Герье	104
VII. ВЪ ГОРАХЪ И СТЕПЯХЪ БАШКИРИИ. (Изъ путевыхъ впе- чатлѣній и рассказовъ.) II—«СИБИРСКІЯ СЛОБОДЫ». — Ф. Д. Нефедова	158
VIII. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ СТАРОВѢРІЯ.—І. Юзова	181
IX. МОЛОДЫЕ ВСХОДЫ. Стихотв.—А. В. Круглова	218
X. ЧЕРЕЗЪ СТЕПИ. (Рассказъ капитана Ральфа.) Повѣсть Ген- рина Сенкевича. Переводъ съ польскаго.—В. Л.	219
XI. Л. И. ПАЛЬМИНУ. Стихотвор.—В. Л.	259
XII. ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ И НѢМЕЦКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИ- ТИКѢ ВЪ СВЯЗИ СЪ СЛАВЯНСКИМЪ ВОПРОСОМЪ. II— Австрія и Габсбурги.—Н. С.	1
XIII. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ:	

„Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда“. Ф. Ф. Эрисмана.—„Антропология. Введеніе къ изученію челоуѣка и цивилизации“. Эд. Б. Тайлора. Перев. съ англ. д-ра Ивина.—„Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра“. Н. Карьева.—„Земля“. Ф. Ратцеля.—„Путешествіе въ Западную Сибирь“. Д-ра О. Финша и А. Брэма.—„Будущность крестьянскаго хозяйства“. С. Шаранова.—„Европейскіе писатели и мыслители: I—Свифтъ“. Изд. В. Чуйко.—„Паровой домъ“. Ром. Жюль Верна. Перев. Н. Спидельникова.—„Робинзонъ Крузе“. А. Анненской.—„Гюлистанъ. Цвѣтнйкъ розъ“. Шейха Саади Ширази. Перев. съ персидск. И. Холмогорова.—Н. 28

„Соціальная жизнь животныхъ“. Эстинаса. Перев. г. Павленкова.—„Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи“. Даневскаго.—В. Г.

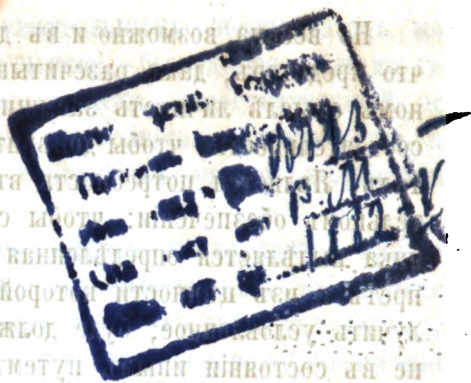
XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: I—Отношеніе правительства къ вопросу о расколѣ. II—Отношеніе правительства къ рабочему вопросу.—...снаго 55

XV. ЗАМѢТКИ ПО ВНѢШНИМЪ ДѢЛАМЪ.—А. А. Майкова. 98

XVI. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:

Принятіе сенатомъ закона объ обязательномъ обученіи.— Анти-клерикальный конгрессъ.— Новое фиско Гамбетты.— Патеръ Монсамбра и отецъ Гиацинтъ.— Приемъ Сюлли Прюдомъ въ академію.— Новыя книги: „Людовикъ XV и Елизавета Россійская“, Альберта Вандаль. V-й томъ „Исторіи революціоннаго трибунала“, г. Валлонъ.— „Pot-bouille“, Эмиль Зола.— Обзоръ періодической печати.— „Les Rantzau“, драма гг. Эрмана и Шатриана.— Некрологи.— W***

Приложеніе: АМЕРИКАНСКІЕ ОЧЕРКИ Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Гл. XIV—XVІІ. Окончаніе 129

О поземельномъ кредитѣ.

Кредитъ вообще обнимаетъ весьма разнообразныя экономическія явленія, которыя имѣютъ ту общую черту, что всѣ они сводятся къ возмездной уступкѣ опредѣленной цѣнности съ условіемъ возврата равноцѣнности въ будущемъ. Разнообразіе явленій, относящихся къ области кредита—понятная причина, почему такъ трудно дать всеобъемлющее опредѣленіе кредита и почему въ экономической литературѣ мы встрѣчаемъ массу опредѣленій этого понятія, отбѣняющихъ ту или другую сторону экономическихъ явленій, при которыхъ можно говорить о кредитѣ *).

Возвратъ равноцѣнности есть основное условіе нормальной кредитной сдѣлки; другими словами: послѣдняя предполагаетъ увѣренность кредитора, что должникъ захочетъ и будетъ въ состояніи выполнить принятыя на себя обязательства. Гарантіей на случай нежеланія уплаты долга служатъ различныя юридическія формы, въ которыя облакаются кредитныя сдѣлки.

Что касается до второй, экономической, стороны дѣла, то кредиторъ можетъ видѣть обезпеченіе прежде всего или въ хозяйственной личности заемщика, т.-е., оказывая кредитъ, разсчитывать на личныя въ тѣсномъ смыслѣ качества заемщика, его умъ, знаніе, предприимчивость, честность и т. п., въ связи съ принадлежащимъ ему имуществомъ. Это будетъ тотъ видъ кредита, который экономическая наука опредѣляетъ терминомъ—личный кредитъ.

*) См. Э. Р. Вреденъ: „Финансовый кредитъ“. Спб. 1871 г. *Его же*: „Курсъ политической экономіи“, 2-е изданіе 1880 г., стр. 334 и слѣд. С. Книес: „Der Credit“. Berlin 1876. Erste Häfte, гл. I и II.

Но весьма возможно и въ дѣйствительности бываетъ нерѣдко, что кредиторъ, даже разсчитывая на хозяйственную въ указанномъ смыслѣ личность заемщика, не настолько увѣренъ въ его состоятельности, чтобы довѣрить въ его распоряженіе свой капиталъ. Является потребность въ усиленіи гарантіи, въ дополнительномъ обезпеченіи: чтобы создать его, изъ имущества должника выдѣляется определенная часть, на которую кладется запретъ и изъ цѣнности которой, въ крайнемъ случаѣ, можно получить условленное, буде должникъ не захочетъ или окажется не въ состояніи инымъ путемъ удовлетворить кредитора. Такимъ образомъ возникаетъ второй видъ кредита—кредитъ реальный (вещественный, залоговой).

Не трудно видѣть, что приведенное раздѣленіе кредита на два вида, кромѣ юридическихъ основаній—залога въ одномъ случаѣ и отсутствія такового въ другомъ—имѣетъ и вполне экономическую основу и что реальный кредитъ вовсе не исключаетъ личный элементъ. Въ обоихъ случаяхъ расчетъ ведется на хозяйственную личность заемщика, обращеніе же взысканія на объектъ залога, или имущество должника, съ экономической точки зрѣнія можетъ служить очевиднымъ доказательствомъ, что при кредитной сдѣлкѣ нарушены нормальныя отношенія или во внѣшней обстановкѣ произошли такія разрушительныя для сдѣлки измѣненія, которыя были упущены изъ виду или же наступленіе которыхъ нельзя было предвидѣть въ моментъ ея заключенія. Подобные факты—во всякомъ случаѣ болѣзненные симптомы въ жизни кредита, и если они становятся частымъ, обыденнымъ явленіемъ, то возникаютъ такъ-называемые экономическіе кризисы, кредитная нужда и т. п.

Конечно, въ дѣйствительности существуютъ, какъ извѣстно всякому, ссудныя сдѣлки, при самомъ возникновеніи которыхъ кредиторъ уже знаетъ почти навѣрное, что безъ принудительной продажи залога дѣло не обойдется. Но подобныя операціи не слѣдуетъ смѣшивать съ кредитомъ,—это будетъ ростовщичество. Коренное отличіе его отъ кредита именно въ томъ и состоитъ, что возмѣщеніе ссуды изъ имущества должника при немъ можно считать вполне естественнымъ послѣдствіемъ сдѣлки, тогда какъ при кредитѣ, все равно личномъ или реальномъ, ссудная операція совершается прежде всего въ расчетѣ на доходъ, а не на имущество заемщика.

При реальномъ кредитѣ дополнительнымъ обезпеченіемъ можетъ служить двоякаго рода имущество—бездоходное, или же такое, которое само по себѣ представляетъ самостоятельный источникъ дохода, достаточный для выполнения обязательствъ по займу, независимо отъ другихъ составныхъ частей хозяйственного дохода заемщика.

Въ первомъ случаѣ, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., при залогѣ движимости въ ломбардахъ, мы имѣемъ дѣло въ нѣкоторомъ отношеніи съ переходною ступенью отъ личнаго кредита къ реальному: какъ и въ личномъ кредитѣ; основное обезпеченіе возврата ссуды заключается здѣсь въ общемъ доходѣ заемщика, а сходная черта съ реальнымъ кредитомъ, въ тѣсномъ смыслѣ, что роль дополнительнаго страховаго обезпеченія ссуды играетъ опредѣленное имущество должника.

Мы встрѣчаемъ въ экономической литературѣ разнообразныя подраздѣленія кредита на виды съ различныхъ точекъ зрѣнія *). Съ своей стороны, кромѣ подраздѣленія кредита на личный и реальный, прежде чѣмъ обратиться собственно къ поземельному кредиту, я считаю нужнымъ остановиться еще на одномъ подраздѣленіи, въ зависимости отъ цѣлей, которымъ служитъ кредитъ. Всѣ экономическія явленія наука обыкновенно разбиваетъ на четыре обширныя группы—производство цѣнностей, распредѣленіе, обращеніе и потребление. Что касается до кредита, то, представляя одинъ изъ видовъ обращенія цѣнностей **), онъ можетъ оказывать услуги каждой изъ трехъ остальныхъ хозяйственныхъ сферъ. Такимъ образомъ, смотря по ближайшей непосредственной цѣли, кредитъ можно различать на производственный, распредѣлительный и потребительный. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ, конечно, сохраняетъ свою экономическую сущность, при чемъ даже внѣшняя форма кредитной сдѣлки нрѣдко сама по себѣ ничего не говоритъ о томъ, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ кредитомъ производственнымъ или потребительнымъ. Это весьма естественно, такъ какъ всѣ четыре категоріи экономическихъ явленій въ дѣйствительности постоянно переплетаются между собой и вліяютъ другъ на друга, отчего они далеко не всегда отчетливо проявляютъ свой основной характеръ. Тѣмъ не менѣе въ практическомъ отношеніи мы не можемъ не согласиться, что подраздѣленіе кредита съ точки зрѣнія ближайшей цѣли представляетъ

*) С. Книс: „Der Credit“. Erste Häfte, стр. 96—199.

**) Вреденъ: „Курсъ полит. экон.“, стр. 333.

большое значеніе *). Для народнаго хозяйства вовсе не безразлично, какою областью кредитъ показываетъ услугу, и потому для правильной оцѣнки его экономическаго значенія эта сторона вопроса заслуживаетъ большаго вниманія. Подраздѣленіе кредита на производственный и потребительный въ литературѣ встрѣчается нерѣдко **), причемъ экономисты, приводя это раздѣленіе, подъ производственнымъ кредитомъ разумѣютъ и тѣ явленія, которыя я считаю нелишнимъ выдѣлить въ особую группу распределительнаго кредита. Остановимся нѣсколько на общемъ значеніи каждаго изъ указанныхъ видовъ.

Къ потребительному кредиту относятся всѣ займы, дѣлаемые не ради основанія или развитія какого-либо производства, а для потребленія. Хотя въ интересахъ народнаго хозяйства и нельзя вообще не осуждать жизнь въ долгъ, на книжку, тѣмъ не менѣе въ известныхъ предѣлахъ и потребительный кредитъ имѣетъ вполне экономическое оправданіе. Въдѣ конечная цѣль всей хозяйственной дѣятельности человѣка—удовлетвореніе его нуждъ и потребностей. Чѣмъ полнѣе и своевременнѣе приобрѣтаетъ онъ все необходимое, тѣмъ скорѣе достигается имъ благосостояніе, а участіе въ этомъ можетъ принимать и потребительный кредитъ. Положимъ; кто-нибудь желаетъ меблировать свою квартиру и, не имѣя для этого достаточно средствъ, приобрѣтаетъ нужныя вещи въ кредитъ или дѣлаетъ съ этою цѣлью особый заемъ, а потомъ уплачиваетъ стоимость по частямъ изъ ежемѣсячныхъ сбереженій. Можно ли оправдать подобныя дѣйствія съ экономической точки зрѣнія? Не лучше ли начать съ конца, т. е. откладывать сперва эти сбереженія, чтобы впоследствии приобрѣсти на нихъ необходимую мебель?—Отвѣтъ на эти вопросы предвидѣть легко, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ послѣднемъ случаѣ придется лишній годъ или болѣе терпѣть неудобства или переплачивать за пользованіе чужою мебелью. Отъ этого избав-

*) „Die Gruppierung der Creditgeschäfte, welche zu ihrem Richtpunkt die verschiedenenartige Verwendungsweise des creditmässig-Erfangenen in der Hand des Schuldners hat, ist in mehrfacher Beziehung bedeutsam“ (*Knies*, стр. 114).

***) *Knies* различаетъ въ этомъ отношеніи кредитъ производственный и потребительный. Это же раздѣленіе находимъ мы и у *A. Wagner'a* („Handwörterbuch der Volkswirtschaftslehre Rentsch'a“, стр. 193). У *Шеффле*, однако, встрѣчаемъ уже тройкое раздѣленіе кредита на—*Productions* oder *Erwerbskredits*, *Zehrkredit* и *Abfindungskredit* (*Schäffle*: „*Nat.-Oek.*“, II. Aufl. §§ 214 и 215 и въ особенности „*Kapitalismus und Socialismus*“, стр. 552). У *Голдшмита* „*Productiv-consumtiv-und speculationscredit*“ (*Dr. I. Goldschmit*: „*Deutsche Hypothekenbanken*“. Jena 1880 г.).

ляетъ кредитъ, давая возможность съ наименьшими лиценіями и усилиями достигнуть наибольшихъ результатовъ. Еще важнѣе роль потребительнаго кредита, когда къ нему прибѣгаютъ въ слѣдствіе несовпаденія во времени тратъ съ получаемыми, даже вполне вѣрными и опредѣленными.

Всякому извѣстно, что въ настоящее время потребительный кредитъ, кромѣ частныхъ ломбардовъ и ростовщическихъ ссудныхъ кассъ подъ ручные залого, вызываетъ также, напримѣръ, весьма полезныя для участниковъ ссудосберегательныя кассы служащихъ. Этого рода кредитнымъ учрежденіямъ можно предсказать въ будущемъ широкое развитіе. Приведенныхъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно для уясненія себѣ экономическаго значенія потребительнаго кредита. Между тѣмъ послѣдній получаетъ нѣсколько ложное освѣщеніе, если на первомъ мѣстѣ, какъ это мы находимъ, между прочимъ у А. Вагнера *), къ нему отнести ссуды бѣднымъ или расточителямъ. Не можемъ также вполне согласиться и съ профессоромъ Вреденомъ, что ссуды на удовлетвореніе потребительскихъ нуждъ должны быть цѣликомъ отнесены въ область общественнаго призрѣнія **). Въ самомъ дѣлѣ, если казенныя ломбарды еще до нѣкоторой степени имѣютъ благотворительный характеръ, то признать всѣ ссудосберегательныя кассы для служащихъ за благотворительныя учрежденія было бы большою натяжкою, потому что члены-вкладчики здѣсь иногда получаютъ по своимъ вкладамъ большій процентъ, чѣмъ при помѣщеніи сбереженій въ облигаціи, и едва ли не всегда болѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ сберегательныхъ кассахъ.

Говоря о потребительномъ кредитѣ, нельзя, конечно, не упомянуть, что осторожное пользованіе имъ предполагаетъ довольно высокое хозяйственное развитіе и выдержанность кредитующагося лица. Неумѣренное пользованіе потребительнымъ кредитомъ, при доступности его, весьма соблазнительно, и потому широкое развитіе займовъ ради потребленія при низкомъ хозяйственномъ уровнѣ, въ особенности если такіе займы прикрываются благовидными формами производственнаго кредита, можно считать признакомъ гибельнаго направленія экономическаго развитія страны. Ни одинъ изъ видовъ кредита не вырождается такъ легко въ ростовничество со всѣми его печальными послѣдствіями, какъ потре-

*) *Rentsch*: „Handwörterbuch“, стр. 193.

**) „Курсъ пол. эк.“, II. Э., стр. 424 и слѣд.

бительный. Правда, и область производственного кредита не свободна от злоупотреблений; ими въ значительной степени объясняются довольно знакомые современнымъ экономистамъ явления такъ-называемаго чрезмѣрнаго производства (*überproduction*) и т. п., но разстройство народнаго хозяйства въ этихъ случаяхъ не столь глубоко или лучше сказать отличается не такимъ хроническимъ характеромъ.

Подъ производственнымъ кредитомъ надо разумѣть всѣ тѣ займы, которые доставляютъ постоянный или оборотный капиталъ для основанія или развитія какаго-либо производства. Не останавливаясь на болѣе подробномъ выясненіи этого вида кредита, такъ какъ здѣсь едва ли можно встрѣтить особенное разногласіе, перейдемъ къ опредѣленію того, что я называю распредѣлительнымъ кредитомъ.

Въ экономической области мы встрѣтимъ не мало такихъ операцій, которыя, создавая доходъ своимъ представителямъ, сами по себѣ не рассчитаны на производство и нерѣдко завѣдомо совершаются во вредъ какъ производителямъ, такъ и потребителямъ. Не говоря уже о биржевой игрѣ, даже спекуляція, въ особенности бумажными цѣнностями, почти всегда разрѣшается для одной изъ сторонъ лишь такого рода наживою, которая въ сущности представляетъ только переходъ цѣнности изъ однѣхъ рукъ въ другія, перекладываніе изъ одного кармана въ другой безъ всякаго прибавленія къ суммѣ народнаго дохода.

Въ результатъ подобной дѣятельности получается лишь нѣсколько отличное отъ прежняго *распределение* капиталовъ, безъ образованія новыхъ. Ни для кого не тайна, что спекулянты и биржевые игроки при своихъ оборотахъ весьма охотно пользуются кредитомъ. Можно ли послѣдній, принимая во вниманіе цѣли, какимъ онъ служитъ, считать производственнымъ или потребительнымъ кредитомъ? Мы не находимъ это вполне удобнымъ, почему и позволимъ себѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда кредитъ на первомъ мѣстѣ оказываетъ вліяніе на распредѣленіе, выдѣлять его въ особую категорію *распредѣлительнаго кредита*. Если потребительный кредитъ, дѣйствуя въ однихъ случаяхъ въ интересахъ народнаго хозяйства, въ другихъ, разоряя неблагоразумныхъ должниковъ, наноситъ ему чувствительныя раны, то въ свою очередь и распредѣлительный кредитъ можетъ оказывать услуги не однимъ только спекулянтамъ и игрокамъ.

Само собою разумѣется, что въ интересахъ народнаго хозяйства вполне естественно желать возможно меньшаго развитія распределительнаго кредита, въ томъ направленіи, какое характеризуютъ приведенные выше примѣры, но еще болѣе желательно самое широкое развитіе такихъ проявленій распределительнаго кредита, которыя ведутъ къ ослабленію темныхъ сторонъ современнаго распределенія, давая рабочему возможность стать въ болѣе самостоятельное положеніе отъ предпринимателя и получать большую долю при распределеніи продуктовъ производства. Конечно, при болѣе равномерномъ распределеніи экономическихъ благъ весьма вѣроятно, и мы убѣждены въ томъ, выиграетъ не только потребленіе, но и самое производство, тѣмъ не менѣе разъ возникаютъ кредитныя учрежденія или вообще оказывается кредитъ съ цѣлью ослабить темныя стороны распределенія богатствъ, мы не должны смѣшивать такой кредитъ съ производственнымъ. По своему глубокому социальномъ-экономическому значенію, которое подобный кредитъ можетъ имѣть въ будущемъ, онъ вполне заслуживаетъ быть выдѣленнымъ въ особую категорию *распределительнаго кредита* *).

Разобранные три вида кредита, представляя каждый свое *raison d'être*, играютъ не одинаковую роль въ различныхъ эпохи экономическаго развитія и въ различныхъ странахъ. На болѣе низкихъ ступеняхъ экономическаго развитія господствуетъ почти исключительно одинъ потребительный кредитъ. Съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе развивается кредитъ производственный; что же касается до распределительнаго, то въ немъ мы видимъ продуктъ новѣйшаго времени. Не совсѣмъ параллельное развитіе разсматриваемыхъ категорій не значитъ однако, чтобы производственный кредитъ своимъ появленіемъ вытѣснилъ потребительный, или распределительный упразднилъ первые два. Съ расширеніемъ и совершенствованіемъ цѣлей кредита развиваются и формы кредита для достиженія прежнихъ цѣлей. Повторяемъ однако, что распределительный кредитъ можно считать характерною чертою нашего времени, и онъ въ особенности заслуживаетъ вниманія со стороны науки теперь, когда вопросы распределенія выдвигаются на первый планъ не одними теоретиками, но и самую жизнь.

* То, что *Schäffle* („*Kapital und Social*“, 552) называетъ *Abfindungscredit* — кредитъ, вызываемый переходомъ недвижной собственности въ другія руки, конечно занимаетъ въ этой категоріи видное мѣсто, но не исчерпываетъ ее.

Сдѣлавъ общій очеркъ наиболѣе существенныхъ категорій кредита вообще, обратимся теперь къ поземельному кредиту и посмотримъ, къ какому изъ разобранныхъ видовъ слѣдуетъ его отнести. Поземельный кредитъ, обнимая собою всѣ разнообразныя кредитныя сдѣлки, гдѣ земля служитъ дополнительнымъ обезпеченіемъ ссуды, прежде всего представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ видовъ реального кредита.

По сущности реального обезпеченія, какъ мы видѣли, кредиторъ въ крайнемъ случаѣ рассчитываетъ на удовлетвореніе себя изъ цѣнности заложенного имущества, для чего послѣднему необходимо обладать двумя качествами: оно должно быть отчуждаемо и имѣть мѣновую цѣнность. Земля не во всѣ эпохи культурнаго развитія обладаетъ въ одинаковой степени означенными качествами. Первоначально она обыкновенно не представляетъ мѣновой цѣнности, въ ближайшую же затѣмъ эпоху общественный и государственный строй ограничиваетъ и стѣсняетъ право отчужденія земельного имущества.

Такъ на континентѣ Европы, какъ извѣстно, земля сравнительно недавно была болѣе или менѣе освобождена отъ разнаго рода стѣснительныхъ отношеній и обязательствъ и могла сдѣлаться вполнѣ мѣновою цѣнностью *). Пока право владѣнія землею было сословною привилегіей, и на крестьянскихъ земляхъ тяготѣли разнообразныя и многочисленныя повинности въ пользу помѣщичьихъ имѣній, сфера дѣйствія поземельнаго кредита была сравнительно ограничена. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что хотя въ зародышѣ земельный кредитъ существовалъ уже въ Греціи, значительное развитіе на континентѣ Европы онъ получилъ только въ недавнее время. И между тѣмъ, какъ коммерческій, вексельный и ломбардный кредитъ существуетъ уже нѣсколько столѣтій, всего лишь двѣнадцать лѣтъ назадъ можно было праздновать столѣтнюю годовщину возникновенія въ Европѣ перваго специально-земельно-кредитнаго учрежденія. Но и въ теченіе этихъ

*) Выкупной операциі повинностей, лежавшихъ на крестьянскихъ земляхъ въ Германіи, наприм., положилъ прочное основаніе саксонскій Gesetz über Ablösungen und Gemeinheitstheilungen vom 17 März 1832, послужившій образцомъ для остальной Германіи. Послѣднія выкупныя сдѣлки, принятыя Landrentenbank'омъ, который возникъ въ Саксоніи одновременно съ закономъ о выкупѣ, относятся къ 1 октября 1859 г., такъ что погашеніе ихъ завершится только къ 30 сент. 1914 г. (Смотри А. Judeich: „Die Landerentenbank im Königreich Sachsen“. Leipzig. 1862 г.) Тоже N. von Poschinger: Die Banken im Deutschenreiche, Oesterreich um der Schweiz. Zweit. Band. Das Königreich Sachsen.

сотни лѣтъ первоначально земельный кредитъ развивался очень медленно.

Недостаточное развитие поземельнаго кредита и господствовавшія прежде общія экономическія воззрѣнія естественно не представляли удобной почвы для выработки правильныхъ взглядовъ на поземельный кредитъ*.

Только въ послѣднее время значеніе поземельнаго кредита, предоставленнаго свободному развитію, могло разностороннѣ выясниться и послужить основаніемъ для болѣе обстоятельной теоріи земельного кредита. И не только наука, но и практическая жизнь почувствовала всю ложность или лучше сказать поверхностность по весьма существеннымъ пунктамъ прежней теоріи. Перемена воззрѣній выразилась довольно рельефно. Между тѣмъ какъ еще весьма недавно изслѣдованія поземельнаго кредита въ конечномъ результатѣ чаще всего сводились къ тому, что существующаго кредита недостаточно, что чѣмъ больше его, тѣмъ болѣе выигрываетъ народное хозяйство, — въ послѣднее время стали, даже изъ среды заемщиковъ, раздаваться громкіе голоса совѣтъ въ другомъ тонѣ. Теперь не рѣдкость услышать, что земельный кредитъ слишкомъ заполонилъ землевладѣніе, что значительная часть землевладѣльцевъ обратились въ фиктивныхъ собственниковъ, а настоящими собственниками земель сдѣлались земельно-кредитныя учрежденія и другіе кредиторы.

Кромѣ сравнительно слабаго развитія поземельнаго кредита, главная основная причина неправильныхъ воззрѣній на него, какъ я уже упоминалъ, заключалась въ производственной, если такъ можно выразиться, точкѣ зрѣнія, господствовавшей еще до недавняго времени въ экономической наукѣ. Не говоря уже о меркантилистахъ и физиократахъ, производство цѣнностей и условія содѣйствующія и препятствующія ему стояли на первомъ планѣ не только у Адама Смита, но и у большинства его послѣдователей. До какой степени экономисты могли увлечься производственною точкою зрѣнія, наглядно свидѣтельствуется утвержденіе Рикардо, что для страны совершенно безразлично, получится ли опредѣленный чистый доходъ за покрытіемъ содержания 5 или 7 милліоновъ населенія, т. е. произведутъ ли 5 милліоновъ людей и пищи и одежды для 10-ти милліоновъ или 7 милліоновъ — для 12-ти милліоновъ *). Какъ будто тотъ фактъ, что въ

*) *The works of David Ricardo*. London. 1876. „Principles of Political Economy and Taxation“, стр. 211.

послѣднемъ случаѣ будутъ сыты и одѣты не 10 милл., а 12— для страны вовсе ничего не значить!

Естественно, что при господствѣ подобныхъ взглядовъ и кредитъ разсматривался почти исключительно по его значенію для производства, и если при этомъ упоминалось, что ссуды иной разъ идутъ на нужды потребления и т. п., то это дѣлалось мимоходомъ, какъ бы о явленіи, выходящемъ изъ области экономической науки. Что касается до поземельнаго кредита, то сообразно съ общимъ воззрѣніемъ его стали приурочивать исключительно къ сельскому хозяйству, къ займамъ съ цѣлью добывать оборотный или постоянный капиталъ, необходимый для сельско-хозяйственнаго производства. Въ извѣстномъ «*Handwörterbuch der Volkswirtschaftslehre Rentzsch'a*», напримѣръ, статья «*Hypothekenbanken*» начинается такъ: «поземельный собственникъ нуждается такъ же, какъ и купецъ или промышленникъ, въ кредитъ, который обращается имъ частью для приобрѣтенія поземельнаго участка, частью для улучшенія его, для обработки, проведенія канавъ, удобрения, для возведенія сельско-хозяйственныхъ построекъ и т. п. *)».

Второю важнѣйшею причиною одностороннихъ взглядовъ на поземельный кредитъ можно считать игнорированіе строгимъ анализомъ употребленія ссудъ подъ обезпеченіе землею. Желательное изслѣдователи нерѣдко принимали за дѣйствительное. Само по себѣ то или другое обезпеченіе ссуды нисколько не предрѣшаетъ характера ея употребленія. Поэтому Рощеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что земельный кредитъ—обоюдоострое оружіе, которымъ съ одинаковымъ удобствомъ можетъ пользоваться и расточитель, и хорошій хозяинъ **).

Положеніе, выгодное для пропагандистовъ поземельнаго кредита, будто онъ служитъ главнымъ образомъ сельскому хозяйству въ смыслѣ усиленія его производительности—изъ западной литературы перешло и къ намъ. Дѣлопроизводитель комиссіи Высочайше утвержденной 10 іюля 1859 года для устройства земскихъ банковъ, В. П. Безобразовъ, въ своемъ сочиненіи: «Позе-

*) Подобный взглядъ мы находимъ и у Воловскаго (*Wolowsky*: „De l'organisation du crédit foncier“. Paris. 1848 г., стр. 48, *Enquête sur le crédit foncier*. Paris, 1850 г. у *Zeulmann'a*: „Die Landwirthschäflich. Creditanstalten 1866 г. у *S. B. Josseau*: „Traité du crédit foncier“, Paris. 1872 г., и у мн. другихъ.

**) *Roscher*: *Nationalökonomik des Ackerbaues*. Neunte Auflage 1878 года, стр. 423.

мельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ», 1860 г., говорить: «пользованіе или употребленіе капитала для усиленія промышленной производительности должника, разсматриваемое съ строго-экономической точки зрѣнія, какъ единственная цѣль займа, есть также и единственное экономическое средство въ рукахъ должника къ возвращенію капитала и уплаты процентовъ». Чтобы поземельный кредитъ имѣлъ производительное вліяніе на земледѣліе, нужно, чтобы поземельный доходъ, за исключеніемъ даже изъ него процента на уплату долга, былъ выше того, который получается до займа; чтобы онъ не былъ раззорителенъ, необходимо, чтобы излишекъ дохода совершенно покрывалъ проценты. Черезъ 17 лѣтъ въ введеніи къ «Уставу русскихъ поземельныхъ банковъ», составленному комитетомъ създовъ представителей учреждений русскаго земельного кредита, говорится: «Земледѣліе по существу своему точно такъ же, какъ и всякая другая отрасль промышленности, нуждается въ кредитѣ, безъ помощи коего всякія улучшенія въ немъ задерживаются недостаткомъ необходимыхъ капиталовъ. Особыя условія земледѣльческихъ затратъ, медленно возвращающихъ капиталъ, употребленный на улучшенія, лишаютъ землевладѣльцевъ возможности оборачиваться путемъ краткосрочнаго кредита и потому земельно-кредитныя учрежденія, создаваемые для удовлетворенія потребностей кредита землевладѣльцевъ, по условіямъ открываемаго ими кредита, должны приспособляться къ этимъ исключительнымъ условіямъ возможности кредита *)»).

Приведенныя сужденія не случайныхъ изслѣдователей, а признанныхъ спеціалистовъ, высказываемыя одно въ 1860 году, а другое въ 1877 году, обнаруживаютъ то же самое преобладаніе производственной точки зрѣнія, о которой я говорилъ выше.

Нужно замѣтить, что нѣмецкой литературѣ, установившей этотъ взглядъ, принадлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и честь впервые поднять громкій голосъ противъ односторонней теоріи поземельнаго кредита. Въ 1869 году вышло въ свѣтъ сочиненіе извѣстнаго нѣмецкаго экономиста Ротбертуса: «Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes», которое дало сильный толчокъ новому направленію въ литературѣ по поземельному кредиту. Съ свойственною этому ученому глубиной и оригинальностью, онъ указалъ, не ограничиваясь сельско-хозяйственною точ-

*) „Уставъ русскихъ земельныхъ банковъ“. Спб. 1877 г., стр. 5.

кой зрѣнія, и на общее социальное значеніе земельного кредита. Выясненіе того подчиненія землевладѣльца капиталисту, которое возникаетъ какъ послѣдствіе задолженности при господствующихъ, неправильныхъ, по его мнѣнію, воззрѣніяхъ на землю, какъ на капиталъ, — представляетъ одну изъ весьма интересныхъ сторонъ изслѣдованія Ротбертуса. Не думаемъ, чтобы мѣры, рекомендуемыя Ротбертусомъ противъ развивающейся зависимости земли отъ капитала, могли привести къ цѣли; тѣмъ не менѣе, благодаря отчетливому указанію на опасныя социально-экономическія послѣдствія этой зависимости, послѣ него едва ли возможно вопросъ объ этомъ ставить на одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ сколько-нибудь обстоятельномъ изслѣдованіи поземельнаго кредита. Другая важная заслуга Ротбертуса, тѣсно связанная съ первою — правильная въ общемъ постановка вопроса о причинахъ земельной задолженности. Господствовавшее до него отождествленіе поземельнаго кредита съ сельско-хозяйственнымъ имѣло бы еще какое-либо солидное основаніе, еслибы землевладѣлецъ и сельскій хозяинъ представляли всегда одно и то же лицо. Но, разъ это въ дѣйствительности встрѣчается не всегда, — совершенно естественно сомнѣніе въ томъ, чтобы ссуды землевладѣльцамъ затрачивались ими главнымъ образомъ на потребности сельскаго хозяйства. Задавшись вопросомъ о причинахъ задолженности землевладѣнія, Ротбертусъ употребилъ весьма правильный приемъ. Онъ обратился за отвѣтомъ къ окружавшей его дѣйствительности, и уже тѣхъ сравнительно небогатыхъ статистическихъ данныхъ, которыя ему удалось собрать, оказалось достаточно, чтобы отвергнуть господствовавшій взглядъ о преимущественной роли сельско-хозяйственныхъ затратъ въ развитіи задолженности. Основываясь на извѣстныхъ ему фактахъ, Ротбертусъ указываетъ на четыре главныхъ причины земельной задолженности: 1) дурное веденіе хозяйствъ, 2) несчастные случаи, 3) земельныя улучшенія и 4) переходы земельной собственности (отчужденіе и наследственные раздѣлы). «Между этими причинами, — говоритъ онъ, — о первой, какъ показываетъ опытъ, не стоитъ упоминать. Большее значеніе имѣютъ несчастные случаи и улучшенія, но и они ведутъ къ земельной задолженности въ гораздо меньшей степени, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Вызываемыя ими траты въ «хорошіе» годы покрываются избыткомъ, а въ «дурные» чаще при посредствѣ личнаго, чѣмъ реального кредита. И только за недостаткомъ по тѣмъ или другимъ причинамъ личнаго кредита,

несчастія и улучшения ведутъ къ земельной задолженности. Живымъ доказательствомъ этого служитъ англійское сельское хозяйство. Всѣмъ извѣстна ея высокая земледѣльческая культура и то, до какой степени она находится въ рукахъ фермеровъ, а не самихъ землевладѣльцевъ. Фермеры же не могутъ заключать поземельныхъ долговъ, однако они предпринимаютъ въ Англии затраты на улучшения, требующія многолѣтняго погашенія, и въ этихъ случаяхъ имъ содѣйствуютъ тѣ же кредитныя учрежденія, которыя служатъ личному кредиту—система сельскихъ банковъ. У насъ же, — продолжаетъ Ротбертусъ, — гдѣ не существуетъ въ сельской средѣ подобныхъ учреждений личного кредита и гдѣ хозяйство ведется преимущественно самими владѣльцами и право залога, слѣдовательно, остается за сельскими хозяевами, — несчастія и улучшения чаще ведутъ къ задолженности, но ее не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать. Гораздо большая часть земельной задолженности у насъ, гдѣ существуетъ свобода поземельной собственности, является, — утверждаетъ Ротбертусъ, — результатомъ наслѣдственныхъ раздѣловъ и отчужденій, — другими словами, изъ наслѣдственныхъ долей и недоплатъ покупной цѣны» *). Таковы воззрѣнія Ротбертуса на относительное значеніе различныхъ причинъ задолженности землевладѣнія. Посмотримъ, до какой степени взгляды Ротбертуса справедливы. Въ настоящее время изъ всѣхъ государствъ наиболѣе полныя статистическія данныя относительно гипотечныхъ долговъ мы находимъ въ Австріи. Обратимся поэтому къ австрійскимъ даннымъ за отвѣтомъ на интересующій насъ вопросъ. Первенствующее значеніе въ развитіи поземельной задолженности Ротбертусъ приписалъ мобилизаціи земли. Что различнаго рода переходы недвижимой собственности не остаются безъ участія въ увеличеніи суммы гипотечныхъ долговъ, это совершенно справедливо и между прочимъ подтверждается соотвѣтственнымъ до извѣстной степени измѣненіемъ стоимости перешедшихъ имуществъ и суммы записанныхъ вновь долговъ; Такъ, въ Австріи, гдѣ существуетъ лучшая въ Европѣ статистика задолженности недвижимой собственности, мы видимъ слѣдующее параллельное измѣненіе стоимости перешедшихъ въ другія руки недвижимыхъ имуществъ и суммы записанныхъ гипотечныхъ долговъ:

*) *Rotbertus-Jagetzow*: „Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes“. Jena. 1869 г., т. I, стр. 15.

ГОДЫ.	Цѣна перемедныхъ въ другія руки недвижимыхъ имуществъ (Liegenschaft) была.	Сумма записанныхъ ипотечныхъ долговъ.
1873 . .	573.739.627 гульд. . .	447.584.485 гульд.
1874 . .	417.038.629 » . .	417.369.875 »
1875 . .	355.505.024 » . .	387.270.556 »
1876 . .	324.253.529 » . .	342.267.091 »
1877 . .	304.930.579 » . .	283.849.658 »
1878 . .	282.725.119 » . .	292.140.628 »
1879 . .	262.720.937 » . .	258.196.006 » *)

Но таково ли относительное значеніе мобилизація земли въ развитіи поземельныхъ долговъ, какъ это полагаетъ Ротбертусъ и въ особенности его чрезъ мѣру усердные послѣдователи? Посмотримъ, какъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ тѣ же австрійскія статистическія данныя.

Въ 1878 и 1879 годахъ въ Австрійской имперіи, за исключеніемъ областей, гдѣ еще не введены ипотечныя книги, было записано въ эти книги 550.336.634 гульд., въ томъ числѣ:

1. Ипотечныхъ долговъ (durch Hypothekar-Darlehen) 304.262.212 гул., или 55,2%.
2. Вслѣдствіе разныхъ договоровъ (купля-продажа сюда не вход.) 69.317.358 » » 12,7%.
3. Исковыя обезпеченія 52.838.557 » » 9,6%.
4. При куплѣ-продажѣ 79.757.756 » » 14,5%.
5. При наслѣдованіи (durch Erbtheilen und Vermächtrisse) . . 44.160.751 » » 8,0%.

Такимъ образомъ уже приведенныя цифры, относящіяся къ недвижимости вообще, показываютъ, что такъ-называемый Abfindungscredit (строки 4 и 5) играетъ вовсе не первенствующую роль и на него приходится изъ общей цифры долговъ лишь 21%. Если исключить городскую и горную недвижимость, то на сельскую недвижимость изъ 550.336.634 гульденовъ долга придется 437.858.750 флор.; изъ нихъ:

1. Ипотечныхъ долговъ 237.378.190 фл., или 54,31%.
2. Вслѣдствіе разныхъ договоровъ (кромѣ купли-продажи) . . . 53.976.315 » » 12,33%.
3. На исковыя обезпеченія . . . 42.416.658 » » 9,69%.
4. На недоплаченныя деньги . . 63.662.033 » » 14,54%.
5. Вслѣдствіе раздѣловъ и т. п. 40.425.557 » » 9,23%.

*) *Statistische Monatschrift*, herausgegeben vom Bureau der Kk. Statistischen Central-Commission. IV. Jahrgang. 1880, Nowember—Heft., стр. 509.

Самое слабое вліяніе мобилизація земли оказываетъ на задолженность крупной поземельной собственности. Изъ 550.336.634 гульденовъ долга на нее приходится 95.575.814 флориновъ, которые распадаются такъ:

1. Гипотечныхъ долговъ	79.611.149 фл., или	83,30%
2. Вслѣдствіе разныхъ договоровъ	8.507.608 » »	8,88%
3. На исковыя обезпеченія . . .	4.316.446 » »	4,51%
4. На недоплаченные деньги . .	2.177.274 » »	2,27%
5. Вслѣдствіе раздѣловъ и т. п.	963.337 » »	1,04%

Здѣсь уже Abfindungscredit составляетъ около 3¹/₂%. Не безъинтересно отмѣтить, что слабое вліяніе на развитіе задолженности, переходовъ поземельной собственности, замѣчается не только при сравненіи процентнаго отношенія разсматриваемыхъ 5 видовъ этой задолженности, оно обнаруживается и при сравненіи тѣхъ частей покупной цѣны, которые не уплачиваются наличными деньгами, а остаются въ долгу и записываются въ ипотечныя книги при переходахъ различнаго рода недвижимыхъ имуществъ путемъ купли-продажи. Такъ, въ 1878 и 1879 годахъ по австрійскимъ ипотечнымъ книгамъ при куплѣ-продажѣ:

	На сумму.	Ипотекою было обезпечено.
1. Крупн. поз. соб.	36.228.727 фл.	2.177.274, или 6,01%
2. Городскихъ. . .	115.756.365 »	15.364.269 » 13,27%
3. Мелк. и ср. п. с.	300.377.415 »	61.484.759 » 20,47%
4. Горныя имѣнія .	2.655.021 »	731.454 » 27,55%*).

Эти данныя свидѣтельствуютъ, что въ Австріи покупка на наличныя деньги при продажѣ крупной земельной собственности преобладаетъ болѣе, чѣмъ при всѣхъ другихъ, и что приобретаатели мелкой и средней земельной собственности болѣе всего нуждаются при куплѣ-продажѣ въ содѣйствіи кредита.

Такимъ образомъ статистическія данныя, относящіяся до таковаго значительнаго государства, какъ Австрія, могутъ служить лучшимъ опроверженіемъ второй половины того положенія, «что причина непрерывнаго и прогрессивнаго возрастанія земельныхъ долговъ кроется не въ сельскохозяйственныхъ улучшеніяхъ, какъ полагаетъ господствующая (?) экономическая школа, а въ мобилизаціи земли» **). Утверждать послѣднее значить изъ одной

*) См. *Statistische Monatschrift*. 1880 г. November—Heft.

**) Н. Ершовскій: „Къ вопросу о поземельномъ кредитѣ“. Одесса. 1881 г. Въ виду того, что озаглавленное сочиненіе печатано по опредѣленію совѣта Новороссійскаго университета и, кажется, не вызвало никакой критики, кромѣ

крайности и односторонности впадать въ другую. Чему же правильнѣе приписать главную роль въ образованіи громадной валовой суммы земельной задолженности въ западной Европѣ?

Изъ 95¹/₂ милл. флор. долговъ, принятыхъ на себя крупной поземельною собственностью въ Австріи въ 1878—79 гг., 83%, приходится на ипотекарные долги. Причина этой категоріи долговъ кроется, по объясненію Dr. I. Winler'a *)), въ дѣйствительной нуждѣ поземельныхъ собственниковъ въ деньгахъ. Сама по себѣ цифра эта слишкомъ валовая, и было бы крайне интересно разбить ее на составныя части, чего однако нельзя сдѣлать, основываясь на австрійскихъ поземельныхъ книгахъ, — обратимся поэтому къ косвеннымъ соображеніямъ.

Въ указанные 95¹/₂ милл. фл., безъ сомнѣнія, входятъ займы, сдѣланные на сельскохозяйственныя улучшенія; но въ этомъ отношеніи нельзя не признать вполне основательнымъ мнѣніе Ротбертуса о второстепенной роли сельскохозяйственныхъ улучшеній въ развитіи земельной задолженности. Стоитъ вспомнить хотя бы исторію возникновенія первыхъ земельно-кредитныхъ учреждений въ Германіи, чтобъ убѣдиться, что они вызваны во все не потребностью сельскихъ хозяевъ въ средствахъ на улучшение. Семилѣтняя война и паденіе цѣнъ на хлѣбъ не могли не уменьшить обычный доходъ землевладѣльцевъ; а такъ какъ этому едва ли соответствовало параллельное сокращеніе потребностей, то для покрытія дефицита въ доходѣ оставалось обычное

одобрительныхъ отзывовъ, считаю нужнымъ замѣтить здѣсь, что пользоваться интереснымъ изслѣдованіемъ г. Ершовскаго слѣдуетъ съ большою осторожностью. Авторъ грѣшитъ слишкомъ поспѣшными выводами и не совсемъ внимательно относится въ статистическимъ даннымъ. Для приквѣра укажу хотя бы на стр. 5—7, гдѣ не дѣлается яснаго раздѣленія земельныхъ задолженностей отъ ипотечныхъ долговъ вообще. Поспѣшность видна и во многомъ другомъ. Такъ едва ли справедливо мнѣніе г. Ершовскаго, что ученіе Ротбертуса о поземельномъ кредитѣ было встрѣчено въ нѣмецкой литературѣ „почти всеобщимъ молчаніемъ, совершенно равнодушно“, и стало приобретать поклонниковъ только въ послѣднее время.—Въ опроверженіе этого достаточно указать хотя бы на то, что сочиненіе Ротбертуса явилось въ 1869 г., а въ 70 годахъ почти всѣ нѣмецкіе экономисты, включая сюда и Schäffle—, „Kapitalismus und Socialismus“, 1870 г., останавливавшееся на вопросѣ о поземельномъ кредитѣ, далеко не игнорируютъ воззрѣніями Ротбертуса. См., напр., *Knies, Roscher, Golschmitt, Z. Stien* и др. Да и въ русской литературѣ на изслѣдованіе Ротбертуса о поземельномъ кредитѣ было обращено вниманіе даже въ университетскомъ курсѣ. См. *Э. Р. Вреденъ: „Курсъ пол. эк.“*. Спб. 1874 г., второе изданіе 1880 г.

*) *Stat. Monatschrift*, стр. 510.

въ подобныхъ случаяхъ средство — займы. Послѣдніе обставлялись обыкновенно довольно тяжелыми условіями. Не легко было отыскать кредитира изъ-за 10% годовыхъ и съ уплатою 2—3% за комиссію *).

И вотъ, съ цѣлью помочь землевладѣльцамъ выйти изъ такого тяжелого положенія, возникли первыя кредитныя землевладѣльческія товарищества. Указанныя обстоятельства даютъ основаніе думать, что большая часть ссудъ изъ первыхъ земельно-кредитныхъ учреждений вызывались не сельскохозяйственными улучшениями, а денежными затрудненіями землевладѣльцевъ. Но и впослѣдствіи, еслибы на эти улучшения шла хотя бы половина всѣхъ гипотечныхъ ссудъ, то мы не встрѣчали бы—рядомъ съ указаніемъ на быстрое развитіе земельной задолженности—сѣтованіе на чрезвычайно медленное усвоеніе самыхъ элементарныхъ улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ **)? Поэтому едва ли мы ошибемся, предположивъ, что наибольшая часть указанныхъ 95 милл. приходится собственно на потребительный кредитъ. Сюда же входятъ займы на постороннія сельскому хозяйству предпріятія, на покрытіе срочныхъ обязательствъ по сдѣланнымъ раньше долгамъ и всякаго рода дефицитовъ.

Нечего и говорить, что относительное значеніе различныхъ причинъ земельной задолженности можетъ быть до извѣстной степени разнообразнымъ, смотря по степени экономическаго и культурнаго развитія страны. Тамъ, гдѣ сельское хозяйство развивается слабо, гдѣ веденіе его оставляется на произволъ управляющихъ или земля сдается въ аренду такимъ лицамъ, которыя не рассчитываютъ даже извлекать доходъ изъ сельскаго хозяйства, а имѣютъ въ виду лишь наживу на разности при отдачѣ въ свою очередь земли въ субъаренду и т. п.;—тамъ, конечно, ничего мудренаго, если поземельный кредитъ окажется самъ по себѣ, а сельское хозяйство—само по себѣ.

Но каковы бы ни были причины земельной задолженности въ интересахъ народнаго хозяйства, организациія поземельнаго кредита должна покоиться на двухъ главныхъ основаніяхъ—долгосрочности и сложнопроцентномъ погашеніи долга (амортизациі). Въ противномъ случаѣ земельные кризисы въ формѣ частыхъ

*) Roscher: „Nationalökonomik des Ackerbaues“, ст. 440.

***) См., напр., рядъ интересныхъ статей въ *Allg. Zeitung* 1881 г., № 174 и слѣд.: „Zur Bauern-Nationalökonomie“.

массовыхъ продажъ заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ ипѣній съ молотка сдѣлались бы явленіемъ хроническимъ.

Прежняя теорія поземельнаго кредита, предполагавшая, что онъ главнымъ образомъ доставляетъ необходимый въ сельскомъ хозяйствѣ постоянный капиталъ, довольно послѣдовательно объясняла необходимость долгосрочности и амортизаціи медленнымъ возвратомъ затраченныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ капиталовъ. Но мы видѣли, что эта основная посылка не оправдывается ни теоретическими соображеніями, ни дѣйствительными фактами. Если же затрата земельной ссуды на сельское хозяйство есть явленіе непостоянное, то едва ли правильно обосновывать на случайномъ явленіи такія коренныя условія нормальной организаціи поземельнаго кредита, какъ долгосрочность и амортизація. Объясненіе ихъ надо искать въ экономическихъ свойствахъ земли, какъ орудія производства и источника дохода, почему мы остановимся на этомъ иѣскольکو подробно.

Экономическая наука, какъ извѣстно, различаетъ три основныя фактора производства: природу, трудъ и капиталъ. Подъ словомъ природа разумѣется преимущественно такое содѣйствіе естественныхъ силъ, которое въ томъ или въ другомъ отношеніи ограничено и доступно присвоенію. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ земля. Роль ея въ производствѣ экономическихъ благъ громадна, и при всемъ томъ она весьма удобно обращается въ частную собственность. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, земля, кромѣ значенія ея въ производствѣ, можетъ являться для своего владѣльца самостоятельнымъ источникомъ дохода—ренты.

Въ странахъ некультурныхъ, съ слабою населенностью и большимъ запасомъ земель—содѣйствіе природы даровое. Земли никѣмъ еще не занятой много и всякій имѣетъ возможность пользоваться ею не только сколько и какъ захочетъ, но почти и гдѣ захочетъ. Однако, по мѣрѣ экономического развитія страны и усиленія промышленной дѣятельности человѣка, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и тѣсной политической, экономической и моральной связи человѣка съ опредѣленною мѣстностью, въ его глазахъ пріобрѣтаетъ все большую и большую цѣнность тотъ клочокъ земли, на которомъ онъ основалъ свое хозяйство.

Важное значеніе земли для мѣстнаго населенія вызываетъ стремленіе завладѣть землею, обратить ее въ частную собственность не только ради обработки, но и ради господства надъ земледѣльческимъ населеніемъ. Здѣсь не мѣсто входить въ раз-

смотрѣніе различныхъ способовъ возникновенія права собственности на землю, или разбирать доводы за и противъ этого права. Но каково бы ни было возникновеніе права частной собственности на землю, слѣдуетъ признать неоспоримый фактъ, что та часть населенія, тотъ классъ, которому такъ или иначе удалось получить въ исключительное распоряженіе землю, сталъ въ силу этого въ болѣе выгодное экономическое положеніе сравнительно съ прочимъ населеніемъ страны *). Въ самомъ дѣлѣ, почти всякая промысловая дѣятельность человѣка требуетъ орудій производства, которыя дѣлаютъ трудъ болѣе производительнымъ, въ земледѣліи же главнымъ орудіемъ является земля; такимъ образомъ, цѣнность орудій (капитала), созданная прошедшимъ трудомъ, естественно входитъ въ цѣнность продуктовъ производства, полученныхъ при содѣйствіи ихъ. Цѣнность же земли, насколько послѣдняя есть результатъ даровыхъ силъ природы, не можетъ входить въ издержки производства и опредѣлять стоимость продуктовъ. Тѣмъ не менѣе при обмѣнѣ земледѣльческихъ продуктовъ на рынкѣ на другіе товары конкуренція даетъ возможность сбывать ихъ по такой цѣнѣ, которая какъ бы предполагаетъ соотвѣтственно съ другими производствами затрату капитала, не только оборотнаго, но и постояннаго. Это—естественное послѣдствіе законовъ спроса и предложенія. Рыночная цѣна продуктовъ земледѣлія, какъ предметовъ первой необходимости, зависитъ прежде всего отъ спроса въ томъ смыслѣ, что хотя съ возрастаніемъ спроса можетъ увеличиться и предложеніе, но добавочные продукты обыкновенно потребуютъ большихъ издержекъ производства, такъ какъ при этомъ придется обратиться къ менѣе удобнымъ участкамъ земель или къ прежнимъ приложить новые капиталы. вмѣстѣ съ этимъ поднимутся не только цѣны тѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ, которые добыты съ увеличенными издержками производства, но и всѣхъ однородныхъ продуктовъ, потому что рыночная цѣна сельскохозяйственныхъ произведеній опредѣляется наибольшими издержками по производству ихъ. Послѣдствіемъ будетъ, что сельскохозяйственные продукты окажутся относительно дороже, напр., фабричныхъ произведеній, т.-е. при затратѣ одного и того же капитала и рабочаго труда землевладелецъ получить болѣе чистый доходъ сравнительно съ фабрикантомъ, заводчикомъ и т. п. Эта разность чистаго дохода

*) *Karl Marx: Das Kapital. Zweite Aufl., стр. 227.*

отъ приложенія одного и того же труда и капитала въ земледѣліи и другихъ отрасляхъ промышленности и составляетъ самостоятельный доходъ землевладѣльцевъ, земельную ренту, которую не слѣдуетъ смѣшивать ни съ вознагражденіемъ за трудъ, ни съ прибылью на капиталъ. Иначе земельную ренту можно опредѣлить какъ часть дохода землевладѣльца, остающуюся за вычетомъ изъ валоваго дохода обычнаго вознагражденія за капиталъ и трудъ, вложенные въ сельское хозяйство.

Основаніе для правильнаго пониманія существа земельной ренты мы находимъ уже у творца экономической науки *). Но главнымъ развитіемъ теорія земельной ренты обязана послѣдователю А. Смита, Рикардо, почему въ исторіи экономической науки съ этимъ именемъ по справедливости связываютъ ученіе о земельной рентѣ. Своей постановкой вопроса онъ, можно сказать, произвелъ сенсацію въ экономической литературѣ и вызвалъ цѣлый рядъ защитниковъ и противниковъ своей теоріи. Нужно, однако, замѣтить, что будемъ ли мы сопоставлять авторитеты за и противъ основныхъ воззрѣній Рикардо или разбирать доводы его противниковъ по существу, мы должны будемъ отнести главные положенія Рикардо къ числу такихъ, которыя устанавливаются въ наукѣ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ ожесточеннѣе дѣлаются на нихъ нападки.

Къ такимъ положеніямъ я отношу зависимость ренты отъ рыночныхъ цѣнъ, тенденцію ренты къ повышенію вслѣдствіе экономического развитія страны, увеличенія народонаселенія и т. п.

Само собою разумѣется, что далеко не всѣ сторонники общихъ воззрѣній Рикардо принимаютъ ихъ вполнѣ, въ первоначальномъ видѣ. Изъ послѣдующихъ экономистовъ наибольшимъ, новидимому, своеобразіемъ отличается теорія Шефле, къ которой близко стоитъ и взглядъ профессора Вредена. Сущность этой теоріи заключается въ отрицаніи своеобразія или исключительности земельной ренты. По мнѣнію упомянутыхъ экономистовъ, ренту можетъ получать не одна только земля, — ее даетъ и трудъ, и капиталъ, такъ какъ рента по существу есть часть дохода,

*) *Adam Smith: An inquiry into the Nature and causes of the Wealth of Nations* гл. XI. Въ главѣ VI своего изслѣдованія А. Смитъ хотя въ рѣзкой формѣ, но правильно по существу говоритъ: „As soon as the land of any country was all become private property, the landlords, like all other men, love to reap where they never sowed, and demand a rent even for its natural produce“ (Fourth edition by Alex. Murray, стр. 38).

получаемая въ зависимости отъ исключительныхъ благоприятныхъ условій производства и сбыта *). Вполнѣ соглашаясь съ этимъ воззрѣніемъ, замѣчу однако, что оно, расширяя понятіе ренты, нисколько не исключаетъ необходимости и важности анализировать земельную ренту, какъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и важныхъ видовъ ренты вообще.

Останавливаясь на воззрѣніяхъ Шефле, Рошеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что между поземельною рентой и исключительнымъ доходомъ отъ труда и капитала всегда будетъ существенное различіе: въ послѣднемъ случаѣ личные заслуги получающихъ ренту и ея непостоянство составляютъ общее правило, а при поземельной рентѣ это лишь рѣдкое исключеніе **).

Нападки противниковъ теоріи земельной ренты хотя и не поколебали ее, тѣмъ не менѣе они принесли свою долю пользы, освѣтивъ недостатки теоріи Рикардо, вытекавшіе изъ чисто дедуктивнаго построенія ея.—При повѣркѣ индуктивнымъ путемъ логическихъ выводовъ, вытекавшихъ изъ нея, оказалось, что эти выводы въ дѣйствительности не имѣютъ такого безусловнаго значенія и требуютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оговорокъ. Я, напримѣръ, упоминалъ, что высота ренты зависитъ отъ рыночной цѣны на сельскохозяйственные продукты и что съ возвышеніемъ цѣны возрастаетъ и рента. Однако, говоря такъ, не слѣдуетъ подразумѣвать всякое возвышеніе цѣны. Послѣднее можетъ произойти отъ двухъ причинъ—увеличенія спроса и уменьшенія предложенія. Только возрастаніе спроса, если оно ведетъ за собою повышеніе рыночныхъ цѣнъ, поднимаетъ всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и ренту. Совершенно неосновательно поэтому утвержденіе нѣкоторыхъ противниковъ теоріи Рикардо, что довѣріе въ ней подрывается ужь одною парадоксальностью логическаго вывода изъ нея, будто бы для землевладѣльцевъ выгодны годы неурожая, вздорожанія и голодной нужды ***). Въ дѣйствительности при неурожаяхъ лишь немногіе землевладѣльцы, у которыхъ имѣются запасы или былъ исключительный урожай, могутъ выиграть на повышеніи цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, большинство же теряетъ, такъ какъ не можетъ воспользоваться возвышеніемъ цѣны за недостаткомъ продуктовъ для сбыта. Съ другой стороны

*) *Shäffle*: „Das Gesellschaftliche System“. Dritte Aufl. 1873 г., т. II, стр. 76, 129 и др. *Vredens*: „Курсъ пол. эк.“, стр. 234.

***) *Roscher*: „Grundlagen“, стр. 362.

***) *Max Wirth*. См. ст. „Grundrente“ у *Rentsch'a*, стр. 406.

рента может возвыситься, несмотря на пониженіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Пояснимъ сказанное на простомъ примѣрѣ. Положимъ себѣ, что землевладѣлецъ N въ обыкновенные годы остается на долю ренты 1.000 четв. хлѣба, который онъ и продаетъ по 6 рублей за четверть; обыкновенный доходъ будетъ 6.000 руб. въ годъ. Въ неурожайный годъ цѣна поднялась до 8 руб., но N можетъ продать только 700 четвертей и выручить слѣдовательно за нихъ 5.600, т.-е. на 400 руб. ниже обычной нормы дохода. Представимъ себѣ наоборотъ, что въ урожайный годъ средняя рыночная цѣна понизилась до 5 руб. за четверть, а у N осталось 1.300 четвертей. Рента его при этихъ условіяхъ увеличивается на 500 руб. противъ средняго размѣра, несмотря на паденіе рыночныхъ цѣнъ на хлѣбъ. Въ дѣйствительности комбинація разнообразныхъ условій, конечно, бываетъ гораздо сложнѣе, чѣмъ въ нашемъ примѣрѣ, но сущность остается та же самая.

Такимъ образомъ, несмотря на тѣсную связь ренты съ цѣною на сельскохозяйственные продукты, колебаніе послѣдней не всегда совпадаетъ съ однороднымъ колебаніемъ ренты. Однако всѣ причины, отражающіяся на цѣнахъ земледѣльческихъ произведеній и т. п., не остаются безъ вліянія на ренту, увеличивая ее, задерживая ея ростъ и даже иногда временно понижая ее. Нельзя поэтому говорить о возрастаніи земельной ренты изъ года въ годъ: урожай или неурожай въ сосѣднихъ странахъ, заатлантическая конкуренція и т. п. — всѣ эти причины въ различныхъ направленіяхъ вліяютъ на движеніе земельной ренты въ европейскихъ странахъ. Какъ бы то ни было, статистическія данныя неоспоримо доказываютъ, что, несмотря на извилистость линіи, которою пришлось бы графически изобразить измѣненія во времени земельной ренты въ нашей части свѣта, общее направленіе этой линіи для значительныхъ періодовъ показываетъ возрастаніе земельной ренты, которое нельзя въ значительной степени же ставить въ зависимость отъ постепеннаго культурнаго развитія страны, увеличенія народонаселенія и т. п. Фактъ этотъ, кромѣ своего весьма важнаго соціально-экономическаго значенія, имѣетъ непосредственное отношеніе и къ теоріи поземельнаго кредита. Приведемъ поэтому для подтвержденія его нѣсколько доказательствъ. Въ Англій, напримѣръ, поземельная рента въ 1800 году опредѣлялась въ 500 милл. фл., а въ 1875 году достигла 1.500 милл. фл., т.-е. утроилась. Въ Бельгіи съ 1830 г. по 1866 годъ арендная плата

повысилась на 88%. Во Франці, по официальнымъ даннымъ, доходъ съ сельскохозяйственной недвижимости въ 1815 г. простирался до 1.500 милл. фр., а въ 1874 г. достигъ до 2.750 милл. фр., т.-е. съ 1815 г. почти удвоился.

Было бы неботоржною поспѣшностью относить все это возрастаніе поземельнаго дохода на приростъ одной только земельной ренты: въ увеличеніи земельного дохода въ приведенныхъ примѣрахъ нѣкоторую роль, конечно, игралъ и тотъ капиталъ, который вложенъ за это время въ землю*). Но было бы еще менѣе основательно относить все возрастаніе на проценты со вложенныхъ капиталовъ и приписывать ничтожное значеніе увеличенію народонаселенія, усилению промышленности и т. п. Вліяніе послѣднихъ обстоятельствъ яснѣе всего обнаруживается на возвышеніи ренты въ такихъ странахъ, гдѣ сельское хозяйство стоитъ сравнительно на низкой степени развитія.

Едва ли кто-нибудь станетъ утверждать, что въ Россіи до и послѣ освобожденія сельское хозяйство поглотило большіе капиталы на такія прочныя улучшенія, какъ дренажъ, орошеніе, искусственные туки и т. п. Между тѣмъ рента почти повсемѣстно повысилась; на это указываетъ: 1) возвышеніе арендныхъ цѣнъ на землю и 2) возрастаніе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, которое нельзя объяснить одними неурожаями. Такъ въ 1841 году средняя цѣна за четверть ржи въ Рыбинскѣ стоила $2\frac{1}{4}$ — $2\frac{1}{2}$ руб., а въ 1871 году 4,3—6,25 руб., т.-е. возрасла на 150%. Но возьмемъ даже меньшій періодъ. Сопоставляя цѣны на хлѣбъ въ томъ же пунктѣ въ 1861 и въ 1871 гг., мы найдемъ, что за означенное десятилѣтіе цѣна пшеницы повысилась на 25%, а ржи на $26\frac{1}{2}$ %**. 3) Возвышеніемъ капитальной цѣнности земли. Сравненіе средней выкупной ссуды на десятину земли съ банковской оцѣнкою показываетъ, что въ 24 губерніяхъ банковая оцѣнка оказывается выше выкупной***). А такъ какъ при опредѣленіи выкупной оцѣнки послѣдняя по самому существу дѣла не могла быть выше среднихъ дѣйствительныхъ цѣнъ на землю, то указанный мною результатъ сравненія неоспоримо показываетъ на относительное возрастаніе съ тѣхъ поръ цѣнности

*) См. напр. *Paul Leroy-Beaulieu*: „Essai sur la répartition de richesse“. Paris, 1881 г., chap. III.

***) *А. П. Субботинъ*: „Курсъ промышленной экономіи“, стр. 110.

***) См. мою статью: „По вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей“ (*Русская Мысль* 1881 г., кн. IX, стр. 412 и слѣд.)

земли, что въ данномъ случаѣ равносильно увеличенію земельной ренты.

Вообще изученіе условій сельскаго хозяйства въ Россіи въ связи съ общими экономическими условіями страны приводитъ къ убѣжденію, что въ нашемъ отечествѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, ростъ ренты обезпеченъ на долгое время. Но даже и въ западной Европѣ убѣжденіе въ тенденціи ренты къ возрастанію не только высказывается большинствомъ экономистовъ, но подтверждается, можно сказать, и гласомъ народа. Въ самомъ дѣлѣ, при продажѣ земельныхъ участковъ, довольно обыкновенное явленіе, что за землю при покупкѣ даютъ сумму большую той, какая получается изъ капитализаціи ренты по среднему обычному проценту. Если это обуславливается иногда потребностью въ прикупкѣ необходимыхъ участковъ, ради округленія смежныхъ владѣній, то съ другой—главную роль играетъ здѣсь, по справедливому замѣчанію Ропера, основательный расчетъ, что земельная рента съ теченіемъ времени повысится, между тѣмъ какъ процентъ на капиталъ упадетъ. Такимъ образомъ, благодаря возрастанію ренты, положеніе землевладѣльцевъ уже въ силу одного этого относительно улучшается. Спрашивается, всякій ли землевладѣлецъ получаетъ ренту, или, другими словами, всякая ли земля одинаково приноситъ ренту? Если смотрѣть на ренту,—что мы находимъ между прочимъ у Рикардо *),—какъ на разность между доходомъ съ лучшихъ и худшихъ земель, то отсюда логическій выводъ, что худшія земли въ данной странѣ ренты давать не могутъ. Съ этимъ, однако, если и можно согласиться, то лишь съ оговорками. Крупному землевладѣльцу нѣтъ никакого расчета отдавать въ постороннія руки свою землю безъ вознагражденія, безъ полученія ренты: оставляя ее лежать впустѣ, онъ если и не будетъ получать ренты, за то избавится отъ излишнихъ хлопотъ. Безрентныя земли могутъ обрабатываться только тѣми землевладѣльцами, которые владыкаютъ въ землю свой собственный трудъ или капиталъ. Для нашего крестьянина есть расчетъ хозяйничать и на такой землѣ, чистый доходъ отъ которой будетъ соответствовать лишь сносной заработной платѣ, такъ какъ и при этихъ условіяхъ онъ все же получитъ выгоду передъ простымъ рабочимъ, оставаясь самостоятельнымъ лицомъ, хозяиномъ. Такимъ образомъ существованіе въ странѣ безрентныхъ

*) The works of. D. Ricardo. Principles of Political Economy and Taxation, стр. 36.

обрабатываемыхъ земель предполагаетъ опредѣленные условія землевладѣнія. При отсутствіи этихъ условій возможно, что безрентныя земли будутъ оставаться безъ обработки, а въ обработкѣ будутъ находиться лишь земли, дающія ренту. Съ другой стороны, при извѣстной населенности данной страны или сосѣднихъ съ ней и при относительномъ недостаткѣ земель безрентныхъ земель не будетъ вовсе, — однѣ будутъ давать ренту, какъ основаніе для сельскаго хозяйства, другія — какъ мѣсто для жительства.

Изъ сказаннаго видно, что опредѣленіе ренты, какъ разности доходовъ съ лучшихъ и худшихъ земель, надо признать неточнымъ. Поэтому гораздо лучше строго придерживаться того опредѣленія, которое я привелъ выше и которое мы находимъ между прочимъ у Робертуса и Рошера, а именно, что рента есть та часть обыкновеннаго чистаго дохода съ земли, которая остается за вычетомъ обычнаго вознагражденія за трудъ и пользованіе капиталомъ, затраченнымъ въ обработку *).

Какъ извѣстно, не одна земля можетъ доставлять самостоятельный доходъ своему владѣльцу, независимо отъ приложенія его собственнаго труда. При установившихся экономическихъ условіяхъ этою способностью обладаетъ и капиталъ. Такимъ образомъ земля, какъ источникъ дохода, имѣетъ нѣкоторое сходство съ капиталомъ, а рента ближе всего подходитъ къ проценту за пользованіе ссуднымъ капиталомъ. Кромѣ того, земля имѣетъ еще другую общую черту съ капиталомъ: подобно ему она представляетъ орудіе производства. Несмотря на то, землю не слѣдуетъ отождествлять съ капиталомъ. Представляя съ одной стороны общія свойства съ капиталомъ, она въ то же время и существенно отличается отъ него. Во-первыхъ, капиталъ есть прежде всего результатъ труда — накопленный прошедшій трудъ, и потому цѣнность уже по самому происхожденію, земля же дается природою, такъ что цѣнность ея — производная, которая опредѣляется капитализаціей ренты. Далѣе, капиталъ — обыкновенно цѣнность легко уничтожаемая, которая сохраняется не иначе, какъ при производительномъ потребленіи путемъ воспроизведенія, земля же пред-

*) Die Rente ist immer nur das was Lohn und Gewinn vom Ertrage des Grundstücks übrig lassen (*Robertus*: „Zur Erklärung and Abh., т. II, стр. X). *Roscher*: „Grundlagen der Nationalökonomie“. Stuttgart, 1890 г., стр. 356). Впрочемъ Рошеръ не выдерживаетъ послѣдовательно такого опредѣленія и уже на слѣдующей страницѣ говоритъ о рентѣ, какъ объ излишкѣ дохода съ лучшихъ земель по сравненію съ худшими.

ставляетъ едва ли не самую прочную цѣнность. Она не можетъ быть обращена въ потребительный запасъ, что нерѣдко имѣетъ мѣсто относительно капитала, и потому на землю можно смотрѣть какъ на самый прочный для своего владѣльца источникъ дохода, источникъ вѣчный, если только позволительно говорить о вѣчности чего-либо въ этомъ мирѣ. Мы, конечно, на это могутъ замѣтить, что производительныя силы земли вовсе не неистощимы, что хищническою культурой можно въ нѣсколько лѣтъ обратить плодородную почву въ такую, на которой хорошо выростеть развѣ только сорная трава. Все это такъ. Но истощенная почва можетъ возстановить свои производительныя силы при содѣйствіи одной природы, если оставить землю на продолжительный отдыхъ, какъ то бываетъ, напримѣръ, при переложной системѣ земледѣлія; ничего подобнаго нельзя себѣ представить относительно капитала, который въ своей натуральной формѣ сохраняется только воспроизведеніемъ.

Въ виду указанныхъ отличительныхъ особенностей земли, ее можно разсматривать, съ точки зрѣнія доходности, какъ *рентный фондъ* *).

Принимая во вниманіе сказанное объ экономическихъ свойствахъ земли, не трудно понять, почему земельный кредитъ, даже независимо отъ долгосрочнаго характера затратъ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ интересахъ народнаго хозяйства необходимо организовать на началахъ долгосрочности и амортизаціи.

Цѣнность земли не только не входитъ цѣликомъ въ стоимость продуктовъ земледѣлія, подобно оборотному капиталу, но даже и по частямъ, что имѣетъ мѣсто въ отношеніи постоянныхъ капиталовъ. Поэтому по истеченіи одного обратнаго года нельзя покрыть изъ чистаго дохода всю сумму займа, составляющаго значительную часть капитальной цѣнности имѣнія, будетъ ли ипотечная ссуда растрочена на потребительныя нужды или же обращена на улучшеніе хозяйства. Но за то свойство земли, какъ рентнаго фонда, даетъ возможность покрыть изъ ренты въ продолженіе того или другаго срока весь капитальный долгъ, независимо отъ цѣли его заключенія. Посмотримъ, какъ отражается это на опредѣленіи срока поземельнаго долга. И при личномъ вексельномъ кредитѣ, переписывая вексель, краткосрочную ссуду фактически можно обратить въ долгосрочную, но кредитору при

*) Ср. *Rotbertus*: „Zur Erklärung“, etc.

этомъ необходимо зорко слѣдить за дѣлами должника, чтобы при первой возможности, если дѣла его станутъ шататься, извлечь изъ его распоряженія свой капиталъ. Въ кредитѣ подъ обезпеченіе постояннымъ капиталомъ съ опредѣленнымъ доходомъ, при ссудахъ, напримѣръ, подъ залогъ домовъ и т. п., средній періодъ естественнаго уничтоженія капитала представляетъ крайній предѣлъ срока ссуды. Такимъ образомъ при долгосрочныхъ ссудахъ подъ какой-либо постоянный капиталъ не только размѣръ ссуды обуславливается его величиной, но и срокъ опредѣляется качествомъ его: деревянный домъ не допускаетъ такой продолжительной ссуды, какъ каменный и т. п. Не то при ссудахъ подъ земельное обезпеченіе: сущность залога, какъ вѣчнаго рентнаго фонда, не ставитъ здѣсь сколько-нибудь опредѣленнаго предѣла для срока займа. Установленіе той или другой нормы въ этихъ случаяхъ есть до извѣстной степени чисто эмпирическое и обуславливается разными побочными соображеніями, а не экономическою сущностью залога. Последняя нисколько не отрицаетъ возможности заключенія вѣчныхъ займовъ, то-есть такихъ, по которымъ уплата зависѣла бы единственно отъ воли заемщика до тѣхъ поръ, пока онъ выполняетъ всѣ свои срочныя обязательства, связанные съ долгомъ.

Идея подобныхъ займовъ, заключаемыхъ путемъ выпуска особыхъ рентныхъ свидѣтельствъ, безъ обозначенія на нихъ капитальной суммы, а лишь размѣра рентныхъ платежей, обстоятельно разработана Ротбертусомъ *). Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе проектируемой имъ организациі поземельнаго кредита, замѣчу однако, что если его планъ нельзя признать безусловно неосуществимымъ, тѣмъ не менѣе едва ли выполнение его дало бы тѣ практическіе результаты, ради которыхъ Ротбертусъ проводилъ его, и послужило бы *zur Abhülfe der Creditnoth*.

Итакъ, свойство земли, разъ она приноситъ ренту, приносить ее постоянно и въ извѣстныхъ предѣлахъ независимо отъ того, кто будетъ владѣлецъ земли, дѣлаетъ практически вполне возможнымъ внести въ организацию земельного кредита начала долговсрочности и амортизациі. О значеніи этихъ началъ съ точки зрѣнія народнаго хозяйства я уже упоминалъ. При краткосрочныхъ займахъ подъ залогъ земли колебаніе ходячаго процента въ связи съ необходимостью пересрочки ведетъ къ постоянной

*) „Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzers“. II.

борьбѣ представителей земли и капитала: при пониженіи процента интересъ землевладѣльца заставитъ его поднять платежи по своему долгу, а при возвышеніи процента кредиторъ потребуетъ обратно ссуду или же возвыситъ на ней процентъ. Въ общемъ борьба будетъ не въ пользу заемщика, такъ какъ кредиторъ не только можетъ увеличить ростъ въ виду дѣйствительнаго возвышенія ссуднаго процента, но и воспользоваться ради этого просто крайностью должника, его нуждою. При долгосрочности же займа, связанной съ нерасторжимостью долговой сдѣлки до его окончательнаго погашенія сложными процентами, положеніе заемщика болѣе спокойное. Измѣненіе ходячаго процента и въ этомъ случаѣ можетъ оказаться не всегда къ выгодѣ должника, но оно поведетъ лишь къ временному стѣсненію благоразумнаго заемщика, тогда какъ при срочномъ ипотечномъ займѣ безъ погашенія, и въ особенности на короткій срокъ, тѣ же самыя обстоятельства могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ аукціонную продажу имѣнія, заложеннаго даже благоразумнымъ владѣльцемъ, а не расточителемъ.

Пояснимъ сказанное примѣромъ: положимъ, владѣлецъ имѣнія, которое приноситъ 4.000 руб. ренты при 4% среднего роста, сдѣлалъ заемъ въ 60.000 руб. на одинъ годъ. Если черезъ годъ при пересрочкѣ займа кредитору удастся выговорить 5%, то владѣльцу имѣнія на свои нужды останется отъ ежегодной ренты только 1.000 руб., вмѣсто прежнихъ 1.600 руб. Понятно, что если заемщикъ рассчитывалъ выпутаться изъ долга при ежегодномъ остаткѣ отъ ренты 1.600 руб., то теперь эта возможность уменьшается на 37%. Но этого мало. Если при этомъ увеличеніе платежа по долгу зависѣло отъ дѣйствительнаго паденія ходячаго процента, то вмѣстѣ съ этимъ прежняя капитальная цѣнность имѣнія упадетъ съ 100.000 руб. до 80.000 руб., и чтобы цѣнность имѣнія осталась въ прежнемъ отношеніи къ долгу (долгъ прежде составлялъ 60% этой цѣнности), кредиторъ долженъ потребовать обратно 12.000 руб. Должнику придется занимать ихъ подъ вторую закладную, т. е. на болѣе тягостныхъ условіяхъ, или же приплачивать тому же кредитору дополнительную страховую премию, что въ сущности одно и то же. Что касается случая пониженія ходячаго процента, то этимъ должникъ можетъ воспользоваться далеко не всегда. Чтобы побудить кредитора къ уступкѣ, необходимо имѣть въ распоряженіи сумму на возвратъ долга. Таковы отношенія при краткосрочныхъ займахъ. При долго-

срочномъ же займѣ съ погашеніемъ ежегодный платежъ, несмотря ни на какія колебанія ходячаго процента, остается неизмѣннымъ. Измѣняется только капитальная цѣнность земли, причѣмъ съ возвышеніемъ ходячаго процента теряетъ кредиторъ: онъ не только не получаетъ съ своего капитала того дохода, который соотвѣтствуетъ условіямъ денежнаго рынка въ данное время, но и обезпеченность его ссуды уменьшается вслѣдствіе паденія капитальной цѣнности залога. Правда, капиталистъ за то выигрываетъ при паденіи ходячаго процента, но для землевладѣльца потеря и въ такомъ случаѣ болѣе фиктивная, такъ какъ абсолютная и относительная сумма чистаго остатка отъ ренты у него будетъ прежняя. Но, кромѣ того, если организація поземельнаго кредита допускаетъ досрочное погашеніе и перезалогъ, то заемщикъ, опираясь на возвышеніе капитальной цѣнности земли, безъ особеннаго труда можетъ сдѣлать перезалогъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ организація долгосрочнаго поземельнаго кредита съ амортизаціей парализуетъ вредныя послѣдствія для заемщика отъ колебанія ходячаго процента и ставитъ землевладѣніе въ болѣе независимое положеніе отъ капитализма, чѣмъ при отсутствіи этихъ условій. При этомъ для земельной задолженности несравненно большую опасность представляетъ колебаніе ренты, не только дѣйствительное, но и по денежной оцѣнкѣ.

Съ повышеніемъ цѣнности денегъ денежная рента падаетъ и при прежней суммѣ ежегодныхъ платежей по займу тяжесть ихъ соразмѣрно должна увеличиться. Это обстоятельство въ особенности представляетъ серьезное значеніе въ странахъ съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ, гдѣ колебаніе цѣнности бумажныхъ денегъ варьируется въ весьма широкихъ предѣлахъ.

Не трудно понять, что пока поземельный кредитъ проявляется въ формѣ единичныхъ ссудо-займовъ, для развитія началъ долгосрочности и амортизаціи нѣтъ почвы. Для этого необходимы спеціальныя учрежденія, нуженъ организованный поземельный кредитъ. Спеціально земельно-кредитныя учрежденія сравнительно недавняго происхожденія. Не говоря уже о томъ, что для широкаго развитія поземельнаго кредита вообще въ прежнее время сильнымъ препятствіемъ служили всякаго рода феодално-крѣпостныя отношенія, опутывавшія землевладѣніе, для этого нужно было еще предварительное развитіе денежнаго капитала, болѣе или менѣе удовлетворительное ипотечное законодательство и т. п. Вотъ при-

чина, почему важнѣйшее орудіе земельного кредита—закладные листы появились на цѣлѣ четырехста лѣтъ позже векселя, и въ Англіи, напримѣръ, хотя всякаго рода кредитныя цѣнности съ давнихъ поръ имѣютъ широкое развитіе, мѣстныхъ закладныхъ листовъ не существуетъ.

Было бы неосновательно предполагать, что одно отсутствіе земельно-кредитныхъ учреждений свидѣтельствуетъ объ отсутствіи всякой организаціи ипотечнаго кредита, въ смыслѣ ссудъ подѣ обезпеченіе земельной собственности. Во Франціи, напр., до образованія *Crédit foncier* выработалась цѣлая система ипотечнаго кредита, которая вѣроятно не потеряла значенія и теперь и которая состоитъ въ слѣдующемъ. Наложивъ запрещеніе въ пользу банкира на свое имѣніе, землевладѣлецъ, желающій получить ссуду подѣ залогъ его, выдаетъ въ то же время банкиру соло-векселей, по 1.000 р. каждый, на сумму займа. На этихъ векселяхъ оставляется пробѣлъ не только для обозначенія имени предьявителя, но часто и срока векселя. Полученные такимъ образомъ векселя банкиры или ихъ агенты продаютъ затѣмъ капиталистамъ, иногда же на выдачу подобныхъ ссудъ обращаются вклады. Такимъ образомъ здѣсь подобно тому, какъ и въ земельно-кредитныхъ учрежденіяхъ, капиталистъ и должникъ могутъ вовсе не знать другъ друга: банкиръ беретъ на себя всѣ хлопоты по взиманію процентовъ, взысканіямъ и т. п.; онъ же уплачиваетъ по векселю, если владѣлецъ векселя не пожелаетъ съ наступленіемъ срока возобновить сдѣлку *). Весьма естественно, что вслѣдствіе сложности, значительныхъ хлопотъ и риска, принимаемыхъ на себя кредитнымъ посредникомъ, страховая премія и коммисіонный процентъ въ подобныхъ случаяхъ дѣлаютъ кредитъ весьма дорогимъ **). Въ Шотландіи и Сѣв. Америкѣ ипотечные залоговъ принимаются большинствомъ банковъ, какъ обезпеченіе для открытыхъ текущихъ счетовъ ***). Въ Америкѣ впрочемъ существу-

*) *O. Hübner*: „Die Banken“. Leipzig. 1854 г., стр. 108.

***) На запросъ, сдѣланный генеральнымъ совѣтамъ въ 1845 г. о земледѣльчскомъ кредитѣ, 57 совѣтовъ изъ 61 отвѣтили, что въ сельскомъ хозяйствѣ по займамъ платятъ обыкновенно % выше законнаго, вслѣдствіе ростовщическихъ условій и издержекъ по заключенію займовъ. Многие изъ генеральныхъ совѣтовъ указывали, какъ на нерѣдкій процентъ—10%, 12%, 15% и даже 22% (*Conseil d' état. Enquête sur le crédit foncier*. Paris 1850 г., стр. 299). См. также *Journal des Economistes* t. XXIX, стр. 209. *H. Vocage*: „Projet d'organisation de la propriété immobilière et de banque foncière“, стр. 27.

***) *Hübner*, *ibid*.

еть нѣчто въ родѣ поземельныхъ банковъ, но безъ выпуска закладныхъ листовъ и сложно-процентнаго погашенія. Эти учрежденія носятъ тамъ названіе *trusty companies* и выдаютъ ссуды подъ залогъ земель въ размѣрѣ половины оцѣнки, при чемъ срокъ и условія назначенія опредѣляются въ каждомъ частномъ случаѣ особо. Срокъ ссуды почти никогда не превышаетъ 10 лѣтъ и норма ^о%, взимаемыхъ за ссуду обыкновенно 8. Деньги для ссудъ берутся или изъ фонда компаніи, или же получаютъ путемъ займовъ компаніи, преимущественно въ Европѣ *).

Но всѣ подобныя формы земельного кредита, въ которыхъ отсутствуетъ начало амортизаціи и ссуды выдаются сравнительно на короткій срокъ, весьма мало соответствуютъ интересамъ землевладѣнія, разъ оно вынуждено почему бы то ни было прибѣгать къ значительнымъ займамъ. Землевладѣльцамъ приходится въ этомъ случаѣ жить подъ постояннымъ опасеніемъ наступленія срока уплаты долга и бѣды имъ, если въ опредѣленный моментъ у нихъ не окажется необходимыхъ средствъ для расплаты: долговое обязательство легко обращается тогда въ мертвую петлю для должника. Вотъ отъ подобной опасности гарантируютъ благо-разумнаго заемщика земельнокредитныя учрежденія, основанныя на началахъ долгосрочности, нерасторжимости сдѣлки и амортизаціи, и это главная ихъ заслуга. Становясь посредникомъ между отдѣльными заемщиками и кредиторами, они избавляютъ ихъ отъ массы хлопотъ и непріятностей, доставляя вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ сравнительно вѣрный, нераззорительный и дешевый кредитъ, а другимъ болѣе спокойное и обезпеченное помѣщеніе свободнаго капитала.

Спеціальныя земельно-кредитныя учрежденія впервые возникли въ Пруссіи послѣ семилѣтней войны, а именно по плану негоціанта Бюринга въ 1770 г. было основано Силезское кредитное общество, послужившее образцомъ для послѣдующихъ. Оно представляло собою землевладѣльческое товарищество, выпускавшее отъ своего имени закладные листы, обезпеченные на началѣ круговой поруки всѣми заложеными имѣніями. Пока заемщикъ аккуратно выполнялъ лежавшія на немъ обязательства, кредитное учрежденіе не могло потребовать уплаты долга; въ случаѣ же требованія владѣльцевъ закладныхъ листовъ оно удовлетворяло своими средствами. Такимъ образомъ первыя земельно-

*) Р. Орбинскій: „О хлѣбной торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки“ 1880 г., стр. 75.

кредитныя учрежденія основаны были на началѣ взаимности, при чемъ, не имѣя собственныхъ капиталовъ, они ограничивались двумя разрядами кредитныхъ операций, а именно: страховою, — круговая порука членовъ обезпечивала владѣльцевъ закладныхъ листовъ, и оборотною — выпускомъ закладныхъ листовъ.

Изъ наиболѣе существенныхъ недостатковъ первоначальныхъ земельно-кредитныхъ учреждений можно назвать два. Во-первыхъ, сословность, вытекающая изъ общаго характера тогдашняго социального строя, а во-вторыхъ — погашеніе долга разомъ, а не сложными процентами.

Начавшись съ сословныхъ кредитныхъ обществъ, построенныхъ на круговой поруцѣ, организація поземельнаго кредита впоследствии развилась въ болѣе разнообразныя формы и, не ограничиваясь одною Германіей, получила право гражданства и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Англія въ этомъ отношеніи среди большихъ государствъ стоитъ особнякомъ. Господствующее здѣсь право собственности на землю служить пока непреодолимымъ препятствіемъ для развитія земельно-кредитныхъ учреждений. Это естественно ведетъ за собою дороговизну кредита землевладѣльцевъ; не говоря уже о весьма значительныхъ издержкахъ по заключенію займовъ, даже при займахъ на улучшеніе, обыкновенно собственникъ of a settled estate не можетъ получить ссуды, если не пожелаетъ платить по ней 7—8 процентовъ въ годъ, или, другими словами, «искалѣчить себя ради подарка для своихъ наслѣдниковъ» *).

Дороговизна кредита землевладѣльцамъ Соединеннаго Королевства и потребность помочь дѣлу спеціального поземельнаго кре-

*) *John Boyd Kinnear. Principles of Property in land. London. 1880 г.* „Some Lands Improvement Acts have been passed of which the object is to allow private companies to advance money to owners of settled and encumbered estates in England for the purpose of effecting improvement. The money so advanced forms a first charge on the land. But, before it can be so obtained and invested, a good deal of legal machinery must be put in operation, in order to secure that the owners of subsequent interests are in no way prejudiced. In a small case I have known the costs of obtaining the loan amount to 30 per cent. of the advance. But besides this charge falling on the owner, he must pay not merely interest on the advance, but such further sum of annual interest, generally 2 to 2½ per cent., as will suffice to clear of the loan in 20 or 25 years. Practically, therefore, the owner of a settled estate cannot obtain any advance, even for improvement, unless he is prepared to pay 7 or 8 per cent. a year for the loan, or in other words cripple himself for the sake of making a gift to his successors“ (стр. 59).

дита подтверждается и тѣми проектами, которые время отъ времени иногда появляются въ Англіи *).

Въ настоящее время земельно-кредитныя учрежденія можно разбить на три основныя типа: 1) казенныя учрежденія; 2) частныя на началѣ круговой поруки закладчиковъ и 3) частныя акціонерныя предпріятія. Эти основныя типы не всегда встрѣчаются въ чистомъ видѣ, такъ при возникновеніи частныхъ учреждений не рѣдко играютъ немаловажную роль правительственныя субсидіи, и акціонерное начало примѣшивается къ устройству обществъ закладчиковъ.

Какъ извѣстно, у насъ Высочайше утвержденная 10 іюля 1859 года коммиссія для устройства земскихъ банковъ, отвергнувъ цѣлесообразность казенныхъ кредитныхъ учреждений, рѣшительно высказалась за принципъ частныхъ банковъ, которые по отношенію къ крупному землевладѣлю и заступили мѣсто прежнихъ казенныхъ учреждений. Между тѣмъ семнадцатилѣтній опытъ, какъ видно, далеко не удовлетворилъ всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, и въ послѣднее время у насъ начали раздаваться довольно громко голоса въ томъ смыслѣ, что не худо было бы дѣло крупнаго земельного кредита взять въ свои руки правительству или по крайней мѣрѣ земству.

Въ своемъ мѣстѣ я остановлюсь подробнѣе на разборѣ подобныхъ пожеланій, а пока ограничусь только замѣчаніемъ, что хорошія стороны частной инициативы и самостоятельности не должны служить основаніемъ для огульнаго отрицанія пользы казенныхъ учреждений. Коренная задача государственнаго хозяйства—удовлетворить такимъ потребностямъ народной жизни, которыя или не могутъ быть удовлетворены усиліями единаго лица и свободнаго союза лицъ, или же если и могутъ, то въ гораздо худшей степени; при этомъ, дѣлая затраты, государ-

*) См. напр. A Proposal for an Act to authorize the Issue of Land Debentures in connection with sales made by the Landes Estates Court. By Mounfort Langfield. (Journal of the statistical society of London, 1863 г., стр. 186).

Интересно, что мысль объ организаціи специально-земельнаго кредитнаго учрежденія возникла въ Англіи уже болѣе полутора вѣка назадъ. Именно въ концѣ XVII вѣка докторъ Гюгъ Чемберлейнъ составилъ проектъ специальнаго поземельнаго банка (Land Bank) и даже съѣхъ подражателей въ лицѣ Джона Бриско, Роберта Мэрри и Генри Робинсона. Всѣ эти предложенія были основаны на весьма ложныхъ основаніяхъ и практическаго примѣненія не получили (См. И. И. Кауфманъ: „Исторія банковъ“, Выпускъ второй 1877 г., стр. 179—182).

ство не должно упускать изъ виду, чтобы въ результатъ выигрышъ страны превышалъ ту потерю, которую оно несетъ, доставляя средства для достиженія тѣхъ или иныхъ цѣлей *).

Само собою разумѣется, что разъ государство, принимая на себя организацію земельно-кредитныхъ учрежденій, не отступаетъ отъ означенныхъ общихъ началъ государственной экономической политики, примѣненіе казеннаго принципа будетъ вполнѣ цѣлесообразно. Но судить объ этомъ можно только по соображенію совокупности обстоятельствъ, относящихся къ каждому конкретному случаю въ отдѣльности. Не пытаясь поэтому дать здѣсь общій отвѣтъ о примѣнимости казенныхъ учрежденій въ дѣлѣ земельного кредита, я въ послѣдствіи постараюсь выяснитъ этотъ вопросъ въ отношеніи Россіи, а теперь перейду къ сравнительному разсмотрѣнію двухъ типовъ частныхъ земельно-кредитныхъ учрежденій.

Какъ акціонерные земельные банки, такъ и землевладѣльческія кредитныя товарищества (общества взаимнаго поземельнаго кредита) представляютъ посредники между кредиторами и заемщиками. Для однихъ они сосредоточиваютъ даже такіе капиталы, которые иначе никогда быть-можетъ и не пошли бы на ссуды землевладѣльцамъ, а для другихъ создаютъ спокойное и обезпеченное помѣщеніе свободнаго капитала. Странно поэтому противопоставлять акціонерный банкъ землевладѣльческому товариществу, считая первый органомъ кредиторовъ, а второе—органомъ заемщиковъ **). Подобный взглядъ имѣлъ бы еще какое-нибудь основаніе, еслибы ссудная операція земельныхъ банковъ вела съ исключителью на акціонерный капиталъ. Но ссудные капиталы въ обоихъ типахъ учрежденій главнымъ образомъ привлекаются путемъ выпуска закладныхъ листовъ. Существенное же различіе между ними состоитъ въ страховой сторонѣ кредитнаго оборота. Во всѣхъ земельно-кредитныхъ учрежденіяхъ обязательства по займамъ обезпечиваются прежде всего заложенными имѣніями. Сумма выпущенныхъ закладныхъ листовъ не должна выходить за предѣлы опредѣленнаго уставомъ отношенія къ оцѣнкѣ принятаго залога. Но чтобы залогъ представлялъ солидное обезпеченіе въ глазахъ настоящихъ кредиторовъ, владѣльцевъ закладныхъ листовъ, необходима увѣренность въ правильной оцѣнкѣ залога и въ томъ,

* Die Reproductivität Lorenz Steina (См. *L. Stein: „Lehrbuch der Finanzwissenschaft“*. 4 изд. 1878. Estrer Band, стр. 138—140).

** Roscher: „Nationalökonomik“, стр. 448.

что обезпеченіе его по заключеніи сдѣлани не можетъ нанести имъ какого-либо ущерба. Само собою разумѣется, злоупотребленія, даже при хорошемъ веденіи дѣла вообще, возможны какъ со стороны заемщиковъ, такъ и среди единичныхъ агентовъ кредитнаго учрежденія. И вотъ въ виду этого, кромѣ спеціального обезпеченія единичныхъ ссудъ опредѣленными залогами для укрѣпленія большаго довѣрія къ вынускаемымъ закладнымъ листамъ въ средѣ владѣльцевъ капиталовъ, необходимо дополнительное обезпеченіе со стороны самого кредитнаго учрежденія. Въ чемъ же заключается это дополнительное обезпеченіе?—Въ акціонерныхъ банкахъ оно создается складочнымъ капиталомъ, а въ кредитныхъ товариществахъ то же самое достигается круговою порукой всѣми заложеными имѣніями. Владѣльцы закладныхъ листовъ, выпущенныхъ акціонерными банками, въ случаѣ неправильнаго веденія дѣла, злоупотребленій и т. п., могутъ пострадать лишь послѣ того, какъ для покрытія всякаго рода убытковъ окажется недостаточно запаснаго и складочнаго капитала, т. е. что убытки по предпріятіямъ прежде всего падаютъ на акціонеровъ, а потомъ уже на владѣльцевъ закладныхъ листовъ. Владѣльцы же закладныхъ листовъ, выпускаемыхъ обществами закладчиковъ, видятъ дополнительную гарантію въ томъ, что убытки распредѣляются сперва на всѣхъ закладчиковъ.

Сравнивая два разбираемыхъ типа земельно-кредитныхъ учреждений съ точки зрѣнія заемщиковъ, нельзя не отдать предпочтенія обществамъ закладчиковъ: при правильной организаціи послѣдніе могутъ доставлять своимъ членамъ болѣе дешевый кредитъ, чѣмъ акціонерные банки. Круговая порука всѣми заложеными имѣніями представляетъ болѣе солидное обезпеченіе, чѣмъ акціонерный капиталъ, и кромѣ того въ обществѣ закладчиковъ легче можно достигнуть хорошаго контроля правильности оцѣнки, чѣмъ въ акціонерномъ банкѣ. Эти два обстоятельства усиливаютъ довѣріе къ закладнымъ листамъ, которые имѣютъ за собою круговую поруку, и обезпечиваютъ имъ, при равенствѣ другихъ условій, высшій курсъ, сравнительно съ выпускаемыми акціонерными банками. Члены общества закладчиковъ имѣютъ и другую выгоду. Они какъ члены-участники въ кредитномъ учрежденіи являются одновременно и заемщиками, и предпринимателями, почему, рискуя потерять въ случаѣ убытковъ учрежденія, они получаютъ въ свою пользу и предпринимательскую прибыль. Эта прибыль, обращаемая въ зачетъ платежей, облегчаетъ

условіе займа. Въ акціонерномъ банкѣ предпринимателями являются акціонеры; они несутъ рискъ и отвѣтственность, имъ поэтому идетъ и вся чистая прибыль въ видѣ дивиденда. Банкъ на одну изъ причинъ дороговизны акціонернаго земельного кредита, указываютъ еще на то, что образование акціонерныхъ земельныхъ банковъ требуетъ при одинаковомъ количествѣ ссудъ съ обществами вкладчиковъ большаго свободнаго капитала, такъ какъ кромѣ ссуднаго капитала для нихъ нуженъ еще складочный, который акціонерные банки должны держать у себя въ кассѣ безъ оборота или передать въ видѣ залога въ руки правительства *).

Однако рядомъ съ относительною дороговизною ссудъ изъ акціонерныхъ банковъ послѣдніе имѣютъ и свои выгодныя стороны для заемщиковъ. Не говоря уже о такихъ устранимыхъ недостаткахъ землевладѣльческихъ товариществъ, какъ медленность процедуры, связанной съ выдачею ссудъ, болѣе ограниченный размѣръ ссуды и т. п. **), каждый заемщикъ изъ акціонернаго банка отвѣчаетъ только самъ за себя и не можетъ пострадать отъ убытковъ, понесенныхъ банкомъ. Такимъ образомъ переплату на процентахъ по займу до извѣстной степени можно разсматривать какъ страховую премію, избавляющую заемщика отъ риска.

Весьма естественно, что, благодаря своимъ относительнымъ достоинствамъ, какъ учрежденія основанныя на круговой поруцѣ, такъ и акціонерные банки находятъ своихъ ревностныхъ противниковъ и защитниковъ.

Гольдшмидтъ думаетъ; напримѣръ, что общества землевладѣльцевъ, выполнивъ свою историческую миссію, въ настоящее время являются учрежденіями отсталыми, не удовлетворяющими своей цѣли, и ихъ прежнее мѣсто съ успѣхомъ занимаютъ акціонерные банки ***). Рошеръ также видитъ въ акціонерныхъ банкахъ высшую форму земельно-кредитныхъ учрежденій. Но съ такимъ взглядомъ нельзя согласиться уже потому, что современную организацію землевладѣльческихъ товариществъ нельзя считать окончательною и неспособною совершенствоваться.

Оставаясь на теоретической точкѣ зрѣнія, придется во всякомъ случаѣ отдать предпочтеніе обществамъ вкладчиковъ. Поэтому въ практическомъ отношеніи нельзя не желать, вмѣсто

*) „Труды комиссіи для устр. земскихъ банковъ“, т. I, стр. XXI.

**) Dr. Julian Goldschmidt: „Deutsche Hypothekenbanken“, 1880 г., стр. 14 и слѣд.

***) Goldschmidt, стр. 11.

развитія акціонернаго кредита, устраненія недостатковъ земле-
владѣльческихъ товариществъ и возможно большаго приспособленія
ихъ къ потребностямъ членовъ участниковъ. Вѣдь если акціо-
нерные земельные банки своимъ развитіемъ въ послѣднее время
обязаны отчасти нѣкоторыми своими преимуществами передъ об-
ществами закладчиковъ, то нельзя упускать изъ виду, что въ
этомъ развитіи не послѣднюю роль играла и спекуляція, которая,
сосредоточиваясь главнымъ образомъ на городской недвижимости,
коснулась и сельской. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ, на-
примѣръ, вспомнить возрастаніе аукціонныхъ продажъ поземель-
ной собственности въ нѣкоторыхъ областяхъ Австрійской им-
періи непосредственно послѣ вѣнскаго краха 1873 года.

Такъ въ Галиціи въ 1867 г. было назначено въ продажу съ
аукціона 164 имѣнія (мелкой земельной и город. недвижимости).

въ 1868 г.	271
» 1873 »	214
» 1874 »	1.026 *)

Широкое развитіе правильнаго поземельнаго кредита требуетъ,
какъ я говорилъ, возможно полной свободы земли, т. е. уничто-
женія всякаго рода сословныхъ ограниченій въ правѣ владѣнія
ею и повинностей въ пользу третьихъ лицъ. Но кромѣ того въ
дѣлѣ поземельнаго кредита не послѣднее мѣсто занимаетъ воз-
можность правильной оцѣнки залога и ясность правъ кредитора.
Для этого необходимо хорошее ипотечное законодательство. Суще-
ственность же ипотечнаго законодательства по отношенію къ позе-
мельному кредиту сводится къ тому, чтобы всякій переходъ иму-
щества, измѣненіе въ его составѣ, обремененіе долгомъ и проч.
подлежали правильной, обязательной и незатруднительной реги-
страціи, чтобы для кредитора не было ни малѣйшаго сомнѣнія
какъ въ личности владѣльца имѣнія, такъ и въ экономическомъ
положеніи послѣдняго, и чтобы право на удовлетвореніе по осудѣ
подъ обезпеченіе имѣніемъ было преимущественное передъ послѣ-
дующими ипотечными займами и передъ другими частными взы-
сканіями съ должника. Указанныя требованія остаются неудовле-
творенными, если законъ допускаетъ существованіе тайныхъ ипо-
текъ или же наложеніе запрещенія на имущество должника, гдѣ
бы оно ни находилось, общую ипотеку.

*) *Statistische Monatschrift*, 1875 г., стр. 508, а также стр. 358. Объ отноше-
ніи прусскихъ ипотечныхъ банковъ къ спекулятивной эпохѣ начала 70-хъ го-
дакъ см. между прочимъ у *Goldschmidt* а: „*Deutsche Hypothekenbanken*“, 1880 г.

Совокупность узаконеній и стройная система мѣръ ради созданія необходимыхъ условій для легкаго ознакомленія съ экономическимъ и юридическимъ положеніемъ каждаго частнаго землевладѣнія, со всѣми ограниченіями, лежащими на немъ и т. п. — составляетъ то, что называется ипотечною системою. Съ нею связано обыкновенно введеніе особыхъ ипотечныхъ книгъ, куда записывается каждое недвижимое имущество съ обозначеніемъ собственника и подробнымъ описаніемъ имущества. Здѣсь отмѣчается также всякій переходъ и измѣненіе въ составѣ владѣнія, а также всѣ обязательства, которыя обезпечиваются имѣніемъ. Ипотечная система представляетъ явленіе новаго времени. Не говоря уже о поземельныхъ долгахъ Греціи, еще въ средніе вѣка у германцевъ и другихъ народовъ для обезпеченія ссуды при залогѣ земельного имущества послѣднее поступало въ непосредственное распоряженіе кредитора *).

До сихъ поръ я старался выяснитъ экономическую сущность поземельнаго кредита и очертить главныя основанія для правильнаго, въ интересахъ заемщиковъ, развитія этого кредита. Посмотримъ теперь на его социально-экономическое значеніе или на роль его въ народномъ хозяйствѣ. Статистическія данныя относительно поземельнаго кредита на Западѣ показываютъ непрерывное развитіе земельной задолженности. Сравнивая напр. цифры ежегоднаго новаго обремененія сельской недвижимости (*landtäflichen und sonstigen Besitzes*) въ Австріи съ ежегоднымъ погашеніемъ, мы находимъ увеличеніе земельной задолженности:

1871 г. на	27.155.593	гульд.	1876 г. на	91.005.132	гульд.
1872 » »	56.373.973	»	1877 » »	43.948.154	»
1873 » »	100.753.253	»	1878 » »	62.798.602	»
1874 » »	109.920.165	»	1879 » »	40.779.956	»
1875 » »	87.744.979	»			

Всего за 9 лѣтъ на сумму 620.479.807 гульденовъ.

Интересно, что въ то же самое время по двумъ другимъ категоріямъ австрійскихъ недвижимыхъ имуществъ (*städtischen und Montan-Besitzes*) за послѣдніе три года замѣчается уменьшеніе ипотечнаго долга на 27.704.360 гульд. **).

И постоянное увеличеніе земельныхъ долговъ мы находимъ не въ одной Австріи *). Конечно, еслибы большая часть задол-

*) Roscher: „Nationalökonomik des Ackerbaues“, стр. 428.

**) „Statistische Monatschrift“ 1880 г.

**) Весь ипотечный долгъ во Франціи въ 1820 г. — 8.863 милл. франк.,

женности обуславливалась производственными затратами въ сельскомъ хозяйствѣ, улучшеніемъ культуры и т. п., то о послѣдствіяхъ задолженности нечего было бы и безъопаситься. Въ социальную, кромѣ указываемыхъ мною соображеній уже одно это несоотвѣтствіе новаго задолженія и погашенія безспорно доказываетъ, какъ мало земельныхъ долговъ заключается въ интересахъ сельскаго хозяйства. Въ противномъ случаѣ увеличеніе доходности имѣній, безъ сомнѣнія, выразилось бы на прогрессивномъ и относительно - большемъ погашеніи, чѣмъ показываютъ приведенныя цифры. Бросимъ поэтому взглядъ на социальное значеніе постоянного возрастанія земельныхъ долговъ.

Доброе старое время, когда главное экономическое и политическое значеніе на Западѣ принадлежало землевладѣнію, прошло безвозвратно. Капиталъ все шире и шире раскидываетъ свои сѣти. Начавъ съ подчиненія себѣ рабочаго въ мастерской, на заводѣ и фабригѣ, онъ стремится захватить въ свое господство и главный источникъ дохода прежней землевладѣльческой аристократіи, землю, — другими словами, подчинить своему неумолимому господству, прямо и косвенно, земледѣльческаго рабочаго. Первою ступенью развитія такого подчиненія было помѣщеніе свободнаго капитала въ ссуду землевладѣльцамъ. Жестоко ошибались тѣ, кто думалъ, что, создавая возможность для землевладѣльцевъ широко пользоваться ссуднымъ капиталомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ создавали условія для большей независимости землевладѣльцевъ отъ капиталистовъ. Для благоразумныхъ заемщиковъ, для настоящихъ хозяевъ это дѣйствительно такъ было и остается такъ. Но, въ сожалѣнію, истинные хозяева далеко не составляютъ большинства землевладѣльческаго класса, а для безпечныхъ заемщиковъ облегченіе могло быть лишь временнымъ, и система кредита обратилась въ гибельныя сѣти, запутывающія понавшихъ въ нихъ все болѣе и болѣе: сравнительно легкія условія кредита изъ организованныхъ кредитныхъ учреждений не исключаютъ потребности во вторыхъ и третьихъ закладныхъ, выдаваемыхъ частнымъ лицамъ, не рѣдко даже на ростовщическихъ условіяхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что эти послѣдствія несутъ на себѣ не только землевладѣльцы, которые подъ обезпеченіе своимъ имуществомъ широ-

въ 1832 г.—11.223 м. ф., въ 1840 г.—12.544 м. ф., въ 1852 г.—14.501 м. ф. (Roscher, стр. 424), а въ 1876 г. составлялъ 20.111 м. фр. (Engel: „Zeitschrift“ 1878 г., стр. 180). О возрастаніи земельныхъ долговъ въ Пруссіи см. Engel: „Zeitschrift“ 1875 г., стр. 334.

но пользуются потребительнымъ кредитомъ, но и многіе изъ тѣхъ, кто, увлекаясь страстью къ легкой наживѣ, занимаютъ деньги ради различныхъ спекуляцій. Спекуляція удается не всегда, а обязательство по займу тѣмъ не менѣе сохраняетъ всю свою силу. Наступаетъ время срочныхъ платежей, но денегъ не оказывается, и приходится прибѣгать къ новому займу на условіяхъ болѣе тяжелыхъ. А ргіоті можно предвидѣть, что въ подобныхъ случаяхъ задолженность имѣнія нерѣдко разрѣшается продажей съ аукціона.

Статистическія данныя вполне подтверждаютъ это. Сравненіе ежегоднаго задолжанія мелкой земельной собственности въ Австріи съ ежегоднымъ поташеніемъ показываетъ увеличеніе земельныхъ долговъ.

Въ 1873 г.	на	78.327.251	гульд.
» 1874 »	»	84.311.584	»
» 1875 »	»	70.831.295	»
» 1876 »	»	70.598.538	»
» 1877 »	»	31.309.069	»
» 1878 »	»	30.075.072	»

Итого на 365.452.773 гульд.

Параллельно съ этимъ аукціонныя продажи показываютъ слѣдующее:

	Долгу приходится на каждое проданное имѣніе.	Увеличеніе противъ предыдущаго года.	Число проданныхъ имѣній.	Увеличеніе противъ предыдущаго года.
Въ 1874 г.	3.136,2 фл.	4.413	
» 1875 »	3.444,7	+ 9,8%	4.585	+ 3,9%
» 1876 »	3.632,2	+ 6,0	5.575	+27,0
» 1877 »	3.941,6	+ 9,8	6.948	+26,5
» 1878 »	4.290,0	+11,2	9.090	+48,6
		+36,8		10,6% *)

Приведенныя цифры показываютъ, что между возрастаніемъ задолженности и принудительною продажей существуетъ несомнѣнная связь.

Такимъ образомъ поземельный кредитъ, вмѣсто услугъ землевладѣльцамъ, весьма нерѣдко распатываетъ землевладѣніе и ведетъ къ невольной мобилизаціи собственности. Отрицать этотъ фактъ невозможно. Онъ показываетъ, что одно изъ послѣдствій современнаго развитія земельного кредита есть перераспредѣленіе земельной собственности. Выгодно ли это для народнаго хозяй-

*) *O. von Vogelsang*: „Die Notwendigkeit einer neuen Grundentlastung“. Wien 1880, стр. 19.

ства—безусловно отвѣтить на это нельзя, такъ какъ все зависитъ отъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ онъ ведетъ. Послѣдствіемъ мобилизаціи можетъ быть или переходъ земли въ руки непосредственныхъ производителей, или въ руки того же класса, къ которому принадлежали и прежніе владѣльцы, или же въ руки капиталистовъ, которые приобрѣтаютъ землю даже и не ради сельскаго хозяйства, а для полученія при ея посредствѣ возможно большаго дохода на капиталъ.

Понятно; что если въ первомъ случаѣ, при выгодныхъ условіяхъ кредита, мы будемъ имѣть дѣло съ поднятіемъ экономическаго благосостоянія и независимости самаго многочисленнаго класса населенія страны, т.-е. съ бесспорнымъ развитіемъ общаго благосостоянія, а также внутренней и вѣшной силы страны, то во второмъ—самый благопріятный исходъ—сохранение *statu quo* безъ ухудшенія и, наконецъ, въ третьемъ—весьма гибельныя послѣдствія для всего народнаго хозяйства.

Нечего и говорить, что общій интересъ государства, какъ цѣлаго, требуетъ, чтобы мобилизація, разъ она—неизбѣжный фактъ, имѣла бы наиболѣе благопріятный исходъ для народнаго хозяйства, и въ этомъ смыслѣ экономическая политика государства можетъ сдѣлать многое, конечно, не оставаясь на почвѣ безучастнаго отношенія къ народнымъ нуждамъ и отбросивъ доктринерское *laissez faire, laissez passer*.

Съ подчиненіемъ земли всеильному капиталу немислимо улучшение экономическаго положенія земледѣльческаго населенія; также потеряетъ безусловно и классъ землевладѣльцевъ. Но быть-можетъ выиграетъ сельское хозяйство?—Прекрасный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ нарисованной Л. Штейномъ картинѣ постепеннаго подчиненія земли денежному капиталу въ западной Европѣ. Для яснаго пониманія приведенныхъ ниже выдержекъ изъ послѣдняго сочиненія Л. Штейна *) замѣчу, что онъ различаетъ три рода гипотекъ: первыми онъ называетъ основанныя на той части цѣнности имѣнія, которая вполне обезпечена отъ колебаній; вторыми—такія, которыя основаны на болѣе случайныхъ обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ, на доходности имѣнія, отчасти обусловливаемой хорошимъ инвентаремъ и т. п.; наконецъ, третьими ипотеками будутъ всѣ тѣ, при которыхъ имѣніе является фактивнымъ обезпеченіемъ, а въ дѣйствительности ссуда

*) Dr. Lorenz von Stein: „Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft“. Stuttgart. 1881.

обеспечивается личнымъ трудомъ заемщика. Только суды подъ первыя гипотехи Л. Ш. относить собственно къ кредиту, отъ котораго отличаетъ ростовщичество.

Выдавая подъ третій классъ ипотекъ, сельскохозяйственный ростовщикъ, — говоритъ Л. Штейнъ, — отлично знаетъ, что въ цѣнности имѣнія для его ссуды обезпеченія нѣтъ и что оно состоитъ въ обратномъ капиталѣ и въ трудѣ самого владѣльца. Поэтому сущность ростовщичества заключается въ этомъ случаѣ въ томъ, чтобы путемъ ссуды завладѣть сперва первымъ, а затѣмъ и вторымъ. Самый процессъ распадается на два фазиса. Сначала ростовщикъ доводитъ должника до продажи части оборотнаго капитала, чему нисколько не препятствуетъ господствующее начало римскаго права. Но разъ потерявъ оборотный капиталъ, вмѣстѣ съ тѣмъ на половину падаетъ и цѣнность основнаго капитала и уменьшается обезпеченность гипотечнаго кредита. Послѣдствиемъ является требованіе возврата ссуды со стороны истиннаго кредитора, причемъ за потерю части оборотнаго капитала имѣніе уже не можетъ быть продано за свою дѣйствительную цѣну.

Такой цѣны не можетъ дать ни сельскій хозяинъ, ни прежній кредиторъ, такъ какъ, кромѣ покрытія ипотеки, имъ необходимъ еще капиталъ для возстановленія инвентаря. Естественнѣе всего покушникомъ явится ростовщику, потому что, благодаря наложенному запрещенію, въ его рукахъ уже находится оборотный капиталъ имѣнія. Въ силу права запрещенія ростовщикъ такимъ образомъ становится землевладѣльцемъ. Таковъ первый фазисъ. За нимъ слѣдуетъ другой — довольно простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма внушительный. Новый собственникъ не будетъ хозяйничать самъ; поэтому онъ предоставитъ это прежнему владѣльцу, но уже какъ *своему человеку*, въ качествѣ фермера или зависимаго.

Послѣдствиемъ бываетъ то, что новый землевладѣлецъ, разоряя фермера, не всегда обогащается и самъ. Возникаютъ латифундіи, налоги для бѣдныхъ, выселеніе и неестественное (bedenkliche) разрастаніе большихъ городовъ.

Такимъ образомъ заканчивается здѣсь процессъ, который, что бы ни возражали на это, надо признать, — говоритъ Л. Штейнъ, — органическимъ, а именно: изъ долга вытекаетъ кредитъ, который ведетъ къ консолидированной гипотекѣ; отсюда снова является оборотный кредитъ (Betriebscredit), далѣе — вексель, продажа оборотнаго капитала и наложеніе запрещенія. Послѣдствіе этого —

обезцѣненіе ипотеки, расторженіе долговыхъ сдѣлокъ и покупка имѣнія ростовщикомъ. Такимъ образомъ путемъ ряда долговыхъ сдѣлокъ возникаетъ равнодушное господство денежнаго капитала надъ земельнымъ, разрѣшающееся, послѣ продажи имѣнія, въ систему фермерства или въ обращеніе прежняго собственника въ простаго поденщика *)).

Въ чемъ же кроется главная причина такого явленія?—По мнѣнію Л. Штейна, оно является естественнымъ послѣдствіемъ широкаго примѣненія къ земельной собственности началъ римскаго права, или, другими словами, результатъ неограниченной частной собственности на землю. «Деятнадцатый вѣкъ, — утверждаетъ въ дургомъ мѣстѣ Л. Штейнъ, — съ своимъ неограниченнымъ правомъ собственности единичныхъ владѣльцевъ, съ полнымъ разрушеніемъ всѣхъ общинныхъ началъ, которыя нѣкогда скрѣпляли владѣнія, подчинилъ всю поземельную собственность въ Европѣ господству денежнаго капитала, и этотъ процессъ, подобно распаданію скалы, размываемой волнами, идетъ впередъ хоти и медленно, но безостановочно **).

Такова общая картина развитія въ западной Европѣ капитализма на счетъ землевладѣнія, по мнѣнію не односторонняго пессимиста, а ученаго, всю свою жизнь трудившагося надъ уясненіемъ государственныхъ и экономическихъ вопросовъ.

Что касается до Россіи, то пока она не достигла еще уровня западноевропейскаго культурнаго развитія въ этомъ отношеніи. Но можно ли ручаться за будущее? Вѣдь одинаковыя причины, если ихъ не устранить во-время, ведутъ къ однороднымъ послѣдствіямъ. А развѣ въ условіяхъ нашего землевладѣнія и кредита не кроется тѣхъ же развѣдающихъ началъ, которыя привели къ столь печальнымъ результатамъ для нашихъ соотѣдей?

Въ своемъ мѣстѣ я постараюсь отвѣтить на эти вопросы, теперь же ограничусь замѣчаніемъ, что при изслѣдованіи общаго вопроса о поземельномъ кредитѣ въ Россіи, къ которому я и перейду, весьма существенная сторона изслѣдованія должна состоять, по моему мнѣнію, въ уясненіи условій, при которыхъ можно помѣшать грозному призраку развитія капитализма на счетъ землевладѣнія и земледѣлія обратиться въ печальную дѣйствительность для нашего отечества.

Леонидъ Ходеній.

*) *L. Stein*, стр. 163—165.

**) *Ibid.*, стр. 177.

Изъ пѣсенъ Беранже.

Тѣнь Анакреона.

«Мы побѣдили!—молвилъ юный грекъ,
Блудя вѣнки на свѣжія могилы.—
Покиньте стѣсъ,—мы повторимъ вашу вѣкъ,
О колубоги, древнихъ дней свѣтилы!»

И предъ собой въ лучахъ утра
Онъ видитъ призракъ, слышитъ пѣнье:
«Пора на родину, пора,
Дитя свободы, наслажденье,—
Пора!»

«Мнѣ жизнь была, о греки, сладкій сонъ
При вашихъ предкахъ, гнавшихъ прочь печали!
Когда на ихъ ширахъ Анакреонъ
Имъ пѣлъ любовь, они цѣпей не знали.

Душѣ, не жаждущей добра,
Чужда любовь и вдохновенье...
«Пора на родину, пора,
Дитя свободы, наслажденье,—
Пора!»

«Все такъ же къ небесамъ летитъ орелъ;
Ихонь соловья полна все такъ же чувства...
А гдѣ же вашъ, о греки, орелъ:
Законы, слава, боги и искусства?»

Природа такъ же все щедра;
 А пиръ вашъ глухъ и нѣмъ безъ пѣвца:
 «Пора на родину, пора,
 Дитя свободы, наслажденье,—
 Пора!»

«Иди же, грекъ, сражаться, побѣждать!

.....
 Не долго будетъ варваръ сладко спать
 На ложѣ розъ твоихъ благоуханныхъ.

Не долго съ данью серебра
 Ему брать дѣвъ на униженье...

«Пора на родину, пора,
 Дитя свободы, наслажденье,—

Пора!»

«Довольно, греки, потуплять глаза,
 Довольно вамъ краснѣть предъ древней славой!
 Помогутъ правой мести небеса,
 Вернется слава... Мчитесь въ бой кровавой!

И почва будетъ вновь щедра:

.....
 «Пора на родину, пора,
 Дитя свободы, наслажденье,—

Пора!»

«Берите у сосѣдей только мечъ,—
 Ихъ рукъ не нужно, скованныхъ цѣпями.
 Громъ Зевса будетъ съ вами въ вихрѣ сѣчь.
 Звѣзда Киприды всходитъ надъ полями.

Винъ искрометная игра
 Ждетъ васъ съ побѣдой изъ сраженья...

«Пора на родину, пора,
 Дитя свободы, наслажденье,—

Пора!»

Исчезла тѣнь пѣвца. Свой тяжкій плѣкъ
 Блннуть грозой, съ мечомъ въ рукахъ, олімпы.
 Дрожать надеждой камни вашихъ стѣнъ,
 Коринѳъ и Фивы, Спарта и Аѳины!

Тьму ночи гонить свѣтъ утра
 И вашихъ дѣвъ намъ слышно пѣнье:
 «Пора на родину, пора,
 Дитя свободы, наслажденье,—
 Пора!»

Орангъ-утанги.

Орангъ-утанги (такъ въ Езопѣ
 Читалъ я) славились въ Европѣ
 Рѣчами — и отъ нихъ идетъ
 Всѣхъ адвокатовъ нашихъ родъ.
 Ихъ предокъ разъ въ ученомъ преньи
 Сказалъ: «Въ наукѣ твердо мнѣнье,
 Что люди всѣхъ вѣковъ и странъ
 Лишь обезьянятъ обезьянъ.

«Не намъ ли слѣдуя вначалѣ,
 Они копить запасы стали?
 Не намъ ли довелось учить
 Ихъ — съ палкой, выпрямься, ходить?
 Не дѣйствуютъ ли въ нашемъ вкусѣ
 Они и съ небомъ, сильно труся?
 Да, люди всѣхъ вѣковъ и странъ
 Лишь обезьянятъ обезьянъ.

«Любовь ихъ — наши же интрижки...
 Но намъ всегда вѣрны мартышки.
 Имъ было болѣе подстать
 Безстыдство наше перенять.
 Отъ насъ ихъ Діогенъ великій
 Усвоилъ образъ жизни дикій.
 Да, люди всѣхъ вѣковъ и странъ
 Лишь обезьянятъ обезьянъ.

«Не намъ ли люди подражали,
 Когда и войско создавали?
 Какой не зналъ орангъ-утангъ,
 Что правый флангъ, что лѣвый флангъ?
 У насъ и до паденья Трои
 Считались сотнями герои.

Да, люди всѣхъ вѣковъ и странъ
Лишь обезьянятъ обезьянъ.

«Копье-ль, дубину-ль, шпагу-ль въ руки,
Лишь бей!... Прекраснѣй нѣтъ науки,—
И мы ее преподаемъ.
А человекъ вдругъ сталъ царемъ...
Гдѣ-жь, боги, правосудье ваше?
Вѣдь образъ вашъ—подобье наше.
Да, боги, человекъ всѣхъ странъ
Лишь обезьянитъ обезьянъ».

Досадно слушать Зевсу стало.
«Вся тварь мнѣ уши прокричала,
Что человекъ мой очень тупъ
И нескусень... Да, онъ глушь,
За то мнѣ лестъ всегда готова.
А вы?... Отнять у нихъ даръ слова!
А люди всѣхъ вѣковъ и странъ
Пусть обезьянятъ обезьянъ!»

М. Михайловъ.

Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ.

(Историческій очеркъ.)

Окончаніе *).

Въ предыдущей части этой статьи нами не разъ было говорено, что родовая схема деревни была пропитана посторонними элементами. Входили они въ нее разнообразными путями, замѣщая союзъ кровнаго родства союзомъ договорнаго характера, союзомъ складства, складничества. У насъ есть одинъ любопытный документъ начала XVII вѣка (1602 г.), изъ котораго видно, что складство проникало даже въ семейный союзъ, порождая таковыя образы интересный образчикъ договорной, искусственной семьи. Одинъ крестьянинъ продаетъ другому половину своей «деревни» (въ крестьянскихъ актахъ слово деревня употребляется и для обозначенія цѣлаго и для обозначенія части, т.-е. участка каждаго деревенскаго совладѣльца, отсюда и выраженія въ родѣ: «моя деревня въ деревнѣ такой-то»). При продажѣ они заключаютъ договоръ складства на десять лѣтъ, чтобы въ теченіе этихъ десяти лѣтъ имъ составлять одну семью, «пять и ѣсть вмѣстѣ и платятъ и обувь держатъ въ тѣ срочные лѣта изъ волчьего живота, и я намъ своя деревня въ тѣ же срочные лѣта пахать, сѣять и орать вмѣстѣ же за-едино и въ промыслы ходить и посылать изъ волчьаго живота». Договариваются подробно насчетъ уплаты долговъ, которые сдѣлалъ каждый до склада, перечисляютъ «животы», скотъ и хлѣбъ, которые вноситъ каждый въ общее имущество. «Впредь буде по срочныхъ лѣтѣхъ не похотимъ жить вмѣстѣ, намъ та своя волчья деревня и что у насъ будетъ скота и срочнаго лѣта раздѣлить по половинамъ на двое и весь свой жи-

*) Русская Мысль, кн. IV.

вотъ и всякой житейской запасъ и домъ и слободу раздѣлить межъ собою пополамъ же». Черезъ 16 лѣтъ складниги эти дѣлились точно такъ же, какъ дѣлились всегда родные братья: пополамъ дворища и хоромы, пополамъ всѣ участки каждаго юля и каждаго угодыя, пополамъ всѣ животы и весь житейскій запасъ. Понадобилось также и условіе не требовать больше другъ у друга передѣла земли. Однимъ словомъ, эта дѣльная ни формой своей, ни содержаніемъ—ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ дѣльныхъ между кровными родными. Обычай такихъ складныхъ, искусственныхъ семей существуетъ и теперь на сѣверѣ, хотя, конечно, по самому характеру своему онъ не можетъ быть очень распространеннымъ, какъ не былъ, вѣроятно, распространенъ и встарину.

За то складство иного типа,—складство, вводящее посторонніе элементы не въ семью, а въ кровную, родовую клѣточку деревни,—было развито въ высшей степени.

Однимъ изъ очень распространенныхъ путей, какимъ посторонніе элементы входили въ родовую клѣточку деревни, были брачные союзы: семья, въ которой не было сыновей, чтобы наследовать ея деревенскій жеребій, а оставалась дочь, обыкновенно принимала во дворъ зятя-приемыша, который и вступалъ въ полныя права деревенскаго совладѣльца. Но этотъ случай не представляетъ интереса, такъ какъ зять - приемышъ является со всѣми атрибутами кровнаго родственника. Интереснѣе другіе случаи.

Во введеніи къ настоящей работѣ мы уже говорили, что двинское крестьянство сложилось въ значительной степени изъ своеземцевъ. Черные люди Двинской земли называли свою землю «вотчиной великаго князя», но это не мѣшало имъ распоряжаться ею, какъ полной своею собственностью,—разумѣется, только воздѣланною землей: ограниченіе этого права могло исходить лишь отъ кровнаго или некровнаго деревенскаго союза. Отсюда—купчія, закладныя, данныя на землю, которыя встрѣчаются въ безчисленномъ множествѣ между старинными актами и свидѣлствуютъ о томъ, что разнообразное отчужденіе земли было очень распространено на сѣверѣ, а слѣдовательно было распространено и вступленіе чужихъ людей въ деревенскую единицу.

Каждый получившій «по дѣлу» свой участокъ имущества могъ свободно его продать, заложить, дать въ приданное, отдать въ церковь или монастырь (подразумѣвается согласіе совладѣль-

цевъ, которые имѣли право перекупа и выкупа). Могъ онъ такимъ образомъ распорядиться или со всѣмъ своимъ участкомъ, или съ какою-нибудь его долей, или, наконецъ, даже съ лоскутомъ, оторваннымъ отъ деревенскаго участка, который онъ могъ, при согласіи совладѣльцевъ, «припустить» къ другой деревнѣ. Впрочемъ, этотъ послѣдній способъ распоряженія землей начнетъ распространяться лишь въ XVIII столѣтіи, когда, при размноженіи населенія, деревни стали сближаться: это же и было основною причиною той страшной путаницы поземельныхъ отношеній, которая наступила въ XVIII столѣтіи и образовала настоящий гордиевъ узелъ, разрубленный правительствомъ съ большою рѣшительностью. Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Для характеристики поземельнаго деревенскаго устройства важны пока лишь первые, долевыя, виды отчужденія.

Каждый могъ продать любую долю своего деревенскаго участка. Вотъ, на примѣръ, женщина—наслѣдница своего отца—продаетъ *) «двѣ доли двора своего и дворища со всѣми хоромы и двѣ доли деревни своей орамышъ земель и поженъ и по тое своей деревни двѣ доли угодій, чѣмъ я сама владѣла, а треть того двора и дворища и треть тое деревни орамышъ земель и поженъ и по тое деревни треть угодій не продала...» Такимъ образомъ являлось складническое владѣніе не только однимъ деревенскимъ участкомъ, но и дворомъ съ хорамами. Но гораздо чаще отчуждался цѣлый участокъ съ дворомъ и со всѣмъ, что къ нему тягло. Все способствовало тому, чтобы сдѣлать такого рода сдѣлки, переводящія земли изъ рукъ въ руки, самымъ обыденнымъ явленіемъ: и страшныя государственныя тяготы, лежавшія на землѣ, и промышленныя наклонности населенія, также, конечно, то, что было много крестьянъ, сидящихъ на чужой землѣ—монастырской и церковной—и естественно стремящихся приобрести собственный участокъ.

Владѣя реально своею долей, каждый членъ разложившагося печища не переставалъ быть идеальнымъ представителемъ известной доли когда-то общаго цѣлага. Отчуждая, онъ отчуждалъ не только свою землю,—землю, находящуюся въ его владѣніи,—но и свое право на эту идеальную долю. Онъ могъ продать или заложить свой деревенскій участокъ даже до дѣлежа: наприм., продается «деревенскій участокъ треть, что достанется по дѣлу»,

*) Купчая 1655 г.

или «деревенскій жеребій, что достанется по дѣлу» *). Но и при продажѣ выдѣленнаго деревенскаго участка все - таки продается не такая-то опредѣленная земля, находящаяся въ такихъ-то мѣстахъ, какъ это опредѣлялось для отдѣльныхъ лоскутовъ и позже вошло въ общій обычай, а лишь идеальная доля или доли. Напримѣръ, двое братьевъ продаютъ «деревеньку свою въ Моржегорской волости въ Алесѣвской деревни въ половинѣ шестую долю да тое же деревни въ другой половинѣ Максимовской восьмую долю и съ дворомъ и съ подворной землей» и т. д.**). Выбрали мы этотъ примѣръ, чтобы наглядно показать читателю, какія сложныя отношенія возникали въ деревенской единицѣ путемъ этихъ долевыхъ дѣлежей и отчужденій.

Такимъ образомъ изъ кровнаго деревенскаго союза, возникшаго на развалинахъ печища, очень энергично, сколько можно судить по количеству сохранившихся актовъ отчужденія земель, извлекались его кровные элементы и замѣщались посторонними. Въ тому же и родные мало-по-малу теряли сознание своей кровной связи. Союзъ родственниковъ замѣщался союзомъ складниковъ, сосѣдей, сябровъ, сохраняя подъ собой всецѣло старую кровную схему.

Изъ всего изложеннаго выше, кажется, ясно, въ чемъ заключалась суть поземельной организаци старой сѣверной деревни. Это не было общинное владѣнiе, такъ какъ величина участка каждаго деревенскаго совладѣльца опредѣляется наслѣдованiемъ, покупкой и т. п. основанiями, не имѣющими ничего общаго съ тѣми основанiями, которыми теперь опредѣляется право общинника на его долю. Но это не было и подворно-участковое владѣнiе, такъ какъ каждый деревенскiй совладѣлецъ являлся представителемъ идеальной доли цѣлаго, деревни, всего, «что къ той деревни изстарь потягло». Каждый сосѣдъ, складчикъ, сяберъ въ смыслѣ поземельнаго владѣнiя есть только дробь деревенской единицы и ужъ, конечно, еще гораздо дальше отстоитъ отъ современнаго крестьянина-собственника, чѣмъ отъ крестьянина-общинника. Сознаемъ, что съ нашей стороны нѣкоторая смѣлость составлять гипотезы въ такомъ важномъ и темномъ вопросѣ, но мы все-таки выскажемъ наши предположенiя въ надеждѣ, что, можетъ-быть, намъ удастся вызвать со стороны какого - нибудь компетентнаго лица основательное уясненiе этого

*) Двѣ купчи 1699 г.

**) Купчая 1615 г.

предмета. Намъ сдается, можно отыскать подтвержденія нашему предположенію въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ, что описанная нами долевая деревенская поземельная организація была общимъ типомъ старой русской поземельной организаціи (по крайней мѣрѣ для Новгородскаго района), выросшимъ на развалинахъ той послѣдней стадіи родового быта, которая называется у юго-западныхъ славянъ задругой, а на сѣверѣ — пещищемъ. Долевая деревенская организація можетъ быть сочтена за материнскую форму, которая заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ всѣ существенныя черты обѣихъ развившихся изъ нея формъ поземельнаго владѣнія, какъ общинной, такъ и подворно-участковой. Отъ постороннихъ вліяній зависѣло, которыя стороны будутъ подхвачены жизненнымъ процессомъ, получать нитаніе и ростъ, которыя замрутъ. Существеннѣйшимъ изъ такихъ вліяній было то, въ какомъ отношеніи останется крестьянинъ къ своей землѣ. Если онъ сохранитъ на нее право собственности (не устаемъ повторять, что подъ землей вездѣ подразумѣвается воздѣланная земля, земля со вложеннымъ въ нее трудомъ) болѣе или менѣе отдаленное, то неизбѣжное послѣдствіе — разрушеніе деревенской организаціи и возникновеніе участковаго владѣнія, начало котораго мы и видимъ на сѣверѣ въ XVIII вѣкѣ. Если право собственности на землю будетъ отдѣлено отъ земледѣльческаго класса и перейдетъ къ государству или къ другому классу, какъ было въ центрѣ, — тѣ стороны, подъ давленіемъ которыхъ развивалось индивидуальное владѣніе, замрутъ и получатъ возможность роста и развитія лишь тѣ, которыя будутъ поддерживать коллективность формы. Но перейдемъ изъ области предположеній снова на твердую почву фактовъ.

По типу деревенской организаціи было организовано отчасти и пользованіе рыбными тонями, а въ особенности соляными варницами; о которыхъ сохранилось особенно много свѣдѣній. Не распространяемся объ этомъ, такъ какъ мы, въ нашей статьѣ объ артеляхъ Архангельской губерніи, излагали довольно подробно организацію владѣнія въ соляныхъ варницахъ *), а потомъ и г. Соколовскій повторилъ сообщенные нами факты въ своей известной книгѣ объ исторіи сѣверной общины. Варница можетъ быть совершенно приравнена къ деревцѣ, — къ ней, какъ и къ деревнѣ, тянутъ варничныя уголья. Складники, сябры, варницы точно вос-

*) „Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ“, вып. II, стр. 136—146.

производить собою въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ складни-ковъ, сябровъ деревни. Что по этому же типу было организовано и владѣніе рыбными тонями, на это есть тоже самыя точныя свидѣтельства *). Указываемъ на эти факты для интересующихся, такъ какъ они могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ предмету настоящей статьи, къ поземельной организаціи деревни.

Замѣщая собою кровныхъ родственниковъ и являясь въ силу этого обстоятельства представителями какой-нибудь идеальной доли общаго деревенскаго цѣлаго, складники естественно могли также требовать передѣла и уравниванья въ своихъ доляхъ, какого имѣли право требовать и кровные родственники. «Уравниваться по купчимъ крѣпостямъ» — выраженіе, встрѣчающееся въ старинныхъ деревенскихъ актахъ, и хотя оно достаточно нелѣпо съ современной точки зрѣнія, но въ высшей степени характерно для старинныхъ сѣверныхъ поземельныхъ распоряжковъ. Отказъ въ уравниваніи, по жалобѣ обиженнаго, могъ влечь за собою даже вмѣшательство высшей правительственной власти, которая возстановляла нарушенное право. У насъ есть два любопытныхъ свѣдѣній, заключающихъ въ себѣ дѣло о столкновеніи такихъ деревенскихъ совладѣльцевъ, — дѣло довольно поздняго времени, конца XVII вѣка, когда въ деревенской поземельной организаціи начали замѣчаться признаки разложенія. Двое крестьянъ кяроостровцевъ бьютъ челомъ великимъ государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ на двухъ же другихъ своихъ совладѣльцевъ деревни Настасьинской «въ ровности орамышъ земель и сѣнныхъ покосовъ» въ такихъ-то поляхъ и угодьяхъ. Отвѣтчики заявляютъ, что они «по старымъ крѣпостямъ ровняться готовы». Вслѣдствіе этого, изъ сѣзжей избы посылается память мѣстному земскому судейкѣ и сотскому, чтобъ они «взяли съ собою веревшика человека добра да старожилонъ и волостныхъ крестьянъ сколько человекъ пригоше и съ тѣми людьми у такихъ-то въ Настасьинской деревни по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ орамые земли и сѣнные покосы и всяніе угодья сравнили въ правду по евангельской зановѣди Господни...» Черезъ четыре года снова идетъ уравниваніе. Одинъ изъ отвѣтчиковъ уравнивается съ новыми двумя совладѣльцами «по письменнымъ своимъ крѣпостямъ, по купчимъ и по дѣльнымъ, въ орамышъ земляхъ и сѣнныхъ по-

*) „Юридическіе Акты“, № 71. Выписъ съ писцовыхъ книгъ Ондрея Пещѣва 90 (1482) году въ Архивѣ истор.-юр. свѣдѣній Калачова. 1861 г., кн. 3.

косахъ, пожняхъ, причистныхъ земляхъ и рѣшницахъ». Подробно излагается, кому сколько пришлось «донять» земли въ каждомъ полѣ и въ каждомъ угодьѣ,—напримѣръ, такъ: «и по тое ровности довелось имъ Кондратью да Василью донять у меня, Алексѣя, въ большемъ поли въ ольховицы пять пядей полъ-третья вершка да въ ичняжной кошки и въ медвѣдкахъ пять же пядей полтора вершка и за ту доверсточную землю они, Кондратей да Василей, у меня, Алексѣя, взяли по дочету въ причистныхъ земляхъ въ рѣшницахъ въ сѣнномъ кутѣ... А что довелось мнѣ, Алексѣю, по тое жъ ровности донять у нихъ, Кондратья да у Василья, въ орыхъ же земляхъ въ большемъ поли на вонговицы изъ половины изъ ихъ доли сажень шесть аршинъ и ту землю на вонговицы я, Алексѣй, у нихъ, Кондратья съ братомъ, взялъ съ верхняго конца къ своей земли смежно...» Всюду исчисляются не только сажени, но пяди и вершки, которые должны отойти отъ одной стороны къ другой. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ совершалось это уравниваніе между деревенскими совладѣльцами или складниками. Кромѣ описаннаго выше урѣзыванія или прирѣзыванія кусочковъ не было другаго способа уравниванія, хотя въ актахъ рядомъ встрѣчаются выраженія «передѣлъ» и «уравниваніе».

Но кромѣ складниковъ-дольщиковъ въ деревнѣ, былъ и еще видъ деревенскаго складства, очень распространенный и тоже имѣвшій свой корень въ кровной основѣ деревенскаго союза. Мы уже говорили выше, что при раздѣленіи кровнаго союза родственники почти никогда, сколько можно судить по сохранившимся актамъ, не дѣлились имуществомъ, особенно же нѣкоторыми видами угодій, совсѣмъ, а оставляли постоянно извѣстную часть ихъ въ нераздѣльномъ пользованіи. Угодьями, по преимуществу недѣлившимися, были рыбныя тони, а изъ земель—пожни. Кровные элементы деревни извлекались и замѣщались посторонними, родные теряли со временемъ сознаніе соединявшей ихъ родственной связи, а угодья все продолжали оставаться, какъ и въ началѣ, въ общемъ пользованіи всѣхъ или нѣкоторыхъ деревенскихъ совладѣльцевъ. Все это были, вѣроятно, угодья, неудобныя для раздѣла, которыя нельзя было раздѣлить безъ нарушенія или справедливости, или общей выгоды *).

*) Впрочемъ, мы имѣемъ и случаи дѣлежей этихъ угодій: напримѣръ, очень интересная дѣльная семи яростровцевъ 1623 г., которые дѣлятъ по третямъ находившіяся до тѣхъ поръ въ нераздѣльномъ пользованіи острова Медвѣдокъ.

такихъ нераздѣльныхъ угодій дожили даже до нашихъ дней, не-реживъ всё перипетіи, которыми не бѣдна была исторія сѣвернаго землевладѣнія. Нераздѣльное пользованіе угодьями называется на языкѣ сѣверныхъ актовъ складствомъ, соучастники его складниками, по преимуществу, такъ что если встрѣчается слово складникъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, всегда нужно понимать его въ смыслѣ именно такого нераздѣльнаго пользованія.

Во владѣніи большаго и богатаго пещица была, случалось, и не одна деревня,—были деревни прикупныя, которыми надѣлялись, при раздѣлѣ, отдѣльные члены, какъ уже было сказано выше. Но при этомъ все-таки могли оставаться и оставались нѣкоторыя угодья недѣленными. Отсюда земли, по преимуществу пожни, находящіяся въ складствѣ между складниками различныхъ деревень—случаи складства тоже встрѣчающіеся, хотя значительно рѣже, чѣмъ складство въ нераздѣльномъ пользованіи угодьями одной и той же деревни.

Этихъ нераздѣльныхъ угодій, главнымъ образомъ поженъ, «вопчихъ земель», «вопчихъ общинъ» было такое множество, сколько можно судить по актамъ и веревнымъ, что почти не было деревень, не имѣющихъ такихъ вопчихъ. Или вся деревня, или хоть часть ея совладѣльцевъ непременно имѣла въ общемъ пользованіи какія-нибудь поженки, переложки, закраины. «Въ деревнѣ такой-то у такого-то со складниками сѣнныхъ покосовъ столько-то» или «у такихъ-то общей земли, общихъ поженъ столько-то»—постоянно встрѣчается въ веревныхъ. Владѣніе въ этихъ угодьяхъ было такое же доленое, какъ и въ остальной деревнѣ, съ тою разницей, что долями здѣсь опредѣлялось не право на такой-то участокъ земли, а лишь право на такое-то количество продукта. Бое-какія подробности о нераздѣльномъ владѣніи пожнями находятся въ нашей статьѣ объ артеляхъ Архангельской губерніи *).

Складники этого типа также имѣли право перекуна и выкупа, какъ видно изъ одной купчей прошлаго столѣтія **). Брестянинъ продаетъ другому свою долю пожни, находящейся въ общемъ владѣніи со складниками. При этомъ сообщается, что продажа совершена «со объявленіемъ складникамъ» и что «у тѣхъ складниковъ денегъ дать за скудостью не было». Продается пожня «въ дернь, безъ вывѣта» и «впередъ до той пожни намъ (про-

*) «Сборникъ матер. объ артеляхъ», т. II, стр. 151—154.

**) Купчая 1764 г.

давцамъ) дѣла нѣтъ, ни дѣтямъ нашимъ, ни сродникамъ, ни складникамъ нашимъ», — слѣдовательно, складники имѣли вѣсть съ правомъ перекуна, и право требовать проданную землю на выкупъ, также какъ и кровные родственники.

Прибавимъ еще нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній.

Мы установили фактъ существованія на сѣверѣ особой поземельной деревенской организаціи, которую называемъ, за неимѣніемъ соотвѣтствующаго научнаго термина, долевою организаціей, долевымъ владѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы отрицаемъ — или по крайней мѣрѣ подвергаемъ сильному сомнѣнію — существованіе на сѣверѣ какой-нибудь иной поземельной организаціи большаго размѣра и иного типа. За отрицаніе говорить и отсутствіе какихъ-либо точныхъ фактическихъ указаній и апіорныя соображенія. Финскій сѣверъ колонизовался относительно поздно, когда родово-племенной бытъ у русскихъ славянъ долженъ былъ уже подвергнуться разложецію, и все, что мы знаемъ объ этой колонизаціи, подтверждаетъ высказанное предположеніе; затѣмъ, еслибы движеніе шло даже и родами, то условія мѣстности — лѣсной и болотистой, гдѣ удобныя земли лежатъ клочками — не позволили бы селиться болѣе или менѣе сплоченными группами, по неволѣ разрывали бы родовую связь. Констатируемъ фактъ лишь для крайняго сѣвера, не принимая на себя рѣшеніе того, насколько этотъ сѣверъ можетъ быть подвинутъ на югъ. Но что онъ не можетъ быть заключенъ въ предѣлахъ Двинской земли, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ писцовыя и переписныя книги.

Сначала «село», потомъ «деревня» — вотъ два названія, встрѣчающіяся въ сѣверныхъ актахъ для поземельныхъ клѣточекъ, разбросанныхъ по дикой землѣ. Оба эти названія изслѣдователи понимаютъ обыкновенно въ современномъ смыслѣ слова, въ смыслѣ населеннаго мѣста. Нашъ извѣстный филологъ г. Потѣбня *) чуть ли не первый обратилъ вниманіе на то, что смыслъ древнихъ актовъ не позволяетъ вкладывать въ эти слова такое содержаніе; онъ рѣшительно склоняется къ тому мнѣнію, что «село» или «деревня» актовъ должны быть понимаемы въ смыслѣ участка воздѣланной земли. Намъ думается, что истина находится въ примиреніи этихъ двухъ мнѣній: село или деревня вначалѣ непременно обхватываетъ совокупность земли и двора или дворовъ

*) А. Потѣбня: «Этимологическія замѣтки».

и это сложное понятіе лишь позже дифференцируется на два отдѣльных понятія—населеннаго мѣста и земли.

«Село» новгородскихъ актовъ обыкновенно является лишь съ однимъ дворомъ. Это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми указанными выше свидѣтельствами актовъ, позволяетъ заключать, что въ новгородскій періодъ исторіи нашего сѣвера преобладалъ задружный характеръ семейнаго устройства и въ связи съ нимъ поземельнаго владѣнія. По свидѣтельству Вогишича *)), кое-гдѣ въ Сербіи до сихъ поръ «село» обозначаетъ и поселеніе, и отдѣльную кучу или задругу: «приселите се» значитъ сдѣлаться участникомъ правъ задруги, «селище» — земля задруги. Такимъ образомъ «село» служитъ синонимомъ «печица» (по-малорусски печице—мѣсто, гдѣ была печь) или «огнища **): «печице» обозначаетъ ровный союзъ, группирующійся около одного огня, очага, и представляющій въ то же самое время обособленное населенное мѣсто и землю, находящуюся въ распоряженіи союза. Это слово, отъ котораго вѣтъ на насъ мраномъ до-историческихъ временъ, разбилось своимъ первоначальнымъ сложнымъ содержаніемъ на нѣсколько значеній: на примѣръ, огнище въ Сербіи—та коренная куча, отъ которой отдѣлились другія и которая достается при дѣлѣжѣ меньшему брату; огнище въ Вологодской губерніи—выжженная изъ-подъ лѣса земля; печице въ Архангельской губерніи—или отдѣльная деревня (Пинежскій уѣздъ), или нѣсколько слившихся вмѣстѣ деревень (Архангельскій уѣздъ), въ томъ и другомъ случаѣ населенное мѣсто съ обособленнымъ землевладѣніемъ.

«Деревня», по изслѣдованію г. Потевни, означаетъ выдранную, расчищенную изъ-подъ лѣса землю. Въ Московской землѣ «деревня» замѣнила собою «село», причемъ «село», утративъ свое первоначальное значеніе, стало употребляться въ смыслѣ сѣверной «волости», т. е. совокупности деревень, связанныхъ тягломъ

*) Bogišić: „Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena“. 1874 года, стр. 12.

**) „Огонь въ сферѣ права служитъ символомъ оккупации, заимки, приобретѣнія собственности, символомъ традиціи, семейства. Людямъ въ первобытномъ состояніи огонь служилъ средствомъ очистки земель отъ лѣсовъ и способомъ приобретѣнія собственности. Такъ вожди народныхъ общинъ, выселившіеся въ 870 г. въ Исландію, уходя отъ тиранин и преслѣдованій Гарольда, селили на берегъ съ огнемъ. Глава вождей несъ горящую головню и вся земля, которую отъ него заняли въ теченіе дня съ помощью огня, объявлена была его собственностью“. Карассевичъ: „Гражданское обычное право Франціи въ историческомъ его развитіи“, стр. 79.

и принадлежностью къ одному погосту. Этимъ объясняется, почему въ языкѣ сѣверныхъ актовъ, съ водвореніемъ московскаго владычества, «село» внезапно исчезаетъ и замѣняется словомъ деревня: официальный языкъ, какимъ былъ, конечно, языкъ актовъ, не могъ допустить употребленія одного и того же слова въ двухъ совершенно различныхъ значеніяхъ, и новгородскій терминъ долженъ былъ уступить мѣсто московскому. Но такъ какъ село еще не утратило окончательно своего задружнаго характера, то и деревня вначалѣ обозначала то же самое печище, задругу. Съ разложеніемъ задруги, съ развитіемъ изъ нея долеваго владѣнія, слово деревня и стало обозначать такую долевою земельную организацію, — съ такимъ, по преимуществу, значеніемъ мы встрѣчаемъ это слово въ сѣверныхъ актахъ московскаго періода. Но въ то же самое время оно обозначаетъ, по веревнымъ книгамъ, и участокъ каждаго деревенскаго совладѣльца, позднѣе одну пахатную землю и даже поле. Такимъ образомъ мы видимъ, что содержаніе слова деревня разбилось между понятіями населеннаго мѣста и земли; но г. Потебня указываетъ въ малорусскомъ нарѣчьи еще одно малоизвѣстное его значеніе — «домъ»: «у міщанина новая деревня... великая семья» (изъ пѣсни). Очевидно, что въ словѣ деревня, какъ и въ словѣ село и печище, языкъ сближаетъ всѣ тѣ же, повидимому такъ разнородныя, понятія, какъ жилье человѣческое, — слѣдовательно, семейный союзъ, населенное мѣсто и земля, — чѣмъ еще разъ подтверждается первоначальная цѣлостность, нераздѣльность этихъ понятій.

«Braća rodijeljena komšije pazwate», то-есть «раздѣленные братья — названные сосѣди», такъ опредѣляетъ сербская пословица происхожденіе сосѣдства. «Сосѣди-складники *»), порядны приближенные!» — поетъ старинная архангельская свадебная пѣсня, указывая такимъ образомъ на другой источникъ его происхожденія. Сосѣди, шабры, сябры есть или родственники, или складники, въ томъ и другомъ случаѣ деревенскіе совладѣльцы, сначала дольщики въ деревнѣ, при разрушеніи деревенской организаціи, и недольщики, но всегда участники въ общесмѣнномъ владѣніи, а слѣдовательно и въ обязательномъ сѣвооборотѣ. «А кто съ кѣмъ ростяжется о землѣ, а почнетъ просить срогу на управы (на истребованіе документовъ) или на шабры, ино ему

*) Любопытно, что слово складники, опредѣляющее собою принципъ противоположный кровному, само имѣетъ корни въ родовыхъ отношеніяхъ. Въ Сербіи непохѣленные братья называются skladna braća.

дать одинъ срокъ и т. д.; а ему сказать шабра своего на имя за кѣмъ управы лежать...», говоритъ новгородская судная грамота *). Еще яснѣе смыслъ соответствующаго мѣста псковской судной грамоты **): «А кто съ кѣмъ ростижутся о земли или о борти да положить грамоты старья и купленную (купчую) свою грамоту и его грамоты найдутъ многихъ бо сябровъ земли и борти и сябры вси стануть на суду въ одномъ мѣсте отвѣчаючи ктожь за свою землю, или за борть, да и грамоты подъ господю (судомъ) покладуть, да и межниковъ возмутъ и тои отведуть у стариковъ по своей купной грамотѣ свою часть: ино ему правда дати по своей части...» Здѣсь мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ земельнымъ владѣніемъ, тождественнымъ съ описаннымъ нами деревенскимъ долевымъ владѣніемъ: права совладѣльцевъ опираются на старья и купчія грамоты, но тѣмъ не менѣе они владѣютъ каждый «по своей части», т. е. долями. Это и есть сябры, шабры, сосѣди-складники въ ближайшемъ и точномъ смыслѣ этого слова. Вообще значеніе сосѣдства и сосѣдскаго права почти совершенно не выяснено наукой; а между тѣмъ это—предметъ, который не можетъ быть обойденъ будущей исторіей нашей поземельной общины или крестьянства. У западныхъ славянъ сосѣдство сохранило еще до сихъ поръ большое нравственное значеніе: сосѣди обязаны другъ другу взаимною помощью, защитой. Мало того, они имѣютъ даже право пережюна недвижимыхъ имуществъ ***), какъ и описанные нами деревенскіе совладѣльцы. Деревенскимъ совладѣльцамъ, т. е. сосѣдямъ въ точномъ смыслѣ этого слова, или «приближеннымъ», «ближнимъ» сосѣдямъ, вѣроятно, принадлежало и право наследованія за отсутствіемъ родственниковъ. Въ одномъ донесеніи фискала холмогорскому архіерею, начала прошлаго вѣка, крестьянинъ обвиняется въ томъ, что онъ завладѣлъ имуществомъ умершей женщины, «не будучи ей ни родственникъ, ни ближній сосѣдъ».

Въ заключеніе, еще одинъ вопросъ: неужели описанная нами форма деревенскаго долеваго владѣнія представляетъ собою исключеніе, не имѣющее никакихъ аналогій въ исторіи развитія поземельнаго владѣнія у другихъ народовъ? Вѣдь въ исторіи этой такъ поразительно много общаго... Конечно, мы не имѣемъ права сказать, что, положимъ, процессъ развитія поземельныхъ формъ

*) «Акты Археограф. Экспедиціи», т. I, № 92.

***) Ст. 106.

***) Bogišić, стр. 292 и 644.

и отношений у русских славянъ былъ тотъ же, что и у нѣмцевъ; но той простой причинѣ, что мы слишкомъ мало знаемъ относительно того, какъ двигался у насъ этотъ процессъ. Но масса тождественныхъ частныхъ фактовъ невольно наводитъ на мысль о близкомъ родствѣ и самыхъ процессовъ. Мы видимъ, напримѣръ, что въ старомъ германскомъ правѣ потушеніе огня на очагѣ или разореніе очага было символомъ потери членомъ общины его общинныхъ правъ *), ясно, что наше печичье (огнище) въ смыслѣ земли, тяготящей къ очагу, оноло котораго группируется семейный союзъ, имѣло свои связи въ исторіи соответствующихъ германскихъ учреждений. Нѣмецкая «Dorf» въ своемъ происхожденіи совершенно тождественна съ нашей деревней: то и другое значила вначалѣ расчищенная изъ-подъ лѣса земля—*Rotland*, «въ старой маркѣ—вновь расчищенная маленькая полевая марка» **). Изъ вышенприведенныхъ веревныхъ таблицъ видно, что одинъ крестьянинъ сидитъ на верви, другой на двухъ и т. д.; у нѣмцевъ встрѣчаются одноверевныя, двухверевныя (*einschnürige, zweischnürige* ***) крестьянскія земли. Вообще веревка (*funiculum, Schnur, Seil, Reif* и т. п.) играла такую же роль въ исторіи германской земли, какъ и нашей: она служила для измѣреній земли вообще и специально для уравниванія. Постоянно встрѣчающіяся въ германскихъ старыхъ актахъ названія для земли *Loos, zogs* точно переводятся нашими—участокъ, жеребей и т. д. Конечно, только изслѣдованіе можетъ придать настоящій смыслъ всѣмъ этимъ и подобнымъ сопоставленіямъ, имѣющимъ пока лишь значеніе внѣшнихъ аналогій. Но совокупность этихъ аналогій такъ полно настраиваетъ умъ на предположеніе о тождествѣ процессовъ, проявленіями которыхъ служатъ упомянутые частные факты, что уже съ нѣкоторой увѣренностью, найдя извѣстную форму здѣсь, начинаешь отыскивать ея аналогію и тамъ.

Однако по отношенію къ деревнѣ ожиданія, повидимому, совершенно обманываютъ; но это только повидимому. Нѣмецкая *Dorf*, описываемая Мауреромъ, очевидно есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ извѣстная намъ сѣверная деревня. Мауреръ не знаетъ никакой долевои поземельной деревенской организаціи. Это несомнѣнно; но намъ кажется также несомнѣннымъ и то, что онъ

*) *Maurer*: „Geschichte der Dorfverfassung“, т. I, стр. 185.

**) *Maurer*: „Finleitung“, стр. 73.

***) *Ibid.*, стр. 178.

даетъ ясныя свидѣтельства въ пользу того, что такая организація была, — не имѣя о ней никакого представленія, онъ механически подводитъ факты этого рода подъ свои положенія.

Въ самомъ началѣ своего введенія Мауреръ говоритъ о двухъ типахъ старо-германскихъ поселеній: селеніи (Dorf) *) и дворѣ. Что германцы имѣли обыкновеніе садиться отдѣльными дворами, объ этомъ прямо свидѣтельствуеетъ Тацитъ, сообщая, что германцы не живутъ поселеніями со скученными постройками, но такъ, что дворъ каждаго окружаетъ пространство. Свидѣтельство Тацита подтверждается и нѣмецкими источниками. Оттого между нѣмецкими учеными нѣкогда было общепринятымъ мнѣніе, что воздѣлываніе земли въ Германіи начато было отдѣльными дворами, которые позже соединились въ поселенія. Мауреръ же принимаетъ, что наряду съ дворовыми поселеніями отъ глубокой древности были и селенія съ общиннымъ землевладѣніемъ. Съ большей сновательностью замѣчаетъ онъ, что такіа дворовыя поселенія заводились тамъ, гдѣ чувствовался недостатокъ въ свободномъ пространствѣ вообще или въ удобной къ воздѣлыванію землѣ, напримѣръ въ горахъ, лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ. Но, установивъ фактъ существованія такихъ дворовыхъ поселеній, Мауреръ совершенно его кидаетъ, — его интересуеетъ лишь судьба селеній съ ихъ общиннымъ землевладѣніемъ.

А между тѣмъ, съ нашей сѣверно-русской точки зрѣнія, насъ должна интересовать прежде всего именно судьба этого изолированного двора (mansus, Gube), съ которыми мы должны сближать нашу деревню за невозможностью сблизить ее съ нѣмецкой Dorf **). Что дворъ этотъ былъ такой же самостоятельной поземельною клѣточкой, районъ тяготѣнія которой опредѣлялся тѣмъ *wohin Pflug und Sense geht*, это хорошо видно изъ всего, что Мауреръ говоритъ о дворѣ вообще. Что этотъ дворъ былъ той же самой задругой, печищемъ, обиталищемъ цѣлага кровнаго союза, тоже видно совершенно ясно. Объ этомъ Мауреръ не разъ говорить

*) Ibid., стр. 10. Не переводимъ слово Dorf словомъ деревня, чтобы не произвестъ путаницы.

***) Обратите вниманіе на выраженія германскихъ памятниковъ („Finleitang“, 281) въ родѣ: „mansus et dimidius“, „dimidius mansus et octava pars mansi“, „sunt huae plenae XXXVIII et dimidia una“, — они такъ живо напоминаютъ выраженія нашихъ писцовыхъ книгъ и другихъ старинныхъ актовъ: „поль-деревни и жеребій деревни“ (восьмая часть), и „всего деревень столько-то съ половиною живущихъ“ и т. д.

въ разныхъ мѣстахъ своихъ работъ *). Значить, были на-лицо всѣ условія, необходимыя для того, чтобы могла возникнуть форма владѣнія аналогичная съ нашимъ деревенскимъ долевымъ владѣніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, у Маурера встрѣчаются факты, прямо указывающіе на существованіе именно такой долевой земельной организаціи.

Съ очень ранняго времени, — говоритъ Мауреръ **) (первыя извѣстія отъ VIII вѣка), — встрѣчаются крестьянскіе дворы (дворъ — совокупность всего, тянущаго ко двору), дѣленные на 8, 9, 14, 16, 32 и даже до 160 частей. Въ иныхъ мѣстахъ дворъ могъ дѣлиться только на четыре части; но эти части опять дѣлились на половины и четверти, даже на восьмыя, такъ что первоначальная единица двора разбивалась на 32 части. Отсюда — половинные, четвертные, восьминные и т. д. крестьяне. Послѣ дѣлежа каждая часть становилась самостоятельнымъ цѣлымъ; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эти подѣлившіяся части не переставали составлять одно цѣлое. А именно всѣ обладатели частей (Theilgenossen, Geteileten, Theilinge) составляли одну податную единицу (Zinsgenossenschaft), каковой единицей была наша деревня, какъ видно изъ писцовыхъ, и связаны были взаимной отвѣтственностью и круговою порукой. Цѣлое, раздробленное на доли, могло быть опять восстановлено путемъ покупки отдѣльныхъ долей, какъ это всегда могло имѣть мѣсто и въ нашей деревнѣ. Владѣльцы этихъ долей, по-нашему складники, при отчужденіи земли ихъ совладѣльцами имѣли преимущество передъ чужими. Мало того: они имѣли преимущество передъ членами кровнаго (двороваго — Gofgenossenschaft) и, случалось, даже семейнаго союза, передъ прямыми наследниками. Отчужденную уже часть они могли требовать на выкупъ; слѣдовательно, имѣли, подобно нашимъ складникамъ, право перекупа и выкупа долей.

Мауреръ свидѣтельствуетъ о большомъ распространеніи этой формы земельного владѣнія; но онъ говоритъ о ней вскользь, рассматривая ее, страннымъ образомъ, какъ какую-то разновидность двора, и потому не придаетъ ей никакого значенія. Ни возникновенія, ни развитія, ни окончательной судьбы этой формы — ничего не видно изъ работъ Маурера. Но и изъ того немногаго, что онъ сообщаетъ, кажется, достаточно ясно, что мы имѣемъ

*) Напр. „Geschichte der Dorfverfassung“, т. I, стр. 64 и другія мѣста.

**) „Geschichte der Fronhöfe“, стр. 323 и слѣд.

въ этой формѣ полную аналогію нашему деревенскому владѣнію. Почему наша деревня получила дальнѣйшее развитіе, а ея германская аналогія, повидимому, исчезла?—Конечно, эта различная судьба находится въ тѣсной связи съ различнымъ направлениемъ, какое приняло въ своемъ развитіи наследственное право, развившее въ Германіи майоратъ и миноратъ, а у насъ сохранившее въ своей силѣ первоначальное равенство. Но рѣшеніе этого и подобныхъ вопросовъ есть дѣло будущаго и, вѣроятно, еще не очень близкаго: пока дай Богъ поставить правильно вѣхи, намѣчающія пути будущихъ изслѣдованій.

II.

Что такое была та большая единица, которой наши ученые приписываютъ общинно-поземельный характеръ въ pendant нѣмѣцкой родовой маркѣ?

Разсматривая соответствующіе историческіе факты, находимъ три формы, за которыми нельзя не признать свойствъ формъ органическихъ, не навязанныхъ землѣ государствомъ, хотя, позже, и приуроченныхъ къ государственному тяглу. Формы эти—вервь, погость, волость. Только этимъ формамъ можно приписывать съ нѣкоторымъ основаніемъ поземельно-общинный характеръ.

«Вервь», «волость», «погость» иногда отождествляются учеными, которые считаютъ ихъ за выраженіе, различное по мѣсту и времени, одного и того же понятія большой поземельной единицы. Вѣрно ли это отождествленіе?—вопросъ темный. Съ одной стороны, есть нѣкоторыя основанія ихъ отождествлять. Вервь «Русской Правды» является съ такимъ же значеніемъ юридическаго лица *), съ какимъ позже является сѣверная волость; слово волость замѣняется иногда словомъ погость, какъ равнозначущее **). Но можно не мало говорить и противъ такого отождествленія. Погосты писцовыхъ книгъ заключаютъ въ себѣ по нѣскольку волостей, а случается и волость заключаетъ въ себѣ нѣсколько погостовъ ***),—однимъ словомъ, волость является единицей, совсѣмъ отличной отъ погоста: это — совокупность земель, объединенныхъ однимъ владѣніемъ. Волости перерѣзывали и искрещивали погосты въ

*) „Аже кто оубиеть княжа мужа... вервьноюу платити въ чей же верви голова лежитъ“. Въ позднѣйшихъ актахъ съ такимъ значеніемъ „появляется волость“.

**) *Неволинъ*: „О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ“, стр. 106.

***) Тамъ же, стр. 110.

разныхъ направленийъ. Какъ бы то ни было, позднѣйшая сѣверная волость, т.-е. волость московскаго періода, близко подходитъ къ погосту новгородскихъ писцовыхъ книгъ, отличающагося отъ него развѣ только меньшимъ райономъ, что легко объясняется увеличеніемъ народонаселенія, побуждавшимъ старинныя обширныя погосты дробиться на болѣе мелкія территоріальныя единицы.

Но такъ или иначе, отождествляя или различая эти формы, все-таки нельзя не признать за ними органическаго происхожденія. Но это не значитъ еще, чтобъ онѣ имѣли непремѣнно общинно-поземельный характеръ. Мы полагаемъ, что только относительно верви можно поддерживать съ нѣкоторымъ успѣхомъ положеніе объ общинно-поземельномъ ея характерѣ. Да и то не потому ли, что за отсутствіемъ положительныхъ фактовъ здѣсь гораздо свободнѣе можетъ работать діалектика?

Лешковъ съ большимъ умѣньемъ и талантомъ нарисовалъ картину нашей первоначальной верви, большой общины-марки. Но всякій, кто знаетъ, что основаніемъ для его построенія послужили два-три мѣста «Русской Правды», собственно даже не касающіяся поземельнаго владѣнія, не можетъ не отнестись къ нему скептически. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что его построеніе очень правдоподобно. Самое сильное, хотя тоже косвенное, доказательство общинно-поземельнаго значенія верви есть вервленіе и все къ нему относящееся, перенесенное въ позднѣйшую сѣверную черную волость. Вервленіе всегда совершалось въ предѣлахъ волости, — это была одна изъ существеннѣйшихъ функцій волостной организаціи. Въ описываемое нами время (XVI—XVII вв.) «волостная веревка» на сѣверѣ служила исключительно для измѣренія земли съ цѣлью равномернаго распредѣленія податныхъ тягостей. Но, кромѣ измѣренія, вервленіе, по всей вѣроятности, имѣло когда-то и другой смыслъ — уравниванія земли внутри всего веревнаго, или волостнаго, района: на это наводятъ разнообразныя соображенія и, между прочимъ, аналогія въ развитіи соотвѣствующихъ германскихъ учреждений. Въ высшей степени вѣроятно, что южная, степная, вервь, представляя собой болѣе или менѣе крупную территоріальную единицу, занятую какимъ-нибудь подраздѣленіемъ рода, путемъ вервленія дѣлила и уравнивала землю между большими семейными союзами, которые осѣли отдѣльными клѣточками на родовой землѣ. Но такая вервь не была перенесена на сѣверъ, по крайней мѣрѣ на крайній сѣверъ: никакого равенства между дворами, изъ кото-

рыхъ выросли деревни, не видно, нѣтъ и необходимыхъ условій, которыя сдѣлали бы возможнымъ такое равенство.

Но, скажутъ, можетъ-быть, если не было въ указанной большой территоріальной единицѣ уравниванія, а слѣдовательно и общиннаго владѣнія въ воздѣланной землѣ, то оно все-таки могло удержаться въ землѣ невоздѣланной, лѣсахъ, пастбищахъ и пр. угодьяхъ. Выше мы уже говорили немного по этому поводу; поговоримъ здѣсь пообстоятельнѣе.

Могъ ли имѣть общія нераздѣльныя угодья новгородскій погостъ, фізіономія котораго хорошо вырисовывается изъ новгородскихъ переписныхъ книгъ?

Прежде всего надо имѣть въ виду, что погостъ былъ всегда очень крупной территоріальной единицей — по нѣскольку сотъ квадратныхъ верстъ. Возьмемъ, напр., Городенскій погостъ Вотской пятины*), который мы брали раньше, и рассмотримъ, что это такое. Около полутораста деревень разбросано по теченію нѣсколькихъ рѣкъ и по берегу Ладожскаго озера. Всѣ эти деревни, въ новгородскія времена, группировались въ волости и волости новгородскихъ бояръ и монастырей, на земляхъ которыхъ сидѣли половники, и шесть деревень принадлежали своеземцамъ; московскіе князья часть отнятыхъ владѣльческихъ волостей и волостокъ оставили за собой, часть за монастырями, часть пораздавали въ помѣстье боярамъ, боярскимъ дѣтямъ и служилымъ людямъ; своеземцы остались—какъ были. Такимъ образомъ погостъ, какъ въ новгородскія времена, такъ и въ московскія, являлся разбитымъ на отдѣльныя самостоятельныя владѣнія, изъ которыхъ каждое захватывало большее или меньшее, неопредѣленное, количество деревень. При такомъ составѣ погоста возможно ли предположить общинное погостное владѣніе чѣмъ бы то ни было? Да и чѣмъ же собственно? Лѣса были такою всеполюняющею, всезахватывающею Божіей стихіей, что разграничивать ихъ не было ни смысла, ни возможности. Пастбища и выгоны не могли быть общими уже по той простой причинѣ, что это было физически невозможно при данныхъ размѣрахъ погостской единицы. Рыболовныя угодья, какъ видимъ изъ переписной книги Деревской пятины**), всегда приписываются къ

*) Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года („Временникъ Московск. Общества исторіи и древностей“, кн. II, 1851 г.).

**) Новгородскія писцовыя книги, изданныя Археографическою Коммиссіей, томъ II-й.

отдѣльнымъ владѣніемъ или, точнѣе сказать, владѣльцамъ. Однимъ словомъ, погость едва ли могъ имѣть поземельно-общинное значеніе.

Остается волость. Но волость на владѣльческой территоріи (а не владѣльческою была лишь незначительная часть территоріи Московскаго государства) означала лишь совокупность земель, объединенныхъ владѣніемъ, т. е. принципомъ совершенно вышнимъ и случайнымъ. О поземельной общинѣ тутъ, конечно, не могло быть и рѣчи. На крайнемъ сѣверѣ, въ царствѣ государевыхъ черносошныхъ крестьянъ, волость, какъ кажется, значила то же самое, что погость, такъ что въ нее входили, наравнѣ съ черными крестьянскими землями, и владѣльческія земли, исключительно, впрочемъ, монастырскія, такъ какъ другихъ крупныхъ частныхъ владѣльцевъ послѣ московскаго завоеванія уже не было. Но владѣльческія земли обнаруживали постоянно тенденцію выдѣляться изъ волости, составляя самостоятельныя волости или станы. Такимъ путемъ образовались тѣ сѣверныя крестьянскія черныя волости, которыя и имѣются обыкновенно въ виду, когда говорятъ о волостной поземельной общинѣ. Но если вспомнить, что эти волости есть продуктъ относительно поздней формации, что онѣ образовались изъ разложившихся погостовъ *) (а что такое погость—мы знаемъ) и что многія изъ нихъ есть не что иное, какъ старыя новгородскія боярщины и боярщинки, то мнѣніе о поземельно-общинномъ значеніи волости, необходимо предполагающее за волостью нѣкоторое исконное значеніе, теряетъ почву. Да и въ чемъ, повторяемъ опять, могла волость составлять организованную земельную единицу? Вся воздѣланная земля, пахатная и сѣнокосная, тянула къ деревнямъ; о стихійномъ значеніи лѣсовъ было не разъ говорено выше: до сихъ поръ путики, т. е. лѣсныя тропинки, по которымъ разставляются силки для птицъ и западни для звѣрей, изрѣзываютъ лѣса во всевозможныхъ направленіяхъ, безусловно не возбуждая никакихъ междуволостныхъ претензій**). Пастбища и выгоны организованы и теперь такъ, что волость тутъ, вообще говоря, совсѣмъ не при чемъ. На всемъ сѣверѣ, а не въ одной только Архангельской губерніи, и изъ глубокой старины, какъ свидѣлствуютъ акты, всегда воздѣланныя земли, тянущія къ дерев-

*) Что Двинская земля дѣлилась на погосты, свидѣлствуетъ уставъ Святослава Ольговича, на который мы ссылались выше.

**) П. Ефименко: „Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Арханг. губерніи“. Арханг. 1869 г., стр. 79.

нямъ, отдѣлялись огорожей. Все, что было вѣдъ огорожи (пустая земля) могло служить въ качествѣ выгона и пастбищъ для всѣхъ, кому то или другое мѣсто было сподручно. И теперь, а встарину и подавно, на сѣверѣ мало распространены обычай держать пастуховъ. Иногда не держать пастуха даже для коровъ, т. е. такого скота, котораго нельзя упускать изъ виду; объ овцахъ, лошадиныхъ нечего и говорить: онѣ могутъ цѣлое лѣто свободно разгуливать, гдѣ имъ угодно, уходить въ чужія волости, откуда онѣ обыкновенно доставляются благополучно во-своеси и т. д. Иногда крестьяне выгораживаютъ для такого скота, который не хотятъ пускать на Божью волю, наприм. для телятъ, особыя мѣста, но и эти «телятники» тоже не волостные, а какъ гдѣ удобнѣе. Случается, въ какой-нибудь волости есть особенныя естественныя удобства для пастбы извѣстнаго скота, напр. въ селѣ Ступикѣ, Холмогорскаго уѣзда, для овецъ: туда свозятъ овецъ изъ окрестныхъ волостей и онѣ живутъ тамъ себѣ и пасутся цѣлое лѣто безъ всякаго вознагражденія за пастбище. Вообще, для всего сѣвера можно считать правиломъ, что пастбища и выгоны не ограничиваются какими-нибудь опредѣленными правовыми гранями, волостными или иными: скотъ пасутъ гдѣ какъ удобнѣе—или нѣсколько деревень вмѣстѣ, или цѣлая волость, или даже нѣсколько сосѣднихъ волостей *).

Но тѣмъ не менѣе волость,—останавливаясь на томъ ея понятіи, которое установилось послѣ московскаго завоеванія на крайнемъ сѣверѣ, — связанная тяглою, не могла не оказывать извѣстнаго вліянія на земельныя отношенія.

Государево тягло, сдавливавшее волость, лежало, какъ извѣстно, исключительно на землѣ. Деревенскій совладѣлецъ былъ собственникомъ своей доли. Но что значило это право собственности, когда собственникъ долженъ былъ платить съ своей земли больше, чѣмъ онъ могъ изъ нея выжать? Такое положеніе дѣлалось очень распространеннымъ въ эпохи особеннаго напряженія государственныхъ силъ: этимъ ознаменовался особенно рубежъ XVII и XVIII вѣковъ, вѣкъ Петра, оставившій на сѣверныхъ деревняхъ болѣе рѣзкіе слѣды опустошенія, чѣмъ набѣги литовскихъ людей за столѣтіе передъ тѣмъ. Въ такія эпохи крестьяне массами бросали свои земли и дворишки и брели врознь, пропадая безвѣстно. На брошенную землю не находилось ни

*) П. Ефименко: „Договоръ найма пастуховъ“.—„Записки Географическ. Общества по отдѣленію этнографіи“, т. VIII, 1878 г.

покупателей, ни претендентов-наследников¹⁾. Но земля эта была записана писцами въ тягло, «въ живущемъ», слѣдовательно кто-нибудь долженъ былъ съ нея платить. Платила волость, которая естественно и брала землю въ свое распоряженіе, «пока не отыщется вотчичъ». Но вотчичъ могъ никогда не отыскаться и у волости оказывалась мірская земля. Могла «мірская земля» получаться и другимъ способомъ: напр., землю, на которой лежитъ невыплаченный мірской долгъ, міръ не отдавалъ наследнику, — впрочемъ, только до уплаты долга²⁾. Кроме того, волость, какъ юридическое лицо, могла брать у казны на оброкъ свободныя земли — новая категорія мірскихъ земель. Своею мірскою землею волость пользовалась различнымъ способомъ. Она могла продать свою землю въ собственность³⁾, конечно, съ обязательствомъ нести тягло, особенно если эта земля была деревней или долей деревни, — могла отдать изъ-за оброка, если это было угодье⁴⁾. Не находилъ крестьянинъ-покупатель на деревню или на долю деревни, — отыскивался какой-нибудь вольный человекъ, который соглашался взять землю подъ условіемъ нести земельное тягло⁵⁾. Этого рода случаи, встрѣчающіеся въ Юридическихъ Актахъ⁶⁾, подавали ученымъ поводъ думать, что волость, какъ и современная община, имѣла право распоряжаться земельными участками; но очевидно, что это два совершенно различныя явленія, не имѣющія между собой ничего общаго. А не находилось у волости ни покупателя, ни тяглеца, или жильца, приходилось ей самой уплачивать тягло съ заброшенной земли, пока новые писцы не запишутъ землю «впустъ». Кроме того, въ распоряженіи волости находились еще церковныя земли, которыя вѣдаемъ всегда волостной міръ съ выборнымъ церковнымъ прикащикомъ.

Вотъ и все, что мы могли выжать изъ нашего матеріала о поземельномъ значеніи волости. А между тѣмъ многія сотни изъ имѣющихся у насъ актовъ вышли изъ такъ-называемыхъ мір-

¹⁾ Изъ нашихъ актовъ, напр., отступная крестьянина Верхне-Койдокурской волости 1698 г. на дворъ, двориче и землю и мя. друг.

²⁾ Дѣло 1721 г. объ отнятій деревенскаго участка быстроурскимъ священникомъ у своего родственника.

³⁾ Заявленіе крестьянина объ утратѣ документовъ на свою землю 1614 г.

⁴⁾ Мірское сговорное письмо 1747 г.

⁵⁾ Челобитная царю крестьянъ Верхне-Койдокурской волости о дозволеніи отдавать заброшенныя крестьянскія земли въ мірскія тягла 1699 г.

⁶⁾ „Юридическіе Акты“, стр. 175 и 187.

слихъ избѣ, которыя были органами волостнаго міра, или перешли къ намъ отъ потомковъ разныхъ сотскихъ, старостъ и т. п. волостныхъ должностныхъ лицъ, удержавшихъ за собой должностные документы. Если и въ этихъ документахъ волость является такой блѣдною тѣнью, облекающеюся плотью лишь на почвѣ податей и обложеній, то надо думать, что ея реальное значеніе въ сферѣ земельныхъ отношеній было дѣйствительно очень слабо и такъ-сказать производнаго характера, вытекающаго изъ ея податнаго назначенія.

Но выше было уже сказано, что волость удержала за собой по отношенію къ землѣ одну функцію, которая въ своемъ архаическомъ облигѣ сохраняетъ слѣды стараго поземельнаго значенія волости, хотя въ описываемое нами время является исключительно лишь какъ орудіе податныхъ цѣлей волости. Мы говоримъ о вервленіи со всѣмъ, что къ нему относится.

Датское *Reebmate, reebdeling*, т. е. измѣреніе, дѣленіе посредствомъ веревки, имѣло цѣлю, какъ свидѣтельствуемъ Мауреръ *), возстановить нарушившееся первоначальное равенство дворовыхъ участковъ. Каждый *boolesmann* (владѣлецъ участка) могъ требовать вервленія какъ своего участка, такъ и всей полевой марки. Тотъ, кто отказывался отъ вервленія, подвергался наказанію, которое налагалось на него специальнымъ закономъ («*de roena funiculum denegantis*»). Вервь «Русской Правды», по всей вѣроятности, вервила свои земли именно въ это, датскомъ, смыслѣ слова. Но въ позднѣйшей волостной «верви» или «веревкѣ» сохранилось лишь блѣдное воспоминаніе этого ея стараго назначенія. Въ нашихъ актахъ не разъ встрѣчаются выраженія: «давно для ровности веревка не бывала», «вервить мирскою волостною ровностью и веревью» и т. п., такъ что, рассматривая эти выраженія отдѣльно, легко придти къ заключенію, что тутъ идетъ дѣло именно о волостномъ веревномъ уравниваніи, т. е. о такомъ именно процессѣ, о которомъ говоритъ Мауреръ. Но такое заключеніе будетъ совершенно ошибочно: подъ ровностью вездѣ подразумѣвается исключительно ровность податная, т. е. соотвѣтствіе податной единицы съ ея реальною величиной. Посредствомъ вервленія опредѣлялась величина тяглой земли каждаго двора въ веревныхъ единицахъ, которыя были и единицами обложенія. Но въ промежуткахъ между вервленіями

*) „Fisaleitung“, стр. 72 и 135.

реальная величина земли дворовъ могла сильно измѣниться. Отчужденіе земли, новыя росчисти, весенніе разливы рѣкъ, то смывающіе и засыпающіе нескомъ значительныя пространства, то образующіе «новоприсады»—все это могло рѣзко нарушать первоначальную податную «ровность» и требовало новаго вервленія въ видахъ болѣе справедливаго распредѣленія податныхъ тягостей. Однимъ словомъ, волостное вервленіе имѣло исключительное значеніе измѣренія тяглою земли съ цѣлью податнаго уравниенія.

Сѣверное крестьянство искони обладало искусствомъ измѣрять свою землю,—искусствомъ, которое сохранилось и до сихъ поръ. Крестьяне умѣютъ сдѣлать всѣ необходимыя вычисленія площадей правильныхъ и неправильныхъ фигуръ, имѣютъ таблицы для перевода однѣхъ мѣръ въ другія и т. д. До сихъ поръ они употребляютъ при земельныхъ вычисленіяхъ свои собственные веревныя мѣры, которыя потомъ уже переводятся на общепринятія.

Каждая волость—будь то волость черносопныхъ крестьянъ или волость владѣльческая, т. е. совокупность земель одного владѣльца, напр., монастыря—вервила землю особо одной «общей», «большой», «волостной веревкой», въ первомъ случаѣ по приговору волостнаго міра, во второмъ—по распоряженію вотчинника. Трудно сказать, совершалось ли вервленіе періодически или по требованію обстоятельствъ: вѣрнѣе послѣднее. Самымъ сильнымъ поводомъ къ частымъ вервленіямъ служили вешніе разливы рѣкъ. Обитателю степи трудно представить себѣ, какіе перевороты производили многоводныя сѣверныя рѣки, съ ихъ страннымъ напоромъ льда при вскрытіи, въ землевладѣніи сѣверныхъ деревень, расположенныхъ по берегамъ этихъ рѣкъ: въ одномъ мѣстѣ отмоетъ пожню; гдѣ-нибудь ниже посадить къ берегу кусокъ земли; тамъ засылетъ пескомъ или сдеретъ льдомъ,—однимъ словомъ, сдѣлаетъ ни къ чему негодною землю, которая была воздѣланною землею; вдругъ исчезнетъ большой островъ, который, повидимому, стоялъ на своемъ мѣстѣ испоконъ-вѣковъ, а въ другомъ мѣстѣ точно выростетъ изъ земли новый, и т. д. и т. д. Эта, такъ-сказать, подвижность недвижимой собственности порождаетъ цѣлый рядъ своеобразныхъ правовыхъ представленій и въ то же время побуждаетъ постоянно къ перемериванію земли съ цѣлью податнаго уравниенія. Но общее вервленіе всѣхъ земель волости—операция слишкомъ затруднительная и дорого стоящая, чтобъ ее можно было производить каждый годъ или въ два-три года. Поэтому на каждый годъ обходи-

лись частными перевервливаніями отдѣльныхъ лоскутовъ и со- отвѣтствующими поправками въ веревныхъ книгахъ. Общее же вервление предпринималось въ нѣсколько десятковъ лѣтъ разъ (большій срокъ, что мы знаемъ, 25 лѣтъ), когда видъ земельной собственности значительно уклонялся отъ того, чѣмъ онъ являлся по веревнымъ, такъ что требовалось писать новыя веревныя книги. Волостной міръ, съ земскими судейками, судейскими цѣловальниками, сотскими и т. п. своимъ выборнымъ начальствомъ во главѣ, постановлялъ мірской приговоръ о вервленіи *) и затѣмъ съ какого-нибудь лѣтняго праздника, напр. Семена-лѣтоприводца или Николая вешняго, въ свободное отъ работъ время, приступалъ къ операци.

Во главѣ дѣла стоялъ веревщикъ, котораго волость нанимала по общему мірскому совѣту и согласью. Въ веревщики выбирался опытный въ вервленіи, набожный и «справедливый» человекъ, который могъ быть и изъ чужой волости. Веревные же цѣловальники, наблюдавшіе за правильнымъ ходомъ операци—нѣсколько человекъ—выбирались непременно изъ своихъ волощанъ. Личный составъ веревной операци дополнялся дьячкомъ или другимъ какимъ-нибудь «пищикомъ» и нѣсколькими рабочими—«вильщиками».

«Волостная веревка»—это была простая, тонкая, плохо осмо- ленная, а то и вовсе не осмоленная бичева, чаще всего въ 64 сажени, но иногда въ 32 с. и даже въ 16 саж. Вообще, «какую веревку пустить», т. е. во сколько сажень, и даже во сколько аршинъ пустить сажень, на прим. въ три, четыре, пять, шесть аршинъ—все это завѣсило отъ міра и опредѣлялось въ мірскомъ приговорѣ.

Въ назначенный день весь личный составъ веревной операци и хозяева земель выходили на поля. Вильщини тянули веревку, вложенную въ рожки небольшой палочки, которая называлась вилочкой; они же несли колышки, которые и втыкали въ землю на поворотахъ. Веревщикъ распоряжался работой и дѣлалъ по таблицамъ вычисленія о количествѣ вымѣренной земли, сообщая результаты своихъ вычисленій пищику, который и записывалъ ихъ. Цѣловальники слѣдили за тѣмъ, чтобы веревка шла какъ слѣдуетъ и чтобы веревщикъ дѣлалъ вѣрно свои вычисленія; на ихъ же обязанности лежало—класть ли землю «въ цѣль», ничего не сбавляя, или дѣлать сметъ на негодную землю:

*) У насъ есть нѣсколько такихъ приговоровъ отъ разныхъ годовъ XVII вѣка.

на посыпь, на подморину, на ключь и т. д. Сметъ дѣлался на глазомѣръ, по совѣсти; присутствующіе хозяева земли упрасивали цѣловальниковъ побольше помѣстить въ сметъ, общая по-потчивать. Иногда, — вѣроятно, во избѣжаніе недобросовѣстности и произвола со стороны цѣловальниковъ, — заранѣе опредѣлялся мірскимъ приговоромъ максимумъ смета съ разныхъ сортовъ земли: напр. съ средней орамой земли постановлялось сметывать шестую долю, съ новинныхъ боровинныхъ мѣсть — треть и т. д. вмѣстѣ съ цѣльнымъ количествомъ каждаго лоскута земли, которое опредѣлялось веревщикомъ, пищикъ записывалъ и сметъ на этотъ лоскутъ, опредѣляемый цѣловальниками. Вычисливъ и записавъ реальную величину и сметъ всѣхъ лоскутовъ, принадлежавшихъ одному двору, переходили къ землѣ другаго двора. Вервилась исключительно только та земля, «куда плугъ, соха и коса ходили», т. е. пахатныя и сѣнокосныя земли: хотя въ писцовыхъ книгахъ всегда писались и лѣса *), вѣроятно, по образцу центра, гдѣ лѣса уже переводились, но они никогда не вервились, какъ не вервились и другія угодыя.

Каждый хозяинъ земли имѣлъ по отношенію къ волостной веревкѣ серьезныя обязательства, нарушеніе которыхъ навлекало на него значительную отвѣтственность. Прежде всего каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать при вервленіи его земли, сказывать названія лоскутамъ своихъ полей и поженъ и указывать межи. Онъ обязанъ былъ самъ указать веревцику непременно всѣ свои земли. Никто не имѣлъ права, подъ угрозой тяжелыхъ зарядовъ, пахать землю, не положенную въ веревку. Но такъ какъ въ промежуткахъ между волостными вервленіями могло оказаться, что какая-нибудь земля, положенная въ веревку, сдѣлалась негодной, или, наоборотъ, крестьянинъ могъ начать воздѣлывать землю или новую, или заброшенную за негодностью и не положенную въ веревку, то на эти случаи существовали особыя правила. Въ заранѣе опредѣленные сроки, напр. о Прокосьевѣ или объ Ильинѣ днѣ, вотчинникъ долженъ былъ дѣлать заявленіе міру о такихъ своихъ земляхъ и міръ не имѣлъ права оставить безъ вниманія такое заявленіе. Онъ былъ обязанъ послать сотскаго съ волостными людьми сдѣлать измѣреніе и положить въ веревку или исключить изъ нея указанную землю. Впрочемъ, причистыя можно было владѣть нѣсколько лѣтъ, напр. лѣтъ 5, безъ тягла, а слѣд. и безъ вервленія; маленькими при-

*) Они приписывались не къ волости, а къ отдѣльнымъ деревнямъ.

чистными кусками, меньше сажени, можно было владѣть безъ заявленія миру до новой волостной веревки. Вообще каждая волость зорко смотрѣла за тѣмъ, чтобы никто не владѣлъ землей безъ веревки, а слѣд. и безъ тягла. Нельзя было владѣть безъ тягла даже приполками своихъ полей и скармливать ихъ своимъ скотомъ: если кто не хотѣлъ положить ихъ въ тягло, обязанъ былъ выгородить ихъ подъ общую поскотину.

Каждое общее волостное вервление сопровождалось письмомъ новыхъ «веревныхъ лоскутовыхъ книгъ». Выше мы говорили о томъ, какъ писались эти книги. Количество земли обозначалось въ веревныхъ мѣрахъ—вервахъ *) и веревныхъ саженьяхъ. До сихъ поръ архангельское крестьянство мѣряетъ землю веревными, или тяглыми, саженьями, но вервей, какъ поземельной мѣры, уже не знаетъ, хотя еще въ концѣ прошлаго столѣтія «веревка» была общераспространенной поземельною мѣрой. Величину верви, или веревки, точно опредѣлить теперь едва ли возможно: надо думать, что это не была величина совершенно неподвижная, хотя колебанія ея, повидимому, не были значительны. Надо думать, что вервь была тождественна со стариннымъ задвинскимъ лукомъ (лукъ—двѣ обжи): она заключала 64 веревныхъ сажени, причемъ величина веревой сажени опредѣлялась не одинаково въ разныхъ мѣстностяхъ. Мы знаемъ два ея опредѣленія: въ 252 и 256 кв. сажень, но можетъ-быть были и другія. Если принять во вниманіе эту подвижность веревой сажени, затѣмъ если припомнить, что и простые сажени, изъ которыхъ слагались веревныя, тоже были различны, заключая въ себѣ различное число аршинъ, да и величина аршинъ была измѣнчива,—то понятно, что величина верви не могла быть точной и постоянной. Но все-таки можно принять приблизительно, что она была нѣсколько больше 16.000 кв. сажень, т. е. заключала въ себѣ около 7 десятинъ.

Итакъ, вервление въ сѣверной волости имѣло исключительно значеніе измѣренія земли съ цѣлью податнаго уравниенія. Старый смыслъ реального земельного уравниенія оно сохранило лишь внутри отдѣльной деревни, между ея совладѣльцами, которые имѣли право, какъ было показано выше, требовать уравнительнаго вервления. Но такое деревенское вервление не имѣло ничего общаго съ волостнымъ вервлениемъ.

А. Ефименко.

*) Слово „вервь“ упоминается въ нашихъ рукописныхъ актахъ впервые въ одномъ платажномъ документѣ конца XV вѣка.

Село Лысково и городъ Макарьевъ.

(Изъ путевыхъ воспоминаній.)

Чрезвычайно характеристическимъ мѣстомъ не только въ отношеніи къ Нижегородской губерніи, Волгѣ и Московской промышленной области, но и ко всему великороссійскому населенію Россіи представлялось намъ знаменитое село *Лысково*, въ которое мы, предпринимая путешествіе по 10 губерніямъ, окружающимъ Москву, прежде всего и отправились изъ Нижняго по Волгѣ. Лысково лежитъ на правомъ (нагорномъ) берегу Волги (около 90 верстъ ниже Нижняго), въ Макарьевскомъ уѣздѣ, при устьѣ р. Судовига, насупротивъ г. Макарьева (на лѣвомъ берегу Волги).

Нельзя сперва не упомянуть о великомъ историческомъ значеніи этого пространства волжскаго пути между Нижнимъ-Новгородомъ и Макарьевомъ и Лысковомъ, — прошедшее этихъ мѣстъ находится въ тѣсной связи съ нынѣшнею ихъ жизнью. Это пространство лежало также, какъ и большая часть всей Нижегородской губерніи, на окраинѣ древней Руси и даже за нею и потому не скоро вошло въ составъ русскихъ земель; здѣсь уже начиналась территорія Великаго Болгарскаго (Прикамскаго) царства, границы котораго, вмѣстѣ съ его историческою судьбой, еще весьма для насъ смутны. Несомнѣнно кажется только то, что еще въ началѣ нашей государственной исторіи прибрежья Волги были заселены здѣсь финнами и что въ этой части великаго воднаго пути, соединяющаго Востокъ съ Западомъ, Азію съ Европой, была историческая сцена самой упорной и самой продолжительной борьбы Руси, — борьбы вооруженной и мирной, торговой и культурной, — за свое существованіе противъ всѣхъ безчисленныхъ восточныхъ враговъ. Здѣсь въ теченіе многихъ вѣковъ шелъ непрерывный бой Русской земли, Ростово-Суздальской и потомъ Московской,

противъ финновъ (шорды), болгаръ и, наконецъ, татаръ. Здѣсь долго происходило одно изъ самыхъ энергическихъ дѣйствій того всемірно-историческаго процесса, въ которомъ славяно-русское племя и въ его лицѣ Европа и ея арийская раса осиливали Азію и всѣ несмѣтныя азіатскія (монгольскія) племена—всю эту «погань» нашей исторіи. Нижний-Новгородъ былъ поставленъ суздальскими князьями въ «низовской» приволжской землѣ, какъ форноость этой многолѣтней борьбы, при слияніи Волги съ Окою, въ узлѣ главныхъ водныхъ и торговыхъ путей средневлжовой Россіи. Побѣдоносные результаты этой исторической борьбы нынѣ на-лицо: всѣ прибрежныя народонаселенія на этомъ протяженіи Волги носятъ на себѣ чистѣйшій великороссійскій типъ. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшій тѣни ниванихъ финскихъ, ни другихъ азіатскихъ примѣсей, которыхъ не мало въ другихъ мѣстностяхъ Нижегородской губерніи.

Борьба племенныхъ стихій, какъ и всякая историческая борьба, вырабатываетъ мощь народнаго характера и всѣ силы культуры. Не даромъ прошла для жизни прибрежныхъ народонаселеній въ этой части Волги упомянутая историческая работа славяно-рускаго духа надъ варварствомъ Азіи.

Въ этой работѣ промышленность и торговля, подчиняя себѣ богатства Востока и воспитывая его племена въ понятіяхъ мирной гражданской жизни, испоконъ вѣку играли не меньшую роль, чѣмъ завоеванія русскаго оружія. Теперь, благодаря всѣмъ необыкновенно благопріятнымъ мѣстнымъ условіямъ, торговля и промышленность здѣсь господствуютъ: развитіе *встрѣчнаго* судоходства (взводнаго и сплавнаго), которое едва ли гдѣ-нибудь на Волгѣ такъ сильно, какъ здѣсь, и кипучая промышленная и торговая дѣятельность прибрежныхъ населеній придаютъ этому простраіству волжскаго пути такое же оживленіе, хотя и въ совершенно противоположномъ (мирномъ) духѣ, какое оно имѣло въ періоды средневлжовыхъ войнъ и разбойничьихъ поволжскихъ набѣговъ. Здѣсь и теперь одно изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ встрѣчи Запада съ Востокомъ и отсюда главнѣйше, по великому водному пути, все болѣе и болѣе расширяются въ глубину Азіи мирныя завоеванія русскаго промышленнаго и торговаго.

Во всемъ этомъ историческомъ движеніи русскаго племени къ овладѣнію варварствомъ Азіи и въ мирной, просвѣтительной съ нимъ борьбѣ могущественною силой служила также христіанская проповѣдь: въ одно время съ русскими войсками, крѣпко-

стями и торговыми центрами распространялись по бассейну Волги, на языческой и потомъ магометанскій Востокъ, православные русскіе монастыри и бились за христіанское европейское просвѣщеніе сподвижники и мученики вѣры.

Рѣзкими и глубокими слѣдами всего этого историческаго прошлаго запечатлѣны тѣ побережья Волги, къ которымъ была направлена настоящая наша поѣздка. Кромѣ многихъ другихъ историческихъ слѣдовъ, о которыхъ мы, отчасти, упомянемъ, главный изъ нихъ заключается, безъ сомнѣнія, въ сильномъ промышленномъ и торговомъ развитіи здѣшнихъ народонаселеній, воспитанномъ многими вѣками бурной исторической жизни.

Самыми рельефными памятниками всей этой отжившей старины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыми яркими выразителями новѣйшихъ движеній жизни служатъ городъ Макарьевъ и село Лысково. Первый погибъ, а второе разцвѣло подъ напоромъ этихъ движеній.

Макарьевъ, близъ впаденія рѣки Берзенца въ Волгу, возникъ изъ монастыря (Желтоводскаго, отъ «желтыя воды» или лучше отъ желтыхъ песковъ, мелей, здѣсь накапливающихся въ рѣкѣ), воздвигнутаго, около половины или въ концѣ XIV столѣтія, нижегородскимъ инокомъ Св. Макаріемъ. Онъ былъ разрушенъ татарами въ 1439 г. и возобновленъ въ 1624 г. муромскимъ инокомъ Авраміемъ. Послѣ того онъ еще разъ потерпѣлъ погромъ отъ разбойничьяго набѣга Стеньки Разина. Нынѣ этотъ монастырь упраздненъ. Издавна, съ стеченіемъ огромныхъ массъ поклонниковъ, завелся при Макарьевскомъ или Желтоводскомъ монастырѣ ярмарочный торгъ, который почитается началомъ Нижегородской ярмарки *). Подобное происхожденіе, при монастыряхъ, имѣли многія наши ярмарки. Съ 1641 года Макарьевская ярмарка, установленная въ день кончины Св. Макарія, 25 іюля, дѣлается документально-исторически извѣстна; но не подлежитъ сомнѣнію, что она существовала здѣсь гораздо ранѣе. Въ 1816 году пожаръ уничтожилъ обширныя ярмарочныя постройки и съ 1817 года ярмарка переведена на нынѣшнее свое мѣсто, къ

*) По нашему мнѣнію, происхожденіе Макарьевской или Нижегородской ярмарки гораздо болѣе древнее. Мы видимъ ея начало, съ незапамятныхъ временъ, въ Великой Прикамской Болгаріи, отсюда она перешла на Арское поле въ Казань, впоследствии въ Василь-Сурскъ и отсюда къ Макарьевскому монастырю. По нашему убѣжденію, это—все то же самое торжище, передвигавшееся съ Востока на Западъ въ теченіе 10 вѣковъ (См. наши „Очерки Нижегородской ярмарки“).

устью Оки, подъ Нижнимъ-Новгородомъ. Съ тѣхъ поръ «Старый Макарь» (какъ называетъ его престонародье), когда-то самый знаменитый центръ населенія въ Нижегородской губерніи, сталъ окончательно вымирать и лежить нынѣ въ развалинахъ, полныхъ поэзии и великихъ историческихъ воспоминаній *), но утратившихъ всякое значеніе для новѣйшей промышленной жизни, обступающей со всѣхъ сторонъ. Макарьевъ только передалъ свое славное имя «Новому Макару» и будетъ жить въ памяти народной до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться великое торжище, у устья Оки, непрерывно здѣсь возроставшее въ XIX вѣкѣ и до сихъ поръ.

Единственная живая связь Макарьева съ ярмаркой еще сохраняется въ томъ, что его жители продолжаютъ по-прежнему являться на нее къ разнымъ услугамъ (преимущественно по кухонной части) и продавать на ней свое единственное издѣліе—сундуки. Но и эта связь должна будетъ прекратиться, ибо число жителей Макарьева, едва превышающее нынѣ 1.500 душъ обоего пола, постоянно убываетъ **) и онъ буйвально вымираетъ, или, по крайней мѣрѣ, выселяется. Напротивъ, въ селѣ Лысковѣ народонаселеніе, вѣроятно, далеко превышающее нынѣ свою официальную статистическую цифру 7.000 душъ, быстро возрастаетъ.

*) Приведемъ здѣсь нѣсколько словъ о гор. Макарьевѣ изъ интересной записки о промышленности Нижегородской губерніи, которая благосклонно составлена для насъ извѣстнымъ изслѣдователемъ этой губерніи, *Н. Н. Овсянниковымъ*, и которая будетъ напечатана въ отчетѣ о нашихъ изслѣдованіяхъ: „Уже трава покрыла монастырскій дворъ въ Макарьевскомъ Желтоводскомъ монастырѣ; на могилу патрона монастыря, Аврамія Муромскаго, не является прежняя многочисленная толпа поклонниковъ и тропа къ камню, подъ которымъ почить этотъ возстановитель монастыря, еще осѣяенному каменнымъ сводомъ, уже заросла густою травой. Въ монастырскомъ саду, послѣ упраздненія монастыря, на зеленыхъ плодовыхъ деревьяхъ одинъ только соловей, въ майскую ночь, таяетъ свою любовную пѣсню. Средній куполъ нѣкогда великолѣпнаго монастырскаго собора, покрытаго внутри по стѣнамъ живописью, рухнулъ; могилы бывшихъ іерарховъ Нижегородской епархіи, находящіяся при входѣ въ этотъ соборъ, скоро останутся на чистомъ воздухѣ, потому что деревянное крыльцо, служившее предверіемъ храму, совершенно сгнило. Одна колокольня съ своимъ музыкальнымъ подборомъ колоколовъ, памятникъ XVI вѣка, и съ своими часами стоитъ еще крѣпко“. Мы приводимъ здѣсь эти слова г. Овсянникова, между прочимъ, и для того, чтобы напомнить, въ какомъ печальномъ небреженіи еще находятся историческіе памятники, въ настоящемъ случаѣ *восходящіе достоверно къ срединѣ XIV столѣтія* и, вѣроятно, гораздо далѣе.

**) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Нижегородской губерніи“. Статком. 1880 года.

Макарьевъ давно существуетъ, какъ городъ, только на бумагѣ, и даже только на официальной бумагѣ; онъ давно превратился въ деревню, а городъ перешелъ изъ него въ село Лысково, которое выскочило насупротивъ, на правомъ берегу Волги, и въ свою очередь, только въ официальной перепискѣ, числится селомъ. Вотъ только этотъ интересный вопросъ о столь многихъ у насъ официальныхъ селахъ, сдѣлавшихся, силою жизни, городами, и о городахъ, сдѣлавшихся селами, — и заставилъ насъ говорить о мертвецѣ — «Старомъ Макарьѣ».

Такихъ сель-городовъ у насъ очень не мало (напримеръ — Павлово, Кимра, Иваново и проч.). Но въ настоящемъ случаѣ это явленіе жизни, переросшей всякія преграды закона, имѣетъ исключительно крайнія формы. Уѣздныя власти даже не живутъ въ Макарьевѣ; за исключеніемъ одного уѣзднаго казначейства, всё безъ изыятія учрежденія и должностныя лица находятся въ Лысковѣ. Изъ него ѣздятъ въ Макарьевъ только для получения казенныхъ денегъ, и только этотъ фактъ еще удерживаетъ за послѣднимъ силу столицы Макарьевского уѣзда. При этомъ отмѣтимъ самую поразительную здѣсь, хотя и довольно обыкновенную у насъ, черту этого явленія: Лысково, какъ село, управляется волостнымъ правленіемъ; посреди всѣхъ уѣздныхъ властей (тутъ даже имѣетъ свое постоянное пребываніе жандармскій полковникъ), и можно сказать даже *надъ ними*, является *главною властью волостной старшина*. Фактъ этотъ въ высшей степени интересенъ. Въ одномъ изъ самыхъ людныхъ и бойкихъ мѣстъ не только Волги, но и Россіи, куда ежедневно приливаетъ народъ и всякаго званія люди отовсюду, даже изъ за границы, гдѣ иностранныя конторы имѣютъ постоянныхъ своихъ агентовъ (для закупки хлѣба), гдѣ ежеминутно сталеваются самые разнообразныя и противоположныя экономическія и общественныя интересы, гдѣ всё сословія имѣютъ самыхъ крупныхъ своихъ представителей (въ томъ числѣ родовитыхъ, даже титулованныхъ дворянъ и первостатейныхъ всероссійскихъ коммерсантовъ-милліонеровъ), отчасти безпрестанно сюда наѣзжающихъ, отчасти здѣсь живущихъ, — посреди всего этого и надъ всѣмъ этимъ стоитъ *высшимъ администраторомъ*, распорядителемъ и блюстителемъ — волостной старшина, недавній крѣпостной крестьянинъ помѣщичьяго села Лыскова, тутъ же живущей. Вотъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ своеобразій русской жизни, на которомъ намъ пришлось часто останавливаться въ нашемъ путешествіи и которое

едва ли имѣеть гдѣ-нибудь въ Европѣ что-нибудь для себя подобное и едва ли гдѣ-нибудь возможно. Благодаря возможности этого своеобразія въ нашемъ бытѣ, имѣющаго свои глубокіе корни въ исторіи и народномъ характерѣ (между прочимъ, въ его исконной бессословности), возможенъ отличный административный порядокъ, какой мы нашли здѣсь и какому могутъ позавидовать многіе администраторы иного, не крестьянскаго и высшаго, типа. Благодаря всему этому, благодаря творческой силѣ самой народной жизни, еще возможны въ ней всѣ крайнія несовершенства, несообразности и *нерациональности* въ устройствѣ нашихъ мѣстныхъ учреждений, возможно насильственно числить города въ рангъ сель, когда переводъ ихъ въ разрядъ городовъ можетъ угрожать распаденіемъ даже и этого, хотя бы только деревенскаго, административнаго порядка.

Въ то время, какъ мы были въ Лысковѣ, съ честью держалъ въ своихъ рукахъ власть волостнаго старшины *Дм. Ис. Тяжеловъ*, почти безсмѣнно съ освобожденія крестьянъ остававшійся на этой должности. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ замѣчательныхъ волостныхъ старшинъ, которыхъ намъ не разъ случилось встрѣчать *) посреди множества людей, недостойнымъ образомъ исправляющихъ нынѣ эту должность. Число этихъ послѣднихъ особенно размножилось съ чрезвычайнымъ развитіемъ бюрократической стихіи въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, вопреки началамъ, провозглашеннымъ въ Положеніяхъ 1861 г. Только личности совершенно выходящія изъ ряда, при исключительныхъ личныхъ своихъ условіяхъ (образованіи и состояніи) и въ такихъ исключительныхъ мѣстахъ, какъ Лысково, могли осилить эту бюрократическую или приказную кору (съ нею всемогущество и писаря), заѣдающую, съ нѣкотораго времени, наши сельскія власти. Самая замѣчательная для насъ черта этого рода волостныхъ старшинъ та, что, возвышаясь умственно и имуществомъ надъ общимъ уровнемъ окружающаго ихъ міра и подвластнаго народонаселенія, они остаются и въ своихъ занятіяхъ, и своимъ бытѣ неоторванными отъ своей среды. Поэтому, даже и облеченные властью, они сохраняютъ характеръ естественныхъ *представителей* этой среды; они—только старшіе между равными и поэтому имѣють, при формальной власти и несмотря на нее, сильный нравственный авторитетъ,—авторитетъ *излюбленныхъ* людей,—надъ

*) См., между прочимъ, статью нашу въ *Руси* о с. Угодичи (близъ Ростова).

подвластными, необходимый для успѣха ихъ дѣятельности. Таковъ, кажется, нашъ типъ волостнаго старшины, задуманный законодателемъ 1861 года и искаженный впослѣдствіи развитіемъ типа старшины-чиновника. Желательно, чтобы первоначальный типъ былъ возстановленъ и развивался.

Таковъ Д. И. Тяжеловъ. Подобно многимъ лысковцамъ, онъ ведетъ обширную хлѣбную торговлю, посредничающую между производителями и мѣстными мелкими торговцами и первостатейными всероссійскими и заграничными закупщиками. Но при этомъ онъ дѣятельно занимается своею должностію, печется о всѣхъ нуждахъ народонаселенія, въ особенности бѣднѣйшаго, и все свое жалованье жертвуетъ на помощь ему и на благотворенія. Онъ живетъ въ просторномъ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ, построенномъ еще при крѣпостномъ правѣ, когда уже давно процвѣтало Лысково (къ этому факту мы вернемся ниже); поддерживаетъ близкія дружескія связи со всѣми сословіями, съ помещиками, съ властями; неусыпно ежедневно слѣдитъ по газетамъ за внутренними и внѣшними событіями, имѣющими вліяніе на движеніе торговли, но остается такимъ же самороднымъ, безыскусственнымъ, хотя и образованнымъ по-своему и весьма тертымъ лысковцемъ, какъ и всѣ прочіе его земляки. Онъ, конечно, не крестьянинъ, т. е. не сельчанинъ, какъ не сельчане и всѣ лысковцы, а представляетъ собою особый у насъ народный типъ, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить. Это—одинъ изъ настоящихъ здоровыхъ представителей мѣстнаго самоуправленія, какіе намъ удавалось видѣть. Д. И. Тяжелову мы обязаны благодарностію за его содѣйствіе въ изученіи Лыскова и за собранныя о немъ свѣдѣнія. Замѣтимъ здѣсь кстати, что когда намъ случалось встрѣчаться съ подобными волостными старшинами, то они оказывали наилучшую помощь нашимъ мѣстнымъ изысканіямъ. Ихъ положеніе въ окружающей общественной средѣ помогаетъ всего быстрѣе пріѣзжему человѣку вторгнуться въ ея настоящую жизнь и видѣть ее, какъ она есть.

Слава Лыскова далеко не новая, хотя его сила особенно возрастала въ новѣйшее время. Это село положительно извѣстно уже съ XVI вѣка; но надо думать, что его начало еще гораздо древнѣе, такъ какъ его имя упоминается въ очень старинныхъ по-

волжскихъ пѣсняхъ *)). Лысково (отъ «Лысой» горы, близъ него) лежитъ близъ устья р. Сундовика, который былъ издревле очень заселенъ. На этой рѣкѣ стоялъ древній городъ Сундовить, разоренный татарами. Лысково постоянно усиливалось на счетъ Макарьева и его ярмарки и отсюда—его первая извѣстность и первое условіе его богатства. Русло Волги между Макарьевомъ и Лысковомъ стало отклоняться въ новѣйшее время (т. е., вѣроятно, съ XVI вѣка?) къ сѣверу, т. е. отъ праваго берега къ лѣвому; поэтому затопленіе Макарьева водою въ весеннее время постоянно усиливалось, а сухое пространство на противоположномъ, лысковскомъ, берегу постоянно увеличивалось. До этого своего отклоненія Волга несомнѣнно текла подъ самую горою, на которой стоитъ Лысково. Теперь оно находится на разстояніи двухъ верстъ отъ воды; внизу на самомъ берегу Волги уже давно расположилась слобода Исады, пригородъ Лыскова и настоящая въ физическомъ или географическомъ смыслѣ пристань Лыскова, которая однако именуется въ учебникахъ географіи «пристанью» на Волгѣ. Вслѣдствіе упомянутыхъ физическихъ условій, Макарьевъ дѣлался все болѣе и болѣе неудобнымъ для склада товаровъ, привозившихся на ярмарку; складочнымъ для нихъ мѣстомъ дѣлался противоположный берегъ, подъ Лысковомъ, все болѣе и болѣе (какъ сказано) распространявшійся. Отсюда—первое начало торговой дѣятельности этого населенія.

Лысково, даже независимо отъ Исадъ, конечно, имѣетъ значеніе пристани, въ смыслѣ коммерческихъ операций, въ немъ связанныхъ съ Исадскою пристанью. Въ этомъ смыслѣ Лысково—одна изъ важнѣйшихъ пристаней на всей Волгѣ. Теперь это главная его сила и богатство. Къ нему близко подходитъ съ юга хлѣбородная черноземная область. Кромѣ Волги, по нѣсколькимъ сухимъ путямъ, идущимъ къ Лыскову изъ этой области, съ юго-востока, сюда свозятся громадныя запасы земледѣльческихъ продуктовъ, главнѣйше хлѣбъ (рожь и пшеница въ милліонахъ пудовъ) и льняное сѣмя, производимое не только въ черноземной

*) Напр. пѣсня, приведенная въ *Волги*, Рагозина (т. II, стр. 165):

«Какъ повыше было села Лыскова,
 Какъ пониже было села Юрина,
 Супротивъ села Богомолова;
 Въ луговой было во сторонушѣ,
 Протекала тутъ рѣчка быстрая
 Рѣчка быстрая, омутистая,
 Омутистая гѣва Керженка».

части Нижегородской губ., но и въ другихъ губерніяхъ (преимущественно Симбирской). Здѣсь эти продукты складываются, заодряжаются, грузятся и отсюда отправляются во всѣ центральные и сѣверные нехлѣбородные наши края и за границу. Здѣсь складочное мѣсто и биржа для этихъ товаровъ; для хлѣба это одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ, въ которомъ устанавливаются цѣны. Такихъ торговыхъ и складочныхъ хлѣбныхъ центровъ не мало на Волгѣ, но Лысково—*ближайшій* къ сѣверу и къ балтійскимъ портамъ изъ числа *низовыхъ* центровъ, связующихъ торговлю сѣвера съ хлѣбородною приволжскою областью. Въ этомъ заключается главное его значеніе. Сюда, во время навигаціи, скорѣе всего могутъ быть обращены всѣ закупки, въ случаяхъ всякихъ неожиданныхъ требованій на хлѣбъ въ верхнихъ частяхъ Волжскаго бассейна и за границей.

Понятно, какимъ изобильнымъ источникомъ всякаго рода промысловъ, заработковъ и обогащенія сдѣлалась эта торговая и складочная дѣятельность Лыскова для всѣхъ его жителей и даже для тѣхъ ихъ разрядовъ, которые не принимаютъ прямого участія въ этой дѣятельности. Исключительнымъ своимъ богатствомъ хвастаются лысковцы: «у насъ денегъ куры не клюютъ»—сказалъ намъ извозчикъ, на которомъ мы поднимались съ пристани въ Лысково. Особенною наклонностью къ торговлѣ воодушевлена вся масса народонаселенія. Кромѣ упомянутыхъ главныхъ земледѣльческихъ продуктовъ, здѣсь торговый центръ для всякаго рода товаровъ, которыми на базарахъ (два раза въ недѣлю) снабжается обширный край на сѣверъ и на югъ отъ теченія Волги. Сверхъ всего этого, здѣсь развито производство разныхъ кустарныхъ, преимущественно металлическихъ, издѣлій: замковъ, желѣзныхъ шкатулокъ, въ родѣ несгораемыхъ (новѣйшее производство), пожарныхъ трубъ, печей, крестьянскаго галантерейнаго или «игельнаго» товара (пуговицъ, наперстковъ, колець, запонокъ) и проч. Во всей нечерноземной части Нижегородской губерніи кустарныя производства, вслѣдствіе неплодородія почвы и также удобствъ сбыта на Макарьевской ярмаркѣ, распространены болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи. Все безъ изыятія народонаселеніе Лыскова безусловно не занимается хлѣбопашествомъ и всѣ свои земли оно сдаетъ въ аренду сосѣднимъ крестьянамъ.

Такъ самобытно возникъ и усилился этотъ натуральный, ничѣмъ не основанный, городъ, вопреки законамъ писаннымъ, при-

знающимъ его до сихъ поръ селомъ, и подъ непреложнымъ дѣйствіемъ естественныхъ законовъ природы физической (упомянутого движенія русла Волги) и такихъ же естественныхъ законовъ народнаго хозяйства и общественной жизни. До сихъ поръ большая часть лысковскихъ жителей—не только крестьяне, по своему официальному званію, но даже *временнообязанные* крестьяне. До окончанія выкупа, Лысково, какъ помѣщичье имѣніе (разныхъ владѣльцевъ), не можетъ быть обращено въ городъ, на мѣсто Макарьева, о чемъ такъ давно уже думаютъ. Это несоотвѣтствіе официального чина этого мѣста его дѣйствительному положенію въ жизни имѣетъ нѣкоторыя неудобства, однако оно не мѣшало его процвѣтанію, котораго недостаетъ многимъ нашимъ городамъ, снабженнымъ всеми возможными городскими учрежденіями и между тѣмъ превратившимся, вопреки имъ, въ деревенскія захолустья. Было не мало насаждено у насъ городовъ, которые никакъ не принялись, несмотря на всякія льготы и привилегіи, имъ дарованныя, для ихъ развитія. Напротивъ, у насъ очень много такихъ сель-городовъ, какъ Лысково. Можетъ быть даже, что для этихъ натуральныхъ, самородныхъ городовъ еще не выработано въ законодательствѣ настоящаго, соответствующаго имъ, типа городского устройства, который бы соответствовалъ ихъ натурѣ и жизни. Существующая въ законѣ категория «посада» не удовлетворяетъ нуждамъ такихъ городовъ, изъ которыхъ многіе, какъ Лысково, больше города, далеко превосходящіе большинство уѣздныхъ и равняющіеся многимъ губернскимъ, даже превосходящіе послѣдніе своимъ богатствомъ. Также не всѣ такіе натуральные города могутъ и должны быть уѣздными и губернскими, т. е. съ подвластными имъ территориями. Можетъ быть даже, что «крестьянская» администрація, или, лучше, организація властей, устроенная на началахъ нашего сельскаго самоуправленія, и ея отношенія ко всему правительственному организму менѣе неблагоприятны для развитія такихъ городов-самородковъ, чѣмъ наши городскія учрежденія. Такихъ примѣровъ мы видѣли на Руси не мало. Пока наука недостаточно познала законы жизни, чтобы человѣческое искусство сѣумѣло направлять ихъ дѣйствіе къ своимъ цѣлямъ, вырабатывать свои творенія сообразно съ этими законами, а не наперекоръ имъ, гораздо безопаснѣе предоставить имъ свободу дѣйствія и ей подчиниться. Насиловать законы жизни было бы неизмѣримо хуже; и это одинаково относится и къ жизни физической природы, и къ жизни

общества. Та и другая всегда возьмутъ свое. Никакія предписанія закона не помѣшали городу Макарьеву упраздниться въ дѣйствительности, а селу Лыскову сдѣлаться городомъ, также какъ не помѣшали геологическимъ условіямъ бассейна Волги отклонить ея теченіе къ сѣверу, не помѣшали ей затоплять Макарьевъ и въ будущемъ, вѣроятно, окончательно покрыть его своими водами. Нѣтъ сомнѣнія, что гидротехническія сооруженія, строго соображенныя съ наукою, съ точнымъ изслѣдованіемъ Волги, могли бы предотвратить разрушительное дѣйствіе ея силъ,—предотвратить это, какъ и многія другія ея уклоненія, чрезвычайно затрудняющія судоходство и торговлю,—заставить ее течь болѣе правильно, какъ текутъ всѣ цивилизованныя европейскія рѣки. Но пока мы бѣдны такими научными изслѣдованіями и основанными на нихъ заботами, не остается ничего другого, какъ подчиняться «естественнымъ» капризамъ водной стихіи. То же самое можетъ быть примѣнено и къ жизни человѣческихъ поселеній, къ государственнымъ сооруженіямъ, долженствующимъ только способствовать правильному естественному теченію этой жизни, а не насиловать ее, наперекоръ ея законамъ. Такъ, напримѣръ, переводъ ярмарки изъ Макарьева въ Нижній-Новгородъ удался потому, что онъ былъ согласенъ съ ея исторіей и со всѣми естественными географическими и экономическими условіями нашей торговли.

Точно также могутъ быть успѣшны, могутъ способствовать успѣхамъ городской жизни и городского хозяйства въ этихъ историческихъ самородныхъ нашихъ городахъ, официально называемыхъ селами, только городскія учрежденія, согласованныя съ дѣйствительными нуждами ихъ историческаго, нравственнаго и экономическаго быта, а не съ искусственными, придуманными извнѣ, чуждыми самой жизни, требованіями администраціи. По такимъ требованіямъ нерѣдко созидались и поддерживались у насъ города, чуждые всякаго внутренняго духа городской жизни или утратившіе его посреди историческихъ движеній времени. Они вымирали, оставаясь исключительно административными центрами, и ихъ жители переходили даже къ хлѣбопашеству и сельскимъ занятіямъ. А подлѣ выростали изъ селъ великолѣпные города, вопреки всякимъ препятствіямъ закона и администраціи для крестьянъ жить горожанами и заниматься городскими промыслами, вопреки отсутствію всякой полицейской охраны, нужной для городской жизни. Какъ на явленіе этого рода можно указать на вымершій губер-

скій древне-престольный городъ Владимиръ и на главный городъ Владимирской губерніи—село Иваново, весьма недавно возведенное въ чинъ безуѣднаго города.

Наше отступленіе къ общему вопросу о нашихъ городахъ можетъ показаться слишкомъ длиннымъ въ путевыхъ воспоминаніяхъ, но вопросъ этотъ серьезенъ и современенъ. Мы коснулись только нѣкоторыхъ его сторонъ, напрашивающихся на размышленіе вслѣдствіе личныхъ фактическихъ наблюденій, рѣдко сопровождающихся у насъ разрѣшеніе общихъ вопросовъ.

Между прочимъ, часто высказывается мнѣніе, что будто бы русскій человекъ по своей натурѣ—сельчанинъ, что ей противенъ городской бытъ и что нашъ коренной народный характеръ надо искать только въ крестьянинѣ-хлѣбопашцѣ или «мужикѣ». Это мнѣніе весьма естественно внушается многими нашими городами, въ которыхъ большинство низшаго бѣднаго класса, мѣщанъ, занимается хлѣбопашествомъ. Это мнѣніе также поддерживается общимъ типомъ нашихъ городскихъ гражданъ—*мѣщанъ*. Въ сравненіи со всѣми нашими «сословіями, состояніями и званіями», этотъ типъ самый блѣдный, самый неопредѣленный, не носящій на себѣ никакихъ характерныхъ, типическихъ русскихъ чертъ и имѣющій безчисленное множество разныхъ для себя обликовъ даже въ одной и той же мѣстности. Независимо, впрочемъ, отъ всего этого, нужно еще замѣтить, что упомянутое мнѣніе обусловлено отчасти и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что иностранцы и наши образованные люди хотятъ непременно обрѣсти въ нашемъ мѣщанствѣ западно-европейскихъ «бюргеровъ» и «буржуа» и, конечно, нигдѣ ихъ не находятъ, за исключеніемъ нѣмцевъ и евреевъ на нашихъ западныхъ окраинахъ.

Но вотъ именно въ Лысковѣ и подобныхъ ему самородныхъ нашихъ городахъ можно видѣть настоящій самобытный типъ русскаго горожанина. Онъ очень отличенъ и отъ нашего купца (даже и въ кругу крупныхъ лысковскихъ торговцевъ), и отъ мѣщанина; онъ какъ будто составляетъ дальнѣйшее современное развитіе нашего стариннаго историческаго, не созданнаго искусственно никакими законами, разряда «посадскихъ» людей.

Таковыми намъ представились лысковцы. Они испоконъ вѣку преданы исключительно городскимъ занятіямъ и ремесламъ и не имѣютъ ничего общаго съ землею, кромѣ права собственности на нее, изъ котораго извлекаютъ доходъ отдачею ея въ наемъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ выработался у нихъ чисто-городской бытъ и всѣ чисто-городскія историческія преданія. Съ помощью Д. И. Тяжелова мы успѣли довольно близко проникнуть во внутреннюю ихъ жизнь. Ихъ чрезвычайная тертость и бойкость (безъ той наглой развязности, которою отличаются многія наши промышленныя, въ особенности фабричныя, населенія), привычка ко всякимъ прїѣзжимъ и необыкновенное гостепрїимство очень облегчили эти изысканія. Жилища даже бѣднѣйшихъ изъ нихъ и вся ихъ обстановка сходны съ городскими квартирами, хотя и весьма своеобразны, и ни малѣйшимъ образомъ не напоминаютъ крестьянской «избы», а дома бѣдныхъ мѣщанъ во многихъ нашихъ официальныхъ городахъ почти ничѣмъ не отличаются отъ избъ. Своеобразіе московскихъ жилищъ, въ сравненіи съ городскими квартирами, заключается между прочимъ въ томъ, что каждое семейство живетъ въ отдѣльномъ домѣ. Почти всѣ дома двухъэтажны. Въ нижнемъ этажѣ—мастерскія, рабочія и вообще черныя помѣщенія; въ верхнемъ—прїемныя комнаты и спальныя. За исключеніемъ развѣ самыхъ бѣднѣйшихъ людей, имѣется у всѣхъ прїемная, отдѣльная отъ спальныя и кухни. И въ своихъ прїемныхъ или парадныхъ покояхъ лысковцы дѣйствительно сами живутъ, а не устраиваютъ ихъ только для показа и парада, какъ это до сихъ поръ еще водится у богатѣйшаго нашего купечества даже въ большихъ городахъ и столицахъ. Замѣчательна необыкновенная, даже въ средѣ бѣднѣйшаго лысковскаго народонаселенія, благовоспитанность, прївѣтливость и деликатность обращенія и манеръ. Чисто-городскія эти черты особенно впечатлительны въ женскомъ полѣ, который стоитъ здѣсь на подобающей ему высотѣ положенія домовитой «хозяйки» и окруженъ уваженіемъ мужчинъ. Здѣсь нѣтъ и слѣда «бабы», забитой деспотизмомъ главы семейства и изнемогающей отъ труда въ нашей деревнѣ, хотя лысковская женщина особенно дѣятельна и часто занимается торговлей и ремеслами наравнѣ съ мужчинами. Въ физическомъ отношеніи если лысковская женщина, какъ и все народонаселеніе, не блещетъ ни красотой, ни выразительностью фізіономіи, за то отличается тонкостью, мягкостью и миловидностью всѣхъ своихъ формъ. Само собою разумѣется, что о крестьянскомъ нарядѣ здѣсь нѣтъ и помину ни въ мужскомъ, ни въ женскомъ народонаселеніи; но женскій лысковскій туалетъ, хотя и чисто-городской, имѣетъ свои особенности, которыя мы здѣсь описывать не будемъ.

Самую важную принадлежность народнаго быта въ Лысковѣ, довершающую его городской характеръ, составляетъ поголовная грамотность и школьное образованіе, превосходящее даже въ бѣднѣйшемъ народонаселеніи общій уровень нашей народной школы. Такую степень умственнаго образованія массы нельзя найти даже въ большинствѣ нашихъ городовъ. Многія дѣти даже изъ низшаго класса не довольствуются своими народными училищами, изъ которыхъ одно образцовое двухклассное (съ 5 учителями), а учатся въ гимназіяхъ. При этомъ нужно отмѣтить самую утѣшительную черту этихъ умственныхъ успѣховъ: они нисколько не нарушаютъ цѣльности народнаго характера, не отрываютъ отъ семьи и его послѣдственныхъ занятій и не искажаются всѣми тѣми уродливыми «прогрессивными» явленіями, какими такъ часто испещрено новѣйшее образованіе нашего простолюдина. Мы нашли здѣсь настоящее умственное развитіе, которое поднимаетъ народный бытъ, а не ту болѣзненную «развитость», которая возбуждаетъ въ простолюдинѣ только сомнѣніе въ своемъ заповѣданномъ бытѣ и потрясаетъ его до корня. Это особенно пріятно было видѣть на молодыхъ женщинахъ, которыя, несмотря на школу, остаются «простыми». Какъ онѣ не курятъ папиросокъ, такъ мужская молодежь не отвлекается отъ своего дѣла къ «идеямъ». Точно также лысковское народонаселеніе, несмотря на бойкость своей жизни, въ которую ежедневно вторгаются самыя разнообразныя чужеземныя элементы, не разлучается съ своимъ историческимъ усердіемъ къ православію; богатство и благолѣпіе девяти церквей, хранящихъ въ себѣ многія замѣчательныя древности, продолжаютъ возрастать. Наконецъ, на всемъ лысковскомъ бытѣ лежитъ отпечатокъ той симпатической патриархальности, «домашности» (если позволено такъ выразиться), которая такъ рѣдко встрѣчается на подобныхъ коммерческихъ перепутьяхъ и въ особенности въ городскихъ и промышленныхъ центрахъ. Ко всему этому не можемъ не прибавить одной характеристической черты: дѣти не только богатыхъ, но даже среднихъ лысковцевъ уже учатся въ классической гимназіи (въ Нижнемъ). «Только долго мы ихъ тамъ не продержимъ, — говорили намъ отцы, — а то отобьются отъ рукъ» (то-есть отъ дѣла). Вотъ печальный фактъ въ ходѣ нашего высшаго образованія, о которомъ безпрестанно приходится слышать въ нашемъ промышленномъ мірѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ остальнымъ нашимъ наблюденіямъ въ Лысковѣ, я не могу не сдѣлать, на основаніи всѣхъ сообщен-

ныхъ фактовъ, еще двухъ замѣчаній къ затронутому выше общему вопросу о нашихъ официальныхъ городахъ и самородныхъ городахъ-селахъ. Самое рѣзкое различіе тѣхъ и другихъ заключается въ томъ, что административное и хозяйственное устройство послѣднихъ покоится на началахъ «сельскаго» *мира* (хотя бы онъ здѣсь и не былъ сельскій или крестьянскій), общины, которой давно простылъ и слѣдъ въ официальныхъ городахъ и которой даже и не существовало никогда во вновь основанныхъ нашихъ городахъ. Въ этихъ селахъ-городахъ уцѣлѣло наше самобытное свободное народное самоуправленіе, котораго не коснулись бюрократія, ея полицейская опека и чуждая народному духу регламентация. Свобода этого натурального, не предписаннаго, самоуправления удержалась даже всего болѣе въ помѣщичьихъ нашихъ имѣніяхъ, въ особенности въ большихъ оброчныхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ въ Великороссіи большинство знаменитѣйшихъ нашихъ сель-городовъ (Лысково, Павлово, Иваново, Городецъ и проч.); въ нихъ помѣщичья власть, ограничавшаяся полученіемъ доходовъ, охраняла миръ и его самоуправленіе даже отъ тѣхъ вторженій полиціи и бюрократической опеки, которыя коснулись нашихъ «свободныхъ» поселянъ, хотя и гораздо менѣе, чѣмъ официальныхъ горожанъ. Не слѣдуетъ ли всѣмъ этимъ историческимъ фактомъ объяснить многое въ той цѣльности народнаго характера, крѣпости и благосостояніи быта стройности самоуправления, внутренней связи и взаимности личныхъ интересовъ членовъ общины,—во всемъ томъ, чѣмъ отличаются наши села-города отъ официальныхъ городовъ, въ которыхъ прозябаютъ наши мѣщане, вполне разъединенные съ другими городскими сословіями, и въ которой нѣтъ даже и тѣни никакой самоуправляющейся общины? Не воскресило еще и не насадило эту общину и новое «Городовое Положеніе», нисколько не выработавшееся у насъ исторически. Этимъ, между прочимъ, объясняется вѣроятно и то, что въ общественномъ хозяйствѣ нашихъ сель-городовъ несравненно болѣе порядка, когда во главѣ волостнаго управленія стоятъ достойные люди, какъ въ Лысковѣ, чѣмъ въ официальныхъ городахъ, хотя въ послѣднихъ и несравненно болѣе людей съ высшимъ образованіемъ, но безъ всякаго навыка къ самоуправленію и его хозяйству.

Еще другой фактъ объясняетъ, почему наши села-города гораздо болѣе настоящіе города, чѣмъ официальные городскія поселенія. Историческія причины и поводы, приводившіе къ осно-

ванію городовъ, были разнообразны. Многія изъ такихъ причинъ и поводовъ утратили въ новѣйшее время всякую силу и смыслъ. Такова, наприѣръ, вооруженная защита, которая заставила построить въ древней Россіи такъ много городовъ,—вѣроятно, громадное ихъ большинство. Поэтому и вымирають города, утратившіе, посреди новыхъ движеній времени, историческую причину своего существованія. Между тѣмъ самую положительную черту, отличающую горожанъ отъ сельчанъ, въ особенности въ наше время, составляютъ *городскія занятія* и промыслы, категорически отличные отъ хлѣбопашества и сельскаго хозяйства и обуславливающіе собою все направленіе не только всего экономическаго, но и нравственнаго городскаго быта. Городскія занятія—торговля, ремесла и промышленныя заведенія, сперва кустарныя, позже фабричныя—и были главною причиною, превратившею у насъ села въ города. Поэтому весьма понятно, что, вслѣдствіе этихъ городскихъ занятій, которымъ были исключительно, въ теченіе вѣковъ, преданы жители этихъ сель-городовъ, они гораздо болѣе истые горожане, чѣмъ низшій рабочій классъ многихъ нашихъ официальныхъ городовъ, занимающійся или хлѣбопашествомъ, или, по принужденію, ремеслами, и даже чѣмъ высшій ихъ классъ, состоящій изъ чиновниковъ и помѣщиковъ, не имѣющихъ никакихъ интересовъ въ городѣ, вромѣ его увеселеній.

Много любопытныхъ вопросовъ о давно прошедшей и современной исторической жизни великороссійскаго племени возбуждается въ мысляхъ путешественника при посѣщеніи Лыскова. Но господствующій надъ всѣмъ остальнымъ интересъ этого мѣста для насъ заключается въ необычайной степени народнаго *благосостоянія*, нравственнаго и матеріальнаго, достигнутой его жителями. Ничего подобнаго мы до сихъ поръ на Руси не видали. Богатыхъ, и даже болѣе богатыхъ, чѣмъ Лысково, торговыхъ и промышленныхъ центровъ у насъ не мало и между ними такихъ же точно сель-городовъ. Но здѣсь поразили насъ зажиточность, «сытость» и довольство всей массы народонаселенія, и именно рабочаго, живущаго преимущественно на счетъ своего труда, а не капитала. Нигдѣ мы не видали такого, какъ здѣсь, отсутствія противоположностей богатства, роскоши и нищеты, а отъ такихъ противоположностей всего болѣе страдаютъ новѣйшіе промышленные центры не только въ западной Европѣ, но отчасти уже и у насъ (какъ мы впоследствии увидимъ). Призна-

ковъ совершенно голой нищеты мы даже почти вовсе не нашли въ Лысковѣ, за исключеніемъ особыхъ бѣдственныхъ случаевъ въ нѣкоторыхъ семействахъ (напримѣръ, вслѣдствіе пьянства, которымъ, однако, масса народонаселенія не заражена).

Наружной, необыкновенно приличной, даже въ своемъ родѣ щегольской, обстановкѣ домашняго быта даже у бѣднѣйшихъ лысковцевъ отчасти содѣйствуетъ, какъ они намъ объясняли, общая склонность тянуться за богатыми, не отставать ни отъ кого во внѣшнихъ принадлежностяхъ «приличной» жизни. Но эта склонность, свойственная вообще великороссійскому племени, и въ особенности въ бойкихъ, проѣзжихъ мѣстахъ, нисколько не ведетъ здѣсь къ внутреннему разстройству домашняго быта, къ пренебреженію его существенными удобствами для расходовъ прихоти, къ безвыходному задолжанію. Напротивъ, съ наружнымъ приличіемъ здѣсь соединяется домовитость, доказываемая изобиліемъ предметовъ насущнаго существованія въ каждомъ хозяйствѣ: жилища, одежды (въ томъ числѣ бѣлья), пищи. Во всѣмъ чертамъ этого быта, выше нами сообщеннымъ, мы должны присовокупить необыкновенную чистоплотность и опрятность, которыми славится лысковское народонаселеніе и которыя одинаковы у богатыхъ и у бѣдныхъ. Эти качества особенно примѣчательны здѣсь потому, что они особенно недостають большинству великороссійскаго народонаселенія (за исключеніемъ старообрядцевъ).

Всѣ сообщаемыя нами свѣдѣнія основаны на нашихъ личныхъ наблюденіяхъ, а не на разсказахъ. Мы входили въ дома лысковскихъ жителей и знакомились съ ними, когда они вовсе насъ не ожидали и не дѣлали ни малѣйшихъ приготовленій для приѣма гостя. Только эта повседневная жизнь людей, захватываемая, такъ сказать, въ-расплохъ, безъ всякаго наряда, и интересна для изученія. Такъ, напримѣръ, обращаетъ на себя вниманіе опрятность повседневной рабочей одежды въ каждомъ лысковскомъ семействѣ, отъ стариковъ до ребятишекъ. При этомъ всего пріятнѣе видѣть даже у наибѣднѣйшихъ людей кровати и постельное бѣлье для каждаго члена семейства — эту чрезвычайную рѣдкость въ нашемъ великороссійскомъ бытѣ, даже въ высшихъ коммерческихъ его сферахъ. Въ каждомъ, даже самомъ скудномъ, домѣ посѣтителя, даже неожиданнаго, непременно ожидаетъ угощеніе; оно составляетъ, конечно, принадлежность гостепріимства, на которое такъ тароваты лысковцы, но свидѣтельствуется также объ изобиліи быта.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы были въ Лысковѣ, мы еще видѣли только одинъ такой же счастливый уголокъ на Руси—огородническій край въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи (описанное нами село *Угодичи* въ этомъ край) *). Высокій уровень нравственнаго и вещественнаго благосостоянія массы народонаселенія, относительное равенство въ немъ богатства и отсутствіе крайней нищеты или голи сближаютъ этотъ край съ Лысковомъ; но эти два населенія совершенно противоположны между собою по образу занятій и жизни. Какъ лысковцы—превосходнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ типовъ русскихъ горожанъ, такъ ростовскіе огородники—превосходнѣйшій типъ сельчанъ-мужиковъ, хотя тѣ и другіе по официальному своему званію—крестьяне. Но одна существенная черта въ историческомъ бытѣ того и другаго населенія одинакова: въ томъ и другомъ сохранился въ теченіе вѣковъ строгій строй нашего крестьянскаго, мірскаго или общиннаго самоуправленія. Онъ только больше развился и окрѣпъ въ формахъ новѣйшаго волостнаго устройства, покоясь на началахъ исторически выработанныхъ исконовъ вѣку. Въ этомъ строѣ, во внутренней свободной взаимной опека членовъ самоуправляющейся общины или міра, въ его общественномъ хозяйствѣ, блюдущемъ общественныя имущества и доходы и съ помощью ихъ благосостояніе каждаго отдѣльнаго лица, и наконецъ, всего болѣе, въ нравственной *дисциплинѣ* этого строя—нельзя не видѣть одной изъ главныхъ нравственныхъ причинъ одинаковой крѣпости народнаго быта въ обѣихъ мѣстностяхъ, столь между собою различныхъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Порядокъ въ общественномъ хозяйствѣ, которое удовлетворяетъ многимъ общимъ потребностямъ народонаселенія (напримѣръ, содержать школу) и является на помощь крайней личной нуждѣ **), и попечительную надъ всѣми руку общественной (волостной) администраціи мы одинаково нашли въ обѣихъ мѣстностяхъ. Сверхъ всего этого имѣетъ важное экономическое и социальное значеніе для обезпеченности быта слишкомъ извѣстное условіе этихъ сель, чуждое нашимъ официальнымъ городамъ: наибѣднѣйшій домохозяинъ имѣетъ недвижимую собственность—домъ, усадьбу и, если желаетъ, землю. Въ общинной землѣ, которою сами лысковцы не пользуются, заключается запасъ для надѣ-

*) „Наши путевыя замѣтки“ въ *Руси* 1881 г.

**) Мы не сообщаемъ здѣсь всѣхъ свѣдѣній объ этомъ общественномъ хозяйствѣ, которыя будутъ изложены въ отчетѣ о нашихъ изслѣдованіяхъ.

ленія личною собственностью (усадьбою) будущихъ поколѣній. Ничего подобнаго бѣднѣйшее мѣщанское народонаселеніе нашихъ официальныхъ городовъ для себя не имѣетъ. Мы всего менѣе говорили объ этомъ важнѣйшемъ условіи процвѣтанія нашихъ сель-городовъ только потому, что оно всего болѣе извѣстно.

Чтобы представленная нами общая картина народнаго быта въ Лысковѣ была еще болѣе ясна, мы дополнимъ ее самымъ бѣглымъ перечнемъ нѣкоторыхъ фактовъ, собранныхъ нами во время нашихъ изысканій. Для возможно болѣе быстрого личнаго ознакомленія съ бытомъ бѣднѣйшаго или рабочаго народонаселенія, мы лично изслѣдовали положеніе хозяйства въ нѣсколькихъ домахъ, могущихъ служить, по достовѣрнымъ указаніямъ мѣстныхъ знающихъ лицъ, образцами трехъ ступеней благосостоянія: *средней* (большинства домохозяевъ), *высшей* (все-таки въ средѣ того же бѣднѣйшаго рабочаго народонаселенія, живущаго на счетъ личнаго своего труда) и *низшей* (т.-е. ступени, называемой въ данномъ мѣстѣ нищетою). Такъ дѣйствовали мы всегда въ нашихъ путевыхъ изслѣдованіяхъ.

Укажемъ коротко на индивидуальныя работы, относящіяся къ образцамъ трехъ упомянутыхъ категорій, *сверхъ* всѣхъ выше обозначенныхъ *общихъ* имъ всѣмъ чертъ лысковскаго быта:

1. *Среднее хозяйство.* Семейство занимается выдѣлываніемъ металлическихъ (мѣдныхъ) наперстковъ и пуговицъ. Работаютъ только члены семейства, *безъ найма рабочихъ*. Продають, по 5 руб. за 1.000 наперстковъ, сгущикамъ, доставляющимъ матеріалъ, которые сами продають по 6 руб. Домъ (собственный) двухъ-этажный; въ такихъ домахъ и въ такой домашней обстановкѣ живутъ мелкіе купцы въ нашихъ уѣздныхъ городахъ. Пища—ежедневно мясо два раза въ день. Женщины помогаютъ въ работѣ (чистятъ наперстки и пуговицы).

Это производство падаетъ, вслѣдствіе конкуренціи иностраннаго товара; иностранные, *посеребрённые*, наперстки лучше и не дороже лысковскихъ желтыхъ мѣдныхъ. Ихъ лысковцамъ до сихъ поръ не удастся выдѣлывать, хотя они и пробовали. Изъ этого видно, какъ наше кустарное производство нуждается въ усовершенствованіи своей техники, чтобъ удержаться, и это общее у насъ явленіе.

Въ виду этого упадка своего производства, упомянутое семейство уже заботится о томъ, чтобы помѣстить дѣтей въ дру-

гя профессіи: одинъ сынъ—писарь, другой—служить прикащикомъ въ лавкѣ.

Въ этомъ главномъ кустарномъ производствѣ въ Лысковѣ нѣсколько формъ: чисто семейная, къ которой принадлежитъ посѣщенное нами семейство; затѣмъ другая форма — семейство принимаетъ рабочихъ; наконецъ — крупное производство, основанное главнѣйше на наймѣ рабочихъ. Эта послѣдняя форма — уже фабрика (такая—только одна въ Лысковѣ).

Всѣ указанныя условія весьма обыкновенны во всякомъ нашемъ кустарномъ дѣлѣ. Но что составляетъ здѣсь явленіе, рѣдко встрѣчающееся у насъ въ этомъ дѣлѣ и соответствующее общей гармоніи экономическихъ интересовъ въ Лысковѣ, это то, что *скутцики не эксплуатируютъ* кустарныхъ производителей. Первые даютъ послѣднимъ *справедливыя* цѣны, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ цифръ. Извѣстно, что эта эксплуатація составляетъ язву не только экономическую, но и социальную въ нашемъ кустарномъ мирѣ. О ней намъ придется много говорить впослѣдствіи. Въ Лысковѣ мы ничего не слышали о враждѣ кустарниковъ къ скутцигамъ, о которой такъ много слышали въ другихъ мѣстахъ.

2. *Бѣднѣйшее хозяйство.* Семейство впало въ нищету вслѣдствіе болѣзни отца, который больше не можетъ продолжать своего судового промысла (ходить рабчимъ по Волгѣ на дощаникахъ). Семейство тоже занимается производствомъ пуговиць. Но взрослому мужчине, кромѣ отца, для поддержки семьи нѣтъ. Небольшой домикъ обвалился и заустѣлъ. Волостной старшина обѣщалъ при насъ дать пособіе изъ общественныхъ суммъ на поправку дома. Несмотря на очевидную бѣдность, хуже которой мы не видали въ Лысковѣ, мы нашли дѣтей чисто одѣтыми и насъ угощали чаемъ, который не выводится даже и въ этомъ разстроившемся хозяйствѣ.

3. *Наиболѣе богатое хозяйство.* Хозяинъ—мелкій торговецъ; онъ торгуетъ (по части одежды) разнымъ крестьянскимъ товаромъ, закупаемымъ «на верху», то-есть въ верховыхъ приволжскихъ мѣстахъ и на Нижегородской ярмаркѣ. Продаетъ здѣсь и посылаетъ въ другія мѣста. Ему помогаетъ въ торговлѣ жена. Семейство это, особенно хозяинъ среднихъ лѣтъ, и порядкомъ въ домѣ производятъ необыкновенно пріятное, гармоническое, впечатлѣніе. Дѣтей старательно учатъ и воспитываютъ. Но дочь учится у пономаря, а не въ училищѣ, хотя оно въ Лысковѣ весьма благоустроено,—потому, сказала намъ мать, что «въ учи-

лицѣ дѣвочка избаловалась бы». Когда мы хвалили порядокъ въ домѣ, она намъ объяснила: «потому у насъ хорошо, что живемъ съ мужемъ крѣпко (т. е. въ согласіи). Онъ не пьетъ».

Въ заключеніе всего нашего очерка села Лыскова, мы должны указать на одну изъ главныхъ, по нашему мнѣнію, причинъ его богатства и въ особенности необыкновеннаго умственнаго, или лучше культурнаго развитія его народонаселенія, сверхъ многихъ другихъ причинъ, уже упомянутыхъ нами выше. Это—старое (какъ было сказано), издавна насиженное промышленностью, торговлею и всею историческою жизнью, мѣсто. Древность культуры есть сила сама по себѣ дѣйствующая, въ особенности для промышленнаго и коммерческаго воспитанія народа, независимо отъ всякихъ другихъ благоприятныхъ для него условій. Здѣсь, въ самомъ центрѣ теченія Волги, между Окой и Камою, весь дальнѣйшій въ теченіе вѣковъ ходъ исторіи только усиливалъ благоприятное торговое значеніе этого мѣста и развивалъ мощь духа первобытныхъ его насельниковъ.

Сверхъ всего нужно также упомянуть о благодѣтельной личной дѣятельности владѣльцевъ Лыскова, которая до сихъ поръ живо сохраняется въ памяти его народонаселенія. Оно долго принадлежало князьямъ Грузинскимъ; теперь главная помѣщица—гр. Толстая, до сихъ поръ пекущаяся о нуждахъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ и между прочимъ въ особенности о школахъ, которая была устроена Толстыми уже давно при крѣпостномъ правѣ. Въ указаннымъ выше выгоднымъ для народнаго быта условіямъ обширныхъ помѣщичьихъ *оброчныхъ* имѣній, во множествѣ превратившихся у насъ въ цвѣтущіе города, здѣсь еще присоединялся личный попечительный, народолюбивый глазъ помѣщиковъ. Этого глаза недоставало въ другихъ такихъ же богатыхъ имѣніяхъ (напримѣръ — въ Павловѣ и Ивановѣ); они находились въ неограниченномъ распоряженіи управляющихъ, злоупотреблявшихъ своею властью. Поэтому въ Лысковѣ мы не нашли въ народѣ ни малѣйшей горечи въ воспоминаніяхъ о крѣпостномъ правѣ, хотя упраздненіемъ его лысковцы все-таки очень довольны. Съ освобожденіемъ Лысково значительно усилилось, ибо, какъ намъ объясняли, прежде помѣщики, хотя бы и съ благодѣтельною цѣлію, раскладывали оброкъ по своему усмотрѣнію, облегчая бѣдныхъ и обременяя богатыхъ (до 200 рублей съ тягла). Богатые скрывали свои капиталы и потому не могли широко развернуть свои торговыя и промысловыя операціи.

Съ пріятнѣйшими чувствами, какія нигдѣ, въ такой степени, мы еще не испытывали въ нашихъ путешествіяхъ по отечеству, расстались мы съ этимъ гостепріимнымъ и симпатическимъ приволжскимъ населеніемъ. Несмотря на то, что намъ приходилось спѣшить отъѣздомъ, мы были очень благодарны случайности, которая насъ здѣсь задержала на лишніи полсутки и которая такъ обыкновенна на Волгѣ. Пароходъ, на которомъ мы должны были ѣхать поздно вечеромъ обратно въ Нижній, ушелъ за часъ ранѣе назначеннаго по росписанію *) времени. Приходилось вернуться изъ Исадъ (прибрежной слободы подъ Лысковомъ) ночевать назадъ въ Лысково. Неудобствъ ночлега не нужно было испытывать, потому что гостиница такъ хороша, какъ рѣдко бываетъ въ нашихъ губернскихъ городахъ. На другое утро другой пароходъ ушелъ опять ранѣе назначеннаго часа. Не имѣя ни отъ кого никакихъ положительныхъ извѣстій о приходѣ и отходѣ пароходовъ, мы уже рѣшились расположиться на исадскомъ берегу, въ ожиданіи какаго-либо случая вернуться въ Нижній. Такъ всегда и дѣлаютъ пассажиры на Волгѣ, вынужденные спѣшить своими переѣздами. Исправный приходъ и отходъ пароходовъ по росписанію—такая необычайная случайность на Волгѣ, на которую никто не рассчитываетъ.

Досадныя размышленія о томъ, какъ еще дешево для русскаго человѣка время даже въ самыхъ бойкихъ и дѣятельныхъ средоточіяхъ его жизни, быстро смѣнились для насъ впечатлѣніями и наблюденіями, со всѣхъ сторонъ обступившими насъ на этой Исадской пристани—одной изъ самыхъ оживленныхъ приволжскихъ пристаней. Для путешественника-исслѣдователя или наблюдателя ничего не можетъ быть удобнѣе, какъ когда онъ задержанъ на пути случайными, всѣмъ извѣстными препятствіями, когда всѣ знаютъ, что у него нѣтъ цѣли тутъ оставаться, а что онъ ѣдетъ далѣе: публика вокругъ оставляетъ его тогда въ покоѣ и сама не беспокоится его присутствіемъ, предоставляя себя на свободное его наблюденіе и созерцаніе. Поэтому намъ не разъ случалось, даже въ тѣхъ мѣстахъ, куда мы издавна нарочно пріѣзжали, стараться, подъ разными предлогами, внушить вокругъ насъ убѣжденіе, что мы ѣдемъ дальне, «мимо», и отъ скуки, отъ нечего дѣлать, вынуждены изучать мѣсто нашей

*) Когда пароходы отходятъ и уходятъ *позже* назначеннаго времени, то еще можно ихъ извинить препятствіями волжскаго судоходства; но когда они уходятъ *ранѣе*, то это совершенно неизвинительно.

остановки. Когда встрѣчались даже печальныя затрудненія въ путешествіи, то намъ часто приходилось имъ очень радоваться.

Такъ было и тутъ. Обступавшая насъ со всѣхъ сторонъ картина Волги и ея прибрежій, облитая свѣтомъ яркаго августовскаго утра, была и въ художественномъ отношеніи весьма впечатлительна. Но сколько ни наслаждались мы этою картиною, не замѣчая долгихъ часовъ ожиданія парохода, — описать ее было бы намъ не подъ силу. Мы упоминаемъ здѣсь объ этой художественной сторонѣ нашихъ путевыхъ воспоминаній только потому, что на ней самымъ осязательнымъ образомъ отпечатлѣвалось все внутреннее содержаніе исторіи и жизни этой мѣстности. Раскрывавшійся передъ нами со всѣхъ сторонъ ландшафтъ не только одинъ изъ самыхъ живописныхъ на Волгѣ, но и изъ самыхъ характеристическихъ для всего средняго ея теченія.

Тутъ жизнь человѣка — населенность и людность прибрежій, шибкое движеніе промышленности, торговли и судоходства, слѣды многовѣковой прошедшей культуры, выступаютъ на первый планъ, господствуютъ надъ всѣми впечатлѣніями природы. Это главная черта и краса средняго бассейна Волги. Напротивъ, чѣмъ ниже по ней (отъ устья Бамы), тѣмъ болѣе выдвигаются могущественныя силы природы, еще неизмѣримо болѣе тутъ производительныя, чѣмъ трудъ человѣка, — все такъ-называемое волжское раздолье, единственное въ своемъ родѣ, въ нашей части свѣта, богатство рѣчныхъ водъ и вокругъ необозримый просторъ черноземныхъ полей, всячески истощаемыхъ небрежнымъ хлѣбопашцемъ и до сихъ поръ все еще не истощенныхъ и почти дѣвственныхъ, въ сравненіи не только съ западною Европой, но и съ среднимъ, малоплодороднымъ бассейномъ Волги. Тутъ еще самый юный періодъ нашей культуры, «нашъ дальній Востокъ», ожидающій всего отъ будущаго.

Позади насъ, на *нагорномъ* лѣвомъ берегу, за Исадскою слободою, возвышается Лысково и за нимъ еще болѣе высокія горы (Лысая). По дорогѣ оттуда до пристани, внизъ и вверхъ, безпрерывно снуютъ возы, экипажи, пѣшеходы. Передъ нами на противоположномъ *луговомъ* берегу историческія развалины Маркарьевскаго монастыря и устье, не менѣе историческаго, Керженца. За ними приволжская жизнь замираетъ; тамъ, за прибрежными лугами, около «омутистаго», таинственнаго, «святаго» (въ вѣрованіяхъ старообрядцевъ) Керженца начинаются *лѣса*, безконечно тянущіеся къ сѣверу. Въ этихъ темныхъ лѣсахъ укры-

вастся совѣсть моей человѣческой миръ, нежели какой мы видѣли на Волгѣ; мы скоро должны будемъ въ него проникнуть.

Въ противоположность къ мертвой тишинѣ этого особаго заволажскаго, лѣснаго и разнолѣтняго мира, на Исадской пристани страшное оживленіе и суматоха. Толпы народа осаждаютъ пароходныя пристани, садясь на пароходы, безпрестанно приходящіе съ верху, и высаживаясь съ нихъ. Нижегородская ярмарка идетъ къ концу и публика быстро съ нею разлѣзается. Въ ея началѣ и въ концѣ массы пассажировъ, идущихъ въ Нижний и уѣзжайшихъ изъ Нижняго, въ эти двѣ эпохи, ежегодно перевозятъ волжскіе пароходы. Въ толпѣ, покрывавшей исадскій берегъ, господствовало, какъ во всякой публикѣ внутри Россіи, простонародье. И здѣсь, какъ всегда во всякой русской простонародной толпѣ, для насъ былъ всего болѣе впечатлительнъ духъ мира, спокойствія и любви, царившій надъ всею внѣшнею оживленностью и шумливостью народной массы. Съ необыкновеннымъ миролюбіемъ и покорностью подчинилась она всеимъ наименованіямъ о «порядкѣ», предъявлявшимся ей со стороны ежудныхъ полицейскихъ силъ, находившихся здѣсь для охраны тишины и спокойствія. Для насъ это очень обыкновенное явленіе, — мы сливаемъ свываемъ съ миролюбіемъ и епримностью нашего простонародья; но иностранцевъ, посреди современнаго озлобленія западно-европейской уличной «черни», это необыкновенно миролюбивое настроеніе нашего простаго народа, незнающаго раздраженія ни противъ высшихъ сословій, ни противъ «правлящихъ классовъ», необыкновенно перамаеть. Только въ самыхъ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ дѣйствительнаго или предполагаемаго поруганія его заповѣдныхъ историческихъ правъ, святини его народныхъ чувствъ, онъ выходитъ изъ этихъ предѣловъ своего миролюбія, своей покорности «закономъ установленнымъ властямъ», и тогда выходитъ за эти предѣлы далеко, и тогда все этому удивляются...

Эта, раскрывшаяся передъ нами, необыкновенно мирная картина довольной промышленной жизни не была нарушена даже и той черною точкой, которая вдругъ показалась передъ нами на ея свѣтломъ фонѣ и напомнила было объ иныхъ, мрачныхъ и бурныхъ, явленіяхъ нашего времени, совсѣмъ чуждыхъ народной жизни, кипѣвшей на берегу. На пристани ожидался сверху «арестантскій пароходъ» (арендуемый правительствомъ у частной

компании для развоза вниз по Волгѣ и Камѣ, сохланныхъ въ «болѣе или менѣе отдаленныя мѣста»). Для посадки на этотъ пароходъ были подвезены въ примерахъ изъ мѣстнаго тюремнаго замка два арестанта; они сидѣли на лодкѣ подъ конвоемъ трехъ солдатъ. Она должна была причалить къ пароходу посреди рѣки. Въ толпѣ пронесся слухъ, сообщенный будто бы полицией (?), что эти арестанты — «политическіе». Любопытство публики было сперва сильно возбуждено, но долго заниматься этими интересными людьми ей было недосугъ. Когда толпа разсыпалась, подошли къ лодкѣ и мы. Подъ ея жолыханіями, конвоемъ, хотя и подъ ружьемъ, предался мирной дремотѣ. Мы могли свободно бесѣдовать съ арестантами. Они оба имѣли жалостный и безобидный видъ. Одинъ мальчикъ, 14 лѣтъ, бѣжалъ на родину, въ Вятскую губ., изъ Москвы, гдѣ у него умеръ отецъ и гдѣ онъ остался одинокъ, безъ всякаго крова. Онъ былъ ввязъ на пароходъ жандармомъ, какъ безпаспортный. Другой, молодой татаринъ, бѣжалъ не вѣсть куда отъ воинской повинности. Оба принадлежали къ той безчисленной массѣ народа, которая безпрестанно арестуется у насъ за преступленіе «безписьменности». Оба упомянутые арестанта, хотя и прозванные «политическими», всего менѣе могли внушать опасеніе, чтобы они воспользовались дремотою конвоя для какого бы то ни было злоумышленія. Они очевидно были очень довольны, что нашли себѣ военное пристанище и кормъ. Такихъ людей, въ числѣ арестуемыхъ, у насъ также масса.

Эта тюремная группа, хотя и подъ зарыченными ружьями, носила на себѣ характеръ никакъ не менѣе мирный и патриархальный, чѣмъ другая, не вдалекѣ расположившаяся на берегу, подъ своимъ перевознымъ шалашомъ, группа людей совсѣмъ другого рода. О ней не излишне также мимоходомъ упомянуть, какъ о характеристическомъ явленіи во всей этой чисто русской картинѣ народнаго быта. Эта группа — семейство цыганчиковъ изъ-подъ г. Бягинина, Нижегородской губ., гдѣ весьма развито производство шапокъ изъ мерлушекъ. Оно ежегодно со всѣми малолѣтними дѣтьми перекочевываетъ на зиму въ Самару и тамъ заводитъ ежегодно мастерскую, шьетъ шапки, распродаетъ въ Самарѣ и на мѣстныхъ ярмаркахъ, и весною возвращается къ себѣ въ деревню, гдѣ на всю зиму закладываетъ свой домъ. Кѣмъ занимается хлѣбопашествомъ и, закупивъ матеріала на Нижегородской ярмаркѣ, снова плыветъ въ Самару. Это семей-

ство уже обзавелось для своего кустарнаго производства швейною машиной. Оно, кажется, живетъ въ изобиліи и считаетъ совершенно нормальными и свою кочевую жизнь, и соединеніе ремесла съ земледѣліемъ (на разстояніи почти 1.000 верстъ).

Но пора разстаться съ этою достаточно всѣмъ извѣстною мирною и свѣтлою картиной приволжской промышленной жизни.

Вл. Безобразовъ.

МАКАРЬЕВЪ

МАКАРЬЕВЪ

Село

Макарьевъ, село въ Нижегородской губерніи, въ 100 верстахъ отъ Нижняго Новгорода, на рѣкѣ Макарьевкѣ. Основано въ 1666 году. Въ 1781 году въ Макарьевѣ было 15 дворовъ, въ 1811 году — 150, въ 1859 году — 1.000, въ 1897 году — 3.000. Въ 1897 году въ Макарьевѣ было 150 дворовъ, 1.000 жителей, 150 лошадей, 150 коровъ, 150 овецъ, 150 свиней, 150 куръ, 150 гусей, 150 утокъ, 150 индеекъ, 150 пернатыхъ. Въ 1897 году въ Макарьевѣ было 150 дворовъ, 1.000 жителей, 150 лошадей, 150 коровъ, 150 овецъ, 150 свиней, 150 куръ, 150 гусей, 150 утокъ, 150 индеекъ, 150 пернатыхъ.

Изъ Лудвига Кондратовича.

Гость въ Петровѣ.

(Отрывокъ.)

Нѣтъ, эта честь, друзья, принадлежитъ не мнѣ,
Съ которой вы меня сегодня возносили:
Вы тружениковъ всѣхъ въ родной странѣ
На нивѣ письменной въ моемъ лицѣ почтили.
Не знаю, шель ли въ прогъ мой трудъ, какъ трудъ жнеца;
Вы братски потому мнѣ протянули руки,
Что честно, съ искренней душой, въ поту лица
Работалъ я серпомъ безъ усталы и скуки.
И въ самую страду горячую, когда
Еъ полудню клонится рабочій день надъ пашней,
Вы, братья-земляки, наградою труда,
Жнецу устроили радушный пиръ домашній.
Онъ силу новую и бодрость мнѣ даетъ.
Я съ вами пировалъ, волненіемъ объятый,
И мнѣ хоть не къ лицу еще такой почетъ,
Пока не конченъ трудъ на нивѣ недожатой,
Но я сталъ уставать... Спасибо вамъ, друзья,
За кубокъ поданный мнѣ дружеской рукою!
Теперь за серпъ примусь я съ силою такою,
Что, можетъ, къ вечеру окончу жатву я;
А если во-время, Богъ дастъ, я не устану,—
Трудъ привести къ концу поможетъ мнѣ Творецъ,
Я вамъ сплету дожинковый *) вѣнецъ,
Вамъ пѣсни пѣть дожинковыя стану.

*) Дожинки—праздникъ послѣ жатвы.

Поэта трудъ—не просто трудъ лица; а тут не прозой
 Запоминаются стихи легко друзьями
 Сердца людей—подосея для пшавца; а тут не прозой
 Владѣть оиъ сердцами и ослерами.

Я этой истинѣ служилъ, по шрѣ, ожалъ...
 Съ тѣхъ поръ, какъ на пути поэта показався...
 Я къ жертвеннику музъ со страхомъ подходилъ
 И съ трепетомъ да струнъ сердечныхъ я касался...
 Хоть робкіе, на сколько могъ я ошавъ,
 Но звуки чистые я издавать хотѣлъ...
 Сперва какую-жъ могъ я пѣсню пѣть иную?—
 Сперва я воспѣвалъ Литву мою родную,
 Ея поля, селенья, сельскій людъ,
 Волненья праздничныхъ и будничныхъ минутъ,
 Владбица, замки—гдѣ наши предки жили,
 Читалъ я на камняхъ ихъ думы и мечты,
 Хотѣлъ всмотрѣться я въ отжившія черты,
 Прислушаться къ сердцамъ, что спятъ давно въ могилахъ...
 Что видятъ глазъ, улавливать слухъ,
 Бралъ я вездѣ и образы, и звуки,
 И съ кровью сердца ихъ, какъ плодъ любви и муки,
 Вросалъ въ народъ, и былъ народъ не глухъ:
 За мною вся Литва тѣ пѣсни повторяла
 И имъ пріютъ вездѣ радушный предлагала...

Въ альбомѣ княгини Пузырины.

(Какъ дополненіе къ ея стихотворенію: «Со jest ojczyzna?»)

А кресты погостовъ сельскихъ и бесѣды
 На могилахъ бѣдныхъ, ихомъ густымъ цвѣтущихъ?
 А колонны храмовъ, что воздвигли предки,
 Призракомъ былого царственно-встающихъ?
 А воспоминанья, о минувшемъ тризна?...
 Какъ назвать все это?— Это все отчизна!

И животныхъ кости, и цвѣтокъ пустынный,
 Игры ребятишекъ, старца люсокъ дивный,
 Рабскія оковы, что въ подвалахъ дѣдовъ

Находили внуки, лить чашьдъ шведовъ;
 Блючь воды студеной, горшци верховань;
 Въ кубкѣ медь янтарной, лютя трепетань;
 Лѣтопись событій съ простодушнымъ складомъ,
 Дымъ надъ кровлей хаты, надъ зеленымъ садомъ,
 Даже сны, что жились снавкой невозможной,
 Свѣжій дѣръ зеленый, камень придорожній —
 Все, что сердцу свято, но необъяснимо,
 Чѣмъ душа, парю, смущена, томима,
 Тайное страданье, слово угоризанъ —
 Это все зовется именемъ отчизны.

Еще гусларь.

То мракъ, то солнце... Завыванье
 Вѣтровъ... Ужь осень наступила,
 То лучезарна, то уныла,
 Какъ лигъ невѣсты въ день вѣнчанья,
 То съ яснымъ, то съ монастырскимъ днемъ,
 Какъ думы на челѣ моемъ.

Дожинокъ пѣсни раздаются
 Торжественно подъ небесами,
 Звуча, надъ нивами несутся,
 Надъ желтолиственными лѣсами,
 И грустный тонъ лежитъ на всемъ,
 Какъ думы на челѣ моемъ.

Темнѣютъ ночи. Сердце бьется
 Отъ страха, сжатое кручиной...
 Въ окошко хаты вѣтеръ рвется,
 И воевъ десь, и крикъ совиный
 Зловѣщъ въ безмолвнѣйшій ночномъ,
 Какъ думы на челѣ моемъ.

Но осень для пѣвца милѣе,
 Чѣмъ дни весны въ родной сторонкѣ;
 Его напѣвы веселѣе
 И удалми пѣсни зноши,
 И знають, любятъ икъ въ селѣ,
 Какъ думы на его челѣ

Въ ладъ съ соловьемъ поетъ онъ смѣло
 О томъ, что сердцу не постыло:
 Поётъ весну, что улетѣла,
 Поётъ любовь, что измѣнила,
 И думъ, то мрачныхъ, то живыхъ,
 Не можетъ выяснитъ своихъ.

Слезами выплакавъ всё муки,
 Спокойнѣй пѣть онъ начинаетъ,
 Со стономъ бурь осеннихъ звуки
 Безстрастныхъ пѣсенъ онъ сливаетъ...
 Все измѣнилось на землѣ,
 Какъ думы на его челѣ.

Онъ видитъ это измѣненье,
 Слѣдитъ, какъ сердце бьется ровно;
 Нѣмой души окаменѣнье
 Его страшитъ—могила, словно:
 — «Ахъ, смерть страшна могильнымъ сномъ,
 Какъ думы на челѣ моемъ!»

Но смерти онъ не такъ страшится...
 Забыть людьми, не тогъ, что прежде,
 Онъ измѣнитъ въ душѣ бонтоя
 Любви, и вѣрѣ, и надеждѣ,
 За ангеловъ считая ихъ
 Прекрасныхъ, свѣтлыхъ думъ своихъ.

Д. Минаевъ.

Понятіе о народѣ у Руссо.

Qui dit le peuple dit plus d'une chose: c'est une vaste expression; et l'on s'étonnerait de voir ce qu'elle embrasse et jusqu'où elle s'étend. *La Bruyère*, p. 206.

Съ половины прошлаго вѣка слово *народъ* получило новое значеніе и особый интересъ для французскаго общества, — конечно, преимущественно для той его части, которая находилась подъ вліяніемъ современной литературы. Возникшія и установившіяся тогда *новыя* представленія о *народѣ* служили отраженіемъ распространявшихся въ тогдашнемъ обществѣ политическихъ понятій и потребностей, а съ другой стороны эти представленія въ свою очередь сдѣлались могущественнымъ проводникомъ новыхъ идей и исходною точкою новыхъ общественныхъ стремленій. Поэтому изучить происхожденіе того общаго понятія о народѣ, которое тогда сложилось въ языкѣ и въ литературѣ Франціи — значитъ познакомиться съ условіями, при которыхъ совершалось развитіе духовной культуры и политической жизни Франціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и направленіе, которое получило это развитіе подъ вліяніемъ общественныхъ стремленій и наиболее популярныхъ писателей. А такъ какъ французское образованіе и литература Франціи были далеко распространены за ея предѣлами, то исторія понятія о *народѣ*, установившагося во французскомъ обществѣ, представляетъ непосредственный интересъ при изученіи духовной жизни другихъ европейскихъ народовъ и многое въ ней можетъ объяснить. Очеркъ исторіи въ предѣлахъ Франціи этого важнаго, можно сказать преобладающаго, политическаго понятія нужно начать съ Руссо. Различныя направленія мысли, пробудившіяся во французскомъ обществѣ XVIII вѣка по отношенію къ понятію о народѣ, всё какъ бы сходятся и сосредоточиваются въ

Руссо, получают особый отпечаток и животрепещущий интерес под влиянием чуткой субъективности и литературного таланта этого носителя, кристаллизуются и отчеканиваются в его произведениях, и отсюда быстрее расходятся и глубоко проникают в различные слои французского общества. Руссо можно поэтому считать въ известномъ смыслѣ родоначальникомъ различныхъ представлений о народѣ во французской литературѣ, и хотя тѣ школы или направления въ вопросѣ о народѣ, которые намъ придется различать, не все въ одинаковой степени могутъ быть проведены отъ Руссо, но для всѣхъ ихъ можно найти основаніе въ его сочиненіяхъ, и только у него одного эти отчасти противоположныя направленія, хотя они и не связаны органически въ одной теоріи, объединены и сведены къ одному центру разнообразными потребностями одной личности и различными отбѣнками одного индивидуальнаго творчества.

Если мы рассмотримъ культурные элементы, люди, влияние которыхъ сложилось преобладающее во французскомъ обществѣ и у Руссо представленіе о народѣ, то намъ на первомъ мѣстѣ встрѣтимъ *раціонализмъ*. Раціонализмъ достигъ своего пика во второй половинѣ XVIII вѣка этого крайняго развитія въ Европѣ и повсюду господствовалъ въ философіи и въ богословіи, въ религіозныхъ понятіяхъ и научномъ методѣ, въ политическихъ ученіяхъ и въ житейской мудрости. Слѣдствіемъ этого было одностороннее превознесеніе разума и дедукціи, разсудочности въ общій сонмъ явленій, не исключая нравственныхъ, наклонности къ обобщеніямъ и общимъ мыслямъ, пристрастія къ отвлеченію и отвлеченнымъ представленіямъ. Даже въ Англии, странѣ, въ исторической своей жизни всегда руководившейся традиціями, въ правѣ — прецедентами, въ наукѣ и въ жизни — *эмпиризмъ*, — раціонализмъ былъ такъ силенъ, что установилъ на время преобладаніе *естественнаго разума* въ вопросахъ вѣры и въ богословской наукѣ, а въ области политической мысли создалъ знаменитую попытку Дюка — путемъ разсудочной дедукціи оправдать установленный переворотомъ 1688 года государственный строй и вмѣстѣ съ тѣмъ основать на выводахъ отвлеченнаго разума дальнѣйшее развитіе гражданской и религіозной свободы. Раціонализмъ такимъ образомъ все не былъ исключительно французскимъ явленіемъ и восприниманіе къ общеевропейскому происхожденію и знанію раціонализма можетъ повести насъ собой одностороннюю точку зрѣнія его, какова, напримеръ, представляютъ известное сочиненіе Тана: «старое по-

рядѣ и во Франціи. Но нѣтъ сомнѣній, что рационализм проявлялся въ Франціи съ особенною послѣдовательностью и безпошадною логичностью и что онъ нигдѣ не находилъ столько благопріятныхъ условій для своего развитія и не выросъ столькими дорнами съ обществомъ Франціи можно считать родиной рационализма. Новая европейская философія начинается съ картезианства, а это ученіе явилось во Франціи и долго сохраняло во французскихъ школахъ абсолютное господство. Исходною же точкой Декарта есть чистая мысль—*cogito, ergo sum*. Чтобы привести себя въ состояніе, при которомъ возможно правильное философствованіе, мыслитель долженъ, по ученію Декарта, отвлечь свое вниманіе отъ всего окружающаго міра, долженъ забыть все, что онъ вынесъ изъ невѣроятнаго мыслию опыта, долженъ порвать всякую связь съ преданіемъ, подвергнуть сомнѣнію все положенія и убѣжденія, которыми онъ усвоилъ себѣ подъ вліяніемъ воспитанія и авторитета другихъ. Освободивши такимъ образомъ свой разумъ отъ всего, что ему служило помѣхой, и отправившись отъ самосознанія въ самой простой и чистой его формѣ: «я мыслю, потому я есмь», человекъ долженъ путемъ логики и отвлеченнаго размышленія перестроить свой внутренній міръ. Такимъ путемъ онъ придетъ прежде всего къ неизбѣжному понятію о Богѣ и пойметъ тогда дѣйствительный, воплотившійся въ его истинномъ значеніи и смыслѣ.

Въ теченіе дѣлаго вѣка все серьезно образованные французы проходили черезъ школу картезианства и усваивали себѣ привычку къ отвлеченному разсужденію и наклонности превѣрять конкретную дѣйствительность требованіями отвлеченнаго; на самомъ же дѣлѣ во рѣдкѣ крайне субъективнаго разума. Не ту же тенденцію проводило во французское общество и самая дѣйствительность, насколько она находилась подъ вліяніемъ общаго направленія государственной жизни. Политическое развитіе Франціи представляеть почти съ самаго возникновенія государства чрезвычайно рѣзко проявившееся стремленіе отъ личной обособленности къ общему единству и отъ личной и сословной автономіи къ подчиненію общему порядку.

Чѣмъ сильнѣе были мѣстные и индивидуальныя элементы, чѣмъ дольше затягивалась борьба, тѣмъ отвлеченнѣе сознавалась идея государства и тѣмъ рѣзче формулировались требованія, выставляемыя отъ его имени. Уже давно проводники идеи государственнаго порядка, юристы, боролись съ феодальной автономіей,

съ известными и сословными привилегіями во имя общаго разума и преподавали естественное историческій процесс образования государства и развитія государственной (монархической) власти, какъ торжество разумной идеи надъ неразумной дѣйствительностію. Препитательная централизація достигла въ XVIII вѣкѣ уже значительныхъ успѣховъ, и, подводя повсюду, насколько это было возможно, известную жизнь подъ общій уровень, она приучала французское общество относиться съ пренебреженіемъ къ старымъ историческимъ формамъ и прилагать къ нимъ однообразныя общія нормы. Указавши на вліяніе философскаго метода и государственной политики, мы можемъ не останавливаться на второстепенныхъ причинахъ, содѣйствовавшихъ развитію рационализма во французскомъ обществѣ. Сюда можно причислить характеръ воспитанія и преподаванія какъ въ среднихъ, такъ и въ высшихъ школахъ Франціи, гдѣ до конца прошлаго вѣка повсюду господствовалъ методъ формальнаго и риторическаго развитія и поэтому даже изученіе классическихъ языковъ и литературы содѣйствовало рационалистическому и отвлеченному взгляду на жизнь. Сюда же можно еще отнести вліяніе *салоновъ*, гдѣ люди преимущественно только литературно образованные привыкли обсуждать въ остроумной бесѣдѣ всевозможныя общественныя и политическія вопросы подъ впечатлѣніемъ новой книги и послѣдней театральной пьесы. Здѣсь, наконецъ, можно еще упомянуть объ известной національной чертѣ французовъ, унаследованной ими еще отъ галловъ, о ихъ наклонности и способности къ краснорѣчію и къ ораторскимъ приемамъ, съ которыми тѣсно связана привычка къ обобщеніямъ и отвлеченному отношенію къ дѣйствительности.

При такомъ всеобщемъ расхожденіи къ рационалистическимъ воззрѣніямъ, французское общество, совершенно отрѣшенное отъ всякаго практическаго знакомства съ государственною жизнью, сдѣлалось особенно доступнымъ рационализму въ политическихъ понятіяхъ. Его занимали самыя общія вопросы о правахъ человека въ государствѣ, о происхожденіи и сущности государства, законовъ и правительства, и во все эти вопросы разсуждалось въ самомъ рационалистическомъ духѣ. Исходнымъ пунктомъ для всѣхъ политическихъ разсужденій было понятіе о *человѣкѣ*. Древніе римляне строго различали человека отъ гражданина и противоплакали одно понятіе другому. *Человѣкъ вообще* въ ихъ глазахъ не былъ облеченъ никакими правами въ государствѣ; из-

вѣстия политическія права и полномочія были принадлежностью только гражданина, т. е. такого человека, который, по своему происхожденію или въ силу какого-нибудь юридическаго или политическаго акта, становится членомъ какого-нибудь извѣстнаго опредѣленнаго государства. Французамъ XVIII вѣка, поступая совершенно наоборотъ, отождествляли понятія человека и гражданина, видѣли въ каждомъ человѣкѣ *гражданина* вообще независимо отъ мѣстныхъ и историческихъ условій его жизни. Таковъ понятіе о человѣкѣ-гражданинѣ не было заимствовано ни изъ опыта, представляемаго прошедшимъ, т. е. изъ исторіи, ни изъ наблюдений надъ настоящимъ. Французское общество съ увлеченіемъ усвоило себѣ идею о человѣкѣ вообще, о человѣкѣ отрѣшенномъ отъ всякой печати, налагаемой на него извѣстною эпохой или бытомъ, отъ всѣхъ свойствъ и наклонностей, унаслѣдованныхъ отъ семьи и племени, отъ всякаго индивидуальнаго склада, обуславливаемаго воспитаніемъ, занятіемъ и степенью развитія. Этотъ-то отвлеченный человѣкъ отдѣлался предметомъ психологическаго анализа и точкой отправленія для политическихъ соображеній; задача заключалась лишь въ томъ, чтобы опредѣлить его право въ обществѣ и формулировать необходимыя для этого гарантіи. . . .

Видѣтъ, съ установленіемъ основнаго политическаго понятія о *человѣкѣ* была дана и опредѣленіе государства, — оно представлялось союзомъ людей, основаннымъ на добровольномъ соглашеніи для личныя цѣли. Въ основаніи государства была положена идея *общественнаго договора*. Человѣкъ, по теоріи общественнаго договора, въ *естественномъ состояніи* обладаетъ всеми правами личности и полною свободою воли. Вступая въ обществѣ съ другими подобными себѣ личностями, онъ отрывается въ подзуду общую отъ своихъ правъ и отъ своей воли. Изъ этого сліянія единичныхъ волей создается общая воля. Этою общою волею обуславливается возникновеніе народовъ и государства. Всякая группа или сумма людей, перешедшихъ отъ естественнаго состоянія къ обществу вслѣдствіе добровольнаго соглашения, представляетъ собой народъ. Такимъ образомъ народы возникаютъ и существуютъ лишь въ слѣдствіе сознательнаго и произвольнаго замышленія лицъ, изъ которыхъ они состоятъ; съ превращеніемъ договора, съ исчезновеніемъ общей воли, которой держится договоръ, уничтожается и народъ, подобно тому, какъ перестаетъ существовать число, разлагенное на первоначальныя единицы. Такъ же искусственно и случайно представляется по этой теоріи

возникновеніе и существованіе государства. Какъ и самый народъ, оно существуетъ лишь въ силу общей воли; этою волей поэтому обуславливаются его формы, его основные законы и самое его существованіе. Какую бы систему управленія ни усвоило себѣ государство въ силу историческихъ обстоятельствъ, источникъ государственной власти всегда коренится въ первоначальной общей волѣ и форма ея всегда должна сообразоваться съ послѣдней. Такова въ самыхъ общихъ чертахъ рационалистическая теорія о государствѣ, господствовавшая въ XVIII вѣкѣ и получившая самое рѣзкое и догматическое выраженіе свое въ сочиненіи Руссо — «Общественный договоръ». Прежде чѣмъ мы разсмотримъ подробнѣе вліяніе, которое должна была имѣть эта теорія на представленіе о народѣ, мы должны указать на политическія причины, которыми объясняется необыкновенный и непонятный успѣхъ этой теоріи, а также практическое значеніе ея для французскаго общества въ XVIII вѣкѣ. Эти причины заключались въ политическую антагонизмъ между различными составными частями общества, а также между обществомъ и правительствомъ, и въ глубокой, слишкомъ долго задержанной, потребности существенныхъ преобразованій.

Королевская власть, создавшая французское государство и вѣсть съ нимъ въ извѣстномъ смыслѣ французскій народъ, остановилась въ XVIII вѣкѣ на своемъ пути. Она была слишкомъ связана феодальнымъ преданіемъ, уваженіемъ къ идеѣ легитимизма, вліяніемъ аристократіи и особенно авторитетомъ католической церкви, чтобы довершить построеніе государства и объединеніе народа, подготовленные ею въ теченіе предшествовавшихъ вѣковъ *). Между тѣмъ идея національнаго и государственнаго единства продолжала созрѣвать подъ вліяніемъ централизирующей администраціи, и потребности общества во многомъ опередили дѣятельность правительства. Особенно въ области сословныхъ отношеній чувствовалось рѣзкое противорѣчіе между старыми формами и новыми понятіями. Феодальная аристократія Франціи — какъ свѣтская, такъ и духовная — давно утратила свое жѣстное господство и свою автономію по отношенію къ королевской власти, но сохранила въ видѣ привилегій свои гражданскія и политическія преимущества передъ остальнымъ населе-

*) См. мою статью о государственномъ развитіи Франціи въ *Сборникъ Государственныхъ Знаній* В. П. Безобразова, т. III.

нием. Между тѣмъ это остальное население начинало свиваться въ одну однородную массу, все болѣе и болѣе сознававшую, что и матеріальныя средства, и образование, и право на болѣе вліятельную роль въ государственной жизни находится на ея сторонѣ. Но всѣ стремленія къ гражданскому равенству и къ политической свободѣ встрѣняли непреодолимую плотину въ установившемся вѣками старомъ порядкѣ и въ рутинѣ безсильнаго правительства, то склонявшагося къ преобразованіямъ, то отступавшаго отъ нихъ. Разбиваясь объ эту преграду, общественное стремленіе принимало все болѣе утопическій и отвлеченный характеръ, и въ обществѣ все болѣе и болѣе укреплялось убѣжденіе въ необходимости построить самый принципъ власти на новомъ основаніи.

Главнымъ рычагомъ этого общественного движенія служила рационалистическая идея о *народовластіи*. Представленіе о томъ, что государственная власть исходитъ отъ народа, было давно извѣстно во Франціи. Французы унаследовали его отъ римлянъ вмѣстѣ съ римскимъ правомъ. Оно долго служило во Франціи могущественнымъ орудіемъ монархическаго начала. Римскіе императоры, присвоивъ себѣ трибунскую власть, считали себя представителями пришедшаго въ упадокъ народнаго собранія на римскомъ форумѣ и выводили отсюда свое право на законодательную власть. Великіе юристы императорской эпохи рѣзко формулировали тождество императорской воли съ закономъ въ виду того, что воля императора представляетъ собой волю народа. — *Quod principi placuit legis habet vigorem, utpote populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat.* Это положеніе Дигестъ воодушевляло и средневѣковыхъ французскихъ юристовъ въ ихъ борьбѣ съ феодальнымъ порядкомъ во имя королевской власти. Рационалистическіе публицисты, подобно Гроцію, также умѣли мирить идею народовластія съ самостоятельной и сильной монархической властью. Однако эта идея представляла возможность совершенно иного толкованія въ демократическомъ и республиканскомъ смыслѣ. Эту сторону ея особенно охотно развивали схоластическіе публицисты, желавшіе въ интересахъ церковной власти ослабить и лишить самостоятельнаго значенія свѣтскую монархію. Во Франціи школы, управляемыя иезуитами, сдѣлались разсадникомъ доктрины о народовластіи, устранявшей идею, что естественный представитель народовластія есть король. Уже въ началѣ XVIII вѣка въ руанскомъ парламентѣ судился

однѣ изъ преподавателей философіи въ республиканское иотодкованіе понятія о народовластии.

Видѣтъ съ развитіемъ неудовольствія во французскомъ обществѣ противъ стараго порядка ученеіе о народовластии начало принимать среди янсенистовъ и парламентарной магистратуры все болѣе и болѣе оппозиціонный и даже революціонный характеръ. Интересно наблюдать въ мемуарахъ министра Людовика XV, маркиза д'Аржансона, какой оппозиціонный отбѣношь получило понятіе о народовластии у этого государственнаго человека; когда онъ сдѣлался безсильнымъ наблюдателемъ правительственной рутины. Въ «Общественномъ договорѣ» Руссо понятіе о народовластии уже представляется основаніемъ самой радикальной политической теоріи, и въ этомъ именно отношеши этотъ маленький трактатъ сдѣлался одной изъ главныхъ причинъ переворота 1789 года.

Но мы не можемъ въ виду останавливаться на роли, которую играло во французской исторіи понятіе о народовластии благодаря вліянію Руссо, а хотѣли здѣсь только указать, въ какой степени представленіе этого писателя о *народѣ* обуславливалось господствовавшимъ въ его время рационализмомъ и глухой политической борьбой, подготовлявшею паденіе стараго порядка.

Представленіе о *народѣ* у Руссо взято не изъ исторіи и не изъ наблюденій надъ жизнью, — оно придумано для того, чтобы служить опорой для рационалистическаго построенія общества и передененія государственной власти отъ легитимной династии на другой органъ.

Основывая государство на общественномъ договорѣ, Руссо выводилъ отсюда самое существованіе народа. Подемизируя, нащр., противъ положенія Гроція, что всякій народъ долженъ почитать надъ собой подвластнаго государя, Руссо говоритъ: «Итакъ, по мнѣнію Гроція, народъ уже представляетъ собой народъ прежде, чѣмъ отдастъ себя царю. Эта отдача однако есть гражданскій актъ и потому предполагаетъ публичное обсужденіе. Но почему прежде, чѣмъ рассмотреть актъ, въ силу котораго народъ избираетъ царя, слѣдовало бы разслѣдовать актъ, посредствомъ котораго народъ являющійся народомъ?»).

Этотъ актъ и состоитъ въ заключеніи *общественнаго договора*, значеніе и послѣдствія котораго описываются слѣдующимъ

*) С. в., I, I, ch. 5.

образомъ: «Въ моментъ его заключенія, этотъ актъ общенія создаетъ на мѣсто отдѣльныхъ личностей, которыя вступаютъ въ договоръ, нравственное собирательное цѣлое, состоящее изъ столькихъ членовъ, сколько въ собраніи было голосовъ, — цѣлое, которое получаетъ, въ силу этого акта, свое единство, свою личность (*son soi unique*), свою жизнь и волю. Это общественное лицо, образующееся вслѣдствіе соединенія всѣхъ другихъ личностей, называется своими членами *государствомъ* — въ пассивномъ смыслѣ, *государствъ*, когда оно дѣйствуетъ, *державой* по отношенію къ другимъ подобнымъ политическимъ тѣламъ. Что же касается до самыхъ членовъ (*associés*), то они принимаютъ собирательное имя *народа*, въ отдѣльности же называются *гражданами*, какъ участники въ верховной власти, и *подданными*, какъ подчиненные законамъ государства» *).

Еще рѣзче выражена эта мысль въ «Эмилѣ»: «Разсматривая, — говоритъ здѣсь Руссо, — смыслъ этого собирательнаго названія *народа*, посмотримъ; не нуженъ ли для того, чтобы создать народъ, договоръ, по крайней мѣрѣ, молчаливый, состоявшійся раньше, чѣмъ договоръ заключенный между народомъ и царемъ. Если для того, чтобы избрать царя, народъ уже представляетъ собой народъ, то что же могло сдѣлать его народомъ, какъ не общественный договоръ» **)?

Подобно тому, какъ народъ возникаетъ и существуетъ въ силу общественного договора, онъ, по объясненію Руссо, разлагается, прекращаетъ свое существованіе въ моментъ нарушенія общественного договора. Такимъ нарушеніемъ договора Руссо считаетъ, наиримѣръ, всякое обязательство со стороны народа покориться представителю государственной власти. «Если, — говоритъ Руссо, — народъ даетъ обѣщаніе невиноваться, онъ этимъ актомъ уничтожаетъ себя (*se dissout*), утрачиваетъ свойство *народа* (*sa qualité de peuple*); въ ту самую минуту, какъ является господинъ, нѣтъ болѣе государя и тогда политическое тѣло разрушено» ***).

До чего доходитъ эта логика рационализма, отчужденная отъ всякой дѣйствительности и жизненной правды, показываетъ пресловутое мѣсто о свободѣ англичанъ. «Англійскій народъ, — говоритъ Руссо, — считаетъ себя свободнымъ; онъ очень ошибается, —

*) С. s., I, I, ch. 6.

**) „Emile“, I, V, p. 252. Ed. Nach.

***) С. s., I, II, ch. 1.

онъ свободенъ только во время избранія членовъ парламента, а какъ скоро они избраны, онъ становится рабомъ, онъ ничто*).

Особенно ярко проявляется раціоналистическое представленіе о народѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Руссо объясняетъ различіе между мелкими и большими, по числу гражданъ, народами, относительно той доли власти или свободы (ибо эти два понятія постоянно смѣшиваются у Руссо), которая приходится въ нихъ на долю каждаго изъ гражданъ.

«Предположимъ,—говоритъ Руссо,—что государство состоитъ изъ десяти тысячъ гражданъ; здѣсь государь относится къ каждому отдѣльному гражданину, какъ 10.000 къ единицѣ; это значитъ, что на каждаго члена государства приходится только одна десятитысячная доля верховной власти, хотя онъ ей подчиненъ всѣмъ своимъ существомъ (*tout entier*). Предположимъ теперь, что народъ состоитъ изъ ста тысячъ человекъ. Положеніе подданныхъ въ этомъ случаѣ не измѣнится и каждый изъ нихъ въ равной степени несетъ на себѣ всю тяжесть законовъ, тогда какъ его голосъ (*suffrage*), сведенный на одну стотысячную часть общей воли, имѣетъ въ десять разъ менѣе вліянія на составленіе законовъ». Такимъ образомъ подданный всегда представляетъ собой извѣстную единицу, отношеніе же государя къ нему увеличивается обратно пропорціонально числу гражданъ. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ больше размѣровъ принимаетъ государство, тѣмъ болѣе уменьшается свобода**).

Облеченная въ такія простыя, ариѳметическія формулы, въ такіе бойкіе афоризмы, льстившіе самолюбію, раціоналистическая теорія о народѣ глубоко врѣзывалась въ умы поклонниковъ Руссо и сдѣлалась ходячею монетою для политикующей публики. Она изгоняла всѣ другія болѣе правильныя понятія о жизни народовъ, дѣлая совершенно безплодными и тѣ, которыя могли быть извлечены читателями Руссо изъ его собственныхъ сочиненій. Самъ Руссо находился подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ теченій. Преобладающимъ направленіемъ его ума въ политическихъ вопросахъ былъ раціонализмъ. Его доступность раціонализму обусловливалась прежде всего недостаточностью его образованія, крайне скудною начитанностью его. Звѣстнѣйшій его близкій Юмъ сказалъ о немъ: «Онъ очень мало читалъ въ теченіе своей жизни и теперь совершенно отказался отъ всякаго чтенія».

*) С. а., I. III, ch. 15.

**) С. а., I. III, ch. 1.

нія. Онъ мало видѣлъ на своемъ вѣку и лишенъ всякой охоты видѣть и наблюдать. Онъ, въ сущности говоря, размышлялъ и занимался очень мало и обладаетъ на самоѣ дѣлѣ очень незначительнымъ запасомъ свѣдѣній». При такихъ условіяхъ раціоналистическія формулы встрѣчали въ умѣ Руссо слишкомъ слабыя преграды со стороны житейскаго опыта или соображеній, заимствованныхъ изъ исторіи народовъ, и Руссо могъ доводить эти формулы съ смѣлой логикой до крайнихъ выводовъ. Другая причина, почему раціонализмъ развивался у Руссо на такомъ просторѣ, заключается въ его враждебности къ господствовавшему во Франціи политическому и общественному строю. Этотъ порядокъ былъ вдвойнѣ чуждъ Руссо, какъ иностранцу, уроженцу республиканской Женевы, и какъ теоретика, не затруднявшемуся извлекать свои политическія убѣжденія изъ *республики* Платона и изъ политики *Мимоса* и *Ликурга*.

Локкъ также стоялъ на почвѣ общественнаго договора и признавалъ естественное состояніе человѣка подкладной его гражданскаго быта; но его раціонализмъ былъ умѣренъ эмпіріей и служилъ ему средствомъ, чтобъ оправдать и объяснить конституцію 1688 года, для Руссо же англійская свобода была такъ же ненавистна, какъ и французское рабство.

Руссо однако находился въ то же время подъ вліяніемъ совершенно иного направленія. Давно уже начался въ западной Европѣ тотъ способъ изученія политическихъ вопросовъ, который можно назвать *реальнымъ*, если имѣть въ виду его цѣли, — и научнымъ, если характеризовать его методъ. Самымъ блестящимъ представителемъ его во Франціи въ XVIII вѣкѣ былъ Монтескьё, знаменитое сочиненіе котораго «Духъ законовъ» появилось за тринадцать лѣтъ до напечатанія «Общественнаго договора». Практическимъ результатомъ появленія «Духа законовъ» было начавшееся распространяться убѣжденіе, что законодатель долженъ принимать въ соображеніе физическія, политическія и культурныя условія, въ которыхъ находится страна, и что политическіе мыслители должны изслѣдовать и формулировать взаимное вліяніе быта и законовъ. Слава Монтескьё была еще такъ значительна и свѣжа, что Руссо, при всемъ своемъ раціонализмѣ, не могъ не поддаться желанію продолжать его дѣло и усовершенствовать добытые имъ выводы. Вслѣдствіе этого, политическія сочиненія Руссо отиѣчены глубокимъ противорѣчіемъ: то онъ выступаетъ отчаяннымъ теоретикомъ, фанатикомъ своихъ силлогизмовъ, то, забывая

о рационалистической основѣ своей системы, берется съ большимъ тактомъ и вѣрнымъ чутьемъ дѣйствительности за реальную политику, дѣлаетъ самыя тонкія наблюденія надъ людьми и обществомъ и даетъ имъ самыя благоразумныя совѣты.

Объясняя внутреннее противорѣчіе въ политическихъ сочиненіяхъ Руссо тѣмъ, что онъ находился подъ вліяніемъ двухъ могучихъ теченій въ современномъ ему французскомъ обществѣ, мы должны однако замѣтить, что подобное, и еще болѣе глубокое, противорѣчіе проходитъ и по всѣмъ другимъ сочиненіямъ Руссо. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть поводъ остановиться подробнѣе на этой коренной чертѣ всей дѣятельности Руссо и приведемъ ее въ связь съ его общей историческою ролью. Но помимо этого необходимо упомянуть, что противорѣчія во взглядахъ и мнѣніяхъ Руссо иногда обусловливаются просто его склонностью къ риторическому пафосу, которую онъ раздѣлялъ со многими литераторами того вѣка, и особенно его любовью къ парадоксамъ, находящейся въ тѣсной связи съ выдающеюся чертой его характера — болѣзненнымъ самолюбіемъ. Какъ многіе умы, у которыхъ склонность къ парадоксамъ вытекаетъ изъ подобнаго источника, Руссо легко отказывался отъ нихъ, когда эффектъ былъ достигнутъ. Онъ обыкновенно даже самъ старался смягчить выпущенный имъ въ свѣтъ парадоксъ и приводить его въ согласіе съ здравымъ смысломъ и практическими потребностями дѣйствительности, и онъ дѣлалъ это почти съ такимъ же краснорѣчіемъ и талантомъ, какіе употребилъ на смѣлое софистическое развитіе своихъ парадоксовъ. Руссо въ такихъ случаяхъ, не краснѣя, отступалъ отъ собственной логики и, не заботясь о послѣдствіяхъ, самъ собиралъ матеріалы для изобличенія своихъ софизмовъ *). Въ примѣръ противорѣчія съ самимъ собой вслѣдствіе парадоксальной формы, въ которую онъ облекъ свою мысль, можно привести его взгляды на прогрессъ и цивилизацію. Въ своемъ «Разсужденіи о причинахъ неравенства между людьми», этомъ злобномъ пасквилѣ на цивилизацію, Руссо выставляетъ ее уклоненіемъ отъ природы, источникомъ всѣхъ матеріальныхъ бѣдствій и всего нравственнаго зла на землѣ и превозноситъ бытъ и счастье дикарей на счетъ положенія цивилизованныхъ народовъ. Между тѣмъ онъ тутъ же чрезвычайно отчетливо проводитъ

*) Это проведено по всѣмъ главнымъ сочиненіямъ Руссо Сень-Маркъ Жирарденомъ въ его книгѣ: „J. J. Rousseau etc.“ См. также статью Каро въ сочиненіи: „La fin du XVIII siècle“.

мысль, что способность усовершенствоваться есть самый существенный признак, отличающий природу человека от животного, а в отвѣтном письмѣ къ женеvскому ученому Бонне, написанномъ въ свое оправданіе, Руссо уже прямо отказывается отъ принципиальнаго антагонизма противъ цивилизаціи и заявляетъ, что хотѣлъ только предостеречь своихъ современниковъ отъ слишкомъ быстрого и преждевременнаго прогресса. «Такъ какъ цивилизація (l'état de société), — говоритъ онъ, — представляетъ собой известную цѣль, къ которой люди вольны (sont maîtres) приблизиться раньше или позже, то онъ считалъ полезнымъ указывать имъ на опасность, которую представляетъ такое быстрое движеніе къ прогрессу, и на бѣдственныя стороны (maux) того состоянія, которое они отождествляютъ съ усовершенствованіемъ человѣческаго рода» *).

Гораздо существеннѣе противорѣчія, въ которыхъ выдаетъ Руссо, когда измѣняетъ рационалистическому методу и, помимо разума и отвлеченной логики, беретъ въ расчетъ другіе элементы, на которыхъ зиждется человѣческое общество. Сюда можно, напр., отнести знаменитое мѣсто о значеніи религіи въ политической и культурной жизни, съ которымъ впрочемъ такъ мало гармонируетъ то, что Руссо въ другихъ случаяхъ писалъ о религіи: Руссо утверждаетъ, что такъ какъ всякій правитель имѣетъ право отказаться отъ своей власти, то тѣмъ болѣе народу должно было бы принадлежать право отказаться отъ своего подчиненія. «Но, — продолжаетъ Руссо, — страшныя усобицы, безконечныя смуты, которыя повлекло бы за собой это опасное право, доказываютъ болѣе чѣмъ что-либо другое, насколько людямъ правительства нуждались въ болѣе прочномъ основаніи; чѣмъ однимъ только разумъ, и насколько было необходимо для общественнаго мира внимательство божественной воли, чтобы придать верховной власти святость и неприкосновенность, которыя лишили бы подданныхъ пагубнаго права располагать ею. Еслибы религія доставила людямъ только это благо, то этого было бы достаточно, чтобы дорожить ею со всеми ея злоупотребленіями, ибо она берегаетъ человечеству еще больше крови, чѣмъ проливаетъ религіозный фанатизмъ» **).

Другой примѣръ подобнаго противорѣчія и отступленія отъ политическаго рационализма представляютъ сужденія Руссо объ

*) „Lettre de J. J. Rousseau à Philopolis“. Oeuvr. VIII, p. 246. Ed. 1790.

**) Disc. s. l'orig. de l'inég. Oeuv. t. VII, p. 162.

абсолютной демократіи. Строго держась теоріи «Общественнаго договора» и рационалистическаго метода, Руссо является послѣдовательнымъ поборникомъ абсолютной демократіи. «Ни одинъ законъ, — говоритъ онъ, напримѣръ, — который не принятъ народомъ всеобщей подачей голосовъ (en personne), не имѣетъ силы; это не законъ». Верховная власть, по опредѣленію Руссо, можетъ дѣйствовать только тогда, когда весь народъ въ сборѣ. Но можетъ ли народъ быть въ сборѣ? Что за химера! — возражаетъ самъ Руссо и затѣмъ старается доказать, чрезвычайно неудачно ссылаясь на исторію Рима и франковъ, что это не было химерой въ прежнее время, что природа челоуѣка съ тѣхъ поръ не измѣнилась и что предѣлы возможнаго въ вопросахъ нравственныхъ вовсе не такъ тѣсны, какъ мы воображаемъ.

Но тамъ, гдѣ Руссо говоритъ о необходимости отдѣлить отъ верховной власти (souverainité) правительственную власть (gouvernement) и о невозможности предоставить эту правительственную власть всей массѣ народа, предѣлы возможнаго чрезвычайно суживаются для Руссо. Онъ говоритъ о томъ, что нельзя себя представить, чтобы народъ всегда оставался въ сборѣ для занятія общественными дѣлами, что, строго говоря, никогда на свѣтѣ не было настоящей демократіи и никогда ея не будетъ, и онъ заключаетъ главу замѣчаніемъ, что еслибы на свѣтѣ существовалъ народъ изъ боговъ, онъ управлялся бы демократическимъ образомъ; но такой совершенный способъ правленія непригоденъ для людей *).

Особенно бросаются въ глаза противорѣчія у Руссо между рационалистическою теоріей и практической политикой. Въ теоріи онъ признаетъ за каждымъ народомъ безусловное право свергать свое правительство и мѣнять свое устройство. «Во всякомъ случаѣ, — говоритъ онъ, — народъ воленъ отмѣнить свои законы, даже самые лучше; ибо если ему угодно причинить зло самому себѣ, то кто имѣетъ право ему въ этомъ помѣшать?» Съ другой стороны трудно найти у кого-нибудь такіе благоразумные политическіе совѣты, какъ у Руссо. Менѣе удивительно трезвое отношеніе къ дѣлу со стороны Руссо въ торжественныя для него минуты, когда ему выпадало на долю играть передъ всей Европой роль совѣтника народовъ, чаявшихъ отъ него своего возрожденія. Такъ, напримѣръ, въ своихъ «Разсужденіяхъ объ управ-

*) C. s., l. III, ch. 4, 12 и 15.

леніи Польшей» онъ даетъ полякамъ совѣтъ: «исправляйте, если можно, злоупотребленія въ вашемъ государственномъ устройствѣ, но не относитесь съ пренебреженіемъ къ тому, которое насъ сдѣлало тѣмъ, что вы есть».

Еще съ большою силой Руссо выразилъ эту мысль въ слѣдующемъ афоризмѣ, благоразуміе котораго тѣмъ болѣе замѣчательно, что онъ высказанъ въ одномъ изъ первыхъ сочиненій Руссо, въ эпоху риторическихъ *разсужденій*: «Дѣйствительно испорчены не столько тѣ народы, у которыхъ дурные законы, сколько тѣ, которые ихъ презираютъ» *).

Но такую осторожность проявляетъ Руссо и въ другихъ случаяхъ, когда онъ не является въ официальной роли совѣтника народовъ, напримѣръ—въ своей критикѣ на проектъ аббата де-Сен-Пьера, предлагавшаго окружить французскаго короля нѣсколькими выборными совѣтами: «Чтобы дать правительству форму придуманную аббатомъ де-Сен-Пьеромъ,—говоритъ Руссо,—нужно было бы начать съ разрушенія всего существующаго строя; а кому неизвѣстно, какъ опасенъ въ большомъ государствѣ моментъ анархіи и кризиса, необходимо предшествующій установленію новаго строя. Уже одно введеніе въ дѣло выборнаго начала должно повлечь за собой страшное потрясеніе и скорѣе произвести судорожное и безпрестанное движеніе въ каждой частицѣ, чѣмъ придать новую силу всему тѣлу. Пусть каждый представитъ себѣ опасность, которая произойдетъ отъ возбужденія громаднхъ массъ, составляющихъ французскую монархію. Кто будетъ въ состояніи остановить данный толчокъ или предвидѣть всѣ послѣдствія, которыя онъ можетъ имѣть? Еслибы даже всѣ преимущества новаго плана были безспорны, какой здравомыслящій человекъ дерзнулъ бы уничтожить древніе обычаи, устранить старые принципы и измѣнить ту форму государства, которую постепенно создавалъ для него продолжительный рядъ тринадцати вѣковъ?» **).

Подобнымъ образомъ и изъ самаго «Общественнаго договора» можно привести много мѣстъ, отмѣченныхъ вліяніемъ Монтескье и доказывающихъ вниманіе къ реальнымъ условіямъ исторической жизни. Какъ ясно, напримѣръ, формулируетъ Руссо принципъ всякой практической политики въ VIII главѣ второй книги, гдѣ онъ, указавъ на двѣ, по его мнѣнію, главныя цѣли всякаго за-

*) „Lettre à M. Grimm“, I, p. 24.

***) „Jugement sur la Polysynodie“. Oeuv. II, p. 461.

конодательства—свободу и равенство, заявляетъ, что «эти общіе принципы всякаго хорошаго политическаго устройства должны быть видоизмѣняемы во всякой странѣ сообразно съ отношеніями, вытекающими какъ изъ мѣстныхъ условій, такъ и изъ характера жителей, и на основаніи этихъ данныхъ всякій народъ долженъ быть надѣленъ особенною системою учреждений, которая должна быть лучшею если и не сама по себѣ, то для государства, для котораго предназначается». Разсмотрѣвъ затѣмъ различныя частности этого вопроса, Руссо заявляетъ: «Однимъ словомъ, помимо общихъ всѣмъ положеній, каждый народъ обладаетъ какимъ-нибудь условіемъ, которое дѣлаетъ его учрежденія пригодными только для него одного». А вся VIII глава третьей книги, носящая заглавіе: «Не всякая форма правительства годится для всякой страны»—не что иное какъ подробное развитіе положенія Монтескьё: «свобода есть плодъ, который растетъ не во всякомъ климатѣ и потому не можетъ быть достояніемъ всѣхъ народовъ» *). «Чѣмъ болѣе размышляешь надъ этимъ положеніемъ,—прибавляетъ отъ себя Руссо,—тѣмъ болѣе прониваешься его истинностью. Чѣмъ болѣе его оспариваютъ, тѣмъ болѣе даютъ поводъ упречить его новыми доказательствами».

Съ этою цѣлью Руссо входитъ въ подробное разсмотрѣніе вліянія климата на производительность страны, на количество и качество пищи, необходимой для жителей, на ихъ одежду, на самую питательность съѣстныхъ припасовъ, на количество и густоту народонаселенія.

Всѣ эти *данныя* служатъ ему матеріаломъ для указанія, какою именно способъ правленія соотвѣтствуетъ каждому климату. И хотя тутъ встрѣчаются выводы слишкомъ общіе, чтобъ имѣть какое-либо значеніе, или даже очень спорные, напримѣръ: «монархія пригодна только народамъ богатымъ, аристократія—государствамъ среднимъ по богатству и размѣру, а демократія—государствамъ небольшимъ и бѣднымъ», или «деспотизмъ есть принадлежность жаркихъ странъ, варварство—странъ холодныхъ, а хорошія политическія учрежденія (la bonne politique) соотвѣтствуютъ областямъ лежащимъ между ними,—однако же самая попытка

*) Задолго еще до изданія „Общественнаго договора“ въ своемъ *разсужденіи о неравенствѣ* Руссо выразилъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: „Свободу можно сравнить съ крѣпкой и сочной пищею или съ благородными винами, способными питать и поддерживать сильныя натуры, привмѣдія къ нимъ, но которыя удрочаютъ, губятъ и оцѣвываютъ слабыя и нѣжныя натуры, не созданныя для этого“ (Dédicace, p. 10).

свести формы правления и общественных учреждений на мѣстные условія есть уже отступленіе отъ рационалистическаго отношенія къ явленіямъ исторической жизни народовъ.

Понятно, что при такой внимательности къ реальнымъ факторамъ жизни народовъ, отъ Руссо не могло укрыться, что самое представленіе о *народѣ* нужно извлекать не изъ рационалистическихъ опредѣленій, а изъ исторіи и жизни. Въ его *разсужденіи* о неравенствѣ мы находимъ попытку объяснить эмпирически происхожденіе національностей. Еще важнѣе то, что Руссо, обыкновенно выводившій и государство и народъ изъ добровольнаго соглашенія, былъ однако не чуждъ представленія объ организмѣ въ примѣненіи къ нимъ. Въ своемъ *разсужденіи* о «Политической экономіи» онъ говоритъ *): «политическое тѣло, взятое индивидуально, можетъ быть рассмотрѣно какъ *органическое тѣло*, живое и подобное человѣку». Руссо вдается даже по этому поводу въ чрезмѣрно подробное сравненіе, которое слишкомъ длинно и искусственно, чтобъ его привести; онъ отождествляетъ напр. верховную власть съ головой, законы и обычаи—съ мозгомъ, торговлю, промышленность и земледѣліе—со ртомъ и желудкомъ, подготавливающимъ питаніе, гражданъ—съ тѣломъ и членами, которые приводятъ въ движеніе и даютъ жизнь всему механизму, и т. д. Согласно съ этимъ мы встрѣчаемъ въ самомъ «Общественномъ договорѣ» между рационалистическими опредѣленіями народа и такія выраженія, которыя какъ будто внушены убѣжденіемъ, что самый народъ есть продуктъ исторіи. Такъ, на примѣръ, устанавливается различіе между *юными* народами и народами дряхлѣющими; только первые, по мнѣнію Руссо, способны подчиняться преобразованіямъ мудраго законодателя, послѣдніе же со старостью становятся неисправимы. Далѣе Руссо утверждаетъ, что для народовъ существуетъ, какъ и для отдѣльныхъ людей, извѣстная пора *зрѣлости*, которой нужно дожидаться, чтобы съ успѣхомъ дать народу хорошія гражданскія учрежденія; эта пора зрѣлости не всегда легко распознаваема, и если законодатель опередитъ ее, все дѣло его пропало. «Одинъ народъ,—замѣчаетъ Руссо,—способенъ къ правильной организаціи (*est disciplinable*) при зарожденіи своемъ, другой еще *неспособенъ къ этому* и по прошествіи десяти вѣковъ» **).

*) Oeuvres.—Изд. 1790, t. VII, p. 265.

***) Вѣрную мысль, что реформы должны соответствовать историческому возрасту народа, Руссо подѣржилъ не особенно удачно примѣромъ Россіи. По

Если въ этомъ случаѣ Руссо допускаетъ извѣстные возвра-
сты, т. е. органическія эпохи развитія въ жизни народовъ, то въ
другомъ мѣстѣ, опредѣляя условія, при которыхъ народъ стано-
вится способенъ къ правильной законодательной организаціи, ав-
торъ «Общественнаго договора» признаетъ самый принципъ, ко-
торый могъ бы расшатать всю его теорію о происхожденіи граж-
данскаго общества и народовъ изъ договора индивидуумовъ, а
именно—естественную связь общаго происхожденія (*union d'origi-
ne*), т. е. принципъ національности.

Но такіе проблесни болѣе правильнаго отношенія къ понятію
о народѣ совершенно исчезаютъ для читателей «Общественнаго
договора» среди господствующаго рационалистическаго метода и
настроенія. Можно даже сказать, что это смѣшеніе рационализма
съ направленіемъ Монтескьё или съ историческимъ методомъ у
Руссо всецѣло служить интересамъ перваго, придавая ему болѣе
вѣса, нѣкоторую фактическую обстановку и ниную научность.
«Общественный договоръ» представляетъ у Руссо не только гипо-
тезу нужную для объясненія того, какъ первоначально сложи-
лись гражданскія общества,—онъ какъ грозная туча постоянно ви-
ситъ надъ историческою жизнью государствъ и народовъ, посто-
янно готовый вторгнуться въ дѣйствительную жизнь и нарушить
существующій и сложившійся вѣками порядокъ. Мало того, такое
вторженіе идеи общественнаго договора въ живой организмъ по-
литическаго тѣла и, вслѣдствіе этого, разложеніе его на перво-
начальныя единицы оставляетъ по теоріи Руссо общій необхо-

его словамъ, русскій народъ никогда политически не софрѣетъ (*les russes ne
seront jamais vraiment policés*), потому что Петръ Великій принялся слишкомъ
рано за его развитіе. Развивая далѣе свою мысль, что большая часть преоб-
разованій Петра была неудачна и принесла вредъ, Руссо предсказываетъ па-
деніе Россіи, которая будетъ поглочена татарами. Вольтеръ ѣдко глумится надъ
этимъ предсказаніемъ и сравнилъ его съ пророчествами одного распространен-
наго альманаха *Хромага Вѣстника*. Но болѣе любопытно то, что этому вы-
ходкой Руссо противъ Петра Великаго счелъ возможнымъ воспользоваться
однимъ современникъ русскій публицистъ. Объясняя и замѣняя взглядъ славяно-
филовъ на Петра Великаго, г. Градовскій задмаетъ («Націон. вѣстникъ», стр.
244): «Сказать ли, кто въ этомъ отношеніи подаетъ имъ руку?—Одинъ изъ знаме-
нитыхъ обще-человѣковъ XVIII вѣка, Ж.-Ж. Руссо! Вотъ что говоритъ онъ
въ своемъ „*Contrat social*“: „Петръ захотѣлъ дѣлать вѣнцевъ, англичанъ, когда
нужно было дѣлать русскаго; онъ помѣшалъ своимъ подданными *adversis* сдѣ-
латься тѣмъ, чѣмъ они могли бы быть, увѣривъ ихъ, что они то, чѣмъ они не
были“. Эта цитата изъ Руссо утратила бы свою привлекательность для против-
никовъ Петра Великаго и они отреклись бы отъ такого союзника еслибы мнѣ-
ніе Руссо было приведено цѣликомъ.

данный законъ: это—неизбѣжный рокъ, перажающій государства подобно тому, какъ дряхлость и смерть настагаютъ человѣка*).

По этой теоріи, всякое превышеніе власти со стороны правительства или одного изъ органовъ правительства разрываетъ соглашение, на которомъ основано общество, и всѣ отдѣльные граждане по праву снова вступаютъ въ пользованіе своей природною свободой. Но всякое правительство, по словамъ Руссо, безпрестанно стремится къ захватамъ по отношенію къ верховному государю (подъ этимъ разумѣется, по терминологіи Руссо, сумма гражданъ), и такъ какъ нѣтъ другой воли, которая могла бы служить противовѣсомъ противъ силы правительства, то «рано или поздно,—какъ говоритъ Руссо,—должно случиться, что правительство наконецъ поработитъ (орргіше) государя и этимъ нарушитъ общественный договоръ. Въ этомъ,—прибавляетъ Руссо,—заключается коренной и неизбѣжный порокъ, который съ самаго зарожденія государства непрестанно стремится разрушить его».

Англійскій биографъ Руссо, Морлей**), очень удачно пояснилъ фантастичность такого голословнаго разсужденія указаніемъ на историческій фактъ, случившійся въ Англіи въ то время, когда «Общественный договоръ» находился въ самой модѣ. Въ 1788 году, вслѣдствіе помѣшательства, постигшаго Георга III, не могъ быть открытъ парламентъ, такъ какъ король былъ не въ состояніи подписать указа о созваніи его. Тѣмъ не менѣе парламентъ собрался и первымъ дѣломъ его было уполномочить министровъ издать указъ, сверѣженный большою королевскою печатью, объ открытіи парламента, и заявить свое согласіе на парламентскій билль объ установленіи регентства. Это было, какъ замѣчаетъ Морлей, несомнѣннымъ захватомъ королевской власти со стороны одного изъ органовъ правительства и, слѣдовательно, примѣненіемъ того случая нарушенія общественнаго договора, который формулированъ у Руссо слѣдующимъ образомъ: «то же самое имѣетъ мѣсто, когда членъ правительства отдѣльно присвоиваетъ себѣ ту власть, которая имъ предоставлена совмѣстно; это представляетъ не меньшее нарушеніе законовъ» и т. д.

При такомъ взглядѣ на общественный договоръ подражаніе Монтескьё и легкія экскурсіи Руссо въ область историческаго метода были бессильны противъ его рационализма и не были въ состояніи ослабить революціонную тенденцію, которую онъ при-

*) С. s., I. III, ch. 10.

**) Morley: „Rousseau“, II, 186.

далъ представленію о народѣ. Можно сказать, что уроки, которые Руссо извлекалъ изъ исторіи, — а онъ прибѣгалъ для этого почти исключительно къ исторіи Греціи и Рима, — только усиливали этотъ революціонный оттѣнокъ. Приведенныя нами ссылки Руссо на возрасты и историческую жизнь народовъ служатъ ему только поводомъ заявить, что никакой возрастъ и никакія бытовыя условія не гарантируютъ народъ отъ насильственныхъ потрясеній, вслѣдствіе которыхъ народъ можетъ снова помолодѣть, начать сначала свою историческую жизнь.

Замѣтивши, что коренныя преобразованія могутъ быть полезны только въ извѣстномъ возрастѣ народовъ, Руссо продолжаетъ *): «когда обычаи однажды установились и предрасудки укоренились, всякая попытка измѣнить ихъ есть опасное и тщетное предпріятіе; народъ даже не въ состояніи потерпѣть, чтобы коснулись его бѣдствій, для уничтоженія ихъ, подобно тѣмъ нелѣпымъ и трусливымъ больнымъ, которые дрожатъ при видѣ врача».

Однако, какъ будто надумавшись, Руссо прибавляетъ: «Впрочемъ, подобно тому, какъ ясныя болѣзни поражаютъ умъ больныхъ и отнимаютъ у нихъ память о прошедшемъ, такъ въ жизни государствъ наступаютъ иногда бурныя эпохи, когда революціи имѣютъ для народовъ такія послѣдствія, какъ извѣстные болѣзненные кризисы для отдѣльныхъ людей, когда отвращеніе къ прошедшему замѣняетъ забвеніе его и когда государство, воспламененное междоусобною войною, возрождается, такъ сказать, изъ пепла и обрѣтаетъ силу молодости, выходя изъ объятій смерти. Такова была Спарта во время Ликурга; таковъ былъ Римъ послѣ Тарквиніевъ и таковы были у насъ Голландія и Швейцарія по изгнаніи тирановъ».

Легко представить себѣ, какой революціонный пылъ это историческое риторство должно было возбудить во французскихъ читателяхъ Руссо. Въ роскошномъ изданіи его сочиненій, вышедшемъ въ 1790 году, издатель къ этому мѣсту одѣлалъ слѣдующее патріотическое и наивное примѣчаніе: «и такова, надѣюсь, будетъ Франція, за исключеніемъ междоусобной войны». Эти слова были напечатаны въ то время, когда вся Франція еще признавала Людовика XVI законнымъ королемъ и учредительное собраніе трудилось надъ составленіемъ монархической конституціи. Ни издатель Руссо, ни читатели его не припоминали, ко-

*) С. s., I. II, ch. 8.

нечто, другаго мѣста изъ его сочиненій и другую ссылку на римлянъ временъ Тарквинія, которая можно было съ большимъ основаніемъ примѣнить къ Франціи 1790 года. «Если народы пытаются сбросить свое иго, они тѣмъ болѣе удаляются отъ свободы, что принимаютъ за нее разнузданное своеволие (*licence effrénée*), противоположное свободѣ, и что ихъ революціи дѣлаютъ ихъ почти всегда жертвами льстецовъ (*sédacteurs*), которые отягчаютъ ихъ цѣпи. Даже самъ римскій народъ, этотъ образецъ свободнаго народа, не былъ въ состояніи управлять собой, вышедши изъ-подъ гнета Тарквинія» *).

Въ виду такой страстной политической проповѣди, какая заключается въ приведенныхъ отрывкахъ изъ Руссо, трезвые и благоразумные совѣты этого автора, разсѣянные по всему «Общественному договору», едва ли пореубѣдили кого-нибудь изъ читателей, введенныхъ въ заблужденіе его фанатическими софизмами. Парадоксы, нуцанные имъ въ общество, продолжали свое разрушительное дѣйствіе въ умахъ, потому что льстили страстямъ и интересамъ той части французскаго общества, которая зачитывалась сочиненіями Руссо. Рационалистическое представленіе о народѣ сдѣлалось въ немъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ революціонныхъ ферментовъ. Понятіе о государствѣ блѣднѣло и постепенно утрачивалось въ сознаніи людей, которые принимали *общую волю*, т. е. въ сущности свою собственную волю, за настоящій источникъ и регуляторъ политическаго строя; правительство лишалось значенія и авторитета съ точки зрѣнія приверженцевъ теоріи, считавшей настоящимъ государемъ «сумму гражданъ», а монарховъ, парламенты и республиканскихъ магистратовъ — прибавками, которые должны быть удалены, какъ скоро не исполняютъ волю народа, т. е. то, что всякій искренно или неискренно выдавалъ за народную волю; законъ терялъ свою силу и обязательность въ виду формулы о неотъемлемости и нераздѣльности народной власти, — формулы легко допускавшей такое толкованіе; что *народъ* во всякую минуту можетъ отбросить старый порядокъ и отбросить законное правительство и представительство. Рационалистическое представленіе о народѣ, предлагаемое въ этомъ смыслѣ къ практикѣ, дѣлало анархію естественнымъ и хроническимъ состояніемъ гражданскаго общества и узаконяло революцію, ибо всякій насильственный переворотъ толь-

* Disc. s. l'orig. de l'inég. Oeuvr. v. VII, p. 11.

ко возстановлялъ естественное состояніе гражданъ и возвращалъ народу его неотъемлемую власть.

Однако вліяніе Руссо на революціонное настроеніе французскаго общества не ограничилось тѣми выводами, которые могли быть извлечены людьми понимавшими въ буквальный смыслъ теорію народовластія въ «Общественномъ договорѣ». Эта теорія и рационалистическое настроеніе государства были давно извѣстны, — они встрѣчались и у католическихъ богослововъ; и у средне-вѣковыхъ легистовъ Франціи, и у великихъ публицистовъ, положившихъ начало наукѣ государственнаго права — у Гроція, Локка и др., и привели къ совершенно инымъ результатамъ, чѣмъ «Общественный договоръ», служили къ оправданію теократическаго или монархическаго строя. Особенно революціонный отблескъ получили политическій рационализмъ у Руссо, благодаря той новой культурной струѣ, съ которой онъ встрѣтился въ лицѣ автора «Эмиля» и извѣстныхъ *разсужденій* и исходнымъ пунктомъ которой было понятіе о естественномъ состояніи (*état de la nature*). Это понятіе вводитъ насъ въ совершенно другую сторону литературной дѣятельности Руссо и его вліянія на представленія французскаго общества о народѣ.

II.

Восемнадцатый вѣкъ представляется въ общихъ чертахъ эпохой просвѣтительнаго, гуманнаго рационализма, и Руссо, какъ видно изъ первой половины настоящей главы, былъ въ *политическихъ вопросахъ* однимъ изъ передовыхъ и страстныхъ поборниковъ рационалистической точки зрѣнія. Однако процвѣтавшій вѣкъ, при всемъ своемъ рационализмѣ, далъ въ то же время начало другому культурному движенію, во многомъ противоположному рационалистической тенденціи, и такимъ образомъ положилъ основаніе такъ-называемой *реакціи*, столь сильно обнаружившейся въ нашемъ вѣкѣ, противъ господствовавшаго прежде мировоззрѣнія. И въ этомъ отношеніи Руссо игралъ не только передовую роль, но, можно сказать, шелъ во главѣ того движенія, которое отвело европейское общество далеко отъ рационализма. Вліяніе Руссо въ этомъ отношеніи такъ значительно, что историки, ставящіе себѣ задачей изобразить исторію *реакціонныхъ* идей и стремленій въ XIX вѣкѣ, принуждены съ него начинать это движеніе *).

*) Такъ, напр., извѣстный Брандесъ, который подвѣлъ возродившееся ли-

торыхъ Руссо существенно разошелся съ настроеніемъ современнаго ему общества и указалъ ему новый путь, былъ его взглядъ на *природу*. Во время господства аскетическаго, церковнаго идеала, природа не могла привлекать къ себѣ человѣка и только пугала его проявленіями своихъ таинственныхъ силъ, которыя представлялись средневѣковыми людьми чѣмъ-то демоническимъ и полнымъ мистическаго чаръ. *Возрожденіе* наукъ и искусствъ, правда, тотчасъ отразилось и на отношеніяхъ человѣка къ природѣ и снова заставило его любоваться ею. Восхожденіе Петrarка на Монъ-Ванту занимаетъ одну изъ первыхъ страницъ въ исторіи гуманизма; и въ религіозной живописи XV вѣка вдохновенное чувство художника постепенно переходитъ на изображеніе окружающаго главныя фигуры ландшафта, пова, наконецъ, послѣдній не получаетъ самостоятельнаго значенія для художника. Но, несмотря на это, распространившаяся въ области искусства манерность стили снова закрыла передъ обществомъ настоящую природу, а въ области литературы природа въ эпоху Людовика XIV и XV была совершенно забыта. Однако, въ это время вниманіе образованнаго человѣка къ природѣ было возбуждено съ совершенно другой стороны — со стороны науки. Великія открытія въ астрономіи, математикѣ и небесной механикѣ расширили его горизонтъ и познакомили его съ вѣчными космическими законами. Деизмъ воспользовался этимъ приобрѣтеніемъ человѣческаго разума и построилъ на этомъ основаніи свою религіозно-философскую систему, въ которой природа служила основаніемъ для религіи и этики раціонализма. Природа съ этой точки зрѣнія представлялась безпредѣльнымъ, величавымъ въ своей строгой чинности механизмомъ, отъ искусной разумности котораго мыслящій человѣкъ дѣлалъ заключеніе о всемогуществѣ и величіи Творца. Затѣмъ выступили на первый планъ экспериментальныя естественныя науки и природа превратилась для людей XVIII вѣка въ громадную лабораторію; все вниманіе ихъ было поглощено физическими, химическими и физиологическими процессами и попытками съ ихъ помощью объяснить чувство и мысль, и изъ-за этого всё забыли о природѣ, какъ о живомъ мірѣ, и о человѣкѣ, какъ о нравственномъ существѣ. Энциклопедисты были энергическими передовыми проводниками

тературное движеніе во Франціи послѣ революціи подъ искусственную рубрику — „Литература эмигрантовъ“ (Шатобрианъ, г-жа де-Сталь, де-Местръ и пр.), былъ принужденъ поставить во главѣ этихъ *эмигрантовъ* Руссо.

этого возрѣнія и ихъ направленіемъ совершенно увлеклось все литературно-образованное общество, несмотря на условный протестъ и безсильный ропотъ старыхъ деистовъ, наприѣръ—Вольтера. Въ этомъ настроеніи общества Руссо произвелъ неожиданный переворотъ. Онъ снова открылъ природу для чувства и для поэзіи, онъ сдѣлалъ ее источникомъ для обновленія нравственнаго міра человѣка. Мы касаемся здѣсь исключительно Франціи и потому не станемъ указывать, какимъ путемъ чувство природы снова оживилось въ Германіи и Англии,—во Франціи это явленіе тѣсно связано съ личностью и литературной дѣятельностію Руссо *). Среди городского, столичнаго общества, забывшаго о природѣ въ своихъ салонахъ, канцеляріяхъ, рабочихъ кабинетахъ и лабораторіяхъ, явился энтузіастъ *деревни*, человѣкъ восхищавшійся тѣмъ, что у него «зелень передъ окномъ», чувствующавшій потребность часто возвращаться къ этой сельской природѣ, которую онъ долженъ былъ покинуть. Выходить за городъ, блуждать пѣшкомъ по полямъ и по лѣсу было для этого человѣка необходимою, чтобъ освѣжиться и успокоиться; остаться наединѣ съ природой, погрузиться въ раздумье подъ тѣнью деревьевъ или на берегу ручья—было для него наслажденіемъ, съ которымъ не могли сравниться ни остроумная застольная бесѣда съ друзьями, ни художественный энтузіазмъ, охватывавшій публику въ театрѣ. Подъ вліяніемъ этого человѣка, который умѣлъ съ та-

*) „C'est de lui que date chez nous le sentiment de la nature“. *St. Beuve. Causeries III*, p. 65. Конечно, это замѣчаніе знаменитаго критика вѣрно только въ условномъ смыслѣ. Во французской литературѣ и задолго до Руссо можно встрѣтить пониманіе природы и предпочтеніе села и земледѣльцевъ городу и горожанамъ, но такія мѣста проходили безслѣдно. Для примѣра укажемъ на Ла-Брюера: „On s'élève à la ville dans une indifférence grossière des choses rurales et champêtres..., on se contente de se nourrir et de s'habiller. Ne parlez pas à un grand nombre de bourgeois, ni de guérets, ni de baliveaux, ni de provins, ni de regains, si vous voulez être entendu; ces termes pour eux ne sont pas français; parlez aux uns d'aunage, de tarif, ou de sou pour livre, et aux autres de voie d'appel, de requête civile, d'appointement, d'évocation. Ils connaissent le monde et encore par ce qu'il a de moins beau et de moins précieux; ils ignorent la nature, ses commencements, ses progrès, ses dons et ses largesses... Il n'y a si vil praticien qui au fond de son étude sombre et enfumée et l'esprit occupé d'une plus noire chicane, ne se préfère au laboureur qui jouit du ciel, qui cultive la terre qui sème à propos et qui fait de riches moissons; et, s'il entend quelquefois parler des premiers hommes ou des patriarches, de leur vie champêtre, et de leur économie, il s'étonne qu'on ait pu vivre en de tels temps, où il n'y avait encore ni offices, ni commissions, ni présidents, ni procureurs“, etc., p. 156.

нимъ талантомъ и съ такою страстью передавать другимъ свое настроеніе, въ городскомъ населеніи пробудилось желаніе видѣть природу, явилась тоска по ней, и *прогулка* за городъ сдѣлалась новымъ источникомъ вдохновенія для поетовъ и прозаиковъ и знаменіемъ новаго культурнаго направленія *).

Поэзія, которую Руссо ощущалъ въ природѣ, привлекала его какъ человѣка и какъ мыслителя. На этомъ чувствѣ была основана религіозная и нравственная философія Руссо. Природа не была для него искуснымъ механизмомъ, свидѣтельствующимъ о всемірномъ разумѣ, а чуднымъ, безпредѣльнымъ храмомъ, въ каждомъ уголкѣ котораго человѣкъ чувствовалъ свою личную связь съ Божествомъ и свое духовное происхожденіе. Въ созерцаніи природы Руссо почерпалъ увѣренность въ бессмертіи своей души и она послужила ему тѣмъ откровеніемъ, которое дало начало новому религіозному движенію во французскомъ обществѣ **).

Такое же значеніе имѣла природа въ социологіи Руссо. И здѣсь исходною точкой была та гармонія, которую Руссо ощущалъ, когда отдавался созерцанію природы, — тотъ отголосокъ, который онъ слышалъ въ ней въ отвѣтъ на разные тоны своего лирическаго настроенія. Природа располагала его еще болѣе къ *мечтательности*, которая была основною чертой его натуры, и подъ вліяніемъ Руссо новое поклоненіе природѣ имѣло непосредственнымъ результатомъ своимъ небывалое въ европейскомъ обществѣ развитіе мечтательности (*rêverie*). Мечтательность легко принимаетъ элегическій оттѣнокъ, и потому даже въ минуты счастья и душевнаго покоя у Руссо и его послѣдователей въ наслажденіи природою звучитъ грустная нота и восхищеніе ея красотой пробуждаетъ меланхолическую скорбь ***).

*) См. стихотвореніе Шиллера — „Прогулка“:

Здравствуй, веселое поле, ты, шелестящая липа...
Здравствуй и ты, синева, захватившая въ мирный свой куполъ
И меня, который, бѣжавъ изъ комнаты душной
И отъ шумныхъ рѣчей, ищетъ спасенья въ тебѣ...
О, разомкнитесь же стѣны, дайте плѣннику выходъ!
Онъ спасенъ и бѣжать въ лоно повинутыхъ нивъ...

Перев. Крещева въ издан. Гербеля.

**) „Rousseau est un homme de foi;... il croit à la nature comme on croit à l'Écriture; il la voit sûrement, il l'interprète infailliblement; il reçoit directement la lumière qu'il renvoie sur le genre humain...“ *Bersot*. — „Введеніе къ соч. Сен-Марка Жирардена о Руссо“, стр. 16.

***) Стихотвореніе Шиллера — „Прогулка“ — первоначально носило заглавіе—

Но такія минуты, когда Руссо безмятежно наслаждался природой, были рѣдки въ его жизни. Отсутствие правильного воспитанія и опредѣленныхъ, прочныхъ занятій чрезвычайно затрудняло положеніе Руссо, которое онъ постоянно ухудшалъ своимъ безпокойнымъ, нервнымъ темпераментомъ, болѣзненнымъ самолюбіемъ и крайнею подозрительностью по отношенію къ людямъ. Недостаточно сознавая причины своихъ бѣдствій, Руссо раздражался противъ жизни и людей и дошелъ до полного разлада съ обществомъ.

Этотъ разладъ все болѣе и болѣе обострялся вслѣдствіе оригинальности его литературнаго направленія и столкновеній со всѣми литературными партіями и общественными силами — съ Вольтеромъ, съ энциклопедистами, съ католическою церковью и свѣтскою цензурою. Въ тяжелыя минуты разрыва съ друзьями, разочарованія, вызваннаго уязвленнымъ самолюбіемъ и романтическимъ увлеченіемъ женщинами, въ пору гнетущей нищеты и политическаго преслѣдованія — Руссо находилъ убѣжище и забвеніе отъ своихъ золъ только въ уединеніи съ природою, и къ поэтической прелести, которую она всегда для него имѣла, стало примѣшиваться чувство живой, личной благодарности *).

Рѣзкій диссонансъ, который Руссо ощущалъ между гармоніей и блаженствомъ природы и бѣдствіями имъ испытываемыми въ обществѣ себѣ подобныхъ, все болѣе и болѣе разрастался въ его глазахъ и привелъ его наконецъ къ сознанію рѣшительнаго антагонизма между *природою* и человѣческимъ обществомъ. Природа, т. е. физическій міръ, становилась для него символомъ стройнаго порядка, по мѣрѣ того, какъ «общество» и нравственный міръ ему казались построенными на неправдѣ. Подъ влияніемъ этого чувства Руссо влагаетъ въ уста савойскому викарію слѣдующія слова: «Когда я разсматриваю различные общественные слои и людей, ихъ наполняющихъ, что за зрѣлище меня поражаетъ! Картина природы представляла мнѣ одну гармонію и стройность, а человѣчество — одну только смуту и беспорядокъ. Согласіе цар-

„Элегія“. Вообще всѣ раннія произведенія Шиллера пронизаны меланхолическимъ оттѣнкомъ въ наслажденіи природою. Карлъ Моръ, глядя на закатъ солнца, заливаясь слезами и потомъ восклицаетъ: „было время, когда слезы мои такъ сладко лились... О, дни мира! О, замокъ отцовъ моихъ, зеленыя, мечтательныя долины!... Горюй со мной, природа!“

*) „Il sentit dans son coeur une reconnaissance attendrie pour la nature“. P. Albert. — „La Littérature Franç. au XVIII sc.“, p. 225.

ствуешь между стихіями, а люди повержены въ хаосъ. Животныя счастливы, одинъ только ихъ царь бѣдствуетъ» *). Этотъ контрастъ между природой и обществомъ сдѣлался источникомъ безконечныхъ размышлений для наиболѣе сентиментальныхъ послѣдователей Руссо. Бернарденъ де Сен-Пьеръ, наприм., написалъ на эту тему цѣлое сочиненіе, которое имѣло громадный успѣхъ и доставило ему всемірную славу. Планъ этого сочиненія—«*Etudes de la nature*», по опредѣленію самого автора, заключался въ «ислѣдованіи наслажденій, доставляемыхъ природой, и нашихъ бѣдствій, причиняемыхъ обществомъ».

Самъ Руссо однако не ограничился такой мирной пропагандой во славу природы. Природа, гармоніей и миромъ которой онъ наслаждался, сдѣлалась для него орудіемъ неуклонной и неутомимой борьбы противъ современнаго общества и представляемой имъ цивилизаціи. Точкой отправленія этой борьбы было понятіе о *состояніи природы* (*état de la nature*) или о *естественномъ состояніи* (*état naturel*) человѣка.

Понятіе о *естественномъ состояніи* было давно извѣстно въ публицистической литературѣ и представляло собой *философскую фикцію*, служившую для обозначенія общественнаго быта, отвлеченнаго разсудкомъ отъ всѣхъ конкретныхъ признаковъ исторической жизни, государственнаго устройства, сословныхъ учреждений, національныхъ и племенныхъ отличій.

Иногда же это самое выраженіе обозначало *историческую фикцію*, воображаемое состояніе людей въ первобытномъ періодѣ до образованія государства и семьи, до развитія самыхъ простыхъ и первичныхъ проявленій цивилизаціи. Руссо овладѣлъ этой отвлеченною формулой, разукрасилъ ее своей поэтической фантазіей, вдохнулъ въ нее жизнь своею страстностью, своею любовью къ природѣ и своею ненавистью къ цивилизованному обществу. Безжизненный терминъ о естественномъ состояніи превратился у Руссо въ полупоэтическое, полужантасическое представленіе, для котораго онъ заимствовалъ свои краски изъ историческихъ преданій, изъ описаній быта дикарей у современныхъ путешествен-

*) „*Emile*“, IV, p. 69. Эту мысль почти буквально повторилъ Карлъ Моръ: „Es ist doch eine so göttliche Harmonie in der seelenlosen Natur, warum sollte dieser Missklang in der vernünftigen sein?“ Въ другомъ мѣстѣ Руссо говоритъ: „Il y a un si bel ordre dans l'ordre physique et tout de désordre dans l'ordre moral, qu'il faut de toute nécessité, qu'il y ait un monde, où l'ame soit satisfaite...“ *St. Beuve*. *Caus.* VI, p. 349.

ниговъ и сентиментальныхъ мечтаній *на лонѣ природы*. Естественное состояніе и для Руссо сослужило двойную, можно сказать противоположную, службу. Въ «*Contrat social*» оно является тѣмъ состояніемъ, которое предшествуетъ общественному договору и вступаетъ снова въ силу, какъ скоро этотъ договоръ нарушенъ. Такимъ образомъ оно принимается здѣсь за основаніе всякаго нормальнаго политическаго порядка, за исходную точку возможнаго въ будущемъ правильнаго развитія человѣческаго общества. Но въ совершенно другомъ смыслѣ употреблялось это понятіе въ знаменитыхъ «*Разсужденіяхъ*» Руссо, которыя положили основаніе его славы. Руссо возвелъ здѣсь естественное состояніе не только въ политическій идеалъ, что дѣлалось до него, но и въ *обличительный аргументъ* противъ цивилизаціи. Античную легенду о золотомъ вѣкѣ онъ обратилъ въ страстную, пропитанную горечью, декламацію противъ всякой человѣческой культуры. И не тѣ или другія черты современнаго общественнаго строя, не тѣ или другія формы цивилизаціи вызывали его безпощадное негодованіе,—нѣтъ, вся человѣческая культура вообще, все, что появляется и развивается вмѣстѣ съ цивилизаціей—образованіе и наука, искусство и театръ, общественныя учрежденія и собственность, церковь и государство—вся жизнь человѣчества, вся исторія являются подъ освѣщеніемъ Руссо постепеннымъ уклоненіемъ отъ природы, прогрессивнымъ паденіемъ.

Риторическій походъ Руссо противъ цивилизаціи со всѣми ея проявленіями матеріальнаго благосостоянія и духовнаго развитія имѣлъ въ свое время глубокое значеніе и имѣеть его отчасти и теперь, несмотря на вычурно-патетическое и незрѣлое краснорѣчіе, на скудную и мѣстами просто ребяческую аргументацію, которыми окутана основная мысль «*Разсужденій*». Обѣ диссертаціи Руссо представляютъ собой протестъ, выраженный въ крайне парадоксальной формѣ, противъ цивилизаціи, которой достигло современное общество. Особенною парадоксальностью отличается второе «*Разсужденіе*», направленное противъ гражданскаго и политическаго строя цивилизованныхъ обществъ и написанное на тему, что главныя бѣдствія, которымъ подвергаются въ современной жизни отдѣльныя лица и цѣлыя массы, происходятъ отъ неравенства между людьми, самое же неравенство есть слѣдствіе общежитія и цивилизаціи. Поэтому Руссо орошаетъ слезами всякое проявленіе возникающей среди человѣчества культуры и встрѣчаетъ съ проклятіемъ всякій шагъ, который дѣлалъ человѣкъ на

этомъ пути. Точкой отправленія роковой исторіи человѣчества служить въ глазахъ Руссо естественное состояніе человѣка, или, правильнѣе сказать, животное состояніе *), въ которомъ онъ представляетъ себѣ первобытнаго человѣка. Этотъ первобытный человѣкъ не знаетъ семьи, не имѣетъ жилища и живетъ въ полномъ одиночествѣ, отъ котораго онъ только временно отказывается, побуждаемый физическими потребностями. Пока продолжается это одиночество, пока человѣкъ не имѣетъ почти никакихъ потребностей, онъ совершенно счастливъ. Но какой-то злой рокъ, «какое-то случайное стеченіе различныхъ обстоятельствъ, которыя могли никогда не появиться», побудили человѣка отказаться отъ своего блаженнаго состоянія. Первымъ шагомъ къ паденію было постоянное жилище. Сначала человѣкъ, чтобъ отдохнуть, ложился подъ любимымъ деревомъ или укрывался въ первой пещерѣ; но вотъ ему пришла охота выкопать себѣ яму или устроить себѣ шалашъ изъ вѣтвей: «это было, говоритъ Руссо, эпохой перваго переворота въ человѣческой жизни, положившаго основаніе возникновенію и различію семьи и породившаго извѣстнаго рода собственность, слѣдствіемъ чего были можетъ-быть уже многія ссоры и столкновенія». Устройство шалаша повлекло за собой разведеніе огорода и земледѣліе; для земледѣлія нужны были желѣзные орудія и это вызвало обработываніе металловъ.

Послѣ жилища и семьи земледѣліе и металлургія являются двумя новыми шагами на пути человѣческаго паденія. Въ глазахъ поэтовъ, — восклицаетъ Руссо, — золото и серебро, но по мнѣнію философовъ — желѣзо и хлѣбъ цивилизовали людей и погубили человѣческій родъ. Всѣ упомянутыя перемѣны въ бытѣ естественнаго человѣка въ сущности уже вызвали личную собственность. Тѣмъ не менѣе Руссо встрѣчаетъ ея появленіе въ исторіи съ особеннымъ крикомъ отчаянія и патетическимъ проклятіемъ: «первый, — говоритъ онъ, — кто, огородивъ участокъ земли, рѣшился сказать: это принадлежитъ мнѣ — и нашелъ людей на столько простоватыхъ, что они повѣрили ему, — долженъ считаться настоящимъ

*) „En considérant l'homme tel qu'il a du sortir des mains de la nature je vois un animal moins fort que les uns, moins agile que les autres mais à tout prendre organisé le plus avantageusement de tous“. Сочувствіе Руссо къ животному состоянію человѣка предпочтительно передъ культурнымъ бытомъ, который дѣлаетъ человѣка злымъ, проявляется очень характерно: „Il ne faut point nous faire tant de peur de la vie purement animale, ni la considérer comme le pire état où nous puissions tomber, car il vaudrait encore mieux ressembler à une brebis qu'à un mauvais ange“. Reponse à m-r Bordes, I, p. 52. Ed. Hach.

основателемъ человѣческаго общества. Отъ сколькихъ преступленій, войнъ, убійствъ, бѣдствій и ужасовъ избавилъ бы человѣчество тотъ, кто, вырвавъ колья или заваливъ ровъ, закричалъ бы своимъ товарищамъ: смотрите, не слушайте этого обманщика» *).

Съ такимъ же риторическимъ негодованіемъ Руссо встрѣчаетъ потомъ государство и установленіе законовъ и такими же парадоксами объясняетъ ихъ происхожденіе.

Мы уже говорили о парадоксальности ума Руссо и приводили это свойство его въ связь съ его характеромъ, съ самолюбіемъ и тщеславіемъ, которыя его мучили и побуждали выдаваться и отличиться отъ другихъ не только оригинальностью образа мысли, но и образомъ жизни, вкусами, даже костюмомъ. Въ этомъ отношеніи въ парадоксахъ Руссо было много искусственнаго; можно даже сказать, что побужденіемъ къ нимъ былъ иногда извѣстный расчетъ, и нельзя не признать нѣкоторой доли правды въ замѣчаніи Сень-Маркъ-Жирардена, что Руссо начинаетъ съ парадокса, чтобы привлечь къ себѣ толпу, что парадоксъ служить ему какъ бы сигналомъ для того, чтобы возвѣстить истину, и что «этотъ авторъ сначала поднимаетъ шумъ, чтобы затѣмъ принести пользу» **).

Не слѣдуетъ однако, въ виду того, что Руссо въ минуту спокойнаго размышленія и ученой полемики легко отказывался отъ своихъ парадоксовъ, видѣть въ нихъ не болѣе какъ литературный маневръ. Помимо самолюбія и извѣстнаго расчета, парадоксы Руссо имѣли еще другой и можетъ-быть главный источникъ, на который мы теперь должны обратить вниманіе—сильное возбужденіе *чувства*. Парадоксы этого писателя служатъ чаще всего свидѣтельствами того сильнаго *аффекта*, подъ влияніемъ котораго онъ писалъ, и ясными симптомами господствовавшихъ въ немъ симпатій и антипатій. На историкъ лежитъ обязанность объяснить, чѣмъ аффектъ былъ вызванъ и какому чувству онъ служилъ выраженіемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что *разсужденіе* о причинахъ неравенства между людьми пропитано такъ сказать насквозь чувствомъ негодованія и злобы противъ всякаго различія между людьми въ общественномъ положеніи и имуществѣ, и если называть, по при-

*) Oeuvres, VIII, 116.

**) „Le paradoxe sert toujours ainsi de tambour à la vérité et l'auteur s'arrange pour faire du bruit avant et afin de faire du bien“. Т. I, p. 49.

мѣру Жирардена, «парадоксъ, лежащій въ основаніи этого разсужденія, барабаннымъ боемъ», то барабанный бой въ этомъ случаѣ возвѣщалъ не истину, а приближеніе тѣхъ фанатическихъ массъ, которыя тридцать лѣтъ спустя раззорили дворянскіе замки и взяли приступомъ Тюльери. Но помимо этого взрыва политической страсти, послужившей сигналомъ для Французской демократіи, упомянутое *разсужденіе* проникнуто еще другимъ чувствомъ, которое имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ разсматриваемому нами вопросу. Это чувство—недовѣрія, антипатіи къ способности человѣка усовершенствоваться (*la faculté de se perfectionner*). Указавъ на то, какъ мало человѣкъ въ естественномъ состояніи отличается отъ животнаго, Руссо съ огорченіемъ отмѣчаетъ въ немъ одну своеобразную черту, а именно эту способность къ цивилизаціи, которой онъ приписываетъ всѣ бѣды человѣчества. «Грустно,—говоритъ онъ,—что мы принуждены признаться, что именно эта отличительная и почти безпредѣльная способность есть источникъ всѣхъ несчастій человѣка; что именно она съ помощью времени вырываетъ его изъ того первобытнаго положенія, въ которомъ его дни протекли бы въ спокойствіи и невинности; что она, вызывая наружу съ теченіемъ вѣковъ его просвѣщеніе и заблужденіе, его пороки и добродѣтели, дѣлаетъ его тираномъ надъ самими собой и надъ природой. Не ужасно ли, что намъ приходится прославлять, какъ благодѣтеля человѣчества, того, кто первый завелъ у прибрежныхъ жителей Ореноко тѣ дощечки, которыми они сдавливаютъ виски своихъ дѣтей и которыя обезпечиваютъ послѣднимъ по крайней мѣрѣ извѣстную долю ихъ неразвитости и ихъ первобытнаго счастья»^{*)}).

Здѣсь парадоксъ, что умственное развитіе, вѣками совершающееся, есть корень всего зла, выраженъ въ такой формѣ, что читатель могъ бы принять его за шутку; но стоитъ перевернуть только нѣсколько страницъ, чтобъ убѣдиться въ полной искренности Руссо и встрѣтиться съ пресловутымъ изреченіемъ, что «размышленіе есть противоестественное состояніе и что человѣкъ, который думаетъ, есть извращенное животное («*l'état de réflexion est un état contre nature et l'homme qui médite est un animal dégradé*»).

Этотъ коренной тезисъ Руссо представляется изреченіемъ какого-то сфинкса, а между тѣмъ именно онъ и есть та красная

^{*)} Disc. s. l'orig. de l'inég. Oeuv. VIII, p. 72.

нить, которая вьется черезъ всѣ ткани его философской системы. Въ *разсужденіи о неравенствѣ* онъ выраженъ прямо, но затемняется преобладаніемъ политическихъ разсужденій и демократической страсти, и потому мы обратимся для выясненія его смысла къ первому *разсужденію* Руссо, цѣликомъ посвященному развитію тѣхъ воззрѣній, которыя сконцентрированы въ приведенномъ нами парадоксѣ. Разсужденіе, это какъ извѣстно, было написано въ отвѣтъ на поставленный Дижонской академіей вопросъ: «содѣйствовало ли возрожденіе наукъ и искусствъ исправленію нравовъ?» Руссо не ограничился поставленными въ этой темѣ рамками, но обобщилъ вопросъ и написалъ *разсужденіе* о роли наукъ и искусствъ въ исторіи цивилизаціи.

Этотъ первый публицистическій опытъ Руссо съ научной стороны еще слабѣе, чѣмъ второй, и уступаетъ послѣднему въ обдуманности плана и аргументаціи, а между тѣмъ заключаетъ въ себѣ болѣе относительной правды. Правда, скрывающаяся за декламаціей Руссо противъ наукъ и образованія, состоитъ въ протестѣ противъ неправильной и преувеличенной оцѣнки ихъ общественнаго значенія и культурной роли. Время, когда жилъ Руссо, чрезвычайно нуждалось въ предостереженіи отъ увлеченія знаніемъ, особенно же — одностороннимъ, поверхностнымъ образованіемъ, основаннымъ на чтеніи модныхъ книгъ. Представителями того знанія, противъ котораго возставалъ Руссо, были такъ-называемые философы, т.-е. главнымъ образомъ энциклопедисты и примыкавшіе къ нимъ литераторы и посѣтители салоновъ. Знаніе ихъ было полузнаніемъ, если судить о немъ съ точки зрѣнія современной науки, но притязанія ихъ были безпредѣльны. На основаніи своего неполнаго и отрывочнаго знанія они безапелляціонно рѣшали всѣ нравственные и политическіе вопросы, не заботясь о практическихъ результатахъ своихъ теорій, и съ крайнимъ пренебреженіемъ и высокоуміемъ относились ко всѣмъ, кто не стоялъ на уровнѣ ихъ знанія. Въ выходахъ Руссо противъ тогдашнихъ представителей просвѣщенія много трезваго и справедливаго, особенно если освободить эти выходы отъ парадоксальной формы, которою онъ облечены въ *разсужденіи*, и принять въ соображеніе замѣчанія Руссо, разсѣянные по другимъ его сочиненіямъ.

Нерасположеніе Руссо къ *просвѣщенію* можно свести къ нѣсколькимъ причинамъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить у Руссо сильное разочарованіе въ главномъ орудіи образованія — въ кни-

гахъ и книжномъ чтеніи. Въ своемъ «Эмиль» Руссо, говоря о необходимости путешествовать и о причинахъ, почему чтеніе путешествій не можетъ замѣнить собственнаго опыта, произноситъ надъ книгами слѣдующій общій приговоръ: «Предоставимъ же это столь хваленое средство тѣмъ, кто въ состояніи имъ удовлетвориться. Оно пригодно, подобно искусству Раймунда Лулла (схоластика), только къ тому, чтобы научить насъ болтать о томъ, чего мы не знаемъ. Оно годится, чтобы дрессировать пятнадцатилѣтнихъ философовъ разсуждать въ салонахъ» и т. д. *).

Въ этомъ случаѣ упрекъ, который Руссо дѣлаетъ книгамъ, мотивированъ болѣе или менѣе случайными недостатками и послѣдствіями ихъ. Но къ этому присоединяется другая болѣе глубокая причина разочарованія въ нихъ. Книги и просвѣщеніе, которыя они распространяютъ, бессильны противъ страстей и интересовъ людей, а потому не въ состояніи сдѣлать людей болѣе нравственными и болѣе счастливыми. Лучше всего это убѣжденіе Руссо выражено въ его письмѣ къ членамъ Экономическаго Общества въ Бернѣ **), написанномъ двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ появленія его перваго *разсужденія*. «Предразсудки, которые обусловливаются только заблужденіемъ, могутъ быть разрушены; но тѣ, которые основаны на новыхъ порокахъ, исчезнуть только вмѣстѣ съ ними. Вы хотите сначала научить людей истинѣ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе мудрыми; но слѣдовало бы, совсѣмъ наоборотъ, сдѣлать ихъ сначала мудрыми для того, чтобы они могли любить истину. Истина почти никогда ни къ чему не приводила на свѣтѣ, потому что люди всегда болѣе руководятся своими страстями, чѣмъ своимъ знаніемъ (*lumières*), и потому что они, одобряя то, что хорошо, въ то же время поступаютъ дурно. Въвѣ, въ которомъ мы живемъ, одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ, даже въ нравственныхъ вопросахъ: развѣ же онъ лучше другихъ? Книги ни къ чему не годны. То же самое я скажу объ академіяхъ и литературныхъ обществахъ; всему, что изъ нихъ выходитъ, люди оказываютъ только безплодное сочувствіе. Нѣтъ, господа, вы можете просвѣтить народы, но вы не сдѣлаете ихъ ни лучше, ни болѣе счастливыми».

Противопоставляя *просвѣщенію* предразсудки и страсти, какъ непреодолимая препятствія, Руссо идетъ еще дальше. Людскія страсти не только дѣлаютъ безплодными научныя истины и про-

*) *Vous. „Emile“, l. V, p. 243.*

**) *Correspondance, № 334.*

свѣтительныя стремленія, онѣ часто отравляютъ самый источникъ просвѣщенія, потому что сами *просвѣтители* нерѣдко менѣе одушевлены истиной, чѣмъ собственными интересами и страстями. Эту мысль Руссо выразилъ очень рельефно, между прочимъ, въ своемъ *посланіи* къ архіепископу парижскому, осудившему его «Эмиля»: «Я всегда замѣчалъ, — говоритъ Руссо, — что народное просвѣщеніе страдаетъ двумя существенными пороками, которые невозможно отъ него устранить. Одинъ — это неискренность (*la mauvaise foi*) тѣхъ, отъ кого оно исходитъ, другой — ослѣпленіе тѣхъ, кто его получаетъ. Еслибы люди безъ страстей просвѣщали людей безъ предразсудковъ, наши познанія заключались бы въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, но были бы вѣрнѣе, и разумъ всегда бы господствовалъ. Но, что бы мы ни стали дѣлать, общественные дѣятели всегда будутъ одинаково руководиться интересомъ; предразсудки же народа, не имѣя прочнаго основанія, болѣе доступны перемѣнамъ, — они могутъ быть видоизмѣнены, замѣнены, увеличены и уменьшены. Поэтому только въ этомъ отношеніи просвѣщеніе можетъ имѣть нѣкоторый успѣхъ и въ эту сторону должны быть направлены старанія друзей истины. Они могутъ надѣяться сдѣлать народъ болѣе разумнымъ, но не могутъ рассчитывать сдѣлать болѣе честными тѣхъ, кто имъ руководить».

Руссо, однако, вовсе не того мнѣнія, что эта борьба просвѣщенія противъ предразсудковъ народа должна быть безусловна и безпредѣльна. Въ приведенномъ письмѣ къ членамъ Бернскаго Экономическаго Общества Руссо безъ обвиняковъ заявляетъ своимъ соотечественникамъ, что держится въ этомъ отношеніи другаго взгляда, чѣмъ они. Одинъ изъ вопросовъ, поставленныхъ этимъ Обществомъ на премію, былъ слѣдующій: существуютъ ли почтенные предразсудки, публично опровергать которые добрый гражданинъ долженъ остерегаться (*se faire un scrupule*)? «Я не могу скрыть отъ васъ, — пишетъ по этому поводу Руссо, — что я высказался бы вмѣстѣ съ Платономъ въ утвердительномъ смыслѣ, что, конечно, не соотвѣтствуетъ цѣли, съ которой поставленъ вами этотъ вопросъ». Ту же мысль Руссо выразилъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ Борду, въ которомъ онъ защищался отъ нападокъ и возраженій, посылавшихся на него послѣ появленія въ свѣтъ его перваго *разсужденія*. «Я уже сто разъ говорилъ, что хорошо, что существуютъ философы; лишь бы народъ не вздумалъ имъ подражать» *).

*) „Pourvu que le peuple ne se mêle pas de l'être“.

Эти возраженія и оговорки Руссо противъ книжнаго образованія и просвѣтительныхъ тенденцій *философовъ* показываютъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понять его филиппику противъ *наукъ* и *искусствъ*. Эти возраженія направлены противъ неумѣстныхъ притязаній и слѣпаго доктринерства просвѣтителей, противъ высокомернаго властолюбія и личнаго интереса, нерѣдко скрывающихся за просвѣтительною ролью, противъ безусловнаго господства въ народѣ и надъ народомъ книжнаго, рационалистическаго образованія. Руссо старается оградить отъ этого господства ту сферу жизни и тотъ слой народа, гдѣ оно можетъ принести не пользу, а только вредъ. Разумную сторону протеста Руссо противъ просвѣщенія нужно видѣть въ томъ, что оно представляется ему не высшею цѣлью само по себѣ, а лишь средствомъ—желательнымъ настолько, насколько оно содѣйствуетъ благоденствію и нравственному усовершенствованію общества и народа. Эту разумную сторону протеста Руссо нужно имѣть въ виду, чтобы не смѣшать ее съ крайностями, къ которымъ онъ былъ такъ склоненъ въ литературной полемикѣ и въ увлеченіи парадоксами, и чтобы отличить его направленіе отъ другихъ аналогическихъ тенденцій.

Подобные протесты противъ наукъ и образованія раздаются издавна и мотивы, которыми они внушены, бывали чрезвычайно различны. Прогрессъ знанія и притязанія науки не разъ осуждались въ средніе вѣка съ религіозной или церковной точки зрѣнія и сѣтованія Руссо на науку иногда буквально тождественны съ приговоромъ клерикальныхъ писателей новаго времени. Не даромъ реакція романтизма противъ просвѣтительнаго направленія примыкаетъ въ этомъ случаѣ къ Руссо и критическія нападки графа де-Местра противъ философіи совершенно совпадаютъ съ выходками Руссо *). Съ совершенно другой точки зрѣнія ополчается противъ науки грубый и близоруко-утилитарный демократизмъ, отвергающій въ области наукъ все, что не служитъ непосредственно матеріальнымъ интересамъ массы, и все, что превышаетъ уровень ея пониманія. Руссо, какъ вождь крайней демократіи, впол-

*) Любопытно, что съ противоположной стороны въ апологіи знанія сошлись иезуиты съ современными послѣдователями Бокля, утверждающими, что нравственный прогрессъ обуславливается успѣхомъ наукъ и распространеніемъ реальныхъ свѣдѣній въ массѣ. Подобнымъ образомъ одинъ иезуитъ доказывалъ въ 1753 году, вопреки Руссо, что „любовь къ наукамъ внушаетъ любовь къ добродѣтели“.

нѣ раздѣляетъ ея антипатію къ наукѣ, за то, что послѣдняя становится источникомъ новаго, духовнаго неравенства *), и потому въ его *разсужденіи* мѣстами слышится какъ бы голосъ какого-нибудь современнаго социаль-демократа. Но хотя онъ говоритъ то языкомъ религіознаго фанатизма, прославляя подвигъ халифа Омара, предавшаго огню Александрійскую бібліотеку, то языкомъ демократическаго фанатизма,—мотивы его протеста противъ книгъ и наукъ существенно отличаются отъ клерикальной или социаль-демократической вражды къ образованію. Онъ ополчается противъ книгъ и наукъ не столько потому, что онѣ заглушаютъ религіозное чувство, и не потому только, что онѣ нарушаютъ равенство, но въ интересахъ нравственности и добродѣтели.

Въ этой именно области, т.-е. въ области этики, нужно, какъ мы думаемъ, искать главную заслугу Руссо; здѣсь по крайней мѣрѣ она несомнѣнна. Чтобъ оцѣнить ее, нужно вспомнить, какой взглядъ на нравственность преобладалъ въ эпоху Руссо,—то было время господства сенсуализма, ученій Гельвеціуса и Гольбаха, сводившихъ всѣ нравственныя побужденія и поступки на эгоизмъ, признававшихъ одинъ только эгоизмъ источникомъ и мѣриломъ какъ частной, такъ и гражданской добродѣтели. Противъ этого мертвящаго ученія Руссо возвысилъ свой краснорѣчивый голосъ; онъ сумѣлъ пробудить въ сердцахъ своихъ многочисленныхъ читателей такія чувства, предъ которыми была безсильна аргументація модныхъ въ то время *философовъ*. «Они утверждаютъ,—говоритъ Руссо,—что всякій содѣйствуетъ общественному благу ради собственного интереса. Но откуда же происходитъ то, что праведникъ содѣйствуетъ этому благу себѣ въ ущербъ? Что значитъ идти на смерть ради собственной выгоды? Конечно, всякій дѣйствуетъ въ своемъ интересѣ (*n'agit que pour son bien*); но если не существуетъ нравственнаго интереса (*un bien moral*), который нужно принимать въ соображеніе, тогда никогда не удастся объяснить людскія дѣйствія эгоизмомъ или же придется ограничиться объясненіемъ только поступковъ дурныхъ людей. Но уже слишкомъ отвратительна была бы та философія, которая пришла бы въ затрудненіе отъ благородныхъ поступковъ

*) По вѣрному замѣчанію Сень-Маркъ Жирардена, въ основаніи крайней демократіи лежитъ идея, что власть принадлежитъ толпѣ, все равно, образована ли она или невѣжественна (*qu'il y a un droit dans la foule qu'elle soit instruite ou qu'elle soit ignorante*). Съ этой точки зрѣнія образованіе есть нѣчто излишнее, роскошь ненужная и часто даже опасная, стр. 43.

и относительно ихъ не знала бы другаго выхода, какъ придумавъ для нихъ низкія намѣренія и неблагородныя побужденія».

Отвергнувъ ученіе, которое безразлично объясняло всё людскіе поступки расчетомъ и эгоизмомъ и такимъ образомъ пришло къ отрицанію нравственности и добродѣтели, Руссо призналъ источникомъ послѣднихъ особое самостоятельное начало въ человѣческой душѣ, которое онъ обыкновенно называлъ совѣстью (conscience). Этика Руссо не представляетъ, конечно, строго обдуманной и логически проведенной системы; противорѣчія въ ней встрѣчаются на каждомъ шагу, декламация и нравственная проповѣдь занимаютъ въ ней больше мѣста, чѣмъ философское разсужденіе и методическія доказательства; несмотря однако на это, успѣхъ новой доктрины былъ громаденъ и вліяніе ея дало себя почувствовать въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ. Въ самомъ принципѣ, на которомъ Руссо построилъ свою этику, не было ничего особенно новаго. Другіе моралисты до него отыскивали съ большею глубиной и съ болѣе философскимъ методомъ въ человѣческой душѣ самостоятельное начало этики, но то, что дало доктринѣ Руссо особенное значеніе и что составляетъ ея оригинальность — это ея связь съ другими понятіями и тенденціями Руссо.

Нравственное чувство въ человѣкѣ или совѣсть, какъ его называетъ Руссо, рѣзко разграничивается имъ отъ разсудка и даже противопоставляется ему. Это — *инстинктъ*, который дѣйствуетъ независимо отъ указаній разума и стоитъ даже выше его, ибо не подверженъ подобно ему заблужденіямъ. «О, совѣсть, — восклицаетъ Руссо, — божественный инстинктъ, безсмертный и небесный голосъ, вѣрный руководитель невѣжественнаго и ограниченнаго существа, но разумнаго и свободнаго, непогрѣшимый судья надъ добромъ и зломъ, дѣлающій человека подобнымъ Богу! Тебѣ мы обязаны превосходствомъ нашей природы и нравственностью нашихъ поступковъ; безъ тебя я не ощущаю въ себѣ ничего, что ставило бы меня выше животныхъ, кромѣ печальной привилегіи блуждать отъ одной ошибки къ другой, опираясь на разсудокъ безъ твердыхъ правилъ и на разумъ безъ руководящаго начала» *).

Такъ же опредѣленно Руссо противопоставляетъ совѣсть разуму въ «Новой Элоизѣ», гдѣ онъ влагаетъ свои убѣжденія въ уста

*) Prof. de foi du V. S. „Emile“, IV, p. 82.

героя этого романа Сень-Прё и по поводу его объясненій дѣлаетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе, прямо направленное противъ энциклопедистовъ: «Сень-Прё отождествляетъ нравственную совѣсть съ чувствомъ, а не съ сужденіемъ; это противорѣчить опредѣленіямъ философовъ. Я думаю, однако, что въ этомъ отношеніи ихъ предполагаемый сотоварищъ правъ». Такимъ образомъ источникъ нравственности сводится на прирожденный человѣку *инстинктъ*. Этотъ инстинктъ, а не разумъ, по мнѣнію Руссо, есть самый вѣрный руководитель человѣка въ его дѣятельности. Совѣсть не что иное какъ инстинктивное влеченіе къ добру и инстинктивное отвращеніе отъ зла; голосъ этой совѣсти всегда указываетъ человѣку тотъ нравственный законъ, которому онъ долженъ слѣдовать въ данномъ случаѣ. «Не достаточно ли, — восклицаетъ Руссо, — войти въ самого себя для того, чтобы познакомиться съ законами добродѣтели и прислушаться къ голосу своей совѣсти при молчаніи страстей? Вотъ въ чемъ заключается истинная философія, — будемъ ею довольствоваться».

Но, противопоставляя нравственный инстинктъ или совѣсть разсудку, Руссо въ то же время приводитъ ее въ связь съ тѣмъ понятіемъ, которое играетъ такую роль въ его ученіи, — съ *природой*. Голосъ совѣсти совпадаетъ съ голосомъ природы. Голосъ природы вопіетъ у Руссо противъ «отвратительной философіи», основывающей добродѣтель и гражданскую доблесть на личномъ интересѣ. «Слава Богу, — восклицаетъ онъ, — мы теперь избавлены отъ всего этого ужаснаго философскаго механизма (*appareil*); мы можемъ быть людьми, не будучи учеными; намъ не нужно истощать свою жизнь въ изученіи этики; мы приобрѣли за меньшую цѣну вѣрнаго руководителя среди лабиринта человѣческихъ мнѣній. Но не достаточно, чтобы этотъ руководитель существовалъ, — нужно умѣть его распознать и слѣдовать ему. Если онъ говоритъ всякому сердцу, почему же такъ мало людей, которые его понимаютъ? А это происходитъ отъ того, что онъ говоритъ намъ языкомъ природы, который все насъ заставлялъ **заставлять**».

Въ связи съ этими воззрѣніями Руссо, получаетъ свое полное освѣщеніе знаменитый афоризмъ: «размышленіе есть противестественное состояніе и человѣкъ размышляющій есть извращенное животное». Французское мышленіе, начавъ съ Декартоваго *cogito ergo sum*, пришло въ этомъ афоризмѣ къ самоотрицанію. Тамъ мысль признавалась исходною точкой человѣческаго

сознанія, здѣсь же размышленіе отвергается въ виду того, что оно низводитъ человѣка ниже животнаго. И почему размышленіе такъ опасно и вредно для человѣка? — Потому, что оно заглушаетъ въ немъ голосъ природы, тотъ нравственный инстинктъ, который «дѣлаетъ человѣка подобнымъ Божеству».

Такимъ образомъ *паденіе* человѣчества, вышедшаго изъ естественнаго состоянія вслѣдствіе работы разума и развитія цивилизаціи, двойное. Положеніе человѣка стало ухудшаться съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ общеніе и образовалъ государство, и въ то же время самъ человѣкъ сталъ нравственно извращаться съ тѣхъ поръ, какъ предался размышленію, сталъ заниматься науками и стремиться къ знанію. Съ развитіемъ цивилизаціи и знаніе человѣка дѣлается несчастнымъ, и самъ онъ становится хуже. Цивилизація и размышленія лишаютъ его первоначальнаго благополучія и въ то же время безпорочной нравственности, которую онъ надѣленъ отъ природы.

Такимъ образомъ Руссо среди общества утонченно цивилизованнаго и развитаго, въ самый вѣкъ отвлеченнаго разума и разсудочнаго *просвѣтленія*, смѣло бросаетъ перчатку основному принципу этого вѣка. Онъ проповѣдуетъ возвращеніе къ природѣ и къ естественному состоянію, обращенію отъ философіи и знанія къ нравственному чувству, прирожденному человѣку. Онъ открыто и рѣшительно отдаетъ преимущество въ жизни человѣка темному слою ощущеній передъ мыслью и сознаніемъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ возвышается надъ животною жизнью. Настоящая роль Руссо въ исторіи культуры заключается въ томъ, что онъ провозглашаетъ не равноправность только, но преимущество инстинкта предъ разумомъ. Добродѣтель человѣка, его нравственность обуславливаются господствомъ инстинктовъ, этимъ же обуславливается и счастье человѣка; и въ томъ и въ другомъ случаѣ инстинктъ представляется гораздо болѣе вѣрнымъ руководителемъ, чѣмъ мерцающій свѣтъ разума.

Оттого поклоненіе инстинкту, провозглашеніе его правъ становится исходною точкой Руссо въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ исправленію нравовъ и общественной жизни. Эманципація инстинкта отъ условныхъ общественныхъ понятій и правилъ и идеализація его составляютъ тайну того очарованія, которое имѣлъ въ свое время скучный дидактическій романъ Руссо. Относительная правда, которую заключала въ себѣ проповѣдь инстинкта среди общества, тяготившагося формами своего быта и пресы-

ценнаго унаслѣдованными отъ предковъ понятіями и предразсудками,—объясняетъ намъ, почему современное Руссо поколѣніе жадно зачитывалось его «Новой Элоизой», обливая ее слезами и благословляя автора, какъ своего благодѣтеля.

Особенно плодотворнымъ реформаторомъ явился апостолъ инстинкта въ области воспитанія; здѣсь было давно пора преобразовать старую систему и прервать рутину. Не сокрушать инстинкты человѣка, проявляющіеся въ ребенкѣ, не *ломать природу*, не противоборствовать ей должно было воспитаніе, по мысли Руссо,—напротивъ ея задачей должно было быть развитіе и усовершенствованіе инстинктовъ и способностей, вложенныхъ природой. Ребенокъ ближе къ природѣ, чѣмъ взрослый человѣкъ. Онъ добръ и непороченъ, «ибо все непорочно, когда выходитъ изъ рукъ всемірнаго Творца», и потому прежде всего необходимо освободить педагогію отъ «варварской догмы» первороднаго грѣха. Человѣчество удалилось отъ состоянія природы путемъ цивилизаціи: въ каждомъ ребенкѣ природа снова протестуетъ противъ этого уклоненія отъ нея, снова заявляетъ о своихъ нарушенныхъ правахъ. Всѣ дѣти, — говоритъ Руссо, — лѣнны и неохотно учатся; они чувствуютъ, что ученіе и размышленіе удаляютъ ихъ отъ естественнаго состоянія, — тайный инстинктъ говоритъ имъ, что счастье заключается въ невѣдѣніи. Здравая педагогія должна не насиловать этого природнаго расположенія. Она должна какъ можно позднѣе и бережнѣе отрывать ребенка отъ лона природы; она должна знать, что, какъ выразился Руссо, «чтеніе есть бичъ дѣтства». Здравая педагогія, принаравливая ребенка къ искусственному обществу, въ которомъ ему придется жить, должна по крайней мѣрѣ по возможности приблизить воспитанника къ состоянію природы, къ человѣческому идеалу; поэтому воспитаніе должно сдѣлать изъ него не дворянина или мѣщанина, не француза или англичанина, а прежде всего человѣка.

Заслуги Руссо въ педагогіи достаточно извѣстны, но онъ еще болѣе значительны, чѣмъ это обыкновенно себѣ представляютъ, такъ какъ потомки не могутъ имѣть полнаго понятія о томъ плачевномъ состояніи, въ которомъ находилось воспитаніе дѣтей въ XVIII вѣкѣ. Заслуги Руссо въ педагогіи должны быть признаны въ трехъ отношеніяхъ: нужно, во-первыхъ, имѣть въ виду все, что имъ устранено изъ области воспитанія, затѣмъ—то, что онъ туда ввелъ, и наконецъ—непосредственное, благотворное вліяніе, которое онъ имѣлъ на матерей и на воспитателей. Для того,

чтобъ оцѣнить заслуги Руссо какъ реформатора, нужно было бы подробно распространиться о варварствѣ и рутинѣ старой педагогіи, объ обычаяхъ, господствовавшихъ во всѣхъ классахъ французскаго общества, отдавать дѣтей на воспитаніе по деревнямъ къ чужимъ людямъ, о жестокости тѣлесныхъ наказаній даже въ высшемъ классѣ, превышавшей всякое вѣроятіе*), о механическомъ, внѣшнемъ способѣ обученія, о многопредметности школьной программы, о раннемъ вступленіи дѣтей въ общество салоновъ, гдѣ съ ними обращались какъ съ взрослыми, величая—monsieur et madame.— Знакомый съ исторіей педагогіи читатель готовъ будетъ признать справедливость педагогической аксіомы Руссо: «Поступайте во всемъ обратно противоположно обычному и вы, почти всегда, будете поступать правильно».

Но чтобы вполне оцѣнить переворотъ, произведенный Руссо въ педагогіи, нужно понять смыслъ его нововведеній и его теоріи. Руссо, можно сказать, открылъ *дѣтскій возрастъ*, первый старался проникнуть въ дѣтскій міръ, и хотя самъ онъ не выяснилъ внутренней жизни, психическаго состоянія ребенка, въ отличіе отъ взрослого, и даже ввелъ въ этотъ вопросъ много ложныхъ представлений, но все-таки, благодаря ему, эта главная задача педагогіи стала на первый планъ. Руссо положилъ основаніе новому плодотворному принципу, что въ ребенкѣ нужно искать и видѣть только ребенка, что педагогію и обученіе нужно сообразовать съ наклонностями и способностями дѣтскаго возраста, и не одно только лучшее пониманіе дѣтской природы было слѣдствіемъ этого новаго отношенія къ дѣтямъ: еще болѣе можетъ-быть значенія имѣла пробудившаяся у взрослыхъ *любовь и нѣжность* къ ребенку, безъ которой самая умная педагогическая теорія безжизненна и бесплодна. Какъ и всегда, эта любовь имѣла благотворныя послѣдствія не только для дѣтей, которыя были ея предметомъ, но и для тѣхъ, отъ кого она исходила. Для многихъ, особенно для женщинъ, любовь къ дѣтямъ сдѣлалась источникомъ нравственнаго перерожденія, и мы вполне можемъ вѣрить искренности тѣхъ женщинъ, которыя съ восторженною благодарностью признавались Руссо, что только ему онѣ обязаны тѣмъ, что стали испытывать материнскія чувства. Но, признавая всѣ эти заслуги Руссо, не слѣдуетъ однако увлекаться идеализаціей

*) Для примѣра укажемъ на страницы въ недавно изданныхъ мемуарахъ кардинала де-Берна, гдѣ описаны наказанія, которымъ онъ подвергался со стороны своего наставника-аббата.

его педагогической теоріи; черезъ нее повсюду проходить два ложныхъ начала, которыя были, и еще могутъ быть, причиною многихъ заблужденій и практическихъ ошибокъ: во-первыхъ, ученіе, что въ человѣческомъ сердцѣ нѣтъ никакихъ дурныхъ задатковъ, никакихъ порочныхъ инстинктовъ, и что, вождствие этого, подобно тому, какъ въ людскомъ обществѣ все зло происходитъ только отъ законовъ, учреждений и правительствъ, такъ въ ребенкѣ нѣтъ ни одного порока, относительно котораго нельзя было бы указать, какииъ путемъ онъ *изонъ* пробрался въ его чистое сердце. Мы готовы признать, что фантастическія представленія, которыми Руссо искажилъ свою теорію о природѣ ребенка, принесли свою долю относительной пользы: его увѣренія, что ребенокъ представляетъ собой естественное состояніе человѣка и что злоба въ ребенкѣ есть только слѣдствіе его физической слабости и что всѣ дурныя наклонности въ дѣтяхъ прививаются къ нимъ только воспитателями и обществомъ—чрезвычайно содѣйствовали возбужденію у взрослыхъ той *жалости* и любви къ дѣтямъ, о которой мы говорили. Такъ какъ извѣстная гармонія между разсудкомъ и чувствомъ есть удѣлъ немногихъ, то для большинства людей ложная идеализація предмета есть необходимый спутникъ пробуждающейся любви и симпатіи, и нерѣдко ихъ источникъ, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что ложной идеализаціей ребенка у Руссо въ значительной степени обуславливались и восторгъ, и нравственное умиленіе, съ которыми матери и отцы, педагоги-теоретики и гувернеры привѣтствовали открывшійся предъ ними дѣтскій міръ. При всемъ этомъ ложная идеализація ребенка имѣла однако свою обратную сторону,—она послужила источникомъ *сентиментальности* въ педагогикѣ и такимъ образомъ породила новую искусственность, *аффектацію* чувства, въ замѣнъ разсудочной искусственности, прежде господствовавшей. Другое ложное начало заключалось въ неправильномъ и натянутомъ противоположеніи природы и *естественнаго* развитія—*цивилизаци*и и *искусственному воспитанію*, въ установленіи враждебнаго антагонизма между природою и цивилизаціей, тогда какъ слѣдовало бы выставить цивилизацію въ ея истинномъ смыслѣ, какъ плодъ и результатъ естественнаго развитія человѣческой природы, и враждовать только съ пороками и предразсудками современнаго общества.

Къ какииъ ложнымъ практическимъ заключеніямъ привели эти ложныя начала въ области педагогикѣ—здѣсь не мѣсто разсматривать. Педагогическія теоріи Руссо привлекаютъ здѣсь на-

ше вниманіе, насколько онѣ представляютъ аналогію съ его общественными теоріями и освѣщаютъ ихъ. То же самое искусственное противоположеніе цивилизаціи природѣ, побудившее Руссо видѣть въ ребенкѣ *не испорченное* лжемудростью существо, заставило его идеализировать и такой общественный бытъ, который можно было съ большимъ или меньшимъ основаніемъ отождествить съ естественнымъ состояніемъ и выставить какъ отрицаніе цивилизаціи. Такое образцовое состояніе Руссо отыскалъ въ бытѣ дикарей. И въ этомъ вопросѣ, также какъ въ области педагогій, правда и ложь, софизмъ и нравственная проповѣдь были тѣсно связаны у Руссо и сплетены другъ съ другомъ. Относился съ особеннымъ интересомъ къ *дикарямъ*, Руссо плылъ по теченію вѣка и потворствовалъ наклонностямъ тогдашняго общества, для котораго подъ влияніемъ современныхъ путешествій и такихъ популярныхъ сочиненій, какъ «Естественная исторія» Бюффона, вопросъ о бытѣ и нравахъ дикарей сдѣлался моднымъ вопросомъ.

Съ своей стороны Руссо болѣе чѣмъ кто-либо другой содѣйствовалъ существенной пережвѣтѣ, происшедшей въ XVIII вѣкѣ въ отношеніяхъ европейцевъ къ дикарямъ. Когда европейцы въ *вѣкъ открытій* встрѣтились съ дикарями Америки и Африки, они, преимущественно подъ влияніемъ католическаго фанатизма, видѣли въ нихъ только невѣрныхъ и относились къ нимъ какъ къ животнымъ. Филантропическій XVIII вѣкъ открылъ въ дикарѣ *человѣка*, но бѣда была въ томъ, что этотъ вѣкъ *просвѣтлениа* еще самъ не имѣлъ вѣрнаго понятія о *человѣкѣ*. Тамъ, гдѣ мы *наблюдаемъ*, люди XVIII вѣка *разсуждали*, и матеріалы, собранные путешественниками о бытѣ дикихъ народовъ, служили въ то время только поводомъ къ обличительной или нравственно-назидательной риторикѣ. Руссо справедливо упрекнули въ томъ *), что когда онъ говоритъ о дикаряхъ, читатель недоумѣваетъ, какихъ дикарей онъ имѣетъ въ виду — негровъ ли Африки, или краснокожихъ Сѣверной Америки, или баснословныхъ троглодитовъ: для Руссо дикарь вообще—*le sauvage*—есть отвлеченная категорія, общее понятіе, которому не соотвѣтствуетъ ничего реальнаго. Какъ мало было у Руссо въ этомъ вопросѣ настоящаго знакомства съ предметомъ и научнаго отношенія къ нему, яснѣе всего обнаруживается изъ того, что онъ орангъ-утанговъ причислялъ къ дикарямъ. Руссо отвергаетъ рѣшительно всякое род-

*) Morley: „Rousseau“, I, p. 178.

ство между обезьяной и человѣкомъ на томъ основаніи, что обезьяны не могутъ говорить, особенно же потому, что «эта порода несомнѣнно лишена способности усовершенствоваться»; и между тѣмъ онъ вступаетъ въ полемику съ путешественниками, которые отказываются признать орангъ-утанговъ за людей. Руссо упрекаетъ ихъ въ недостатокъ наблюдательности, въ предразсудкахъ и слишкомъ поспѣшныхъ сужденіяхъ, и самъ высказываетъ предположеніе, что орангъ-утанги—дикіе люди, порода которыхъ, искони разбѣянная по лѣсамъ, не имѣла случая развить ни одной изъ своихъ способностей,—однимъ словомъ, что орангъ-утангъ—настоящій *первобытный человѣкъ*, еще не вышедшій изъ того *состоянія природы*, которое Руссо принималъ за исходную точку своей борьбы противъ цивилизаціи *).

Симпатіи Руссо колеблются между этимъ первобытнымъ состояніемъ, когда люди живутъ въ рознь, не имѣя семьи, не зная пороковъ и несчастій, потому что ощущаютъ только самыя простыя физическія потребности,—и между бытомъ дикарей, которые «уже далеко удалились отъ перваго состоянія природы», однако «занимаютъ золотую средину между апатіей первобытнаго состоянія и пылкой энергіей нашего эгоизма» **). Вслѣдствіе этого Руссо, несмотря на идиллическое восхваленіе естественнаго состоянія, восхищается и слѣдующимъ за нимъ *дикимъ* состояніемъ, называя этотъ періодъ развитія человѣчества самымъ счастливымъ и продолжительнымъ—*настоящей молодостью міра*. Описывая печальную исторію развращенія человѣчества посредствомъ прогресса цивилизаціи, Руссо постоянно съ грустью оглядывается назадъ, на бытъ дикарей; въ его изображеніяхъ этого быта рельефнѣе всего выступаютъ двѣ черты, которыми онъ надѣляетъ бытъ дикихъ народовъ — счастье и нравственное превосходство передъ культурнымъ человѣкомъ. Руссо спрашиваетъ: «слыхалъ ли кто, чтобы дикарь на свободѣ вздумалъ жаловаться на жизнь и искалъ смерти черезъ самоубійство? Это и не можетъ быть иначе, ибо дикарь желаетъ только того, что ему извѣстно; а такъ какъ онъ знаетъ только такіе предметы, которыми онъ уже обладаетъ или которые легко можетъ приобрести, то ничто не можетъ сравниться съ спокойствіемъ его души и съ ограниченностью его

*) Эта полемика Руссо по поводу орангъ-утанговъ занимаетъ нѣсколько страницъ въ его *примѣчаніяхъ* къ «Разсужденію о неравенствѣ».—Oeuv. VIII р. 209—213.

**) Oeuv. VIII, р. 129—130.

разума». Руссо возстаетъ противъ смѣшнаго заблужденія, будто дикари подъ вліяніемъ своихъ страстей постоянно истребляютъ другъ друга; онъ опровергаетъ это указаніемъ на карайбовъ, тотъ народъ, который наименѣе удаленъ отъ состоянія природы и именно поэтому особенно миролюбивъ въ любовной страсти и наименѣе подверженъ ревности, хотя и живетъ въ жгучемъ климатѣ *).

Съ другой стороны дикарь *лучше* культурнаго человѣка: чувство состраданія въ немъ не ясно, но живо, въ цивилизованномъ же человѣкѣ оно развито, но слабо. Подъ окномъ философа можно безнаказанно зарѣзать ближняго; заткнувъ уши и придумавъ нѣсколько поводовъ для своего оправданія, онъ легко можетъ заглушить въ себѣ голосъ природы. Дикарь же не обладаетъ этимъ удивительнымъ талантомъ и вслѣдствіе отсутствія мудрости и разума онъ всегда безъ оглядки предается первому чувству человѣчности.

Въ томъ, что Руссо говоритъ о довольствѣ дикарей своимъ бытомъ и объ ихъ кротости, есть извѣстная доля правды; но эта правда далека отъ реального психологическаго изображенія ихъ, которое составляетъ задачу современныхъ этнографовъ и антропологовъ. Руссо и не ищетъ этой правды,—его цѣль въ томъ, чтобъ установить какъ можно болѣе рѣзкій контрастъ между преимуществами дикаго состоянія и культурнаго быта. «Сравните,—говоритъ онъ,—безъ предразсудковъ эти два состоянія и изслѣдуйте, если можете, сколько новыхъ путей къ болѣзнямъ и къ смерти открылъ культурный человѣкъ помимо его злобы, его потребностей, его бѣдствій...» И за этимъ слѣдуетъ страстное, ѣдкое, безъ передышки излитое на цѣлой страницѣ перечисленіе всѣхъ золъ современной культуры, и все для того, чтобы доказать, какъ дорого природа заставляетъ насъ платить за пренебреженіе, съ которымъ мы относимся къ ея урокамъ **).

Къ подобнымъ сравненіямъ давно уже прибѣгали для нравственныхъ или сатирическихъ цѣлей, и Руссо имѣлъ въ этомъ отношеніи много предшественниковъ. Напрасно однако его сопоставляютъ съ Тацитомъ и утверждаютъ, наприм. Морлей, будто «Руссо писалъ о дикомъ состояніи почти въ такомъ настроеніи духа, въ какомъ Тацитъ писалъ о Германіи». Еслибы это было такъ, Германія Тацита не могла бы служить современной

*) Ibid., p. 92, 221, 116.

**) Ibid., p. 199.

наугѣ основаніемъ для всѣхъ политическихъ, юридическихъ и экономическихъ изслѣдованій о бытѣ древнихъ германцевъ. Естественнѣе было въ этомъ случаѣ сопоставить Руссо съ Вольтеромъ и привести въ параллель романъ послѣдняго—«L'Ingénu». Здѣсь появленіе простодушнаго и честнаго дикаря среди тогдашняго французскаго общества служить превосходною точкой отправления для безопадной критики религіознаго фанатизма и иезуитскаго ханжества, произвола и продажности администраціи и вообще пороковъ и предразсудковъ такъ-называемаго цивилизованнаго общества. И какъ Вольтеръ съумѣлъ воспользоваться этою темой, какъ искусно онъ заставляетъ читателя смѣяться и негодовать, какъ сильно бьетъ каждый ударъ его сатиры!... Какъ слаба—сравнительно съ этимъ живымъ контрастомъ между наивнымъ и благороднымъ Гурономъ и развращенными священниками и чиновниками — риторическая тирада Руссо: «Что за зрѣлище представляетъ для Караиба трудная и завидуемая дѣятельность европейскаго министра! Сколько жестокихъ смертей не предпочелъ бы этотъ апатичный дикарь такой ужасной жизни, которая часто даже не вознаграждается удовольствіемъ дѣлать добро!»

Преимущество, которое вѣроятно многіе читатели въ данномъ случаѣ готовы будутъ отдать Вольтеру передъ Руссо, обусловливается не столько различіемъ между сатирическимъ и риторическимъ отношеніемъ къ предмету, сколько основною точкой зрѣнія обоихъ на цивилизацію. Первый есть истый сынъ культуры своего вѣка; онъ страстно любитъ ее и желаетъ путемъ сатиры исправить ея недостатки; Руссо дышетъ чувствомъ пресыщенія цивилизаціей; въ немъ говорить *тоска* по тому полудикому состоянію, изъ котораго человѣкъ выбрался путемъ столькихъ трудовъ и страданій; въ немъ пробудились грѣзы о человѣческомъ младенцествѣ, воспоминанія о порѣ, когда жизнь человѣка была слита съ жизнью природы и онъ еще не поднялся надъ нею посредствомъ самосознанія. Его задушевную мысль отличо характеризуетъ *фронτισмисъ* къ XIII тому въ изданіи 1790 года: онъ изображаетъ *европейца* въ костюмѣ XVIII вѣка—въ высокой мягкой шляпѣ съ перомъ, въ богатомъ кафтанѣ, въ широкихъ панталонахъ, складками подобранныхъ надъ колѣнами, чулкахъ и башманахъ; онъ держитъ въ рукѣ высокую трость, а другую дѣлаетъ знакъ изумленія; передъ нимъ же стоитъ обнаженный человѣкъ въ свободной и изящной позѣ опернаго актера; середина его тѣла драпирована какой-то звѣриной шкурой, а

сбоку висить мечъ; на землѣ передъ нимъ лежитъ какой-то узелъ, на который онъ показываетъ рукой, тогда какъ другая изображаетъ прекрасный ораторскій жестъ: это готтентотъ, исторію котораго Руссо рассказалъ въ своемъ *разсужденіи*, заимствовавъ ее изъ «Собранія путешествій». Ванъ-дербъ-Стель, губернаторъ Капа, взялъ этого готтентота ребенкомъ къ себѣ и воспиталъ его европейски: «его научили нѣсколькимъ языкамъ и успѣхи его вполне соответствовали заботамъ о его воспитаніи». Когда онъ выросъ и сталъ обнаруживать большой умъ, его отправили на службу въ Восточную Индію. Возвратившись на Мысъ Доброй Надежды, онъ посѣтилъ своихъ родственниковъ и тамъ рѣшился отказаться отъ своего европейскаго *наряда* и одѣться въ овечью шкуру. Въ такомъ видѣ онъ явился къ своему воспитателю и въ патетической рѣчи отрекся отъ христіанской религіи и «всего этого наряда», прося какъ милости оставить ему ожерелье и мечъ, которыя онъ сохранить изъ любви къ нему. «Не дождавшись отвѣта, онъ укрылся бѣгствомъ».

Подобныя рассказы о цивилизованныхъ дикаряхъ, которые испытывали тоску по состоянію своихъ отцовъ и возвращались къ нему, занимали воображеніе Руссо; онъ помѣстилъ у себя даже исторію ребенка, вскормленнаго волками, найденнаго въ 1344 году въ лѣсу, жившаго потомъ при дворѣ гессенскаго принца и говорившаго, что еслибъ это зависѣло отъ него, онъ охотно возвратился бы къ волкамъ, предпочитая жить съ ними, чѣмъ среди людей *)).

Сѣмена, посеянные Руссо, пали на воспримчивую почву. Съ него началось паломничество къ дикарямъ и потянулись къ нимъ путешественники-филантропы, какъ Форстеръ и Шамиссо, прѣдшествовавшіе въ дикомъ челоуѣкѣ своего *лучшаго* брата, и путешественники въ родѣ Уатертонна и Мѣстерса, которые шли къ дикимъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться дикарями. Онъ же далъ толчокъ литературному движенію, обличавшему цивилизованную Европу устами добродѣтельныхъ гуроновъ и канадійцевъ, отъ имени которыхъ честный и испытанный горечью своей жизни Зейме заявлялъ европейцамъ: «Мы, дикіе — лучшіе люди, чѣмъ вы». Такия фантазіи, то поэтически-трогательныя, то забавныя, были главнымъ плодомъ сентиментальной риторики Руссо и совершенно заглушили заключающееся въ ней зерно глубокаго здраваго смысла,

*) Ibid., p. 183.

которое при другомъ направленіи могло бы дать здоровые плоды. Такимъ зерномъ мы признаемъ истину, что должно существовать соотвѣтствіе между умственнымъ развитіемъ и психическимъ состояніемъ человѣка, обусловленнымъ культурой его среды. Какъ мѣтко выразилъ эту мысль Руссо, восклицая: «Что можетъ быть печальнѣе положенія дикаря, ослѣвленного просвѣщеніемъ, измученнаго страстями и разсуждающаго о состояніи столь несходномъ съ его бытомъ» *). Но Руссо не остановился на этой практической истинѣ и довелъ столь вѣрно подмѣченный имъ антагонизмъ между дикимъ состояніемъ и цивилизаціей до фантастическаго софизма о превосходствѣ дикаря надъ культурнымъ человѣкомъ.

Мечтанія Руссо о преимуществѣ дикарей и дикаго состоянія не могли не отразиться на его сужденіяхъ о народахъ вообще и на его представленіяхъ о *народѣ*. И среди культурныхъ народовъ онъ сталъ явно отдавать преимущество тѣмъ, которые были наименѣ цивилизованы или, какъ онъ выражался, стояли ближе къ природѣ. «Народы, — говоритъ Руссо въ «Эмилѣ», — наименѣ цивилизованные вообще бывають самыми мудрыми» **).

Отсюда оставался одинъ только шагъ до распространенія такого взгляда на различныя составныя части одного и того же народа и до примѣненія къ нимъ той же мѣрки. Среди самаго цивилизованнаго народа можно было встрѣтить массу людей, «поставленныхъ природой на одинаковомъ разстояніи отъ тупости животнаго и отъ пагубнаго просвѣщенія цивилизованнаго человѣка, — людей, сохранившихъ среди развращенной культуры первобытную простоту и чистоту». Руссо смѣло сдѣлалъ этотъ шагъ: замѣчая, что всѣ народы выигрываютъ при наблюденіи по мѣрѣ ихъ удаленія отъ центра или отъ столицы, онъ продолжаетъ: «чѣмъ болѣе они приближаются къ природѣ, тѣмъ болѣе добрыя свойства преобладають въ нихъ, и только, забываясь въ города и измѣняясь подъ вліяніемъ культуры, они развращаются и мѣняють нѣкоторые недостатки болѣе грубые, чѣмъ вредные, на пріятные, на пагубные пороки ***).

Въ этомъ мѣстѣ софизмъ, къ которому склоненъ Руссо, скрадывается вслѣдствіе того, что преимущество отданное природной дикости предъ культурой совпадаетъ съ контрастомъ между жителями деревень и городовъ, среди которыхъ при большей куль-

*) Ibid., p. 92.

**) „Emile“, p. 244.

***) Ibid., p. 262.

турѣ встрѣчается часто и большая развращенность. Но въ другихъ мѣстахъ софизмъ, что просвѣщеніе есть зло, что невѣжество есть оплотъ добродѣтели, примѣняется безразлично къ народной массѣ въ деревняхъ и городахъ и сельская идиллія уступаетъ мѣсто идеализаціи черни. Нѣтъ добродѣтели, нѣтъ преимущества, которыя бы Руссо не приписывалъ *народу* въ противоположность буржуазіи или свѣтскому обществу. Господствовавшія въ его время моды въ Парижѣ даютъ ему поводъ восхвалять цѣломудренность парижской черни: «стыдливость и скромность глубоко вкоренены въ понятіяхъ народа и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, грубость (*la brutalité*) народа честиѣе, чѣмъ приличіе свѣтскихъ людей» *).

Чернь, по мнѣнію Руссо, сострадательнѣе *интеллигенціи* **). Въ томъ мѣстѣ своего *разсужденія* о неравенствѣ, гдѣ Руссо доказываетъ преизбытокъ гуманности у дикаря передъ философомъ, онъ продолжаетъ: «во время мятежа, уличной свалки, сбѣгается толпа, благоразумный человѣкъ удаляется; чернь же и уличные торговки (*c'est la canaille, ce sont les femmes des halles*) разнимаютъ дерущихся и мѣшаютъ порядочнымъ людямъ избивать другъ друга».

Для Руссо не подлежитъ сомнѣнію, что погонщикъ муловъ въ любви «ближе къ счастью, чѣмъ миллионеръ»; но это не мѣшаетъ ему признать, что нѣтъ никакого различія въ чувствахъ между

*) Рѣчь идетъ объ оскорбленіяхъ, которымъ подвергались на улицѣ дамы одѣтыя по тогдашней модѣ. „Новая Элоиза“, ч. II, письмо 17.

***) Жизнь и собственныя признанія Руссо представляютъ интересный комментарий къ этому положенію его. Ему однажды было поручено г-жей Варенсъ сопровождать въ Лионѣ своего наставника въ музыкѣ и друга, Ле-Метра, „и остаться при немъ, пока онъ будетъ нуждаться въ его помощи“. Тамъ съ музыкантомъ случился эпилептический припадокъ среди улицы, недалеко отъ ихъ гостиницы. Руссо началъ кричать, звать на помощь, назвалъ его гостиницу и умолялъ, чтобъ его отвезли туда; потомъ, пока толпа хлопотала около больного, потерявшаго сознание, Руссо воспользовался мгновеніемъ, когда никто не обращалъ на него вниманія, завернулъ за уголъ улицы и скрылся изъ Лиона. „Такимъ образомъ,—прибавляетъ онъ,—Ле-Метръ былъ покинутъ единственнымъ другомъ, на котораго онъ долженъ былъ бы рассчитывать“ (*Confess.*, p. I, l. 3, въ концѣ). Отсюда видно, какъ справедливо замѣчаетъ его біографъ, Морлей, что можно обладать большою чуткостью къ звону колоколовъ, къ пѣнію птицъ, къ красотѣ прелестныхъ садовъ—и въ то же время быть способнымъ безъ всякаго чутія совѣсти покинуть друга, лишившагося чувствъ на улицѣ въ чужомъ городѣ (*Mortley*, I. 56). Но отсюда видно также, сколько ханжества и декламаци было въ выходкахъ Руссо противъ философовъ и просвѣщенія, которое убиваетъ, будто бы, въ человѣкѣ хорошіе инстинкты. Его дурной поступокъ съ Ле-Метромъ, въ которомъ онъ потомъ такъ казаяся, конечно, не былъ обусловленъ избыткомъ просвѣщенія.

людьми различныхъ состояній. «Человѣкъ, —говоритъ онъ, — тотъ же во всѣхъ состояніяхъ; а если это такъ, то состоянія наиболѣе многочисленныя заслуживаютъ наиболѣе уваженія. Въ глазахъ мыслящаго человѣка всѣ гражданскія различія исчезаютъ; онъ видитъ тѣ же страсти, тѣ же чувства въ холонѣ (*goujat*) и въ какомъ-нибудь знаменитомъ человѣкѣ, и онъ отмѣчаетъ между ними только различіе въ способѣ выраженія, въ болѣе или менѣе тщательной отдѣлкѣ его; если даже они отличаются другъ отъ друга какимъ-нибудь существеннымъ различіемъ, то оно служитъ къ ущербу того, въ комъ меньше искренности. Народъ показываетъ себя тѣмъ, что онъ есть, и не представляется привлекательнымъ (*n'est pas aimable*); что же касается до свѣтскихъ людей, то они, конечно, принуждены маскироваться: еслибъ они являлись тѣмъ, чѣмъ они въ дѣйствительности, они внушали бы отвращеніе» *).

Обращаясь къ образованнымъ классамъ, Руссо заявляетъ, что *народъ*, говоря на другомъ языкѣ, обладаетъ «такимъ же умомъ и большимъ здравымъ смысломъ, чѣмъ они»; а къ этому преимуществу онъ присоединяетъ еще другое — превосходство въ политическомъ смыслѣ и честности и въ чувствѣ справедливости сравнительно съ правящимъ классомъ.

«Несправедливость и обманъ, —говоритъ Руссо, — часто находятъ себѣ покровителей, но они никогда не встрѣчаютъ сочувствія въ обществѣ; въ этомъ именно отношеніи голосъ народа есть гласъ Божій. Къ сожалѣнію, однако, этотъ священный голосъ всегда заглушается въ общественныхъ дѣлахъ возгласами властителей и жалоба угнетенной невинности изливается тихимъ ропотомъ, которымъ пренебрегаетъ тираннія. Все, что происходитъ посредствомъ интриги и подкупа, совершается преимущественно въ интересѣ тѣхъ, кто заправляетъ обществомъ, и это не могло бы быть иначе. Хитрость, предразсудки, корысть, надежда, тщеславіе, благовидные предлоги, наружный видъ порядка и дисциплины — все это служить средствомъ для ловкихъ людей, облеченныхъ властью и опытныхъ въ искусствѣ обманывать народъ» **).

Поэтому для Руссо не существуетъ незаконнаго или несправедливаго возмущенія, — народъ ни въ чемъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть виноватъ. «Никогда, —говоритъ онъ, — народъ не возставалъ противъ законовъ, если правители сами не начинали нарушать ихъ въ чемъ-нибудь» ***).

*) „Emile“, I. IV, p. 15.

***) „Lettres d. l. Montagne“, p. II, l. 8, p. 514.

***) Ibid., p. 500.

Такия замѣчанія не пропали даромъ. Догма *непогрѣшимости* народной, породившая цѣлый рой страстныхъ проповѣдниковъ, принесла кровавые плоды во время французской революціи и послужила затѣмъ многимъ историкамъ исходною точкой для фантастическаго освѣщенія этого событія. При этомъ никого изъ поклонниковъ Руссо не приводили въ смущеніе инныя, чрезвычайно реалистическія, замѣчанія о народѣ, разсѣяныя по его сочиненіямъ и рѣзко противорѣчація догмѣ о непогрѣшимости. «Завѣдываніе властью въ международныхъ отношеніяхъ, — говоритъ Руссо, — (*l'exercice extérior de la puissance*) не можетъ быть предоставлено народу; великіе государственные принципы ему недоступны (*ne sont pas à sa portée*); онъ долженъ въ этомъ отношеніи положиться на своихъ правителей, всегда болѣе просвѣщенныхъ, чѣмъ онъ въ этомъ случаѣ, и не имѣющихъ никакого интереса заключать договоры невыгодные для своего отечества» *).

Еще болѣе обобщена эта мысль въ другомъ мѣстѣ: «Народъ самъ по себѣ всегда хочетъ добра, но самъ по себѣ не всегда его видитъ. Общая воля всегда права, но сужденіе, которымъ она руководится, не всегда разумно. Нужно показывать ему вещи въ ихъ настоящемъ видѣ, иногда же представлять ихъ такъ, какъ они *должны ему казаться*, указывать ему правильный путь, который онъ ищетъ, обезпечить его отъ искушеній со стороны частныхъ интересовъ, уравновѣшивать приманку предстоящихъ и ощутительныхъ выгодъ указаніемъ на опасность отдаленныхъ и скрытыхъ бѣдствій» и т. д.**). Руссо выводитъ отсюда необходимость *законодателя*, котораго онъ облачаетъ высшимъ политическимъ и *религиознымъ* авторитетомъ. Немного далѣе онъ говоритъ въ подтвержденіе той же мысли: «Мудрые люди, которые стали бы говорить съ народомъ на своемъ языкѣ, а не его языкомъ, не были бы имъ поняты. Существуетъ тысяча понятій, которыя невозможно передать на языкѣ народа. Слишкомъ общія соображенія и слишкомъ отдаленныя цѣли ему одинаково непонятны; каждое отдѣльное лицо, сочувствуя только тому государственному строю, который имѣетъ отношеніе къ его личному интересу, съ трудомъ постигаетъ выгоды, которыя онъ могъ бы извлечь изъ постоянныхъ лишеній, налагаемыхъ полезными законами».

Такъ же легко отъазывается Руссо отъ своего положенія, что *народъ* превосходитъ высшіе классы нравственнымъ чутьемъ от-

*) Ibid., p. 489.

**) С. s., I. II, ch. 6.

носителю моды и обычаевъ: «Народъ всегда обезьяничаютъ и подражаютъ богатымъ, отправляется въ театръ не столько для того, чтобы насмѣхаться надъ ихъ глупостями, но чтобы изучать ихъ и сдѣлаться еще глупѣе ихъ (*plus fou*), подражая имъ» *).

Наконецъ, въ своемъ трактатѣ о воспитаніи, Руссо высказываетъ великую мысль, но мало идущую къ его проповѣди о народномъ инстинктѣ, что «только тотъ можетъ руководить народомъ, кто не похожъ на него», т.-е. стоитъ выше его по развитію и образованію **).

Но всѣ подобныя трезвыя наблюденія и практическіе совѣты были бессильны остановить потокъ политическихъ страстей и демократическихъ увлеченій, источникомъ котораго были сочиненія самого же Руссо. Подобно тому, какъ историческій методъ, которымъ Руссо слѣдовалъ въ нѣкоторыхъ главахъ «Общественнаго договора», и подраженіе Монтескье нисколько не ослабили слѣпой вѣры въ догматъ о народовластіи, выведенный изъ этого договора, такъ и приведенныя нами противорѣчія не разсѣяли фантастическаго призрака о безпорочномъ, непогрѣшимомъ народѣ, — призрака, въ которомъ слились всѣ мечтанія Руссо о природѣ, о преимуществѣ инстинкта предъ разумомъ и образованіемъ, о развращенности культуры, объ идиллическомъ блаженствѣ дикарей и о нравственномъ и политическомъ превосходствѣ простаго народа надъ образованными и высшими классами. Это предпочтеніе, которое въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ имѣло случайный смыслъ, было возведено въ общую, универсальную теорію, повлияло на политическія и социальныя идеи современниковъ Руссо и сдѣлалось исходнымъ началомъ новаго политическаго ученія о *народѣ*. Благодаря идеализаціи массы, живущей инстинктомъ и неиспорченной цивилизаціей, блѣдное рационалистическое представленіе о народѣ-государѣ получило конкретный образъ, облеклось въ плоть и кровь: ученіе о народѣ, возникшемъ въ силу взаимнаго договора изъ естественнаго состоянія и представлявшемъ собой источникъ государственной власти, могло въ своей теоретичности оказать вліяніе только на отвлеченное мышленіе; поклоненіе же инстинкту, обоготвореніе массы дало ему жизнь, сдѣлало его способнымъ глубоко возбуждать чувства и страсти. Посредствомъ незамѣтнаго логическаго скачка и простой тавтоло-

*) „Nouv. Hél.“, part. II, l. 17, p. 289.

**) „L'on ne mène point le peuple, quand on lui ressemble“. — „Emile“, l. III, p. 566.

ти, рационалистическое представление о народѣ-государѣ отождествилось съ представленіемъ о народной массѣ и послѣдней были приписаны всѣ атрибуты власти, которыми «Общественный договоръ» такъ щедро надѣлялъ *отвлеченный народъ*. Переходъ отъ одного понятія къ другому казался тѣмъ естественнѣе, что рационалистическій методъ приучилъ примѣнять къ политическимъ понятіямъ арифметическіе приемы и смотрѣть на народъ какъ на *сумму* гражданъ. Что за бѣда, если изъ этой *суммы* выкинуто нѣсколько пустыхъ единицъ, мѣшавшихъ общей гармоніи. Переходъ этотъ былъ указанъ самимъ Руссо: «Народъ, — восклицаетъ онъ, — составляетъ человечество (*c'est le peuple qui fait le genre humain*); то, что не входитъ въ составъ народа, такъ ничтожно, что не стоитъ труда его считать» *). Руссо же первый произнесъ роковое слово, которое сдѣлалось манифестомъ революціоннаго движенія въ 1789 года, начертилъ программу, обнародованіемъ которой прославился аббатъ Сіесъ: «То, что въ извѣстной странѣ осмѣливаются называть третьимъ сословіемъ (*tiers-état*), это-то и есть *народъ*. Такимъ образомъ, частный интересъ двухъ сословій поставленъ на первомъ и на второмъ планѣ; общественный же интересъ поставленъ только на третьемъ мѣстѣ» **).

Но Руссо пошелъ еще далѣе: онъ еще болѣе сгузилъ понятіе о народѣ и внесъ въ него еще другаго рода рознь, — на ряду съ программой политическаго переворота, мы находимъ у него указаніе на социальный антагонизмъ среди «третьяго сословія», между буржуазіей и сельскимъ населеніемъ: «Деревня, — говоритъ онъ, — составляетъ страну и крестьяне (*le peuple de la campagne*) представляютъ собой націю» ***).

Къ этому отождествленію націи съ сельскимъ населеніемъ присоединился еще другой моментъ. Посредствомъ другаго логическаго скачка состояніе природы, предшествовавшее предполагаемому общественному договору, стало отождествляться съ *ближкимъ къ природѣ* состояніемъ того слоя народа, котораго наименѣе коснулась цивилизація. Отсюда явилась возможность примѣ-

*) „Emile“, I. IV, p. 15. Съ еще болѣе злобною презрительностью выражаетъ Руссо эту мысль въ другомъ мѣстѣ: „Il y a comme cela une poignée qui ne comptent qu'eux dans tous l'univers et ne valent guère la peine qu'on les comptes si ce n'est pour le mal qu'il font. „Nouv. Hél.“ part II, I. 17.

***) С. в., I. III, ch. 15.

***) „Emile“, p. 261.

нить къ понятію о народѣ теорію, придуманную для человѣческаго рода и положенную у Руссо въ основаніе исторіи человѣчества. Сообразно съ тѣмъ, какъ исторія цивилизаціи представлялась имъ въ видѣ постепеннаго паденія человѣчества и уклоненія отъ нормальнаго состоянія, такъ и исторія культуры въ предѣлахъ каждаго народа должна была казаться ненормальнымъ процессомъ, удаленіемъ отъ первоначальнаго совершенства.

Такия теоретическія соображенія легко могли перейти на почву практическихъ требованій и послѣдствія этого должны были имѣть громадное значеніе: если размышленіе и основанное на развитіи разума образованіе были путемъ, по которому совершалось извращеніе первоначальнаго человѣка, то тѣ слои народа, которые менѣе поддались образованію и умственному развитію, должны были имѣть, съ этой точки зрѣнія, преимущество передъ образованными классами, т.-е. передъ тѣми, которые оторвались отъ общаго основанія. Чѣмъ сильнѣе билъ въ какомъ-нибудь слоѣ народа не замутившійся отъ образованія источникъ природы, тѣмъ этотъ слой долженъ былъ казаться нравственно совершеннѣе. Отсюда вытекало, что мѣриломъ политическаго вліянія и власти слѣдовало считать принадлежность къ этому слою; что народомъ въ собственномъ смыслѣ слѣдовало признавать только тотъ густой слой, который не почать цивилизаціей, и политическое преобладаніе должно принадлежать массѣ не въ силу только раціоналистическаго аргумента, что большинство есть выраженіе общей воли, но въ силу ея нравственнаго преимущества.

Окончательные выводы, вытекающіе изъ культа непочатаго, неиспорченнаго цивилизаціей народа, въ его примѣненіи къ теоріи народовластія, были сдѣланы уже послѣдователями Руссо и получили обширное развитіе въ эпоху революціи. Самъ же Руссо надѣлилъ понятіе о народѣ еще новою чертой, придавшей этому могучему слову совершенно особый смыслъ и новое значеніе. Этому новому оттѣнку понятія о *народѣ*, установившемуся во французскомъ обществѣ преимущественно подъ вліяніемъ Руссо, было суждено играть въ будущемъ еще болѣе видную роль, чѣмъ идеализаціи некультурной массы, сохранившей свой прирожденный нравственный инстинктъ, и отождествленію этой массы съ *народомъ*.

В. Герье.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Въ горахъ и степяхъ Башкиріи.

(изъ путевыхъ впечатлѣній и разсказовъ).

II *).

«Сибирскія слободы».

По дорогѣ.

На тысячи верстъ раскинулась Башкирія **). Съ сѣвера окаймляетъ ее могущественная Кама; на югѣ солончаки и безлюдныя пустыни ея простираются до Каспійскаго моря; съ запада катить къ ней свои воды великая русская рѣка Волга, а на востокъ раскрываетъ передъ нею широкія объятія «богатая» Сибирь, первая рѣка которой, Тоболъ, протекаетъ по плодороднымъ долинамъ Башкиріи и служитъ послѣдней естественною границей. Какими только дарами не наградила природа эту, еще не такъ давно счастливую и благословенную, страну: обширныя и тучныя пастбища; какъ море, безъ конца, волнующіяся ковыльи степи; дремучіе лѣса, изъ края въ край переполненные разными породами звѣрей и птицъ; красавицы рѣки, цѣлебные источники и озера и свѣтлые, какъ утро мая, нагорные потоки, съ шумомъ низвергающіеся съ живописныхъ высотъ, дерзко пробивающіе себѣ путь сквозь каменныя скалы и съ молодымъ, какимъ-то веселымъ буйствомъ мчащіеся черезъ захватывающія отъ страха духъ пропасти, пока не приметь ихъ подъ свой материнскій по-

*) *Русская Мысль*, кн. II.

**) До раздѣленія Оренбургской губерніи и образованія Самарской, площадь первой равнялась 6.773 квадратнымъ милямъ (по отчету гражданскаго губернатора—6.897); длина губерніи простиралась на двѣ тысячи, а наибольшая ширина—около тысячи верстъ. Но къ Башкиріи, вслѣдъ за присоединеніемъ ея къ Россіи, принадлежали также нѣкоторые уѣзды губерній Пермской и Вятской.

Аст.

кровь рѣка и не угомонить, ласкаючи, на своей груди рѣзвыхъ шалуновъ. А по срединѣ этой роскошной страны, съ сѣвера на югъ, вскинулся и глядитъ, блестя гребнями горъ, вѣчно юный, но глубоко задумчивый богатырь Уралъ, съ своими хребтами и безчисленными отрогами... Здѣсь—царство минераловъ, царство золота, серебра и другихъ металловъ... Вотъ онъ—край сказочныхъ чудесъ и очарованій, волшебный край!...

Недаромъ еще со временъ царя Грознаго манило въ этотъ край русскихъ людей... Едва Башкирія вступила («добровольно», конечно) въ подданство московскаго государя и затѣмъ быстро, одинъ за другимъ, стали возникать на башкирскихъ земляхъ русскіе города,—явились ужь и переселенцы—крестьяне изъ внутренней Россіи, а также изъ нынѣшнихъ губерній Пермской, Симбирской и Базанской*). За русскими потянулись инородцы: мордва, чуваша, мещеряки и др. Русскимъ переселенцамъ, которые въ актахъ называются вольными, гулящими людьми, отводились вблизи городовъ земли «ничьи», иначе—«дикія поля»: такъ первые наши хищники окрестили башкирскія земли, захватъ которыхъ начался съ момента вступленія въ Башкирію воеводы Нагого и московскихъ подъячихъ. Но «вольные» люди, хорошо знакомые съ нравами воеводъ еще по старинѣ, неохотно селились на дикихъ поляхъ и предпочитали искать земель гдѣ подальше, чтобы не мозолить глазъ воеводѣ или дьяку (разнь между «интеллигенціей» и народомъ, какъ видите, рѣздо обозначилась даже еще при Иванѣ Васильевичѣ). Большинство гулящихъ людей находили себѣ земли по ту сторону Урала, въ долинахъ и при берегахъ рѣкъ Мѣса, Уя и Тобола (въ нынѣшнемъ Челябинскомъ уѣздѣ), гдѣ и основались первыя свободныя въ Башкиріи русскія поселенія, долго называвшіяся сибирскими слободами; нѣкоторые брали землю у башкир въ различныхъ пунктахъ и съ платою ежегодно ничтожнаго ясаба. На правахъ припущенниковъ;

*) Башкирія принята царемъ Иваномъ IV въ русское подданство 1556 года, а первые города—Уфа, Бирсъ и Мензелинскъ—основаны въ 1574 г. Прибывшимъ съ воеводою Иваномъ Нагоимъ, основателемъ города Уфы, боярскимъ дѣламъ, подъячимъ, стрѣльцамъ и пушкарямъ были тогда же отведены земли въ окрестностяхъ самого города. Эта свобода обращенія съ землею, которую Грозный грамотою, выданною башкирамъ въ 1557 г. на право вѣчнаго владѣнія занимаемыми ими землями, обязывался за себя и за своихъ преемниковъ охранять отъ всякихъ захватовъ, вызвала уже въ 1574 году протестъ сперва противъ построенія на башкирскихъ земляхъ русскихъ городовъ, а спустя десять лѣтъ волненія и открытыя восстанія башкир, продолжавшіяся нѣсколькими десятилетиями.

т. е. ясачныхъ, селились у башкиръ и пришельцы инородцы. Свободная колонизація края шла мирнымъ путемъ: между вотчинниками и припущенниками, за рѣдкими исключениями, не возникало никакихъ неудовольствій или недоразумѣній. Но приемы хищническаго управленія странюю не прекращались, — наоборотъ, усиливались и безпрепятственно разрастались въ систему: «захваты» со стороны воеводъ, дьяковъ и всякаго званія служилыхъ людей практиковались съ неимовѣрною легкостью и въ такихъ размѣрахъ, что башкиры сперва только поглядывали да лишь покачивали своими острогонечными шапками, приговаривая про себя: «Ай-ай, никакъ урсакъ что-то затѣваетъ!» — потомъ, точно на нихъ что нашло, схватили вдругъ свои луки со стрѣлами, крикнули: «Айда!» — взвились на своихъ коняхъ и осадили Мензелинскъ... Но этотъ *первый* въ Башкиріи «бунтъ» скоро былъ усмиренъ и виновники казнены; тѣмъ не менѣе, однако, жалобы башкиръ дошли до Москвы: соборнымъ уложеніемъ 1649 года воспрещалось русскимъ людямъ покупать и нанимать у башкиръ на продолжительные сроки земли; воспрещены были и дальнѣйшія переселенія крестьянъ въ Башкирію изъ внутренней Россіи *).

Почти на сто лѣтъ задерживалось переселенческое движеніе **). Но причины, вызвавшія это явленіе среди народа, продолжали существовать, и колонизація съ изданіемъ новаго закона не остановилась. По-прежнему въ Башкирію стекались изъ Россіи крестьяне, начинавшіе чувствовать свое закрѣпощеніе, изъ Москвы и городовъ бѣжали люди отъ грознаго «слово и дѣло», отъ гоненій за «правую» вѣру, отъ лихоимства и всякихъ притѣсненій... Особенно сильный приливъ переселенцевъ начался со второй половины прошлаго столѣтія. Бѣглецы изъ крѣпостной Россіи, бѣглецы изъ пермскихъ заводовъ, бѣглецы изъ тысячныхъ партій крестьянъ, пріобрѣтенныхъ заводчиками у помѣщиковъ внутри Россіи и переправляемыхъ на заводы въ Башкирію — вотъ тѣ волны, которыя теперь нахлынули и разлились широко по всей странѣ. Одни изъ бѣглецовъ устроились у тѣхъ же башкиръ и впоследствии совершенно утратили свою народность, такъ что когда уфимскій статистическій комитетъ возымѣлъ похваль-

*) „Уложеніе царя Алексѣя Михайловича“, глава XVI, ст. 43. — *Акт.*

**) Указомъ 1736 года разрѣшено на башкирскихъ земляхъ возводить укрѣпленные городки, строить горные заводы, на которые дозволялось покупать и переселять крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, и т. п.

ное намѣреніе послужить дѣлу науки и съ этою цѣлью привести въ извѣстность цифру мѣстныхъ инородцевъ, то оказалось, что въ число «новыхъ» башкиръ и тептярей попались коренные русскіе... Другіе изъ бѣглецовъ скрылись въ густыхъ лѣсахъ Урала или перебрались въ Сибирь. Но большинство, какъ и въ самомъ началѣ колонизаціи, стремилось на Шаясъ, Уй и Тоболь, заселяя берега этихъ рѣкъ и многочисленныхъ озеръ, которыми усѣянъ весь Челябинскій уѣздъ и часть Троицкаго; обосновались здѣсь бѣглецы и зажили жизнью честныхъ и трудолюбивыхъ людей.

Несмотря на всѣ трудности и почти невѣроятныя лишенія, съ которыми приходилось имѣть дѣло русскимъ переселенцамъ, колонизація Башкирии шла непрерывно и продолжаетъ идти, постоянно увеличиваясь и все развиваясь *)... Не по годамъ, а по днямъ, какъ говорится, растутъ русскіе поселки, чуть не изъ тридцати уже губерній теперь въ Башкирии переселенцы и, нѣтъ сомнѣнія, скоро явятся и еще изъ многихъ другихъ; но мы пока оставимъ ихъ на время, пожелавъ отъ всего сердца имъ добра, хорошо устроиться на «новыхъ» мѣстахъ, зажить счастливо, — и заглянемъ теперь къ старымъ переселенцамъ, посмотримъ, какъ они поживаютъ...

— Въ «Сибирскія слободы!» Трогай, ямщикъ!... Съ Богомъ!...

Мы перевалили черезъ уральскій хребетъ Уренгу. Передъ нами, съ разныхъ сторонъ, столпились горные великаны и надъ ними всѣми царилъ величественный Таганай, съ его трехглавою вершиной, а впереди, у самыхъ почти ногъ, на разстояніи верстъ десяти, развернулся пріютившійся у подошвы горы, въ долинѣ, городъ Златоустъ: весь онъ съ своими храмами, знаменитыми чугунно-плавильнымъ и желѣзо-дѣлательнымъ заводами, оружейною фабрикою и домами, сверху казался намъ такимъ брохотнымъ, что могъ бы свободно уставиться въ передкѣ нашей плетенки (экипажа). Рѣка Ай, перерѣзывающая на двѣ половины этотъ новый городъ, извивалась едва замѣтнымъ узенькимъ ручейкомъ, а обширный заводскій прудъ представлялся глазу синимъ пятнышкомъ. Окрестные лѣса, чудныя вершины горъ, обрисовывающіяся до мельчайшихъ подробностей на свѣтло-синемъ небѣ, разноцвѣт-

*) За послѣднія сорокъ лѣтъ, т. е. съ 1841 и по 1881 годы, въ губерніяхъ Оренбургской и Уфимской возникло 778 новыхъ поселеній (*Русскій Курьеръ*).

нымъ ковромъ разстилающіяся долины, голубыя рѣки, задорно смѣющіеся потоки и звонкоголосые ручьи—все озарено мягкими лучами вѣшняго солнца, все словно нѣжится и, порою, такъ сладко вздыхаетъ. Милліоны голосовъ и звуковъ гремятъ въ благоухающихъ лѣсахъ, звенять гдѣ-то высоко вверху, серебромъ разсыпаются по ясному и чистому поднебесью; горный воздухъ напитанъ запахомъ сосны, черемухи и липы. Чѣмъ-то могучимъ на васъ пахнуло, давно невѣданныя силы и бодрость юности охватили всего, воскресли разбитыя и навсегда, казалось, погибшія надежды... Жажда молодой жизни проснулась, хочется безгранично опять вѣрить и любить, страстно и беззаветно любить!...

— Что, баринъ, хорошъ нашъ сторона?—вывелъ меня изъ созерцанія голосъ ямщика, молодого и стройнаго банкира-горца.

— Да, тутъ у васъ хорошо.

— Больно ужъ хорошо! Бѣда какъ хорошо!... А ты знаешь: это прежде все нашихъ батышковъ и дѣдушковъ было?

— Ну?!

— Я тебѣ говорю. Все,—ямщикъ повелъ вокругъ себя рукою, —урманъ (лѣсъ), и горы, и заводъ гдѣ стоитъ — наши дѣдушки владѣли.

— А теперь?...

— Давно растащилъ и рѣзалъ.

— Кто растащилъ?

— Межовой рѣзалъ, заводъ и купца тащилъ.

— Да, вѣдь, подь заводъ Мосолову сами же вы землю продали?

— Кто продавалъ? Дѣдушка продавали. А дѣдушка что продавали?... Дѣдушка ему продавали вотъ что,—парень отмѣрилъ самую ничтожную часть на мизинцѣ лѣвой руки,—а заводчикъ тащилъ себѣ вотъ что,—онъ поднялъ и вытянулъ во всю длину свою, чуть не въ цѣлую сажень, руку.—Законъ это будетъ по-вашему?—Ямщикъ опять и съ быстротою показалъ часть мизинца и одновременно исполинскую руку, какъ бы тѣмъ самымъ приглашая меня конкретно убѣдиться въ несоотвѣтствіи двухъ сопоставляемыхъ величинъ.—Законъ это, а? Скажи!

Я ничего не сказалъ. Что можно сказать противъ такой очевидности?

— Значить, башкурты не продавала Мосолову земля, — съ достоинствомъ заключилъ ямщикъ и гордо посмотрѣлъ на меня.— Онъ тащилъ у насъ земля, а мы не продавали ему...

Я видалъ не мало башкиръ. Степной башкиръ — настоящій асаби—хотя держитъ себя съ достоинствомъ, но въ немъ и слѣда нѣтъ той бьющей въ глаза гордости, какою исполненъ и насвѣзъ проникнуть горецъ. Видимо, окружающая природа упорно поддерживаеъ въ горныхъ башкирахъ духъ и свойства характера ихъ предковъ, наводившихъ страхъ и ужасъ на печенѣговъ и другихъ азіатскихъ народовъ отдаленнаго прошлаго *).

— А Мосолову, — продолжалъ немного спустя башкиръ, — чинъ давали, сказывали наши батышки, большой чинъ. Онъ тащилъ нашу земля, а ему чинъ давали... У васъ въ Россіи такъ всегда бываетъ?

Вмѣсто отвѣта я спросилъ его:

— Ты джигитъ?

— Джигитъ... Тарханъ я!... **) Нѣтъ, ты мнѣ сважи пожа-луста: у васъ такъ всегда бываетъ?

— Что?

— Чина дають?

Джигитъ засмѣялся, обнаруживъ до одного всѣ бѣлые и здоровые свои зубы.

— А на тебѣ, баринъ, чинъ какой?

— Никакого, — говорю. — Да чего же тогда дѣдушки-то ваши смотрѣли?

— Вотъ это ты хорошо сказалъ! — вспыхнулъ ямщикъ и повторилъ въ нѣсколько измѣненной формѣ мой вопросъ. — Да развѣ дѣдушка наши знали, что у нихъ рука и нога стануть тащить? Башкуртъ чужого самъ не возьметъ... Чай, другіе тоже будутъ люди?

— Ну, старики могли бы жаловаться...

— Жаловались!... Батышки съ дѣдушкамъ въ городъ гуляли, въ губерню гуляли, полковнику кланялись, генерала самого глядѣли...

— Что же, получили какое удовлетвореніе?

— Въ затылка имъ много клали, по зубамъ тоже и въ острогахъ больно долго сидѣли.

*) Современные антропологи, на основаніи физическихъ особенностей башкиръ, раздѣляютъ послѣднихъ на двѣ группы: горныхъ, или лѣсныхъ, и степныхъ. Типъ перваго, съ овальнымъ лицомъ, правильнымъ носомъ и прямымъ разрѣзомъ глазъ, близко подходитъ къ представителямъ народовъ кавказской расы, а типъ степнаго, съ широкимъ лицомъ и приплюснутымъ у борна носомъ, не утратилъ еще чертъ народовъ монгольскаго племени. — *Авт.*

**) Тарханъ — князь, потомственный дворянинъ. — *Авт.*

Сообщивши о такомъ результатѣ ходатайства дѣдушекъ, ямщикъ посмотрѣлъ на меня выразительно и замолчалъ. Находилъ ли торговецъ бесполезнымъ продолжать дальнѣйшую бесѣду, или почему-либо другому, только онъ оставилъ меня въ покоѣ и уже больше ни о чемъ со мной не заговаривалъ. Но не прошло и двухъ минутъ молчанія, какъ я услышалъ пѣсню, заставившую меня встрепенуться...

Едва только раздались первые звуки, какъ лѣсъ, и горы, и вся окрестность точно вздрогнули, насторожились и потомъ начали отзываться со всѣхъ сторонъ и многими голосами... Ямщикъ пѣлъ о Салаватѣ, любимѣйшемъ башкирскомъ героѣ и батырѣ, который въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія поднялъ «свой народъ» съ цѣлью освободить «дорогую родину» отъ власти хищныхъ иноплемениковъ. Невозможно передать, съ какимъ увлеченіемъ, съ какою страстностью пѣлъ джигитъ: пѣсня всецѣло завладѣла пѣвцомъ и унесла его далеко, далеко; онъ позабылъ себя, забылъ весь міръ... Своеобразенъ и дикъ былъ напѣвъ этой пѣсни: въ немъ слышались и необузданная вольность, съ несокрушимой энергіей и отвагой, и призывный кличъ народнаго вождя, и потрясающій душу вопль отчаянія, смѣнявшійся глухими стонами погибающихъ и переходящій въ безпредѣльно широкое уныніе... Горы и лѣсъ, внимая пѣвцу, сотнями голосовъ повторяли слова пѣсни и торжественно свидѣтельствовали, что они хорошо помнятъ Салавата, — помнятъ, какъ этотъ юный батыръ гулялъ здѣсь съ своею вольницей, какъ на виду у нихъ пылали заводы и толпами разбѣгались освобожденные заводскіе люди... Была минута, страшная минута!... Мнѣ послышался топотъ безчисленнаго множества лошадиныхъ копытъ, тысячи грозныхъ всадниковъ, будто, неслись прямо на меня, и по ущельямъ горъ, изъ края въ край, прокатился громовый хоръ: «Салаватъ идетъ! Айда!...»

Впечатлѣніе, произведенное на меня пѣсней, было такъ сильно и глубоко, что даже спустя нѣсколько часовъ, когда я перемѣнилъ въ Златоустовскомъ заводѣ лошадей и вѣхалъ уже дальше съ русскимъ ямщикомъ, пѣсня о Салаватѣ неотступно звучала въ моихъ ушахъ и образъ мятежнаго героя-поэта носился передъ моими глазами.

Вечерѣло. По долинамъ поднялись и забѣгали сизыя струйки; ущелья горъ задымились и какія-то бѣлыя гигантскія птицы вскинулись на горы. Воздухъ становился свѣжѣе и въ немъ разно-

сился густой смолистый запахъ и аромать цвѣтовъ. Оплывиваясь назадъ, я уже не видѣлъ Златоуста,—онъ весь и сразу, словно въ землю ушелъ; но Таганай по-прежнему возносился къ небесамъ и, казалось, на шагъ отъ насъ не отступалъ. Все такой же величественный, кажимъ я видѣлъ его за тридцать верстъ, онъ подходилъ теперь на сѣдовласаго старца въ золотомъ вѣнцѣ, украшенномъ разноцвѣтными дорогими камнями: закутавшись въ туманъ, какъ въ ризу изъ тончайшей серебряной ткани, Таганай совершалъ въ торжественномъ безмолвіи священнодѣйствіе и его трехглавая вершина горѣла и пылала вся подъ лучами заходящаго солнца *).

Тихо спустилась на землю ночь — свѣтлая и благоухающая ночь, и вверху, на ясномъ бирюзовомъ небѣ, зажглись и засвѣтились чудныя звѣзды. Вездѣ гремятъ соловьи, и подъ ихъ страстный роготь въ нѣжныхъ объятіяхъ ночи засыпаютъ цвѣты, деревья и горы. Ничто кругомъ не шелухнетъ, не дрогнетъ листочекъ на деревѣ и все уже покоится глубокимъ сномъ; ярко сияютъ только однѣ прекрасныя звѣзды и неумолчно гремятъ и заливаются соловьи.

На другой день передо мною свергнулъ Міась, съ его золотосными берегами и, какъ муравейникъ, копошащимися въ землѣ и шахтахъ рудокопами; стали попадаться сперва башкирскія селенія, потомъ русскія въ перемежку съ «хохлацкими». Мѣстность постепенно понижалась, и чѣмъ дальше я забирался на востокъ, тѣмъ больше она принимала характеръ равнины, а за Челябинскомъ перешла въ необозримую степь, съ встрѣчающимися изрѣдка лѣсами и множествомъ озеръ, по которымъ широко и привольно раскидывались большія и многолюдныя селенія, обставленныя хлѣбными скирдами и овинами... То были «сибирскія слободы» — первоначальныя мѣста поселенія русскихъ колонизаторовъ, бѣжавшихъ отъ постылой мачихи-родины на гостепримныя башкирскія земли.

Черезъ три дня я пріѣхалъ въ слободу Дубраву, представляющую собою во всѣхъ отношеніяхъ типъ чисто русскихъ старыхъ поселеній, находящихся въ зауральской Башкири.

Слобода Дубрава.

Подъѣзжая къ селу (по-мѣстному — слободѣ) Дубравѣ, вы не сразу разсмотрите сельскія постройки. Посреди зеленого моря по-

*) Таганай — слово башкирское; по-русски — треножникъ лунки. — *Дет.*

лей, покрытыхъ высокою рожью и густыми всходами пшеницы, встаютъ передъ вами огромныя хлѣбныя клады, скирды и пышные стога; за ними, на темно-зеленомъ фонѣ лѣса, сіяетъ бѣлый жестяной крестъ сельской колокольни, а въ просвѣтахъ между группами кудрявыхъ березъ сверкаетъ зеркальная поверхность озера. Только потомъ, когда ужь подъѣдешь близко къ селу, начинаешь различать дома и разныя строенія.

Село раскинулось полукругомъ около самого озера и занимаетъ обширное пространство. Въ расположеніи улицъ—отсутствіе всякой правильности и прямолинейности. Видно, что каждый хозяинъ выбиралъ себѣ мѣсто, гдѣ ему было любо, и строился какъ хотѣлъ. Вотъ большой пятистѣнный домъ съ окнами на улицу; другой, въ разстояніи саженъ двадцати отъ перваго, выстроенъ связкою (т. е. передняя изба и горница, а между ними сѣни), а рядомъ съ нимъ, далеко выпятившись и загородивъ собою дорогу, домъ вытянуть уже связкою вдоль улицы и глядитъ окнами въ поле или забаръ сосѣдняго двора; слѣдующій домъ крестовый или сырчатый (раздѣленный на четыре комнаты) ушелъ куда-то къ гумну и т. д. Словомъ, что ни шагъ—то отступленіе отъ строительнаго устава. За то никому здѣсь не тѣсно, каждому удобно и всѣмъ живется хорошо. Избы у крестьянъ большія, крѣпкія и здоровыя, построены изъ кондоваго лѣса (у менѣе зажиточныхъ изъ мидачнаго); въ «оградѣ» (переднемъ чистомъ дворѣ) разбросаны амбары, погреба, конюшни, «завозни» (каретниги) и «палаусы» (крытые сараи, въ которыхъ хранятся земледѣльческія орудія, рыдваны, телѣги и пр.); къ оградѣ примыкаютъ «загоны» (задній дворъ) для рогатаго скота; за дворомъ идутъ огороды и гумна, одинъ взглядъ на которые уже радуется сердце: на гумнахъ возвышаются тысячепудовыя клады пшеницы—результатъ труда и богатство крестьянина.

— Гдѣ же мнѣ остановиться?—спрашиваю ямщика, когда мы преѣхали половину слободы.

— А гдѣ велишь; тамъ и пристану.

— Да кто пустить, къ тому и поѣзжай.

— Любой хозяинъ приметъ заѣзжаго человѣка, — говоритъ возница.—Гляди, кой домъ тебѣ больше приглянется.

— Куда знаешь, туда и вези.

Въ это время черезъ дорогу переходила молодая и цвѣтущая здоровьемъ женщина, въ кумачномъ сарафанѣ, придерживая одною рукою коромысло съ ведрами. Завидя ее, ямщикъ крикнулъ:

— Молодушка! скажи, у кого бы въ избѣ господину пристать?

— Чиновники у насъ на казенную фатеру въѣзжаютъ, — былъ отвѣтъ.

— Я не чиновникъ. Мнѣ у мужичка бы какого остановиться. Молодая женщина перемѣнила руку и взглянула на меня съ недоумѣніемъ.

— Если будетъ въ угоду, просимъ милости къ намъ, — отвѣчала она съ нѣкоторою застѣнчивостью. — Вонъ домъ мово батюшки-свекра, третій отсюда по счету, новый-то.

Я поблагодарилъ ее, и черезъ минуту лошади остановились у новаго дома, на который указала «молодушка».

На крыльцѣ встрѣтилъ меня самъ хозяинъ, лѣтъ сорока пяти, съ большой русою бородой и такими же волосами на головѣ, подстриженными въ скобку; онъ привѣтливо посмотрѣлъ мнѣ въ лицо своими сѣрыми глазами, поклонился и радушно проговорилъ:

— Просимъ милости! Рады дорогому гостю.

Знакомый уже немного съ радушіемъ и гостепріимствомъ жителей сибирскихъ слободъ, я не удивился такому приему со стороны хозяина, но тѣмъ не менѣе чѣмъ-то новымъ и свѣжимъ повѣяло на меня, чувство какого-то еще неиспытаннаго довольства наполнило грудь.

Хозяинъ ввелъ меня въ избу. Въ переднемъ углу стояла рѣзная божница съ иконами въ серебряныхъ и золоченыхъ окладахъ, съ бѣлыми стеклами рамы въ окнахъ; широкія лавки вдоль сверкающихъ стѣнъ, бѣлая печь съ голбцомъ, высокія палаты и вездѣ — поражающая чистота.

Мы еще разъ поздоровались съ хозяиномъ, и я сѣлъ на лавку за дубовый столъ.

— Хозяйка! — пріотворивъ дверь, позвалъ самъ хозяинъ: — гость пріѣхалъ! — и вернулся ко мнѣ. — Сейчасъ самоваръ принесутъ.

На мужнинъ зовъ, скоро вошла къ намъ сама хозяйка, съ привѣтливымъ взглядомъ и ласковой улыбкой.

— Гость дорогой! — начала она, влкаясь. — Просимъ милости! Откуда Богъ тебя въ нашу сторону принесъ?

Только я отвѣтилъ на вопросъ, какъ добрая женщина всплеснула руками и воскликнула:

— Ой, очинки мнѣ, за сколько тысячъ верстъ!... Товарищъ-то есть съ тобой?

— Нѣтъ, я одинъ.

Хозяйка покачала головой и проговорила:

— Ахъ ты сердечный!

— Ты говори, а дѣла свою не забывай,—вмѣшался хозяинъ.—Содовья баснями не кормить, а гостю хлѣбъ-соль на столъ подавай.

Бѣлоснѣжная скатерть покрыла столъ, явились тарелки съ колбками и пирожками, сливки и, наконецъ, ярко вычищенный самоваръ, весело шумѣвшій и выбрасывавшій легкія облака пара.

Дверь отворилась и вошелъ мой ямщикъ. Онъ помолился на иконы, отвѣсилъ по поклону хозяевамъ и сказалъ:

— Миръ дому господскому! Живите здорово, всё хрещёны. За хлѣбъ за соль благодаримъ покорно.

Хозяинъ взглянулъ на ямщика и отвѣчалъ:

— Не прегрѣшай, пожалуй! Ни пиваль ты у меня, ни ѣдаль...

Оказалось, что ямщикъ въ первый разъ видитъ хозяина.

— Садись. Рады гостю. Антиповна! собери мужичку пообѣдать.

Ямщикъ распоясался, стащилъ съ себя зипунъ и положилъ на кутникъ; потомъ вышелъ изъ-подъ палатей и сѣлъ къ столу. Между тѣмъ хозяйка успѣла налить чай мнѣ въ граненый стеклянный стаканъ, а мужу и ямщику въ фарфоровыя съ живописью чашки.

— Не знаю, какъ по имени и отчеству величать будетъ вашу милость,—съ такого рода вступленіемъ обратилась она ко мнѣ, подавая стаканъ и кланяясь.—Просимъ покорно, поначалуйте. Пожалуйте, прикушайте нашего чаю-сахару.

— Просимъ покорно, поначалуйте!—подхватилъ съ поклономъ хозяинъ.—Прикушайте!..

Въ такихъ же точно словахъ и съ такимъ же радушіемъ было сдѣлано предложеніе ямщику. Принявъ изъ рукъ хозяйки чашку и наливъ чаю на блюдечко, онъ перекрестился и проговорилъ:

— Миръ дому господскому! Со свиданіемъ, хозяинъ и хозяйка!

Глядя на добрыя лица окружающихъ, привѣтливо какъ-то улыбающіяся стѣны и всю домашнюю обстановку, я невольно и слово въ слово повторилъ въ слѣдъ за ямщикомъ:

— Миръ дому господскому! Со свиданіемъ хозяинъ и хозяйка!

— Кушайте, родимые, кушайте во славу Бога Христа и себѣ на здоровье!—отвѣтила хозяйка и поспѣшно оставила избу.

Мы сидѣли у открытыхъ оконъ; въ которыя вливался свѣжій воздухъ; передъ нами, въ какихъ-нибудь всего саженяхъ пятидесяти, разстилалось прелестное озеро, съ трехъ сторонъ обрамленное лѣсомъ. На его свѣтлыхъ водахъ неподвижно покоились бѣлые лебеди, съ гордо выгнутыми шеями, купались и ныряли утки, гоготали гуси и, сияя на солнцѣ серебристыми спинками, съ крикомъ носились надъ водою чайки.

Вернулась хозяйка, неся въ обѣихъ рукахъ поднось, уставленный тарелками съ пряниками, орѣхами и всякими сластями. Она обнесла насъ, прося «иначаловать» и «привушать», и поставила поднось на столъ.

Хозяинъ велъ рѣчь съ ямщикомъ, распрашивая, откуда онъ, каковы у нихъ нынче всходы хлѣбовъ и т. п. А хозяйка прислонилась къ грядкѣ, сложивъ на груди руки, и слушала. Въ самотканомъ синемъ сарафанѣ, съ узорчатыми напередѣ полосами, съ бѣлыми, подобно кипю, рукавами бѣлой рубашки, она любовно смотрѣла на гостей, и ея лицо, немного полное и бѣлое, съ темными бровями и хорошими глазами, свидѣтельствовало о внутреннемъ душевномъ спокойствіи и полномъ довольствіи своею судьбой.

Мало-по-малу разговоръ сдѣлался общимъ и Захаръ Петровичъ Ветлугинъ (такъ звали моего хозяина) весьма охотно отвѣчалъ на мои вопросы и самъ не стѣснялся предлагать мнѣ. Марья Антиповна, жена его, принимала участіе въ нашемъ разговорѣ и выразила большое удивленіе, когда я объявилъ хозяевамъ о цѣли моего пріѣзда.

— Ой, очинки мнѣ!... Да на что тебѣ пѣсни-то наши деревенскія? Нешъ у васъ мало своихъ книжекъ?

Захаръ Петровичъ, какъ человѣкъ грамотный, иначе отнесся къ цѣли моего пріѣзда и весьма серьезно замѣтилъ:

— Въ простыхъ пѣсняхъ, Антиповна, народъ свою жизнь описываетъ и всю душу открываетъ.

— Ты, Захаръ Петровичъ, самъ поучень и книжникъ, — сказала Марья Антиповна, словно извиняясь. — Чать, гость дорогой не обезсудитъ меня, что не такъ слово молвила.

— Ужé воротится къ дому Андрей—старшій-то мой сынъ, женатый: онъ много знаетъ пѣсенъ, дружбыныхъ присказокъ и всего... Онъ у меня «просужій», лихой малый.

Говоря это, отецъ какъ бы гордился своимъ сыномъ.

— Вѣдь мы тоже не обѣвни въ полѣ,—вступилась хозяйка.— Молодушка наша и Аннушка, дочка, знаютъ пѣсни, да и я не всё позабыла...

Не стану описывать обѣда, которымъ меня и ямщика угостили ховяева: по обилію всякихъ яствъ, онъ смѣло могъ бы конкурировать съ обѣдами московскихъ купцовъ. Послѣ обѣда Захаръ Петровичъ отвелъ меня въ «свѣтлицу», боговую комнату, и сказалъ:

— Вотъ вамъ комната. Живите, сколько вамъ будетъ въ угоду, и ни одна душа вамъ не помѣшаетъ.

Передъ вечеромъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ, я прогулялся по слободѣ. На что я ни смотрѣлъ,—дома ли, хлѣбные запасы ли, костюмы встрѣчавшихся жителей,—все говорило о зажиточности, довольствѣ и трудовой честной жизни. Въ слободѣ не было ни одного трактира, ни одного кабака...

— А школа у васъ есть?

— Открыта съ прошлаго года. Слава Богу! Павлуша мой бѣгаетъ туда.

Я воротился на квартиру въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа. Тамъ я нашелъ всю семью хозяина въ сборѣ. Я со всѣми познакомился. Что за прекрасный народъ. Какіе нравы и бытъ. А довольство!... Да не иллюзи ли ужъ это?—задавалъ я себѣ вопросъ. Но дѣйствительнѣйшіе факты и наблюденія, а равно знакомство съ слобожанами и рассказы стороннихъ лицъ убѣдили меня, что я не создаю призраковъ.

Любопытно заглянуть въ прошлое этой старой русской колоніи и узнать, какъ она завелась на свѣтъ и изъ какихъ элементовъ складывалась эта своеобразная жизнь.

Вотъ что рассказываетъ мѣстная лѣтопись о возникновеніи села Дубравы.

Верстахъ въ трехъ съ чѣмъ-нибудь отъ села лежитъ озеро Дикое. Больше чѣмъ за сто двадцать лѣтъ тому назадъ, въ одинъ изъ лѣтнихъ дней, показались въ виду этого озера двѣ телѣги, наваленныя домашнимъ скарбомъ. На одной изъ нихъ сидѣлъ мужикъ и съ нимъ восьмилѣтній мальчуганъ, а на другой—женщина съ груднымъ ребенкомъ и выглядывавшей изъ-за мѣшка дѣвочкою; за этою телѣгой на привязи шла съ бѣлымъ пятномъ на лбу и огромными глазами верова, о-бокъ съ лошадей сѣменилъ, пощипывая на ходу сочную траву, гнѣдой жеребенокъ.

Объ телѣги медленно подвигались по мягкой травяной равнинѣ среди полной тишины и безмолвія; время отъ времени только телѣжный скрипъ да тонкое ржаніе жеребенка нарушали царившій вокругъ покой.

— Дядюшка,—заговорилъ въ полголоса сидѣвшій съ мужикомъ мальчуганъ,—далеко намъ будетъ еще ѣхать?

— Нишни, Семенко! — отозвался мужикъ. — Вошь я гляжу, ровно бы что блеснуло. Тебѣ не видно?

Семенко поднялся на мѣшки, всталъ на ноги и устремилъ глаза на лѣсъ.

— Видко!...—радостно выговорилъ мальчуганъ.—Рѣчица ли бо озерко, дядюшка...

Подѣхали къ самому лѣсу и остановились. Мужикъ выдѣлъ изъ телѣги, за кушагъ заткнулъ топоръ, въ руку взялъ дубину и черезъ минуту скрылся въ лѣсной чащѣ. Не успѣлъ онъ и полусотни шаговъ отиѣрить, какъ передъ нимъ открылось большое озеро въ крутыхъ берегахъ, окруженное березовымъ и сосновымъ лѣсомъ. Побродилъ мужикъ, пооглядѣлъ мѣста и воротился къ своимъ, довольный осмотромъ и собою.

— Молитесь Богу,—сказалъ онъ, подходя къ телѣгамъ: —выискалъ доброе мѣсто!

— Слава те, Господи!—закрестилась женщина.—Насилу-то... Дай-то Богъ въ часъ!

— Дай-то Богъ въ часъ!—повторили вслѣдъ за нею мальчуганъ и дѣвочка.

Ожили всѣ, лица просвѣтлѣли, даже грудной младенецъ, высунувъ изъ-подъ материнскаго платка свое личико, чему-то радовался и громко смѣялся.

Это были переселенцы изъ Пержской губерніи: Лаврентій Ивановъ Бабинъ съ своею женой, дѣтьми и племянникомъ.

Выбралъ Бабинъ себѣ укромное мѣстечко вблизи озера, слѣдилъ на скорую руку шалашь и принялся за работу. Мѣстность была глухая, дикая; за то, куда ни глянешь, —приволье: подъ руками вода, рыба и лѣсъ, а за лѣсомъ роскошные луга и дѣвственная, еще не видавшая плуга, земля.

Не трусливаго десятка человекъ былъ Лаврентій, но на первыхъ порахъ и ему приходилось жутко. День пройдетъ, стемнѣетъ; надвинется ночь и охватитъ лѣсъ и озеро. На темной поверхности его отразятся звѣзды; онѣ горять и трепещуть. Тишина—глубокая, мертвая тишина—въ лѣсу и на озерѣ; весь лѣс-

ной миръ спать и ни одна птица не подастъ голоса, не всплеснетъ нигдѣ рыба... Но вотъ, гдѣ-то далеко, далеко въ лѣсу послышался звукъ—звукъ странный—и затихъ... Немного спустя звукъ этотъ повторился, но уже не такъ далеко. Черезъ минуту—снова тотъ же звукъ и гораздо уже ближе: «пу-гу, пу-гу!» доносится до слуха Лаврентія Бабкина.

— Ровно бы птица кричить, — тихо произноситъ Лаврентій, лежа въ своемъ шалашѣ и не смыкая глазъ отъ тревожныхъ думъ...

— Пу-гу, пу-гу!

Встревоженные лѣснымъ крикомъ, проснулись ребятенки.

— Тятя! — трепещущимъ голосомъ зоветъ отца дѣвочка, вся дрожа подъ армякомъ отъ страха: — слышишь ли ты?...

— Чего не спишь? — отзывается сдержанно отецъ. — Птица кричить... Спи!

— Пу-у-гу! Пу-гу! — раздается надъ самымъ шалашомъ. — Пу-гу! Пу-у-гу! — разносится по всему лѣсу и озеру.

— Съ нами крестная сила! — проснувшись, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ жена переселенца. — Что это у насъ въ лѣсу дѣется?!

— Дядюшка, родимый! — слышится прерывающійся голосъ мальчугана. — Вѣдь это лѣпій... Онъ пугаетъ... Выжить, знать, насъ отсюда хочеть...

Поднялся на ноги Лаврентій, нащупалъ дубину и кинулся вонъ. Изъ черной лѣсной чащи, прямо на встрѣчу ему, уставились два огненные глаза.

— Пу-гу! Пу...

Изъ всей силы Лаврентій пустилъ дубиной въ лѣсное чудовище... Мгновенно огненные глаза пропали, что-то всплеснуло, поднялось тяжело и захлопало, словно въ ладоши, а по всему лѣсу какой-то страшный хохотъ пошелъ.

— Пропади ты пропадомъ, нечистая сила! — сердито проговорилъ Лаврентій: — наше мѣсто свято!

Иной разъ, тоже по ночамъ, переселенцы вдругъ слышатъ, какъ въ лѣсу пойдетъ трескъ да ломъ. Никого въ теми не видать, а слышно, какъ валить кто-то большой и грузный чанлыжникъ, обламывая на ходу вѣтви и шелестя сухими листьями.

— Ишь, ишь ломить, косолопый! — ворчитъ Лаврентій и прислушивается, не припожалуетъ ли гость къ шалашу.

Но ни медвѣди, ни волки такъ не смущали духъ Лаврентья Ивановича, какъ чудовище съ парюю огненныхъ глазъ.

— Не мимо Семенко молвить: выживаетъ онъ насъ, — разсуждалъ про себя пермскій выходецъ и задумывался. — Гляди, опять не пришлось бы исхать новыхъ мѣстъ. Лѣшій выживетъ, коли захочетъ.

Говорилъ такъ вслухъ Лаврентій, а самъ подрубалъ десяти-вершковое дерево, вершины котораго отъ корня и не видать было.

— Помоги Богъ трудамъ!

Лаврентій оглянулся. Передъ нимъ стоитъ рослый дѣтина, сильно обносившійся, загорѣлый, съ закинутымъ за спину мѣшкомъ и длиннымъ-предлиннымъ ружьемъ въ рукахъ. Не подалеку отъ него прислонилась къ дереву березы не то дѣвка, не то молодая баба.

— Спасибо на добромъ словѣ, — отвѣтилъ Лаврентій, пристально оглядывая съ головы до ногъ дѣтину. — Откуда Богъ принесъ?

— Съ завода. Бѣглый я.

Лаврентій обрадовался и работу кинулъ.

— А я отъ барина свою бѣжалъ.

Бѣглецы посмотрѣли другъ другу въ глаза и оба разсмѣялись.

— Мѣсто, кажись, ты доброе выбралъ?

— Да про насъ живетъ... Вотъ развѣ что нечисть водится.

— А есть?

— По ночамъ прытко иной разъ пугаетъ.

— Ладно, землякъ, — хлопнувъ Лаврентья по плечу, сказалъ весело дѣтина. — Одному боязко, а вдвоемъ не загинемъ: отъ всякой нечисти мы съ тобой сможемъ оборониться, а отъ начальства и господъ убѣжать.

— Ну, если тебѣ отъ Господа этакій разумъ даденъ, мы съ тобой заживемъ. Какъ тебя величать-то?

— По имени Гаврило, по родителю Петровъ, а прозвище себѣ я отнынѣ даю Ветлугинъ — съ рѣви Ветлуги я, родомъ изъ Костромской губерніи, князя Рѣпина бывшій крестьянинъ.

— Эво откуда занесло!

— А вонъ это, дядя, — показывалъ Гаврило Петровъ на прислонившуюся къ дереву женщину, — моя зазнобушка, величать ее Аграфеной Митревною: на старинѣ Богъ не привелъ намъ къ попу сходить, такъ мы онамеднились съ нею вонругъ раKITоваго куста повѣнчались. Будемъ живы, доживемъ до Пасхи, ты приходи тогда насъ окликать и молодой снои «вѣюницу».

Завноба Гаврилы, несмотря на свою усталость, улыбалась и краснѣла.

Лаврентій Ивановичъ подошелъ къ ней, поздоровался и сказалъ:

— Подемъ теперь, Аграфена Митревна, къ моей хозяйкѣ: она накормитъ насъ. Поди, намаялась въ бѣгахъ-то да отъ страха, отошла ты сердечная... А моя баба какъ рада тебѣ будетъ!

Съ этого дня на озерѣ Дикомъ,—какъ его называлъ Лаврентій,—засѣли еще двѣ залетныхъ птицы.

Гаврило Петровъ, сидя вокругъ разложеннаго огня, на которомъ готовилось въ чугунномъ котелкѣ варево, рассказывалъ о томъ, какъ они жили у себя на старинѣ, какъ помѣщикъ ихъ, князь Рѣпинъ, продалъ ихъ въ числѣ четырехъ тысячъ душъ владѣльцамъ уральскихъ заводовъ; какъ понаѣхали изъ заводовъ тѣхъ прикащики и велѣли народу собираться въ дальній путь: плачь и стонъ съ ранняго утра и до глубокой ночи стоялъ по деревнямъ и селамъ. Все имущество было распродано за безцѣнокъ. Старики лишились своихъ дѣтей и остались безъ домовъ, обреченные на нищету, голодъ и скитаніе по чужимъ угламъ до самой смерти. Всѣ купленные четыре тысячи душъ прикащики разбили на отдѣльныя партіи и погнади на Уралъ... Нѣкоторые изъ переселенцевъ не перенесли тяжести разлуки съ родиной и въ дорогѣ умерли, а другіе разбѣжались; но большинство, благодаря усердію прикащиковъ и содѣйствію начальства, доставлены были на мѣсто и поселены по заводамъ.

— Такъ-то вотъ, дядя Лаврентій!—закончилъ рассказъ Гаврило Петровъ.—Продали народъ и погнади табунами, ровно скотъ на убой... Ну, парень я молодой, не стерпѣлъ, сманилъ съ собою Груняху и убѣгъ отъ прикащика. Да прихватилъ съ завода вотъ еще этого товарища,—показывалъ ружье дѣтина,—«туркой» зовутъ.

Въ ту же ночь Гаврило имѣлъ случай показать достоинство своего «турки»: однимъ выстрѣломъ изъ ружья онъ заставилъ сразу замолчать чудовище съ огненными глазами. А на утро, къ великой радости ребятишекъ и удовольствію взрослыхъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ лѣсу сидѣлъ лѣшій и не давалъ покоя добрымъ людямъ, Гаврило поднималъ страшной величины убитаго филина. Днемъ онъ настрѣлялъ дичи, за которою самъ слазилъ въ озеро, и притащилъ въ шалаши.

— Да ты, гляжу я, мастеръ лѣсовать!—похвалялъ охотника Лаврентій.

— На старинѣ приобыкъ. Лѣса у насъ тамъ, что вотъ на Уралѣ, непроходимые, кругомъ болота и рѣкъ много: охота богата.

По сердцу пришелъ Гаврило переселенцамъ; особенно Семенка въ немъ души не чаялъ, когда тотъ филина подстрѣлилъ.

Съ легкой руки Гаврилы Ветлугина, на Дикомъ озерѣ къ осени явился ужъ поселочекъ изъ десятина шалашей и срубовъ. Народъ все бѣглый собрался и зажилъ на просторѣ; вдали отъ всѣхъ тревогъ и опасеній. Но скоро пришлось бѣглымъ искать другаго мѣста.

Всѣмъ бы хороша была облюбованная мѣстность, да одинъ важный недостатокъ оная: весной и осенью, особенно въ «смочные» годы, Дикое озеро становилось почти недоступнымъ не только для скотины, но и для людей; безъ подмостковъ къ нему нельзя было подойти. Травянистый, кочковатый и тинистый берегъ озера, безъ уступовъ, опускался крутымъ обрывомъ въ сажень и глубже, вслѣдствіе чего у поселенцевъ стали тонуть то корова, то лошадь, то овца. Задумались, какъ пособить горю... Совершенно неожиданный случай выручилъ изъ бѣды.

Гаврило Ветлугинъ, обзаведясь уже собакой, какъ настоящій охотникъ, пошелъ разъ на промыселъ въ западныя дубравы и, противъ обыкновенія, забрелъ далеко отъ поселка—версты за три слишкомъ. Къ великому своему удивленію охотникъ увидѣлъ большое озеро, нѣсколько продолговатое, въ высокихъ песчаныхъ берегахъ, поросшее мѣстами густымъ камышомъ. Берега озера сплошь заросли толстымъ березовымъ лѣсомъ, но дичность мѣстности смягчалась обширнымъ воднымъ пространствомъ, оживленнымъ приками чаекъ, лебедей, казарокъ и кряквьемъ утокъ, кѣлыми стадами плавающихъ по чистой, кое-гдѣ подернувшейся рябью, голубой поверхности. То было Дубравное озеро. Понравился видъ Гаврилѣ Ветлугину; добрая мысль мелькнула въ его головѣ.

Не медля ни мало, онъ сошелъ къ озеру, зачерпнулъ войлочною шляпкой воды и отвѣдалъ. Понравилась.

— Славная водица!—проговорилъ онъ вслухъ.—Вотъ бы мѣстечко-то нашимъ! Баско! Знать тутъ и бѣда рыба водится: ишь, ровно бы чебакъ всхлещнулъ... А коли чебакъ есть, такъ и окуню быть. А дичины сколько всякой!... Поди звѣря нушнаго «туркѣ» въ жизнь не перестрѣлять... Баско! Постой, зем-

ляни!... Жучка! ну-ка ты, песъ, облопался что ли? Пойдемъ-ка, нѣтъ ли тамойка гдѣ топи...

Зашагалъ Гаврило, притискивая мокрый песчаникъ своими широкими, подбитыми гвоздями, бутылками.

— Баско! Небось, не затонетъ тутъ христовая скотинка. Крѣпко! Ну, и бабы не завязнуть, не обмокрохвостятся. Правду я говорю, Жучка, а? Да ты что тамъ?... Не май ихъ, не май!— закричалъ охотникъ на собаку, почувствуя близкую дичь.— Опосля ветряхнемъ, а тежерича намъ не до охоты... Ись, ись, песевъ сынъ!... Дивно!... Пора домой...

Оглянувся еще разъ Ветлугинъ на озеро, взглянулъ на солнце, начинавшее уже садиться, посмотрѣлъ на густой лѣсъ, все болѣе и болѣе темнѣвшій, и отправился во свояси, довольный, озабоченный, съ двумя всего парами зайцевъ и косачей за поясомъ... Жучка, виляя хвостомъ, указывала охотнику дорогу.

Прошло три года. Часть восточнаго берега Дубравнаго озера заселилась переселенцами съ Джаго. Десятка два избъ поставлены и покрыты, какъ слѣдуетъ; другія строились или отстраивались. Избы у всѣхъ дѣлались по одному образцу: два высокіе сруба изъ сосноваго лѣсу, вершиновъ двѣнадцати въ отрубѣ; задѣланный промежутокъ составляли сѣни; въ крыльцу на столбахъ, аршина въ три вышины, прилаживалась почти отвѣсная лѣстница; двери низкія и узкія; печь изъ битой глины съ дымникомъ занимала четверть избы; палаты высокія; на улицу и дворъ по два окна, заглядывавшихся вмѣсто ставней, изнутри досками. О рамахъ и стеклахъ и въ поминѣ не было: окна или, правильнѣе, отдушины залѣплялись пузыремъ, какъ у кочующихъ инородцевъ. Въ «кляти», или переднемъ срубѣ, полъ настился кое-какъ, печи совѣщъ не было, для свѣту прорубалась между бревнами отдушина, въ которую могла пролѣзть рука, да развѣ кошка. Избу покрывали тесомъ или дранью (въ Дубравѣ и теперь можно встрѣтить одинъ такой домъ, уцѣлѣвшій отъ первоначальныхъ поселенцевъ, предковъ нынѣшнихъ жителей слободы).

Пристроились мужички, порасчистили Дубраву, подняли новыя и запахали землю, сколько кому въ мочь-силу было; потомъ проложили дороги въ соосѣднія слободы, а тамъ и въ Шадринскъ и Бурганъ... Живутъ дубровинцы мирно, счастливо и только благодарятъ Бога. Замли у нихъ—не окинешь въ день глазами, лѣсу и угоды пропасть: подъ руками и птица, и рыба всякая, и звѣрь пушной. А главное—свобода: ни власти барина надъ собой

не чувствуютъ; ни заводчики; ни приващина; отъ всякаго притѣсненія и вымогательства далеки, сами про между себя всё дѣла вѣрять и сами себѣ господа.

Пріѣхали разъ къ нимъ въ слободу башкиры изъ Шарыпова, асабы (вотчинники); и говорятъ:

— Вы, урусъ, нашу земля сѣять и урманъ (дѣсь) рубить.

— Земля и дѣсь божья, — отвѣщаютъ поселенцы: — дѣсь никто не садилъ, а землю никто не родилъ.

Башкиры, загорячились и кричались кричать.

— А вы вотъ что, князи, — заговорили дубровинцы: — доли хотите вы жить съ нами въ любви да по согласу, такъ и мы обижать васъ не станемъ...

Башкиры сразу сдались и притихли.

— Якши (хорошо). Ну, калавай! Мы тебя будемъ слушать.

— Ежели земля числится за вами, то вотъ какой нашъ сказъ будетъ вамъ: что вы съ насъ положите, по совѣсти, мы дадимъ вамъ выкупъ, и земля будетъ нашей, общественной.

— А! Это якши! Бидъ якши! Давай руда, станемъ кунаки!

Дубровинцы надѣлю угощали башкирскихъ старшинъ, пѣли вѣсть съ ними пѣсни, каждый на своемъ языкѣ, и на прощаньи заплатили башкирамъ по два серебряныхъ цѣлковыхъ, разставшись большими друзьями и обѣщаясь взаимно ѣздить другъ къ другу въ гости.

Но мѣстные власти, однако, въ скоромъ времени открыли Дубраву. По всемъ сибирскимъ слободамъ пронесся тогда слухъ, что заводчики, господа и начальство ловятъ бѣглыхъ. Дѣйствительно, объ Николѣ зимнемъ, дубровинцы услышали у себя въ первый разъ колокольчикъ; глядятъ: ѣдетъ какой-то баринъ и съ нимъ чиновникъ. Пріѣзжіе остановились въ избѣ Бабкина и потребовали къ себѣ на-лицо всѣхъ поселенцевъ.

— Смотрите, — говоритъ чиновникъ барину, — кто тутъ ваши?

Баринъ глядитъ и никого признать не можетъ. Вынулъ изъ кармана списокъ и началъ опрашивать всѣхъ по очереди.

— Тебя какъ зовутъ? — спрашиваетъ одного.

— Зосимою.

— По отцу?

— Тихономъ.

— Прозвище?

— Севостьяновъ.

— Откуда родомъ, какой волости, села или деревни?

— Изъ-подъ Володимира, Опенкинской волости, деревни Севостьянова.

Человѣкъ тридцать такимъ образомъ опросилъ, а ни одного своимъ не призналъ.

Большинство спрашиваемыхъ называли себя либо Севостьянами, либо Матвѣями и чуть не всё по прозванью Севостьяновы. Спрашиваетъ баринъ, а самъ все въ бумагу сматривать.

— Не отыскали?—освѣдомился чиновникъ.

Усталъ баринъ, въ ночь даже его всего кинуло. Вынулъ платокъ и обтирается.

— Не нашли?—спрашиваетъ опять чиновникъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ баринъ, съ трудомъ переводя духъ:— тутъ ни одного изъ моихъ не оказывается... Какія-то у нихъ все Севостьяны да Севостьяновы.

Чиновникъ слегка улыбнулся и сказалъ:

— Теперь дозвольте ужъ мнѣ, я займусь этими бредягами. Надо ихъ, анаемовъ, хоть для порядка перечислить и въ волости приписать... Ясашные вы, бредяги?

— Нѣтъ, мы на собственной землѣ сидимъ.

— На собственной? Откуда-жь вы ее взяли, подлыя души?

— У башкирцевъ купили.

— А, вотъ какъ... Денежный народъ, значить.

Переписалъ чиновникъ дубровинцевъ всѣхъ по-именно, какъ они себя барину называли, прочиталъ имъ списокъ и спросилъ:

— Вѣрно?

— Все такъ...

— Ошибки нѣтъ?

— До единого слова правда.

— Ладно. Честно я съ вами, бредягами, поступилъ?

— Покорно благодаримъ...

— Хорошо. Ступайте же по домамъ, несите отъ каждаго дома по серебряному рублю и, чтобы дѣвка косы не успѣла вокругъ пальца обернуть, явитесь ко мнѣ, чиновнику и вашему начальнику.

Воротились дубровинцы и выложили на столъ передъ начальникомъ цѣлковые. Чиновникъ пересчиталъ деньги, положилъ ихъ въ кожаный кошелекъ и запряталъ въ карманъ.

Дубровинцы ждуть, что будетъ.

— Честно я съ вами поступилъ? — спрашиваетъ. — Вы съ

нынѣшняго числа больше ужь не бродяги, а честные земледѣльцы, крестьяне настоящіе, съ правами...

— Покорно благодаримъ...

— Стой! Не благодари: *честное* я отъ васъ принялъ. На первый разъ я ублаготворенъ. Поняли? Теперь вонъ, ананьемы!

Тѣмъ дѣло и кончилось: дубровинцы получили неожиданно «права», заплативши *честное*, а баринъ, по ихъ, вышелъ настоящимъ «Севастьяномъ».

Шли годы, населеніе Дубравы росло по-прежнему, и никто крестьянъ не беспокоилъ, даже о *честномъ* стали забывать, и благосостояніе слободы съ каждымъ годомъ увеличивалось.

Но въ семидесятыхъ годахъ на Уралѣ появился Пугачовъ, заводскіе люди заволновались, и Башкирія возстала подъ предводительствомъ восемнадцатилѣтняго батыря Салавата.

Возстаніе охватило весь край. Сибирскіе слободы ожидали, что не сегодня-завтра и къ нимъ явятся бунтовщики. Дубровинцы порѣшили отразить непріятеля. Общими силами они устроили съ трехъ сторонъ селенія частоколъ, въ родѣ рогатокъ; назначили дневной и ночной караулъ. Опасенія ихъ скоро оправдались.

Въ одинъ изъ августовскихъ дней, въ виду слободы Дубравы, показалась шайка башкирѣ. Завидя мятежниковъ, постъ у рогатокъ торопливо отступилъ къ селенію. Переполошились всѣ: бабъ съ ребятенками, какъ овецъ, загнали въ одну большую избу; кто могъ—вооружился топоромъ, дубиною, косою, мотыкомъ. Ветлугинъ и Бабкинъ засѣли на вышгѣ съ ружьями. Съ гикомъ прискакала беспорядочная толпа и остановилась передъ рогатками, совѣщаясь о томъ—спѣшиться ли имъ, или искать свободного проѣзда. Въ эту минуту грянулъ выстрѣлъ, и громкое эхо разнесло его по окрестности. Это выстрѣлилъ изъ своего саженнаго ружья «турки» Гаврило Ветлугинъ. Выстрѣлъ произвелъ впечатлѣніе: одинъ изъ башкирѣ свалился съ лошади. Товарищи взбросили его тотчасъ же на сѣдло и ускакали.

Башкиры оставили Дубраву: они не ожидали, что ихъ встрѣтятъ изъ огнестрѣльнаго оружія (башкиры вооружены были луками и стрѣлами), или это была беспорядочная шайка, лишенная предводителя. Но появленіе башкирѣ не обошлось, однако, безъ несчастія для дубровинцевъ.

Семень Бабкинъ, племянникъ Лаврентія Ивановича, передъ тѣмъ какъ башкиры подскакали къ рогаткамъ, побѣжалъ къ не-

большому озеру; въ полтора верста отъ слободы, чтобы загнать своихъ лошадей за рогатку.

Башкиры завидѣли Семена: часть пересѣкла ему обратный путь, а другая бросилась въ догонку. Парень, потонѣмый страхомъ, кинулся со всѣхъ ногъ въ озеро и, чуть живой, поплы въ водѣ, стараясь укрыться въ камышахъ. Но мятежники не заблагоразсудили взять Семена живымъ: не слѣзая съ лошадей, двумя-тремя пущенными стрѣлами они покончили съ племянникомъ одного изъ основателей слободы Дубравы. Спустя нѣсколько минутъ, въ главахъ всѣхъ дубровинцевъ лошади погибшаго Семена исчезли вѣстивъ съ башкирами...

На этомъ мѣстѣ прерывается лѣтопись слободы Дубравы. Дальнѣйшую исторію ея мы услышимъ отъ Захара Петровича Ветаукина, съ которымъ читатель отчасти уже знакомъ.

Филиппъ Нефедовъ.

...и в настоящее время, когда мы живем в эпоху величайшей борьбы за свободу и за права человека, мы должны быть готовы к тому, чтобы в любой момент выступить на защиту этих идеалов. Мы должны быть готовы к тому, чтобы в любой момент выступить на защиту этих идеалов. Мы должны быть готовы к тому, чтобы в любой момент выступить на защиту этих идеалов.

Политическія воззрѣнія старовѣрія

...и в настоящее время, когда мы живем в эпоху величайшей борьбы за свободу и за права человека, мы должны быть готовы к тому, чтобы в любой момент выступить на защиту этих идеалов. Мы должны быть готовы к тому, чтобы в любой момент выступить на защиту этих идеалов.

Задавшись дѣлюю изложить политическія воззрѣнія нашихъ, такъ-называемыхъ, старовѣровъ, мы прежде всего наталкиваемся на вопросъ: уместно ли въ настоящее время говорить о подобныихъ вещахъ? Не знаемъ ли мы медвѣжьей услуги старовѣрію разьясненіемъ его политическихъ воззрѣній? Для правильнаго рѣшенія этого вопроса необходимо имѣть въ виду, что правительство изучало расколъ гораздо тщательнѣе, нежели литература, именно изъ опасенія его противугосударственныхъ стремленій. Поэтому то сказать что-нибудь новое правительству мы не можемъ; а между тѣмъ есть основаніе полагать, что политическая опасность старовѣрія преувеличивается, благодаря отсутствію свободной критики. Необходимо внести свѣтъ въ эти темные углы русской жизни; тогда и правительство, и общество будутъ знать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, но преувеличивая своихъ опасеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая, что старовѣріе стремится къ известнымъ цѣлямъ нашихъ государственныихъ порядковъ. Главная опасность канцелярскаго, обработаннаго свѣдѣнія о расколѣ состоитъ въ томъ, что все старовѣріе можетъ быть опровержено цвѣтомъ среднихъ *трайнишес* свѣтъ; да кромѣ того и эти крайнія свѣты могутъ разрастриваться не въ постоянномъ ихъ общемъ уровнѣ, а въ періодъ наибольшаго напряженія фанатизма, который, обыкновенно, держится не долго, быстро, никогда къ общему, болѣе хладнокровному, отношенію къ государству. Для нагляднаго разьясненія этого сложнаго метода, мы можемъ указать на вполнѣ аналогичныя ему дѣйствія известныихъ нашихъ такъ-называемыхъ консервативовъ по отношенію въ нашей прогрессивной партіи дѣ интеллигенціи. Делаясь тѣмъ, что въ средѣ этой прогрессивной

партіи появилась группа социалистовъ, быстро дошедшихъ, подъ влияніемъ фанатической ненависти къ государству, до открытой борьбы съ нимъ,—эти консерваторы изъ всѣхъ силъ старались смѣшать съ ними всю прогрессивную партію. Отсюда—постоянные толки о тождественности «подпольной» и «надпольной» литературы, о глухомъ сочувствіи всего образованнаго класса къ революціонерамъ, Вѣрѣ Засуличъ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что и сами консерваторы не вѣрили въ свои инсинуанціи, но они достигали того, что въ умахъ недалекихъ людей мирные дѣятели общественнаго развитія, совершенно неспособные къ насильственной борьбѣ съ государствомъ, получали характеръ революціонеровъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ компрометировалась всякая попытка къ развитію нашего государственнаго строя, получая въ глазахъ многихъ революціонную окраску, которая не принадлежала ей по существу, а была навязана врагами только на томъ основаніи, что и революціонеры принадлежатъ къ прогрессистамъ вообще и идутъ подъ тѣмъ же знаменемъ науки и прогресса. Намъ нечего доказывать всю наглую ложь подобнаго приѣма. Отождествлять мирныхъ дѣятелей либерализма и мирнаго социализма въ лучшемъ смыслѣ этого слова съ революціонными дѣятелями могутъ только или невѣжды, или враги мирнаго прогресса. Такъ дѣйствуютъ съ одной стороны указанные нами консерваторы, или вѣрнѣе—ретрограды, съ другой—революціонеры, желающіе доказать обществу, что ихъ стремленія тождественны съ общественнымъ интересомъ.

Между отношеніемъ старовѣрія къ государству и отношеніемъ къ нему прогрессивной партіи интеллигенціи существуетъ извѣстная аналогичность. Подобно тому, какъ въ прогрессивной партіи мы видимъ самыя разнообразныя оттѣнки мнѣній, начиная отъ мирныхъ дѣятелей, довольствующихся самыми незначительными преобразованіями, и до революціонеровъ-социалистовъ; такъ и въ старовѣрїи находятся группы; которыя могли бы быть удовлетворены чуть ли не одной свободой вѣроисповѣданія, хотя есть и тація, которыя проповѣдываютъ «брань съ антихристомъ», предсказывая въ будущемъ наступленіе дня открытой борьбы съ нимъ революціи. Насколько несправедливо обращать всю нашу прогрессивную интеллигенцію цвѣтомъ революціоннаго социализма, настолько же было бы ошибочно окрасить старовѣріе принципомъ «брани съ антихристомъ». Насколько незначительно число нашихъ социальныхъ революціонеровъ, настолько же ничтожно въ старовѣрїи число «творящихъ брань съ антихристомъ».

Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны избѣгать и другой крайности, придавать всему старовѣрью характеръ его крайняго праваго крыла, т.-е. сводить всё его стремленія къ общественнымъ реформамъ, на желаніе только полной свободы въроисповѣдыванія. А между тѣмъ въ эту крайность постоянно впадаютъ публицисты мало знакомые съ расколомъ, но почему-либо стремящіеся доказать отсутствіе въ старовѣрїи стремленій къ реформамъ государственнаго строя. По мнѣнію одного изъ нихъ, г. Шедо-Фероти, сражавшагося когда-то съ Герценомъ, расколъ хочетъ не свободы и равенства, какъ доказывали Щаповъ, Кельсіевъ, Андреевъ и др., а бояръ и князей, но непременно длиннородныхъ, въ особенности же царя, который бы умѣлъ распорядиться съ ними безъ всякихъ церемоній. Г. Фармаковский говоритъ по этому поводу: «Думать, что расколъ хочетъ не свободы и равенства, а длиннородныхъ чиновниковъ, да заповошь изложенныхъ по-славянски, что, слѣдовательно, расколъ могъ бы удовлетвориться одною перемѣною денораціи—значить или самому не обладать здравымъ смысломъ, или отнимать всякіе признаки разумности въ расколѣ. Но едва ли было бы справедливо видѣть одинъ несмысленный дѣтскій лепетъ въ вѣковомъ протестѣ цѣлой массы народа» *).

Г. Стебницкій, обращаясь къ русскимъ прогрессистамъ, говоритъ: «расколъ недоволенъ, но онъ легко можетъ быть удовлетворенъ и умиротворенъ реформами, которыя ни мало не подвинутъ дѣло вашего прогресса, и хорошо еще, если расколъ тогда только преспокойно оставитъ васъ играть довольно жалкую роль. Но вмѣстѣ съ вами онъ прогрессировать ни мало не способенъ и не намѣренъ. Вы — еретики и антихристовы дѣти, а онъ — *древлее благочестіе*; вы читаете Фурье, Бюхнера и Молешота, а онъ — «Кормчую»; вамъ хочется торжества естественныхъ наукъ и еще многого другаго, а ему—торжества *древляго благочестія*» **). Къ сожалѣнію, нашъ авторъ совершенно не задается вопросомъ: въ чемъ же именно состоитъ это «древлее благочестіе»? Онъ оставляетъ эту темную формулу не раскрытой и только указываетъ на несогласіе ея съ ученіемъ Фурье и естественныхъ наукъ. Что касается Фурье, то у г. Стебницкаго можно спросить: много ли найдется и между прогрессивной интеллигенціей приверженцевъ этихъ крайнихъ мнѣній и не

*) *Отч.* Записки 1866 г. (ноябрь и декабрь), статья Вл. Фармаковского, стр. 651 и 652.

**) *Стебницкій*: „Съ людьми *древляго благочестія*“, вып. 2-й, стр. 41.

видны ли нынѣ между старообрядцами подобныя же учения? Несомненно, что они были и есть теперь въ средѣ старообрядческаго населенія. Прикажемъ могутъ послушать ученія бѣгуньки (Василія Петрова и Антона Яковлева *). А что касается естественныхъ наукъ, то между ними и религиознымъ мирозерцаніемъ, если и существуетъ нѣкоторый антагонизмъ, то не такой значительный, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Да, наконецъ, дѣло соребъ не въ этомъ. Какъ подъ религиозной, такъ и подъ естественно-научной формой мирозерцанія, могутъ существовать и тѣ же *общественныя* стремленія. И весь вопросъ состоитъ въ томъ, есть ли у старообрядцевъ стремленіе къ общественнымъ реформамъ на основахъ равенства и справедливости, или нѣтъ. Если оно есть, то религиозная форма старообрядца никакъ не можетъ помѣшать дружественному союзу прогрессивной интеллигенціи съ расколомъ въ ихъ общихъ стремленіяхъ къ внесенію въ русскую жизнь принциповъ равенства и справедливости.

Послѣдователемъ мнѣній г. Шедо-Фероти и г. Стеблинскога въ настоящее время выступилъ И. Харламовъ, который старается убѣдить насъ, что «религія сама въ себѣ *всегда* овладѣла вѣнчаніемъ недовольнаго, лишь только оныя вступала въ ряды раскольниковъ». Но это мнѣнію, «расколъ *отдѣлалъ* изъ мятежнаго движенія очень и очень много недовольныхъ, поворачивая ихъ вниманіе, направляя его *всегда* на вопросы чисто религиозныя». Такимъ образомъ г. Харламовъ явдается самымъ крайнимъ отрицателемъ нашихъ бы то или было общественныхъ стремленій въ расколѣ. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ болѣе всего старается лишь доказывать. Приступивъ къ изслѣдованію раскола съ предвзятой идеей, что разъ въ основѣ міровоззрѣнія лежатъ религія, то объ общественныхъ идеалахъ этого міровоззрѣнія не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ единственною задачею подобнаго міровоззрѣнія, будь бы, является только нравственное усовершенствованіе личности—г. Харламовъ закрываетъ глаза на самыя рѣзкія факты, въ перемъ сердцемъ отталкивая къ себѣ и прощающая въ новую голову только то, что говоритъ въ существованіе въ старообрядцѣ религиознаго элемента. Онъ такъ увлеченъ своею задачею, что воображаетъ, будто бы Шаповалъ и другіе изслѣдователи отрицають религиозный элементъ въ нашихъ религиозныхъ сектахъ **). Но, разумѣется, о такомъ отрицаніи не могло

*) Объ этомъ см. „Русскіе диссиденты“ Г. Юзова, стр. 116 и 117.

**) Пользуясь случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о братикѣ г. Хар-

быть и ррчи! Если много изъ исследователей старообрія мало обращали вниманія на поступательное движеніе религиозной мысли, то вѣдь не г. Харламовъ пожегъ этотъ пробѣлъ. Поистинѣ, что, открывъ въ религиозной сектѣ социальную-политическій элементъ,

ламова моей книги: „Русскіе диссиденты“. Критика эта носитъ на себѣ характеръ той джестакосво-лажкомосленной ружатни, которую прославился какъ въ вѣство, почтенный журнадъ, допускаящій на своей страницѣ статью г. Харламова. Не я первый и, по всей вѣроятности, не я послѣдній подвергнусь этой шаблонно-рутинной операци. „раздоса“, при которой критикъ старается наговорить какъ можно больше ружательныхъ словъ. Причинами, меня удивило только до обстоятельство, что эмбостъ со мною подвергся той же операци покойный Шаповъ, бывшій сотрудникъ почтеннаго журнала и въ немъ проводившій свои идеи о расколѣ. Очевидно, редакція сочла необходимымъ оставить свой прежній взглядъ на расколъ, высказанный устами Шапова, и стать на новую точку зрѣнія, г. е. лучше сказать на точку зрѣнія Шело и Фероди. Стебницяло и г. Харламова. Неужели же она сдѣлала это подъ вліяніемъ критической статьи г. Харламова? Мы отказываемся вѣрить этому. Невозможно предположить, чтобы редакція отдавала предпочтеніе малкой аргументаціи г. Харламова, ознакомившись съ тѣмъ запасомъ аргументовъ, который находитъ въ нашей литературѣ иконой Шапова. Очевидно, она совершенно незнакома съ этимъ запасомъ и идетъ не зная куда. Мы можемъ только искренно пожалѣть о незнакомствѣ одного изъ руководителей русской общественной мысли съ таковымъ элементомъ, которое бытъ можетъ малолитку, орбрю, маме и блжжайшее будущее. Емже проследителью быдо бы сомнѣніе въ судосудованіи общесудебныхъ стремленій въ старообрія, которое очень часто, но не вѣждаетъ, обращившася къ тѣмъ старообрядчеством, но г. Харламовъ отрицаетъ эти стремленія и у тавъ называемыхъ раціоналистовъ: штуддистовъ, молобая и т. и.; а вѣдь въ нашей литературѣ достаточно уже извѣстны эти особы какъ трудловъ Девидлаго, Шапова, Костомарова, Емельянова и др. Промѣнять все эти поучающія имена на г. Харламова—значитъ поступить по меньшей мѣрѣ странно, чтобы не сказать больше.

Обращаясь въ своей критикѣ г. Харламова, я прежде всего долженъ сказать, что онъ незнаетъ достаточно безвременное мои идеи. Такъ, онъ утверждаетъ, что, по моему мнѣнію, „религія сама по себѣ не имѣла никакой цѣны для сектантовъ“. Подобное утвержденіе не надобилось ему для того, чтобы критикъ въ некоторомъ образѣ новую Америку, которую, будто бы, до него не замѣтили въ религиозныхъ сектахъ, существуетъ, религиозный элементъ. Но, съимомъ утвердить, г. Харламовъ, эта Америка намъ извѣстна, что иждѣ доказывается слѣдующимъ: *наибольшая* глава моей книги посвящена рассмотренію успикова раціонализма въ старообрія, г. е. анализу поступательнаго движенія религиозной мысли старообрія. А г. Харламовъ во всей своей многогласной критикѣ старается убѣдить читателя, что будто бы я отрицаю, значенія религиознаго элемента въ нашихъ религиозныхъ сектахъ. Этимъ путемъ онъ думаетъ добыть лавры новатора. Впрочемъ, мы должны сказать, что не завидуемъ лаврамъ, доставшимся за то, что вездѣкъ открылъ религиозный элементъ въ религиозной сектѣ.

Мы не намѣрены разбирать подробно критику г. Харламова, потому что онъ высказалъ въ ней полное отсутствіе того критическаго смысла, который необходимъ для пониманія не только историческихъ явленій, но и современ-

школа Шамова имъ и занялась особенно тщательно. Впрочемъ, въ последнее время она обратила вниманіе и на прогрессъ религиозной мысли старовѣрія, такъ какъ не задавалась никакими предвзятыми идеями, а изучала факты, стараясь отнестись къ нимъ какъ можно объективнѣе. У нея нѣтъ тѣхъ предвзятыхъ

ной жизни. Никакая эрудиція не можетъ восполнить психологическаго пониманія, необходимаго въ особенности историкъ; а эрудиція г. Харламова настолько жалка, что при ней отсутствіе умѣнья видѣть за архивными документами самую жизнь дѣлаетъ его возрѣнія просто смѣшными для людей, привыкшихъ въ своихъ поискахъ руководствоваться не буквобѣдствомъ, а психологическимъ пониманіемъ. Приѣмъ г. Харламова состоитъ въ томъ, что на доказательства существованія общественнаго элемента въ старовѣрціи, взятыхъ изъ самаго быта раскольниковъ, онъ отвѣчаетъ выписками изъ сочиненій первыхъ расколовождей, отличавшихся именно тѣмъ, что они были не только протестантами противъ церковнаго устройства, введеннаго при Никонѣ, а вмѣстѣ и защитниками свободы стараго обряда. Г. Харламовъ не понимаетъ того, что пока расколъ былъ въ числѣ „шести чернецовъ“, онъ былъ совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ оказался послѣ, когда эти чернецы вынесли свой протестъ на площадь, подверглись гоненію со стороны гражданской власти, а потому были невольно поставлены и на путь общественнаго протеста. Онъ рассматриваетъ расколъ какъ прогрессивное явленіе религиозной мысли, не признавая вмѣстѣ съ тѣмъ того факта, что эти передовые люди русскаго народа, будучи гонимы гражданской властью, невольно стали приматриваться къ темнымъ сторонамъ своего гонителя и, обладая болѣе сильною мыслью (какъ онъ самъ признаетъ), чѣмъ остальное народонаселеніе, стали во главѣ развитія критической мысли и въ общественной сферѣ. По мнѣнію г. Харламова, раскольники были умнѣе остальнаго народонаселенія только въ сферѣ религиозной, а отнюдь не въ остальныхъ; очевидно, онъ признаетъ существованіе specialнаго религиознаго ума, которымъ и обладали раскольники.

Для того, чтобы доказать свое право пренебречь критикой г. Харламова, хотя она и появилась на страницахъ того журнала, въ которомъ нѣкогда писалъ и г. Шаповъ, я приведу образчикъ его критическаго смысла. Въ одномъ мѣстѣ своей книги я указываю на солидарность и общенія, существующія между раскольническими согласіями. Въ числѣ доказательствъ у меня приведено и существованіе „общей старообрядческой конторы“, которая была устроена въ 1860 г. по случаю происшедшихъ между разными сектами ссоръ и убійствъ; ей было предоставлено разбирать всѣ возникающія между сектами дѣла. Въ члены этой конторы были избраны по три человека отъ каждой секты. Итакъ, раскольники, ссорясь между собою, обращаются не къ властямъ, существующимъ для всего остальнаго народонаселенія, а устраиваютъ свой судъ. Казалось бы, это ли не доказательство, что между ними существуетъ такая солидарность, которую не обладаетъ остальное народонаселеніе? Но г. Харламовъ отрицаетъ это, и именно слѣдующимъ образомъ: „Ссоры и драки и есть доказательство непрерывнаго общенія между согласіями“. Только преднамѣренное отричаніе или полное отсутствіе критическаго смысла можетъ вести къ подобнымъ разсужденіямъ. Не замѣчать общественныхъ учреждений, но выражающихъ мысль о солидарности согласій, и набрасываться на фактъ ссоръ и дракъ между отдѣльными личностями—вотъ методъ гг. Харламовыхъ и ему подобныхъ.

идей, какія оказываются у гг. Стебницкихъ и Харламовыхъ, по мнѣнію которыхъ религіозное міровоззрѣніе исключаетъ социаль-но-политическій элементъ. Несомнѣнно, что подобнаго рода предразсудокъ и мѣшалъ нашей интеллигенціи понять духъ старовѣрія и духовныхъ христіанъ. Но факты всегда берутъ верхъ надъ теоретическимъ предубѣжденіемъ, ни на чемъ не основаннымъ. А что идея г. Харламова не имѣетъ за собою никакихъ оснований, это видно изъ исторіи многихъ религіозныхъ движеній, цѣлью которыхъ было радикально реформировать общественныя отношенія; таково, напримѣръ, было движеніе, во главѣ котораго стоялъ Тома Мюнцеръ. Да и самое движеніе поднятое Лютеромъ, перешедши въ народъ, видоизмѣнилось и приняло общественную окраску въ видѣ возстанія крестьянъ противъ разныхъ феодальныхъ стѣсненій. Такова обыкновенная логика событій. Правда, Лютеръ самъ возсталъ противъ распространенія своихъ принциповъ на общественную сферу, но вѣдь дѣло не въ этомъ, — разъ движеніе поднято и охватило толпу, оно всегда выпадаетъ изъ рукъ первыхъ руководителей и находитъ своихъ, болѣе ему подходящихъ. Кромѣ того не извѣстно, какъ бы велъ себя Лютеръ, еслибы не попалъ подъ покровительство сильныхъ міра сего, а подвергся гоженію и преслѣдованіямъ. Очень вѣроятно, что, будучи травимъ какъ дикій звѣрь, онъ ожесточился бы подобно нашимъ первымъ расколотоводамъ, пришедшимъ къ мысли, что Алегсѣй Михайловичъ «бысть вмѣсто царя мучитель», т. е. попалъ бы на дорогу критики общественныхъ отношеній. Напомянемъ г. Харламову и Бромвеля — представителя англійскихъ диссидентовъ. Впрочемъ, фактовъ опровергающихъ идею г. Харламова такъ много, что мы находимся въ состояніи embarras de richesse. Намъ остается посовѣтовать ему — тщательнѣе изучить русскихъ диссидентовъ и онъ въ ихъ жизни найдетъ лучшее опроверженіе своихъ предвзятыхъ взглядовъ.

Бъ вышеописанной группѣ публицистовъ нѣсколько примыкаетъ и г. Мельниковъ. Въ особой комиссіи, учрежденной въ 1875 году при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, онъ, въ качествѣ эксперта, сообщалъ: «Секта, не признающихъ государственной власти и верховнаго представителя ея, государя императора, не существуетъ. Такая секта была бы совершенно несообразна съ духомъ русскаго народа, для котораго Россія безъ царя немыслима»... «Когда заграничные эмигранты указывали на раскольниковъ, какъ на удобную, будто бы, почву для возму-

цевия въ Имперію, то разношляпки потвѣтили на это анкетѣ, провозглашенной въ известномъ архипастырскомъ посланіи 24 февраля 1863 года (напечатанномъ въ Мессахъ) Герцену и всѣмъ кому, кто будетъ находится съ нимъ въ сношеніяхъ. Мельникова томъ, что раскольники не признають власти, и умыленно поддерживались и распространялись смитрангати, а равно и нѣкоторыми писателями о расколы. Тутъ очевидно, что Мельниковъ говоритъ не объ отсутствіи у старообрядцевъ какихъ бы то ни было общественныхъ стремленій, а о lackъ дивергентности въ монархію и неспособности въ революціоннымъ дѣйствіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что обвинить старообрядцевъ, напримеръ, въ революціонныхъ стремленіяхъ такъ же неосновательно, какъ обвинить въ этомъ мирный либерализмъ. Но г. Мельниковъ дѣлаетъ тутъ ошибку, что отрицаетъ склонность въ революціоннымъ дѣйствіямъ у всѣхъ старообрядцевъ, а между тѣмъ несомнѣнно, что въ ихъ торжествующихъ группахъ она существуетъ, какъ и будетъ показано ниже. Онъ въ доказательство своей мысли приводитъ архипастырское посланіе отъ 24 февраля 1863 года, но, въ обратномъ, самъ г. Мельниковъ прекрасно знаетъ, что это архипастырское посланіе имѣетъ въ виду только мнѣніе старообрядцевъ и поповцевъ, а эти люди не всего старообрядія. Дѣйствительно, говорить о склонности старообрядія вообще къ революціоннымъ дѣйствіямъ нѣтъ никакихъ оснований, ибо подавляющее большинство ихъ необходимо хотѣли бы мирнымъ и постепеннымъ преобразованіемъ. Немногочисленная же группа революціонеровъ не имѣетъ права претендовать на то, что бы ея стремленіями были охарактеризованы остальныя, которыхъ они сами брадять на то, что они власть антихристову признали и деторились. Не необходимо строго различать способности къ революціоннымъ дѣйствіямъ отъ стремленія и возбудить реформамъ и преобразованіямъ. Если о первой изъ нихъ не можетъ быть и рѣчи при опредѣленіи стремленій старообрядія, то это отнюдь не доказываетъ, что бы не было втораго. Конечно, М. в. а. г. Кроме того, г. Мельниковъ допускаетъ изъ виду до обстоятельство, что наши мирные старообрядцы и поповцы днѣмъ отсутствія свободы въ роисковданіи сами обратились къ Герцену, ожидая отъ него себѣ помощи, и только разочаровавшись въ этомъ и боясь обкомпрометировать себя передъ правительствомъ, вынужденны были обратиться къ Герцену.

нужели своею властью. Вольно говорить про низверженіе власти и умѣли такъ-то совмѣстить крайній либерализмъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніи съ своимъ старообрядческимъ убѣжденіемъ, и не считая Горцена прагматическимъ религіознообщиннымъ и православнымъ въ особенности, и въ то же время готовы были видѣть въ немъ покровителя раскольниковъ, и древлеправославной вѣры». *Между тѣмъ* возникла новая мысль, въ интересахъ раскольниковъ, открытъ сношенія съ иждивателемъ «Колокола», и отдать подъ его охрану и защиту неприкосновенныя права русскаго старообрядства»¹⁾. Ведѣтвію своихъ мирныхъ наклонностей, старообрядцы, добиваясь свободы вѣроисповѣданія, надѣются не на себя, а на милость правительствъ или на помощь постороннихъ силъ. Такъ, въ 1857—1858 г. у раскольничьихъ проповѣдъ возникла мысль просить защиты отъ русскаго правительства у Наполеона III, которая и была приведена въ исполненіе въ 1862 году»²⁾.

Впрочемъ, въ исторіи старообрядчества найдется не мало случаевъ открытой борьбы съ правительствомъ, таковы: наприѣры, случай сопротивленія Соловецкаго монастыря и многочисленные другіе, менѣе извѣстные. Въ раскольничьемъ сочиненіи «Синагога» о подвигахъ страдальцевъ Покровскаго монастыря, Елѣновскаго, Зыбковскаго и Злыньскаго посадовъ, совершившихся въ 1791 году, описывается осада монастыря июскими тузарами и удачное сопротивленіе осажденныхъ, которые «устремившася на сунулаты съ оружіемъ деревяннымъ, яко же писано, есть: «стрѣль и далаца моя, ты мя утѣшиста»³⁾.

Но болѣею частью эти сопротивленія являлись результатомъ безпощадныхъ гоненій за вѣру, и несомнѣнно могутъ быть вполнѣ уничтожены дарованіемъ старообрядцамъ свободы вѣроисповѣданія. Это тѣмъ болѣе необходимо, чѣмъ гоненіе за вѣру вызываетъ только фанатическую ненависть въ государствѣ и его представителямъ. Даже у такихъ мирныхъ сектаторовъ, какъ-то: поповцы старообрядцы. Такъ, «по нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что изъ среды турецкихъ поповцевъ вышли люди, которые въ 1854 году задумали убить императора Николая I. и для этого отправились въ Петербургъ. Что остановило ихъ — не извѣстно»⁴⁾.

«Въ 1855 году найдено въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской гу-

1) Русск. Вѣсти. 1867 г., № 4, статья Г., стр. 700.
 2) Русск. Вѣсти. 1866 г., № 11, статья Г., стр. 42—46.
 3) Сборникъ правит. свѣдѣній о расколѣ, Кельсера, вып. II, стр. 233.
 4) Русск. Вѣсти. 1866 г., № 11, статья Г., стр. 24.

бернии, «Сказаніе о бѣлояриницкой митрополіи», сочиненіе въ послѣднее время весьма распространенное среди раскольниковъ. Тамъ объ австрійскомъ императорѣ говорится съ великимъ уваженіемъ, а объ императорѣ Николаѣ I тѣми самыми выраженіями, которыя употребляютъ въ нашихъ Четиминіяхъ при повѣствованіи о Неронахъ и Деоклетіанахъ»¹⁾).

Г. Фармаковскій говоритъ про поповцевъ, что, по ихъ мнѣнію, «вышнее отношеніе къ государству должно быть безукоризненно. Иное дѣло—внутреннее сознаніе, совѣсть. Здѣсь нѣтъ мѣста никакому уваженію къ государству». «Правительство есть орудіе дьявола и безсознательно творитъ волю его». Но «неповиновеніе правительству, сопротивленіе его узаконеніямъ—вообще непозволительно; но когда нужно отстоять святость своей вѣры, тогда дѣлаются позволительными всякія средства»²⁾. Прежде они молились за царя, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, должно молиться за предержащія власти, хотя бы эти власти были и язычники, но «въ тропарихъ заключающихъ моленіе за царя употребляется слово: державный, а не «благочестивѣйшій и благовѣрный»; это потому, что царей русскихъ считаютъ безблагодатными, а нѣкоторые и богопротивными»³⁾. Въ настоящее же время молятся за царя только нѣкоторые изъ поповцевъ, а именно «окружники». Въ 1862 году поповцы раздѣлились на двѣ группы: окружниковъ и противоокружниковъ. «Окружники—это приверженцы «Окружнаго посланія», въ которомъ, между прочимъ, былъ и пунктъ, касающійся моленія за царя. Въ немъ утверждалось, что «молиться за царя слѣдуетъ, такъ какъ Св. Писаніе велитъ молиться даже за иновѣрныя власти». Число поборниковъ «Окружнаго посланія» постепенно сокращалось, и теперь едва ли можно найти хоть одного чистаго окружника»⁴⁾. Старообрядческій соборъ 1868 года въ Бѣлой Криницѣ постановилъ: молящихся за властей отлучать отъ церкви. По свидѣтельству г. Субботина, къ молящимся за властей принадлежатъ по преимуществу купцы, а къ немолящимся—крестьяне»⁵⁾. Такимъ образомъ громаднѣйшее большинство поповцевъ въ шестидесятыхъ годахъ стали рѣче-

¹⁾ „Сборникъ“ *Кельсева*, вып. I, стр. 192.

²⁾ *Отч. Зап.* 1866 года, статья Вл. Фармаковскаго, стр. 630.

³⁾ „Сборникъ“ *Кельсева*, вып. IV, стр. 89.

⁴⁾ „Любопытный отвѣтъ на вопросы глаголемымъ старообрядцамъ“, Н. Субботина, стр. 6.

⁵⁾ *Русск. Вѣстн.* 1864 и 1869 гг., статьи Н. Субботина.

относиться къ правительству, чѣмъ прежде. Теперь иже сто молитвы за царя они поютъ: «побѣды благовѣрнымъ христіаномъ на сопротивныя даруй» ¹⁾).

Отсутствіе свободы вѣроисповѣданія, очевидно, раздражаетъ и ту часть раскольниковъ, которая не имѣетъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ стремленій къ общественнымъ реформамъ и была бы способна примириться съ существующимъ порядкомъ вещей. «Царю слѣдуетъ только подати и оброки собирать, — говорить одна раскольничья рукопись; — ему въ духовныя дѣла вмѣшиваться не слѣдуетъ. Духовное духовными разсуждается; какая же нужда царю за вѣры сажать въ крѣпости? Пускай всякая вѣра сама собою окажетъ плодъ евангельской добродѣтели; нѣтъ надобности мучениями приводить въ вѣру по подобію языческому. Какъ архіереямъ неприлично входить въ распоряженіе войскомъ, такъ и государю не слѣдуетъ касаться до вѣры» ²⁾). Что многіе изъ старообрядцевъ враждуютъ съ государственною властью, только отстаивая свое право на свободу вѣроисповѣданія, можно видѣть отчасти и изъ слѣдующаго факта. Какъ извѣстно, у раскольниковъ въ обычаѣ писать письма къ цѣлымъ обществамъ и группамъ по поводу текущихъ событій и религіозныхъ вопросовъ. Въ одномъ изъ подобныхъ писемъ, присланныхъ на Рогожское кладбище въ Москвѣ, старообрядецъ слѣдующимъ образомъ относится въ 1848 году къ австрійской революціи: «Ей-ей, не веселить меня открытая въ здѣшнихъ странахъ многими ублажаемая такая великая свобода и вольность, понемногу превосходить и вѣры» ³⁾). Но было бы вполнѣ ошибочно заключать изъ этого, что такъ отнеслись къ австрійской революціи все старообрядцы. Между ними были и такія отдѣльныя личности, которыя готовы были, подобно Рудину, умереть на баррикадѣ, добывая вольности какому-нибудь изъ западно-европейскихъ народовъ. По словамъ старообрядческаго епископа Пафнутія и М. А. Бакунина, на пражскомъ революціонномъ сеймѣ, во время возстанія противъ австрійскаго правительства въ 1848 году, были только двое русскихъ: М. А. Бакунинъ и старообрядческій инокъ Алимпій Милорадовъ; этотъ послѣдній произнесъ рѣчь въ революціонномъ духѣ, а потомъ былъ и на баррикадѣ ⁴⁾). Убѣжденія Милорадова отчасти

¹⁾ *Истина* 1875 г., кн. 38.

²⁾ «Сборникъ» *Кельсера*, вып. I, стр. 211.

³⁾ *Русскій Архивъ* 1875 г., № 5: «Отзывъ русскаго старообрядца о вѣнской революціи 1848 года», стр. 113 и 114.

⁴⁾ *Русск. Вѣстн.* 1867 г., № 4, статья Г., стр. 713 и 714.

могутъ быть вынесены ниромомъ его близкаго соотечественника по основанію Бѣло-Бричанской старообрядческой митрополіи, Павла Бѣловриницкаго, писавшаго въ 1848 году въ Москву слѣдующее: «Хотю открыть вамъ ужасное ожиданіе о всемирной конституціи, что знамуть *можно*, *медомъ помазана*, и уготовляется рано или поздно на захватаніе всего міра! Не продолжайте вамъ, *начала* ея, ибо *медомъ* вольности помазана; вамъ доводило въ предосторожности, только слова того, если удержите; конституція, бойтесь, яли нѣшего, вродомаднаго губителя, являющагося въ вамъ юды видомъ благотворителя! А какъ выше сказано, *нужна* *на* *самотряпакъ* *ни* *ста* *власть* *съ* *другой* *точкой*, *та* *есть* *не* *са* *матинанія*, *а* *са* *самар* *совершенн* *уми* *ел*, да увидимъ, что *на* *есть* *лаоля*, *а* *зоро*. . .»). Что все это страшило, это фактъ обсуждения старообрядческими грушми, (письма, какъ мы уже говорили, предназначались не отдельнымъ лицамъ, а цѣлымъ обществомъ) такихъ вопросовъ, какъ конституціонный, въ одно изъ самыхъ глухихъ временъ исторіи русскаго народа, когда даже наша интеллигенція, за самымъ ничтожнымъ исключеніемъ, была далека отъ подобныхъ вопросовъ. Тутъ яна обнаруживается то сильное развивающее значеніе, которое имѣеть старообрядческое общество на мысль своихъ членовъ; постоянно поддерживая и направляя ее путемъ коллективной умственной работы. Какъ бы ни рѣшали старообрядцы общественные вопросы, хорошо уже и то, что ихъ мысль работаетъ надъ ними.

Несомнѣнно то, что отсутствіе свободы въ роисповѣданіи поддерживаетъ въ старообрядцахъ, какъ и вообще во всемъ рае-вольѣ, критическое настроеніе относительно существующаго государственнаго строя, такъ что теперь раскольникъ видитъ «въ каждомъ представителѣ власти своего врага или, по крайней мѣрѣ, недруга»**), называя дѣйствія полиціи не иначе, какъ «навадомъ диконьянскимъ, духообряднаго суда»***). Старовѣръ охотнѣе готовъ вступить въ сношенія съ дьяволомъ, нежели съ слугами антихриста; вотъ его закликанія: «Бѣса явный, бѣсе омадный, бѣсе индистый! но сидь по праву заговора-приговора, заворота-приворота, явится предо мною, какъ листъ передъ травою, и защитите и обережите меня, раба божьяго (или роетъ) отъ судей судейскихъ, и мірскихъ властителей, и всяческихъ чинов-

*) Русск. Вѣсти. 1866 г., № 9, статья Г., стр. 128.

**) Христіанское Чтеніе 1876 г., № № 5 и 6, статья Z., стр. 803.

***) Христіанское Чтеніе 1863 г., ч. I, статья И. Никольскаго, стр. 90.

никовъ мужеска и женска пола. Бѣсе смрадный! ослѣпи и омрачи разумъ судей судейскихъ, мірскихъ властителей и всяческихъ чиновниковъ. Бѣсе огненный! сожги ихъ сердце и совѣсть. Аще же что злое умыслятъ на меня, раба божьяго (имя рекъ), то, бѣсе иглистый, исколи утробу судей судейскихъ и мірскихъ властителей, и всяческихъ чиновниковъ мужеска и женска пола. Бѣсе рьяный! стяни жилы ихъ корчами и узлами нераспутными, во вѣки вѣковъ, аминь» ¹⁾).

Старовѣрческія пословицы утверждаютъ: «Не та вѣра свята, которая гонитъ, а та, которую гонятъ»; «которая вѣра гонима, та и Христу любима» ²⁾). Нечего удивляться поэтому, что «въ прошлое царствованіе (здѣсь рѣчь идетъ о царствованіи Николая Павловича), несмотря на строгія мѣры противъ раскольниковъ и особенно противъ совратителей, пропаганда раскольниковъ дѣлала свое дѣло» ³⁾). Очевидно, что помощь государства на поддержаніе православія не особенно существенна, хотя безъ этой помощи, по мнѣнію многихъ, православіе не можетъ обойтись. Одинъ изъ подобныхъ неразумныхъ защитниковъ православія утверждаетъ: «безъ содѣйствія властей гражданскихъ, какъ извѣстно по опыту, не можетъ быть полного успѣха въ дѣлѣ обращенія людей, будто бы непокорныхъ одной лишь власти духовной» ⁴⁾). Такимъ образомъ авторъ прямо заявляетъ, будто бы православіе настолько духовно бессильно, что необходимо нуждается въ поддержаніи его силою гражданской власти. Его намекъ на то, что раскольники непокорны и гражданскимъ властямъ, никакъ не можетъ доказать необходимости употреблять силу государства на поддержаніе православія; ибо тотъ, кто будетъ непокоренъ государству, можетъ подвергнуться его карамъ и стѣсненіямъ помимо того, чтобы заставлять его совершать обряды такъ или иначе,—своихъ противниковъ государство можетъ искать и наказывать, не спрашивая, какими образомъ они молятся и вѣрятъ ли тому, чему учитъ православіе. Требованіе неразумныхъ защитниковъ православія—силою удерживать народонаселеніе въ православной церкви—ведетъ только къ тому, что раскольники и на государство переносятъ свою вражду къ церкви. А разъ они начинаютъ враждебно относиться къ государству, то, какъ люди

¹⁾ *Отеч. Записки* 1863 г., № 1, статья А. Стороженко, стр. 128 и 129.

²⁾ *Т. Твердынский*: „Бесѣды...“, стр. 67.

³⁾ *Христіанское Чтеніе* 1876 г., №№ 5 и 6, статья Z., стр. 794.

⁴⁾ „Расколь общаемиый своею исторіею“, стр. 167.

выше стоящие по своему умственному развитію, чѣмъ остальное народонаселеніе, они легко могутъ отыскивать большія мѣста въ государственномъ строѣ и указывать на нихъ постороннимъ лицамъ. Дѣлать это они будутъ уже и потому, чтобъ оправдать себя въ ихъ глазахъ и выставить своихъ товарищей какъ несправедливо гонимыхъ злыми, несправедливыми властями. Такимъ образомъ государство, такъ сказать, силою заставляетъ многихъ изъ своихъ членовъ обращать самое тщательное вниманіе на свои слабости и пороки. Не лучше ли ему позаботиться о собственныхъ интересахъ и не увеличивать напрасно число недовольныхъ, тѣмъ болѣе, что его поддержка православія имѣетъ для этого послѣдняго ничтожное значеніе, если судить не по оффиціальнымъ формамъ жизни, а по дѣйствительно существующимъ фактамъ?

Бромъ того, несомнѣнно и то, что эта поддержка окончательно компрометируетъ религію въ глазахъ многихъ и многихъ: этимъ и объясняется то, что ни въ какой странѣ нѣтъ менѣе религіозной интеллигенціи, какъ наша. Пора уже сознать, что палка—плохое средство насаждать религіозность въ сердцахъ людей. Религіозныя стѣсненія скорѣе ведутъ къ усиленію раскола, чѣмъ наоборотъ. Вотъ что объ этомъ говорятъ старообрядцы въ одной изъ недавно изданныхъ ими книгъ: «Преслѣдуя старообрядство и покровительствуя самовластительству архипастырства, его обрядовой нетерпимости, правительство стирало однѣ верхушки раскола и отолцало его стволъ, укрѣпляя его корни, и не только не ослабляло раскола, но само расширяло, укрѣпляло его» *). И въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало найдется людей, которые станутъ присматриваться къ старой вѣрѣ именно потому, что ее стѣсняютъ и гонятъ. А разъ это произойдетъ, то искреннее сердце подскажетъ имъ ту истину, которую выражаютъ старообрядцы слѣдующими словами: «Что это за истина, которая прибѣгаетъ не къ убѣжденіямъ въ духѣ евангельской кротости, а къ знакамъ гражданской тѣлесноощущаемой власти—къ кандаламъ, острогамъ, плетямъ, срубамъ, сожженію и т. д.? Вѣчная истина гнушается такими аргументами, отвергаетъ покореніе себѣ такими площадными кровопролитными средствами. Истина сама по себѣ властна поборять себѣ все мыслящее; только ложь, для возвышенія своего случайнаго авторитета и пріобрѣтеннаго гос-

*) „Историческія изслѣдованія, служація къ оправданію старообрядцевъ“. В. М. К., стр. 68 и 86.

шодства, нуждается во внѣшней силѣ и одобряетъ всѣ средства, коими сооружено и коими поддерживается господство, на примѣръ, греко-никоновскаго исправленнаго обрядства, и обличаетъ его несостоятельность!» *).

Лучшее, что можетъ предпринять правительство при подобныхъ обстоятельствахъ, это—не вмѣшиваться въ борьбу религіозныхъ идей, предоставивъ ихъ естественному теченію, такъ какъ оно не въ силахъ дать имъ желаемаго направленія. А между тѣмъ его вмѣшательство въ борьбу только вредитъ ему самому, обращая вниманіе стѣсняемыхъ въ своихъ вѣрованіяхъ на отысканіе государственныхъ ошибокъ и неустройствъ. Одинъ изъ официальныхъ изслѣдователей раскола, графъ Стенбокъ, еще въ 50-хъ годахъ отвѣчалъ на вопросъ: какія мѣры должно принять правительство для искорененія раскола?—слѣдующимъ образомъ: «Обязанный высказать по совѣсти свое убѣжденіе, я долженъ сознаться, что не вижу никакихъ мѣръ, которыя при настоящемъ порядкѣ вещей могли бы принести существенную пользу» **). Преслѣдованія раскольниковъ при императорѣ Николаѣ I повели, между прочимъ, и къ тому, что «на допросахъ при формальныхъ слѣдствіяхъ раскольники прямо говорили: «Мы бы всѣ рады въ Австрію уйдти, да пропуски крѣпки» ***). Разумно ли со стороны государства наталкивать своихъ подданныхъ на совершенно непатріотическую мысль объ оставленіи отечества, стремясь къ совершенно недостижимой цѣли религіознаго единства русскаго племени? И религіозное объединеніе не дается, какъ заколдованный кладъ, и государство дѣлается предметомъ вражды для умнѣйшей и энергичнѣйшей части народонаселенія.

Менѣе терпѣливая и болѣе строптивая часть раскольниковъ, къ которой можно отнести *большинство* ихъ, подвергаясь гоненію, а потому и тщательнѣе всматриваясь въ государственный неустройства, пришла къ мысли о господствѣ антихриста надъ русскою жизнью. Съ самаго начала появленія раскола, въ ихъ средѣ зародилась мысль объ антихристѣ, какъ о чемъ-то нечувственномъ, духовномъ; но мысль эта сначала была у нихъ не въ ходу по своей отвлеченности. Теперь эта мысль сдѣлалась любимой ихъ идеей. Одни изъ нихъ подъ антихристомъ подразу-

*) Тамъ же.

**) „Сборникъ...“ *Кельсига*, вып. IV, стр. 342.

***) Тамъ же, вып. I, стр. 192.

мѣвають антихристіанскій духъ нашего общества, отступленіе людей, отъ Христа и преподаннаго имъ ученія, еретическое состояніе церкви Христовой. Другіе подразумѣвають подъ нимъ *послѣдовательный рядъ лицъ*, слѣдующихъ одному и тому же ученію, противному евангельской истинѣ. Поэтому антихристъ—это начавшійся съ Никона послѣдовательный рядъ лицъ богомерзкихъ отступниковъ, *особенно лицъ великосвѣтскихъ*; антихристъ—это всѣ потаковники и исполнители беззаконія, архіереи, попы, бояре, господа и пр. Но, какъ духъ богомерзкаго отступленія, духъ вѣчной гибели, антихристъ живетъ и дѣйствуетъ *преимущественно* въ лицахъ правительственныхъ, «*властодержцахъ*». Антихристъ царствуетъ въ мірѣ давно, въ Россіи же съ 1666 года ¹⁾. Понятно, что при такомъ объясненіи антихриста безпоповцы издавна считали государство сознательнымъ орудіемъ зла и называли его «*богоборнымъ*». Поворачиваясь ему необходимо, но только потому, что за нимъ—преимущество силы ²⁾. Исходя же изъ своего понятія объ антихристѣ, они утверждали, что «за нынѣшнюю власть молиться есть богомерзкое преданіе и скверное разумѣніе» ³⁾. Одинъ священникъ говорилъ чиновникамъ, собиравшимъ свѣдѣнія о расколѣ, что «до его слуха не разъ доходили наглыя рѣчи раскольниковъ, что на престолѣ русскомъ уже давно возсѣдаетъ змѣй и антихристъ и что всѣ почитающіе царя и молящіеся за него въ церквахъ суть слуги антихриста» ⁴⁾. Мысль, что антихристъ есть по преимуществу послѣдовательный рядъ «*властодержцевъ*», настолько излюблена раскольниками, что они ее пропагандируютъ не только устно и письменно, но и посредствомъ картинъ, «представляющихъ раскольническое ученіе объ антихристѣ, страданія отъ него истинныхъ христіанъ и гибель его самого во всевозможныхъ формахъ». У одного изъ раскольничьихъ живописцевъ найдена приготовленную надпись для одной изъ подобныхъ картинъ: «Се зришь ты разъяренныхъ: царя, вельможей и князей! Воздаждь самъ, Господи, злодѣямъ, ихъ злость на нихъ же обрати» ⁵⁾.

Идея о господствѣ въ наше время антихриста выражается у многихъ раскольниковъ въ формѣ «Извѣстій новѣйшихъ вре-

¹⁾ *И. Юзовъ*: „Русскіе диссиденты“, стр. 61 и 64.

²⁾ *Отеч. Записки* 1866 г., статья Фармаковскаго, стр. 631.

³⁾ *Учен. въ Имп. Общ. ист. и древн. росс.* 1870 г., кн. 2, стр. 79.

⁴⁾ „Сборникъ...“ *Кельсиева*, вып. II, стр. 18.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 14.

мень» .Эти «Извѣстія» очень часто читаются ими и обыкновенно висятъ на почетномъ мѣстѣ около образовъ, вклеенныя въ рамку и подь стекломъ. Пишутся они печатными славянскими буквами; первая половина каждой фразы красными, а вторая—черными чернилами. Вотъ образчикъ «Извѣстій», списанный въ Саратовѣ въ 1877 году:

„Извѣстія новѣйшихъ временъ“:

Грѣхъ—умеръ.
 Правда—пропала.
 Истина—охрипла.
 Совѣсть—хромаетъ.
 Кредитъ—обанкрутился.
 Вѣра—въ Іерусалимѣ осталась.
 Надежда—на днѣ моря съ якоремъ.
 Любовь—больна простудомъ.
 Невинность—подь судомъ.
 Добродѣтель—таскается по міру.
 Благодѣяніе—подь арестомъ.
 Помощь—оглохла.
 Совѣтъ—съ ума сошелъ.
 Честность—умираетъ съ голоду.
 Кротость—въ горячѣ.
 Искренность—убита.
 Правосудіе—въ бѣгахъ.
 Справедливость—изъ свѣта выѣхала.
 Благодать—на небо взята.
 Трудъ—питается милостынею.
 Умъ-разумъ—въ каторжной работѣ.
 Законъ—лишенъ правъ состоянія.
 Терпѣніе—осталось одно, и то скоро лопнетъ.

Аминь.

Любовь раскольниковъ къ подобнаго рода «Извѣстіямъ» доказываетъ, что они не меньше лучшей части интеллигенціи недовольны существующимъ порядкомъ вещей и что это недовольство не ограничивается желаніемъ свободы вѣроисповѣданія, но распространяется на весь общественный строй. Они такъ же, какъ и интеллигенція, желаютъ, чтобы законъ не былъ лишенъ правъ состоянія, чтобы умъ-разумъ не былъ въ каторжной работѣ, чтобы трудъ не питался милостынею, чтобы честность не умирала съ голоду, чтобы правосудіе и справедливость господствовали въ нашемъ обществѣ, чтобы добродѣтель и искренность имѣли въ немъ свое почетное мѣсто, чтобы невинность не была подь судомъ и т. д., и т. д. Неужели же эти требованія раскольниковъ противорѣчатъ желаніямъ интеллигенціи или общественному благу?

Совѣтуемъ гг. Стебницкимъ и Харламовымъ подумать надъ этимъ, устранивъ обычное свое легкомысліе; тогда, можетъ-быть, они и отступятъ отъ своихъ скороспѣлыхъ выводовъ. Тогда, быть-можетъ, они поймутъ, что мы, интеллигенція, являемся для раскольниковъ «антихристовыми дѣтьми» не потому, что имѣемъ желаніе реформировать многое въ нашемъ государственномъ механизмѣ, а только благодаря недоразумѣнію, вслѣдствіе котораго они и насъ относятъ къ «боярамъ, господамъ и властодержцамъ», ихъ гнавшимъ, не дававшимъ имъ покоя. А что раскольники ставятъ свои печальные «Извѣстія новѣйшихъ временъ» въ зависимость отъ нынѣшняго порядка вещей, это доказывается послѣднею фразой, что терпѣніе скоро лопнетъ. Разумѣется, подобныя фразы совершенно не доказываютъ, что терпѣніе раскольниковъ дѣйствительно скоро лопнетъ, но знаменательна и самая фраза, пущенная, такъ сказать, на вѣтеръ.

Впрочемъ, иногда у раскольниковъ можно замѣтить большую способность хотя бы къ пассивному сопротивленію государству, чѣмъ это бываетъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Какъ извѣстно, «расколъ между уральцами (исключая женщинъ) не есть дѣло фанатизма, но скорѣе всего — лозунгъ для соединенія поборниковъ казачества, т.-е. казачьихъ привилегій и вольностей; уральскій расколъ—оплотъ, ограждающій казаковъ отъ Москвы, отъ нововведеній, прямо или косвенно нарушающихъ основы казачьей общины, ея народоправства» *). Таково было значеніе раскола на Уралѣ прежде, таковымъ оно отчасти осталось и теперь, если судить объ уральцахъ по ихъ сосѣдямъ—оренбургцамъ: реформы по воинской повинности вызвали неудовольствіе между оренбургскими казаками и тамошніе старообрядцы сложили по этому поводу стихи. Вотъ отрывокъ изъ нихъ:

„Въ семьдесятъ четвертое лѣто
 Настало у насъ житіе нелѣпо.
 По нашему согрѣшенію,
 А по Божіему поущенію,
 Начали насъ власти одолевать,
 На новое положеніе понуждать;
 А мы, христіане, стали о себѣ размышлять:
 Какъ намъ христіанамъ жить,
 Антихристовы прелести избѣть.
 Охъ, увы и горе!
 Сокрушаютъ вашу волю.

*) В. Витевскій: „Расколъ въ Уральскомъ войскѣ“, стр. 4.

Уже мы недостойны
 Стали жить спокойно,—
 За наши земныя сласти
 Послажь намъ Господь злыя власти;
 Стали дѣлать перемѣну—
 Вѣры Христовой измѣну *).
 Лишимся, братіе, мірскихъ сластей,
 Станемъ противъ злыхъ властей,
 За вѣру Христову пострадати,
 А своимъ дѣтямъ путь показати **).

Подобно тому, какъ прежде раскольники спасались отъ «антихристовыхъ прелестей» бѣгствомъ за границы государства—въ Польшу, Турцію—и населяли южныя и юго-восточныя степи нынѣшней Россіи, такъ и теперь они убѣгаютъ отъ рукъ антихристовыхъ слугъ, появляясь въ недоступныхъ тущобахъ Сибири. Но теперь этотъ способъ избавленія отъ антихриста черезчуръ затруднителенъ и дѣлается мало-по-малу, съ увеличеніемъ народонаселенія, совершенно невозможнымъ. Когда раскольники убѣгали изъ государства въ мѣста ему недоступныя и устроивались тамъ, какъ хотѣли, то этимъ самымъ государство избавлялось отъ множества недовольныхъ. Теперь же эти недовольные принуждены оставаться въ государствѣ и, разумѣется, распространяють недовольство и между остальнымъ народонаселеніемъ. Бѣгство въ прежнее время служило предохранительнымъ клапаномъ для сохраненія государственнаго порядка, въ случаѣ сильнаго недовольства его порядками. Теперь этотъ клапанъ закрытъ, такъ какъ бѣгство изъ государства въ наше время черезчуръ затруднительно, сравнительно съ прошлымъ.

Русскій Курьеръ (отъ 1881 г. № 11) сообщаетъ, что, укрываясь отъ властей, раскольники заходятъ въ глухія, безлюдныя мѣста, гдѣ и образуются цѣлыя поселки: «Около Томска въ 1860 году открыли въ шестидесяти верстахъ отъ города «тайное» старовѣрческое селеніе; многіе старовѣры, по-прежнему, взяты были, какъ «безпашпортныя», въ острогъ, другіе разбѣжались и ночью подожгли свое жилище. Въ 1857 году по р. Киригѣ, въ Восточной Сибири, открыто было старовѣрческое селеніе Кирамъ съ 114 душами». 1-го сентября 1850 года было доложено государю Николаю Павловичу, что «крестьяне разныхъ вѣдомствъ Сара-

*) Просимъ замѣтить гг. Стебницкаго и Харламова, что нарушеніе казачьихъ вольностей раскольники называютъ «измѣной вѣры Христовой»,—религиозная форма заключаетъ общественное содержаніе.

***) *Истина* 1877 г., кн. 51, стр. 18—21.

товской губернии изъ раскольниковъ покидаютъ свои жилища и толпами бѣгутъ за границу» ¹⁾).

Ради спасенія раскольниковъ отъ «антихристовыхъ слугъ», у нихъ образовались специалисты по поддѣлкѣ паспортовъ. Такъ, одинъ изъ главныхъ наставниковъ филипповскаго согласія, судившійся за снабженіе «многихъ бѣглыхъ подложными видами», показывалъ, что «онъ считаетъ своею обязанностью спасать этимъ средствомъ нищихъ и гонимыхъ людей отъ преслѣдованій и съ тѣмъ вмѣстѣ давать имъ возможность трудиться и снискивать себѣ пропитаніе» ²⁾).

До реформъ прошлаго царствованія отношеніе раскольниковъ къ государству было гораздо враждебнѣе и нетерпимѣе, нежели мы видимъ это теперь. Такъ при одномъ слѣдствіи, производившемся въ 1829 году, едосѣвцы прямо заявляли, что «по ихъ вѣрѣ властей не признается, но всѣ люди считаются равными» ³⁾). Между раскольниками существовали тогда и тайныя общества: «Одинъ филиппонъ сообщилъ по секрету священнику, что въ тайномъ обществѣ въ С.-Петербургѣ, къ которому принадлежитъ и онъ, по ученію апостола всѣ считаются равными братьями, царемъ признается только Царь Небесный, а единственными властями—чиноначалія ангельскія, что общество это, состоящее изъ богатыхъ крестьянъ, собирается въ первомъ часу ночи и расходится въ 6 часовъ утра и что въ члены его допускается принимать не иначе, какъ по удостовѣреніи въ скромности» ⁴⁾). Въ 1846 году, по словамъ Липранди, раскольникъ Кюиня, который былъ наставникомъ и пользовался жаркимъ сочувствіемъ раскольниковъ, на слѣдствіи употреблялъ разныя не позволительныя выраженія противъ царственнаго дома, прибавивъ къ тому, что «не существовать дому Романовыхъ, что соберутся въ числѣ 15 тысячъ, сплетутъ ременные возжи для государя» и т. п. ⁵⁾). Очевидно, что подобный фанатизмъ вызывался у раскольниковъ преслѣдованіями, сыпавшимися на нихъ въ царствованіе Николая I-го. Теперь же, съ смягченіемъ отношенія государства къ нимъ, этотъ фанатизмъ начинаетъ остывать. Они заявляютъ, что въ настоя-

¹⁾ „Сборникъ...“ *Кельсева*, вып. II, стр. 187.

²⁾ Тамъ же, вып. IV, стр. 162.

³⁾ Тамъ же, стр. 103.

⁴⁾ Тамъ же, вып. II, стр. 7.

⁵⁾ *Чтен. въ Имп. Общ. ист. и древ. росс.* 1870 г., кн. II., статья Липранди, стр. 81.

щее время «злѣба антихрѣстова превращается», хотя надъ этимъ и посмѣиваются крайніе изъ раскольниковъ — бѣгуны. Реформы прошлаго царствованія, улучшивъ положеніе всего народа, заставили раскольниковъ признать, что *въ новизнахъ этого царствованія слышится ихъ старина.*

Есть сожалѣнію, преслѣдованіе раскольниковъ не вездѣ прекратилось. Вотъ что пишетъ корреспондентъ газеты *Сибирь*: «Духовенство формальными требованіями обязывало волостныхъ и сельскихъ начальниковъ разводить сводные браки, силой разводить по разнымъ мѣстамъ супруговъ, жившихъ иногда по нѣскольку лѣтъ въ бракѣ и имѣвшихъ дѣтей, и строго слѣдить, чтобы разведенные не сходились между собою «на блудное житіе». Одинъ засѣдатель собралъ до двадцати женщинъ, жившихъ въ сводномъ бракѣ, и посадилъ ихъ въ арестантскую, гдѣ и держалъ ихъ двѣ-три недѣли, несмотря на то, что у нихъ дома оставались грудныя дѣти. Въ 1879 году въ Бійской волости семейства безпоповцевъ были разведены силою: «мать съ дѣтьми увозить отъ отца въ другую деревню и отдають подъ наблюденіе волостнаго начальства, подвергая ее при этомъ всевозможнымъ оскорбленіямъ. Супруги разводятся послѣ 10 — 15 лѣтъ брака!» *). Подобныя варварскія мѣры у насъ называются «водруженіемъ нравственности въ нравахъ народа». Но сколько же горечи, ненависти и негодованія должны произвести эти мѣры въ сердцахъ раскольниковъ?! Не покажутся ли ему правыми бѣгуны, подсмѣивающіеся надъ тѣми, кто увѣренъ въ томъ, что злѣба антихрѣста прекращается? И не въ правѣ ли раскольники считать дѣйствія нынѣшней полиціи и духовенства по-прежнему «духоборнымъ нигоніанскимъ *нахъдомъ?*» И какая нужда государству виѣшиваться въ семейныя дѣла раскольниковъ? Оно допускаетъ у себя подъ божомъ самыя скверныя формы «блуднаго житія» въ видѣ проституціи и разводитъ прочно установившіяся семейства раскольниковъ! Не можетъ быть выгодно государству безъ всякой нужды раздражать своихъ подданныхъ, оскорбляя ихъ самыя сокровенныя чувства. Роль же подстрекателя, которую въ этомъ случаѣ играетъ духовенство, только способна компрометировать его въ глазахъ народа. Въ чьихъ же интересахъ совершаются эти безобразія? Единственный отвѣтъ: въ интересахъ революціонной фракціи старовѣрія — бѣгуновъ и друг., кото-

*) *Русскій Курьеръ* 1881 г., № 11.

рымъ эти безобразія на руку, какъ доказательство, что злоба антихриста не смягчается и не смягчится.

Мы уже говорили о томъ, что реформы прошлаго царствованія нѣсколько примирили съ государствомъ и ту группу раскольниковъ, о которой у насъ идетъ теперь рѣчь, т. е. громаднѣйшее ихъ большинство. Уничтоженіе крѣпостнаго права и вообще внесеніе въ нашу жизнь большей доли равенства и справедливости, нежели это было прежде, считается раскольниками возвращеніемъ къ тому, что они называютъ «стариной». Понятно, что ихъ дальнѣйшее смягченіе по отношенію къ государству можетъ произойти только подъ условіемъ дальнѣйшаго развитія принциповъ реформъ прошлаго царствованія. Никакія полицейскія мѣры тутъ не подѣйствуютъ; онѣ способны только возбудить фанатизмъ религіознаго чувства, такъ какъ соціально-политическія воззрѣнія раскольниковъ настолько переплетены съ ихъ религіозными представленіями, что для нихъ самихъ они представляются чѣмъ-то неразъединимымъ, вполне цѣлостнымъ. Возбуждать же въ настоящее время религіозный фанатизмъ раскольниковъ было бы вполне безтактно. Необходимо признать и то, что хотя эта группа раскольниковъ и не можетъ быть удовлетворена одною свободою вѣроисповѣданія, но признаніе этой свободы несомнѣнно сильно бы смягчило ихъ вражду къ государству, такъ какъ было бы признакомъ желанія государства идти по пути реформъ прошлаго царствованія и вносило бы въ нашу жизнь новыя доли принциповъ равенства и справедливости,—свобода вѣроисповѣданія поведетъ за собою необходимость цѣлаго ряда другихъ мѣръ, въ которыхъ будетъ выражено то уваженіе къ правамъ личности, ради котораго нами и цѣнится сама свобода вѣроисповѣданія. Въ глазахъ раскольника право свободнаго вѣроисповѣданія не можетъ не ограничивать произвола многихъ и многихъ начальствующихъ лицъ, такъ что усиленіе его религіозныхъ правъ поведетъ къ ограниченію произвола антихристовыхъ слугъ вообще, чего онъ такъ настойчиво добивается уже сотни лѣтъ.

Нѣкоторые изъ насъ готовы думать, что раскольники добиваются не свободы вѣроисповѣданія, а господства, каждый, своей вѣры. Но мы имѣемъ прямыя требованія раскольниковъ разныхъ сектъ религіозной свободы, которая, по ихъ мнѣнію, только и соотвѣтствуетъ христіанскому духу. Кроме того ихъ вѣротерпимость, доказывается и фактами ихъ быта. Такъ, «въ безпопощинѣ» бываетъ иногда въ одной семьѣ три толга или секты:

отецъ, жена и дѣти» *). «Гдѣ расколу раздолье,—говорить г. Максимовъ,—тамъ бываетъ три вѣры вмѣстѣ, и всякъ ѣстъ изъ своей чашки, и всякъ молится своей иконѣ. Бабушка держитъ поповщинское распятіе, у большухи тоже осьмиконечное распятіе, но поморское, а самъ хозяинъ иконы своей никому и не покажетъ, какъ истый филипповецъ» **). На вопросъ чиновника у одного раскольника, почему онъ не хочетъ молиться съ женою и дѣтьми, тотъ отвѣчалъ: «Какъ можно! Жена—спасова согласія, дочь—еодосѣва, а прочія дѣти—мірскія» ***). Эти факты доказываютъ, что бояться религіозной нетерпимости раскольниковъ намъ нечего и что вражда ихъ къ «антихристовымъ дѣтямъ» имѣетъ свое основаніе не въ религіозныхъ разногласіяхъ, а въ чемъ-то другомъ. Иначе раскольникъ-отецъ и мужъ не могъ бы переносить религіозныхъ разногласій въ своей собственной семьѣ. Свобода вѣроисповѣданія—необходимая потребность всякаго раскольника, въ особенности же тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ той группѣ, о которой мы ведемъ рѣчь теперь. У насъ готовы восхищаться вѣротерпимостью американцевъ, игнорируя не меньшую вѣротерпимость своихъ согражданъ-раскольниковъ, а подчасъ и подозрѣвая ихъ въ самой фанатической нетерпимости. Но всѣ эти подозрѣнія основаны на недоразумѣніи,—соціально-политическую вражду принимали за религіозную. Мы этимъ не отрицаемъ существованія и религіозной нетерпимости, но хотимъ только указать, что во враждѣ раскольниковъ къ намъ, «антихристовымъ дѣтямъ», играетъ главную роль не религіозный, а соціально-политическій элементъ, только облекшійся въ религіозную форму. Факты религіозной терпимости раскольниковъ вполне подтверждаютъ это. Интеллигенція въ глазахъ раскольника, какъ мы уже говорили, является въ видѣ слуги антихриста, въ видѣ опоры существующаго соціально-политическаго строя, въ видѣ попа, архіерея, князя, боярина, господина, а потому онъ и считаетъ ее враждебною себѣ, проникнутою духомъ антихриста.

Перейдемъ теперь къ революціонной группѣ раскольниковъ—«бѣгунамъ», «странникамъ». Хотя группа эта сравнительно и очень малочисленна, но, благодаря силѣ своего фанатизма, осо-

*) *Чтеніе въ Имѣ. Общ. ист. и древ. росс.* 1870 г., кн. II, статья Липранди, стр. 131.

**) *Отцы. Записки* 1876 г., № 7: „Бродячая Русь“, С. Максимова, стр. 180.

***) „Сборникъ...“ *Кельсева*, вып. IV, стр. 159.

бенно проявившагося въ началѣ 50-хъ годовъ нашего столѣтія, сильно заинтересовала правительство, которое и наряжало особыхъ чиновниковъ для ея изслѣдованія. Можно думать, что реформы прошлаго царствованія нѣсколько ослабили фанатическую вражду странничества къ государству. Мы говоримъ это на томъ основаніи, что «преобладающій элементъ его—помѣщичьи крестьяне и значительная доля военныхъ дезертировъ» ¹⁾. Освобожденіе крестьянъ и преобразованія по воинской повинности могли отнять у бѣгунства самыхъ ярыхъ его поклонниковъ.

Основателями «странничества» можно считать едосѣвцевъ Ивана и Адриана; но особенно прославило его между раскольниками ученіе Евфимія или Афима, «человѣка съ большой начитанностью», дѣйствовавшаго въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. «Главное основаніе его мнѣній,—говоритъ г. Костомаровъ,—выраженныхъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, состоитъ въ томъ, что не слѣдуетъ признавать никакого отечества, никакой власти, а должно быть гражданами всего міра» ²⁾. «Имѣть свой кровь, по ученію странниковъ, незамолимый грѣхъ,—не избудешь его никакими молитвами, никакими поклонами, никакимъ дѣломъ душевнаго спасенія. Будь какъ птица небесная, и вся вселенная будетъ твоя... Бѣги и брань твори съ антихристомъ» ³⁾. Кто же этотъ антихристъ?—Отвѣтъ мы можемъ найти въ одномъ изъ бѣгунскихъ «Цвѣтниковъ», найденномъ чиновниками въ Романовскомъ уѣздѣ; тамъ утверждается, что «антихристъ есть царь злочестивый и что вообще цари, вельможи, архіереи и учителя—наши грабители и мучители» ⁴⁾. Никита Семеновъ Биселевъ, ученикъ Евфимія, распространявшій его ученіе отъ начала 50-хъ годовъ вплоть до нашего времени, говоритъ въ своемъ сочиненіи «Малый образъ ересей»: «На кривѣ писаніи толкующе о антихриствѣ и печати его, якобы антихристъ не въ церквахъ, ни на престолѣ, но въ Иисусѣ, а печать его щепоть и врыжь... печать его не щепоть и крестъ, не трехперстное знаменіе: крестъ десною рукою исправляшеся, *сирѣчь дѣлаными десными*. Антихристъ же *десныя дѣла отсѣчетъ*» ⁵⁾. Подъ «печатью антихриста бѣгуны признають повиновеніе правительству» ⁶⁾. «Пе-

¹⁾ Правос. Обзор. 1864 г., № 8, статья Веснинскаго, стр. 292.

²⁾ Вѣстникъ Европы 1871 г., № 4, статья Костомарова, стр. 515.

³⁾ Странникъ 1877 г., т. III, статья И. Я. Морозкина, стр. 199.

⁴⁾ «Сборникъ... Кельсева, вып. II, стр. 11.

⁵⁾ Истина 1871 г., кн. XIX, стр. 57—60.

⁶⁾ Вѣстникъ Европы 1873 г., № 1, статья Розова, стр. 275.

чать антихриста, сіяющая на слугахъ антихристовыхъ, не значить щепоть или крыжъ, или трегубая аллилуія, но *житіе*, согласное съ мыслью антихриста, но *подчиненіе* ему, какъ Христу, но *изданіе* и *исполненіе*, во имя Христа, *законовъ* въ духѣ антихриста» ¹⁾. «Антихристъ,—говорить бѣгунъ,—многоглавень, многоученъ и многоязыченъ. Все, что не нашей правой вѣры—все антихристъ. Вся эта пестрая поповщина, всѣ эти хромья души, со всѣмъ своимъ мерзкимъ отродьемъ—антихристъ» ²⁾. По словамъ г. Розова, Н. С. Киселевъ говоритъ, что онъ ученіе Евфимія объ антихриствѣ-Петрѣ сначала понималъ буквально, пока не постигъ «глубину разума и премудрости изъ Св. Писанія», потомъ со *всѣми другими* началъ понимать антихриста вообще какъ отступленіе отъ вѣры. Петръ же—антихристъ по преимуществу только потому, что имѣетъ *преимущество власти*» ³⁾. Какъ доказательство, что Петръ—антихристъ, Евфимій привелъ слѣдующее: «Не явственнѣ ли таковое антихриста одержаніе являетъ быти въ первую опись народнѣю, егда первый императоръ описалъ всѣхъ чловѣкъ и раздѣлилъ на разные чины... имъ же размеживъ землю, лѣса и воды, даде я въ наслѣдіе комуждо ихъ». «Всѣ держаны при имѣніяхъ своихъ, сице устави императоръ комуждо глаголати: *свое*. Сей же глаголѣ Св. Златоустъ проклятымъ и сквернымъ нарицаеть: глаголѣ *мое* рече отъ дьявола введеся. Все бо вамъ общая сотворилъ естъ Богъ». «Егда бо по описи раздоби народъ на разные чины и землю размежева, симъ раздѣленіемъ яко язычниковъ содѣла другъ другу завидующихъ, другъ на друга раторбствующихъ, надѣливъ кому много, кому мало, иному же и ничесоже давъ и токмо едино рукодѣліе повелѣвъ». Но беззаконія антихриста не остановились на этомъ; онъ «таково тиранство учини: и съ мертвыхъ дани востребова, чего и въ древнія времена мучители не творили» ⁴⁾. За все это Евфимій называетъ царскую власть иконою сатаны и всѣхъ повинующихся царской власти—кланяющимися иконѣ сатаны ⁵⁾. «Того ради,—говоритъ онъ,—не повелѣно оному льстецу и гонителю повиноватися и покорятися волѣ его: слушаай бо повелѣній онаго чувственнаго антихриста, слушаеть самого сатаны».

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1866 г., № 4, статья Аксакова, стр. 631.

²⁾ *Страникъ* 1871 г., т. III, статья И. Я. Морошкина, стр. 199.

³⁾ *Вѣстникъ Европы* 1873 г., № 1, статья Розова, стр. 288.

⁴⁾ «Сборникъ...» *Кельсѣва*, вып. IV, стр. 260 и 115.

⁵⁾ *Вѣстникъ Европы* 1872 г., № 11, статья Розова, стр. 299.

«Спасется только непокорившийся мучителю»¹⁾. «Кто же не дерзнет вести открытую брань, а хочет спастись, тому должно, оставивъ домъ и семейство, бѣгать и таиться»; но «бѣгство, которому теперь предаются странники, не есть состояніе нормальное и постоянное, по ученію самихъ странниковъ»²⁾. Такъ Евфимій говоритъ, что «святый же Кириллъ Іерусалимскій немогущимъ противъ врага стати бѣгство проповѣдуетъ имѣти, глаголя: страшливи да бѣгутъ; того ради достоинъ таиться и бѣгать, или *съ нимъ на брань вступати*, по тому же Кириллу»³⁾. То же самое повторяетъ и авторъ высокочтимаго бѣгунами сочиненія—«Разглагольствіе тюменскаго странника», Василій Московинъ. По его словамъ, «*братъся съ антихристомъ открытою силою до времени нельзя*; но когда придетъ время, тогда всякій записанный въ книги животныя долженъ ополчиться на антихриста, и если кто въ этой борьбѣ будетъ *убитъ*, тотъ получить такой мученической вѣнецъ, каково еще никто изъ Христовыхъ мучениковъ не получалъ»⁴⁾. Время борьбы не за горами: «конецъ антихриста и его царства, гибель его самого, бѣсовъ его и всѣхъ ему поклоняющихся, предреченныя въ Апокалипсисѣ,—близки». Скоро уже настанетъ «день Христовъ—день брани»⁵⁾.

Что же дѣлають бѣгуны въ ожиданіи наступленія «дня брани?» Вотъ что говоритъ объ этомъ Шаповъ: «Не надѣясь, подобно пугачевщинѣ, разомъ тряхнуть Москвой, ниспровергнуть ненравившійся политическій и церковный порядокъ, согласье бѣгуновъ возвѣстило принципъ постепенной подготовки простаго народа къ политической борьбѣ, посредствомъ странствующей пропаганды, странствующихъ наставниковъ массъ народныхъ»⁶⁾. «Одна изъ основъ секты страннической есть идея пропаганды». «Странникамъ предназначены попеченія и труды только апостольскіе. Каждый странникъ, колыми паче наставникъ, есть вселенскій учитель и апостоль»⁷⁾. Главная ихъ обязанность—«ходить, странствовать по Россіи и научать прежде всего бѣгству, странству и скритію», т. е. активной борьбѣ съ государствомъ⁸⁾. По мнѣ-

¹⁾ „Сборникъ...“ *Кельсіева*, вып. IV, стр. 255.

²⁾ *Русскій Архивъ* 1886 г., № 4, статья Трефолева, стр. 612.

³⁾ „Сборникъ...“ *Кельсіева*, вып. IV, стр. 255.

⁴⁾ А. Шаповъ: „Земство и расколъ“, стр. 289.

⁵⁾ „Сборникъ...“ *Кельсіева*, вып. IV, стр. 20.

⁶⁾ *Время*, статья Шапова, стр. 258.

⁷⁾ „Сборникъ...“ *Кельсіева*, вып. IV, стр. 119.

⁸⁾ *Время*, статья Шапова, стр. 274.

нію бѣгуновъ, «та вѣра мертва, которая не исповѣдуются дерзновенно устами» ¹⁾, поэтому они не только въ теоріи, но и de facto отвергаютъ присягу государству, такъ какъ ею «многое противъ закона обѣщаются исполнять», а также ревизію душъ, подати и оброки, рекрутскую повинность и военную службу. Вообще они побуждаютъ къ фактической борьбѣ съ антихристомъ, которая пока состоитъ «въ противленіи его волѣ и неисполненіи его законовъ» ²⁾. Ходитъ странникъ изъ деревни въ деревню и проповѣдуетъ: «Міръ Божій—тѣсенъ, міръ же сатанинъ—просторенъ и обширенъ; міръ Божій—бѣденъ, міръ сатанинъ—богатъ, гордъ и роскошенъ» ³⁾. «Сѣете въ тлю,—говоритъ пропагандистъ крестьянамъ,—сѣмена ваша, всуе, страждуще, труждаете нивы ваша; созиждутъ грады и не могутъ пожити въ нихъ; посадятъ винограды и не могутъ вкусити отъ плода ихъ и вина ихъ испити» ⁴⁾. Иногда онъ поетъ:

„Не могу пребыть безъ рыданія!
 До конца тлѣетъ благочестіе;
 Процвѣтаетъ нынѣ все нечестіе:
 Чинъ священниченъ серебромъ весь плѣненъ,
 Законъ градской въ концеѣ истребленъ,
 вмѣсто законовъ водворилось беззаконіе,
 Лихоимцы вси грады содержатъ,
 Немилосердые въ градахъ первые,
 На мѣстахъ злые приставники!
 Духъ антихристовъ возвѣя на насъ...
 Не могу пребыть безъ рыданія!“ ⁵⁾

Найдется у пропагандиста и злая шутка надъ антихристовымъ порядкомъ, способная порадовать крестьянское сердце: «Пришла газета,—говоритъ онъ,—съ того свѣта въ нынѣшній вѣкъ, смотри всякъ человѣкъ; правда егорѣла, истина охрипла; добрую совѣсть закопали, смиреніе ногами попрали; славолубіе епископомъ стало, серебrolубіе всѣми обладало». Очевидно, что подобныя рѣчи были первообразомъ тѣхъ «Извѣстій новѣйшихъ временъ», о которыхъ мы говорили выше и которыя теперь сдѣлались достояніемъ большинства старовѣровъ. «Во первыхъ представили сатанѣ монахи и чернецы—пьяницы и подлецы; привели священника озорника-болтушку, плута и мотыжку. Сатана главою по-

¹⁾ „Сборникъ...“ *Кельсѣва*, вып. IV, стр. 120, 121, 274—277.

²⁾ *Время*, статья Шапова, стр. 258.

³⁾ *Вѣстн. Евр.* 1873 г., № 1, статья Розова, стр. 281.

⁴⁾ „Сборникъ...“ *Кельсѣва*, вып. IV, стр. 255.

⁵⁾ *Рус. Архивъ* 1866 г., № 4, статья И. Аксакова.

трясь, испустилъ громкій гласъ: «При церквахъ вы пребывали, а волю мою совершали: табачищемъ носы набивали, — вино и пиво пили, ровно воду въ ротъ свой лили, — безъ памяти напивались и какъ свиньи валялись, — о себѣ и стадѣ своемъ не пеклись, чтобы души ихъ и ваши спаслися, — только приносы ихъ обирали, а должныхъ молитвъ не возсылали, — назывались богомолы и учителя, а были злы, какъ мучители». За тѣмъ явились гордые купцы и бояре-господа. Сатана рюхнулъ по-свиному: «А, честнѣйшіе господа, пожалуйте сюда; накормлю я вашу *жадную душу*, стою олово, смолу и сѣру, какъ сладку грушу, наполню ими ненасытны ваши глотки вмѣсто сладкой водки». Наконецъ, пришли нищіе духомъ, съ голоднымъ брюхомъ. Сатана ихъ не влюбилъ и не много говорилъ: «Зачѣмъ вы, глупые, пришли, иль на небо пути не нашли? Вы о грѣхахъ день-ночь болѣли, и въ адѣ себѣ мѣсто готовить не умѣли; здѣсь все мѣста заняли люди не простые, богатые-толстые: господа, вельможи, что мнѣ всегда угожи». И нищіе ухватили свои кошели, въ царство небесное побрели» ¹⁾).

Крестьяне съ удовольствіемъ слушаютъ эти рѣчи бѣгуновъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ чиновниковъ, изучавшихъ расколъ въ пятидесятыхъ годахъ: «крестьянинъ грамотный и притомъ начетчикъ въ лаптяхъ — что оракулъ для поселянъ, потому что «ихъ братъ» ²⁾). «Всякій крестьянинъ, — говоритъ другой чиновникъ, — всякій, не разорвавшій съ народомъ связи единства жизни и духа, — имѣетъ въ глазахъ народа въ тысячу разъ болѣе авторитета, чѣмъ самый благонамѣренный проповѣдникъ изъ образованнаго сословія» ³⁾). Притомъ и проповѣдники-бѣгуны относятся къ своему дѣлу съ усердіемъ и полнымъ пониманіемъ условій крестьянской жизни. Они «всегда пользуются этой невоздѣланной и еще богатой почвой, — говоритъ чиновникъ, — именно тогда, когда всего удобнѣе» ⁴⁾), т. е. осенними вечерами.

Проповѣдь бѣгуновъ о необходимости активной борьбы съ антихристомъ и его слугами приводила къ тому, что «нигдѣ своеволие и даже буйство, — какъ выражается г. Трефолевъ, — не обнаруживаются въ такой степени», какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть

¹⁾ „Сборникъ...“ *Кельсева*, вып. IV, стр. 292.

²⁾ Тамъ же, стр. 175.

³⁾ *Рус. Архивъ* 1866 г., № 4, статья И. Аксакова, стр. 632.

⁴⁾ „Сборникъ...“ *Кельсева*, вып. IV, стр. 131.

секта бѣгуновъ ¹⁾. Чиновники, изучавшіе странничество, были удивлены свободнымъ съ ними обращеніемъ крестьянъ зараженной странничествомъ мѣстности. Одинъ изъ нихъ встрѣтился въ лѣсу съ двумя крестьянами, которые стояли передъ нимъ, не снимая шапокъ. (Не надо забывать, что дѣло было въ началѣ пятидесятихъ годовъ.) Когда же полицейскій замѣтилъ имъ это, то одинъ изъ нихъ сказалъ: «А што же такое? По-вашему кто царь, кто енараль, кто ваше высокоблагородіе, а по-нашему—всѣ равные братья»; другой же спросилъ: «Не извѣстно ли чиновнику, какъ прибывшему изъ Питера, долго-ль еще будутъ оставаться эти боги»,—и при этомъ указалъ на усадьбу помѣщика. Даже старуха въ той же деревнѣ употребляла въ разговорѣ съ чиновниками слово «братецъ» и наменула на старорусское возмущеніе ²⁾. Молодые странники «нерѣдко ходятъ съ оружіемъ». «Въ Романовскомъ уѣздѣ однажды пойманъ былъ странникъ; товарищъ его, въ то же время бѣжавшій, подстерегъ поимщика въ кустарникѣ, зарѣзалъ и бросилъ его на дорогѣ. Другой странникъ въ Костромской губерніи при поимкѣ стрѣлялъ изъ пистолетовъ» ³⁾. Даже самое открытіе секты бѣгуновъ было результатомъ затѣянной ими, такъ-сказать партизанской, войны съ слугами антихриста. Въ 1850 году, вслѣдствіе размножившихся въ Ярославской губерніи разбоевъ, была послана туда комиссія, которая и открыла, что причиной безпорядковъ была «невѣдомая» для правительства секта бѣгуновъ и что главный ярославскій разбойникъ Пашка заявилъ, что онъ держится страннической вѣры. Въ центрѣ странническаго согласія, селѣ Соцелкахъ, находила себѣ икогда пріютъ «шайка извѣстныхъ воровъ и разбойниковъ» ⁴⁾. Очевидно, что эти «разбойники» были таковыми только относительно помѣщиковъ, купцовъ да чиновниковъ.

При слѣдствіи, производившемся въ началѣ пятидесятихъ годовъ, странники вели себя съ большимъ мужествомъ: «Большинство допрошенныхъ отвѣчало съ крайней осторожностью, не выдавая своихъ тайнъ», но «случалось, однако, фанатизмъ брать верхъ надъ осторожностью и тогда избы оглашались проклятіями...» ⁵⁾. Бывали примѣры, что странники замаривали сами се-

¹⁾ *Рус. Архивъ* 1866 г., № 4, статья Трефолева.

²⁾ „Сборникъ...“ *Кельсиева*, вып. II, стр. 9.

³⁾ Тамъ же, стр. 8.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 69.

⁵⁾ *Рус. Архивъ* 1866 г., № 4, стр. 605.

бя голодомъ, не желая подчиниться требованіямъ слугъ антихриста; многіе прямо объявляли свои мысли и чувства относительно всего существующаго порядка. Никита Семеновъ Киселевъ, самый уважаемый послѣ Евфимія учитель странничества, будучи схваченъ, выказалъ на допросѣ «холодное спокойствіе насчетъ ожидающей его участи». Впослѣдствіи Никита притворился, что бросилъ свои заблужденія, но правительство, вопреки общему правилу, сослало его въ Соловецкій монастырь. По дорогѣ туда онъ бѣжалъ, но былъ пойманъ. Потомъ бѣжалъ во второй разъ, уже удачно, изъ Соловецкаго монастыря ¹⁾. Несмотря на тщательные поиски, правительство не могло отыскать главнаго вождя бѣгуновъ и онъ до недавняго времени продолжалъ свою «апостольскую» дѣятельность.

Странники «раздѣляютъ свое общество на три чина: первый чинъ составляютъ, такъ-называемые, совершенные хрістіане, т. е. тѣ, которые вышли въ странство и окрещены по странническому обряду; второй—составляютъ оглашенные—тѣ, которые вышли въ странство и живутъ со старцами, но не крещены еще, а только обучаются странническому обычаю; третій чинъ составляютъ поучающіеся—тѣ, которые живутъ въ мірѣ, устроили у себя потаенныя мѣста для странниковъ, содержатъ ихъ и исполняютъ ихъ потребности, за что странники помогаютъ имъ въ домашнихъ работахъ: передъ смертью ихъ дѣлаютъ совершенными странниками и крестятъ» ²⁾. Они носятъ названіе «мірскихъ или жилыхъ хрістіанъ», а также «страннопріимцевъ». До выхода въ странство имъ не воспрещается «мірщиться», т. е. ходить въ церковь и бывать у одной исповѣди «для прилики» и «страха ради іудейска», жениться, «ради немощи и хозяйства», на дѣвкахъ не принадлежащихъ къ сектѣ, повиноваться властямъ, но только «телѣсно, а не душевно», а также и пріобрѣтать собственность ³⁾.

Для того, чтобы попасть въ «совершенные хрістіане», нужно пройти искусъ довольно продолжительный: пробыть два, а иногда и три года въ числѣ «оглашенныхъ»; но этотъ срокъ значительно сокращается, если наставники считают почему-либо выгоднымъ скорѣйшее принятіе «оглашеннаго» въ число членовъ секты ⁴⁾. Очевидно, что все это установлено странниками въ виду

¹⁾ Рус. Архивъ 1866 г., № 4, стр. 605.

²⁾ Братское Слово 1875 г., № 4, статья Косаткина, стр. 317.

³⁾ Рус. Архивъ 1866 г., № 4, статья Трефолева, стр. 616 и 617.

⁴⁾ Совр. Лит. 1868 г., № 16, статья Н. Субботина.

безопасности отъ рукъ антихриста. У нихъ встрѣчаются даже убійства лицъ, почему-либо оказавшихся опасными для секты: такъ, одинъ бѣгунскій наставникъ, опасаясь, что его ученикъ, т.-е. «оглашенный», по своей болтливости можетъ погубить многихъ странниковъ, убилъ его, говоря: «лучше одному умереть, да не всѣхъ погубити». Впрочемъ, общественное мнѣніе странниковъ не оправдало поступка своего наставника, и его «аки страшнаго еретика возгнушались» ¹⁾).

Изъ массы «совершенныхъ христіанъ» выдѣляются «наставники»; они избираются странниками изъ своей сферы и обыкновенно бываютъ болѣе начитанными, болѣе энергичными къ дѣлу пропаганды и болѣе способными «въ словѣ», нежели остальные «совершенные христіане». Наставникъ осѣдлымъ быть не можетъ; всякій желающій имѣть вліяніе на братію долженъ находиться въ странствіи: вся власть наставника зависитъ вполне отъ его нравственнаго вліянія ²⁾).

Во главѣ всего странническаго согласія стоитъ «верховный совѣтъ», состоящій изъ всѣхъ наставниковъ, а также и болѣе начитанныхъ старцевъ вообще. Проступки наставниковъ обсуждаются на этомъ совѣтѣ и въ иныхъ случаяхъ, по его рѣшенію, они лишаются своего званія и даже могутъ быть совершенно изгнаны изъ согласія ³⁾. Но и власть верховнаго совѣта—власть нравственная, а не юридическая. Странничество не успѣло еще кристаллизироваться въ строго законченныя и опредѣленныя формы. Благодаря тому, что въ основѣ его теорій лежитъ полнѣйшее признаніе свободы личности, въ немъ постоянно возникаютъ новые толки, которые часто ведутъ оживленную полемику между собою. То, мирно сходясь, толкуютъ о своихъ разномысліяхъ, то рѣшаются «не сообщаться ни въ яденіи, ни въ молитвѣ» и обзываютъ другъ друга еретиками, а черезъ полгода опять сходятся. Такъ, напримѣръ, странники Череповецкаго уѣзда въ 1863 году рѣшили «не сообщаться ни въ яденіи, ни въ молитвѣ» съ тѣми, которые приняли изданныя Н. С. Киселевымъ «статьи»; но на соборѣ 1864 года раздоръ былъ поконченъ, хотя, впрочемъ, потомъ опять возникъ ⁴⁾).

Раздоры между странниками бываютъ, между прочимъ, и по-

¹⁾ «Сборникъ...» Кемсѣва, вып. IV, стр. 125 и 291.

²⁾ Вѣст. Егерей 1873 г., № 1, статья Розова, стр. 273.

³⁾ Тамъ же, стр. 274.

⁴⁾ Братское Слово 1875 г., № 4, статья Косаткина, стр. 305.

тому, что въ ихъ средѣ существуютъ въ *зародышѣ* двѣ партіи: государственники и анархисты. Первую изъ нихъ составляютъ противники только нынѣшняго государства, въ которомъ царствуетъ, по ихъ мнѣнію, духъ антихриста. Они не протестуютъ противъ внесенія принципа власти въ общественныя отношенія и требуютъ только, чтобы власть была проникнута Христовымъ духомъ, а какъ они понимаютъ этотъ духъ, мы старались уже разъяснить выше. Какъ примѣръ возрѣвнй странника-государственника, мы приведемъ показаніе одного изъ нихъ: «Царя и власти считаю нужными только потому, что ни одна земля безъ царя быть не можетъ; но того, по повелѣнію коего странниковъ и христіанъ содержать въ темницахъ, за царя не почитаю, а за мучителя» *). Къ государственнымъ необходимо отнести и Н. С. Киселева. Въ 1863 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ издалъ «статья», которыя, по его словамъ, произнесеннымъ на странническомъ соборѣ въ іюль 1864 года въ защиту этихъ статей, «написаны съ божественнаго писанія, въ примѣръ прежде бывшихъ церковныхъ узаконеній, и такъ какъ *христіанскому обществу нельзя быть безъ начальства*, то за истребленіемъ православнаго священства, по воцареніи антихриста отъ лѣтъ Никона патріарха, слѣдуетъ намъ, въ примѣръ прежде бывшихъ пастырей церковныхъ, имѣть въ каждой странѣ **) старшинъ по три человѣка: первое лицо—въ примѣръ епископа, второе—въ примѣръ сельскаго епископа, т. е. первому помощника, третье—въ примѣръ священника, т. е. духовника, а *прочимъ членамъ церковнаго тѣла быть у старшихъ въ повиновеніи и безъ воли ихъ ничего не творить*» ***). Своими «статьями» Киселевъ имѣлъ въ виду организовать странничество не только въ церковномъ отношеніи, какъ это можетъ показаться, благодаря терминамъ, взятымъ имъ изъ религіозныхъ книгъ, но и вообще сковать согласіе въ извѣстныя, такъ-сказать государственныя, формы. Противъ этого возстала другая группа странниковъ—анархисты. Литературнымъ представителемъ этой группы прежде былъ авторъ «Разглагольствія тюменскаго странника», который утверждаетъ,

*) «Сборникъ...» Кельсева, вып. IV, стр. 287.

**) Въ территориальномъ отношеніи странническое согласіе раздѣляется на «страны». «Страна»—это территория, населенная большимъ или меньшимъ количествомъ странниковъ, группирующихся около извѣстнаго центра. Федеративный союзъ всѣхъ «странъ» составляетъ странническое сословіе (см. *Вѣст. Европы* 1873 г., № 1, статья Розова).

***) *Братское Слово* 1875 г., № 4, статья Косаткина, стр. 307.

что о странникахъ, какъ истинныхъ христіанахъ и праведникахъ, сказано: «Сотворилъ есть насъ цари и іереи Богу и Отцу своему» ¹⁾). На этомъ основаніи «всякая земная власть, по ученію этой группы странниковъ, считается властью антихриста, а признающій эту власть—слугою антихриста» ²⁾). Странникъ Царевъ при допросѣ объявилъ, что «Государя Императора, учрежденныхъ имъ властей, законовъ духовныхъ и гражданскихъ, судебныхъ мѣстъ и помѣщиковъ (дѣло было до освобожденія крестьянъ) не признаетъ и не повинуется имъ, объясняя при томъ, что на небеси есть Царь царствующихъ, а на землѣ онъ самъ себѣ царь и іерей» ³⁾).

Несмотря на громаднѣйшій авторитетъ Н. С. Киселева, всѣ его усилія централизовать странничество мало имѣли успѣха. «Старцы подняли ропотъ на него, что онъ издалъ статьи для управленія братства». «Трое большаковъ, сошедшихъ во едино мѣсто, условились учинить расколъ Н. Семеновичемъ. Начали они по всѣмъ странамъ разсылать посланія, въ которыхъ писали, что Никита Семеновъ — сущій еретикъ, якоже Никонъ патріархъ, издалъ новый законъ подъ названіемъ статей» ⁴⁾). Хотя Киселеву сначала и удалось примирить возставшихъ противъ него съ своими «статьями» на соборѣ въ 1864 г.; но потомъ, какъ мы уже говорили, раздоръ опять возникъ. Въ какомъ состояніи находится дѣло теперь, совершенно неизвѣстно. Но нѣтъ основаній предполагать, чтобы прежній порядокъ въ странничествѣ измѣнился; а прежде было такъ: «Всякій учитъ и дѣйствуетъ по-своему; хотя есть совѣты старцевъ, есть уставы, есть наказанія, но ихъ никто не слушаетъ и не боится» ⁵⁾).

Въ настоящее время странники дѣлятся на нѣсколько толковъ, число которыхъ опредѣляется различно ⁶⁾). Нѣкоторые изслѣдователи указываютъ на это раздѣленіе какъ на признакъ разложенія и паденія странничества. Но раздѣленіе было давно; оно есть результатъ полной свободы личности, стремящейся вполнѣ развить свои духовныя силы и не связанной никакимъ авторитетомъ, который бы объединялъ странничество. Мы видимъ, что

¹⁾ *Вѣстникъ Европы* 1873 г., № 1, статья Розова, стр. 280.

²⁾ „Сборникъ...“ *Кельсиева*, вып. IV, стр. 307.

³⁾ Тамъ же, стр. 340.

⁴⁾ *Совер. Лѣтопись* 1868 г., № 16, статья Субботина.

⁵⁾ См. *Братское Слово* 1875 г., № 4, статью игумена Павла, стр. 329 — 331, а также *Совер. Лѣтопись* 1868 г., № 16, статью Субботина.

⁶⁾ *Вѣстникъ Европы* 1872 г., № 12, статья Розова, стр. 522.

вмѣстѣ съ раздѣленіемъ идетъ параллельно развитіе и распространеніе странничества. Уже въ двадцатыхъ годахъ оно «получаетъ значительное приращеніе въ своихъ членахъ и приобретаетъ значеніе и даже вліяніе между другими толками въ расколѣ» ¹⁾. (Нельзя сомнѣваться въ томъ, что бѣгуны своей страшною пропагандой и упреками въ уступкахъ, дѣлаемыхъ будто бы старовѣрами антихристову духу, способствовали тому, что въ послѣднее время старовѣріе отклонилось больше въ лѣвую сторону, чѣмъ это можно было ожидать.) Тогда же оно «пробороздило двѣ большихъ дороги изъ Ярославля и Костромы въ Астрахань и Сибирь. Теперь его развитіе пошло быстрѣе и наконецъ оцѣнило пристанодержательствомъ весь сѣверъ, востокъ, середину и юго-востокъ Россіи. Тридцатые годы особенно благоприятны были для страннической пропаганды» ²⁾. Въ 1850 годахъ, «во время ея открытія слѣдственно-судною комиссіею, по распространности и по внѣшней своей организаціи находилась въ такомъ состояніи: она обнимала собою губерніи—Ярославскую, Костромскую, Тверскую, Московскую, Вологодскую, Владимірскую, Тобольскую и отчасти другія, находящіяся между Ярославлемъ, Архангельскомъ и Сибирью, хотя не во всѣхъ съ одинаковою степенью развитія. Центромъ всего странничества было село Сопелки, которое постоянно все болѣе и болѣе приобретаетъ значеніе въ исторіи странничества» ³⁾. «Въ наше время послѣдователи страннической секты преимущественно стремятся къ Астрахани» ⁴⁾. Это можно объяснить отчасти тѣмъ, что къ Астрахани до послѣдняго времени тянули всѣ тѣ, которые, по выраженію г. Розова, не имѣютъ никакихъ религіозныхъ стремленій, а толкуютъ о «волѣ» ⁵⁾. По словамъ одного корреспондента, странничество теперь раскинулось по всей Сибири: «особенно много этихъ сектантовъ въ Ишимскомъ и Ялуторовскомъ округахъ (Тобольской губерніи), Маріинскомъ и Війскомъ округахъ (Томской губ.) и Минусинскомъ округѣ (Енисейской губ.). Годъ отъ году послѣдователей этого ученія прибавляется» ⁶⁾. Вообще есть много свидѣтельствъ о *сильномъ распространеніи* странничества. Но свидѣтельства эти, можно думать, нѣсколько преувеличены. Дѣло въ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ *Правос. Обзорніе* 1864 г., № 8, статья Вескинскаго, стр. 317.

³⁾ *Вѣстникъ Европы* 1872 г., № 11, статья Розова, стр. 538.

⁴⁾ Тамъ же, № 12, статья Розова, стр. 539.

⁵⁾ Тамъ же, № 11, стр. 542.

⁶⁾ *Новое Время* 1876 г., № 244.

томъ, что странничество, состоя изъ энергичнѣйшихъ личностей раскола, производитъ на окружающихъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ другіе сектанты. А потому и ничтожная ихъ горсть дѣлаетъ больше шуму, нежели плотныя массы другихъ. Странники своей страстною проповѣдью больше другихъ приковываютъ къ себѣ общественное вниманіе, вслѣдствіе чего и происходитъ то, что число бѣгуновъ въ глазахъ постороннихъ людей нѣсколько преувеличивается. На самомъ же дѣлѣ число странниковъ очень и очень невелико: такъ, одинъ изъ нихъ «сказывалъ въ прошломъ году иноку Павлу, что всѣхъ дѣйствительныхъ бѣгуновъ они считаютъ 2.000» ¹⁾). Въ началѣ пятидесятихъ годовъ чиновникъ, изслѣдовавшій странничество въ Ярославской губерніи, т. е. центрѣ согласія, насчиталъ «совершенныхъ христіанъ» 692 человѣка обоаго пола, а «страннопримцевъ» 1.905 чел. обоаго пола; мѣсть же укрывательства 69 ²⁾); но цифры эти врядъ ли достовѣрны. Мы уже говорили, какъ вели себя на слѣдствіи бѣгуны, а потому думать, что чиновникамъ удалось раскрыть вполнѣ ихъ тайны, нѣтъ основаній. Такимъ образомъ необходимо признать, что статистики бѣгунства быть не можетъ; къ намъ могутъ доходить по слухамъ только свѣдѣнія въ родѣ того, что въ Москвѣ до 1850 года «влиятельныхъ пропагандистовъ согласія бѣгуновъ было до двѣнадцати человѣкъ» ³⁾). Г. Бушень говоритъ о странничествѣ, какъ о сектѣ «многочисленной», не объясняя впрочемъ того, что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ и откуда онъ узналъ число сектантовъ, которые по необходимости таятъ свое ученіе отъ официальныхъ лицъ ⁴⁾). Единственная цифра, на которой съ известною вѣроятностью можно остановиться, указана показаніемъ самихъ странниковъ; эта цифра и есть 2.000 чел.

Съ 1850 года правительство стало сильно и систематически преслѣдовать странничество, но «какіе успѣхи достигнуты съ того времени въ этомъ отношеніи, мы не знаемъ, — говоритъ г. Субботинъ, — хотя можно догадываться, что сдѣлано немного: Никита Семеновъ, котораго тщательно отыскивали въ пятидесятихъ годахъ, какъ известно, и доселѣ продолжаетъ благополучно странствовать, а Федоръ Кривой только въ 1866 году окончилъ

¹⁾ *Сов. Лѣтопись* 1868 г., № 16, статья Субботина.

²⁾ „Сборникъ...“ *Кельсиева*, вып. IV, стр. 78

³⁾ *Время* 1862 г., № 11, статья Шапова, стр. 272.

⁴⁾ „Статистическія таблицы Россійской имперіи“, вып. II, стр. 211.

свое странствованіе подобно всѣмъ земнымъ странникамъ—смертію»¹⁾. Странники говорятъ: «у враговъ нашихъ сѣти многи, но и у насъ во граду вышнему не одиѣ дороги»²⁾. Они пользуются не только фальшивыми паспортами³⁾, но и «смѣнно платятъ надѣваютъ,—какъ выражается ихъ обличитель-раскольникъ,—и на коняхъ разѣзжаютъ, купеческу одежду на себя притягаютъ»⁴⁾. Тѣ изъ странниковъ, которые не признаютъ паспортовъ, на вопросы начальства объ ихъ личности отвѣчаютъ: «христіане есмы на землѣ, а мѣста отечества не знаемъ, но грядущаго взыскуемъ,—странники есмы»⁵⁾.

Если полицейскія мѣры мало помогли при искорененіи странничества, то, наоборотъ, реформы прошлаго царствованія несомнѣнно повліяли на уменьшеніе вражды бѣгуновъ къ государству. Теперь уже не слышно ни о вооруженномъ сопротивленіи, ни о мелкой партизанской борьбѣ, или, говоря иначе, разбойничествѣ: бѣгунство, оставшись такимъ же въ теоріи, не проявляетъ уже той страстной вражды, которую оно выказывало раньше. И понятно: условія народной жизни нѣсколько улучшились, особенно въ нравственномъ отношеніи. Новый подъемъ фанатизма въ бѣгунствѣ можетъ быть вполне предупрежденъ не какими-нибудь полицейскими мѣрами, а дальнѣйшимъ ходомъ по пути улучшенія экономическихъ и юридическихъ условій народной жизни. Тогда бѣгуны не будутъ находить въ сердцахъ крестьянъ вѣры въ господство антихриста надъ русской жизнью и значеніе ихъ проповѣди о необходимости вести брань съ антихристомъ будетъ парализовано. Кромѣ того, дарованіе свободы вѣроисповѣданія несомнѣнно бы измѣнило отношеніе многихъ изъ странниковъ къ

¹⁾ *Свер. Лѣтопись* 1868 г., № 16, статья Субботина.

²⁾ „Сборникъ...“ *Кельсѣва*, вып. IV, стр. 131.

³⁾ На одномъ изъ странническихъ соборовъ „въ городѣ Плесѣ, Костромской губерніи, гдѣ предсѣдательствовала богатая купчиха изъ сапелковскихъ крестьяночекъ, разсуждали: слѣдуетъ ли для прикрытія себя брать билеты, на коихъ печать и слова: „по Указу Его Императорскаго Величества?“ Большинство опредѣлило не брать, потому что на нихъ есть орелъ съ зміемъ и, слѣдовательно, они осквернены; но не отвергнуто и мнѣніе укрывающихся съ ними,—слѣдовательно, есть билеты и у странниковъ“ („Сборникъ...“ *Кельсѣва*, вып. IV, стр. 119 и 120). „Одни изъ странниковъ ходятъ безъ всякихъ письменныхъ видовъ, другіе съ фальшивыми видами, третьи—съ такъ-называемыми духовными паспортами“; эти послѣдніе—сатира надъ паспортною системою (*Драв. Обзор.* 1864 г., № 8, стр. 333).

⁴⁾ *Отеч. Зап.* 1876 г., № 7, статья Максимова, стр. 195 и 196.

⁵⁾ Тамъ же.

государству. Для доказательства приведемъ показаніе одного изъ нихъ: «Въ книгѣ «Хронографъ» я читалъ, что св. отцы велѣли платить дань и Діоклитіану царю, если не будетъ стѣснятъ ихъ, иначе не признавать его власти. И я платилъ бы дань *вашему* государю, еслибы онъ не запрещалъ намъ исповѣдывать истинную вѣру, и призналъ бы его власть» *). Достаточно подобному страннику позволить вѣрить, какъ ему угодно, и онъ изъ «творящаго брань съ антихристомъ» превратится въ мирнаго гражданина, исполняющаго всѣ свои обязанности къ государству.

Въ заключеніе мы опять повторяемъ, что необходимо, во-первыхъ, не смѣшивать малочисленной революціонной кучки бѣгуновъ съ старовѣріемъ вообще, стоящимъ на почвѣ мирнаго развитія, и, во-вторыхъ, о самомъ бѣгунствѣ не судить по фактамъ пятидесятихъ годовъ, такъ какъ несомнѣнно, что оно въ послѣднее время если не теоретически, то фактически измѣнило свое отношеніе къ государству.

І. Юзевъ.

*) „Сборникъ...“ *Бельскаго*, вып. IV, стр. 285.

Молодые всходы.

Ты сердцем горяча, чиста, пряма душой,
Готова вынести все во имя идеала...
Прекрасное дитя! на нивѣ намъ родной
Побитыхъ бурю колосевъ ушь не мало...

Но для того-ль они, питаясь отъ земли,
Политой кровію и потомъ, выросали,
Чтобъ, жатвы избѣжавъ, отъ бури полегли
И птицы хищныя ихъ зерна расклевали?

Бругомъ опять весна... И новые растутъ
Колосья, и звенить надъ ними птички голосъ...
О, сохрани, Господь, на нивѣ каждый колосъ,
Да жатву пышную они потомъ дадутъ!...

А. Кругловъ.

31 мая 1881 г.

ЧЕРЕЗЪ СТЕПИ.

(Разскавъ капитана Ральфа.)

Повѣсть Генрика Сенкевича.

(Переводъ съ польскаго.)

Во время моего пребыванія въ Калифорніи я однажды отправился, съ моимъ достойнымъ и храбрымъ другомъ, капитаномъ Ральфомъ, навѣстить нашего соотечественника, живущаго въ дикихъ горахъ Санта-Лючія. Онъ былъ въ отсутствіи и намъ по-неволѣ пришлось просидѣть пять дней въ глухомъ ущельи въ обществѣ стараго слуги-индійца, который, въ отсутствіе хозяина, присматривалъ за пчелами и ангорскими козами. Сообразно съ мѣстными обычаями, я спалъ большую часть дня, а ночью, у костра изъ сухихъ вѣтвей, слушалъ разсказы капитана о его походахъ и приключеніяхъ, которыя могли имѣть мѣсто только въ американскихъ пустыняхъ.

Время проходило чрезвычайно пріятно. Ночи были настоящія калифорнійскія: тикія, темныя, звѣздыя; костеръ иногда вонюхивалъ яркимъ пламенемъ и освѣщалъ могучую, но прекрасную и благородную фигуру стараго война-пionера, который, поднявъ глаза къ звѣздамъ, отыскивалъ въ памяти слѣды дорогихъ именъ и лицъ, причемъ его чело покрывалось тихою грустью. Одно изъ такихъ воспоминаній я передаю теперь такъ же просто, какъ слышалъ самъ, думая, что и читатель выслушаетъ его съ равнымъ любопытствомъ.

I.

Пріѣхавъ въ Америку въ сентябрь 1849 года,—началъ капитанъ,—я очутился въ Новомъ-Орлеанѣ, который въ то время былъ еще городомъ на половину французскимъ, затѣмъ отпра-

вился къ истокамъ Миссисипи, въ одну большую сахарную плантацию, гдѣ нашелъ работу за хорошее вознагражденіе. Но меня, молодого и предприимчиваго, угнетало сидѣнье на одномъ мѣстѣ и письменная работа; я вскорѣ все это бросилъ и повелъ лѣсную жизнь. Прошло такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ мною и моими товарищами среди луизианскихъ озеръ, крокодиловъ, змѣй и москитовъ. Мы жили охотой и рыболовствомъ, а отъ времени до времени сплавляли большія партіи дерева по рѣкѣ, до Орлеана, гдѣ намъ хорошо платили за это. Область нашихъ дѣйствій была очень обширна. Иногда мы достигали Броваваго Арканзаса (Bloody Arkansas), и теперь еще мало заселеннаго, а тогда—совершенной пустыни. Такая жизнь, полная трудовъ и опасностей, кровавыхъ стычекъ съ пиратами на Миссисипи и съ индійцами, которыхъ въ то время было еще много въ Луизианѣ, Арканзасѣ и Тенесси, закалила и безъ того необыкновенныя мои силы и здоровье, и притомъ дала мнѣ такое знаніе степи, что я могъ читать въ этой великой книгѣ не хуже каждаго краснокожаго воина. Благодаря этому знанію, когда, послѣ открытія золота въ Калифорніи, громадныя партіи эмигрантовъ почти ежедневно выѣзжали изъ Востона, Нью-Йорка, Филадельфіи и другихъ городовъ Востона, — одна изъ нихъ пригласила меня на мѣсто предводителя, или, какъ говорятъ у насъ, капитана.

Я охотно согласился. Въ то время о Калифорніи разсказывали чудеса; у меня давно уже назрѣло намѣреніе пуститься на Дальній Западъ, однако я хорошо сознавалъ всѣ опасности моего предпріятія. Теперь пространство отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско можно проѣхать въ педѣлю по желѣзной дорогѣ, — пустыня начинается отъ Омака, — тогда же было совсѣмъ иначе. Всѣ эти города и городки, точно какъ разбѣянные между Нью-Йоркомъ и Чикаго, не существовали, да и само Чикаго выросло поздне, какъ грибокъ послѣ дождя, — тогда это было северное и никому неизвѣстное рыбацкое поселеніе, не обозначенное ни на одной картѣ. Нужно было идти съ возами, людьми и мулами чрезъ совершенно пустынный край, обитаемый грозными индійскими племенами—Вброновъ, Черноногихъ, Сиу и Павнiевъ, скрыться отъ которыхъ съ большимъ количествомъ людей было почти невозможно. Они не имѣютъ осѣдлости и кружатъ по всему пространству степей за стадами буйволовъ и антилопъ. Намъ предстояло не мало труда, но всякій, собирающійся на Дальній Западъ, долженъ быть готовъ на это, какъ и на то, что не разъ придется

подставлять свою собственную голову. Больше всего прочаго меня страшила взятая на себя отвѣтственность; но дѣло было кончено и ничего больше не оставалось, какъ готовиться къ дорогѣ. Приготовленія эти длились два мѣсяца,—телѣги нужно было привезти изъ Пенсильваніи и Питсбурга, купить муловъ, лошадей, оружіе и запастись пищей. Въ концу зимы все было готово.

Я хотѣлъ двинуться такъ, чтобы великую степь, лежащую между Миссисипи и Скалистыми горами, пройти весной; я зналъ, что лѣтомъ, вслѣдствіе жаровъ, царствующихъ на этомъ открытомъ пространствѣ, многіе люди подвергаются различнымъ болѣзнямъ. Сообразно этому я рѣшилъ вести таборъ не южною дорогою на Санъ-Луисъ, а на Айову, Небраску и Сѣверное Колорадо. Эта дорога, хотя и не обезпечивала насъ отъ индійцевъ, была самою здоровою. Мой планъ сначала возбудилъ неудовольствіе людей, принадлежавшихъ къ табору; но когда я заявилъ, что если они не хотятъ дѣлать по-моему, то чтобы искали другаго капитана,—неудовольствіе стихло и мы, съ первымъ дуновеніемъ весны, пустились въ путь. Начались для меня трудные дни, пока люди не успѣли освоиться ни со мною, ни съ условіями путешествія. Моя особа внушала довѣріе, потому что мои походы въ Арканзасъ сдѣлали меня популярнымъ въ средѣ подвижнаго пограничнаго населенія, а имя Big Ralf (Большой Ральфъ), подъ которымъ меня знали въ степяхъ, не разъ уже жужжало въ уши большей части моихъ людей. Но вообще «капитанъ» или предводитель часто бывалъ, по своей обязанности, въ весьма неприятномъ положеніи. На мнѣ лежало собирать таборъ вѣсть на ночь, слѣдить днемъ, обнимать глазомъ всю цѣпь, растянувшуюся нерѣдко на цѣлюю милю, назначать ночную стражу и давать разрѣшеніе на отдыхъ отдѣламъ, поочередно садящимся на телѣги.

Американцы обладаютъ врожденнымъ духомъ организаціи, но по мѣрѣ возрастающихъ трудностей въ дорогѣ энергія ослабѣваетъ, утомленіе овладѣваетъ самыми сильными и въ это время никому не хочется ни гарцовать верхомъ днемъ, ни идти на-стражу ночью; каждый нарываетъ отдѣлаться отъ очередныхъ занятій и лежать по цѣлымъ днямъ на возу. Притомъ въ сношеніяхъ съ янки я долженъ былъ внушить почтеніе къ себѣ, не выходя изъ предѣловъ пріятельскихъ отношеній, что не весьма легко. Бывало, во время шестивъ и ночныхъ постоевъ, я былъ полнымъ господиномъ надъ волею каждаго изъ моихъ товарищей, но во время дневныхъ остановокъ въ фермахъ и блокгаузахъ, часто

попадавшихся вначалѣ, кончалась и моя роль распорядителя. Тогда каждый чувствовалъ себя независимымъ и не разъ мнѣ приходилось унимать заносчивыхъ авантюристовъ; но когда оказалось, что моя мазовецкая рука сильнѣе американской, мое значеніе быстро возрасло и послѣ мнѣ уже не приходилось встрѣчать личнаго неповиновенія. Наконецъ я зналъ уже наизусть американскій характеръ, зналъ, какъ нужно поступать, притомъ еще больше охоты и терпѣнія придавала мнѣ пара голубыхъ глазъ, поглядывавшихъ на меня изъ-подъ полотняной покрывши телѣги съ особеннымъ интересомъ. Эти глаза, также какъ и головка съ густыми золотистыми волосами, принадлежали молодой дѣвушкѣ, по имени Лиліанъ Морисъ, родомъ изъ Массачузетса, изъ Бостона. Это было хрупкое, слабое существо, съ мелкими чертами и грустными, хотя совершенно почти дѣтскимъ, личикомъ.

Грусть въ такой молодой дѣвочкѣ поразила меня въ самомъ началѣ пути, но скоро занятія, связанные съ моею ролью, отвлекли мое вниманіе на другіе предметы. Первые недѣли, кромя обычнаго ежедневнаго «good morning», мы едва ли обмѣнялись парю другихъ словъ. Однако, видя молодость и полнѣйшее одиночество Лиліанъ, такъ какъ во всемъ караванѣ у нея не было ни родственниковъ, ни знакомыхъ; я иногда оказывалъ бѣдной дѣвочкѣ мелкія услуги. Охранять ее моею капитанскою властью отъ навязчивости молодыхъ людей не было никакой надобности; среди американцевъ всякая молодая женщина можетъ смѣло рассчитывать если не на докучную любезность, свойственную французамъ, то по крайней мѣрѣ на полнѣйшую безопасность. Благодаря слабому тѣлосложенію Лиліанъ, я помѣстилъ ее на самую лучшую телѣгу, управляемую болѣе опытнымъ возницею Смитомъ, самъ усталъ ей сидѣнье, на которомъ она могла спать ночью, наконецъ отдалъ въ ея распоряженіе изъ своего запаса теплую буйволловую шкуру. Лиліанъ принимала эти услуги съ чувствомъ живѣйшей благодарности и высказывала ее мнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Это было кроткое, незлобивое существо. Двѣ женщины — миссисъ Гросвеноръ и миссисъ Эткинсъ, дѣлвшія съ нею телѣгу, тотчасъ же сильно привязались къ ней; имя, данное ей ими Little Bird (маленькая птичка), вскорѣ стало именемъ, подъ которымъ ее знали во всемъ обозѣ. Несмотря на все это, между мною и Птичкой не было никакой сближенія, пока я не замѣтилъ каной-то особенной симпатіи и упорнаго вниманія въ ея голубыхъ, ангельскихъ глазахъ, когда они смотрѣли на меня.

Это можно было объяснить тѣмъ, что изъ всѣхъ окружающихъ только я одинъ отличался хоть какою-нибудь благовоспитанностью; Лиліанъ же, воспитаніемъ которой, замѣтно, тщательно занимались, видѣла во мнѣ человѣка болѣе близкаго себѣ, чѣмъ прочіе. Но тогда я объяснялъ это себѣ иначе, вниманіе Лиліанъ льстило моему самолюбію, а самолюбіе подвинуло самому быть болѣе внимательнымъ къ ней и чаще заглядывать въ ея глаза. Вскорѣ потомъ я и самъ никакъ не могъ рѣшить, какинъ это образомъ я почти не замѣчалъ до сихъ поръ прелестное существо, которое во всякомъ, имѣющемъ человѣческое сердце, возбуждало самыя лучшія чувства. Съ тѣхъ поръ я полюбилъ гарцовать верхомъ около ея телѣги. Въ часы полуденной жары, страшно надоѣдавшей намъ, несмотря на раннюю весну, когда мулы еле тащились, а караванъ такъ раскоззился по степи, что, стоя у перваго воза, едва было можно разглядѣть послѣдній, я часто спускалъ изъ конца въ конецъ, заѣзжая безъ надобности лошадь, чтобъ еще разъ увидать эту русую головку, эти милые глаза, почти не выходившіе изъ моей головы. Сначала болѣе работало мое воображеніе, чѣмъ сердце, но мысль, что среди этихъ чужихъ мнѣ людей есть симпатизирующая мнѣ душа, наполняла меня бодростью и энергіей. Можетъ-быть это вытекало и не изъ чувства тщеславія, а изъ потребности, свойственной всѣмъ людямъ — не тратить всецѣло душу и сердце на чуждые, неопредѣленные предметы, какими являются лѣса и степи, и вмѣсто того, чтобы погибнуть, расплываясь въ пространствахъ, отыскать самого себя въ сердцѣ ближняго.

Я почувствовалъ себя менѣе одинокимъ и все путешествіе стало мнѣ представляться въ новомъ, незнакомомъ до того времени, свѣтѣ. Прежде, когда караванъ растягивался, какъ я уже говорилъ, по степи, такъ, что послѣднія телѣги терялись изъ виду, я видѣлъ въ этомъ только недостатокъ осторожности, безпорядокъ, и сильно сердился. Теперь, когда я останавливался на какой-нибудь возвышенности, видъ этихъ бѣлыхъ, осѣщенныхъ солнцемъ, ныряющихъ въ морѣ травъ, воевъ, видъ конныхъ, вооруженныхъ всадниковъ, въ живописномъ безпорядкѣ разбросанныхъ по степи, наполнялъ мою душу восторгомъ и блаженствомъ. И не знаю, откуда брались у меня такія сравненія, но мнѣ казалось, что это библейскій таборъ, а я, какъ патріархъ, веду его къ землѣ обѣтованной. Бубенчики на упряжи муловъ,

прини «Get up!» возницъ, какъ музыка, вторили моимъ мыслямъ, подсказываемымъ сердцемъ и природою.

Однако съ Лиліанъ дѣло не шло далѣе молчаливой бесѣды глазами; меня смущало присутствіе ея спутницъ. Притомъ съ момента, когда я замѣтилъ, что между нами уже есть что-то, чего я не могъ бы назвать, но чувствовалъ что *это* было, мною овладѣла какая-то странная робость. Я удвоилъ попеченіе о женщинахъ и часто заглядывалъ въ повозку, освѣдомляясь о здоровьи и—съ Эткинсъ и м—съ Гросвеноръ, чтобы такимъ образомъ одѣлать понятными мои заботы о Лиліанъ. Последняя очень хорошо поняла мою политику и это составляло какъ бы нану тайну, скрытую для всѣхъ остальныхъ.

Вскорѣ, однако, взгляды и мимолетный обмѣнъ словъ не стали удовлетворять меня. Эта ясноволосая дѣвушка влекла меня къ себѣ съ какою-то непреоборимою силой. Я мечталъ о ней цѣлый день и даже ночью, когда, измученный объѣздомъ стражи и охрипшій отъ понуканій «All's right», влѣзши на телѣгу и завернувшись въ буйволовою шкуру, закрывалъ глаза, чтобы заснуть,—мнѣ казалось, что и комары, и москиты, жужжащія около меня, поютъ безъ устали имя: Лиліанъ, Лиліанъ, Лиліанъ! Она постоянно грезилась мнѣ во снѣ; проснувшись, я первую мыслью летѣлъ къ ней, но—странная вещь!—я ни разу не подумалъ, что и новое освѣщеніе, въ которомъ мнѣ представлялось все видимое, и радужная окраска всего окружающаго, и мысли мои, летящія за ея возомъ,—что все это не приязнь или сожалѣніе къ сиротливому ребенку, а болѣе могучее чувство, отъ котораго никто не освободится, когда придетъ его очередь.

Можетъ-быть я и раньше замѣтилъ бы это, еслибы не видѣлъ, что всѣ поневолѣ подчинялись ей; я предполагалъ, что и самъ нахожусь подъ влияніемъ очарованія дѣвушки наравнѣ со всѣми. Всѣ любили ее, какъ роднаго ребенка,—доказательства были на-лицо. Ея спутницы были простыя, весьма охочія до всякихъ дразгъ женщины; однако я не разъ видалъ, какъ и—съ Эткинсъ, громаднѣйшее въ мирѣ существо, расчесывая по утрамъ волосы Лиліанъ, цѣловала ее съ материнскою нѣжностью, въ то время, какъ и—съ Гросвеноръ отогрѣвала въ своихъ рукахъ иззябшія за ночь ручки дѣвушки. Мужчины въ равной степени окружали ее нѣжнѣйшими попеченіями. Въ караванѣ былъ нѣкто Генри Симпсонъ, молодой авантюристъ изъ Канзаса, неустрашимый стрѣлокъ и по натурѣ хорошій малый, но такой самоувѣренный

и грубоватый, что я въ первый же мѣсяцъ долженъ былъ дважды отколотить его, чтобъ убѣдить, что имѣю болѣе здоровый кулакъ и большее значеніе въ обозѣ. Нужно было видѣть этого самого Генри разговаривающимъ съ Лиліанъ: онъ, который въ грошъ не ставилъ самого президента Соединенныхъ Штатовъ, терялъ въ ея присутствіи всю свою смѣлость и самоувѣренность, обмахивалъ голову и, повторяя ежеминутно: «I beg your pardon, miss Morris!»—былъ ужасно похожъ на бульдога на привязи. Однако было видно, что этотъ бульдогъ готовъ былъ схватить каждаго за горло по мановенію той полудѣтской ручки. На остановкахъ онъ старался быть всегда при Лиліанъ, чтобы легче было оказывать ей мелкія услуги. Онъ разжигалъ костеръ, выбиралъ мѣсто съ навѣтренной стороны, устлавши его предварительно мхомъ и своими попонами; все это онъ дѣлалъ съ какой-то робкою деликатностью, которую я въ немъ не подозрѣвалъ и которая будила во мнѣ чувство, весьма близкое къ ревности.

Но я могъ злиться только въ глубинѣ сердца. Генри, когда ему не выпадала очередь стражи, могъ дѣлать все, что угодно, быть близъ Лиліанъ, тогда какъ моя очередь никогда не прекращалась. Въ дорогѣ телѣги тянулись одна за другой, иногда на большомъ разстояніи между собой; за то, когда мы вошли уже въ пустыню, во время полуденныхъ остановокъ я ставилъ ихъ въ одну поперечную линію, сомкнутую такъ, что между колесами нельзя было пролѣзть человѣку. Трудно представить, сколько трудовъ стоило мнѣ составить такую, удобную для обороны, линію! По натурѣ дикіе и непослушныя, мулы, вмѣсто того, чтобы стать въ рядъ, или упирались на мѣстѣ, или не хотѣли своротить въ сторону съ убитой колеи, грызая еще при этомъ и визжа; телѣги, круто поворачиваемыя, часто опрокидывались, а подъемъ этихъ настоящихъ домовъ изъ дерева и полотна занималъ массу времени. Визгъ муловъ, ругательство возницъ, бряцанье бубенчиковъ и лай приставшихъ собакъ, сливаясь вмѣстѣ, составляли адскій концертъ. Когда, такъ или иначе, устроивъ все, нужно еще распорядиться выпряжкой света и распределеніемъ, кому вести его на пастбище, а кому на рѣку. Въ это время люди, удалившіеся во время хода въ степь для охоты, сновали за дичиной; костры были разожжены, а я едва находилъ минуту, чтобы проглотить что-нибудь и отдохнуть.

Потомъ мнѣ предстояла почти двойная работа, когда, послѣ отдыха, нужно было двинуться впередъ, потому что запряжка

муловъ вызывала болѣе возни и разговоровъ, чѣмъ распряжка. Возницы одинъ передъ другимъ торопились скорѣе выѣхать, чтобы обезпечить себѣ лучшую дорогу, по боковымъ тропинкамъ; начинались ссоры, драки, проклятія, и, конечно, дѣло вслѣдствіе того затягивалось. Я долженъ былъ наблюдать за всѣмъ этимъ и ѣхать во время движенія впереди, прямо за проводникомъ, чтобы и окрестности осматривать, и выбирать, заранѣе, удобныя, близкія къ водѣ, мѣста для ночлега. Часто у меня срывались проклятія на свою обязанность капитана. Съ другой стороны меня всего наполняла гордая мысль, что во всей той безконечной пустынѣ я первый стою лицомъ къ лицу къ ней, къ Лилианъ, лицомъ къ моимъ людямъ, и что судьба этихъ, блуждающихъ по пустынѣ, людей находится въ моихъ рукахъ.

II.

Одинъ разъ, перейдя уже Миссисипи, мы остановились на ночь при рѣкѣ Седаръ. Растущія на берегу хлопчатныя деревья обезпечивали намъ топливо на цѣлую ночь. Возвращаясь съ мѣста, гдѣ происходили порубки, я издали замѣтилъ, что наши люди, пользуясь чудною погодой и тихимъ, теплымъ вечеромъ, разбрелись изъ табора въ степь во всѣ стороны. Было еще очень не поздно: мы обыкновенно останавливались на ночь въ пять часовъ вечера, чтобы завтра, чуть свѣтъ, выѣхать. Вдругъ я увидалъ миссъ Морисъ. Я тотчасъ слѣзъ съ коня, взялъ его подъ уздцы и приблизился къ ней, счастливымъ, что хоть минуту могу провести наединѣ съ ней. Я началъ спрашивать ее о причинѣ, по которой она, такая юная, рѣшилась пуститься въ дорогу, трудную и для самыхъ вѣрливыхъ мужчинъ.

— Я никогда не согласился бы, — прибавилъ я, — принять васъ въ число пассажировъ, еслибы не думалъ сначала, почему-то, что вы племянница и—съ Эткинсъ; послѣ же было поздно исправить ошибку. Хватитъ ли у васъ силъ, дорогое дитя? Будьте готовы ко всему: дальнѣйшій путь можетъ быть не такимъ легкимъ, какъ пройденный.

— Сэръ!—обратила она ко мнѣ свои грустные голубые глаза,—я знаю объ этомъ, но должна ѣхать и рада, что возвращаться уже поздно. Мой отецъ въ Калифорніи, и изъ письма, которое онъ прислалъ мнѣ черезъ Капъ-Горнъ, я узнала, что онъ вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ лежитъ больной лихорадкой въ

Сакраменто. Бѣдный отецъ!... Онъ привыкъ къ комфорту и только для меня поѣхалъ въ Калифорнію. Не знаю, застану ли его въ живыхъ, но чувствую, что исполняю свой долгъ, отправляясь къ нему.

Нѣчего было отвѣтить на эти слова,—все, что я могъ сказать противъ этого, было бы бесполезнымъ. Я началъ спрашивать Лиліанъ о подробностяхъ, касающихся ея отца, и узналъ, что мистеръ Морисъ былъ «judge of the supreme court», т. е. судья высшаго государственнаго трибунала въ Бостонѣ; потомъ, потерявъ состояніе, удалился на новыя калифорнійскія розсыпи, гдѣ рассчитывалъ поправить обстоятельства и возвратить дочери прежнее положеніе. Но въ это время онъ захворалъ лихорадкой въ нездоровой долинѣ Сакраменто и, чувствуя приближеніе смерти, прислалъ Лиліанъ предсмертное благословеніе. Она же, собравши оставшіяся крохи, рѣшила пуститься къ нему. Сначала она имѣла намѣреніе ѣхать моремъ, но случайное знакомство съ миссисъ Эткинсъ за два дня предъ выѣздомъ табора измѣнило ея рѣшеніе. М—съ же Эткинсъ, родомъ изъ Тенесси, часто слышавшая рассказы товарищей моихъ съ береговъ Миссисипи о моихъ отважныхъ походахъ въ пресловутомъ Арканзасѣ, объ опытности въ путешествіяхъ чрезъ пустыню и о попеченіяхъ, которыя я оказывалъ слабымъ (последнее я считалъ своею обязанностью), представила меня Лиліанъ въ такихъ привлекательныхъ краскахъ, что дѣвочка, не долго думая, присоединилась къ каравану, предводительствуемому мной. Этимъ-то преувеличеннымъ рассказамъ и—съ Эткинсъ, которая не преминула добавить, что я былъ «knight'омъ» *), и нужно приписать вниманіе миссъ Морисъ къ моей особѣ.

— Дорогое дитя! — сказалъ я послѣ ея разказа, — будьте увѣрены, что никто не осмѣлится обидѣть васъ дорогою; что же касается вашего отца, то Калифорнія—самый здоровый край въ мірѣ и отъ тамошней лихорадки никто не умираетъ. Во всякомъ случаѣ, пока я живъ, вы не останетесь одиноки, а пока да благословить васъ Богъ!

— Благодарю, капитанъ,—отвѣтила она съ волненіемъ.

Мы шли дальше, а мое сердце билось все сильнѣй и сильнѣй. Разговоръ нашъ сталъ веселѣй и никто изъ насъ не подозрѣвалъ, что скоро ясное небо надъ нами покроется сѣрою тучкой.

*) „Найтъ“—титულъ, дающій въ Англіи дворянство.—Прим. переводчица.

— Конечно, всё здѣсь добры къ вамъ, миссъ Морисъ?—спросилъ я, ни на минуту не думая, что этотъ вопросъ сдѣлается причиной недоразумѣннн.

— О, да,—отвѣтила она,—всѣ: и миссисъ Эткинсъ, и миссисъ Гросвеноръ, и Генри Симпсонъ, — онъ тоже весьма добръ.

Напоминаніе о Генри Симпсонѣ заставило меня вздрогнуть, какъ укушеніе змѣи.

— Генри—только погонщикъ и долженъ смотрѣть за повозками,—сухо отвѣтилъ я.

Но Лиліанъ, отдавшисъ теченію своихъ мыслей, не замѣтила переменъ въ моемъ голосѣ и продолжала:

— У него доброе сердце и я ему вѣчно останусь благодарна.

— Миссъ!—прервалъ я, задѣтый за живое:—можете ему даже отдать свою руку; только немного странно, что вы избрали меня повѣреннымъ своихъ тайнъ.

Когда я сказалъ это, она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, но ничего не промолвила и мы въ тягостномъ молчаніи шли далѣе. Я не зналъ, что сказать ей; сердце мое было полно горечи и гнѣва на нее и на самого себя. Я чувствовалъ себя совершенно униженнымъ ревностью къ Генри и, тѣмъ не менѣе, не могъ совладѣть съ ней. Положеніе было такъ натянуто, что я коротко и сухо пожелалъ Лиліанъ покойной ночи.

— Покойной ночи!—тихо сказала она, отворачиваясь, чтобы скрыть текуція слезы.

Я сѣлъ на лошадь и поскакалъ было по направленію, откуда доносился звукъ топоровъ и гдѣ вмѣстѣ съ другими и Генри Симпсонъ рубилъ хлопчатникъ, но черезъ минуту меня охватила невыразимая злость; казалось, что эти слезы упали мнѣ прямо на сердце. Я поворотилъ коня и въ мгновеніе ока былъ снова около нея.

— Отчего вы плачете, Лиліанъ?—спросилъ я, соскакивая съ лошади и заступая ей дорогу.

— О, сэръ!—прошентала она,—я знаю, что вы происходите изъ благородной фамилии... Миссисъ Эткинсъ говорила... Но вы были такъ добры ко мнѣ...

Она дѣлала усилія, чтобы не расплакаться, но не могла докончить,—слезы душили ее.

Бѣдняжка чувствовала себя оскорбленной до глубины души моими словами: она видѣла въ нихъ какое-то аристократическое

презрѣніе, мнѣ же и не снилось объ этомъ, — я просто былъ объять ровностью, а теперь, видя ее плачущею, мнѣ хотѣлось взять самого себя за шиворотъ и поволоотить.

— Лиліанъ, Лиліанъ! — быстро заговорилъ я и схватилъ ее за руку, — вы не поняли меня. Клянусь, что не гордость говорила во мнѣ. Смотрите, кромѣ этихъ двухъ рукъ у меня ничего нѣтъ. Что мнѣ мои предки!... Что-то другое защемило мое сердце, я хотѣлъ уйти, но не могъ вынести вашихъ слезъ. Клянусь, что сказанное мною болѣе обидно для меня, чѣмъ для васъ. Вы для меня не чужды, Лиліанъ, — о, нѣтъ, иначе мнѣ было бы все равно, что бы вы ни говорили о Генри. Онъ хорошій малый... Впрочемъ, это все вздоръ. Видите, какъ мнѣ дороги ваши слезы... Простите меня такъ же чистосердечно, какъ я прошу васъ о прощеніи.

Я взялъ ея руку и прижалъ къ своимъ губамъ, и искренность, звучащая въ моихъ словахъ, нѣсколько успокоила бѣдную дѣвочку. Она не перестала плакать, только это были другія слезы, — сквозь нихъ, какъ лучъ изъ-за тучи, виднѣлась улыбка. У меня тоже стиснуло горло. Я не могъ побороть волненія; какое-то трогательное чувство воцарилось въ моемъ сердцѣ. Мы снова шли въ молчаніи, но это молчаніе не было похоже на прежнее. Теперь день клонился къ концу, погода была прелестная; въ воздухѣ, начинавшемъ меркнуть, столько еще было свѣта, что и степь, и далекія группы хлопчатника, и повозки нашего табора, и стаи дикихъ гусей, тянувшихъ къ сѣверу — все это было покрыто золотомъ и пурпуромъ. Малѣйшій вѣтерокъ не колебалъ травы; издалека доходилъ шумъ водопадовъ, образуемыхъ здѣсь рѣкою Седаръ, и ржаніе лошадей со стороны обоза. Этотъ вечеръ такой праздничный, этотъ дѣвственный край, присутствіе Лиліанъ — такъ настроили меня, что душа, казалось, хотѣла вырваться и летѣть, летѣть въ высь. Мнѣ представлялось, что я былъ какъ бы раскаченный колоколъ. Минутами мнѣ опять хотѣлось взять руку Лиліанъ, прижать ее къ губамъ и долго не отрывать, но я боялся, что это обидитъ ее. Она же шла около меня спокойная, ласковая и задумчивая. Слезы ея высохли и отъ времени до времени она поднимала на меня своя глаза; мы снова начали разговаривать и такъ дошли до обоза.

Этотъ день, столь богатый для меня ощущеніями, долженъ былъ закончиться весело: путешественники, обрадованные хорошею погодой, рѣшили устроить пикникъ подъ открытымъ небомъ. Въ седьмомъ часу, вмѣсто обычнаго ужина, развели одинъ большой

костеръ, у котораго должны были происходить танцы. Генри Симпсонъ нарочно вышололъ траву на прострaнствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ сажень и, убивши землю, въ родѣ тога, посыпалъ ее пескомъ, что принесъ изъ Седара. Зрители собрались вокругъ и началась «джига», сопровождаемая негритянскими пицалками и визгомъ присутствовавшихъ. Опустивъ руки по швамъ, танцоры такъ быстро перебирали ногами, ударяя попеременно то пятой, то пальцами, что трудно было разобрать эти движенія. Пицалки неистово скрипѣли; выступилъ еще танцоръ, еще и еще, и забава стала общей. Къ неграмъ присоединились и зрители, стуча въ оловянные миски, предназначенныя для промывки золотоносной земли, или выбивая тактъ при помощи кусковъ воловьихъ ребръ, что походило на кастаньеты. Вдругъ зрители образовали «ging», кольцо, вокругъ вычищеннаго мѣста, куда выступили наши негры—Джимъ и Кроу. Первый держалъ бубень, обтянутый змѣиною кожей, другой—импровизированныя кастаньеты. Минуту оба смотрѣли другъ на друга, сверкая бѣлками глазъ, потомъ затянули негритянскую пѣсню, прерываемую топаньемъ и неожиданными тѣлодвиженіями, иногда грустную, иногда дикую. Протяжное «Динахъ... ахъ, ахъ», которымъ кончалось каждое колѣно, смѣнилось крикомъ, почти звѣринымъ рычаньемъ. По мѣрѣ того, какъ танцующіе разгорячались, движенія ихъ становились все неистовѣе; наконецъ, они начали ударять головой объ голову съ силой, отъ которой европейскій черепъ лопнулъ бы, какъ орѣховая скорлупа. Черныя фигуры, освѣщенные красноватымъ свѣтомъ костра, дико мечущіяся изъ стороны въ сторону, представляли что-то фантастическое. Къ ихъ крикамъ, къ звукамъ бубна, къ визгу пицалокъ примѣшивались восклицанія зрителей: «Нигга фог Джимъ! Нигга фог Кроу!» и выстрѣлы изъ пистолетовъ. Когда черные, наконецъ, въ изнеможеніи упали на землю, я приказалъ дать имъ по глотку «brandy», что сразу поставило ихъ на ноги. Но въ это время раздались крики, заставлявшіе меня сказать спичъ. Шумъ и музыка мгновенно смолкли; я долженъ былъ оставить руку Лиліанъ и влѣзть на козлы телѣги. Мнѣ показалось, когда я съ высоты взглянулъ на эти, освѣщенные огнемъ, рослыя, плечистыя, бородатыя, фигуры съ ножомъ за поясомъ, что я гдѣ-то въ театрѣ или самъ сдѣлался атаманомъ разбойниковъ. На самомъ же дѣлѣ это были хотя можетъ-быть суровыя, но твердыя, чистыя сердца; жизнь нѣкоторыхъ была можетъ-быть на половину дикою, но не преступной. Здѣсь образо-

вался маленькій мірокъ, оторванный отъ остальнаго общества и соединившійся вмѣстѣ искать счастья и давать отпоръ несчастью. Здѣсь одна рука должна помогать другой, одинъ былъ братомъ другаго, а эта окружающая насъ пустыня и степь безъ конца заставляли суровыхъ авантюристовъ любить другъ друга. Видъ Лиліанъ, бѣднаго, безоружнаго ребенка, спокойной и безпечной среди нихъ, какъ подъ родительскою кровлей, вдохновилъ меня. Я говорилъ, что чувствовалъ, какъ пристало говорить солдату — предводителю и брату путешественниковъ. Меня прерывали ежеминутные крики: «Hugta for pole! Hugta for captain! Hugta for Big Ralf!»*)—и рукоплесканія; а что меня дѣлало безмѣрно счастливымъ, такъ это то, что я замѣтилъ среди хлопающихъ загорѣлыхъ, могучихъ ладоней нару маленькихъ ручекъ, розовыхъ отъ костра и летающихъ, какъ пара бѣлыхъ голубковъ.

Кровь ударила мнѣ въ голову. Что мнѣ пустыня, и дикіе звѣри, и индійцы! Я съ энтузіазмомъ крикнулъ, что «я готовъ на все, поколочу всякаго, кто станетъ на моей дорогѣ, провожу таборъ на конецъ свѣта, и пусть моя правая рука отсохнетъ, если это не правда!» «Ура» еще болѣе громкое отвѣчало на мою рѣчь, и всѣ запѣли эмигрантскую пѣсню: «I crossed Mississippi, I shall cross Missoungi» (я перешелъ Миссисипи, перейду и Миссури). Потомъ мое мѣсто занялъ Смитъ, рудокопъ изъ окрестностей Питсбурга, изъ Пенсильваніи, который благодарилъ меня отъ имени всего табора, причемъ одобрялъ мой организаторскій талантъ. После Смита почти на каждомъ возу кто-нибудь да говорилъ. Нѣкоторые говорили весьма утѣшительныя вещи, — наприм. Генри Симпсонъ, который каждую минуту выкрикивалъ: «Джентльмены, пусть меня повѣсятъ, если я лгу!» Когда всѣ ораторы поохрипли, вновь раздались звуки пищамокъ, трещотокъ, снова начали танцевать джигу. А въ это время спустилась совершенная ночь, выплыла луна на средину неба и заставила своимъ блескомъ поблѣднѣть свѣтъ костровъ; люди и возы были освѣщены на половину краснымъ, на половину золотистымъ свѣтомъ. Это была дивная ночь. Шумъ нашего обоза представлялъ совершенный контрастъ съ тишиной и глубокимъ сномъ степи. Я взялъ Лиліанъ подъ руку и прогуливался съ ней по всему табору, а нашъ взоръ убѣгалъ отъ костровъ въ пространство и терялся въ волнахъ высокихъ и тонкихъ степныхъ растений, серебряныхъ отъ мѣсячнаго свѣта и таинственныхъ, какъ привидѣнія. Мы блуждали

*) Ура, полякъ! Ура, капитанъ! Ура, Большой Ральфъ!—Прим. перес.

вдвоемъ, а въ это время при одномъ изъ костровъ двое шотландцевъ «highlander'овъ» затаили на своихъ лютняхъ унылую горскую пѣсенку «Bonie Dundee». Мы остановились въ отдаленіи и въ некоторое время слушали въ молчаніи; вдругъ я взглянулъ на нее, она опустила глаза и—самъ не знаю для чего—руку, опирающуюся на мое плечо, крѣпко прижалъ къ своему сердцу. Бѣдное сердечко Лиліанъ забилося такъ сильно, что я чувствовалъ это; мы дрожали оба, потому что узнали, что между нами есть какая-то особая связь, которая совершенно измѣняетъ прежнія отношенія. Меня точно подхватила и понесла могучая волна. Я забылъ, что ночь такая свѣтлая, что недалеко разложены костры, а около нихъ сидитъ народъ,—мнѣ хотѣлось упасть къ ея ногамъ, смотрѣть въ ея глаза. Но она, хотя сначала тоже прижалась ко мнѣ, теперь отворачивала голову, точно хотѣла укрыться въ тѣни. Я хотѣлъ говорить и не могъ,—мнѣ казалось, что я заговорю не своимъ голосомъ, или если скажу Лиліанъ слово «люблю», то упаду на-земь. Я былъ въ то время еще молодъ, не смѣлъ и хорошо зналъ, что если скажу разъ «люблю», то на все мое прошедшее падетъ завѣса, одна дверь замкнется и откроется другая, черезъ которую я войду въ новый для меня міръ. Хотя за порогомъ послѣдней я видѣлъ счастье, я удерживался, можетъ-быть ослѣпленный бьющимъ оттуда свѣтомъ. При томъ если слово «любовь» рвется не съ губъ, а изъ сердца, то его очень трудно выговорить.

Я осмѣлился только крѣпче прижать къ груди руку Лиліанъ и молчалъ: о любви говорить не смѣлъ, о другомъ не хотѣлъ, да это и невозможно было въ такую минуту. Кончилось тѣмъ, что мы оба подняли голову вверхъ и смотрѣли на звѣзды, какъ люди, что молятся. Меня ослѣпилъ чей-то голосъ отъ большого костра, и мы пошли; увеселенія окончились. Чтобы достойнымъ образомъ завершить весело проведенный вечеръ, эмигранты передъ отходомъ ко сну запѣли псалмы. Мужчины обнажили головы и всѣ, хотя между нами были люди различныхъ вѣроисповѣданій, опустили на колѣни и запѣли псаломъ—«Блуждая въ пустынь». Зрѣлище было оригинальное. Въ интервалахъ воцарилась такая тишина, что было слышно, какъ трещали костры и шумѣли на рѣкѣ водопады. Стоя около Лиліанъ, я разъ или два взглянулъ на нее: глаза ея, поднятые къ небу, свѣтились, волосы смѣшались въ беспорядкѣ и она была такъ похожа на ангела, что можно было молиться на нее.

Послѣ молитвы всѣ разошлись по мѣстамъ. Я, по обыкновенію, объѣхалъ стражу и тоже отправился спать. Но когда коняры опять затянули надъ моимъ ухомъ свою всегдашнюю пѣсню: «Лиліанъ, Лиліанъ», — я зналъ уже, что тамъ, въ повозгѣ, спитъ зѣница моего ока, душа моей души и что для меня во всемъ свѣтѣ нѣтъ существа болѣе дорогаго, чѣмъ эта дѣвушка.

III.

На разсвѣтѣ мы счастливо перешли Седаръ и въѣхали въ ровную, обширную степь, занимающую пространство между этой рѣчкой и Уиннебега, и направились немного къ югу, чтобы приблизиться къ лѣсамъ, означающимъ границу Айовы. Лиліанъ съ утра не смѣла глазъ на меня поднять. Видно было, что она задумывается и, казалось, стыдится чего-то; а что мы за грѣхъ совершили вчера! Она почти не выходила изъ повозни. Миссисъ Эткинсъ и миссисъ Гросвеноръ, думая, что она больна, окружили ее заботами. Только я одинъ зналъ, что это значитъ, что это не болѣзнь, не терзанія совѣсти, а борьба невиннаго существа съ предчувствіемъ, что какая-то новая, незнакомая сила схватитъ и понесетъ его, какъ оторванный отъ дерева листокъ, далеко, далеко... Это было предчувствіе, что тутъ дѣлать уже нечего, и что раньше ли, поздиѣ ли, а придется отдаться этой силѣ, забыть обо всемъ и только любить.

Чистая душа остаивается у порога любви, но чувствуя, что перейдетъ его, слабѣетъ. Лиліанъ была точно во снѣ, а у меня, когда я понималъ это, отъ радости духъ спирался въ груди. Не знаю, было ли это чистое чувство, только когда утромъ я проѣзжалъ мимо ея повозки и видѣлъ ее такою поломанною, во мнѣ возникло чувство, въ родѣ того, какъ у хищной птицы, когда она знаетъ, что намѣченному ей голубю некуда спастись. А все-таки я своей голубкѣ не сдѣлалъ бы ни малѣйшаго вреда за все земныя сокровища, потому что питалъ къ ней громадную жалость. Удивительное дѣло: несмотря на пылкое чувство къ Лиліанъ, цѣлый день прошелъ у насъ точно во взаимномъ неудовольствіи. Я долго ломалъ голову, какъ бы видѣться съ Лиліанъ наединѣ, и ничего не могъ выдумать. Къ счастью, на помощь мнѣ пришла миссисъ Эткинсъ, сообщая, что дѣвчкѣ надо больше движенія и что сидѣнье въ повозгѣ вредитъ ея здоровью. Мнѣ пришла въ голову мысль, что она должна ѣздить верхомъ.

Я приказалъ Симпсону осѣдлатъ ей лошадь, и хоть у насъ въ таборѣ не было дамскихъ сѣделъ, но одно изъ высокихъ мексиканскихъ, всегда служащихъ женщинамъ въ пограничныхъ пустыняхъ, до нѣкоторой степени могло пополнить этотъ недостатокъ. Лиліанъ получила строгій приказъ не удаляться отъ наравана на далекое разстояніе. Заблудиться въ однообразной степи было довольно трудно, — охотники, высланные за дичиной, сновали по всѣмъ направленіямъ и во всякомъ случаѣ можно было наткнуться на кого-нибудь. Со стороны индійцевъ тоже не представлялось никакой опасности: эта часть степи, вплоть до Уиннебего, посѣщалась Павніями только во время великихъ охотъ, которыя теперь еще не начинались. За то гѣсная южная дорога изобиловала не одними травоядными животными, такъ что осторожность не была излишнею. Сказать правду, я рассчитывалъ, что Лиліанъ будетъ держаться у моего бока, что давало намъ возможность часто быть безъ свидѣтелей, потому что я, во время шествія, уходилъ далеко впередъ, имѣя передъ собой только двухъ проводниковъ-метисовъ и цѣлый таборъ позади. Движенія лошади растрепали ей волосы, — хлопоты съ платьемъ, черезчуръ короткимъ для верховой ѣзды, вызвали милую досаду на личико. Приблизившись, она была красна, какъ роза, знала, что идетъ въ разставленные мною силки, и, зная объ этомъ, все-таки шла, хотя и покраснѣвшая, и какъ будто не желающая, и какъ будто показывающая видъ, что ничего не понимаетъ. У меня же сердце билось, точно у школьника, и когда наши лошади поровнялись, я былъ страшно золъ на себя, что не знаю, о чемъ заговорить. Собственно говоря, между нами ѣхалъ, лучше сказать, надъ нами парилъ кто-то третій, точно ангелъ, и это была любовь. Какая-то сила толкнула меня къ Лиліанъ, и я, подъ предлогомъ поправить что-то въ гривѣ ея коня, прильнулъ губами къ ея рукѣ, опирающейся на луку отъ сѣдла. Какое-то незнакомое и невыразимое счастье, больше всѣхъ радостей, что приходилось мнѣ испытывать въ своей жизни, разлилось по моимъ жиламъ. Я схватилъ ея руку и началъ говорить, что еслибы мнѣ Богъ далъ всѣ царства на землѣ и всѣ сокровища на свѣтѣ, то я все бы отдалъ за одну прядь ея волосъ, что она меня полонила съ душою и тѣломъ на вѣки.

— Лиліанъ, Лиліанъ! — говорилъ я далѣе, — не отпущу тебя никогда, и пойду за тобою чрезъ горы и пустыни, и буду цѣловать твои ножки и молиться на тебя, только люби меня хоть

немного, только скажи мнѣ, значу ли я что-нибудь въ твоёмъ сердцѣ.

Я говорилъ и чувствовалъ, что грудь моя готова разорваться. Она, совсѣмъ смущенная, только повторяла:

— О, Ральфъ, ты хорошо знаешь!... Ты знаешь все...

Я не зналъ, смѣяться ли мнѣ, плакать ли, бѣжать или остаться... О, клянусь душой, я такъ былъ упоенъ, что ничего на свѣтѣ мнѣ не было нужно.

Съ тѣхъ поръ, насколько дозволяли мнѣ мои обязанности, мы были вмѣстѣ, а эти обязанности все уменьшались вплоть до Миссури. Можетъ-быть ни одному каравану не везло такъ, какъ нашему въ первые мѣсяцы странствованія. Люди и животныя все болѣе и болѣе привыкали къ порядку, я могъ уменьшить свой надзоръ, а довѣренность, какою я въ свою очередь пользовался въ обозѣ, дѣлала остальное. Я все больше убѣждался, что мой смѣлый планъ провести караванъ не обычною дорогою на С.-Люисъ и Канзасъ, а на Айову и Небраску, удавался. Тамъ уже царствовали теперь невыносимыя жары, въ равнинѣ между Миссисипи и Миссури лихорадки и другія болѣзни опустошали ряды эмигрантовъ, а здѣсь болѣе умѣренный климатъ мѣшалъ развитію болѣзней.

На самомъ дѣлѣ дорога на С.-Люисъ была въ самомъ своемъ началѣ болѣе безопасна,—тамъ не угрожали индійцы; но мой таборъ изъ двухсотъ тридцати хорошо вооруженныхъ и готовыхъ на битву людей могъ не опасаться нападенія племенъ, населяющихъ Айову,—племенъ, чаще выдававшихъ бѣлыхъ, узнавшихъ тяжесть ихъ руки и не осмѣливающихся нападать на сильный отрядъ. Нужно было бояться только «stampread'овъ», т. е. ночныхъ нападеній на муловъ и лошадей,—похищеніе вьючныхъ животныхъ поставило бы въ безвыходное положеніе. Но для этого была стража, гдѣ почти всякій, такъ же хорошо, какъ и я, зналъ приемы индійцевъ.

Установивши извѣстный порядокъ и приурочивши людей къ ихнему посту, я имѣлъ несравненно болѣе, чѣмъ вначалѣ, времени, которое могъ посвятить чувству, овладѣвшему моимъ сердцемъ. Вечеромъ я шелъ спать съ мыслью: завтра увижу Лиліанъ, а утромъ говорилъ себѣ: увижу сегодня,—и каждый день просыпался все болѣе счастливымъ, все болѣе влюбленнымъ. Въ вараванѣ начали обращать на это вниманіе, но никто не относился къ этому дурно,—мы съ Лиліанъ пользовались всеобщемою

симпатіей. Однажды старый Смитъ, проѣзжая мимо насъ, крикнулъ: «God bless you, captain, and you Lillian!» (да благословитъ Богъ васъ, капитанъ, и васъ, Лиліанъ), — и это соединеніе нашихъ именъ обрадовало насъ на цѣлый день. Миссисъ Эткинсъ и миссисъ Гросвеноръ что-то часто шептали Лиліанъ на ухо, отчего дѣвочка краснѣла, какъ макъ, и никогда не хотѣла сказать, что это было. Только Генри Симпсонъ поглядывалъ на насъ изъ подлѣбья, но не рѣшался ни на что.

Каждый день въ четыре часа утра я былъ уже во главѣ табора; передо мной, въ разстояніи полутора тысячъ шаговъ, проводники распѣвали пѣсни, которымъ ихъ научила мать индіанка; за мной, въ такомъ же разстояніи, бѣлою лентой тянулся весь таборъ... Что за сладкая минута наставала, когда, бывало, около шести часовъ услышишь за собою конскій топотъ... Смотришь: приближается мой цвѣтокъ, моя возлюбленная... Ранній вѣтерокъ развѣваетъ ея волосы... Они, будто, растрепались отъ вѣзды, а на самомъ дѣлѣ были нарочно плохо связаны, потому что шалунья знала, что такъ хорошо, что я люблю это, и что когда вѣтеръ донесетъ мнѣ ея локонъ, я всегда цѣлую его. Я дѣлалъ видъ, что не знаю этого, и такъ начинался нашъ день. Я выучилъ ее нѣсколькимъ фразамъ по-польски: «доброе утро», — и когда я слышалъ ее говорящею на дорогомъ языкѣ, она мнѣ казалась еще милѣй, еще дороже. Воспоминаніе о родинѣ, о прошедшихъ лѣтахъ, о томъ, что было и прошло, точно чайка пролетала безконечное пространство степи и океана. Мнѣ не разъ хотѣлось разрыдаться, но я стыдился и храбро удерживалъ потокъ слезъ, готовыхъ хлынуть изъ глазъ. Она же, видя, что мое сердце разрывается, повторяла: «добрый утро, добрый утро, добрый утро», точно какъ выученный скворчикъ. И какъ же мнѣ было не любить болѣе всего моего скворчика!... Потомъ я училъ ее другимъ выраженіямъ, а когда она складывала свои губки, чтобы выговорить наши трудныя гласныя, и когда я смѣялся надъ ея произношеніемъ, она, какъ ребенокъ, дулась и сердилась. Впрочемъ, мы не ссорились никогда и только одинъ разъ между нами произошла легкая размолвка. Однажды утромъ, подъ предлогомъ застегнуть пряжку ея стремени, я нагнулся, — кровь хлынула мнѣ въ голову и я началъ осыпать поцѣлуями ея ножку, или, вѣрнѣе, бѣдный, изорвавшійся уже въ пустынѣ башмачокъ. Она, поджимая ножку къ колѣну и повторяя: «Нѣтъ, Ральфъ, — нѣтъ, нѣтъ!» — отхвѣчала въ сторону и потомъ, несмотря на мои увѣ-

ренія, не хотѣла приблизиться ко мнѣ. Въ таборѣ, однако, она не вернулась, опасаясь оскорбить меня, а я притворился во сто разъ болѣе смущеннымъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, и ѣхалъ, погруженный въ молчаливое отчаяніе, какъ будто для меня уже все кончилось. Я отлично зналъ, что скоро въ ней заговорить сожалѣніе; такъ и было: обезможенная моимъ молчаніемъ, она начала заѣзжать съ боковъ и заглядывать въ глаза, какъ ребенокъ, которому хочется узнать, сердится ли мать или нѣтъ, а я, хоть желалъ сохранить серьезное выраженіе лица, долженъ былъ отворачивать его въ сторону, чтобы только не расхохотаться. Но это было только разъ. Обыкновенно мы дуррачились, какъ степныя бѣлки, а иногда—прости Господи!—я, предводитель цѣлаго каравана, дѣлался ребенкомъ передъ ней. Не разъ, когда мы спокойно ѣхали, я вдругъ обращался къ ней, какъ будто мнѣ нужно сообщить что-нибудь необыкновенно важное, а когда она подставляла любопытное ушко, я говорилъ шепотомъ: «люблю!» Потомъ и она, тоже шепотомъ мнѣ въ ухо, улыбающаяся, раскрасившаяся, отвѣчала: «also!» (т. е. тоже), и такія-то тайны мы повѣряли другъ другу въ пустынь, гдѣ насъ подслушать могъ только развѣ степной вѣтеръ.

Мчался одинъ день за другимъ, и мчался такъ быстро, что мнѣ казалось, что утро смыкается съ вечеромъ какъ двѣ искры въ огни. Иногда какое-нибудь внезапное происшествіе нарушало это очаровательное однообразіе. Въ одно воскресенье метисъ Уихита поймалъ на лаццо *) антилопу изъ породы, что въ степяхъ зовется «disk», и маленькаго дѣтеныша. Я подарилъ послѣдняго Лиліанъ, а она смастерила ему ошейникъ съ бубенчикомъ, отнятымъ для этой цѣли у мула. Бозочкѣ мы дали имя Кэтти. Черезъ недѣлю она освоилась и принимала пищу изъ нашихъ рукъ. Бывало такъ, что во время шествія я ѣхалъ съ одной стороны Лиліанъ, а съ другой бѣжала Кэтти, безпрестанно поднимая вверхъ свои черныя, большіе глаза, выпрашивая ласки.

За Уиннебего мы выбрались въ степь ровную, гладкую, какъ столъ, громадную, плодородную и дѣвственную. Проводники иногда пропадали изъ виду въ травѣ; они плыли, точно въ волнахъ. Я показывалъ Лиліанъ этотъ незнакомый ей міръ, и гордился, когда она приходила въ восторгъ отъ красоты моего королевства. Была весна, вторая половина апрѣля, пора цвѣтенія и роста

*) Орудіе индійскихъ охотниковъ, состоящее изъ длинной веревки съ глиняными или желѣзными шарами на раздвоенномъ концѣ.

Прим. пер.

всѣхъ травъ и злаковъ. Все, что должно было цвѣсти въ пустынь—все цвѣло.

Вечеромъ вся степь курилась, точно тысячи кадилъ; днемъ, когда вѣтеръ всколыхивалъ поверхность цвѣтущей глади, то даже глазамъ становилось больно отъ переливовъ краснаго, голубаго, желтаго и иныхъ цвѣтовъ. Надъ уровнемъ растений возвышались стройныя стебли желтыхъ цвѣтовъ, похожихъ на наши «царскія свѣчи», а около нихъ серебристыя нити растенія, называемаго «tears»—слезы, точно прозрачныя четки. Глаза мои, привыкшіе читать въ пустынь, все чаще и чаще встрѣчали знакомыя растенія: вотъ бѣлыя и розовыя «не тронь меня», что закрываютъ лепестки при приближеніи человѣка или животнаго; вотъ «индійскія сѣкиры» съ тяжелымъ, одуряющимъ запахомъ. Я училъ Лиліанъ читать въ этой божьей книгѣ:

— Тебѣ, дорогая, придется жить среди степей и лѣсовъ, узнай же ихъ раньше.

Мѣстами на равнинѣ, словно оазисы, поднимались группы деревьевъ хлопчатника или елей, такъ опутанныхъ дикимъ виноградомъ и ліанами, что самыя деревья нельзя было узнать подъ ними. А по ліанамъ тоже вились плющъ, павилика и колючая «washia», похожая на дикую розу. Цвѣты росли по бокамъ, а въ серединѣ за этимъ покровомъ царилъ таинственный мракъ, подъ пнями дремали лужи весенней воды, еще не высушенной солнцемъ, а съ вершины деревьевъ доходили чудные голоса разноцвѣтныхъ птицъ. Когда я въ первый разъ показалъ Лиліанъ такія деревья и такія каскады цвѣтовъ, она остановилась, какъ вкопанная, повторяя со сложенными руками:

— О, Ральфъ, правда ли это?

Она немного боялась войти въ самую глубину, но, однажды, когда къ полуденной жарѣ примѣшивалось еще жаркое дыханіе техасскаго воздуха, мы вошли оба и Кэтти третья.

Маленькое озеро отразило въ своей зеркальной поверхности наши фигуры. Тамъ было холодно, мрачно и торжественно, точно въ готическомъ соборѣ, и чего-то страшно. Дневной свѣтъ еле проникалъ, и притомъ овраженный въ зеленый цвѣтъ листьевъ. Какая-то птица, скрытая въ ліанахъ, крикнула: «но, но», точно предостерегала не ходить далѣе; Кэтти дрожала и робко жалась къ коню. Мы съ Лиліанъ, точно по сигналу, взглянули другъ на друга, и уста наши въ первый разъ слились въ горячемъ поцѣлуѣ. Ея глаза покрылись какой-то дымкой, руки дрожали на моихъ пле-

чахъ, какъ въ лихорадкѣ; она забылась, ослабѣла и положила голову ко мнѣ на грудь. Мы были оба пьяны отъ счастья и блаженства. Я не смѣлъ двинуться,—я любилъ во сто разъ болѣе, чѣмъ это можно выразить словами.

Очнувшись, мы снова выѣхали въ открытую степь, гдѣ насъ опять объяла жара и опять замелькалъ знакомый пейзажъ. Полевья курочки шмыгали тамъ и здѣсь въ густой травѣ.

На небольшихъ возвышенностяхъ, изрытыхъ кротоми, какъ рѣшето, стояли цѣлыя рати этихъ животныхъ, исчезая подъ землей при нашемъ появленіи. Прямо видѣлся таборъ.

Мнѣ казалось, что мы изъ темной комнаты вышли на бѣлый свѣтъ. То же было и съ Лиліанъ, только меня радовало это, а избытокъ золотого свѣта и воспоминаніе о горячихъ подвѣлуняхъ, до сихъ поръ горѣвшихъ на ея щекахъ, наполняли ея какъ бы тревогой и смущеніемъ.

— Ральфъ, ты ничего дурнаго обо мнѣ не думаешь? — неожиданно спросила она.

— Что ты, милая!... Пусть Богъ отвернется отъ меня, если я, кромя уваженія и великой любви, питаю что-нибудь еще въ моемъ сердцѣ.

— Это потому, что я тебя люблю!—сказала она. Губы ея задрожали, она расплакалась и хотя потомъ я дѣлалъ всѣ усилія успокоить ее, оставалась грустною цѣлый день.

IV.

Наконецъ мы дошли до Миссури. Индійцы выбираютъ для нападеній именно моментъ переправы черезъ рѣку, потому что оборона становится гораздо труднѣй, когда часть повозокъ переправилась уже черезъ рѣку, а остальная переправляется, когда въючныя животныя пороятся и упрутся. Я, зная, что индійскіе развѣдчики уже два дня шли за нами, принялъ всѣ мѣры предосторожности и вооружилъ весь таборъ. Былъ отданъ строгій приказъ телѣгамъ не разбиваться въ разные стороны, какъ это было въ восточныхъ окраинахъ Айовы, люди должны были находиться тутъ же и быть всегда наготовѣ. Отыскавъ бродъ, я велѣлъ двумъ отрядамъ, изъ шестидесяти человѣкъ каждый, окопаться на двухъ берегахъ, чтобы такимъ образомъ обезпечить безопасность переправы. Остальные сто двадцать эмигрантовъ должны были переправлять телѣги—не по нѣскольку за

разъ, чтобъ избѣгнуть замѣшательства. Благодаря такой системѣ, все происходило наилучшимъ образомъ, нападеніе сдѣлалось невозможнымъ, нападающіе должны были добить одинъ изъ редутовъ и затѣмъ уже броситься на переправляющихся. Какъ далеко были не лишни мѣры такой предосторожности, доказало будущее; два года спустя четыреста нѣмцевъ были вырѣзаны до одного во время переправы племенемъ Кіавати, на мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ городъ Омаха. Это доставило мнѣ и еще выгоду: люди, которые слышали рассказы, заходившіе на Востокъ, о страшной опасности переправы черезъ желтыя воды Миссури, видя вѣрность и легкость, съ которой я вывернулся изъ критическаго положенія, слѣпо увѣровали въ меня и начали считать меня за что-то въ родѣ духа этихъ степей. Такія похвалы и восторги доходили до Лиліанъ, въ глазахъ которой я принялъ чисто легендарный видъ. Миссисъ Эткинсъ говаривала ей: пока youг роле (вашъ полякъ) будетъ при васъ, можете спать хоть бы подъ дождемъ,—онъ не дастъ дождю смочить васъ. У моей дѣвочки сердце билось отъ такихъ похвалъ. Во время переправы я почти ни минуты не могъ посвятить ей и только глазами передавалъ все, что не могъ выговорить языкомъ,—цѣлый день пришлось провести верхомъ на конѣ то на этомъ берегу, то на томъ. Нужно было какъ можно скорѣй уйти отъ этихъ густыхъ, желтыхъ водъ, несущихъ вѣковые пни, массу листьевъ, травы и сухаго илу изъ Дакоты, разсадника лихорадокъ.

Люди были страшно утомлены постоянною бдительностью, кони захворали отъ нездоровой воды, которую и мы не могли употреблять иначе, какъ продержавши предварительно нѣсколько часовъ на угольяхъ. Наконецъ, послѣ восьмидневныхъ трудовъ мы очутились на другомъ берегу, не сломавши ничего и потерявъ только семь штукъ муловъ и лошадей. Въ этотъ же день пресвистѣли первыя стрѣлы. Мои люди убили и, по отвратительному обычаю пустыни, оскальпировали трехъ индійцевъ, усмиравшихся промигнуть къ муламъ. Вслѣдствіе этого, на слѣдующій день къ намъ явилось посольство отъ шести старыхъ воиновъ поколѣнія Кровавыхъ-Слѣдовъ изъ рода Павлиевъ. Съ грознымъ величіемъ усѣвшись около кестра, они потребовали въ награду муловъ и лошадей, угрожая, въ случаѣ отказа, немедленнымъ нападеніемъ пятисотъ воиновъ. Меня не особенно отравили эти пятисотъ воиновъ, такъ какъ таборъ былъ хорошо укрѣпленъ окопами. Я отлично зналъ, что посольство было прислано для

того, чтобы воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ выпросить что-нибудь безъ нападенія, въ послѣдствіяхъ котораго діе не сомнѣвались. И какъ точно бы прогналъ, еслибъ они не представляли интереснаго зрѣлища для Лиліанъ. Она съ волненіемъ и любопытствомъ, укрывая за телѣгой, смотрѣла, какъ сидѣли они, неподвижно уставившись въ огонь собѣта, на ихъ уборъ, спитый людскими волосами, на топоры съ перьями у рукояти, на лица, выкрашенные въ черный и красный цвѣтъ, что обозначало военные приготовления. Несмотря на эти приготовления, я не-отрѣвъ откачалъ индійцамъ и, переходя отъ оборонительнаго положенія въ наступательное, заявилъ, что если хоть одинъ мулъ пропадетъ изъ табора, я уязъ ихъ самъ пощучу и кости ихъ жетисотъ воиновъ поразбросаю по степи. Они ушли, съ трудомъ подавляя бѣшенство; но, уходя, подбросили надъ головою тапорки въ знакъ войны. Однако мои слова хорошо зацѣли въ ихъ памяти; когда же, въ минуту ихъ отхода, двѣсти мѣлъ мелодцовъ, нарочно приготовленныхъ для этой цѣли, поднялись вѣтъ одинъ и вразно звякнули оружіемъ, такая готовность къ бою произвела глубокое впечатлѣніе на дѣтихъ.

Нѣсколько часовъ спустя, Генри Симпсонъ, охотою пошедшій на развѣдки за посольствомъ, вернулся, весь запыхавшійся, съ вѣстью, что къ намъ близится многочисленный индійскій отрядъ. Во всемъ таборѣ я одинъ, вѣвустъ знающій всѣ индійскіе обычаи, понималъ, что это—пустая угроза, что индійцы вовсе не такъ многочисленны, чтобы выступить съ своими деревянными лунами противъ нѣсколькихъ дальнобойныхъ кентукійскихъ карабиновъ. Я сообщилъ объ этомъ Лиліанъ, желая ее успокоить, потому что она дрожала отъ страха за меня; остальные были увѣрены, что драка непременно будетъ, а молодежь ожидала ее съ нетерпѣніемъ. Вскорѣ раздался воинственный кличъ Чернокотыхъ, державшихся однако въ разстояніи нѣсколькихъ выстрѣловъ, точно въ ожиданіи удобной минуты. Цѣлую ночь въ нашомъ таборѣ горѣли огромные костры изъ хлѣбчатника и миссурійской лезины. Мужчины стояли на-сторобѣт омоло возовъ, а женщины со страха пѣли коалмы; мулы, на этотъ разъ не выпущенные на свободу, визжали и грызлись другъ съ другомъ; псы, чувствуя близость индійцевъ, отчаянно вили. Словемъ, обозъ представлялъ грозное зрѣлище. Въ промежуткахъ тишины слышались злобнѣе крики индійскихъ аванпостовъ. Около полуночи индійцы сдѣлали попытку водичъ степь, но сочная весенняя трава не

загоралась, несмотря на то, что въ теченіе нѣсколькихъ дней не упало ни капли дождя.

Объявляя на разсвѣтъ страху, я нашелъ способъ приблизиться на минуту къ Диліанъ. Я нашелъ ее спящею отъ утомленія, съ головкой на колѣняхъ у ночной миссисъ Эткинсъ, которая, вооружившись кухоннымъ ножомъ, торжественно влялась, что скорѣй перерѣжетъ все племя Брованыхъ-Слѣдовъ прежде, чѣмъ допустить кого-нибудь изъ нихъ приблизиться къ своей любимицѣ. Что касается меня, то я почти съ материнскою любовью всматривался въ уснувшее прелестное личико и наравнѣ съ миссисъ Эткинсъ чувствовалъ, что разорвалъ бы въ клочья всякаго, кто хотѣлъ бы нанести вредъ моей любви. Въ ней была моя радость, въ ней веселье, за ней только снѣганія и приключенія безъ конца. Примѣръ былъ на-лицо: вдали стена, стукъ оружія, ночь на кожѣ, битва, ярость разбойниковъ Черноногихъ; тутъ, близко, сонъ дорогого существа, такъ вѣщающаго въ меня, что достаточно было одного моего слова, чтобъ она повѣрила, что нападенія не будетъ, и уснула, полная смѣлойствія, какъ подъ отцовскою кровлей.

Когда я смотрѣлъ, то понималъ, въ первый разъ почувствовалъ, какъ меня измучила моя жизнь авантюриста, и въ то же время мнѣ стало ясно, что покой и тишину я найду только около *ней* одной. «Только до Калифорніи, только до Калифорніи!—думалъ я.—Вотъ слѣды дорожнаго утомленія на моемъ личикѣ, а мы прошли едва половину, да и то самую легкую; тамъ же насъ ждетъ богатый край, теплее небо и вѣчная весна!» Думая такъ, я покрывъ ноги спящей своимъ плащомъ и возвратился къ стражѣ; отъ рѣки поднимался густой туманъ и индѣйцы могли имъ воспользоваться. Огни блѣднѣли; на разстояніи десяти шаговъ нельзя было увидать человѣка. Я приказалъ стражѣ ежеминутно перекликаться и вскорѣ ничего не было слышно, кромѣ протяжнаго «all's well», которое, какъ похоронный напѣвъ, переходило изъ устъ въ уста. За то индѣйскій станъ замолкъ совершенно, точно тамъ всѣ онемѣли, что меня начало сильно беспокоить. На разсвѣтъ мы чуть не падали отъ усталости, потому что Богъ знаетъ, сколько ночей большая часть людей провели безъ сна. Бѣ тому же сырой туманъ проникалъ во всѣ поры и заставлялъ дрожать отъ холода.

Я раздумывалъ, не лучше ли, вмѣсто того, чтобы стоять и ожидать, что угодно будетъ предпринять индѣйцамъ,—ударить

на нихъ и разогнать ихъ на всѣ четыре стороны. То не было тщеславное желаніе, а скорѣе необходимая потребность, потому что смѣлая и счастливая атака могла стяжать намъ громкую славу, которая, разойдясь между краснокожими, могла бы надолго обезпечить насъ отъ дальнѣйшихъ опасностей. Оставивши сто тридцать человѣкъ подѣ предводительствомъ опытнаго степнаго вола, Смита, я посадилъ сотню остальныхъ на лошадей и мы двинулись впередъ, на охунь, но съ большой охотой, потому что было страшно холодно, а тамъ, же крайней зѣбрѣ, можно было погрѣться. Не дождая на два выстрѣла, мы бросились съ крикомъ въ галопъ и среди выстрѣловъ, какъ лавина, обрушились на обозъ дикихъ. Пуля какого-то неопытнаго стрѣлка свиснула около моего уха, но сбила только шапку; мы въ то время были уже у индійцевъ, которые ожидали всего, только не нападенія, потому что еще въ первый разъ путешественники напали первые. Смущеніе было настолько сильно, что всѣ разбѣжались въ разныя стороны, съ воемъ и крикомъ, и только одинъ, меньшій отрядъ, видя невозможность бѣгства, храбро и отчаянно защищался. Воины предпочитали броситься въ воду, чтобы не просить помилованія. Индійскія копья съ наконечниками изъ заостренныхъ оленьихъ роговъ и томагауки изъ твердаго камня не были очень грозны, хотя воины обращались съ ними съ изумительною ловкостью. Мы побѣдили и тѣхъ. Мнѣ попался въ плѣнъ какой-то рослый грабитель, у котораго, желая во время битвы вырвать томоригъ, я сломалъ вмѣстѣ съ томориномъ и руку. Забрали мы и нѣсколько десятковъ коней, но такихъ злобныхъ и дикихъ, что ихъ нельзя было и думать употребить въ дѣло. Плѣнники всѣ были ранены безъ исключенія. Я приказалъ ихъ тщательно осмотрѣть, а потомъ, по просьбѣ Лиліанъ, одаривши одѣялами, оружіемъ и конями, пустилъ на волю. Вѣдники, увѣренные, что мы ихъ убьемъ и затянувшіе свои предсмертныя пѣсни, были сначала просто поражены случившимся. Они были увѣрены, что ихъ отпустили для того, чтобы потомъ направить на нихъ охоту, по индійскимъ обычаямъ, но, наконецъ, видя, что имъ ничто не грозитъ, отошли, слава наше мужество и доброту Вѣлаго Цвѣтна, какъ опрестилъ кто-то Лиліанъ.

День этотъ закончился грустными случаемъ, затмившимъ нашу радость. Между моими людьми не было убитыхъ, хотя нѣсколько получили болѣе или менѣе тяжелыя раны, и болѣе всѣхъ Генри Симпсонъ, отважнѣе всѣхъ дравшійся. Вечеромъ, чувствуя

приближеніе смерти, онъ пожелалъ мнѣ сдѣлать какое-то открытіе, но не могъ: бѣдникъ жвала пробитая щела. Онъ проборметалъ только: «Fareyou, my captain!»—и впасть въ безпамятство. Я догадаюя, въ чемъ должно было состоять признаніе, привинилъ пулю, просвиставшую мимо моего уха, и отпустилъ его, какъ прилично христіанину. Онъ уносилъ съ собою въ гробъ глубокое, хоть не высказанное, чувство къ Лилианъ и, кажется, нарочно искалъ смерти. Мы похоронили его подъ деревомъ хлещачника, гдѣ и вырѣзали ножомъ крестъ.

V.

На другой день мы двинулись далѣе; передъ нами степь еще болѣе обширная, ровная, дикая, врай почти нетронутой ногою бѣлыхъ,—однимъ словомъ, мы были въ Небраскѣ. Первые дни двигались довольно быстро по безлѣнному пространству, хоти и не безъ труда, потому что намъ не хватало топлива. Берега рѣки Платы, прорѣзывающей всю длину этихъ возмѣрныхъ равнинъ, покрыты густыми зарослями лозы и вербы, но, по причинѣ разлива, мы не могли подойти къ нимъ близко. Ночи нужно было проводить при скудномъ огнѣ изъ буйволоваго навоза, еще не высушеннаго солнцемъ и скорѣе тлѣющаго ошаватымъ огонькомъ, чѣмъ горящего. Съ великими препятствіями мы добрались наконецъ до Big Blue River, гдѣ можно было отыскать топливо. Окрестность носила видъ совершенно дѣвственной земли. Какъ разъ передъ самымъ таборомъ, тянувшимся теперь тѣсно сомкнутою цѣпью, бродили стада рыжеватыхъ, съ бѣлыми брюхомъ антилопъ; иногда изъ моря трагъ высовивалась уродливая, мохнатая голова буйвола, съ кровавыми глазами и дымящимися ноздрями.

Иногда приходилось проѣзжать мимо цѣлыхъ городовъ, сложенныхъ степными собаками. Индійцы сначала не показывались и лишь черезъ нѣсколько дней послѣ промелькнули троедневныхъ, убранныхъ перьями, всадниковъ и мочезли какъ видѣніе. Какъ я узналъ послѣ, кровавый урокъ, данный мѣсяцъ на берегахъ Миссури, сдѣлалъ имя «Big-aga» (такъ передѣляли Big-Rain), страшнымъ между многочисленными племенами степныхъ хищниковъ, а сострадательное обращеніе съ индѣйцами вселяло уваженіе въ сердца этихъ дикихъ и злобныхъ, хоти и не лишенныхъ рыцарскихъ чувствъ, существъ.

Приблизъ къ Big Blue River, я рѣшилъ простоять десять дней у ея лѣвостыя береговъ. Лѣвая часть передъ нами вторая половина дороги была несравненно труднѣе пройденной; въ степяхъ лежали Спальныя горы, а дальнѣйшая земля — Утаха и Невада. Наши лошади и мулы, несмотря на обиліе пищи, были утомлены и изнурены, — необходимо было возстановить ихъ силы долгой остановкой. Мы расположились въ трехъугольникѣ, образуемом рѣкою Big Blue и Ванесъ-Огекъ (бобровый ручей). Сильная возрѣца, защищенная съ двухъ сторонъ рѣками, съ третьей тѣльгами, стала почти недоступной, тѣмъ болѣе, что дерево и вода находились тутъ же, подъ рукой. Особеннаго надзора не требовалось и люди свободно могли предаться отдыху. Это были лучшіе дни нашего путешествія. Погода держалась отличная, ночи теплыя, такъ что можно было спать подъ открытымъ небомъ.

Выходившіе на охоту утромъ стрѣлки возвращались къ полудню, нагруженные антилопами и оленною пернатою дичью, которая во множествѣ водилась въ окрестностяхъ; въ остальное время ѣли, спали и стрѣляли, для забавы; по дѣлалъ гусей, дѣлалъ стаями тинувшимся надъ таборомъ. Счастливіе я не упомяну десяти дней въ моей жизни. Съ утра до вечера я ни на минуту не разлучался съ Лиліанъ и узнавалъ ее все болѣе и глубже. Часто ночью, вмѣсто того, чтобы спать, я думалъ, отчего я такъ полюбилъ ее, отчего она стала мнѣ необходимою въ моей жизни, какъ воздухъ для дыханія. Видеть Богъ, я любилъ и являлъ прелестное лицо, и длинныя волосы, и ея глава, голубые, какъ небо надъ Небраской, и ея тонкую и стройную фигуру, что, казалось, говорила: поддержи и охраняй меня всегда; безъ тебя я ничего не сдѣлаю на свѣтѣ... Видеть Богъ, я любилъ все, что въ ней было, каждую ея вещь, всякое бѣдное платье, — и меня тянуло къ ней, какъ мотылька на огонь свѣчи; но главную прелесть для меня составляли ея неизмѣримая кротость и чуткость ко всему окружающему. Много женщинъ встрѣчалъ я на свѣтѣ, но такого ангела не встрѣчалъ и не встрѣчу никогда, и вѣчно скорблю, когда думаю объ этомъ. Ея душа была точно тотъ цвѣтокъ, что свертываетъ листки, когда приблизишься къ нему.

Каждое мое слово находило въ ней вѣрный откликъ, каждая мысль отражалась въ ней; какъ въ глубокой и чистой водѣ отражается все; происходящее на берегу рѣки. Это нисколько сердце съ такою борьбой отдавалось чувству, что я видѣлъ, какъ оно любитъ, если слабѣетъ и приносится себя въ жертву. И все, что

у меня было хорошего, сложилось въ моей душѣ въ одинъ хвалебный гимнъ для нея. Вероче сказать, она была такъ чиста, что я долженъ былъ убѣждать ее, что любить не грѣхъ, и всегда ломалъ голову, какъ бы убѣдить получше. Такъ проходили у насъ эти десять дней въ рѣчной дельтѣ, гдѣ осуществилось мое величайшее счастье. Разъ, на разсвѣтъ, мы пошли вверху по берегу рѣки Боброваго Источника, — я хотѣлъ показать ей бобровъ, которые цѣлымъ цвѣтущимъ царствомъ прѣживали не далѣе какъ въ полукилѣ отъ нашего табора. Послѣ недолгой осторожной ходьбы мы очутились у цѣли нашей прогулки. Это было не то маленькое озеро, не то заливъ, образуемый ручьемъ. Вокругъ нынѣшню разрослись высокія деревья *хикоро*, а надъ самими берегами, на меловину въ водѣ, стояли вербы. Бобровая плотина, устроенная выше, на ручьѣ, поддерживала одинаковый уровень воды въ озеркѣ, надъ впадою поверхностью котораго выступали круглыя, куполообразныя домики самихъ звѣрковъ.

Никогда еще человѣческая нога не была въ этомъ, защищенномъ со всѣхъ сторонъ деревьями, уголкѣ. Тихо раздвинули мы тонкія вѣтви вербы и смотрѣли на голубую, зеркальную воду. Бобры не приступали еще къ работѣ, водной городокъ еще спалъ; вездѣ царилъ такая тишина, что я слышалъ дыханіе Лиліанъ, которая прислонилъ къ моей шеѣ свою золотистую головку, обрамленную зелеными листьями. Я обнялъ рукою ея станъ; чтобы поддержать на наклонномъ берегу. Мы терпѣливо ожидали, любуясь окружающею насъ картиной. Привышій къ пустынѣ, я любилъ природу, какъ родную мать, и хоть по-просту, но чувствовалъ всю силу связывающихъ меня съ нею цѣпей.

Было раннее утро; заря едва занялась и еле просвѣчивалась сквозь вѣтки *хикоро*; роса капала съ листьевъ; становилось все свѣтлѣй. На другой берегъ пришли ственныя курочки, сѣрыя, съ чернымъ горломъ, хохлатыя, и начали пить воду, задирая головы къ верху. — «Ахъ, Ральфъ, какъ здѣсь хорошо!» — шепнула Лиліанъ, а у меня въ головѣ не было ничего иного, какъ еслибъ какая-нибудь хатка въ этомъ затишьѣ, она около меня и цѣлая вереница дней, которые тихо довели бы насъ до вѣчнаго покоя... Намъ теперь казалось, что имъ ко всеобщему веселью и ликованью принесли и наше веселье, къ тому покою — и нашъ покой и къ тому свѣту — лучезарный свѣтъ любви, согрѣвавшій наши души. Въ это время тихая гладь зарыбилась кругами и изъ воды осторожно выставилась усатая, мокрая, розо-

вая отъ блеска зари голова бобра; потомъ другая, и два звѣрка поплыли къ плотинѣ, разсѣкая мордочками голубую влагу, ворча и брызгаясь. Они вышли на плотину, и сѣвни на заднихъ лапкахъ, издали рѣзкій звукъ; на этотъ сигналъ начали высовываться большія и маленькія головы, точно по мановенію жезла чародѣя; по всему пруду раздавалось плесканье. Стадо, казалось, сначала только забавлялось, гукалось и кричало отъ радости по-своему, но первая пара вдругъ пронзительно свиснула и тотчасъ же цѣлая половина очутилась на плотинѣ, другая поплыла къ берегу и скрылась подъ фестономъ вербъ, гдѣ вода точно закипѣла. Раздался звукъ точно отъ пиления дерева: звѣрки работали, добывая кору и вѣтви.

Долго смотрѣли мы съ Лиліанъ на занятія и радости звѣринаго житія, еще не осивершеннаго присутствіемъ человѣка. Вдругъ она, желая пережѣвить свою позу, нечаянно тронула вѣтку и моментально исчезло все, только взволнованная вода доказывала, что тамъ что-то было, но чрезъ минуту вода успокоилась и снова насъ окружила тишина, прерываемая только стуномъ дятловъ въ твердую кору хиворо. Солнце уже поднялось надъ деревьями и стало сильно припекаль. Такъ какъ Лиліанъ не чувствовала утомленія, то мы рѣшили обойти вокругъ залива. На дорогѣ намъ попался маленькій ручеекъ, текущій чрезъ лѣсъ и впадающій въ заливъ съ противной стороны: Лиліанъ не могла его перепрыгнуть, — пришлось мнѣ перенести ее. Несмотря на сопротивленіе, я взялъ ее, какъ ребенка, на руки и вошелъ въ воду. Этотъ ручей былъ ручей исполненія. Боязнь, чтобъ я не упалъ, заставила Лиліанъ обнять меня обѣими руками за шею, прижаться ко мнѣ изо всѣхъ силъ, и я прижалъ губы къ ея щекѣ и шепталъ ей на ухо о своей любви. Тамъ мы перешли черезъ ручей. Когда я хотѣлъ и по землѣ нести ее такимъ образомъ, она воспротивилась и силою вырвалась изъ моихъ рукъ. Обоиими нами овладѣло какое-то безпомощство; она боязливо оглядывалась по сторонамъ и лицо ея попеременно то покрывалось блѣдностью, то загоралось яркимъ румянцемъ, а я прижималъ ея руки къ своему сердцу. День становился знойнымъ, съ неба лились потоки свѣта и тепла; листья на хиворо повисли, недвижимые, только дятлы продолжали долбить кору, но все казалось, что и они ослабѣютъ и кончатъ свою работу. Сначала я думалъ, что во всемъ лѣсу и во всемъ воздухѣ разлиты какія-то чары, потомъ, что Лиліанъ находится около меня и что мы одни. Ее охватило утомленіе,

дыханіе стало громче и отрывистѣе, обыкновенно блѣдное лицо пыдало огнемъ. Я спросилъ, не утомилась ли она, не хочетъ ли отдохнуть. «О, нѣтъ, нѣтъ!»—быстро отвѣтила она, какъ будто защищаясь даже отъ мысли объ этомъ; но, пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, зашаталась и прошептала:

— Не могу... Не могу идти дальше!

Я вновь взялъ ее на руки и направился съ дорогою ношей къ самому берегу, гдѣ свѣсившіяся до земли вѣтви вербъ образовали тѣнистые проходы. Положивъ ее на мохъ, я опустился передъ ней на колѣни, но, когда взглянулъ на нее, сердце мое тревожно сжалось.

— Лиліанъ, дорогая моя, что съ тобой? Я здѣсь, близъ тебя.

Я наклонился и покрывалъ ее ноги пещьлуями.

— Лиліанъ! моя единственная, моя избранница, моя жена!

Едва я вымолвилъ послѣднія слова, все тѣло ея дрогнуло; а руки, какъ въ горячкѣ, съ необычною силой обвилась вокругъ моей шеи.

— My dear, my dear, my husband! *)—проговорила она, и потомъ въ глазахъ у меня потемнѣло; казалось, что земной шаръ, сорвавшись съ своей орбиты, летитъ куда-то съ нами.

Не могу объяснить, какъ это случилось, но когда я очнулся отъ упоенія, между черными вѣтвями хиноро вновь виднѣлась заря, только уже вечерняя. Дятлы перестали долбить кору; на днѣ озера другая заря улыбалась той, что на небѣ; обитатели озера пошли спать; вечеръ былъ тихій, весь пронитанный краснымъ свѣтомъ, — время возвращаться въ таберъ. Когда мы вышли изъ-подъ навѣса плачущихъ вербъ, я взглянулъ на Лиліанъ: на ея лицѣ не было слѣда ни смущенія, ни безпокойства, только въ поднятыхъ къ небу глазахъ виднѣлась тихая поморность. Когда я подалъ ей руку, она спокойно склонила голову на мое плечо и сказала, не отрывая глазъ отъ неба:

— Ральфъ, повтори мнѣ, что я твоя жена, и повтори это мнѣ часто.

Ни въ пустынѣ, ни тамъ, куда мы стремились, не было никакихъ брачныхъ обрядовъ; я сталъ на колѣни и, когда Лиліанъ сдѣлала то же, произнесъ:

— Беру въ свидѣтели небо, землю и Бога! Клянусь тебѣ, Лиліанъ Морисъ, что беру тебя въ жены. Аминь!

*) Мой дорогой, мой мужъ!

Прим. пер.

— Она отвѣчала: — Теперь я твоя марседа, до смерти, — твоя жена, Ральфъ! Съ той минуты, мы были обвиняемы съ того времени она была не любовницей, а законною женою моею. И благо намъ, обоимъ было съ тою мыслью, и хорошо мнѣ, потому что въ моемъ сердцѣ возникало новое чувство святого уваженія къ Лиліанъ и къ самому себѣ, — чувство, дѣлавшее любовь благословенною. Рука объ руку, съ поднятыми головами, съ смѣлыми взорами, возвратились мы въ таборъ, гдѣ всѣ смѣло безколенились нашимъ отсутствіемъ. И сколько человекъ разбѣхалось въ разные стороны на поиски, и я съ удивленіемъ узналъ послѣ, что нѣкоторые изъ нихъ проходили мимо озерка и не могли отыскать насъ; а мы не слышали ихъ призыва. Чтобъ избѣжать разныхъ пересудовъ, я взялъ Лиліанъ за руку, вѣжко вошелъ въ середину кружка и сказалъ:

— Дѣнтльмены! будьте свидѣтелями, что я, въ нашемъ присутствіи, называю эту женщину моею женою, и такъ свидѣтельствуите передъ судомъ, передъ закономъ и передъ всякимъ, кто бы васъ ни спросилъ на Востокъ или на Западъ.

— All right! And bugra for yous both! — закричали рудокопы; потомъ старый Смитъ спросилъ, по обычаю, Лиліанъ, согласна ли она взять меня въ мужья, она отвѣчала: «да», — и мы были въ присутствіи людей законно обвиняемы.

Въ степяхъ Дальняго Запада и во всѣхъ окраинахъ, гдѣ нѣтъ городовъ, судоу и церквей; свадьба не совершается иначе, да и до сихъ поръ кто назоветъ живущую съ нимъ подъ одной кровлей женщину женою, такое заявленіе имѣетъ одинаковую силу съ законнымъ бракомъ.

Никто изъ моихъ людей не удивился и не смотрѣлъ на нашъ бракъ иначе, какъ съ уваженіемъ; напротивъ, всѣ обрадовались, потому что хотя я держалъ ихъ строже, чѣмъ другіе, предводители, они знали, что это дѣлается честно, и съ каждымъ днемъ относились ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ. Сейчасъ же началось и пиршество. Разложили костеръ, шотландцы достали свои волынки, американцы кастаньеты изъ воловьихъ реберъ, и среди пѣсенъ и восклицаній процѣлъ вечеръ нашей свадьбы. Миссисъ Этгинсъ заключала Лиліанъ въ свои объятія, то смѣясь, то плача, то попыхивая ежеминутно угасавшею трубкой.

Но болѣе всего меня волновалъ обрядъ, постоянно соблюдаемый въ этой части Америки среди подвижнаго населенія: вотъ,

когда взошелъ мѣсяцъ, мужчины всунули въ дула карабиновъ пучки зажженныхъ вѣтвей и цѣлою процессіей, подъ предводительствомъ стараго Смита, начали водить насъ мимо каждой повозки, спрашивая Лиліанъ, какъ только поровняются съ какой-либо:

— Is this your home? *) Моя милая отвѣчала «No» и мы шли дальше. У повозки миссъ Эттингъ всё расчувствовались, — здѣсь ѣкала Лиліанъ; когда она и тутъ тихо отвѣчала «No», миссъ Эттингъ заревѣла, какъ буйволъ, и, заключивъ Лиліанъ въ объятія, рыдала, повторяя: «My little, my sweet!» **) Рыдала и Лиліанъ, и всё твердыя сердца размягчались, и не было глазъ, которые не покрывались бы слезами. Когда мы приблизились къ моей повозкѣ, я едва узналъ ее, — такъ она была покрыта зеленью и цвѣтами. Здѣсь мужчины высоко подняли свои фавелы, а Смитъ болѣе важно и громко спросилъ:

— Is this your home?

— That's it! That's it! ***) — отвѣчала Лиліанъ.

Всѣ обнажили головы и настала такая тишина, что я слышалъ трескъ огня и шелестъ угольевъ, падавшихъ на-земь. Старый, сѣдовласый рудокопъ, осѣнившій насъ своими жилистыми руками, торжественно произнесъ:

— Да благословитъ васъ Богъ и вашъ домъ. Аминь!

Троекратное ура встрѣтило его слова. Потому всё разошлось, оставивъ насъ вдвоемъ.

Когда послѣдній человекъ удалился, она склонила ко мнѣ свою голову, шепча: «навсегда, навсегда!» Въ то время въ нашей душѣ свѣтило болѣе звѣздъ, чѣмъ ихъ было на небосклонѣ.

VI.

Рано утромъ, оставивъ жену спящей, я пошелъ искать ей цвѣтовъ. Я ежеминутно повторялъ себѣ: «жепать», и эта мысль наполняла меня такою радостью, что я поднималъ глаза ко Всевышнему съ благодарностью, что онъ далъ мнѣ дожить до той минуты, когда человекъ становится настоящимъ человекомъ и свою жизнь дополняетъ жизнью другаго, любимаго болѣе всѣхъ

*) Это вашъ домъ?

**) Моя крошка! Моя радость!
Да! Да!

живущихъ существа. У меня теперь было *свое* на свѣтѣ, и хоть моимъ домою и очагомъ былъ холстинный возъ, я считалъ себя богачомъ и смотрѣлъ съ изумленіемъ на свою прошлую, скитальческую жизнь, удивляясь, какъ я могъ жить досель. Мнѣ до того времени и въ голову не приходило, сколько счастья скрыто въ одномъ словѣ «жена», когда этимъ именемъ называется лучшая часть твоего существованія. Я и такъ давно уже любилъ Лиліанъ; кромѣ нея весь міръ не существовалъ для меня,—всѣ мои мысли, всѣ мои стремленія были посвящены только ей одной. А теперь, когда я говорилъ «жена», это значило—*моя*, *моя* навсегда... Я думалъ, что сойду съ ума отъ счастья; въ головѣ не помѣщалась мысль, какъ это бѣдный человѣкъ можетъ быть обладателемъ такого сокровища. Чего мнѣ тогда недоставало?—Ничего. Еслибъ эти степи были теплѣй и безопаснѣе для нея, еслибъ не обязательство доставить караванъ, куда слѣдовало, то я и въ Калифорнію готовъ былъ не ѣхать,—поселился бы хоть въ Небраскѣ, только съ Лиліанъ. Я ѣхалъ туда добывать золото, а теперь мнѣ хотѣлось смѣяться надъ моею мыслью. Какія богатства я еще добуду тамъ?—спрашивалъ я у себя.—Зачѣмъ намъ обоимъ золото? Выберу себѣ долину, гдѣ вѣчная весна, нарублю пней для хижины и буду жить съ ней, а плугъ и ружье не дадутъ намъ умереть съ голоду. Такія мысли проходили въ моей головѣ, когда я собиралъ цвѣты и возвращался въ таборъ. На встрѣчу мнѣ попалась миссисъ Эттингсъ.

— Малютка спить?—спросила она, вынимая изо рта неразлучную трубку.

— Спать,—отвѣчалъ я.

На это миссисъ Эттингсъ прищурила одинъ глазъ.

— Ah, you rascal (ахъ, вы разбойникъ!).

А «малютка» уже не спала. Мы оба видѣли, какъ она сонла съ воза и, закрывая ручкой глаза отъ солнечнаго свѣта, начала оглядываться во всѣ стороны. Увидавши меня, она, вся свѣжая и розовая, бѣгомъ пустилась на встрѣчу, упала въ мои раскрытыя объятія и, подставляя свои губки, говорила:

— Добраго утра, добраго утра! (Доброе утро!) на пальчикъ и съ шутливою важностью спросила: «Are you married?») (Что тутъ было отвѣчать, какъ не цѣловать и не ласкать безъ конца? Такъ протекло все время на полуостровѣ: Мои обязанности, вплоть

*) Я твоя жена.

до дальнѣйшаго шествія, принявъ на себя старшій Смитъ. Еще разъ наѣхали мы напихъ: бобринъ и ручей, черезъ который теперь я перенесъ ее безъ сопротивленія. Разъ въ лодкѣ изъ краснаго дерева мы отправились вверхъ по Blue River, гдѣ я показалъ ей буйволъ, ударяющихъ рогами въ глинистый берегъ, отчего ихъ головы бывають, словно панциремъ, покрыты толстымъ слоемъ засохшей глины. Эти прогулки прекратились только за два дня до выѣзда, во-первыхъ, потому, что въ окрестностяхъ показались индѣйцы; и, во-вторыхъ, моя дорогая что-то стала ослабѣвать. Она любѣдила, силы ея угасали и на мои вопросы отвѣчала только улыбкой. Правда, мыслью Эткинсъ таинственно прищуривала лѣвымъ глазъ и, говоря о болѣзни Лиліанъ, пускала таюю клубъ дыму, что вся скрывалась въ немъ, но я положительно терялся, тѣмъ болѣе, что Лиліанъ часто приходятъ въ голову грустныя мысли. Она вѣдала себѣ въ голову, что такъ любить, какъ мы любили другъ друга,—грѣшно и однажды, положивши свой пальчикъ на Библию, которую читала ежедневно, грустно промолвила:

— Читай, Ральфъ!

Я посмотрѣлъ, и какая-то странная тревога проникла въ мое сердце, когда я прочиталъ: «Who changed the truth of God into a lie, and worshipped and served the creature more than the Creator, who is blessed for ever?» *). Она сказала, когда я прочелъ:

— Но если Богъ и гнѣвается за то, то знаю, что онъ такъ милосердъ, что пожираетъ одну меня.

Я успокоилъ ее, объяснивъ, что любовь—это ангелъ, который изъ двухъ душъ летитъ къ Богу и приноситъ ему хвалу. Этимъ разговоръ наши о подобныхъ вещахъ и кончились, потому что начались приготовления къ походу, осмотръ повозокъ, животныхъ, тысячи мелкихъ подробностей, занимавшихъ все мое время.

Когда же пришла минута отъѣзда, мы со слезами простились съ шютами, бывшими свидѣтелями нашего счастья. Но когда глазамъ моимъ вновь представились растянувшіеся по степи возы, тянущіеся одиными лошадьми, и мулы, и лошади, меня охватила радость при мысли, что конецъ дороги съ каждымъ днемъ все ближе, что еще нѣсколько мѣсяцевъ и мы достигнемъ Калифор-

*) Кто замѣнилъ правду Божію ложью и почувствовалъ и служилъ творенію больше, чѣмъ Творцу, который благословенъ во вѣки?

ни, чёмъ всёхъ нашихъ желаній. Первые дни пути шли, однако, очень удачно. Отъ Миссури до подошвы Сналлистыкъ торъ степь на неизмѣримомъ пространствѣ все идетъ въ гору; наша вьючная скотина везла съ трудомъ и скоро утомилась. Врѣмя того мы не могли приблизиться къ великой рѣкѣ Плато; теперь, хотя половодье и кончилось, была пора большихъ весеннихъ охотъ, — множество индѣйцевъ кружило около рѣки, преслѣдуя буйволовъ, табунившихъ на сѣверъ. Ночная стража стала трудною и утомительною: ни одна ночь не проходила безъ тревоги; наконецъ, на четвертый день по выходѣ изъ дельты я вновь разбилъ многочисленный отрядъ мѣдиокрасныхъ грабителей въ то время, когда они замышляли «stampede», нападеніе на нашихъ муловъ. Больше всего насъ донимали ночи безъ огня: не имѣя возможности достигнуть береговъ Платы, мы оставались безъ топлива, а тутъ, какъ нарочно, началъ перешагать мелкій утренній дождь, буйволовый навозъ совершенно размякъ и не могъ горѣть.

Меня ужасно беспокоили и полчища буйволовъ... Иногда на горизонтѣ вырисовывались стада въ нѣсколько тысячъ штукъ, идущія впередъ тихо бури и все вокругъ уничтожающія. Еслибы такое стадо направилось къ табору, мы пропали бы совершенно. Въ довершенію всего, степь кипѣла всякими хищными звѣрями. За буйволами, кромѣ индѣйцевъ, тащались сѣрные медвѣди, кугуары и громадные волки изъ Канзаса и индѣйской территоріи. Въ источникахъ, гдѣ мы останавливались на нечлети, иногда подходили на водопой цѣлые звѣрицы. Однажды на метиса Уикиту кинулся сѣрый медвѣдь, и еслибы на помощь ему не прибѣжалъ я со старымъ Смитомъ и другимъ проводникомъ Томомъ, то Уикитѣ пришлось бы кроху. Я разбилъ чудовищу голову топоромъ; ударъ былъ такъ силенъ, что рунотна лопнула на двое, но звѣрь все-таки бросился на меня и упалъ только тогда, когда Смитъ и Томъ выстрѣлили ему въ ухо изъ карабиновъ. Дикія животныя одѣлались такъ дерзки, что ночью приближались къ самому табору; въ теченіе недѣли мы убили двоихъ не далѣе какъ во ста шагахъ отъ повозокъ. Вслѣдствіе этого собачи поднимали, отъ сумерекъ до разсвѣта, такой вой, что нельзя было сомкнуть глазъ.

Когда-то я любилъ подобную жизнь, и, помню, когда годъ тому назадъ, въ Арканзасѣ, я находился еще и не въ такомъ положеніи, то считалъ себя точно въ раю. Но теперь, какъ подумаешь, что тамъ, въ повозкѣ, твоя женка, вмѣсто того, чтобы

спать, дрожать за тебя и портить свое здоровье безпокойствомъ, то и помянешь къ дьяволу и всѣхъ индейцевъ, и медвѣдей, и кугуаровъ. У меня точно камень съ сердца свалился, когда послѣ трехнедѣльнаго пути я увидѣлъ бѣлыя, точно опрашенные мѣломъ, воды рѣки, нынѣ называемой Republican River (Республиканская рѣка), а тогда не имѣвшей еще англійскаго названія. Широкия заросли черной лозины, траурною дорогою танувшейся вдоль бѣлыхъ водъ, давали намъ надежду, что недостатка въ топливо не будетъ. Здѣсь я назначилъ двухдневный отдыхъ. Сналы, тутъ и тамъ разбросанныя по берегамъ, предвѣщали близость гористаго края, лежащаго по обѣ стороны Скалистыхъ горъ. И такъ мы были уже на большой высотѣ надъ уровнемъ моря, что можно было узнать по ночнымъ холодамъ. Неровность температуры—холодъ ночью и жара днемъ—начала отзывать на людяхъ. Старый Смитъ и нѣсколько другихъ захворали лихорадкой и должны были лечь на телеги. Впрочемъ, близость горъ давала надежду на скорое выздоровленіе; въ это время моя жена ухаживала за ними съ терпѣніемъ, свойственнымъ только ангельскимъ душамъ. Но она и сама точно таяла. Проснувшись однажды утромъ, и нечаянно обратилъ вниманіе на прелестное спящее личико, и сердце мое забилося тревогой при видѣ блѣдности и синихъ круговъ подъ глазами. Бывало, когда я смотрѣлъ на нее такимъ образомъ, она просыпалась, умикалаась мнѣ и засыпала опять. Тогда я чувствовалъ, что отдалъ бы половину моего желѣзнаго здоровья, чтобы только быть ужь въ Калифорніи.

Но это было еще далеко, далеко... Черезъ два дня опять двинулись далѣе и, оставивши на югъ Republican River, направились вдоль рѣки Блэго-Человѣка къ южной части Платы, протекающей уже въ Колорадо. Мѣстность становилась все гористѣе; мы были почти въ ущельи, по обѣимъ берегамъ котораго вдали возвышались все болѣе и болѣе высокія гранитныя скалы, то стоящія одиноко, то тянущіяся ровною стѣной, то тѣсно смыкающіяся, то расходящіяся въ разныя стороны. Въ деревѣ недостатка не было,—всѣ щели между скалъ поросли карликовою сосною,—но каменистымъ обрывамъ, журча, сбѣгали влючи, по верхкамъ скалъ прыгали пугливыя каменные козлы *). Воздухъ былъ чистый, холодный, здоровый и лихорадки черезъ недѣлю исчезли безслѣдно. Только кони и мулы, принужденные вмѣсто сочной тра-

*) Capra ibex.—Примѣч. шев.

вы Небраски питаться жесткою горною растительностью, худѣли и тяжело стонали, втачивая на гору наши тяжело нагруженные повозки.

Наконецъ, однажды въ полдень, передъ нами возстали точно маяки, точно тучи, наполовину кроющіяся въ сиблюющей дали, не ясныя, смѣиыя, голубыя, бѣлыя и золотыя на верху гиганты.

Весь таборъ при видѣ этого вскрикнулъ, какъ одинъ человѣкъ; люди всмаркались на верхушки возовъ, чтобы лучше видѣть. Отовсюду неслись слова: «Rocky Mountains! Rocky Mountains!» Полетѣли на воздухъ шапки. Всѣ лица свѣтились восторгомъ.

Такъ привѣтствовали американцы свои Снѣжные горы. Я приблизился въ своей повозкѣ и, прижавъ жену къ груди, еще разъ погляделъ ей въ любви въ пржеутствіи этихъ, несомющихся неба, Божьихъ алтарей, отъ которыхъ вѣяло таинственною суровостью и недоступнымъ величіемъ. Солнце заходило, мракъ спустился, только эти величаны горѣли еще въ лучахъ свѣта, какъ кестры раскаленнаго угля и лавы. Наконецъ красный цвѣтъ сталъ переходить въ фиолетовый все болѣе темныхъ оттѣнковъ, а въ концѣ все слилось въ одну темноту, черезъ которую смотрѣли на насъ глаза ночи, звѣзды.

Мы были еще въ ста пятидесяти миляхъ отъ главной цѣпи горъ. Она скрылась отъ насъ за скалами на слѣдующій день, потомъ опять появилась, потомъ вновь скрылась, по мѣрѣ того, какъ шли повороты нашей дороги. Мы подвигались медленно, — новыя и новыя преграды становились на нашемъ пути, — и хотя мы держались, насколько это было возможно, берега рѣки, но часто, когда берега становились уже черезчуръ крутыми, приходилось объѣзжать ихъ и искать прохода сосѣдними долинами. Тамъ грунтъ былъ покрытъ сѣрымъ верескомъ и дикимъ горохомъ, неудобнымъ даже для муловъ и страшно затрудняющимъ возвращеніе колесъ своими длинными и крѣпкими стеблями.

Иногда мы натѣкались на расщелины и трещины, недоступныя для перехода, и опять приходилось дѣлать объѣзды. Проводники Томъ и Уикита то и дѣло возвращались съ вѣстями о новыхъ преградахъ. Поверхность то ѣжилась скалами, то круто обрывалась. Въ одинъ день намъ казалось, что мы ѣдемъ долиною; вдругъ одна стѣна долины исчезла и зашѣнилась такою бездонною пропастью, что взоръ со страхомъ падалъ внизъ по прямой стѣнѣ, а подола начинала кружиться. Гигантскіе дубы, растущіе на днѣ пропасти, кавались крохотными кустиками, а буйво-

лы—жулаки. Мы все болѣе и болѣе потружались въ страну каменщъ, обрывовъ, развадинъ и скалъ, въ какомъ-то дикомъ безпорядкѣ набросанныхъ одна на другую. Эхо, отраженное гранитными сводами, дважды и трижды повторило проклетіа возницъ и визгъ муловъ. Наши телѣги, такіа громады на ровной поверхности степи, зѣбовъ, въ сосѣдствѣ горъ, уменьшились въ нашихъ глазахъ и пропадали въ отверстіяхъ ущелий, точно поглощаемыя какой-то гигантскою пастью. Небольшіе водопады—«сбѣгающія воды», какъ ихъ называютъ индійцы, на каждой сотнѣ шаговъ служили намъ мольбой, трудъ окончательно измучилъ и насъ, и вьючныхъ животныхъ, а все главная цѣль если и показывалась на горизонтѣ, то одинаково мглистая и отдаленная. На счастье, любопытство превозмогало даже утомленіе, а постоянная смѣна видовъ поддерживала его въ одинаковой степени напряженія. Изъ тысячъ людей никто, не исключая даже родившихся въ Аллегансахъ, никогда не видалъ болѣе дикого мѣста, да и самъ съ удивленіемъ поглядывалъ на эти «маньоны»; тѣ необузданная фантазія природы настроила множество замковъ, крѣпостей, цѣлыя каменные города. Изрѣдка намъ попадались индійцы, но и тѣ отличались отъ степныхъ своею малочисленностью и дикостью.

Видъ бѣлыхъ людей возбуждалъ въ нихъ страхъ, смѣшанный съ жадною прови. Они казались болѣе кровожадными, чѣмъ ихъ небрасоніе братья, ростъ ихъ былъ выше, кожа темнѣе, а раздувающимся носами и бѣгающимъ глазами придавали имъ видъ дикихъ звѣрей въ клѣткѣ. Говоря, они касались пальцемъ своихъ, разслабленныхъ синею и бѣлою краскою, щекъ. Оружіе ихъ состояло изъ тенорковъ и луковъ, сдѣланныхъ изъ одного сорта горнаго инновника, такихъ тяжелыхъ, что наши люди не имѣли достаточно силъ, чтобы натянуть ихъ. Еслибъ эти дикіе были въ болѣе значительномъ числѣ, то ихъ неудержимая кровожадность была бы не безопасна для насъ. Въ счастью, самый болшой, повстрѣйся намъ, отрядъ не превышалъ пятнадцати воиновъ. Они называли себя Табегуачи, Уеминучи и Чинюсъ. Икинто языка намъ метисъ Уихата, отлично знакомый со всеми индійскими нарѣчіями, совершенно не понималъ, такъ что примъ оставалось совершенно непонятнымъ; почему они уназывали сначала на насъ, потому на Скалистыхъ горы, и стерывали и закрывали ладони, точно желая обозначить какое-нибудь количество.

А дорога становилась такъ трудна, что при величайшихъ усиленіяхъ намъ не приходилось пройти въ день болѣе пятинадцати

милъ. Въ довершенію всего, начали падать лошади, менѣе крѣпкія и болѣе прихотливыя, чѣмъ мулы, въ выборѣ пищи; люди также выбились изъ силъ, принужденные цѣлыми днями тянуть телѣги наравнѣ съ мулами. Всѣми начала овладѣвать апатія, нѣкоторые жаловались на лошъ въ костяхъ, а одинъ, у котораго отъ натуги хлынула кровь горломъ, умеръ, проклиная день выѣзда. Мы были тогда въ самомъ дурномъ мѣстѣ нашего пути, около рѣчки, называемой Индійскою Кайовой. Здѣсь не было скалъ такихъ высокихъ, какъ на восточной границѣ Колорадо, но весь край, покуда достигалъ глазъ, былъ испещренъ большими или меньшими обломками, безпорядочно нагроможденными другъ на друга. Эти обломки, то торчащія, то поваленныя, походили на разрушенное кладбище съ вывороченными памятниками. То были настоящія «злыя земли» Колорадо, сходныя съ тѣми, что тянутся на сѣверѣ Небраски. Съ нечеловѣческими усиліями удалось намъ наконецъ выбраться оттуда въ теченіе недѣли.

VII.

Мы остановились лишь у подножія Скалистыхъ горъ.

Меня забиралъ страхъ, когда я вблизи посматрѣлъ на этотъ міръ гранитовъ, съ боками повитыми туманомъ и вершиной въ вѣчныхъ снѣгахъ и тучахъ. Величіе и могущество этой громады совершенно уничтожало меня; я просилъ Бога, чтобъ онъ помогъ мнѣ провести черезъ неизмѣримыя стѣны мои телѣги, моихъ людей и мою возлюбленную жену. Мы смѣло пустились вдоль по каменнымъ ходамъ и корридорамъ, и когда они замкнулись за нами, мы оказались отрѣзанными отъ всего живущаго. Надъ нами небо, на немъ нѣсколько клектающихъ орловъ, вокругъ— гранитъ и гранитъ: совершенный лабиринтъ проходовъ, пещеръ, овраговъ, разщелинъ, пропастей, башенъ, молчаливыхъ дворцовъ и уснувшихъ палатъ. Такая торжественная тишина царила тамъ, въ каменныхъ тѣснинахъ, что человѣкъ самъ не зналъ, почему невольно понижалъ голосъ. Ему кажется, что дорога все болѣе и болѣе закрывается за нимъ, что какой-то голосъ говоритъ ему: не иди далѣе, — тамъ нѣтъ пути; ему кажется, что онъ оскверняетъ тишину, запечатлѣнную самимъ Богомъ. По ночамъ, когда уснувшія громады казались черными, какъ ночь, а мѣсяцъ унылымъ серебрянымъ свѣтомъ освѣщалъ ихъ вершины, когда

канія-то странныя тѣни возставали изъ «смѣющихся водъ», наихрабрѣйшаго авантюриста пробирала невольная дрожь. Проводя ночи напролетъ у костра, мы съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ глядѣли въ черныя, освѣщенные кровавымъ свѣтомъ, отверстія ущелій, какъ бы ожидая оттуда ежеминутно появленія чего-то страшнаго.

Разъ мы нашли у подножія скалы человѣческій скелеть, и хоть остатки волосъ, присохшихъ къ черепу, и его оружіе ясно говорили о его индійскомъ происхожденіи, зловѣщее предчувствіе пробралось въ наши сердца; этотъ трупъ съ оскаленными зубами, казалось, говорилъ, что кто тутъ заблудился, никогда уже не выйдетъ. Въ этотъ же самый день метисъ Томъ разбился до смерти, поскользнувшись съ лошадью на узкой скалистой дорогѣ. Бакая-то унылая грусть охватила цѣлый таборъ; прежде мы ѣхали шумно и весело, теперь же не слышали даже ругательствъ возницъ, и караванъ подвигался въ молчаніи, прерываемомъ только скрипомъ колесъ. Мулы упрямылись все чаще, а когда передняя пара останавливалась, какъ вкопанная, всѣ заднія должны были тоже остановиться. Меня болѣе всего утруждало то обстоятельство, что въ минуты, когда моя жена болѣе всего требовала моего присутствія, я не могъ быть при ней; мнѣ приходилось чуть не раздвигаться, чтобы подавать собою примѣръ и подкрѣплять падающій духъ. Люди переносили трудности съ выносливостью, свойственною только американцамъ, но я видѣлъ, что это дѣлается на счетъ послѣднихъ силъ. Только одно мое здоровье выдерживало все. Бывали ночи, когда и двухъ часовъ спать не приходилось; тянешь телѣги наравнѣ съ прочими, разстанавливаешь стражу, объѣзжаешь таборъ,—однимъ словомъ, мнѣ выпадала служба вдвое болѣе тяжелая, чѣмъ каждому остальному, но, видно, счастье прибавляло мнѣ силъ. Когда, разбитый и измученный, я приходилъ въ свою повозку, то находилъ тамъ все дорогое для меня: вѣрное сердце и любящую руку, которая отирала мой изнуренный лобъ. Лиліанъ хотя и терпѣла, но не засыпала передъ моимъ приходомъ; когда же я дѣлалъ ей за это выговоры, она останавливала поцѣлуемъ мои слова и просила не сердиться на нее. Когда уложишь ее спать, она засыпала, держа меня за руку. Часто ночью, проснувшись, она покрывала меня бобровыми шкурками, чтобы я лучше выспался. Всегда спокойная, любящая, ласковая, заботящаяся обо мнѣ, она довела меня до такого состоянія, что я боготворилъ ее и цѣловалъ подолъ ея

платья, какъ святыню, и нашъ возъ сталъ для меня храмомъ. Въ присутствіи каменныхъ твердынь такая крошка затмѣвала для меня все,—все—и горы, и ущелья—пропадало изъ моихъ глазъ, и только ее видѣли они. Что-жъ тутъ удивительнаго, что когда силы другихъ слабѣли, я чувствовалъ, что, пока нужно будетъ дѣйствовать для нея, въ моихъ недостатка не будетъ.

Черезъ три недѣли мы достигли обширнаго ущелья, образуемаго Бѣлою рѣкой. У входа туда индійцы изъ племени Уинтахъ подготовили намъ засаду, которая насъ смутила до нѣкоторой степени; но когда ихъ красноватая стрѣлы начали достигать кровли воза моей жены, я ударилъ на нихъ съ моими людьми такъ стремительно, что они пустились въ разсыпную. Три четверти изъ нихъ полегло. Единственный плѣнникъ, взятый нами живьемъ, молодой, шестнадцати-лѣтній мальчикъ, придя въ себя, началъ, указывая на насъ, повторять то же самое, что когда-то дѣлали Ямпосы. Казалось, онъ хотѣлъ сказать, что по близости находятся бѣлые люди, только трудно было повѣрить такому извѣстію. Оказалось, что онъ былъ правъ, и легко вообразить себѣ всю радость и изумленіе моихъ людей, когда на другой день, съѣзжая съ плоской возвышенности, мы увидали на днѣ большой, лежащей у нашихъ ногъ, долины не только телѣги, но и дома, очевидно выстроенные недавно. Домики стояли вкругъ обширнаго сарая безъ оконъ, по долинѣ протекалъ ручей, у котораго паслись мулы подъ охраною верховыхъ. Присутствіе здѣсь людей моей расы сначала заставило меня недоумѣвать; но недоумѣніе скоро перешло въ тревогу, когда я подумалъ, что не «аутлавы» ли тутъ, скрывающіеся предъ страхомъ смерти за совершенныя преступленія. Я зналъ по опыту, что подобные отщепенцы часто удаляются въ самыя безлюдныя и пустынные мѣста, гдѣ образуютъ отдѣлы съ хорошою военной организаціей. Иногда они становились учредителями новыхъ обществъ, которыя жили сначала набѣгами на болѣе людные края и потомъ уже, при большемъ наплывѣ людей, входили въ Союзъ Штатовъ. Не разъ мнѣ приходилось сталкиваться съ «аутлавами» на горномъ берегу Миссисипи, гдѣ я, какъ скватеръ, сплавлялъ дерево въ Новый-Орлеанъ, и не разъ приходилось имѣть съ ними кровавыя стычки; значить, ихъ безшабашная отвага и звѣрство мнѣ были отлично знакомы. Впрочемъ, я не боялся бы ихъ, еслибы среди насъ не было Лилианъ, но при мысли о ея участи, въ случаѣ проигранной битвы и моей смерти, волоса мои становились

дыбомъ и я трусилъ, какъ послѣдній трусъ. Къ тому же я былъ увѣренъ, что если это дѣйствительно «аутлавы», то битвы не избѣгнешь, а драться съ ними не то, что съ индѣйцами.

Предупредивъ людей быть какъ возможно болѣе осторожными, я приготовилъ ихъ къ бою. Я былъ готовъ или погибнуть, или совершенно разрушить это гнѣздо шершней, и для этого рѣшилъ самъ ударить на нихъ. Въ это время изъ долины замѣтили насъ и двое людей пустились вскачь къ намъ навстрѣчу. Я вздохнулъ свободнѣй: «аутлавы» никакъ не отправили бы посольства. Такъ и оказалось: это были стрѣлки американской компани, торгующей мѣхами, и поселеніе—ихъ лѣтній обозъ, такъ-называемый «summer camp». вмѣсто битвы насъ ожидали радушнѣйшій приемъ и всевозможная помощь со стороны суровыхъ, но почтенныхъ стрѣлковъ пустыни. Насъ приняли съ распростертыми объятіями; мы же благодарили Бога, пославшаго намъ, послѣ трудовъ, такой сладкій отдыхъ. Вотъ уже два съ половиною мѣсяца, какъ мы покинули Big Blue River, силы наши истощились, мулы чуть живы,—тутъ же, въ какую-нибудь недѣлю, въ полной безопасности и при обиліи пищи, мы могли хорошо поправиться.

Это было для насъ чистымъ спасеніемъ. Мистеръ Торстонъ (начальникъ отряда), человѣкъ образованный, узнавъ, что и я тоже не грубый степнякъ, сразу подружился со мной и отдалъ свой домикъ въ распоряженіе мое и Лиліанъ, все болѣе прихварывавшей.

Два дня я продержалъ ее въ постелѣ. Она была такъ утомлена, что первые сутки почти не открывала глазъ; въ это время я сторожилъ, сидя у ея ложа и вглядываясь въ ея лицо. Двухдневный отдыхъ настолько подкрѣпилъ ее, что она могла подняться съ постели. Мои люди первые дни спали какъ убитые, гдѣ кто свалился, потомъ занялись исправленіемъ возовъ, одеждой и стиркой бѣлья. Добрые стрѣлки помогали намъ во всемъ. По большей части они были родомъ изъ Канады. Зима проходила у нихъ въ охотѣ на бобровъ, скунксовъ и куницъ, а лѣто—въ такъ-называемыхъ «summer camps», гдѣ находился временный складъ мѣховъ. Изготовленные шкуры шли подъ конвоемъ на выходъ. Служба этихъ людей, занимающихся на нѣсколько лѣтъ, была ужасно трудна: нужно было удаляться въ отдаленныя, дѣйствительныя окрестности, гдѣ звѣрь не былъ раньше напуганъ, но гдѣ грозили стычки съ мѣдно-красными. Правда, жалованье было хорошее, но большинство служило не изъ-за платы, а скорѣе по

пристрастію къ жизни въ пустынѣ и къ приключеніямъ, въ которыхъ недостатка не было. Всѣ до одного, это были люди съ желѣзнымъ здоровьемъ, могущіе выносить всяческія невзгоды. Видъ огромныхъ фигуръ, мѣховыхъ шапокъ и длинныхъ карабиновъ напоминалъ моей женѣ романы Купера; она съ величайшимъ удовольствіемъ разсматривала цѣлый обозъ и всѣ приготовленія. Величайшая строгость и порядокъ, точно въ рыцарскомъ ордентѣ, царствовали вездѣ и Торстонъ, главный агентъ компаніи и начальникъ, держалъ людей въ строгой, почти воинской, дисциплинѣ. Среди такихъ почтенныхъ людей время шло пріятно. Нашъ таборъ имъ тоже понравился, такъ что, по ихъ отъѣзду, имъ рѣдко приходилось встрѣчаться съ подобнымъ благоустроеннымъ караваномъ. Торстонъ громко одобрилъ мой планъ сѣверной дороги, вмѣсто пути на Санъ-Луисъ и Канзасъ. Онъ рассказывалъ, что караванъ изъ трехъ сотъ человѣкъ, пошедшій по послѣднему направленію подъ предводительствомъ нѣкоего Мэркууда, благодаря жарѣ и саранчѣ, потерялъ весь скотъ и въ концѣ концовъ былъ поголовно вырѣзанъ индійскимъ племенемъ Арапаховъ. Стрѣлки слышали объ этомъ отъ самихъ Арапаховъ, которыхъ въ свою очередь сильно поколотили и отобрали у нихъ сто скальповъ, между прочимъ и скальпъ Мэркууда. Подобное извѣстіе такъ повліяло на моихъ людей, что даже старый травленный волкъ Смитъ, прежде сопротивлявшійся слѣдованію на Небраску, въ присутствіи всѣхъ признался мнѣ, что я болѣе «smart», и что ему нужно учиться у меня. Черезъ нѣсколько времени силы наши возвратились. Кромѣ Торстона, я подружился со славнымъ на всѣ Штаты Майкомъ, который не принадлежалъ къ обозу, а втроемъ съ не менѣе извѣстными Линкольномъ и Кэйдомъ Кэрстономъ шаялся по пустынѣ. Эти отважные авантюристы совершали цѣлые походы на различныя индійскія племена; ихъ удивительная предусмотрительность и нечеловѣческая храбрость почти всегда приводили ихъ къ побѣдѣ. Имя Майка, теперь извѣстное во всей литературѣ, было такъ страшно индійцамъ, что его слово болѣе стоило въ ихъ глазахъ, чѣмъ всѣ трактаты съ правительствомъ Штатовъ. Правительство также часто прибѣгало къ его посредничеству и впоследствии даже назначило его губернаторомъ Орегона. Въ то время ему было около пятидесяти лѣтъ, но волоса его были черны, какъ вороново крыло, а въ глазахъ сердечная доброта и сила удивительнымъ образомъ смѣшивались съ безразсудною храбростью. Онъ считался самымъ сильнымъ мужчиной во всѣхъ Штатахъ, и

когда я попробовалъ побороться съ нимъ, то, къ моему удивленію, не могъ свалить его на землю. Великодушный человѣкъ отъ души полюбилъ Лиліанъ и на прощаньи подарилъ ей пару маленькихъ мокалинъ, сдѣланныхъ имъ самимъ изъ оленьей шкуры. Этотъ подарокъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати: у моей бѣдняжки не было совсѣмъ крѣпкихъ башмаковъ.

Сопровождаемые добрыми пожеланіями, снабженные различными припасами и совѣтами, какихъ «каньоновъ» держаться, мы отправились дальше. Добрый Торстонъ взялъ у насъ нашихъ утомившихся муловъ, а взамѣнъ ихъ далъ своихъ, крѣпкихъ и отдохнувшихъ за лѣто. Майкъ, хорошо знакомый съ Калифорніей, рассказывалъ намъ чудеса не только о ея богатствѣ, но и о чистомъ воздухѣ, прелестныхъ дубовыхъ лѣсахъ, горныхъ ущельяхъ, какихъ не найдешь во всѣхъ Штатахъ. Въ сердца наши вступала надежда,—мы и не знали, что намъ готовить будущее. Долго мы махали на «gemshug» шляпами добрымъ канадцамъ. Что касается меня, то день отъѣзда глубоко врэзался въ моей памяти: въ этотъ день возлюбленная звѣзда моей души, обнявши меня руками за шею, вся раскраснѣвшаяся отъ стыда и волненія, шепнула мнѣ что-то такое, что заставило упасть къ ея ногамъ и цѣловать колѣна не только моей жены, но и будущей матери моего ребенка.

VIII.

Черезъ двѣ недѣли послѣ выѣзда изъ лѣтняго становища охотниковъ мы вѣхали въ предѣлы Утаха. Путешествіе, хоть и не безъ трудовъ, шло вначалѣ успѣшно. Намъ надлежало еще пройти западную часть Скалистыхъ горъ, образующихъ цѣлое сплетеніе отроговъ подъ названіемъ Wahsath Mountains. Но двѣ значительныя рѣки: Green и Grand River, сливающіяся въ огромное Колорадо, и многочисленныя притоки ихъ, прорѣзывающіе горы въ разныхъ направленіяхъ, открывали намъ легкій путь. Этими-то проходами мы дотащились до озера Утахъ, отъ котораго начинается Соленая земля. Насъ окружилъ странный, однообразный, унылый край: огромныя степныя долины, ограничанныя амфитеатромъ тупо усѣченныхъ скалъ, слѣдовали одна за другою, вѣчно такія же точно, утомительно-однообразныя. Въ этихъ скалахъ и пустыняхъ есть какая-то суровость, дикость и мертвенность, такъ что при видѣ ихъ по-неволѣ приходитъ въ голову

библейская пустыня. Озера здѣсь соленыя, съ безплодными берегами. Деревьевъ нѣтъ; голая на всемъ видимомъ пространствѣ, земля покрыта солью и поташомъ или сѣрымъ лакомъ, съ толстыми листьями, которые, если разломить ихъ, даютъ липкій и соленый сокъ. Дорога эта трудная и изнурительная; проходятъ цѣлыя недѣли, а пустыня все тянется безъ конца и развертываетъ передъ глазами все одинаковыя, скалистыя пространства. Наши силы вновь стали слабѣть. Въ степяхъ насъ окружало однообразіе жизни, а тутъ—однообразіе смерти.

Людьми овладѣло какое-то тупое равнодушіе. Миновали Утахъ: все—мертвыя земли; вѣхали въ Неваду—то же самое. Солнце пекло такъ, что голова трескалась отъ боли; свѣтъ, отражаемый покрытой солью поверхностью, ослѣплялъ глаза; въ воздухъ носилась неизвѣстно откуда берущаяся пыль, отъ которой воспалялись рѣсницы. Вьючныя животныя хватали зубами землю и часто падали, точно громомъ пораженныя солнечнымъ ударомъ. Большинство людей только и держалось мыслью, что еще недѣля, двѣ—и на горизонтѣ покажется Сіерра-Невада, а за нею и желанная Калифорнія. А дни и недѣли уплывали все въ большихъ и большихъ трудностяхъ. Въ теченіе недѣли бросили три телѣги, потому что не было запряжекъ. О, эта земля горя и несчастія! Въ Невадѣ пустыня стала еще глуше, а наше положеніе еще горше, потому что на насъ напали болѣзни.

Однажды утромъ мнѣ сказали, что Смитъ захворалъ. Я пошелъ посмотреть, что съ нимъ, и уже самъ убѣдился, что тифъ свалилъ стараго рудокопа. Переменна столькоихъ климатовъ не прошла безнаказанно. Лиліанъ, любимая Смитомъ какъ родное дитя, благословленная имъ въ день свадьбы, начала ухаживать за нимъ. Я, слабый человѣкъ, дрожалъ за нее, но не могъ ей воспретить быть христіанкой. Она просиживала надъ больнымъ цѣлый день, вмѣстѣ съ миссисъ Эткинсъ и миссисъ Гросвеноръ, послѣдовавшими ея примѣру. На другой день старикъ впалъ въ безпамятство, а на восьмой умеръ на рукахъ Лиліанъ. Съ горькими слезами похоронилъ я того, кто не только былъ моимъ помощникомъ и правою рукой, но настоящимъ отцомъ для меня и моей жены. Мы думали, что Богъ не потребуетъ отъ насъ новой жертвы, но это было только начало, потому что въ этотъ же самый день умеръ еще одинъ рудокопъ, а потомъ почти каждый день кто-нибудь сваливался на телѣгу и оставлялъ ее только для того, чтобы на рукахъ товарищей

сойти въ могилу. И такъ мы тащились по пустынь, а вслѣдъ за нами тащилась и зараза, набрасываясь на новыя жертвы. Наконецъ, захворала и миссисъ Эткинсъ, но, благодаря стараніямъ Лиліанъ, скоро выздоровѣла. Душа моя замирала каждую минуту, и не разъ, когда Лиліанъ была при больныхъ, а я гдѣ-нибудь впереди табора, одинъ среди темноты, то руки невольно стискивали голову и я падалъ предъ Богомъ, какъ послушный пѣсь, умоляющій о милосердіи для нея, не смѣя выговорить: «да будетъ воля Твоя». Иногда ночью, когда мы были вмѣстѣ, я внезапно пробуждался; мнѣ казалось, что зараза приподняла холстину моего воза и заглядываетъ, отыскивая Лиліанъ. Всѣ эти минуты, когда я былъ близъ нея, — а ихъ было много, — слились для меня въ однѣ муки, отъ которыхъ я гнулъ, какъ дерево подъ вихремъ. До сихъ поръ, однако, Лиліанъ выносила всѣ трудности. Болѣе сильные люди падали, а я видѣлъ ее постоянно худѣвшею, осунувшеюся, блѣдною, но здоровою, переходящею отъ телѣги къ телѣгѣ. Я не смѣлъ даже спросить, здорова ли она, только бралъ ее въ объятія и долго, прижималъ къ груди; а когда хотѣлъ сказать что-нибудь, горло спазмодически сжималось и слова не выходили наружу.

Постепенно начала воцаряться въ моемъ сердцѣ надежда, а въ ушахъ переставали звучать страшныя слова библіи: «Who worshipped and served the creatur more than the Creator»?

Мы приблизились уже къ западной части Невады, гдѣ за нитью мертвыхъ озеръ кончаются Соленая земля и скалистая пустыня и снова начинается степная полоса — ровная, зеленая и болѣе плодovitая. Когда въ теченіе двухъ дней никто не захворалъ, я думалъ, что наши несчастія кончились. А время было тяжелое.

Девять челоуѣкъ померли, шесть больныхъ лежало на повозкахъ и страхъ почти безслѣдно уничтожилъ всякую дисциплину; лошади почти всѣ подошли, а мулы походили на скелетовъ. Изъ пятидесяти двухъ телѣгъ теперь только тридцать двѣ еле тащились по пустынь. Притомъ, такъ какъ никто не хотѣлъ идти на охоту, опасаясь упасть вдали отъ обоза и остаться безъ помощи, наши запасы пици начинали кончаться. Вотъ ужъ недѣлю какъ мы питались черными земляными бѣлками, но ихъ сухощавое мясо до такой степени опротивѣло намъ, что его можно было ѣсть только съ величайшимъ отвращеніемъ. Наконецъ, и эта пища стала убывать. Впрочемъ, за озерами начала появляться дичь и пастбище становилось лучше.

Опять попались намъ индѣйцы и напали на насъ, противъ своего обычая, въ бѣлый день и на ровной степи. Я во всеобщемъ переполохѣ былъ раненъ топоркомъ въ голову такъ сильно, что вечеромъ, въ этотъ же день, потерялъ сознание отъ потери крови. Но я не жаловался: теперь Лиліанъ ухаживала за мной, а не за больными, отъ которыхъ могла заразиться тифомъ. Три дня пролежалъ я на повозкѣ, три счастливыхъ дня могъ цѣловать ея руки и, когда она смѣняла мои бандажы, могъ смотрѣть на нее. На четвертый день можно было опять сѣсть верхомъ, но душа моя такъ ослабѣла, что я притворялся больнымъ, чтобы еще хоть немного побыть съ ней.

Только теперь я сообразилъ, насколько былъ измученъ. Я былъ точно скелетъ, и какъ прежде смотрѣлъ на мою дорогу, такъ она теперь смотрѣла на меня—съ тревогой и непокоемъ. Но голова перестала валиться съ плеча на плечо,—дѣлать нечего, нужно было садиться на единственную живую лошадь и провожать таборъ далѣе, тѣмъ болѣе, что насъ со всѣхъ сторонъ окружали какіе-то зловѣщіе признаки. Жара сдѣлалась сверхъестественной, въ воздухѣ носилась какая-то мгла, точно дымъ далекаго пожара. Горизонтъ потемнѣлъ и помутился, неба не было видно, а солнце казалось мѣдно-краснымъ. Скотина выказывала странное безпокойство и хрипло дышала, оскаливши зубы; мы также вдыхали легкими огонь. Я думалъ, что это—послѣдствіе удушливыхъ вѣтровъ изъ пустыни Джила, о которыхъ приходилось слышать еще на Востокѣ, но вокругъ царствовала тишь,—ни одна травка, ни одинъ листокъ не шелохнется. Вечеромъ солнце заходило красное, какъ кровь, и наступала душная ночь. Больные умоляли подать воды, псы выли, а я по цѣлымъ ночамъ кружилъ по нѣсколькимъ милямъ отъ обоза, чтобы убѣдиться, не горитъ ли степь, но зарева нигдѣ не было видно.

Я успокоился, предположивъ, что это дѣйствительно дымъ, только отъ угасшаго уже пожара. Днемъ мы замѣтили, что зайцы, антилоны, буйволы, даже бѣлки поспѣшно удаляются на восходъ, точно бѣгутъ отъ Калифорніи, куда мы такъ стремились. Но такъ какъ воздухъ сталъ чище, а жара меньше, то я окончательно убѣдился, что пожаръ дѣйствительно былъ, но прошелъ, а звѣри ищутъ просто пастбища. Намъ нужно было какъ можно скорѣй спѣшить туда, чтобы узнать, можно ли переѣхать путь пожара, или потребенъ объѣздъ. По моимъ расчетамъ, до горъ Сьерры-Невады было не болѣе трехсотъ англійскихъ миль, около

двадцати дней дороги. Я рѣшилъ идти впередъ во что бы то ни стало. Теперь мы ѣхали по ночамъ, потому что днемъ скотина совершенно ослабѣвала отъ жары, а между возами все-таки можно было найти хоть какую-нибудь тѣнь, гдѣ можно отдохнуть днемъ. Въ одну ночь, когда я не въ состояннн былъ держаться на конѣ и сидѣлъ на повозкѣ близъ Лиліанъ, мой слухъ былъ пораженъ свистомъ и скрежетомъ колесъ, ѣдущихъ по какому-то необыкновенному грунту. Въ одно время съ этимъ по цѣлому табору разнеслись крики: «стопъ, стопъ!» Я торопливо выскочилъ изъ повозки и при блескѣ мѣсяца увидалъ возницъ, наклонившихся къ землѣ. Наклонился и я и попробовалъ: оказалось, это былъ уголь,—мы ѣхали по спаленной степи.

Таборъ остановился и простоялъ остатокъ ночи на мѣстѣ. На утро вошедшее солнце освѣтило странную картину: куда хваталъ глазъ, тянулася черная, какъ уголь, поверхность; не только трава и деревья были сожжены, но и сама земля точно стекломъ покрыта. Ноги муловъ и колеса повозокъ отражались какъ въ зеркалѣ. Мы не могли прослѣдить, какъ широко пронелъ пожаръ. Горизонтъ былъ еще затемненъ мглою. Я приказалъ немедленно своротить къ югу, чтобы добраться до конца пожара, вмѣсто того, чтобы ѣхать по пепелищу. Я зналъ по опыту, что такое значить ѣхать спаленную степь, гдѣ нѣтъ ни одной травинки для скотины. Такъ какъ огонь шелъ, очевидно, по направлению къ сѣверу, то я и рѣшилъ ѣхать къ югу. Люди исполнили мой приказъ, хотя весьма неохотно, потому что онъ велъ за собою Богъ знаетъ сколько замедленія. Во время полуденнаго отдыха мгла рѣдѣла, а жара становилась до того невыносимою, что даже воздухъ дрожалъ и змѣился и... вдругъ... Вотъ неожиданно, точно по чьему-то приказу, дымъ и мгла исчезли и нашимъ глазамъ предстала Сьерра-Невада зеленая и улыбающаяся, чудная, покрытая блестящимъ снѣгомъ на вершинахъ и такъ близко, что невооруженнымъ глазомъ можно было отличить разщелины въ скалахъ, зеленые водоемы и лѣса. Намъ казалось, что насъ достигаетъ ихъ свѣжее дыханіе, полное живительнаго запаха елей, и что черезъ нѣсколько часовъ мы придемъ къ подножію горъ. При этомъ зрѣлищѣ люди, измученные пустыней и страшными трудами, почти сошли съ ума отъ радости: одни съ рыданіемъ падали на землю, другіе протягивали руки къ небу или хохотали, иные поблѣднѣли и молчали. Мы съ Лиліанъ также плакали отъ радости, которая, впрочемъ, скоро смѣ-

нилась во мнѣ недоумѣніемъ, потому что я предполагалъ, что насъ отдѣляетъ отъ Калифорніи по крайней мѣрѣ полтора ста миль. А въ это время горы улыбались намъ черезъ пожарище и, казалось, при помощи какого-то чародѣйства приближались, наклонялись къ намъ, манили насъ. Хотя время, предназначенное на отдыхъ, еще не прошло, но никто и слышать не хотѣлъ о дальнѣйшей стоянкѣ. Даже больные—и тѣ, высовывая изъ-подъ полотняныхъ покрывшекъ исхудавшія, пожелтѣвшія руки, умоляли, чтобы скорѣй запрягать и ѣхать. Смѣло и охотно двинулись мы впередъ, а къ свисту колесъ по обугленной землѣ примѣшивались хлопанья бича и пѣсни. Объ объѣздѣ выжженнаго пространства и рѣчи не было.

Да зачѣмъ и объѣзжать, коли въ нѣсколькихъ миляхъ была уже и Калифорнія, и ея чудныя снѣговыя горы! Мы шли на-прямикъ. Тутъ опять мгла скрыла отъ насъ радужный видъ. Уплывали часы, кругозоръ становился все меньше, наконецъ закатилось солнце, спустилась ночь, замигали звѣзды, а мы все ѣхали впередъ. Очевидно, горы были дальше, чѣмъ казались.

Въ полночь мулы начали визжать и упираться. Черезъ часть таборъ остановился, потому что большая часть скотины полегла на землю. Люди пробовали поднимать ее, но безуспѣшно. Во всю ночь никто глазъ не сомгнулъ. При первой зарѣ нашъ взглядъ жадно полетѣлъ вдаль и... не отыскалъ ничего... Черная траурная пустыня тянулась на всемъ видимомъ разстояніи, однообразная, глухая и отдѣляющаяся сухою линіей отъ горизонта; вчерашнихъ горъ не было и слѣда.

Люди остоленѣли, мнѣ же зловѣщее слово «фатаморгана» объяснило все... Мозгъ застылъ въ моихъ костяхъ. Что дѣлать? Идти далѣе?—А если эта сожженная площадь тянется еще сотни миль?... Возвратиться?—А если тамъ, черезъ нѣсколько миль, конецъ пожарища?... Я не осмѣливался заглянуть въ пропасть, у которой мы стояли. Однако, нужно же знать, чего держаться. Я сѣлъ на лошадь, поскакалъ впередъ и съ ближайшаго возвышенія обнялъ взоромъ болѣе широкое пространство. Съ помощью бинокля я увидалъ вдали что-то зеленое, что впоследствии оказалось простою лужей, гдѣ огонь не смогъ пожрать всей растительности, а сожженная полоса шла далѣе, чѣмъ глазъ и подзорная трубка. Ничего не оставалось. Нужно было вернуть таборъ и объѣхать пожарище. Я поверотилъ коня. Вozy должны были оставаться на мѣстѣ.

На приказъ мой никто не обратилъ вниманія. Муловъ подъяли и пошли далѣе. На мои вопросы мнѣ отвѣчали понуро:

— Тамъ горы, туда и пойдёмъ!

Я не пробовалъ и сопротивляться, потому что зналъ, что не было человѣческой силы, которая бы удержала этихъ людей. Можетъ-быть я и вернулся бы назадъ съ Лиліанъ, но моей повозки не было и Лиліанъ ѣхала съ миссисъ Эткинсъ.

Мы шли впередъ. Снова настала ночь и принужденный отдыхъ. Надъ обугленной степью взошелъ большой кровавый мѣсяцъ и освѣтилъ далъ, однообразно-черную. На утро только половина телѣгъ могла двинуться далѣе, потому что половина муловъ подохла. Жара въ теченіе дня была убійственная. Тепло, поглощенное угольями, наполняло воздухъ огнемъ. Въ дорогѣ одинъ изъ больныхъ умеръ въ страшныхъ конвульсіяхъ, и никто не позаботился о его погребеніи. Его положили на землю и ѣхали далѣе. Вода изъ большой лужи, у которой мы были вчера, освѣжила на минуту людей и животныхъ, но не могла возратить потраченныхъ силъ. Мулы въ теченіе тридцати шести часовъ не ущипнули ни травинки и питались только соломой, доставаемой изъ телѣгъ, да и той уже не хватало. Каждую милю мы отмѣчали ихъ трупами и, наконецъ, остался одинъ, котораго я силою отнялъ для Лиліанъ. Телѣги и снаряды, съ которыми мы рассчитывали добывать хлѣбъ въ Калифорніи, остались въ этой, вѣчно проклятой, пустынѣ. Всѣ, кромѣ Лиліанъ, шли пѣшкомъ. Вскорѣ въ глаза намъ заглянулъ новый врагъ—голодъ. Часть пищи осталась въ повозкахъ, а то, что каждый могъ унести съ собой, было съѣдено. Вокругъ, кромѣ насъ, не было ни одного живаго существа. Только я одинъ во всемъ обозѣ обладалъ сухарями и кускомъ соленого мяса, но берегъ это для Лиліанъ и готовъ былъ разорвать на клочки всякаго, кто намекнулъ бы мнѣ объ этомъ. Самъ я тоже ничего не ѣлъ. А страшная, черная поверхность все тянулась, тянулась безъ конца. Какъ бы для увеличенія нашихъ мукъ, въ полуденные часы опять являлась фатаморгана, дразня насъ горами, лѣсами, озерами... Но ночи... о, эти ужасныя ночи!... Всѣ лучи, украденные днемъ у солнца угольями, выходили ночью, палили наши ноги, наполняли огнемъ наши горла. Такою-то ночью одинъ изъ нашихъ людей помѣшался, съѣлъ на землю и спазмодически захохоталъ... Его страшный смѣхъ долго преслѣдовалъ насъ во мракѣ. Мулъ подъ Лиліанъ издохъ. Голодные разорвали его въ клочки въ мгновеніе ока, но что это значило для двухъ-

сотъ человѣкъ!... Прошелъ четвертый день, пятый... Лица у всѣхъ сдѣлались точно птички, всѣ съ ненавистью поглядывали другъ на друга. Они знали, что у меня есть еще пища, но также знали, что попросить у меня—это смерть, а инстинктъ жизни все еще преобладалъ надъ голодомъ. Я кормилъ Лиліанъ только ночью, чтобы не возбуждать ничьей жадности. Она всѣми святыми заклинала меня, чтобъ я тоже ѣлъ, но я поклялся, что при упоминаніи объ этомъ я выстрѣлю себѣ въ лобъ; она ѣла рыдая. Но все-таки она сумѣла красть у меня крошки, которыя отдавала миссисъ Гросвеноръ и миссисъ Эткинсъ. А въ это время желѣзная рука голода грызла и мои внутренности; голова чуть не трескалась отъ жара. Пять дней у меня во рту ничего не было, кромѣ воды изъ той лужи. Мысль, что я несу мясо и хлѣбъ, что они здѣсь, что я могу все это съѣсть, дѣлалась для меня ядомъ. Я опасался, что, какъ раненный, могу поддаться искушенію и броситься на пищу.

— О, Боже!—молился я въ душѣ,—не дай мнѣ пасть до степени звѣря, чтобъ я могъ съѣсть то, что можетъ сохранить ея жизнь! Но Богъ былъ немилосердъ ко мнѣ. Утромъ шестаго дня я увидалъ на щекахъ Лиліанъ огненные пятна, руки ея горѣли, дыханіе громко вырывалось изъ груди. Вдругъ дико взглянувъ на меня, точно боясь, что потеряетъ память, она сказала быстро:

— Ральфъ, оставь меня здѣсь и спасайся самъ,—для меня нѣтъ уже спасенія!

Я стиснулъ зубы; мнѣ хотѣлось выть и богохульствовать, и, не сказавши ни слова, взялъ ея на руки. Огненные зигзаги замелькали передъ моими глазами въ воздухъ и начали складываться въ слова: «Who worshipped and served the creatur more than the Creator!» Но я не отпрянулъ, какъ тетива туго натянутого лука, и, глядя въ безжалостное небо, всею возмущенною, взбунтовавшеюся душой отвѣчала:

— Я!

Я несъ на мою Голгоу мою безцѣнный крестъ, мою единую, святую, любимую мою мученицу. Не знаю, откуда брались у меня силы. Я сталъ нечувствителенъ къ голоду, къ жару, къ утомленію; не видалъ ничего передъ собой: ни людей, ни выжженной степи. Только ночью ей стало еще хуже. Она теряла память и только иногда тихо стонала: «Ральфъ, воды!» А я,—о, горе!—имѣлъ только соленое мясо и сухари. Въ дикомъ отчаяніи я рас-

поролъ себѣ ножомъ руку, чтобы каплей собственной крови увлажить ея уста, но она пришла въ себя и, закричавъ, впала въ долгій обморокъ, отъ котораго, какъ я думалъ, никогда не очнется. Но она вновь пошевелилась, хотѣла что-то сказать, и не могла,—горячка путала ея мысли. Наконецъ, она тихо пробормотала:

— Не сердись, Ральфъ! Я—твоя жена...

Я несъ ее дальше, молча, самъ почти съумасшедшій отъ отчаянія. Наступилъ седьмой день. Сіерра-Невада показалась на горизонтѣ, а на заходѣ солнца начало угасать и солнце моей жизни. Когда она кончалась, я положилъ ее на землю и упалъ передъ ней на колѣни. Глаза ея были широко открыты, блестящи и устремлены на меня. На минуту въ нихъ блеснула мысль. Она еще прошептала:

— My dear, my husband!... Потомъ по тѣлу ея пробѣжалъ трепеть, на лицѣ вырисовался страхъ и... она умерла.

Я сорвалъ съ головы бандажъ, утратилъ чувства и ужъ не помню, что было дальше. Какъ сквозь сонъ мнѣ представляется, что меня окружили люди, отобрали оружіе, потомъ копали могилу, а потомъ меня охватила темнота, а въ ней огненные слова: «Who worshipped and served the creatur more than the Creator?»

Я очнулся только черезъ мѣсяць потомъ въ Калифорніи у поселенца Мошиньскаго. Собравшись немного съ силами, я отправился въ Неваду; но тамъ степь вновь поросла густою травой, такъ что я не могъ до сихъ поръ отыскать могилы и до сихъ поръ не знаю, гдѣ покоится святой прахъ. Чѣмъ я согрѣшилъ передъ Богомъ, что онъ отвратилъ отъ меня свое лицо и забылъ меня въ этой пустынѣ—тоже не знаю. Хоть бы мнѣ надъ могилой ея поплакать, все бы легче было!... Каждый годъ ѣзжу въ Неваду и все напрасно. Грѣшныя мои уста говорили не разъ: «да будетъ воля Твоя»,—а горько мнѣ безъ нея на свѣтѣ. Человѣкъ живетъ и ходитъ межъ другими, и смѣется часомъ, а старое сердце плачетъ, и любить, и тоскуеть, и помнить...

Я старъ, скоро придется собираться и въ другую дорогу... Я прошу Бога только о томъ, чтобы тамъ, на небесныхъ степяхъ, онъ позволилъ отыскать мою небесную подругу и уже не разлучалъ бы съ ней никогда.

В. Л.

Л. И. Пальмину.

Они нашли несмѣтною толпою,
Съ огнемъ, съ мечомъ въ рукахъ, богатыри...
Погибло все,—мы видимъ предъ собою—
Осквернены нечистою рукою
Святые наши алтари!

И миръ объялъ тогда хаосъ великій,—
Повсюду смѣхъ, рукоплесканій громъ.
Какъ страшно-злы, неистовы и дики
Побѣду нагло славящие клики—
Побѣду силы надъ добромъ!

Сковали нашу свѣтлую богиню,
Обвились тернія вокругъ ея чела—
И бросила привычную святыню,
Разбила лиру, въ мрачную пустыню,
Рыдая, муза отошла!

Ея огонь, хранимый нами свято,
Теперь жрецы чужіе намъ хранятъ,—
Теперь въ рукахъ наперсниковъ разврата,
Чье сердце злобой дикою объято,
Въ комъ страсти пошлыя кипятъ!

Явились барды новые на смѣну...
Иной пѣвецъ,—какъ громко онъ поѣтъ,—
Вездѣ провидитъ онъ одну измѣну,
Онъ все готовъ предать мечу и плѣну
И наложить на все свой гнѣтъ!

Глупцы! они мечтають: уступили
 Мы имъ, поникнувъ гордою главою,
 Что ляжемъ ницъ, покорны дикой силѣ,—
 И думаютъ, что лишь въ одной могилѣ
 Мы можемъ скрыться подъ землей.

Сампсона ослѣпленнаго, когда-то,
 Филистимляне привели въ свой храмъ...
 Вокругъ струятся волны аромата,
 Реветь толпа, восторгомъ вся объята,
 И шлетъ хвалы своимъ богамъ.

Но онъ оперся мощными плечами—
 Колонны храма рушились въ прахъ...
 И дрогнулъ храмъ, и малыми кусками
 Разсыпался, и пыль взвилась столбами,
 И всѣхъ объялъ великій страхъ.

И вновь народъ, цѣпями отягченный,
 Что жилъ въ плѣну среди невзгодъ и золь,
 Услышалъ Бога вѣчнаго священный,
 Раздавшійся надъ цѣлою вселенной,
 Любви и истины глаголъ.

И нашъ чередъ когда-нибудь настанетъ,—
 Неправды, зла, исчезнетъ самый слѣдъ,
 И храмъ Ваала потрясенный грянетъ,
 И солнце правды вновь надъ міромъ встанетъ,
 И громко запоетъ поэтъ.

О, вѣрю я, надъ сиротливымъ міромъ
 Свѣтило яркое проглянетъ скоро вновь,—
 Опять вернемся мы къ своимъ кумирамъ
 И воспоемъ согласно, громкимъ клиромъ,
 Свободу, братство и любовь!

В. Л.

Одинцово.
 12 мая.

Замѣтки о русской и нѣмецкой восточной политикѣ въ связи съ славянскимъ вопросомъ.

II.

Австрія и Габсбурги.

(Продолженіе *).

Самостоятельнымъ факторомъ—не въ качествѣ примыкающей къ дѣятельности сосѣдей «восточной провинціи», а уже въ качествѣ могущественной Габсбургской монархіи, сражающейся за свои собственные права и владѣнія, Австрія выступаетъ въ борьбѣ съ турками лишь въ XVI столѣтіи, послѣ того, какъ, вслѣдъ за первой битвой при Могачѣ (1526 г.), Салиманъ Великолѣпный завоевалъ большую часть Венгріи. Съ тѣхъ поръ австро-турецкая борьба продолжается почти непрерывно въ теченіе слишкомъ двухъ столѣтій. Одинъ сухой хронологическій перечень показываетъ, какъ неуклонно велась борьба со стороны Австріи. Годы: 1527, 1532, 1535 до 68, 1571, 1590—92, 1682, 1684—87, 1691—98, 1716—18, 1725, 1736—38—отмѣчены жестокими войнами, въ продолженіе которыхъ Австрія не разъ была на краю гибели. Турки два раза осаждали Вѣну и въ 1682 г. непремѣнно взяли бы ее, еслибы не подоспѣлъ на помощь польскій король Янъ Собѣскій. Но въ общемъ борьба все-таки приводила къ торжеству Австріи. Турція все болѣе и болѣе слабѣла, а монархія Габсбурговъ, напротивъ, росла и укрѣплялась. За всю эту эпоху, политику Австріи слѣдуетъ назвать не просто восточной (таковой, какъ мы видѣли, она была всегда), а уже балканской. Утвержденіе турокъ на Балканскомъ полуостровѣ естественно дѣлало театромъ войны съ ними—граничащая съ Венгріей и черезъ нее съ Австріей—славянскія земли и часть молдаво-валахскихъ. Вслѣдствіе этого Австрія, овладѣвъ окончательно Венгріей, которую ей пришлось отвоевывать у турокъ, невольно вынуждена была унаслѣдовать и традиционную, относительно южнаго сла-

* Русская Мысль, кн. IV.

вянства, политику мадьяръ, которые, какъ извѣстно, стремились къ завладѣнію сербскими землями и во времени появленія турокъ съ одной стороны и усиленія Габсбурговъ съ другой давно уже успѣли не только утвердить свое вліяніе въ Босніи, Герцеговинѣ и части Сербіи (Сремская область), но и присоединить ихъ къ коронѣ Св. Стефана *). Общій врагъ и происходящая отъ того общность интересовъ заставляли южныхъ славянъ сербскаго племени постоянно обращаться къ Австріи, а послѣднюю еще чаще вступать въ сношеніе съ славянами и съ молдаво-валахами. Тутъ, какъ и у себя дома, Габсбурги выдвигали на первый планъ элементъ исключительно народности, къ чему, впрочемъ, вынуждала ихъ и разность религій съ помянутыми племенами. Тогда какъ мы, вступивъ въ борьбу съ Турціей, упирали, главнымъ образомъ, на духовное родство свое съ покоренными турками народами, обращались къ «православнымъ христіанамъ», не дѣлая никакого различія между валахами и болгарами, греками и сербами и одинаково во всѣхъ возбуждая лишь религиозное чувство,—Австрія обращалась къ «народамъ, угнетаемымъ варварами», и зывала къ ихъ національному чувству. Готовясь къ войнѣ съ Турціей, Габсбурги, согласно общему обычаю, каждый разъ кликали кличъ на весь христіанскій міръ, но при этомъ непремѣнно еще дальше разсылали своихъ агентовъ—по Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ, Албаніи и Молдо-Валахіи, вездѣ подстрекая населеніе къ возстанію, вездѣ организуя это возстаніе, раздавая оружіе и т. п. Даже когда Австрія и не была непосредственно заинтересована въ войнѣ противъ Турціи, какъ, напримѣръ, въ 1571 г., когда она въ первой коалиціи не участвовала,—австрійскіе агенты все же продолжали дѣйствовать въ покоренныхъ странахъ и вызывать тамъ анти-турецкое движеніе. Поэтому месть султановъ всегда обращается противъ Австріи, причѣмъ они часто платили ей тою же монетой, поддерживая возстанія противъ нея въ Венгріи. Австрія ставила своихъ воеводъ въ Молдавіи и Валахіи, а Турція принимала подъ свое покровительство авантюристовъ, заставлявшихъ выбирать себя въ короли венгерскіе (Иванъ Зополья и его сынъ Сигизмундъ). Австрійская агитация никогда не оставалась безплодна. Сербы въ особенности массами стекались подъ знамена австрійскихъ полководцевъ, а въ Герцеговинѣ и въ Босніи немедленно образовывались шайки инсургентовъ. Благодаря именно сосѣдству Австріи и ея непрерывнымъ войнамъ съ Турціей, Сербія никогда въ сущности не была подъ такимъ сильнымъ турецкимъ гнетомъ, какъ Болгарія, гдѣ этотъ гнетъ увеличивался во сто кратъ исконными врагами болгаръ—византійскими греками. Сербскіе города постоянно пере-

*) На этомъ основаніи мадьяры заявляютъ теперь претензію, чтобы Боснія и Герцеговина, когда онѣ будутъ официально включены въ составъ Австро-Венгерской монархіи, были присоединены именно къ венгерской коронѣ, а не къ австрійской, въ крайнемъ же случаѣ признаны были «имперскими землями», на манеръ Эльзаса и Лотарингіи.

ходили изъ турецкихъ въ австрійскія руки. Окончательно подпала Сербія владычеству турокъ только около половины прошлаго столѣтїя (1738 г. по Бѣлградскому миру). До тѣхъ поръ турки занимали ее такъ же часто, какъ и Венгрію, и неустоивали тамъ, какъ вездѣ, но прочно утвердиться не могли, ибо австрійскія войска, въ каждую войну, первымъ дѣломъ вступали въ Сербію и въ Боснію. Это былъ ихъ такъ-сказать естественный путь, слѣдуя по которому, они, разумѣется, поднимали народъ. Это дѣятельное участіе всего народа въ борьбѣ поддерживало въ немъ бодрость и духъ независимости. Живою связью между ними и Австріей служили ихъ соотечественники, рано начавшіе переселяться въ Венгрію, которыхъ Габсбурги стали потомъ нарочно селить на самой границѣ, такъ что они составили австрійскій аванпостъ противъ турокъ, а въ то же время и звѣно между немъ и ихъ родственными славянскими племенами. Среди нихъ-то, да среди далматинцевъ Габсбурги находили себѣ лучшихъ агентовъ для сношеній съ славянами. Характеръ организованной политической системы придавъ этимъ сношеніямъ Евгенийъ Савойскій, «мудрый совѣтникъ трехъ императоровъ», какъ гласитъ надпись на его памятникѣ, красующемся въ Вѣнѣ на площади Бурга. Онъ первый формулировалъ мысль, что византийское наследіе, послѣ изгнанія турокъ изъ Европы, должно достаться Габсбургамъ, и первый же началъ относиться къ сосѣднимъ славянскимъ племенамъ, какъ къ народамъ, которыхъ надо подготовить къ достойному занятію мѣста въ этомъ наследіи. До него австрійцы всегда возбуждали народъ къ восстанію и часто снабжали его оружіемъ, но они никогда не старались обучать повстанцевъ и образовывать изъ нихъ войско. Евгенийъ Савойскій обратилъ все свое вниманіе именно на этотъ предметъ. Организуя свою армію, онъ такъ же дѣятельно организовалъ таковую и у сербовъ, устраивалъ кадры изъ австрійскихъ солдатъ, выбирая для этого преимущественно славякъ же, раздавалъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и, наконецъ, самъ часто занимался обученіемъ сербовъ, среди которыхъ онъ былъ очень популяренъ. Промежутки мирнаго времени ни мало не мѣшали ему заниматься всѣмъ этимъ, благодаря тому, что у Турціи были всегда чрезвычайно своеобразныя политическія понятія. Такъ, если на ея территорію перебирался несправедливый отрядъ не болѣе какъ въ 500 человекъ и при нихъ не было денегъ, то она не считала это нарушеніемъ границъ и тѣмъ менѣе поводомъ къ войнѣ. Отрядъ могъ свободно расхаживать по странѣ, если жителямъ не угодно было самимъ вступать съ нимъ въ драку, чему тоже не препятствовало. Понятно, какъ такое отношеніе къ иностраннымъ войскамъ было на руку Евгению Савойскому.

При немъ сербскія земли стали положительно тяготѣть къ Австріи. При первомъ знаѣ Евгения Савойскаго Сербія и Боснія охватывались восстаніемъ. Въ Бѣлградѣ, который онъ занялъ въ 1717 г., онъ построилъ себѣ даже дворецъ, гдѣ и жилъ долгое время, стараясь привязать къ себѣ

сербовъ и приобщить ихъ до нѣкоторой степени къ культурѣ будущей ихъ метрополіи. Слѣды развалинъ этого дворца и до сихъ поръ еще можно видѣть въ столицѣ Сербіи. Бѣлградъ, крѣпость котораго командуетъ надъ Дунаемъ и Савой, представляетъ важный стратегическій пунктъ, вслѣдствіе чего всѣ особенно старались овладѣть имъ. Христіане называли его «ключомъ къ Востоку», а турки—«городомъ священной войны». Онъ и раньше Евгенія Савойскаго только временно попадалъ въ руки турокъ, большею же частію принадлежалъ сначала Венгріи, а потомъ Австріи. Но прежде его цѣнили только ради его стратегическаго положенія; Евгений Савойскій понималъ и его политическое значеніе. Онъ уже намѣтилъ Сербію, Боснію, Герцеговину, какъ будущее достояніе Австріи. Au dela de Mitrowitzа рисовалась уже передъ его умственнымъ взоромъ. Онъ-то именно и устроилъ Военную Границу въ томъ видѣ, въ какомъ она оставалась еще до нашихъ дней. Подъ его вліяніемъ императоръ Леопольдъ I даровалъ особенныя права всѣмъ переселявшимся въ его владѣніе сербамъ и этому же вліянію надо приписать въ значительной степени и то, что наследники Леопольда упорно сохраняли всегда полную отдѣльность Военной Границы. Евгений Савойскій вообще предпочиталъ славянъ, мадьяръ же терпѣть не могъ, хотя и цѣнилъ высоко ихъ храбрость въ бою. Будучи самъ человѣкомъ очень добрымъ, вовсе не отличавшимся жестокостію, составлявшюю такое обычное явленіе въ тѣ времена, онъ не сопротивлялся неслыханнымъ варварствамъ, совершеннымъ Леопольдомъ надъ мадьярами послѣ возстанія Тѣкѣли. Можетъ-быть предчувствіе говорило ему, что мадьяры сдѣлаются со-временемъ препятствіемъ въ восточной политикѣ Австріи, какъ онъ понималъ эту политику.

Замѣчательно, однако, что, несмотря на мысль о византійско-турецкомъ наследствѣ, Евгений Савойскій, повидимому, не думалъ о Константинополѣ,—по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ указаній, чтобъ онъ признавалъ какую-нибудь важность для Австріи за этимъ главнѣйшимъ пунктомъ турецкихъ владѣній. Напротивъ, есть основательные поводы полагать, что Константинополь, какъ и вообще все побережье Чернаго моря, не включался имъ въ составъ предполагаемаго наследства, что онъ думалъ не столько о византійскомъ, сколько о собственно турецкомъ наследствѣ, понимая подъ нимъ, главнымъ образомъ, сербскія земли. Основаніе къ такому заключенію даетъ намъ то обстоятельство, что при Евгени Савойскомъ, точно такъ же, какъ и послѣ него, Австрія продолжала свои усилія втянуть Россію все дальше и дальше въ борьбу съ Турціей. Правда, усилія Австріи въ этомъ направленіи начались гораздо раньше, именно ровно за цѣлое столѣтіе до появленія Евгенія Савойскаго. «Цезарь» еще въ 1591 году въ первый разъ отправилъ посольство (Варжоча) въ Москву, съ цѣлію склонить царя къ участию въ общей борьбѣ христіанскаго міра противъ «варваровъ нечестивыхъ». Читатели помнятъ, что мы еще въ первой части «Замѣтокъ» указывали, что этотъ посолъ цезаря первый

обратилъ вниманіе Россіи на племенное родство ея народа съ народами Балканскаго полуострова, а четыре года спустя, вмѣстѣ съ папскимъ посланнымъ, священникомъ Камулеемъ, выводилъ изъ этого родства несомнѣнное и законное право Россіи стать со-временемъ наследницей Византии. Тогда всѣ эти сладкія рѣчи не привели ни къ чему. Московскіе цари основательно старались не только не начинать еще не безопасную для тогдашней Россіи войну съ турками, а, напротивъ, дружить съ ними. Сношенія съ Вѣной ограничились на первый разъ тѣмъ, что царь послалъ цезарю въ подарокъ соболей, куницъ и иныхъ всякихъ шѣховъ на 44.720 рублей, а между тѣмъ Нащокинъ, посланный московскій въ Константинополь, отъ имени царя увѣрялъ Порту въ ненарушимой сердечной дружбѣ и въ доказательство таковой выставлялъ именно несогласіе царя идти противъ падишаха заодно съ цезаремъ и другими государствами. Но тогда и положеніе было иное. Въ то время еще никому не могло и грезиться будущее колоссальное величіе Россіи, ея поразительно быстрый ростъ, ея широко захватывающая политика. Всѣми силами зымавшая Россію въ свои войны съ Турціей, Австрія думала только найти временнаго союзника, при помощи котораго всегда легко было оттянуть половину турецкихъ силъ отъ себя, отъ границъ Венгріи и отъ Сербіи. Около ста дѣтъ спустя Россія уже дала отчасти почувствовать, чѣмъ она можетъ стать со-временемъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду чрезвычайно критическаго положенія Австріи, когда Магаметъ IV собиралъ всѣ свои грозныя силы, готовясь отмстить ей за пораженіе турецкихъ войскъ Собошницъ, а между тѣмъ въ Венгріи происходило сильное антивѣицкое движеніе, германскія же государства, деморализованныя и обезсиленные Людовикомъ XIV, не были въ силахъ подать императору никакой помощи, — въ виду этого критическаго положенія, ставившаго Австрію передъ вопросомъ жизни или смерти; весьма естественно, что Леопольдъ не остановился передъ предложеніемъ Россіи Константинополя. Переговоры начались въ 1683 году и послѣ трехлѣтнихъ проработокъ привели къ заключенію «священнаго союза» (перваго, въ которомъ участвовала Россія). Въ силу заключеннаго тогда условія, Россія не только получала доступъ къ Черному морю, но ей *предоставлялись Константинополь и Румелия*, т. е. вся часть Турціи отъ столицы до Балканъ, отдѣляющихъ нынѣшнюю Восточную Румелию отъ Болгаріи. Уже это условіе показываетъ, что въ Австріи отдавали себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ о стремленіяхъ Россіи. Но Евгенийъ Савойскій подъ вонецъ своей дѣятельности не могъ уже охранять никакихъ иллюзій на этотъ счетъ. Россія прашла уже черезъ царствованіе Петра Великаго. Она была уже не Московскимъ царствомъ, а Россійскою имперіей, и эта новая имперія уже прорубила себѣ «окно въ Европу» на сѣверѣ и весьма недвусмысленнымъ образомъ, неслѣдственно и энергично, принялась прорубать дверь на югъ. Политика Россіи опредѣлялась съ достаточной ясностью, а между тѣмъ въ 1725 г.,

т. е. именно во время апогея влияния Евгения Савойскаго, Австрія заключаетъ съ Россіей тайный договоръ, по которому оба государства обязываются действовать сообща во всемъ, что касается Балканскаго полуострова. Само собою разумѣется, въ этомъ союзѣ Константинополь снова предполагается объектомъ дѣйствій Россіи. Австрія не извлекала изъ этого союза никакой пользы для себя. Наоборотъ, онъ принесъ ей положительный вредъ, потому что, помолвившись на него, она двѣнадцать лѣтъ спустя легкомысленно винулась въ новую войну съ Турціей, которая совершенно истощила ея силы и въ концѣ концовъ привела къ позорному и тягостному Бѣлградскому миру, по которому Австрія вынуждена была уступить Турціи важнѣйшіе стратегическіе и политическіе пункты: Бѣлградъ и Шабаць—и крѣпъ того всё свои владѣнія въ Валахіи и даже Оршову. Этотъ миръ уже и въ то время Минихъ называлъ «стыднымъ и весьма предосудительнымъ», а впоследствии и до нашихъ дней славянскіе писатели часто ставятъ его въ вину Австріи за то, что она въ мирномъ договорѣ не позаботилась нисколько о сербахъ, которыхъ сама же въ началѣ войны, по обыкновенію, вызвала къ возстанію и въ находившейся подъ турецкимъ владычествомъ части Сербіи, и въ Босніи. Но если взглянуть безпристрастно на тогдашнее положеніе Австріи, то нельзя не видѣть, что эти упреки несправедливы. Война началась при условіяхъ крайне для нея неблагоприятныхъ. На первомъ шагѣ ее встрѣтило разочарованіе: формально обѣцанный 20-ти-тысячный русскій корпусъ не могъ явиться на помощь къ австрійской арміи, какъ потому, что двигавшійся въ то время къ Очакову Минихъ не могъ отдѣлить такого значительнаго корпуса, такъ и потому, что Молдавія, черезъ которую приходилось проходить, была занята турками. Евгений Савойскій незадолго передъ тѣмъ умеръ и въ Австріи не было ни одного сколько-нибудь достойнаго замѣнить его полководца. Плохо командуемая, еще хуже содержимая, армія терпѣла поражение за поражениемъ, и не заключи Австрія Бѣлградскаго мира, она могла сама еще разъ подвергнуться нашествію турокъ. Однако, для насъ важно не то, былъ ли Бѣлградскій миръ только несчастнымъ для Австріи, или еще и нечестнымъ съ ея стороны, и нельзя ли вредъ принесъ ей тайный союзъ съ Россіей,—а то, могла ли она заключить подобный союзъ, еслибы Константинополь, хотя бы то въ отдаленномъ будущемъ, входилъ въ планы ея восточной политики, въ особенности въ планы Евгения Савойскаго, формулировавшаго идею о турецкомъ наследствѣ. Намъ кажется, что нѣтъ.

Евгений Савойскій считается въ Вѣнѣ отцомъ той восточной политики Австріи, которую мы назвали «балканскою». Лица, близкіе стоящія къ двору, убѣждали автора этихъ замѣтокъ, что австрійскіе эрцгерцоги и до сихъ поръ тщательно изучаютъ всё, хранящійся въ Бургъ, записки Евгения Савойскаго, его письма и изложенныя имъ въ разное время военныя и политическія планы. Эти документы можно бы, пожалуй, назвать

«завѣщаніемъ Евгенія Савойскаго», въ реландѣ къ пресловутому «завѣщанію Петра Великаго», апокрифичности котораго Европа никакъ не можетъ согласиться повѣрить. Что касается до тѣхъ трехъ императоровъ, совѣтникомъ которыхъ онъ былъ (Леопольдъ I, Іосифъ I и Карлъ VI), то принцъ Евгений имѣлъ на нихъ огромное влияние во всемъ, что касалось восточной политики. Изъ прочихъ вопросовъ онъ вмѣшивался только въ дѣла организаціи арміи да въ финансы въ томъ смыслѣ, что старался вродержать расточительнаго Леопольда отъ излишнихъ расходовъ. По отношеніямъ съ Турціей составляли его дѣло и военными дѣйствіями онъ съ 1691 по 1736 годъ, т. е. до самой своей смерти, распоряжался вполне самостоятельно. Случалось, что онъ поступалъ въ противность прямымъ императорскимъ приказаніямъ и даже первымъ дебютомъ его было неповиновеніе. Ему приказано было отступить, а онъ вмѣсто того разбилъ турокъ наголову при Сегединѣ и двинулся далѣе. При этихъ условіяхъ тайный союзъ 1725 года, точно также какъ и дальнѣйшія соглашенія Австріи съ Россіей по восточному вопросу — кажутся намъ объяснимыми только тѣмъ, что Константинополь во всё время считался ею ненужнымъ для нея, лежащимъ внѣ ея сферы. Еслибы это было иначе, еслибы Евгений Савойскій и позднѣйшіе государи австрійскіе, совѣтникомъ которыхъ онъ оставался и послѣ своей смерти, мечтали о нераздѣльномъ наслѣдствѣ, съ Константинополемъ включительно, они именно съ Россіей менѣе всего могли бы дружить, ибо чѣмъ болѣе развивалась Россія, тѣмъ все яснѣе становилось, что въ ней-то и скрывается самый опасный претендентъ на облюбованное ими наслѣдство. И однако же въ теченіе всего XVIII столѣтія мы видимъ Австрію и Россію идущими на Востокъ рука объ руку. Въ концѣ этого столѣтія уже не Австрія втягиваетъ Россію въ восточную политику, а Россія—Австрію, и при этомъ сама смѣло, открыто простираетъ виды на Константинополь. Но Австрія не смущается,—напротивъ, аплодируетъ и снова кидается въ войну. Извѣстный «греческій прожектъ» Екатерины II приводитъ Іосифа II въ восхищеніе и онъ пишетъ императрицѣ восторженныя письма по этому предмету. Онъ называетъ ее «своею императрицей, своимъ другомъ, своею союзницею, своею героинею», говоритъ, что ему «не нужно ни размышленій, ни соображеній, ни расчетовъ» и что онъ «готовъ на всякое соглашеніе» во всемъ, что касается Турціи. Пользуясь этимъ восторгомъ, Екатерина присоединила къ Россіи Крымъ (первый этапъ въ исполненіи «греческаго прожекта») и затѣмъ нѣсколько лѣтъ чрезвычайно уклончиво стѣсчала Іосифу на его нетерпѣливыя приставанія по поводу дальнѣйшихъ дѣйствій. Но эта уклончивость не остудила жара Іосифа. На свиданіи съ Екатериной въ Херсонѣ (1786 г.) онъ болѣе нежели когда-нибудь былъ готовъ помогать Россіи идти въ Константинополь, а когда, годъ спустя, Порта объявила, наконецъ, войну Россіи и, согласно своему обычаю, посадила русскаго посла въ Семибашенный замокъ,—австрійскій упо-

номоченный немедленно выѣхалъ изъ Константинополя, послѣ чего Австрія, въ свою очередь, объявила войну Турціи. «Греческій прожектъ» и договоръ, заключенный по предмету этого прожекта съ Австріей, не отдавали, правда, Константинополь прямо въ руки Россіи. Россія сиромно выговорила въ свою пользу лишь «городъ Очаковъ съ областью между Бугомъ и Днѣстромъ и одинъ или два острова въ Архипелагѣ для безопасности и удобства торговли», Константинополь же долженъ былъ сдѣлаться столицей возстановленной монархіи Греческой, вполне и совершенно независимой отъ Россіи. На престолъ этой возобновленной монархіи долженъ былъ возсѣсть великій князь Константинъ Павловичъ, который «дастъ обязательство не имѣть никогда притязаній на престолъ российский, ибо эти двѣ короны никогда не должны быть соединены на одной главѣ». Правда и то, что Іосифъ II былъ натура въ высшей степени увлекающаяся и страстная. Это былъ «коронованный агитаторъ», какъ его часто называютъ въ Австріи, энтузіастъ, который, по выраженію Фридриха Великаго, «всегда поднималъ правую ногу прежде, чѣмъ лѣвая коснулась земли», и притомъ бѣлый воронъ въ семьѣ — искренно либеральный и свободномыслящій Габсбургъ. Очень можетъ быть, что онъ въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ личной искренности Екатерины. Но, при всей своей восторженности и вѣрѣ въ свою «императрицу, друга, союзницу и героиню», онъ все же былъ Габсбургъ. А кому же лучше Габсбурга знать, чего стоятъ обязательства подобныя тѣмъ, какія, предполагалось, дастъ будущій греческій монархъ и какъ отлично короны, долженствовавшія всегда остаться отдѣльными, незаштѣно сливаются въ одну. Онъ это зналъ и все-таки шелъ, съ восторгомъ, съ неудержимымъ порывомъ шелъ. Почему?—Потому что Австріи «греческій прожектъ» сузилъ *стѣнорозападнѣя окраины Балканскаго полуострова*. За пріобрѣтеніемъ «окраинъ» натурально должно было послѣдовать расширеніе вліянія Австріи и на центръ страны, а затѣмъ и полное овладѣніе всей этою частью Турціи.

Отъ себя онъ поставилъ требованіе (которое Екатерина приняла), чтобъ Австріи уступлены были: часть Валахіи, оба берега вверхъ по Дунаю, начиная отъ Никополиса, съ городами Видиномъ, Оршовой и *Бъльградомъ*, а оттуда протянуть самую прямую и кратчайшую линію къ Адриатическому морю, захвативъ Дринскій заливъ и всѣ венеціянскія владѣнія на побережьѣ съ ближайшими островами, «такъ какъ только при этихъ условіяхъ земли Австрійской монархіи получаютъ цѣльность и произведенія ихъ будутъ имѣть надлежащую цѣну». Такъ вотъ что соблазнило Іосифа II: давнишняя мечта его предковъ, ясно высказанная надежда Евгенія Савойскаго—Адриатика и, на Балканскомъ полуостровѣ, сербскія земли. Изъ-за преобладанія на Адриатическомъ морѣ Австрія неустанно борется съ Венеціей, покуда не захватываетъ-таки все побережьѣ въ свои руки, а въ послѣдствіи, хотя и не надолго сравнительно, и самую Венецію. Сербы—

поше ше тангеше, малѣйшее прикосновеніе къ которымъ со стороны Россіи прокращаетъ всякія дружественныя отношенія къ ней Австріи.

Вначалѣ, покуда Россія имѣла въ виду исключительно однихъ «православныхъ христіанъ», въ Австріи не много обращали вниманія на ея сношенія съ народами Балканскаго полуострова. Даже когда венгерскіе сербы, обращенные мадьярами въ крѣпостное состояніе, стали уходить отсюда въ Россію, Карлъ VI отнесся къ этому довольно равнодушно. Но когда то же движеніе повторилось нѣсколько лѣтъ спустя въ усиленныхъ размѣрахъ, когда среди венгерскихъ сербовъ появились русскіе агенты, подговаривавшіе ихъ къ переселенію, выставляя на видъ не только тожество религій, но и племенное родство, и когда, подъ вліяніемъ этихъ агентовъ, сербы стали обращаться къ официальной защитѣ русской императрицы, прося ея заступничества противъ вѣрѣсенной католическаго духовенства, тогда отношеніе Австріи къ дѣлу мгновенно измѣнилось. Несмотря на чрезвычайно дружественныя отношенія Австріи съ Россіей при Маріи-Терезіи, которая, во своемъ затруднительномъ положеніи передъ лицомъ многочисленныхъ враговъ, этими отношеніями крайне дорожила, они чуть-чуть не были порваны, единственно вслѣдствіе представленія русскаго посланника въ нѣмъзу гонимыхъ сербовъ. Это представленіе было сдѣлано въ очень осторожныхъ и дружественныхъ выраженіяхъ; но изъ-за него возникло было серьезное неудовольствіе между обоими дворами и оно такъ напугало Марію-Терезію, что она не только воспретила дальнѣйшую эмиграцію сербовъ въ Россію, но и постаралась устранить всякіе поводы къ сношеніямъ съ ними. Но ея приказанію, въ императорской вѣнскоі типографій нарочно были заведены славянскій кирилловскій шрифты и имъ стали печатать церковныя книги, которыя прежде всегда доставлялись изъ Россіи. Стали дѣлать также и церковную православную утварь, и писать иконы, и все это доставлять, между прочимъ, и въ Сербію. Эта попытка, однако, ни къ чему не привела, такъ какъ типографія, по странной ошибкѣ, выставляла на книгахъ казенный австрійскій гербъ, вслѣдствіе чего народъ призывалъ ихъ «не настоящими» и не принималъ. Она даже послужила впоследствии къ выгодѣ Россіи, такъ какъ увеличивъ сношенія ея съ Сербіей, черезъ которую стали доставляться церковныя вещи и венгерскимъ сербамъ. Безусловной искренности нѣмного было въ австро-русскихъ отношеніяхъ и прежде. Каждое государство нарочно, конечно, соблюсти свои собственные интересы. Такъ на Карловицкомъ собраніи, гдѣ заключался первый австро-русскій мирный договоръ съ Турціей (1699 г.), Австрія, пользуясь тѣмъ, что договоръ заключался каждымъ отдѣльно, съишнить поскорѣе покончить съ Портой, чтобы дать ей возможность съ большою свободою дѣйствовать относительно Россіи. Русскій же уполномоченный Возницинъ, въ это же самое время, черезъ греча Маврокордато, совѣтуетъ Портѣ не поддаваться требованіямъ Австріи, оттянуть время, такъ какъ она непремѣнно должна бу-

даль вступить въ ожидаемую въ скорости войну за испанское наследство, что отвлечьъ и вниманіе, и главныя силы ея, и тогда султану легко будетъ отнять у нея все, что она до сихъ поръ приобрѣла. Но такія общія въ дипломатіи не только того, но и нашего времени вѣщанія «услуга» не мѣшали дружбѣ. Мы видѣли, что, несмотря на эти «услуги» (а онѣ повторялись не разъ), Австрія и Россія все же въ общемъ дѣйствовали заодно. Но эта общность моментально превратилась, какъ только Россія, съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣвшая на сильное вліяніе Австріи среди сербовъ, произнесла слово «независимая Сербія». Независимая Сербія, да еще устраиваемая не ею, а другими, это нѣчто такое, чего Австрія не могла допустить спокойно, потому что издавна привыкла смотрѣть на сербскія земли какъ на свою, австрійскую, долю «наслѣдства». О «независимости» сербы не должны и думать, но свободу они должны получить и получать, только — не иначе, какъ отъ Австріи.

Впрочемъ, надо замѣтить, что до конца прошлаго столѣтія и сами сербы всѣ свои надежды возлагали, главнымъ образомъ, на Австрію. Они, какъ уже сказано, давно познакомились съ Россіей, поддарили ей свои сношенія, и эта единовѣрная держава принадлежала ихъ сердцамъ. Но все же Россія представлялась чѣмъ-то далекимъ и помощь отъ нея нескорой, тогда какъ Австрія была тутъ рядомъ, съ ней ихъ связывали многолѣтняя общія борьба и воспоминанія общихъ славянскихъ побѣдъ и германскихъ поражений. Естественно въ ней прежде всего обращались взоры страстно стремившагося къ независимости народа. Въ дѣяніяхъ того времени очень часто воспѣваются австрійскія войска и ихъ славянскіе подполководцы и въ особенности часто упоминается имя «принца Евгенія, дерущагося какъ левъ». При одномъ слухѣ о сборахъ Іосифа II въ войнѣ съ Турціей Сербія вся затрепетала и ея поэтъ Обрадовичъ задолго еще до его появленія привѣтствовалъ императора большою поэмой, озаглавленной «Освобожденная Сербія» и украшенной изображеніемъ Іосифа, разбивающаго цѣпь славянъ. Другой авторъ умолялъ «славнаго государя, Іосифа великаго, чтобъ отъ «престеря свое высшее покровительство на сербское племя, обратилъ свое милосердное лицо къ народу, издавна дорогому его предкамъ». Но Іосифу II не удалось исполнить этихъ моленій. Хотя онъ велъ Бѣлградъ и Шабацъ, но тамъ и застрѣлъ, а векоръ вѣтѣмъ и умеръ. Миръ съ Турціей былъ заключенъ уже его братомъ, Леопольдомъ II. По мирному договору, заключенному въ Сметовѣ въ 1791 г., Австрія возвращала Турціи всѣ занятія ея войсками земли, сохраняя за собою лишь Оршову, да небольшую область на границѣ Хорватіи, и кромѣ того обязывалась не поддарилиать больше Россіи въ ея будущей войнѣ съ Турціей. Что побудило Леопольда въ такому матеріально невыгодному и нравственно-невозвратному миру послѣ побѣдоносной войны, тѣмъ болѣе, что война была побѣдоносна, несмотря на то, что турки дойдя конанцъ стали бить австрійцевъ, благодаря помѣйшей неспособности ихъ полководцевъ? Русскіе, коман-

думы славных Суворовыхъ, одерживали блестящія победы и нѣсколько разъ спасали австрійцевъ *) въ Молдавіи, такъ что и вѣсы собственно поражений не было; Боснія же и Сербія еще раньше были заняты. Кажется бы, при такихъ условіяхъ можно было разсчитывать на миръ по крайней мѣрѣ почетный, тѣмъ болѣе, что Австрія заключила его одна, между тѣмъ какъ Россія все еще продолжала дробить Турцію. Только безвыходное положеніе, причины такъ сказать *de force majeure*, могли вынудить Леопольда къ подобной, почти невѣроятной, податливости относительно своего главаря врага. Такия причины дѣйствительно существовали. Какия именно, это мы увидимъ ниже; теперь же скажемъ покуда лишь, что война, закончившаяся Систовскимъ миромъ, была перлданею войной Австріи съ Турціей.

Объ тѣхъ поръ въ восточной политикѣ Австріи происходитъ, повидимому, рѣзкая перемена. Изъ злѣйшаго врага турокъ, въ теченіе вѣковъ неутомимо преслѣдовавшаго ихъ своею ненавистью и дѣлавшаго все на свѣтѣ, чтобы выгнать ихъ изъ Европы, она вдругъ превращается въ вѣрнѣйшаго друга Турціи, прилагающаго всѣ усилія сохранить эту интересную державу на Балканскомъ полуостровѣ. О войнахъ между ними нѣтъ и помину. Австрія ограничивается однимъ дипломатическимъ воздействием и всегда почти въ пользу Турціи. Она поддерживаетъ не христіанъ противъ «нечестивыхъ варваровъ», а, наоборотъ, этихъ послѣднихъ беретъ подъ свое покровительство. Повидимому, всѣ вѣковыя традиціи забыты и брошены навсегда. Повидимому—да. Но забыты ли: онѣ на самомъ дѣлѣ?—Нѣтъ, нисколько. Разсматривая ближе восточную политику Австріи за послѣднее столѣтіе, нельзя не убѣдиться, что она *отнюдь не Турцію*, къ которой ей отношенія не измѣнились ни на минуту, а *географическій терминъ*. Терминъ же этотъ былъ уменьшенъ потому, что она только посредствомъ его могла стереть свое давнее нацѣвленное часть наслѣдства, заняться которой болѣе дѣятельно она не могла, ибо была отвлечена другими интересами. Это было *неизмѣненное* политикѣ, а *перерывъ* въ активномъ ея веденіи,—антрактъ дѣль продолженіе котораго требовалось сохранить сцену въ нетронутомъ видѣ. Однако весьма возможно, что за этихъ антрактныхъ нѣкогда не продолжалось возобновленія дѣйствія, еслибы... еслибы Австрія не была изгнана изъ Германскаго Союза. Еще разъ и смолотательно потерявъ печальную послѣдовательно—оначала въ романскомъ, потомъ и въ родномъ германскомъ мирѣ; Габсбурги вернулись снова въ тотъ единственный миръ, который принесли имъ и оставался имъ вѣрныи всегда, несмотря на всѣ ихъ великіе недостатки и провинности,—въ мирѣ славянскій, къ Востоку. И на этотъ разъ, повидимому, съ вѣнчаніемъ уже, что *можно* въ этомъ мирѣ *могутъ*

*) Преданіе гласитъ, что нашъ славный полководецъ говаривалъ тогда: «Австрійцы—добрыя ребята, но у нихъ проклятая привычка—быть всегда былыми».

быть для нихъ мѣсто и дѣло, и съ твердою рѣшимостію создать себѣ это мѣсто и найти это дѣло; но что бы то ни стало.

Пытаемся объяснить, почему мы думаемъ, что упомянутый антрактъ могъ бы, при означенныхъ условіяхъ, длиться гораздо дольше и въ концѣ концовъ можетъ быть (намъ кажется навѣрное) отнрвать Габсбурговъ навсегда отъ ихъ восточной политики, по крайней мѣрѣ дѣятельной, т. е. захватывающей.

Перерывъ въ поступательномъ движеніи Австріи на Востокъ начался собственно не при Леопольдѣ II, — при немъ онъ только принялъ характеръ какъ бы безповоротной политики, — но начало его относится еще къ послѣднимъ годамъ царствованія его дѣда, Карла VI. Уже этотъ государь, несмотря на совѣты Евгенія Савойскаго, увѣрявшаго, что все это вздоръ и пустяки, что «богатая кавна и хорошая армія лучше всякихъ пергаментовъ», гораздо больше личнаго своего вниманія посвящая стараниямъ обезпечить послѣ себя наслѣдство за дочерью своею Маріей-Терезіей, чѣмъ Востoku, которымъ онъ можетъ быть и совсѣмъ не занимался бы, если бы не Евгеній Савойскій. Знаменитая «прагматическая санкція», по которой короны Св. Стефана и Вацлава признаны наслѣдственными въ домѣ Габсбурговъ, а во всѣхъ королевскихъ земляхъ вмѣстѣ установлено право вступленія на престолъ лицъ женскаго пола, въ случаѣ неимѣнія прямыхъ мужскихъ наслѣдниковъ, и признаніе этой «санкціи» иностранными дворами — вотъ что всецѣло поглощало дѣятельность самого Карла VI. Безспорно, имъ отчасти руководило естественное чувство отеческой любви къ своей единственной дочери. Но было и другое для всякаго династа вообще, а для Габсбурга въ особенности; навѣрное еще болѣе первостепенное, соображеніе, чисто династическое и политическое. Изкуда Габсбурги занимались исключительно восточною политикою Австріи, не обращая почти никакого вниманія на дѣла германскія, на сѣверѣ имперіи вѣкомолу выросло сильное государство, которое, по меткому выраженію одного французскаго писателя, «сдѣлало завоеваніе закономъ своего существованія, а войну — національною индустріей». Это государство было Пруссія, уже въ началѣ столѣтія введена въ рангъ королевства.

Взраждавшее господство Габсбурговъ въ Германіи обуславливалось, главнымъ образомъ, мелкотомъ прочихъ государствъ, которыя даже вмѣстѣ не могли серьезно угрожать громаднымъ владѣніямъ Габсбурговъ, а при своей постоянной раздробленности и подавно не представляли никакой опасности. Но положеніе мѣнялось совершенно, какъ скоро среди этой мелкоты появлялось большое, сильное, военное государство. Тутъ уже не только являлся рискъ утратить преобладающее вѣдніе въ имперіи и имперскую корону, но и благопріобрѣсенныя владѣнія легко могли отпасть въ недалекомъ будущемъ. Какъ ни была закрѣпощена полуубитая 30-лѣтнею войною Богемія, но корона ея все же не была наслѣдственной, — призракъ «свободнаго избранія» оставался въ силѣ, а Бранденбургъ

съ Силезіей и прежде не разъ выказывали попомынованіе отиватить часть богемскихъ земель. Централизованная Пруссія всегда могла по собственной волѣ распорядиться своими дѣйствіями, между тѣмъ какъ федеральная Австрія должна была считаться съ внутреннимъ состояніемъ своихъ различныхъ «коренныхъ земель». Нападеніе Пруссіи на Габсбурговъ въ такую минуту, когда послѣдніе были заняты хлопотами съ бурливой короной Св. Стефана, что случалось нерѣдко, могло стоить имъ короны Св. Вацлава, а чего добраго—и наслѣдственныхъ земель. Необходимо было все это обезпечить и этому-то дѣлу и посвятилъ себя Карлъ VI. Известно, что его предвидѣнія вполне оправдались. Маріи-Терезіи пришлось вынести двѣ жестокия войны, душою которыхъ былъ Фридрихъ II. Она потеряла большую часть Силезіи, отошедшей къ Пруссіи. Съ тѣхъ поръ соперничество Пруссіи съ Австріей не прекращалось ни на минуту. Раздѣлъ Польши, въ такомъ трогательномъ согласіи произведенный тремя сѣверными державами, не только не устранилъ этого соперничества, но окончательно запечатлѣлъ его и сдѣлалъ безноворотнымъ, потому что отпаденіе къ Пруссіи Силезіи и граничащихъ съ нею польскихъ земель придадо Богеміи не только внутренней характеръ, но и вѣшнюю форму клина, врывающагося въ тѣло Германіи. Очевидно, Пруссія, если ей когда-либо удастся овладѣть господствомъ въ Германскомъ Союзѣ, должна будетъ стараться уничтожить этотъ клинъ, сдѣлавъ его нераздѣльною частью германскаго тѣла. Какимъ путемъ пойдетъ соперничество обихъ государствъ, къ чему каждое изъ нихъ будетъ стремиться и что не удастся одному изъ нихъ, это обозначилось ясно уже при Іосифѣ II. Онъ думалъ, подчиняясь фантазирующаго могущества Пруссіи, положить основаніе будущаго раздѣленія Германіи на двѣ, одна отъ другой независимыя, части: южную, гдѣ господствовала бы Австрія, и сѣверную. Съ этою цѣлью онъ склонилъ было герцога баварскаго помѣняться съ нимъ владѣніями: взять себѣ Нидерланды, а Баварію, Нейбургъ, Зульцбахъ и Лейхтенбергъ уступить ему. Вмѣшательство Фридриха II разстроило эту комбинацію: самъ Фридрихъ, между тѣмъ, устроилъ нѣчто такое, что давало предчувствовать будущее выдѣленіе Австріи изъ Германіи, именно «союзъ государей», известный Fürstentbund. Тогда-то Іосифъ II впервые формулировалъ повторяемую теперь всею Европой мысль (у него, впрочемъ, мимолетную), что «Австрія должна со-временемъ сдѣлаться славянскою державою».

Но до того времени, если оно когда-либо наступитъ, было еще далеко, а покада соперничество съ Пруссіей и обусловливая ея необходимость бдительнаго слѣдить за малѣйшими перипетіями въ сложныхъ отношеніяхъ Союза, и въ особенности за безчисленными интригами, разыгрывавшимися тамъ, отвлекали Австрію отъ Востока. Іосифъ II, какъ мы видѣли, увлекся снова восточною политикою и началъ войну съ Турціей, но его преемнику, получившему эту войну въ наслѣдство, пришлось и тутъ встрѣтиться съ Пруссіей.

Между прочими нововведеніями, сдѣланными имъ въ чужеродной Германіи, Фридриху II принадлежить и честь быть первымъ нѣмецкимъ государемъ, вступившимъ въ союзъ съ Портой. Онъ сдѣлалъ это въ опасную для него минуту, чтобъ отвлечь силы Россіи и Австріи, дѣйствовавшихъ вмѣстѣ противъ него. Въ то время этотъ союзъ не былъ осуществленъ на дѣлѣ, такъ какъ Турція не успѣла придти на помощь къ Фридриху. Но имъ какъ нельзя искуснѣе воспользовался ученикъ и преданный слуга этого послѣдняго, его помещикъ въ дѣлѣ «фирстенбунда», министръ Герцбергъ, котораго называютъ «первымъ нѣмецкимъ туркофиломъ». Видя успѣхи Россіи и Австріи, Пруссія, на основаніи своего оборонительнаго и наступательнаго союза съ Турціей, сосредоточила войска въ Силезіи и угрожала Австріи неминуемою войной. Въ то же время Герцбергъ велъ дѣятельныя переговоры съ поляками, соглашаясь на преобразование конституціи, согласно съ желаніемъ народа, т. е. въ монархическомъ смыслѣ, и предлагая возвратить имъ доставшуюся Австріи часть Галиціи, если они, добровольно уступивъ Пруссіи Торнъ и Данцигъ, войдутъ вмѣстѣ съ нею противъ Австріи. А въ Берлинѣ, между тѣмъ, открыто дѣйствовалъ мадярскій революціонный комитетъ. Вотъ это-то и было причиной, вынудившею Леопольда заключить Систовскій договоръ, такъ какъ собственныя его владѣнія, возбужденныя благотѣльными, но чуждыми реформами Іосифа II, находились въ состояніи такого сильнаго волненія, готоваго перейти въ общее возстаніе, что о продолженіи войны нечего было и думать. И то еще онъ отдѣлался дешево, благодаря замѣчательной хитрости своей и Баунца и поддержкѣ Англіи и Голландіи. Первоначальныя требованія Пруссіи переходили всякія границы дипломатической наглости. Она ставила, между прочимъ, непремѣннымъ условіемъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ чтобы Россія и Австрія возвратили ей «освоенную», т. е. Турціи, всѣ сдѣланныя ими въ разное время завоеванія отъ Дуная до Днѣстра. Переговоры въ Рейхенбахѣ смягчили эти нѣвѣроятныя требованія, но одного, старшій дипломатъ Фридриха II не хотѣлъ уступить ни моды какому-либо виду: Австрія должна была отпасть отъ союза съ Россіей. Россіи самой великодушно предоставлялось громить Турцію—до поры до времени. Отчего же нѣтъ? Это даже выгодно; послѣ меньше дѣла будетъ. Но Австрія идти *са пою амьстль* не должна. Со-временемъ она опять пойдетъ на Востокъ, но одна и *противо Россіи*... Какъ «фирстенбундъ» показывалъ въ перспективѣ очертанія будущаго сѣверо-германскаго союза, приведшаго къ нмѣншней прусской Германіи, такъ точно въ обстановкѣ военныхъ приготовленій противъ Леопольда заключался уже зародышъ Садовой, а въ Систовскомъ договорѣ зародышъ Берлинскаго трактата. Надо отдать справедливость Пруссіи и ея государственнымъ людямъ: нѣтъ страны, которая развивалась бы такъ органически, такъ логично и такъ сознательно, съ такою дальновидною предусмотрительностію, какъ она. Если бы наши русскіе дипломаты обладали десятой долей (только одной деся-

той!) съѣхъ дальновидности, твердости и неуклонной послѣдовательности въ исполненіи политическихъ задачъ, какими въ такой высокой степени отличались всегда прусскіе, они давно поняли бы, гдѣ скрывается болѣе злой и болѣе опасный врагъ австрийскаго и Россійскаго на Дунаѣ или на Шпре...

Нѣтъ сомнѣнія, что факты, подобные описанному, повторялись бы не разъ въ исторіи австро-прусскихъ отношеній. Но обстоятельства сложились такъ, что Пруссія не понадобилось вступать въ союзъ съ Турціей, ибо Австрія и безъ принудительныхъ мѣръ не шла больше вмѣстѣ съ Россіей. Наполеоновскія войны, обрушившіяся на нее прежде всѣхъ, заставили ее надолго забыть о Балканскомъ полуостровѣ; а когда прошла гроза и она получила, наконецъ, возможность снова обратить вниманіе въ эту сторону, она нашла тамъ положеніе весьма для нея непріятное. Вліяніе Россіи на христіанскіе народы Турціи усилилось чрезвычайно, расширилось вплоть до предѣловъ самой Австріи и—что всего важнѣе—начинало принимать опасную для видовъ Австріи національную окраску. Русскіе вступили въ близкія сношенія съ сербами и даже дрались уже вмѣстѣ съ ними въ 1806—1811-гг. Сербы не имѣли еще причинъ жаловаться на безучастность и тѣмъ менѣе на враждебность самой Австріи къ ихъ судьбѣ во время героической борьбы ихъ за свою независимость. Они видѣли, въ какомъ положеніи она была въ ту эпоху, и, конечно, не могли винить ее, тѣмъ болѣе, что, при всей критичности своего собственнаго положенія, она все-таки оказывала имъ сильную помощь. Именно Кара-Георгій, воспитавшійся въ австрійской арміи, гдѣ дослужился до чина фельдфебеля, постоянно получалъ изъ Австріи оружіе, порохъ и всякую амуницію. Но тѣмъ не менѣе фактъ ихъ близости съ русскими представлялъ такое явленіе, съ которымъ отнынѣ приходилось считаться, а главное—стало несомнѣнно, что Сербія сдѣлается независимой, тогда какъ, по расчетамъ Австріи, ей слѣдовало быть причисленной къ «короннымъ землямъ» Габсбурговъ. Въ виду такого положенія, Австріи ничего не оставалось, какъ стать на ту точку, къ какой и мы теперь пришли въ свою очередь: ей надо было до поры до времени охранять Турцію, чтобы на ея мѣсто не стала кто-нибудь другой болѣе опасный и прежде всѣхъ Россія. Господствовавшій въ то время духъ всеобщей реакціи давалъ къ тому какъ нельзя болѣе удобное средство. Подавленіе революціи и уваженіе принципа верховной власти въ лицѣ султана стало лозунгомъ Австріи по отношенію къ Турціи мусульманской и христіанской. Но этого, очевидно, было недостаточно, такъ какъ принципы верховной власти не нарушаются и не препятствуютъ ни «правильной» войнѣ, законнымъ образомъ объявленной однимъ государемъ другому, ни завоеваніямъ. А такъ какъ въ то время всеобщаго истощенія послѣ многолѣтней борьбы о войнѣ только и могли думать Россія да Турція, то, во избѣжаніе торжества первой, приходилось искать еще какого-нибудь, болѣе дѣйствитель-

наго въ этомъ отношеніи, принципа, который давалъ бы средства къ борьбѣ безъ войны. Одной Австріи мирнымъ образомъ бороться съ вліяніемъ Россіи не представлялось никакой возможности. На ея сторонѣ было слишкомъ много преимуществъ, да и времени не было, — другія, названіяся болѣе близкими, дѣла поглощали ея вниманіе. И вотъ она, руководимая хитрою лисой Меттернихомъ, начинаетъ дѣлать то, что такъ ясно и живописно формулировалъ Биконсфильдъ, когда кто-то спросилъ его въ Берлинѣ: въ какомъ смыслѣ измѣнять Санъ-Стефанскій договоръ. «Тамъ придется сдѣлать много измѣненій, — отвѣчалъ великобританскій премьеръ, — но самое существенное будетъ состоять въ томъ, что вездѣ, гдѣ стоитъ «Россія», мы поставимъ «Европа». Это была въ сжатой формѣ представленная характеристика дѣйствій Меттерниха и его наследниковъ. Не имѣя силъ замѣнить единичное русское вліяніе единичнымъ же австрійскимъ, они замѣнили его европейскимъ.

Первое, что предлагала Австрія при военномъ движеніи на Востокѣ, было подавить это движеніе; а если нельзя подавить, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ освобожденія Греціи, такъ тянуть дѣло, на сколько возможно, дольше. Второе — предложить и провести европейское совѣщаніе, европейское рѣшеніе. По ея инициативѣ и подъ ея вліяніемъ даже внутреннія дѣла Турціи, гдѣ сама Порты соглашалась на что-нибудь, вызывали европейскіе протесты и виѣшательство, не взирая на то, что это прямо нарушало верховныя права султана, за которыя Австрія такъ стояла. Такъ случилось въ дѣлѣ Порты съ Мехметомъ-Али, которое превратилось въ «египетскій вопросъ». Затѣмъ, и по тѣмъ же причинамъ, послѣдовали «вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ», «вопросъ о дунайскихъ гирлахъ», о проливахъ. Мало-по-малу сама Турція, вятая подъ покровительство великихъ державъ, сдѣлалась лишь европейскимъ «вопросомъ» — времени. Однако и Меттернихъ, несмотря на свою ненависть къ революціи, хорошо понималъ, что когда-нибудь да наступитъ время, когда и соединенная Европа не въ силахъ будетъ сохранить неприкосновенною верховную власть султана. И на этотъ случай у него было готово рѣшеніе, которому могъ бы позавидовать самый либеральный человекъ. Онъ говорилъ, между прочимъ, и нашимъ дипломатамъ, что въ случаѣ катастрофы (т. е. разрушенія Турціи), наилучшая, по мнѣнію австрійскаго кабинета, комбинація — это учрежденіе на Балканскомъ полуостровѣ вполнѣ независимыхъ государствъ, по современнымъ названіямъ различныхъ частей Турціи: Молдавія, Валахія, Сербія, Боснія, Болгарія, Албанія.

Такова была восточная политика Австріи въ ту продолжительную эпоху, которую мы выше назвали антрактомъ. Несправедливо было бы назвать ее, какъ дѣлаютъ это многіе, враждебной славянству, какъ такому. Уже по тому одному несправедливо, что въ то время о славянствѣ, какъ объ идѣѣ, мало кто думалъ и меньше всѣхъ мы, покровители славянства и сами славяне. Наше сближеніе съ сербами Австріи показалось основаннымъ на

национальности, потому что она вообще имѣла причины бояться вопроса о национальностяхъ, вслѣдствіе чего онъ и грезится ей всюду. Но само по себѣ сближеніе вовсе не имѣло этого характера и, разбирая нашу собственную восточную политику, мы увидимъ, что именно наше непонятное, но упорное игнорированіе народныхъ національныхъ началъ и стараніе навязать Сербіи не только чуждыя народному складу, но и совершенно невозможныя формы внутренняго управленія, способствовали возрожденію тамъ австрійскаго вліянія и давали поводъ къ косвенному вмѣшательству Австріи во внутреннія дѣла Сербіи. Нельзя сказать, чтобъ австрійская политика отличалась особенною враждебностью и къ сербскимъ племенамъ, потому что если Австрія ничего не сдѣлала, чтобы помочь имъ освободиться, и «революцію» не терпѣла и у нихъ, то она и не выказывала къ нимъ такого абсолютнаго равнодушія, какъ къ болгарамъ, съ которыми турки и греки могли дѣлать, что имъ угодно, — Вѣна все игнорировала. Нельзя, напримѣръ, отрицать того факта, что въ 1853 г. Австрія въ буквальный смыслъ спасла Черногорію отъ вѣрной гибели, угрозой войны заставляя Порту отозвать авѣря въ образѣ человека, Омеръ-пашу, готовившагося съ 60-тысячнымъ войскомъ ворваться въ Черногорію. Австрія тогда такъ обрадовалась случаю доказать Черногорцъ на дѣлѣ, что не одна Россія вся ея надежда и защита, что можетъ и Австрія пригодиться подчасъ, что не полѣнилась даже стянуть войска въ Далмацію, т. е. въ тылу Омеръ-паши. Но что касается до Россіи, то относительно ея политика Австріи была несомнѣнно враждебна. Каждый шагъ, такъ-сказать, имѣлъ цѣлю подставить ножку Россіи.

Положительныя силы политической дѣятельности всѣ поглощались соперничествомъ съ Пруссіей, а главное — обязанностями охранителей принципа неограниченной власти «Божіею милостію», которыя, по странному капризу исторіи, взяли на себя родившіеся и возведившіеся на почвѣ «свободнаго избранія» Габсбурги. Не легкое это было дѣло — подавлять вольный духъ послѣ 1893 года, и хотя Габсбурги исполняли его съ истинною виртуозностію, — въ ихъ опытныхъ рукахъ «священный союзъ» превратился въ настоящую всеевропейскую святую германдаду, — но все же оно требовало такого вниманія и такого напряженія силъ, что для постороннихъ этому дѣлу вещей ихъ уже не хватало. Благодаря этому обстоятельству, наше нравственное вліяніе на поработенныя балканскія народности и наши связи съ ними росли такъ же быстро подъ докровою могильной тишины габсбургской реакціи, какъ прежде росло матеріальное могущество подъ громъ ихъ войнъ съ «нечестивыми варварами». Подъ дѣйствіемъ этого нравственнаго вліянія, пробуждался и укрѣплялся духъ угнетенныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинало появляться и національное самосознаніе, хотя мы сами о немъ еще и не говорили. Этой важнѣйшей стороны дѣла Австрія вовсе не замѣчала. Совершивъ какой-нибудь подвухъ подъ насъ, вѣнскій кабинетъ успокоивался, довольный, и обращался снова къ Гер-

маніи, къ Италиі, не подозрѣвая, что балканскіе народы уже всё до еди-наго встали на тотъ путь, который предвидѣлъ Меттернихъ. Между тѣмъ дѣла въ Италиі и въ особенности въ Германіи такъ усложнились, что и подвохи становились все рѣже и слабѣй. Не было времени заниматься и ими,—приходилось отстаивать собственное существованіе. Спасеніе нами Австріи въ 1848 году нимало не измѣнило этого положенія, хотя и от-орочило на время катастрофу. Крымская война, когда Австрія «удивила міръ своею неблагодарностію», была на долгое время послѣдней выход-кой ея во враждебной намъ восточной политикѣ. Черезъ пять лѣтъ она была выброшена изъ Италиі, дома у нея съ перваго дня объявленія войны сложилась поговорка: «Побьютъ насъ — будетъ конституція, по-бѣдимъ — будетъ инвизитица», и всё граждане, безъ различія націо-нальности, задавали пиры и празднества при каждомъ извѣстіи о пора-женіи. А въ Германіи Пруссія успѣла и сдѣлаться популярною въ на-родѣ, и сгруппировать вокругъ себя большую часть мелкихъ государствъ. Не до Востока было Австріи. Дома Габсбурги съ своей удивительною наслѣдственной способностію примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ, разъ несомнѣнно констатирована невозможность побороть ихъ, рѣши-лись на героическое средство. Униженный, разбитый Францъ-Иосифъ вдругъ далъ свободу своимъ, изнывавшимъ подъ гнетомъ деспотизма и обскурантизма, подданнымъ. Политическая жизнь закипѣла, династія сразу вернула себѣ часть утраченной популярности, но въ то же время рас-крылась масса такихъ непримиримыхъ противорѣчій, что, казалось, мо-нархія готова распасться. Въ Германіи совѣтъ ужъ ничего нельзя было сдѣлать. Тамъ положеніе было отчаянное и, что хуже всего, измѣниться къ лучшему не могло, ибо Пруссія и матеріально была такъ же сильна, какъ нравственно,—однако не настолько, чтобы въ конецъ пришибить Ав-стрію и вышвырнуть ее изъ союза, еслибы хоть одинъ изъ сосѣдей за-хотѣлъ поднять свой голосъ противъ такого исхода войны. Ближе всѣхъ это интересовало Россію, потому что опытъ прежнихъ лѣтъ доказалъ уже, что двойственность характера Австріи и происходящіе оттого двойствен-ные интересы и двойственная политика, восточная и германская, не по-зволяютъ Австріи ни одною изъ нихъ заняться, какъ слѣдуетъ, и отни-маютъ у нея почву и тутъ, и тамъ. Ясно, что при той напряженности, до которой достигла борьба между нею и Пруссіей, она, во-первыхъ, все меньше могла бы удѣлять вниманія и силъ Востоку, а во-вторыхъ, нуж-дансь въ поддержкѣ Россіи, была бы гораздо стоворчивѣй, что въ то же время вполне примѣнялось и къ Пруссіи. А тѣмъ временемъ на Балкан-скомъ полуостровѣ мало-по-малу возникли бы новые народные и государ-ственные организмы — ужъ не «больные люди», какъ Турція, а полные жизни и силъ, и которые не такъ-то легко поддались бы вліянію Ав-стріи, когда она собралась бы воздѣйствовать на нихъ. Когда это соверши-лось бы, то-есть когда новые народные организмы постепенно встали бы

одинъ за другимъ на ноги, тогда можно было бы безопасно допустить изгнаніе Австріи изъ Германскаго Союза, тогда она была бы не опасна, ибо у ея жизненнаго нерва, у Габсбурговъ, не было бы ужь совсѣмъ почвы, въ которую они могли пустить корни, и ихъ монархія распалась бы сама по себѣ. Но разъ этого необходимаго условія нѣтъ, разъ Востокъ еще представляетъ какъ бы пустое мѣсто, на которомъ каждый считаетъ себя въ правѣ строить, что ему угодно,—ясно, что какъ скоро Австрія выбрасывается изъ Германіи, ей нѣтъ иного мѣста, какъ только Востокъ. Она роковымъ образомъ должна идти туда, во-первыхъ, потому, что съ нимъ связана часть ея историческихъ традицій, а во-вторыхъ потому, что, будучи полуславянскою, она невольно должна и сама до известной степени тяготѣть къ славянству и его притягивать къ себѣ.

Благодаря нашему молчаливому содѣйствію, Австрію вышвырнули изъ Германскаго Союза. Насколько Габсбургамъ тяжело было и не хотѣлось покидать эту бывшую имперію, корона которой столько столѣтій блистала на головѣ ихъ предковъ, какъ отчаянно они держались за нее и на какія жертвы готовы были, лишь бы не выносить этой обиды, доказываетъ тѣмъ, что послѣ перемирія они обратились къ Россіи, умоляя ее о помощи и еще разъ—въ первый со временъ Иосифа II, предлагая ей формальный союзъ по восточному вопросу съ предоставленіемъ Константинополя въ ея пользу. Отвѣта на это предложеніе не послѣдовало.

Говорятъ, что это была отмстка за измѣнническое поведеніе Австріи въ Крымскую войну. По всѣмъ вѣроятіямъ такъ. Мы не будемъ останавливаться надъ вопросомъ: насколько подобныя отмстки, скажемъ, *удобны* въ государственной политикѣ великой державы, предполагая, что эта политика ведется по известному плану и преслѣдуетъ известную цѣль,—не будемъ потому, главнымъ образомъ, что въ 1866 г. это было до нѣкоторой степени понятно, да и вреда особеннаго не принесло. Внутренняя разладица, выяснившаяся въ короткій четырехлѣтній періодъ конституціонныхъ попытокъ, давала нѣкоторое основаніе считать Австрію непрочной самою по себѣ. Вся Европа въ одинъ голосъ провозгласила ее близкой къ распаденію,—неумудрено, что и мы повѣрили тому же; хотя намъ, славистамъ по преимуществу, и слѣдовало бы лучше другихъ знать исторію нашей полуславянской сосѣдки и ея царствующаго дома. Независимо отъ этого, покуда существовала сильная монархическая Франція, и притомъ Франція, обманутая Пруссіей и слѣдовательно пылавшая на нее негодованіемъ, до тѣхъ поръ Австрія не была еще лишена всякой надежды, а Германіи могла еще снова раскрыться передъ нею. Но, вотъ, въ силу какихъ соображеній мы въ 1870 г. придвинули свои войска къ австрійской границѣ и такимъ образомъ допустили Пруссію до полусмерти пришибить Францію, это рѣшительно необъяснимо. Въ отмстку за парижскій трактатъ развѣ?—Опять-таки, по всѣмъ вѣроятіямъ, такъ. Разъ войдя во вкусъ отмстокъ, неизвѣстно, на чемъ можно остановиться. Только

этой послѣдней отместкой мы нанесли ударъ не Австріи, а себѣ самимъ и славянству, потому что мы не только собственными руками, насильно, толкнули Австрію на Востокъ, чего намъ, въ силу только-что изложенныхъ причинъ, ни при какихъ условіяхъ дѣлать не слѣдовало, но мы толкнули ее не разслабленную и готовую рухнуть, какую она казалась 10 лѣтъ тому назадъ, а возрожденную, полную новыхъ жизненныхъ силъ и новыхъ задачъ для будущаго. Свобода сдѣлала въ ней то великое и благотворное дѣло, которое она дѣлаетъ вездѣ, гдѣ ей предоставляютъ дѣйствовать безпрепятственно. Много противорѣчій осталось, много несправедливостей создалось, но создалась и законная почва для борьбы каждаго за свое право, и борьба эта отнынѣ могла идти мирнымъ путемъ. И такъ она и шла, несмотря на кажущійся хаосъ, царившій въ новозобрѣтенныхъ Цислейтаніи и Транслейтаніи. Это былъ хаосъ созидающій. Попытки конституцій лучше всего доказывали это. Народы, корона искали новой формы, на которой можно было бы остановиться, примиривъ всѣхъ, всѣхъ удовлетворивъ, и было ясно, что они эту форму найдутъ тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ опредѣленнѣе ляжетъ передъ ними путь, по которому придется идти дальше въ жизни. Уже раздавались голоса, указывавшіе этотъ путь, говорившіе о федераціи и выяснявшіе причины, почему именно слѣдуетъ такъ поступить. Фишгофъ еще въ 1866 г. горячо доказывалъ необходимость полной равноправности всѣхъ народностей и федеративнаго государственнаго строя и слѣдующимъ образомъ мотивировалъ эти положенія: «Государства, какъ и отдѣльныя лица, только тогда дѣйствительно прочно основываютъ свое существованіе, когда они умѣютъ связать съ нимъ интересы возможно большаго количества людей. Но кто изъ нихъ, напротивъ, угрожаетъ интересамъ многихъ, кто становится поперекъ дороги міроваго общенія и препятствуетъ свободному движенію, тотъ будетъ низвергнутъ, неизбежно, какъ бы ни казалось прочно документировано его положеніе. А нѣтъ движенія столь неудержимаго и немилосердаго къ препятствіямъ, какъ могучее движеніе духа времени. Послѣдняя война положила конецъ неестественному положенію Австріи. Отнынѣ это положеніе совсѣмъ иное. Ея международныя отношенія такъ же просты и ясны, какъ прежде были сложны и запутаны. Отнынѣ ей нѣтъ надобности повертываться фронтомъ на сѣверъ и югъ, на востокъ и на западъ, противъ Пруссіи и противъ Италіи, противъ Россіи и противъ Франціи. Передъ ней теперь одинъ великій жизненный вопросъ—восточный, и одинъ соперникъ—Россія. Расположеніе европейскаго общественнаго мнѣнія, лучи котораго такъ рѣдко падали на Австрію, при разрѣшеніи этого вопроса будутъ на сторонѣ ея и ея усилій. Какъ въ прошломъ защищала Австрія христіанскую Европу отъ азіатскаго мусульманства, такъ теперь ей предстоитъ высокая миссія защищать европейскую цивилизацію отъ московскаго варварства, и этой славной задачѣ мы можемъ посвятить свои силы безраздѣльно. Если Австрія поспѣшитъ разрѣшить свои внутренніе

вопросы въ смыслѣ свободы и справедливости, то она съ согласія Европы и при радостныхъ кликахъ своихъ собственныхъ народовъ приметъ протекторатъ надъ румынами и южными славянами Турціи и вступить во владѣніе столь важными въ политическомъ и экономическомъ отношеніи устьями нашей величайшей рѣки. И тогда Германія, которая, при существованіи союзныхъ договоровъ, съ апатическимъ спокойствіемъ допустила насъ изнемогать въ борьбѣ съ двумя врагами, — Германія, какъ пограничная сосѣдка Россіи, какъ балтійская и сѣверо-морская держава, торговымъ интересамъ которой на Востокѣ чрезмѣрное могущество Россіи будетъ въ высшей степени опасно, — Германія съ радостію присоединится къ намъ и вступить съ нами въ оборонительный и наступательный союзъ».

Такъ говорилъ австрійскій публицистъ въ 1866 г. Читатели видятъ, что это вѣрная и точная программа того, что теперь совершается, или, по крайней мѣрѣ, что замышляютъ совершить. Согласіе Европы на миссію Австріи, оборонительный и наступательный союзъ съ ней Германіи, даже радостные клики собственныхъ народовъ, хотя и не всѣхъ еще, — все исполнилось, какъ по писанію. Но публицистовъ наши дипломаты не читаютъ, а если и просмотрятъ иногда, отъ нечего дѣлать, такъ единственно для того, чтобы съ величественнымъ презрѣніемъ усмѣхнуться надъ ихъ, предполагается, вздорною болтовней. Такъ не было недостатка въ фактахъ, которые слишкомъ били въ глаза, чтобы ихъ можно было не замѣтить и не понять ихъ значенія. Однимъ изъ такихъ фактовъ было положеніе чеховъ во время австро-прусской войны. Ужъ они ли не были обижены, а когда пруссаки вошли въ ихъ страну съ прокламаціей «an glorreiche Königreich Böhmen» и разбросали по ней сотни тысячъ написанныхъ чешски революціонныхъ прокламацій, призывавшихъ ихъ возстать противъ «вѣковыхъ тирановъ своего народа», — чѣмъ отвѣтилъ имъ этотъ народъ? — Подъ прусскими пушками Прага, съ умысленною торжественностію, съ крестнымъ ходомъ, съ колокольнымъ звономъ, съ иллюминаціей всего города, праздновала день рожденія «вѣковаго тирана» Франца-Иосифа. Вотъ каковъ былъ отвѣтъ «славнаго королевства» и его народа. Были факты и другаго рода. Нѣмецъ Рехбауеръ, либераль, вліятельный членъ либеральной партіи, председатель рейхсрата въ прошлую (до 1880 г.) сессію, представилъ проектъ конституціи, составленной совершенно на основаніяхъ швейцарской, только съ необходимыми измѣненіями въ пользу монархическаго принципа. Нужно было много политическаго недомыслія, чтобы не понять, что деако-бейстовскій дуализмъ, основанный на подавленіи славянскаго элемента въ обѣихъ частяхъ имперіи, есть дитя мѣртворожденное, переходная форма, которая могла крѣпко держаться лишь до тѣхъ поръ, пока существовала тѣнь надежды вернуться въ Германію, а разъ эта надежда исчезла, и исчезновеніе самого дуализма сдѣлалось лишь вопросомъ времени. Габсбурги прежде всего — Габсбурги, а потомъ ужъ нѣмцы. Такъ съ какой же стати риснуть они сами собой

ради сохраненія гегемоніи нѣмцевъ, которые не нужны имъ болѣе, какъ живая связь съ Германіей? Прежде, когда имъ указывали, что ихъ государство не чисто нѣмецкое, и потому не слѣдъ имъ оставаться въ Германскомъ Союзѣ, они яростно старались по временамъ германизировать всѣхъ своихъ подданныхъ, чтобы доказать противное. Но теперь... теперь имъ нужны не нѣмцы. Можно ли было, зная Габсбурговъ, не предвидѣть, что династія, которая имѣла мужество въ горѣ и несчастіи, для спасенія будущаго, повернуться спиной ко всему прошлому и добровольно дать своимъ подданнымъ свободу, которую всѣ Габсбурги, сколько ихъ ни было, вѣка старались сковать и задушить, которая рѣшилась собственными руками открыть, наконецъ, двѣ великія отдушнины, въ которыя уходитъ всякое народное раздраженіе: парламентскую трибуну и печать, — династія, которая могла примириться съ нелѣпымъ дуализмомъ, — можно ли было не понять, что эта династія дойдетъ и далѣе и точно также сама проведетъ въ своемъ государствѣ идею федераціи? Развѣ у Габсбурговъ оставалось что-нибудь иное, какъ только поднять славянъ и сдѣлать изъ нихъ для себя опору?! Мы однако же ничего этого не поняли, не хотѣли понять, и *въ отместку* помогли Габсбургамъ вступить на единственный путь, гдѣ у нихъ есть шансы на спасеніе и успѣхъ.

Эффектъ былъ почти моментальный. Въ тотъ же годъ, какъ окривленная Франція и торжествующая Пруссія подписали Франкфуртскій договоръ, въ Вѣнѣ образовалось министерство Гогенварта-Шефла, федералистовъ самой чистѣйшей воды. Они не долго продержались. Германія находилась въ упоеніи побѣдъ и Бисмаркъ, не предвидѣвшій такого быстрого возрожденія Франціи, мнилъ, что уже все кончено, что отнынѣ нѣмцы будутъ господствовать безъ помѣхи (Россію онъ никогда не считалъ помѣхой, а самое большее — считалъ препятствіемъ, которое придется устранить можетъ-быть съ помощью Европы, въ чемъ сомнѣнія быть не могло). Вліяніе! его и императора Вильгельма вынудило Франца-Иосифа отпустить своихъ министровъ-федералистовъ. Онъ это предвидѣлъ и передъ отъѣздомъ въ Гаштейнъ, гдѣ ждало его свиданіе съ новымъ германскимъ императоромъ и его канцлеромъ, говорилъ Ригеру: «Не требуйте времени на разсужденіе, не требуйте черезчуръ многого заразъ. Я желаю сдѣлать для васъ все хорошее и теперь могу. Богъ знаетъ, что будетъ позже». Позже, т. е. по возвращеніи изъ Гаштейна, онъ долженъ былъ дать отставку Гогенварту. Но это, видимо, было лишь подчиненіе силъ обстоятельствъ, потому что съ тѣхъ поръ продолжавшіяся попытки централизма уже ни одной минуты не поддерживались короной. Она уже поняла, что ей нѣтъ инаго пути, какъ федерація, какъ поднятіе славянскаго элемента, и шла къ этой цѣли неуклонно, хотя и осторожно, бережно обходя всѣ препятствія. Эрцгерцоги въ верхней палатѣ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ состояли членами, голосовали противъ централистовъ. Императоръ лично прочитывалъ крайне рѣзкій адресъ хорватскаго сейма,

требовавшаго возстановленія Трїединого королевства, и запрещалъ измѣнять его, хотя самому сейму казалось страшновато дѣлать это. Все это съ виду ни къ чему не вело. Требования славянъ предъявлялись, но покуда не исполнялись еще. Но пропаганда росла и духъ славянъ поднимался. А тѣмъ временемъ приближенные императора и сами эрцгерцоги старались устроить фантастическое примиреніе чеховъ съ нѣмцами, необходимое для полученія желательнаго федералистскаго большинства въ палатѣ.

Внѣшняя политика, какъ всегда въ Австріи (это одинъ изъ ея краеугольныхъ камней), шла въ полномъ соотвѣтствіи съ внутреннею. Кто задастъ себѣ трудъ просмотрѣть австрійскія «Красныя книги» отъ 1878 г. и далѣе, въ которыхъ заключаются дипломатическіе документы по восточнымъ дѣламъ отъ начала 1873 г., тотъ увидитъ, что въ Босніи, Герцеговинѣ и Албаніи происходила формальная австрійско-славянская агитация. Начинается съ того, что нѣсколько оскорбленныхъ мусульманами православныхъ купцовъ изъ Баньялуки бѣгутъ въ Австрію и обращаются къ австрійскому правительству съ мольбой о защитѣ. Эту мольбу горячо поддерживаютъ фельдцейхмейстеръ Молилари и баньялукскій вице-консулъ Драгачъ. Правительство вступается за обиженныхъ и требуетъ отъ Порты назначенія слѣдственной комиссіи съ участіемъ австрійскаго консула. Порта увѣряетъ, что именно г. Драгачъ и сѣетъ смуты. Австрія зоветъ Драгача въ отпускъ въ Вѣну, но настойчивѣе прежняго требуетъ комиссіи, между прочимъ, «для раскрытія незаконныхъ дѣйствій императорско-королевскаго консульскаго агента и удаленія его, еслибъ обвиненія Порты, паче чаянія, подтвердились». Отъ Австріи назначается въ комиссію сераевскій генеральный консулъ Теодоровичъ, другъ и единомышленникъ Молилари и Драгача. Донесенія Теодоровича рисуютъ положеніе самыми мрачными красками. Австрійскій посланникъ Рудольфъ дѣлаетъ рѣзкое заявленіе Портѣ, не дожидаясь уполномочія на то со стороны министра иностранныхъ дѣлъ, котораго только извѣщаетъ о своемъ шагѣ. Гр. Андраши вначалѣ всѣмъ этимъ очень недоволенъ и дѣлаетъ порицающія замѣчанія посланнику и консуламъ, не воспрещая имъ прямо всякое вмѣшательство въ дѣла христіанъ; онъ приглашаетъ ихъ дѣйствовать мягче и осмотрительнѣе. По его мнѣнію, въ жалобахъ бѣжавшихъ купцовъ много преувеличеннаго и императорско-королевское правительство желаетъ сохранить добрыя отношенія къ Портѣ. Но эти замѣчанія не производятъ никакого дѣйствія. Донесенія Теодоровича становятся все мрачнѣй и мрачнѣй и онъ заканчиваетъ каждое покорнѣйшее просьбой позволить ему вернуться въ Сераево, такъ какъ, въ виду очевидно ведомыхъ съ предвзятою мыслію и недобросовѣстныхъ дѣйствій турецкаго вали, ему нечего болѣе дѣлать. Между тѣмъ Молилари, въ противность положительнымъ распоряженіямъ правительства, приказавшаго отправить бѣглецовъ подалѣе внутрь Австріи, держитъ ихъ на самой границѣ, въ Градискѣ, и они оттуда, — конечно, не безъ его вѣдома, — продолжаютъ сво-

шенія съ своими соотечественниками въ Баньялукѣ и, наконецъ, подають представителямъ державъ - поручительницъ меморандумъ, подписанный, кромѣ нихъ, и нѣсколькими десятками баньялукскихъ жителей. Что дѣлали Рудольфъ и замѣнявшій его на время въ Константинополѣ повѣренный въ дѣлахъ гр. Залускій, неизвѣстно, но только Порты, съ присутствіемъ ей тактомъ, въ началѣ октября разослала всѣмъ дипломатическимъ представителямъ и напечатала въ газетахъ формальный обвинительный актъ противъ австро-венгерскихъ официальныхъ агентовъ, обвиняя ихъ въ «панславистской агитаціи». И она дѣйствительно существовала, эта агитація. При всемъ заслуженномъ недобромъ къ показаніямъ турецкихъ чиновниковъ, невозможно не вынести этого впечатлѣнія изъ чтенія самихъ «Красныхъ книгъ». Андраши натурально вопиють негодованіемъ. Ему ничего не оставалось, какъ потребовать отъ Порты категорическаго удовлетворенія, въ условія котораго входили: непрѣмная смѣна не только второстепенныхъ турецкихъ чиновниковъ, уличаемыхъ консулами въ притѣсненія и безчинства надъ христіанами (все же православными, необходимо помнить), но и вали, амністія обвиняемымъ въ политическихъ преступленіяхъ христіанамъ и фактическая гарантія безопасности бѣжавшихъ въ Австрію, безъ чего они не могутъ вернуться на родину. Только на этихъ условіяхъ соглашался онъ отозвать Драгача, а Теодоровичъ такъ и остался на своемъ мѣстѣ. Лишнее прибавлять, что Порты всему подчинилась, но это ей ни къ чему не послужило. Начатое дѣло продолжалось безостановочно. Едва замолкла исторія съ баньялукскими купцами, какъ возникла другая, въ Скутари, «исторія о колоколахъ». Скутарійскій генеральный консулъ, Теодоровичъ въ квадратѣ, по имени Вассичъ, послѣ длиннаго историческаго обзора прежняго, сгубленнаго турецкимъ владычествомъ, величія «Дирахи, нынѣ именуемой Дурацо», заявляетъ министерству, что католическіе христіане этого города построили себѣ новую церковь и приобрѣли для нея два колокола, которые и желали бы обновить при богослуженіи въ торжественный день тезоименитства ихъ возлюбленнаго защитника и покровителя, императора Франца-Иосифа. Между тѣмъ турецкія власти исполненію этого похвальнаго желанія препятствуютъ и потому жители слезно молятъ императорско-королевское правительство оказать имъ въ этомъ случаѣ свое высокое покровительство. При этомъ подробно излагается, какъ, когда и къ кому именно изъ турецкихъ сановниковъ христіане обращались съ просьбами о дозволеніи звонить въ колокола и какия причины имѣютъ опасаться насилій со стороны мусульманъ въ случаѣ исполненія этого ихъ сердечнаго желанія, отъ котораго они, однако-жь, изъ преданности къ австро-венгерскому государю, никакъ отказаться не могутъ. На этотъ разъ, безъ всякихъ косвенныхъ препятствій со стороны Андраши, «исторія» разыгрывается какъ по нотамъ. Дешени летятъ изъ Скутари въ Вѣну, изъ Вѣны въ Константинополь и обратно, тонъ ихъ все возвышается, въ дѣло вмѣши-

зается германскій посланникъ, баронъ Вертеръ, и въ концѣ концовъ Андраши категорически требуетъ, чтобы звонили въ колокола непремѣнно, а если въ мѣсячный срокъ не будутъ приняты мѣры къ обезпеченію безпрепятственнаго звона отъ всякихъ насилій, то Австро-Венгрія посылаетъ въ Дурацо военный корабль. За исторіей о колоколахъ безостановочно слѣдуютъ другія. Христіане—католики, православные, безразлично—безпрестанно прибѣгаютъ подъ покровительство Австріи и она спѣшитъ оказать имъ защиту. Въ перепискѣ съ Портой Андраши говоритъ такимъ языкомъ, который въ дипломатическихъ сношеніяхъ только относительно одной Порты и можно употреблять. Одна нота, напримѣръ, начинается слѣдующими словами: «C'est avec le plus profond étonnement que j'ai lu la note inqualifiable de la Sublime Porte». На австрійское военное управленіе напала вдругъ необычайная даже для него небрежность. Изъ арсеналовъ массами пропадали старыя ружья, съ заводовъ—порохъ, даже, кажется, пара пушекъ пропала, а приставленные ко всему этому начальники ничего не замѣчали. Населеніе Босніи и Герцеговины волновалось все сильнѣе. Какими-то несповѣдимыми путями въ рукахъ его очутились не только ружья австрійскаго производства, но и золото германской чеканки. Возстаніе было готово и разразилось. Затѣмъ послѣдовала сербско-турецкая война, во время которой Австрія официально задержала какой-то транспортъ оружія, направлявшійся въ Бѣлградъ, что подало Ристичу поводъ очень громко и жалобно воизъять, а неофициально изъ австрійскихъ арсеналовъ продолжали пропадать ружья, о чемъ Ристичъ молчалъ. Съ провальной помпой вся австро-сербская граница оцѣплена была военнымъ карауломъ, долженствовавшимъ курицы не пропускать въ Сербію, но, разумѣется, не имѣвшимъ ни возможности, ни права задерживать мирныхъ иностранныхъ путешественниковъ, каковыми являлись, напримѣръ, тысячи нашихъ добровольцевъ. Потому наступила русско-турецкая война. Во время ея мадьяры бѣсновались, а Австрія негодовала и въ пылу негодованія передъ турками, намѣревавшимися пробраться въ Черногорію, заперла Кленекую гавань, а сербскому правительству, когда то замѣшкалось въ виду плевненской стоянки, дружески выражала удивленіе, что Сербія до сихъ поръ не двигается, очевидно позабывъ уже къ тому времени, что сама же въ началѣ войны поставила условіемъ невмѣшательство Сербіи. Но вотъ, когда мы заключили Санъ-Стефанскій договоръ и въ немъ увеличили Сербію и Черногорію на счетъ Старой Сербіи и Герцеговины, тогда положеніе вещей измѣнилось моментально. Австрія немедленно послала намъ сильно припахивавшій ультиматумомъ протестъ и въ результатъ явился Берлинскій трактатъ.

Безполезно обманывать себя мечтой *), будто не остановили мы въ

*) Мы не можемъ вполнѣ согласиться съ этою мыслью автора. Исторія Европы доказываетъ многими примѣрами, что гениальные умы, сильныя воли

Санъ-Стефано, а возьми Константинополь, дѣла приняли бы совсѣмъ иной оборотъ; будто мы не подверглись бы тогда горькому униженію съ побѣдными лаврами на головѣ являться подеудимыми передъ ареопагомъ Европы. Достичь своихъ цѣлей мы не могли. Виною этому тотъ, кто подписалъ Франкфуртскій договоръ. Въ тотъ день, когда этотъ договоръ былъ подписанъ, зародышъ, цѣлое почти столѣтіе покоившійся въ договорѣ Сигтовскомъ, сталъ быстро развиваться въ опредѣленный организмъ и только въ Берлинѣ на конгрессѣ предсталъ передъ глазами Европы вполне оформленнымъ и выросшимъ существомъ. Вина наша здѣсь въ томъ, что мы молча допустили подписаніе Франкфуртскаго договора, и вины этой ни на йоту не уменьшило то, что черезъ четыре года послѣ этого договора торжественно возвѣщено было, что «миръ Европы обезпеченъ». Это, какъ и многое предыдущее, была лишь фраза, а дѣло важное и, можетъ-быть, роковое для славянства дѣло было уже тогда безвозвратно совершено. Антрактъ въ восточной политикѣ Австріи кончился и она вернулась къ тому самому пункту пьесы, на которомъ оставила ее девянсто лѣтъ тому назадъ. Опять венгерскіе сербы стали живою связью съ турецкими сербами, опять принялись возбуждать послѣднихъ къ возстанію, снабжать ихъ средствами и пр. Изгнанные съ высотъ любимой старой Германіи, Габсбурги снова полетѣли вить себѣ гнѣздо на горахъ Балканскаго полуострова. Матеріаль у нихъ тамъ есть. Мы видѣли, что кое-что осталось отъ далекаго прошлаго, а малость они сдумѣли и послѣ прибавить. Немного всего этого, но ухватиться есть за что, и это также необходимо имѣть въ виду, какъ и историческія федеральныя традиціи ихъ государства. Повторяемъ еще разъ: если на Востокѣ есть шансы за Австрію и за Габсбурговъ, то есть и громадныя шансы противъ нихъ, гораздо сильнѣйшіе, чѣмъ австрійско-

круто поворачивали, иногда у себя дома, иногда у другихъ, историческія традиціи въ другую сторону, или заставляли ихъ молчать и уничтожали. Да и самый примѣръ Австріи, исключенной изъ Германіи, съ которою она преимущественно была связана и къ которой стремилась цѣлыми вѣками, подтверждаетъ это. Всякое неестественное стремленіе къ цѣли, протививъ той, къ которой стремится творческія силы жизни, хотя и достигаетъ временнаго успѣха, но зданіе такъ построенное рухнетъ потомъ, будучи подкопано самою жизнью. Таково, по нашему мнѣнію, и зданіе воздвигаемое теперь Австріей. Иному бы дѣлу послужило взятіе русскими Константинополя: оно имѣло бы послѣдствіемъ возстановленіе угнетенныхъ балканскихъ народностей въ ихъ естественныхъ правахъ, открыло бы просторъ для ихъ невозмутимо-свободнаго, самостоятельнаго развитія,—оно бы заложило твердое основаніе для прочнаго зданія. Поэтому совсѣмъ не мечта, что возьми мы Константинополь и дѣйствуемъ надлежащую твердость и рѣшимость во имя началъ народности и народной свободы,—дѣла на Балканскомъ полуостровѣ, включая сюда и Сербію, и Черногорію, и Боснію, и Герцеговину, приняли бы совсѣмъ иной оборотъ,—не тотъ, какой получили они теперь.

Ред.

габсбургскіе, потому что они опираются на жизненные интересы славянства, славянской идеи. Но не въ рукахъ они тѣхъ, не въ рукахъ тѣхъ, кто всякому живому человѣку и тѣмъ паче живому народу можетъ показаться страшнѣй всевозможныхъ Габсбурговъ со всей ихъ нѣмецкою свитой...

Говорять, надо учиться у враговъ. Посмотримъ же на научную, публицистическую и официальную пропаганду новыхъ идей въ Австріи. Можетъ-быть, тамъ найдется что-нибудь поучительное и для насъ.

Н. С.

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда. Ф. Ф. Эрисмана. Часть I. Съ 13-ю діаграммами и 5-ю картинами. Изданіе московскаго губернскаго земства. Москва 1882 года.

По счету это уже второй трудъ доктора Эрисмана по санитарному изслѣдованію фабричныхъ заведеній Московской губерніи. Ученныя достоинства труда не подлежатъ сомнѣнію. Уже не говоримъ про тщательность и аккуратность работы, которая рѣзко отличаетъ этого ученаго отъ многихъ другихъ, занятыхъ одной съ нимъ спеціальностью—статистическими изслѣдованіями,—его трудъ главнымъ образомъ выдѣляется особою полнотою, съ которой относится къ своему дѣлу г. Эрисманъ. Ни про одну изъ подобныхъ работъ нельзя съ такою справедливостью и вѣрностью сказать, что въ ней цифры говорятъ за себя больше и краснорѣчивѣе словъ; но онѣ говорятъ такъ внятно, разумѣется, потому, что находятся въ рукахъ умѣлаго статиста, знатока дѣла, спокойнаго изслѣдователя, который умѣетъ ихъ такъ сгруппировать, такъ ловко размѣстить и сопоставить, что даже человѣкъ мало заинтересованный санитарно-статистическими изслѣдованіями, развернувъ таблицы и діаграммы д-ра Эрисмана, невольно заинтересуется ими и, руководимый авторомъ, охотно ознакомится съ всестороннимъ смысломъ этихъ таблицъ и діаграммъ.

Читая другія статистическія изслѣдованія, мы рѣдко испытывали такую легкость и удобство пониманія, какая чувствуется при чтеніи выше-названнаго труда. Виною этому служатъ стройность и порядокъ, которые составляютъ отличительную особенность работъ г. Эрисмана.

Данная книга есть только первая часть того большаго труда, который даетъ докторъ Эрисманъ относительно санитарнаго изслѣдованія фабрикъ и заводовъ Московскаго уѣзда. Эта часть, какъ онъ самъ говоритъ, «содержитъ, кромѣ общихъ свѣдѣній о развитіи фабричной промышленности въ Московскомъ уѣздѣ, сводныя таблицы многихъ цифровыхъ данныхъ и другихъ свѣдѣній, характеризующихъ санитарное положеніе осматрѣнныхъ фабрикъ и заводовъ» (стр. IV).

Судя по произведеннымъ изслѣдованіямъ г. Эрсмана, Московскій уѣздъ представляетъ всѣ условія для развитія фабричнаго производства. Однимъ изъ главныхъ условий, заставляющихъ народонаселеніе обращаться изъ земледѣльцевъ въ фабричныя рабочіе, служитъ слишкомъ малый средній душевой надѣлъ этого уѣзда—2,8 десятины; между тѣмъ какъ средній размѣръ платежей приходится на душу—10 р. 7 к. въ годъ.

Фабричная промышленность этого уѣзда возникла въ концѣ прошлаго столѣтія: сперва появились фабрики въ Москвѣ, а потомъ распространились и по Московскому уѣзду. Многія изъ нихъ основаны помѣщиками уѣзда, которые заставляли работать на нихъ своихъ крѣпостныхъ. Такъ дворянинъ Волковъ, которому прежде принадлежала бумаге-прядильная фабрика Третьяковыхъ (въ селѣ Горенкахъ), прислалъ сюда для работы своихъ крестьянъ изъ имѣній, находящихся въ другихъ губерніяхъ. Здѣсь онъ только нѣкоторымъ далъ участки земли, другихъ же прямо поселилъ на фабрикахъ.

Такимъ путемъ полагалось начало нашему фабричному пролетариату, на хищныя наклонности котораго не переставали и не перестаютъ жаловаться жители тѣхъ деревень и селъ, гдѣ закрылись нѣкогда существовавшія фабрики. Новый владѣлецъ, окончившій производство, обмучо гналъ этихъ «воронцовъ», успѣвшихъ пріютиться и свить себѣ гнѣзда во всѣхъ свободныхъ углахъ, принадлежащихъ къ фабричному строенію. Сколько судебныхъ дѣлъ возникало между новымъ владѣльцемъ, въ большинствѣ случаевъ не-помѣщикомъ, и этими бездомными, безпріютными воронами! Онъ то жалуется на пропажу мидейки изъ своего птичника, капуста съ огорода, яблокъ изъ своего обширнаго сада, то проситъ о выселеніи изъ своихъ владѣній этой «голодной орды». Безъ земли, едва прикрытая рубищемъ, за то богатая голодными ртами, выселялась она изъ тѣснаго и душнаго фабричнаго помѣщенія подъ просторный небесный кровъ...

Г. Погожевъ въ своемъ «санитарномъ изслѣдованіи Вереѣвскаго и Рузскаго уѣздовъ» указываетъ на тотъ же путь образованія пролетариата.

Изъ вѣдомости фабрикъ и заводовъ Московскаго уѣзда, находящейся въ книгѣ г. Эрсмана, видно, что въ продолженіе послѣднихъ 35 лѣтъ число фабрикъ и заводовъ здѣсь вчетверо увеличилось, а «количество рабочихъ по меньшей мѣрѣ утроилось» (стр. 14). Больше число фабрикъ было основано между 1855 и 1870 годами.

Господину Эрسمану удалось осмотрѣть 351 заведеніе, гдѣ число рабочихъ равняется—21. 118 ч. Треть этого числа составляютъ женщины. Число женщинъ-работницъ въ заведеніи прямо пропорціонально разстоянію заведенія отъ Москвы, т. е. чѣмъ дальше отъ города отстоитъ заведеніе, тѣмъ больше работаютъ на немъ женщины, и наоборотъ.

Довольно много любопытныхъ выводовъ приходится сдѣлать автору изъ вѣдомости фабрикъ и заводовъ, и притомъ такихъ выводовъ, которые являются полною неожиданностью и противорѣчіемъ выводамъ а priori. Повидимому, казалось бы, что смертность должна преобладать въ тѣхъ

мѣстностяхъ, гдѣ сильнѣе развита фабричная промышленность, а между тѣмъ изслѣдованія показали совсѣмъ другое, т. е. что «сильная смертность (въ Московскомъ уѣздѣ) сосредоточивается въ сѣверо-западномъ, сѣверо-восточномъ и юго-западномъ углахъ его, именно въ мѣстахъ почти полного отсутствія фабричной промышленности» (стр. 55). Такимъ образомъ большая смертность приходится на земледѣльческія волости, а не на промышленныя.

Или еще: а ргіогі можно бы было думать, что смертность грудныхъ дѣтей должна быть сильнѣе тамъ, гдѣ находятся крупныя фабрики, т. е. гдѣ матери отвлекаются работами на фабрикахъ отъ ухода за дѣтьми. Но изслѣдованія опять и тутъ представляютъ неожиданность: «наибольшая дѣтская смертность, —говорить г. Эрисманъ,—сосредоточивается на сѣверѣ и преимущественно на сѣверо-западѣ, гдѣ вовсе нѣтъ фабричнаго производства» (стр. 59). Отсюда изслѣдователь дѣлаетъ новый весьма важный выводъ, въ абсолютной справедливости котораго, конечно, возможно сомнѣваться, такъ какъ онъ основанъ на изслѣдованіи только Московскаго уѣзда, —а именно, что развитіе фабричной промышленности и фабричный трудъ «могутъ считаться безвредными въ санитарномъ отношеніи» (стр. 59).

Изъ сводной таблицы санитарно-статистическихъ свѣдѣній узнаемъ слѣдующія данныя касательно фабричныхъ заведеній изслѣдуемаго уѣзда.

Ближайшія фабрики отъ Москвы находятся на разстояніи $\frac{1}{4}$ версты., а самыя дальнія—на разстояніи 35 верстъ. Большинство осмтрѣнныхъ фабрикъ основаны между 1810 и 1881 годами и принадлежать купцамъ (127), а дворянамъ только меньшинство (12). Женщины работаютъ преимущественно на фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества. Пришлые рабочіе стекаются изъ Смоленской и Калужской губерній, что объясняется «плохимъ качествомъ земли въ этихъ губерніяхъ и недостаточною величиною надѣла, вслѣдствіе чего, оставаясь дома, крестьяне не имѣли бы средствъ для уплаты податей» (стр. 124). Такъ объясняютъ свой приходъ на работы и сами рабочіе.

Отсутствіе надлежащаго числа банъ при осмтрѣнныхъ фабричныхъ «заведеніяхъ заставляетъ изслѣдователя замѣтить, что *сладильцы фабрикъ и заводовъ далеко не всегда внимательно относятся къ самымъ элементарнымъ потребностямъ своихъ рабочихъ*» (стр. 137). Тамъ, гдѣ имѣются при заведеніяхъ бани, владѣльцы за пользованіе ими берутъ съ рабочихъ довольно порядочныя деньги: напримѣръ, вычитаютъ съ рабочаго въ мѣсяцъ по 40 к. (Измаиловская мануфактура), или же по 10 к. съ человека за каждый разъ (суконная фабрика Суворина при селѣ Пушкинѣ),—что обходится дороже городской бани, гдѣ съ человека берутъ по 5 к. за разъ. Число же бесплатныхъ банъ весьма небольшое: изъ всѣхъ 47 банъ бесплатныхъ приходится всего только 17.

Что касается до больницъ и училищъ, то при осмтрѣнныхъ заведеніяхъ ихъ находится еще меньше, чѣмъ банъ. Только на 28 фабрикахъ

отведены помѣщенія для заболѣвшихъ рабочихъ; но и они не всё могутъ быть названы больницами,—большинство этихъ помѣщеній существуетъ только для вида. Училища же составляютъ еще болѣе рѣдкое явленіе.

Вторая сводная таблица даетъ любопытныя данныя о помѣщеніи, возрастѣ, грамотности, заработной платѣ рабочихъ и т. д.

Чѣмъ больше самое заведеніе и его мастерскія, тѣмъ большее кубическое пространство приходится на каждаго рабочаго, между тѣмъ какъ на мелкихъ заведеніяхъ онъ размѣщается значительно тѣснѣй. Изъ 165 фабрикъ только 88 имѣютъ особыя спальни для рабочихъ, причеиъ въ этихъ спальняхъ не рѣдко на одного человѣка приходится только $\frac{1}{3}$ кубической сажени воздуха, такъ что, по словамъ г. Эрисмана, «въ общемъ рабочіе помѣщаются въ спальняхъ непозволительно тѣсно» (стр. 184).

Преобладающій возрастъ рабочихъ на фабрикахъ—отъ 18 до 40 лѣтъ. Дѣти въ возрастѣ 12 лѣтъ, «который нѣмецкимъ законодательствомъ absolutely исключается отъ участія въ фабричномъ трудѣ», составляютъ въ Московскомъ уѣздѣ 2,24 процента всѣхъ рабочихъ. «Дѣти же моложе 14 лѣтъ, которыя швейцарскимъ фабричнымъ закономъ не допускаются къ работѣ на фабрикахъ, составляютъ 7,08 процента всѣхъ фабрично-заводскихъ рабочихъ Московскаго уѣзда» (стр. 198).

На бумаго-прядильныхъ фабрикахъ замѣчается преобладаніе старческаго и самаго юнаго возраста среди рабочихъ, а также и преобладаніе женщинъ. Между послѣдними почти половину составляютъ замужнія. Грамотныя между рабочими составляютъ $\frac{1}{4}$ всего числа, при чемъ на одну грамотную женщину приходится 13 грамотныхъ мужчинъ. Изъ пришлыхъ рабочихъ грамотныхъ всего больше встрѣчается между владимірцами, москвичами, тверитянами и туляками.

Если распредѣлять грамотныхъ по возрастамъ, то больше всего придется на возрастъ отъ 12 до 14 лѣтъ; число же грамотныхъ женщинъ даже и въ этомъ возрастѣ не превышаетъ 13,55%. Полуграмотныхъ же встрѣчается несравненно больше между работницами, чѣмъ между работниками.

Заработная плата рабочихъ на осмотровыхъ фабрикахъ приблизительно такая же, какъ и на фабрикахъ Влинскаго уѣзда: отъ 2 до 30 руб. въ мѣсяць получаетъ мужчина, отъ 1 до 17 руб. (слѣдовательно, какъ разъ вдвое меньше)—женщина и отъ 50 к. до 9 руб. въ мѣсяць—дѣти. Послѣднія наравнѣ съ взрослыми исполняютъ и ночную работу. Работящимъ сдѣльно приходится трудиться больше, чѣмъ получающимъ плату помѣсячно. Впрочемъ, и у послѣднихъ число рабочихъ часовъ въ сутки доходить иногда до 18 (на рагожныхъ фабрикахъ)...

Мы нарочно привели нѣсколько данныхъ, сообщаемыхъ г. Эрисманомъ, чтобы показать хотя сколько-нибудь, съ какихъ именно сторонъ разсматриваетъ авторъ добытый имъ матеріалъ. Все, что ни сообщается въ этомъ томѣ г. Эрисмана, заслуживаетъ полнаго вниманія не только со стороны

санитаро-гигиениста, но и политико-экономиста. Авторъ не ограничивается указаніемъ однѣхъ цифръ, — онъ постоянно совѣщаетъ ихъ своимъ разъясненіемъ и сопоставленіемъ ихъ съ другими.

На этомъ намъ бы и слѣдовало покончить данную рецензію; но чересчуръ пространное предисловіе автора заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ по поводу той вражды, которая, какъ кажется г. Эрисману, образовалась между нимъ и какими-то голосами, раздававшимися противъ него въ печати. Авторъ такъ определяетъ эти голоса: «настаивающіе на необходимости безотлагательнаго введенія у насъ санитарно-фабричнаго законодательства» (стр. IV).

Г. Эрисманъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что сторонники безотлагательнаго законодательства признають его работы и работы его товарищей *ненужными*. Гдѣ, когда и кѣмъ говорилось это? Работы д-ра Эрисмана, какъ и его помощниковъ, признаются, насколько намъ приходилось слышать и читать, весьма полезными; но только, разумѣется, для будущаго и, по всему вѣроятію, для весьма далекаго будущаго. Но пока получаютъ неоспоримо важные результаты для будущаго, до тѣхъ поръ люди, болѣе чутко отъносящіеся къ жизни и ея явленіямъ въ данную минуту, настаиваютъ на неотложной выработкѣ фабричнаго законодательства, которое бы опиралось на данныя, выработанныя хотя и на Западѣ, но несомнѣнно односторонне дѣйствующія и въ Россіи. Напримѣръ, ночная работа для дѣтей и для женщинъ неоспоримо вредна какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Оспаривать этого нити, надѣвша, не станеть. Могутъ только сказать, что не определена *степень* этого вреда у насъ на нашихъ фабрикахъ; но пока будутъ ждать опредѣленія этой степени, — опредѣленія, основанаго на точномъ изученіи всѣхъ существующихъ въ Россіи фабрично-заводскихъ заведеній, — до тѣхъ поръ успѣеть вымереть не одно поколѣніе. Пусть пока хоть что-нибудь будетъ выработано, пусть это «что-нибудь» спасеть хоть нѣсколько сотенъ дѣтей!... Нити не мѣшаетъ въ это же время продолжать свое дѣло санитарнымъ исследователямъ, — пусть они намѣчаютъ существующее зло и указываютъ пути къ его уничтоженію. Когда послѣднее будетъ сдѣлано, тогда возможно будетъ измѣнить или исправить проектирующійся въ настоящее время законъ. Въ самомъ дѣлѣ крайне страннымъ кажется настойчивое требованіе нашихъ санитаровъ-гигиенистовъ, обращенное къ обществу: «сидите пока на мѣстѣ и ждите вѣрнаго спасенія отъ насъ, когда мы кончимъ свои работы». Это все равно какъ во время пожара, когда горитъ вашъ домъ, вамъ вдругъ стали бы запрещать братья за ведро, за бочку, которыя у васъ находятся подъ руками, а приказали бы сидѣть на мѣстѣ и ждать, пока изъ Петербурга привезутъ такую машину, которая непрямѣнно заглушитъ пожаръ. И неужели этотъ путь вѣрнѣе? И неужели можно сидѣть сложа руки, въ ожиданіи вѣрнаго способа огнегасительнаго снаряда? Неужели, пока будутъ ждать въ Петербургъ за спасительною маши-

ной, вы не будете дѣлать попытки, которыя, весьма возможно, спасутъ отъ огня не одно строеніе?...

Вдѣсь просто, какъ намъ кажется, одно недоразумѣніе.

Антропология. (Введеніе къ изученію челоѣка и цивилизаци). Эд. Б. Тайлора. Переводъ съ англійскаго д-ра И. С. Ивина. Съ 78 рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ, 1882 г.

Хотя слово *антропология* и не новое слово, хотя оно употреблялось еще въ началѣ XVI столѣтія, но та масса накопившихся знаній, которая систематизируется въ настоящее время подъ именемъ антропологии, не можетъ вести свою исторію раньше начала нынѣшняго столѣтія. Несмотря на близость къ самому челоѣку тѣхъ знаній, которыя сообщаетъ эта наука, она пока весьма мало популярна. Объ времени антропологической мысли, бывшей въ Москвѣ, слово антропология сдѣлалось у насъ довольно распространеннымъ, но вслѣдствіе полнаго отсутствія сколько-нибудь систематичныхъ и, главное, доступныхъ для большинства книгъ и статей по этому отдѣлу наукъ, понятіе объ антропологии до сихъ поръ представляетъ въ публикѣ нѣчто смутное... Этотъ крайне ошутительный въ русской литературѣ пробѣлъ въ настоящее время пополняется прекрасною книгой Тайлора въ прекрасномъ переводѣ г. Ивина.

Для знакомства съ данною книгой не требуется никакихъ специальныхъ знаній, тѣмъ болѣе, что вторая половина ея занята популярнымъ изложеніемъ исторіи цивилизаци. Самъ авторъ такъ резюмируетъ содержаніе своего труда: «предлагаемая книга представляетъ скорѣе введеніе въ антропологию, чѣмъ сводъ всего, чему учить послѣдняя» (стр. 3).

Остановившись предварительно на древности челоѣческаго пребыванія на землѣ, на строеніи его тѣла, на раздѣленіи его по языку и по строенію черепа на расы, онъ показываетъ постепенный ростъ челоѣческой мысли и общественныхъ формъ жизни.

Всѣ формы современной намъ жизни, всѣ орудія, всѣ изобрѣтенія представляютъ результатъ постепеннаго роста отъ самаго простѣйшаго къ болѣе сложному и совершенному; каждое изобрѣтеніе имѣетъ за собой длинную исторію. Эта послѣдняя показываетъ, какъ въ далекія, давнія времена жизнь, случайность наталкивали челоѣка на какое-нибудь простѣйшее открытіе. Слѣдующія поколѣнія усовершенствовали его, дѣлали къ нему новыя приспособленія, отчего нерѣдко предметъ терялъ свою первоначальную форму, такъ что трудно оказывалось съ перваго взгляда усмотрѣть его родство съ его прародительскою формою. Для того, чтобъ открыть эту связь, необходимо было постепенно переходить отъ известнаго къ неизвѣстному, въ глубь.

Этотъ законъ постепеннаго измѣненія и приспособленія можно прекрасно прослѣдить на всѣхъ известномъ музыкальномъ инструментѣ—рояли. Кто повѣритъ съ перваго раза, что прародитель рояли есть лутъ,

охотничий лукъ? А между тѣмъ не самою дѣлѣ это несомнѣнно такъ, и читатель самъ вполне согласится съ этимъ положеніемъ, какъ скоро прослѣдитъ постепенный переходъ этого орудія въ музыкальный инструментъ и затѣмъ дальнѣйшій ростъ послѣдняго.

Охотникъ, дотронувшись нечаянно пальцемъ или палочкой до натянутой тетивы, могъ легко напасть на способность тетивы издавать звукъ. Разумѣется, онъ этимъ воспользовался. И вотъ мало-по-малу лукъ перестаетъ быть оружіемъ и обращается въ музыкальный инструментъ. Зуду съ ужь больше не употребляетъ его, какъ боевой снарядъ, а дѣлаетъ къ нему, какъ къ музыкальному инструменту, нѣкоторыя приспособленія. На тетиву онъ надѣваетъ передвижное кольцо для измѣненія звука и держать тутъ же пустую тѣтиву, дѣйствующую, какъ резонаторъ, для усиленія звука. Изъ такого музыкальнаго инструмента образовалась древняя египетская арфа: деревянную спинку лука стали дѣлать толще и съ пустою внутри, замѣняющею тѣвѣнный резонаторъ, а вмѣсто подвижнаго кольца, укорачивающаго или удлиняющаго тетиву, стали натягивать нѣсколько струнъ. Отсюда уже не трудно было дойти до понятія объ удобствѣ третьей твердой подпорки въ арфѣ, т.-е. придать ей тотъ видъ, который она имѣетъ въ настоящее время.

Итакъ, вотъ постепенная картина созданія арфы, которую въ настоящее время сильно вытѣснила изъ употребленія рояль. Но любопытно, откуда послѣдняя ведетъ свое начало. Объ этомъ, — говоритъ авторъ, — догадаться несравненно легче, чѣмъ о происхожденіи арфы отъ лука. «Самая форма большой рояли показываетъ, что это есть не что иное какъ арфа, которая положена на бокъ въ ящикѣ и струны которой теперь перебираются не руками, но звучатъ подъ ударами молоточковъ, дѣйствующихъ съ помощью клавиатуры» (стр. 295).

Намъ кажется, что авторъ здѣсь не совсѣмъ правъ, производя рояль непосредственно изъ арфы. Между этими обоими инструментами есть еще одна промежуточная форма, о которой онъ умалчиваетъ. Мы разумѣемъ цитру, гдѣ натянутыя струны издають звуки еще отъ непосредственнаго перебирания ихъ руками, что въ рояли переходитъ уже въ болѣе сложный механизмъ.

Такъ постепенно совершенствуется, приспособляясь и теряя свое первоначальное значеніе, охотничій лукъ. Если прослѣдитъ такимъ образомъ исторію каждой вещи, cadaго предмета, то мы увидимъ постоянный прогрессъ; и то, что въ настоящее время въ извѣстной вещи намъ кажется лишнимъ атрибутомъ или странностью, то, оказывается, нѣкогда имѣло весьма разумное основаніе и только впоследствии обратилось въ рудиментъ.

Для примѣра можно взять нѣсколько странную форму мужскаго костюма — фракъ. Ну, къ чѣму, напримѣръ, у него отрѣзаны полы? Это скорѣй уродуетъ костюмъ, чѣмъ придаетъ ему красоту. Къ чѣму, напри-

дѣрь, у него сзади на талии сидятъ двѣ пуговицы? Но вся эта камушная несообразность костюма есть не болѣе, какъ сохранившійся остатокъ отъ его прежняго назначенія. Когда приходилось сидѣть на лошади верхомъ, то полы сюртука очень выпали. Чтобы избавиться отъ этого неудобства, пришивали на талии двѣ пуговицы и къ нимъ пристегивали переднιά полы, а затѣмъ ихъ и совсѣмъ отрѣзали. Такъ получился фракъ, который изъ наѣздническаго костюма обратился въ парадный, визитный.

Постоянное изученіе древности человека и его изобрѣтеній при рядѣ новыхъ изслѣдованій даетъ возможность исправлять вѣрившіяся въ исторію ошибки. Каждый изъ насъ, напримѣръ, привыкъ смотрѣть, еще со школьной скамьи, на финиціанъ какъ на народъ болѣе другихъ въ древности отличавшійся способностью изобрѣтенія. Такъ, известно, ему приписывали изобрѣтеніе письменныхъ знаковъ и стекла. О послѣднемъ разсказывалась даже цѣлая легенда.

Но теперь, послѣ ряда изслѣдованій, оказывается, что несравненно раньше финиціанъ искусство готовить стекло было хорошо известно египтянамъ. Древніе египтяне умѣли дѣлать стеклянные бусы и стеклянные четки, «съ которыми врядъ ли могутъ соперничать даже венеціанскіе стеклянные продукты» (стр. 276).

Весьма вѣроятно, что финиціане, какъ постоянно путешествовавшіе изъ одной стороны въ другую, знакомились съ разными изобрѣтеніями другихъ народовъ, которыми тотчасъ же пользовались и которые завозили къ себѣ на родину. А исторія приписала имъ и самыя изобрѣтенія.

Не менѣе любопытно было бы прослѣдить изобрѣтеніе письменныхъ знаковъ и ихъ постепенное усовершенствованіе, замѣну изображенія самаго предмета (первоначальная письменность) придуманнымъ знакомъ...

Но пусть лучше читатель обратится самъ къ этой весьма интересной книгѣ: во всякомъ случаѣ ему не придется пожалѣть потраченнаго времени.

Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра. *Н. Каръевъ*. Варшава 1882 г.

Г. Каръевъ, профессоръ Варшавскаго университета, не ограничиваетъ своей дѣятельности кабинетнымъ занятіемъ и бесѣдами со студентами. Этотъ молодой профессоръ своему университетскому курсу исторіи предпосылаетъ довольно обстоятельное введеніе, гдѣ намѣчаетъ всѣ главные исходные пункты, которые намѣренъ развивать въ своихъ лекціяхъ, и дѣлаетъ это введеніе общимъ достояніемъ публики. Такая попытка расширить кругъ своихъ слушателей посредствомъ печати заслуживаетъ, разумѣется, всякаго одобренія. Еслибы профессора почаще дѣлились съ публикой тѣмъ матеріаломъ, который они обычно дѣлаютъ достояніемъ только своей аудиторіи, то, разумѣется, чрезъ это достигалась бы польза отъ лекцій вдвойнѣ. Свѣтъ науки былъ бы тогда достояніемъ не однихъ по-

обитателей университетских аудиторий, а пожелала бы болѣе быстрому движению впередъ и той части общества, которая или давно оставила стѣны университета, отвлеченнаго какими-нибудь практическими дѣломъ, или же по тѣмъ или другимъ причинамъ совсѣмъ туда не заглядывала, иногда несмотря на горячее желаніе учиться и идти впередъ. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ много помогли бы такія популяризаціи некоторыхъ частей университетакаго курса.

Высказанное сейчасъ желаніе можетъ насытаться, разумѣется, только тѣхъ профессоровъ, которые читаютъ общеобразовательныя, гуманныя науки, не требующія особой специальной подготовки для своего пониманія.

Г. Барбьеръ сдѣлалъ весьма удачную попытку, такой популяризаціи своимъ «введеніемъ въ курсъ исторіи древняго міра», въ концѣ котораго онъ приложилъ: 1) «Сравнительную хронологическую таблицу въ исторіи Греція и Рима» и 2) «Препрату мурса и литературу древней исторіи».

Введеніе затрогиваетъ весьма любопытные вопросы и возбуждаетъ интересъ къ знакомству съ дальнѣйшими курсомъ. Въ тому же въ пользу профессора надо замѣтить, что онъ не пренебрегаетъ внѣшней стороной лекцій: онъ у него выходитъ на безъ отдышки. За тѣ внѣшняя сторона изданія брошюры безъ всякой претензіи же: только на изящность, но даже и на обычный ономный видъ. Своей оберткой и бумагой оно напоминаетъ изданія блаженной памяти времени Сумарокова.

Земля. Ф. Ратцель. 24 общедоступныхъ бесѣды по общему землевѣдѣнію. Географическая книга для чтенія. Москва, Изданіе типографіи С. П. Арсимова и К. 1882 г.

Хотя бесѣды, составляющія книгу г. Ратцеля, и называются имъ общедоступными, но онѣ требуютъ отъ читателя необходимаго знакомства съ терминами не только географическими, но и физическими, химическими, ботаническими и зоологическими. Данная книга даетъ возможность читателю, получившему гимназическое образованіе, уяснить себѣ положеніе нашей планеты относительно другихъ планетъ, зависимость земли отъ солнца и луны (время года, мѣсяцы, затмѣніе), образованіе нашей планеты, виды суши, ихъ происхожденіе и т. д. Не мало мѣста отведено въ книгѣ и обитателямъ земли, надъ которыми возмывается человекъ, отдѣленный авторомъ отъ другихъ существъ, вѣдѣніемъ своей духовной стороны, неизмѣримою пропастью.

Тамъ, гдѣ авторъ занятъ описаніемъ, читатель хоть и утомляется сухостью изложенія, но, подкусаемый полезностью приобретаемыхъ свѣдѣній, продолжаетъ читать; когда же авторъ переходитъ къ перечисленію озеръ, рѣкъ или къ подраздѣленію всѣхъ животныхъ, читателю дѣлается невыносимо тоскливо, и онъ видитъ въ своихъ рукахъ, вмѣсто «географической книги для чтенія», скучный учебникъ географіи. А когда дѣло

доходить до перечня болѣе распространенныхъ растений въ тѣхъ или кру-
глыхъ частяхъ свѣта, причѣмъ авторъ радѣетъ съ латинскими названіями
ставить другое, тоже иностранное, не только написанное русскими бук-
вами, — читатель положительнѣе терпѣе. Въ тому же очень
часто названіе растений переводится весьма неточно; несправедливо: напримеръ,
onitum переводится словомъ *рарачевъ*; *convolvulus* передается словомъ
башмакъ и т. д.

Если пропустить бесѣды о «флурѣ и флорѣ», а также и послѣднюю
бесѣду (о человѣкѣ), то остальныя можно прочесть съ весьма большою
пользою, такъ какъ нѣкоторыя статьи космографіи въ этой, хорошо изда-
ной, книгѣ изложены довольно помѣтливо и толково.

Путешествіе въ Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма. Съ рисун-
ками въ текстѣ. Москва 1882 г.

Бажется, ни одинъ уголокъ Россіи не имѣетъ такой разнохарактерной
репутации, какъ Сибирь. Съ одной стороны, это — мѣсто ссылки, мѣсто
далекаго крайняго сѣвера, гдѣ кончается и прекрывается ледяною корою
все живое, гдѣ растутъ только лишайники да неприхотливая сосна, гдѣ
вся земля покрыта тундрами или шаблями. Вотъ какою обычно представ-
ляется Сибирь издали... Но весь этотъ ужасный образъ Сибири ру-
шится, если придется встрѣтиться съ какою-нибудь сибирякомъ или си-
бирячкой. Обычно послѣ ихъ разсказовъ оны замѣняется прекрасными
ландшафтами съ безграничными просторами, съ чудной золотистою, словно
само золотое море, раскисельностью и съ жарой, достигающею 30°—40°;
или же рисуются страшныя пропасти, окруженныя высокими скалами, по
которымъ, несмотря на ихъ гладкую, какъ паркетъ, поверхность, ловко
взбираются дикія козы; тутъ же кое-гдѣ попадаются и горы, на вершинѣ
котораго усаживается орелъ, распустивши свои гигантскія крылья... Это
совершенно картина Швейцаріи, съ ея чудными горами, вершинныя кото-
рыхъ нерѣдко покрыты снѣгомъ и облаки яркимъ сияніемъ солнца...

Такова Сибирь по разсказамъ ея жителей, которыхъ мажорна знаній и
образованія нерѣдко заставляеть покидать мѣсто своей родины и пу-
статься въ далекій путь — въ Москву, Петербургъ. Въ послѣднее время
намъ пришлось встрѣтить много сибиряковъ и сибирячекъ въ Петербургѣ
среди учащейся молодежи, отъ которыхъ и слышали мы эти восторжен-
ные отзывы объ ихъ родинѣ.

Но эти крайне противоположныя мнѣнія сводятся къ нѣчто среднему
послѣ действительнаго знакомства съ этимъ краемъ. Сибирь возбуждала
и возбуждаетъ до настоящаго времени интересъ у западныхъ ученыхъ,
которые не разъ предпринимали туда поѣздки съ учеными цѣлями. Вся-
кая новая книга о Сибири, являющаяся какъ результатъ такой поѣздки,
должна возбуждать особое вниманіе.

Въ числу такихъ интересныхъ и по своему безпристрастию достоверныхъ описаній Сибири съ полною справедливостію можно отнести «Путешествіе въ Западную Сибирь д-ра Финша».

Путешествіе это было предпринято авторомъ, на порученіе «Общества германской сѣверно-полярной экспедиціи», на счетъ одного изъ нашихъ капитановъ, уроженца Сибири, А. Сибирякова. Путешествіе было предпринято въ мартѣ 1876 года вмѣстѣ съ извѣстнымъ зоологомъ Бремомъ и графомъ фонъ-Вальдебургъ-Дейль и продолжалось до октября того же года.

Данная книга представляетъ описаніе этого путешествія, начиная съ Нижнего до Карской губы и кончая возвращеніемъ въ Бременъ. Она можетъ служить прекраснымъ примирителемъ для вышеуказанныхъ противоположныхъ взглядовъ. Авторъ довольно безпристрастно описываетъ какъ самую мѣстность Сибири, такъ и ея флору, фауну и обитающаго въ ней человѣка. Дѣйствительно, природа западной части Сибири представляетъ большое разнообразіе. Мѣстами видѣются высокія скалы съ громадными пропастиами, ущельями, напоминающими Швейцарію, съ такою же богатою и разнообразною растительностію; мѣстами—это безконечное болото, по которому ни ѣхать въ обычномъ экипажѣ, ни идти пѣшкомъ не представляется ни малѣйшей возможности. Единственный способъ передвиженія по тундрамъ—это на оленяхъ, на этихъ непріхотливыхъ созданіяхъ, которые много могутъ выносить, не требуя за собой даже ухода. Но эти непріхотливые обитатели сѣверныхъ болотъ въ послѣднее время стали подвергаться нашимъ-то эпидемическимъ болѣзнямъ, которые вдругъ укладываютъ ихъ на повалъ и не въ одну, а по десяткамъ, нерѣдко по сотнямъ. Эта болѣзнь, которую д-ръ Финшъ называетъ болѣзнію селезенки, до сихъ поръ еще не изслѣдована, а между тѣмъ она заслуживала бы особаго вниманія, такъ какъ жизнь среди тундръ безъ таковыхъ благодѣтельныхъ оленей невысказана. Въ тому же эта болѣзнь черезъ мясо оленей переходитъ и на людей. Автору приходилось самому быть свидѣтелемъ, какъ вымерла почти цѣлая семья оттого, что послѣшила убить оленя, который казался уже больнымъ, и покушала его мяса.

Остаки, надо замѣтить, очень мало заботятся о гастрономической сторонѣ своего стола. Они почти всегда ѣдятъ мясо оленя въ сыромъ видѣ: взявши одинъ конецъ большаго куска сыраго мяса въ ротъ; они отрѣзаютъ ножомъ около рта кусочки для глотанья. Поэтому весьма часто у остака не только губы, но и щеки измараны кровью. Въ сырому мясу оस्ताкъ приучается съ самаго ранняго дѣтства, когда онъ продолжаетъ еще питаться молокомъ матери. Въ промежутки между этими естественными обѣдами и завтраками ребенокъ, какъ болышой, ѣстъ сырое мясо и съ двухъ-трехъ лѣтъ управляетъ уже съ ножомъ и рѣжетъ имъ у рта кусочки. Это раннее обращеніе съ ножомъ очень удивляло Финша, еще болѣе потому, что не было случая, чтобъ эти малютки когда-нибудь поранили себя.

Останавливаясь на жизни встречающихся въ Россіи инородцевъ— киргизовъ, самоёдовъ, остяговъ, авторъ не пропускаетъ безъ вниманія и положенія женщины среди нихъ. У остяговъ онъ замѣчалъ, что женщина является прекрасною помощницей мужа. «Женщины, — говоритъ онъ, — не только помогаютъ въ заготовленіи зимнихъ запасовъ, сушеніи рыбы и т. п., но на нихъ однихъ лежитъ обязанность одѣвать всю семью и готовить посуду. Онѣ заготавливаютъ нитки, выдѣлываютъ шкуры, шьютъ платья и обувь для себя и прочихъ членовъ семьи, плетутъ прекрасныя травяныя циновки» и т. д. (стр. 419). Вообще онъ находить, что, благодаря своей дѣятельности, женщина у остяговъ вовсе не находится въ приниженомъ и подчиненномъ состояніи. Она допускается на празднества вмѣстѣ съ мужчинами, занимается музыкой. У остяговъ даже есть особый инструментъ, который называется «женская скрипка». Кромѣ музыки, онѣ занимаются также и пляской; причѣмъ ихъ учителями являются животныя: медвѣдь, лось, журавль и другія.

Слѣдя вмѣстѣ съ авторомъ за всѣми жалкими формами жизни сибирскихъ инородцевъ, можно положительно придти въ ужасъ отъ ихъ положенія: они не только лишены обычныхъ удобствъ жизни, но и нѣрѣдко и самого необходимаго. Остатки и самоёды совсѣмъ лишены, напримѣръ, медицинской помощи. Къ автору не разъ обращались за исцѣленіемъ въ такихъ случаяхъ, которые порождаютъ только одно отчаяніе; напр. гниеніе руки; суколка и т. п.

Прибывъ въ китайскій городъ Чугучакъ, авторъ былъ пораженъ, что у китайцевъ до сихъ поръ существуетъ наказаніе, напоминающее нитки. Деревянный воротникъ, который часто изображается на рисункахъ изъ китайской жизни, «представляетъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ формъ наказанія низшей степени во всей Китайской имперіи. Осужденный по нѣлымъ дѣламъ выставляется на площадь въ такомъ воротникѣ, который не позволяетъ ему поднести руку ко рту; время наказанія можетъ продолжаться до трехъ мѣсяцевъ» (стр. 190).

Не пропускаетъ авторъ безъ вниманія и такихъ картинъ, встречающихся на пути, какъ, напримѣръ, навьючиваніе верблюда, описаніе его упряжи, упряжи оленей, собакъ, — охоту за тѣми или другими звѣрями, которую нѣрѣдко предпринимаетъ зоологъ Бремъ; подробно описываетъ, какъ осенью, когда птицы направляются въ южныя страны, вълѣсу на ихъ пути развѣшиваютъ сѣти, въ которыя онѣ попадаютъ со всего полета, запутываются и дѣлаются добычей охотника. Однимъ словомъ, все, что ни попадаетъ ему интереснаго на пути, — все заноситъ онъ въ свое «Путешествіе» и дѣлится съ читателемъ.

Во время плаванія на пароходахъ по рѣкѣ Оби ему пришлось встрѣтить судно, занятое перевозкой ссыльныхъ. Эти судна называются «арестантскими баржами» и имѣютъ особый странный видъ вслѣдствіе окружающей ихъ желѣзной рѣшетки, переходящей вверху въ проволочную

сать. «Согласно своему назначенію, — говоритъ авторъ, — все судно устроено на подобіе тюрьмы. Какъ внутреннее помѣщеніе, такъ и палуба раздѣлены на камеры, гдѣ ссыльные проводятъ ежедневно по нѣскольку часовъ для того, чтобы пользоваться свѣжимъ воздухомъ... Ссылные составляютъ изъ себя настоящую (?) артель: они получаютъ цѣлкомъ деньги, выдаваемые казною на ихъ содержаніе (по 15 коп. въ сутки на человека), и вакунають провизію гуртомъ, что, при дешевойнѣ сѣстныхъ припасовъ, даетъ имъ возможность имѣть порядочный столъ» (стр. 315).

Но авторъ, надо замѣтить, весьма нежно отводитъ мѣста этому главному населенію Сибири, «несчастнѣйшимъ», какъ ихъ называетъ русскій народъ. Въ тюрьмы онъ почти совсѣмъ не заглядывалъ и только разъ, бывши въ Тюмени, осматривалъ тюрьму и разговаривалъ съ арестантами. Если же ему приходится встрѣтить на дорогѣ какого-нибудь ссыльнаго, живущаго на поселеніи, онъ спрашиваетъ исторію его жизни и (если въ ней нѣтъ ничего экстраординарнаго) сообщаетъ ее цѣлкомъ. Такъ, проѣзжая на пароходахъ по рѣкѣ Оби, ему пришлось разговаривать съ однимъ полякомъ, который былъ сосланъ въ Сибирь десять лѣтъ тому назадъ, будучи еще 20-ти-лѣтнимъ юношей, за то, что, во время польскаго восстанія 1863 года, онъ взялъ на себя роль политическаго агента и былъ захваченъ на дорогѣ съ однимъ важнымъ письмомъ.

О самой жизни ссыльныхъ поселенцевъ авторъ упоминаетъ какъ бы мимоходомъ и то только проѣзжая такія захолустья, какъ Березовъ. Жизнь въ Березовѣ для образованнаго человека, — по замѣчанію автора, — могла. Вотъ что отвѣтилъ ему одинъ изъ сосланныхъ туда, еврей, Аронъ Ароновичъ, на вопросъ, какъ они тутъ живутъ: «Какъ ми тутъ живемъ? — Какъ звые погребены» (329).

Трудно проѣзжать даже вскользь то разнообразіе вопросовъ, которыхъ касается авторъ въ своей любопытной книгѣ; гдѣ отчасти между прочимъ мы знакомимся и съ интересною личностію извѣстнаго зоолога Брэма. Тутъ же передъ читателемъ выступаетъ и самъ авторъ съ его добрымъ, гуманнымъ отношеніемъ къ человѣку; а главное — съ его умѣньемъ многое прощать. Только два мѣста во всей книгѣ нарушаютъ сложившійся образъ этой личности, а именно: слова о ссылахъ, въ которой авторъ видитъ много гуманнаго (стр. 561), и описаніе студентовъ Казанскаго университета. «Между студентами, — говоритъ онъ, — многіе насъ поразили своимъ видомъ ярыхъ буршей и колоссальными космами на головахъ; другіе попадались намъ на улицахъ разгуливающими подъ руку съ своими дамами» (стр. 21).

Самый главный недостатокъ этого прекраснаго труда — обиліе благодарностей разнымъ исправникамъ, губернаторамъ, мелкимъ чиновникамъ, которые похотѣли переполнить книгу и до невѣроятія утомляютъ читателей. Въ этихъ благодарностяхъ звучитъ что-то крайне подебострастное, что шокируетъ въ такомъ почтенномъ трудѣ, какъ названная книга.

На нашъ взглядъ, она много бы выиграла, еслибы авторъ, вместо этихъ панегириковъ, могъ больше отвести мѣста варацшамъ и дать читателю больше наглядныхъ изображеній Сибири и ея обитателей; а также еслибы онъ не поскудился на предложеніе карты. Отсутствія послѣдней чрезвычайно чувствуется во все время чтенія этой прекрасной книги.

Будущность крестьянскаго хозяйства (Критико-экономическая монографія).

Сергѣя Шарапова. Часть I. Москва, 1882 г.

Въ настоящее время не только всѣ газеты и журналы, но и правительство заняты разсмотрѣніемъ нужды народа, изученіемъ его положенія и вопросомъ, какъ избавить его отъ голодовки, какъ помочь ему въ хозяйствѣ, чтобъ оно не дошло до полного разоранія.

Одни говорятъ, что стоить только увеличить его душевой надѣль — и крестьянинъ поправится, будетъ и податъ исправно платить, и голодать не будетъ, и на отхожіе промыслы отъ земли ходить перестанетъ.

Во главѣ этого взгляда стоитъ известный ученый г. Янсонъ, который говоритъ объ этомъ вопросѣ въ своемъ большомъ трудѣ: «Опытъ о крестьянскихъ надѣлахъ и влатахъ». Большинство статистическихъ исследователей о крестьянахъ, а также и литераторовъ принимаютъ во взглядъ Янсона.

Въ январѣ 1881 года въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства явился г. Шараповъ, который высказался противъ увеличенія земли.

Г. Шараповъ высказался въ этомъ рефератѣ за необходимость введенія интенсивнаго хозяйства въ наше крестьянствѣ. Онъ находилъ, что обиліе земли не поправитъ дѣла, такъ какъ сама земля слишкомъ истощена, и требовалъ введенія искусственныхъ удобрений, травосѣянія и т. д.

Въ его взглядъ применили *Современная Жизнь*, въ лицѣ Гиллрова-Платонова, г. Самаринъ и отчасти московское земство.

Данная книга: «Будущность крестьянскаго хозяйства» — содержитъ кромѣ этого реферата, описанія самого засѣданія со всѣми возраженіями, сдѣланными референту, и еще нѣсколько статей, развивающихъ тотъ или другой, задѣтый авторомъ въ рефератѣ, вопросъ, затѣвъ «Открытое письмо къ Александру Николаевичу Ангельгарту», которому авторъ посвящаетъ всю названную книгу.

Разумѣется, здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе сущности задѣтыхъ авторомъ вопросовъ. Послѣдніе, не смотря на свой глубокий интересъ и интересную постановку, утрачиваютъ ту силу серьезности, какую они должны бы представлять читателю, и утрачиваютъ по винѣ автора.

Г. Шараповъ переводитъ себѣ весьма странную манеру обращенія къ публикѣ — манеру, напоминающую балаганное отношеніе Метрушки къ собравшейся вокругъ него толпѣ. Надѣмся, что авторъ не имѣлъ въ виду дать публикѣ забавное представленіе изъ такихъ балаганскихъ и дороткиныхъ

воинъ вопросовъ, на разборъ которыхъ онъ останавливается въ своей книгѣ... Въ чему эта минера «запонибрательства» съ незнакомыми людьми, напоминающая разухабистую короткость Ноздрева?... Каждый порядочный человекъ обязанъ известнымъ приличіемъ относительно другаго... Та же обязанность лежитъ и на авторѣ относительно читателя... Именно этого приличія и не достасть господину Шарарову: его шутовской тонъ при разсмотрѣніи высокосерьезныхъ вопросовъ слишкомъ умаляетъ его самого и возвращаетъ ему все эпитеты, которыми онъ награждаетъ неизвестныхъ ему читателей.

Посмотрите, какъ онъ кончаетъ свое халатное обращеніе къ рецензентамъ: «А, впрочемъ, любопытно мнѣ, что-то вы съ моей книжкой сдѣлаете? Вѣдь вы, господа, народъ удивительный. Вашего критическаго вдохновенія впередъ не угадаешь. Ну, и дай Богъ вамъ, мое почтеніе».

Неправда ли, что это нѣчто напоминающее и манеру, и слогъ раешника?

Да не подумаетъ читатель, что мы претендуемъ на автора за глумленіе надъ рецензентами и лично обиженъ, — нѣтъ: этотъ же балаганный тонъ авторъ не оставляетъ и въ своей полемикѣ съ противниками своей теоріи. Вотъ что онъ поворотъ насчетъ письма Коллюпанова: — «По поводу доклада Шарарова», помѣщеннаго въ *Русскомъ Курьерѣ*: «Попадь, значить, не въ бровь, а въ самый глазъ. Человѣкъ, видимо, осатанѣлъ и лжеть на отгнну... На другой день въ томъ же *Курьерѣ* фельетонъ. Пошлаѣшая перефразировка, пошлаѣшее отношеніе къ дѣлу, — ну, совершенно въ Коллюпановскомъ вкусѣ» (стр. 74). — А какъ назвать такой вкусъ, такую манеру, съ которой авторъ ведетъ полемику?..

И неужели, говоря о такихъ важныхъ вопросахъ, г. Шараровъ не могъ остаться на томъ положеніи высоты, которая требовала отъ него серьезность затронутого имъ предмета?!

Европейскіе писатели и мыслители. I. Свифтъ. Изданіе В. В. Чуико. С.-Пб. 1881 года.

Знаменитый англійскій юмористъ прошлаго столѣтія, Свифтъ (родился 1663, умеръ 1745 г.), хорошо известенъ русской публикѣ своимъ романомъ: «Путешествіе Гулливера въ отдаленныя страны», который представляетъ злѣйшую сатиру на все человѣчество. Свифтъ въ своихъ произведеніяхъ бичевалъ безъ пощады, безъ жалости, съ каинимъ-то адскимъ наслажденіемъ, съ захлебывающимся злородствомъ все общественныя, частныя, политическія, экономическія недуги. За этимъ бичеваньемъ, за этою насильшею чувствовался ледяной холодъ чловѣка, неспособнаго на жалость и прощеніе, виднѣлась мекфетофелевская улыбка...

Такимъ является Свифтъ въ «Сказаніи о бочкѣ», гдѣ онъ выступаетъ въ защиту церкви, и въ «Серьезномъ и полезномъ проектѣ устройства приюта неизлѣчивыхъ». Последний, какъ известно, былъ запрещенъ,

такъ какъ его могли принять за сатиру на больницу въ Дублинѣ, устроенную для неизлѣчимыхъ. Но Свифтъ имѣлъ въ виду совсѣмъ другаго рода больныхъ, а именно: неизлѣчимыхъ дураковъ, мошенниковъ, сварливыхъ писаекъ, нахаловъ, невѣрующихъ, лгуновъ, завистниковъ, тщеславныхъ жеманныхъ, дерзкихъ и т. д.

Но нигдѣ не говорить онъ съ такимъ безпощаднымъ сарказмомъ, какъ въ «Скромномъ предложеніи въ пользу того, чтобы помѣщать дѣтей бѣдныхъ ирландцевъ бывать въ тѣготѣ своимъ родителямъ или своей родинѣ и сдѣлать ихъ полезными для общества». Это предложеніе состоитъ въ откармливаніи годовалыхъ дѣтей на убой, подобно тому, какъ откармливаютъ поросятъ, свиней, — въ продажѣ ихъ мяса и въ приготовленіи изъ нихъ пищи. Все это высказывается холодно, съ какимъ-то до наглости доходящимъ цинизмомъ. Вотъ прочтите для примѣра хоть слѣдующее мѣсто: «Мужья стали бы (тогда) ухаживать за своими женами во время ихъ беременности, какъ они теперь ухаживаютъ за своими кобылами, коровами и свиньями, когда ожидаютъ отъ нихъ приплода, и не угрожали бы имъ ни кулаками, ни ногами (камышъ-то часто дѣлается) изъ боязни выкидыша» (стр. 40).

Во всѣхъ названныхъ сатирахъ Свифтъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ своихъ соотечественниковъ; въ «Путешествіи же въ страну Гуингмовъ», составляющую послѣднюю, четвертую, часть «Путешествія Гулливера», онъ, какъ мы скажемъ раньше, направляетъ жало своего сарказма на все человѣчество, на его нравственную нечистоту, на существующія несправедливости среди людей, на несправильность законовъ, на софистическое пользованіе ими со стороны адвокатовъ, на воспитаніе, на семейныя отношенія и т. д.

Для знакомства съ его саркастическими тономъ въ этомъ сочиненіи мы приведемъ характеристику, сдѣланную имъ первому министру въ то-сударствѣ:

«... Первый министръ — это такой человѣкъ, который не знаетъ ни радости, ни горя, ни любви, ни ненависти, ни сожалѣнія, ни гнѣва, который не имѣетъ другихъ страстей, кромѣ страсти къ богатству, почестямъ, власти и титуламъ; онъ никогда не высказываетъ своихъ мыслей; никогда не говоритъ правды, развѣ только тогда желаетъ, чтобы ее приняли за ложь; когда онъ дурно отзывается о комъ-нибудь, то тотъ, навѣрное, можетъ рассчитывать на повышение; если же начинаетъ кого хвалить, то тотъ долженъ считать себя погибшимъ. Если вы его о чемъ-нибудь просите и онъ обѣщаетъ исполнить вашу просьбу, и въ особенности если къ обѣщанію прибавитъ клятву, то можете быть увѣрены, что дѣло ваше пропало, и тогда каждый благоразумный человѣкъ уйдетъ, потерявъ всякую надежду» (стр. 78).

Такъ какъ пороки, указанные авторомъ въ «Путешествіи», не случайныя и не мѣстные, а присущи всему человѣчеству во все времена, орга-

нически связаны съ той или другою формою его жизни, то, разумеется, данная сатира, несмотря на свою столѣтнюю давность, до сихъ поръ не утратила интереса не только для родины поэта, но и для всѣхъ образованныхъ народовъ Европы.

Разсматриваемая книжка «Свифтъ» представляетъ первый вытчекъ «Библиотекки европейскихъ писателей и мыслителей», изданіе которой предпринялъ г. Чуйко. 2-й выпускъ оныъ обѣщаетъ косаяттъ Вонкачѣ, 3-й — Ренану и т. д. Въ каждомъ выпускѣ, кромѣ выдающихся произведеній извѣстнаго писателя, помѣщается его критика біографія.

Предпріятіе г. Чуйко, разумеется, встрѣтитъ большое сочувствіе среди русской публики, такъ какъ даетъ возможность за сравнительно недорогую цѣну (75 коп. за выпускъ) приобрести выдающіяся произведенія европейскихъ писателей и, судя по первому выпуску, въ недурномъ переводѣ.

Желая издателю полного успѣха, мы просили бы его обратить больше вниманія на прилагаемая къ выпускамъ біографіи, чѣмъ это одѣлано по отношенію къ біографіи Свифта. Последняя мѣстами представляетъ какъ бы склейку отдѣльных вырванныхъ фразъ, нѣтъко отрицающихъ одна другую и окончательно разсѣвающихся и безъ того смутно рисующійся образъ писателя.

Чтобы не быть голословными въ указанномъ недостаткѣ, мы приведемъ мѣста изъ приложенной біографіи Свифта.

На страницѣ 1-й говорится: «Этотъ странный человѣкъ, *неспособный не только чувствовать, но и понимать любовь*, внушилъ самую страстную привязанность двумъ женщинамъ, которыхъ умерли съ отчаянія, что не были имъ любимы».

Далѣе на страницѣ 2-й говорится: «Ирачный мизантропъ, жившій въ глубинѣ Ирландіи между двухъ женщинъ, которыхъ убиваетъ его эгоизмъ, *ничего и нѣго не любившій*, даже славы».

Между тѣмъ на страницѣ 5 читаемъ: «Онъ воспиталъ и любилъ *чистою любовію одну молодую дворянку*» и т. д.

Послѣ такихъ противорѣчій читатель, разумеется, не въ силахъ уловить образъ Свифта. А если издатель не въ силахъ его дать, въ такомъ случаѣ вышю біографію лучше приложить точный хронологическій списокъ всѣхъ произведеній писателя, отмѣтивъ предварительно годъ его рожденія и смерти, чѣмъ предъявлять претензію на біографію.

Паровой дѣшъ. Последний романъ Жюль-Верна. Съ оригинальными рисунками. Переводъ Н. Степанюкова. Москва 1882 года.

«Отъ земли до луны», «Воздушное путешествіе», «Путешествіе къ центру земли» и т. д.—рядъ самыхъ фантастическихъ заглавій представляютъ почти всё безъ исключенія романы Верна. А между тѣмъ они читаются охотно, и притомъ читаются не дѣтьми только, для младшаго возраста которыхъ они совершенно недоступны по своей естественно-науч-

ной подкладкѣ, составляющей неотъемлемую принадлежность каждому роману этого автора, — ихъ съ увлеченіемъ читають и взрослые.

Общій характеръ произведеній этого писателя давно опредѣлился вполне: каждое изъ нихъ представляеть науку-набудъ несбыточную для насъ фантазію, но весьма допустимую въ будущемъ при прогрессивномъ движеніи науки. Фантазія эта обычно строится на основаніи математическихъ данныхъ и послѣднихъ выводахъ науки. Чтобы овладѣть вниманіемъ юного читателя и не изводить ему силъ слушать надъ математическими вычислениями, авторъ всегда создаетъ интересную и манящую впередъ фабулу, гдѣ герой разсказа подвергается тысячамъ опасностей среди ряда приключеній. Читатель почти всегда симпатизируетъ предприимчивымъ, храбрымъ и честнымъ героямъ Верновскихъ разсказовъ, очень близко принимаетъ къ сердцу все, что касается этихъ людей, и ужасно дрожитъ за нихъ, когда они подвергаются опасностямъ.

Какъ фантастическое предпріятіе, такъ и сама фабула обычно полна интересныиъ и полезныиъ знаній для юныхъ читателей. Данный романъ: «Паровой домъ» — прекрасно рисуетъ, опираясь на законы физики, устройство особаго двигателя въ видѣ слона со всеми приспособленіями не только для ѣзды по землѣ безъ рельсовъ, но въ случаѣ надобности и по водѣ. Къ такому оригинальному конометиву, вмѣсто вагоновъ, прицѣплены два особаго устройства дома. Въ одномъ изъ нихъ помѣщаются постельная, столовая, спальня, въ другомъ — кухня, прихожая, съѣстные и боевые припасы. Путешественники, устроившіе такой паровой домъ, ѣдутъ въ центральную Индію; причемъ они очень часто прибѣгаютъ къ помощи географическихъ картъ, справляются съ барометромъ, манометромъ, компасомъ и т. д. По дорогѣ охотятся за тиграми, пантерами, ведутъ борьбу съ слонами.

Юный читатель, для котораго собственно предназначена книга Верна, почерпнетъ отсюда въ живомъ, увлекательномъ разсказѣ весьма много новаго, и главнымъ образомъ интереснаго, не только по исторіи, географіи, но и по ботаникѣ, этнографіи, зоологіи. Авторъ заставляетъ читателя заглянуть въ исторію Индіи, остановиться на борьбѣ англичанъ съ синаями, познакомиться съ обрядомъ священнаго омовенія раджей, съ охотой на тигра... Картина этой охоты такъ эффектна и живо изображена, что читатель замираетъ отъ страха, волнуемый за судьбу охотниковъ.

Къ роману приложены четыре раскрашенныя картины, которыя почему-то названы оригинальными. Если допустить, что онѣ заслужили такое названіе по своему качеству выполненія, то и съ этой стороны для русскихъ изданій это далеко не оригинально, — они почти все могутъ нехвалиться такою особенностью.

О переводѣ замѣтимъ только, что и въ этомъ онъ нѣсколько темнѣе и непонятнѣе, что происходитъ отъ введенія въ текстъ техническихъ, чисто специальныхъ, названій.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка темы de-Фосе. Съ 10-ю картинками и 35 политипажами, рѣзанными на кѣдѣ въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. С.-Пб. 1882 года.

За послѣднее время замѣчательно мало встрѣчается хорошихъ дѣтскихъ книжекъ, которыя бы можно было рекомендовать для всякой дѣтской библіотеки. Такая бѣдность дѣтской литературы обязываетъ cadaго рецензента быть особенно внимательнымъ по всякому рѣдкому, хорошему явленію въ этой области. Въ декабрьскомъ № *Русской Мысли* за прошлый годъ, въ отдѣлѣ «Новыхъ книгъ», мы отиѣтали, какъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасную, книжку для дѣтскаго чтенія — «Крестыинокія дѣти» Потѣкина. Теперь рекомендуемъ нашимъ читателямъ, какъ второй номеръ прекрасной дѣтской книжки, «Робинзона Крузе» г-жи Анненской.

Приключенія Робинзона Крузе пользуются у насъ весьма давней извѣстностью. Еще въ 30 годахъ Бѣлинскому не разъ приходилось упоминать о «Новѣйшемъ Робинзонѣ» съ картинками и безъ картинокъ въ его библиографическихъ спискахъ новыхъ книгъ. Не разъ приходилось и въ рецензіяхъ возставать противъ проводимыхъ тамъ тенденцій. И дѣйствительно, что за мысли проводили тогда педагоги-литераторы! Такъ въ Робинзонѣ, вышедшемъ въ 1839 году, авторъ порицалъ героя за его стремленіе въ даль, за море, усматривая въ этомъ стремленіи то великое преступленіе, которое онъ называетъ «безпокойнымъ духомъ» и за которое Робинзонъ получаетъ наказаніе. Бѣлинскому въ своихъ рецензіяхъ приходилось не разъ защищать юношу Робинзона за его любовь къ путешествію и доказывать, что смѣшно получать наказаніе за то, что человекъ будетъ дѣйствовать по «внутреннему влеченію, самой природою въ него вложенному» («Сочин. Бѣлин.», ч. III, стр. 140).

На страницахъ «Робинзона» г-жи Анненской, разумѣется, мы не встрѣтимъ никакого подобнаго извращенія здраваго смысла и естественныхъ стремленій. У нея вездѣ проходить некрепнее желаніе внушить своимъ юнымъ читателямъ уваженіе ко всякой человѣческой личности, на какой бы ступени общественной іерархіи она ни стояла; внушить уваженіе ко всякому труду и показать, въ какомъ количествѣ положеніи можетъ отутиться человекъ, придающій значеніе только нижней наукѣ, игнорирующій вполнѣ жизнь и ея требованія.

Все это проведено у г-жи Анненской съ большимъ умѣньемъ: ребенокъ, читая книжку, не почувствуетъ, что его хотятъ немножко поучить и наставить. Живой рассказъ самого пострадавшаго Робинзона, отъ лица котораго ведется повѣствованіе, съ каждою страницей все сильнѣй и сильнѣй увлекаетъ ребенка, незамѣтно сообщая ему полемныя свидѣнія изъ жизни и науки. Интересъ чтенія, между прочимъ, довольно сильно поддерживается прекрасными картинками, иллюстрирующими изданіе.

Эти иллюстраціи въ книжкѣ г-жи Анненской невольно приводятъ насъ на память старыя картинки старинныхъ изданій Робинзона. Бѣлая гро-

надная разница! Встарину не только не было заботы о вѣнчаннѣхъ издѣствѣхъ издаціи, но даже и о необходимости возможно правильной аэрографіи. Вотъ одна изъ любопытныхъ и характерныхъ подписей подъ картинкой «Новѣйшаго Робинзона», вышедшая въ 30-е годы: *Робинзонъ въ Битутъ на островѣ после Каравле Крушенія.*

Изданіе г-жи Анненской съ вѣнчанной стороны безукоризненно. Что же касается до содержанія книги, то мы не пречъ сдѣлать автору одно замѣчаніе: по нашему мнѣнію, интересъ разсказа выигрывалъ бы еще сильнѣй, еслибы нѣкоторыя мѣста (сожалѣнія Робинзона о прошломъ) не такъ часто повторялись. Въ заключеніе нашей замѣтки пожелаемъ полнаго успѣха этому изданію, а г-жѣ Анненской—чтобъ она подарила намъ еще другою такую же прекрасною дѣтскою книжкою.

Гюлистанъ. Цвѣтникъ розъ. Твореніе Шейха Саади Ширази, съ персидскаго подлинника перевелъ И. Холмогоровъ. Изданіе Б. Т. Солдатскова. Москва 1882 года.

Шейхъ Саади Ширази считается однимъ изъ извѣстныхъ восточныхъ поэтовъ XIII вѣка, произведенія котораго охотно читаются не только въ Персіи, но и въ Турціи и въ Индостанѣ. «Гюлистанъ», или цвѣтникъ розъ, признается однимъ изъ лучшихъ его произведеній, съ которыми знакомъ весь литературный міръ Востока. До сихъ поръ на русскомъ языкѣ «Гюлистанъ» не появлялся еще ни разу въ полномъ переводѣ. Первый такой одытъ дѣлаетъ въ настоящее время г. Холмогоровъ, который въ своихъ примѣчаніяхъ и поясненіяхъ къ этой книгѣ такъ говоритъ о своемъ переводѣ: «гдѣ считали это возможнымъ для русскаго языка, иногда позволяли себѣ буквальный переводъ персидскихъ выраженій; однако въ общемъ объемѣ, избѣгая темноты, не придерживались буквы подлинника. Словомъ, мы старались удержать скорѣе мысль автора и ядрѣна, желая дать понятіе о существующихъ туземныхъ синонимахъ выраженія, позволяли себѣ говорить русскимъ языкомъ *по-персидски*. Въ дополненіе къ приведеннымъ словамъ мы прибавимъ отъ себя, что переводчикъ позволялъ себѣ иногда говорить европейскимъ языкомъ о восточной жизни, что, разумется, заставляетъ читателя сожалѣть объ утраченномъ для него истинномъ духѣ восточнаго произведенія.

Вся книга «Гюлистанъ» представляетъ рядъ небольшихъ анекдотовъ, разсказовъ, афоризмовъ, изреченій морали, написанныхъ частью въ прозѣ, частью въ стихахъ, и раздѣленныхъ на 8 главъ, по числу отдѣловъ рая.

Въ первой главѣ говорится о поступкахъ государей, во 2-й—о нравахъ дerviшей, въ 3-й—о доводствѣ своимъ жребіемъ, въ 4-й—о выгодѣ отъ молчаливости, въ 5-й—о любви и юности, въ 6-й—о слабости и старости, въ 7-й—о воспитаніи, въ 8-й—о правилахъ образованной бесѣды.

Останавливаясь на содержаніи всѣхъ главъ, разумеется, мы не будемъ, но мы скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи автора къ затронутымъ имъ вопросамъ. Чего бы ни касался Саади въ своемъ произведеніи, онъ постоянно высказываетъ гуманныя взгляды, беретъ сторону ума, становится защитникомъ бѣдныхъ и только изрѣдка, особенно же въ 8-й главѣ, которая почти вся состоитъ изъ изреченій мудрости, изъ разныхъ афоризмовъ, преподаетъ больше совѣты практической мудрости. Напримеръ:

«Держи рѣчь, смотря по расположенію духа своего слушателя, если знаешь, что онъ благосклоненъ къ тебѣ». «Все, что знаешь, будто тебѣ знакомо, не суживь о томъ спрашивать, чтобы чрезъ то не лишиться собственнаго авторитета» (стр. 324).

Нерѣдко эти практическіе совѣты становятся въ противорѣчіе съ его гуманными взглядами на тотъ же предметъ. Вотъ, напримеръ, какого подобострастія требуетъ его практическая мудрость отъ смертнаго по отношенію къ султану:

«Иди въ разрывъ мнѣнію султана все равно, что умыть руки собственною кровью. Если повелитель снажетъ среди дня: «теперь ночь», такъ надобно поддакнуть: «смотри-ка, а вотъ и мѣсяцъ, и планеты» (стр. 79).

Но этотъ же самый восточный поэтъ приводитъ въ назиданіе своимъ читателямъ разсказъ о дервишѣ, который держалъ себя по отношенію къ государю больше чѣмъ неважно. Саади какъ то особенно симпатизируетъ ему въ тотъ моментъ, когда дервишъ на слова визиря: «Мимо тебя проходить, вѣдь, владыка земнаго лица, что же ты не оказываешь должнаго уваженія къ нему?»—отвѣчалъ: «Дожожи государю, пусть онъ надѣется на почтеніе отъ того лица, которое разсчитываетъ на его милости, — да причѣмъ знай, что государи существуютъ ради выгоды своихъ подданныхъ, а не то, чтобы подданные существовали ради повиновенія владыкамъ» (стр. 75).

Авторъ весьма нерѣдко даетъ такіе совѣты, которые могутъ быть очень невыгодны въ жизни, но онъ требуетъ ихъ исполненія въ силу ихъ нравственности. «Если, — говоритъ онъ, — ты высказалъ правду и остался въ окопахъ, будетъ лучше, еслибы неправда выручила тебя изъ окопа» (стр. 327). Это не то, что нашъ отецъ Сильвестръ или Владимиръ Мономахъ. Ихъ наставленія все клонятся къ какой-нибудь личной практической выгодѣ; выше которой они не поднимаются. Совѣтуютъ ли они юношѣ учиться, приобрѣтать знанія, — главнымъ доводомъ въ подобныхъ случаяхъ обычно является то обстоятельство, что объ этомъ будутъ знать въ чужихъ земляхъ и за это похвала будетъ. Выше этой *морали* наши духовные учителя не шли.

Каждый, конечно, припомнитъ взглядъ «Домостроя» на воспитаніе дѣтей,—тотъ грубый взглядъ, который видѣлъ спасеніе только въ физиче-

своей силѣ, въ наказаніи. «Домострой» говоритъ, что, уча дѣтей, надо «раны возлагати: наказуй дѣтей во юности, покоятея ты на старость твою. Не ослабляй, бѣя младенца: аще бо жезломъ бѣши его, не умретъ, но здравѣе будетъ; ты бо бѣя его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти...»

Другаго метода воспитанія не зналъ «Домострой»,—другая педагогика была ему не по плечу.

Саади же съ сильнымъ омерзѣніемъ описываетъ одного педагога, который употреблялъ съ своими учениками-мальчиками и дѣвочками грубыя мѣры: «одного онъ надѣлялъ пощечинами, другаго ежкъ по лядвіямъ». Онъ былъ такъ строгъ, что не позволялъ своимъ ученикамъ ни смѣяться, ни сказать слова. Его въ концѣ концовъ поколотили, выгнали изъ школы и замѣнили, какъ самъ авторъ говоритъ, отличнымъ человекомъ—«кроткимъ, добрымъ, миролюбивымъ». И что же?—Дѣти перестали учить уроки, все время проводили въ играхъ и дрались. Тогда снова призвали стараго педагога-драчуна. «Я сталъ сѣтовать,—говоритъ авторъ,—какъ эдакого чорта (?) вторично сдѣлали учителемъ». Но старый и болѣе опытный человекъ отвѣтилъ на это такъ: «Строгость учителя лучше, нежели любовь отца» (стр. 257).

Этотъ разговоръ и отношеніе къ нему автора весьма любопытны при сравненіи ихъ со взглядами нашихъ педагоговъ даже весьма недавняго прошлаго. Саади по натурѣ своей отворачивается отъ наказанія и симпатизируетъ мѣрамъ кротости, несмотря на то, что практическая мораль его времени стоитъ за наказаніе. Но самъ онъ помириться съ нимъ не можетъ, хотя въ то же время не можетъ указать и другаго пути.

Не менѣе интересенъ по своей гуманности его совѣтъ относительно рабовъ:

«Не гнѣвайся слишкомъ на своего раба, не оскорбляй его, не унижай его...» Такъ наставляетъ восточный человекъ, между тѣмъ какъ нашъ «Домострой» даже и болѣе позднихъ временъ требуетъ отъ слуги, по отношенію къ господину, всякой исполнительности, не предписывая господину по отношенію къ слугѣ никакихъ обязанностей.

Что касается до женщинъ, то авторъ или съ восторгомъ относится къ ихъ красотѣ, къ тѣмъ удовольствіямъ, какія онѣ доставляютъ, не усматривая при этомъ, подобно нашимъ аскетамъ-писателямъ, въ ней причины всякаго грѣха; или же говоритъ о ней какъ о существѣ низшемъ сравнительно съ мужчиною, который ни въ какомъ случаѣ не долженъ унижаться до того, чтобъ обращаться къ ней за совѣтомъ. «Позорно,—говоритъ онъ,—держать совѣтъ съ женщиной» (стр. 313). Здѣсь вполнѣ высказывается взглядъ восточнаго человека на женщину, для котораго она или утѣха, или лишняя, бесполезная обуза.

Чѣмъ больше знакомимся съ книгою «Гюлистанъ», тѣмъ больше встрѣчаешь тамъ такихъ воззрѣній, которыя ярко и опредѣленно становятся

автора въ разрядъ реалистовъ, не признающихъ «науки ради науки». Говоря объ ученыхъ, онъ рѣзко возстаетъ противъ такой учености, которая не имѣетъ приложенія въ жизни. «Ученый безъ приложенія знанія къ дѣлу, по его словамъ, походить на пчелу, которая не носитъ меду» (стр. 322). Но при этомъ всегда и вездѣ онъ беретъ сторону учености, сравнивая ученаго человѣка съ чистымъ золотомъ.

Нельзя сказать, чтобы мировоззрѣніе Саади отличалось опредѣленностью, цѣльностью: мы видѣли уже это раньше въ его рѣчи насчетъ султана и государя; но за то Гюлистанъ вознаграждаетъ читателя не только прекрасными мыслями, но и довольно ѣдкой ироніей. Для образца послѣдней мы выпишемъ нѣсколько строкъ изъ первой главы.

«Государь сказалъ: «мы нуждаемся въ умномъ человѣкѣ, который суждѣлъ бы править государствомъ». — «Но признакъ совершенно умнаго человѣка тотъ, чтобы не вмѣшиваться въ подобныя дѣла», — возразилъ vizирь» (стр. 48).

Несмотря на любовь автора къ цвѣтистой рѣчи, которую, какъ извѣстно, отличаются всѣ восточные писатели, несмотря на всю метафоричность языка, которая иногда переходитъ границы нашего терпѣнія, «Гюлистанъ» представляетъ въ высшей степени любопытное произведение восточной литературы: оно знакомитъ читателя съ понятіями, взглядами, обычаями, правами Персіи въ XIII вѣкѣ и съ положеніемъ писателей того времени по отношенію къ властелину.

Надѣмся, что сравнительно недорогая цѣна книги—1 рубль — дастъ возможность многимъ познакомиться съ этимъ любопытнымъ произведеніемъ Востока.

Н.

Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ. Переводъ г. Павленкова. Спб. 1882.

Аналогія между человѣческимъ обществомъ и организмомъ, между соціальною жизнью людей и такою же жизнью животныхъ давно уже находитъ сильныхъ защитниковъ и не менѣе, если не болѣе, сильныхъ противниковъ. Въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ нерѣдко встрѣчаются отголоски борьбы научныхъ и философскихъ мнѣній по вопросамъ подобнаго рода, и глубокая важность разрѣшенія этихъ вопросовъ не подлежитъ сомнѣнію. Но, къ сожалѣнію, русская литература по общественнымъ наукамъ очень бѣдна. Не богата и переводная. Кромѣ того немаловажнаго обстоятельства, что выборъ сочиненій для перевода обставленъ у насъ затрудненіями, знакомитъ русскихъ читателей съ выдающимися явленіями западной литературы затруднительно и потому, что кругъ любителей серьезнаго чтенія (ужь, конечно, не въ силу нашей самобытности) въ Россіи не великъ. Издать при такихъ условіяхъ хорошую книгу—значитъ оказать безкорыстную и большую услугу нашему просвѣщенію.

Переводъ г. Павленкова удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ, и намъ остается, отсылая къ этому сочиненію всѣхъ интересую-

щихся вопросамъ, сказать нѣсколько словъ о выводахъ и соображеніяхъ Эспинаса.

Въ историческомъ введеніи Эспинасъ говоритъ, что «нѣтъ науки частнаго». Тщетны и безплодны всѣ попытки открыть законы соціальной жизни въ человеческомъ обществѣ независимо отъ ея проявленій въ остальной природѣ. Въ животномъ мірѣ совмѣстная жизнь составляетъ нормальный, постоянный и всемірный фактъ, потому что соціальная среда является необходимымъ условіемъ сохраненія и обновленія жизни. Исслѣдованіе въ этой области затрудняется въ особенности тѣмъ, что въ образованіи общества играетъ важную роль психологическій мотивъ. Разнаго рода представленія, все болѣе и болѣе увеличиваясь въ своемъ значеніи, становятся, наконецъ, главною побудительною причиною возникновенія того или иного общества.

«Всякое общество, — говоритъ Эспинасъ (стр. 439), — развиваясь съ зародыша, рождается и растетъ. Аналогія и извѣстное число фактовъ даютъ намъ право думать, что точно также, послѣ неизбѣжнаго упадка, всякое общество умираетъ. Однако мы не знаемъ терминовъ времени, между которыми совершается это развитіе. Нѣкоторыя семейства живутъ только годъ, другія держатся нѣсколько дольше, а есть и такія, которыя выживаютъ по-много лѣтъ. Но долговѣчность сообщества совершенно неизвѣстна. Можно только сказать, что существованіе его длится гораздо долѣе, чѣмъ жизнь индивидовъ». Возникновеніе, развитіе и превращеніе соціальной жизни каждой группы животныхъ подчиняется строгимъ законамъ, раскрытіе которыхъ только начинается въ научныхъ изслѣдованіяхъ новѣйшаго времени. Въ числѣ этихъ законовъ Эспинасъ указываетъ на сотрудничество, раздѣльность частей (одновременныхъ и слѣдующихъ другъ за другомъ), образованіе путемъ послѣдовательныхъ самопроизвольныхъ приращеній (эпигенезисъ), раздѣленіе труда, притяженіе подобныхъ частей и т. д. Всѣ эти законы суть законы организациі.

Животное общество представляетъ собою живое существо. Но такого опредѣленія недостаточно, ибо «едва ли мыслимо, чтобы не было никакой разницы между матеріальными организмами и организмами общественными и чтобы соціологія была простымъ продолженіемъ біологіи. Недостаточно сказать, что общество есть живое существо, — нужно еще найти, какого рода это живое существо и, слѣдовательно, чѣмъ отличается соціологія отъ непосредственно предшествующей ей низшей науки». Въ длинномъ ряду развивающихся и отжившихъ обществъ наблюдатель замѣчаетъ, что группированіе живыхъ существъ все чаще и чаще совершается подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе чувствуемыхъ склонностей и влеченій. Физико-химическія силы и физиологическія побужденія, не теряя, конечно, своего значенія, не составляютъ уже главныхъ причинъ образованія общества. «Передъ глазами наблюдателя происходитъ незамѣтный переходъ отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ болѣе или менѣе сложной игры дви-

женій (развѣ жизнь есть что-нибудь иное?) къ общему представленію и отъ хотѣній къ сознанию» (стран. 441). Общество поэтому есть живое сознание или организмъ идей (стр. 443). Эспинасъ указываетъ на существованіе въ обществахъ животныхъ того, что приближается къ нравственному началу, «конечно, не у Канта или Франклина (довольно странное сопоставленіе, замѣтимъ мы отъ себя), а у ребенка или дикаря» (стр. 462). «Сначала уваженіе (?), потомъ взаимная преданность супруговъ, пречность и постоянство ихъ привязанностей, воспитаніе ихъ дѣтенышей, трудъ, бережливость, мужество, послушаніе слабаго, попеченіе сильнаго, наконецъ, всеобщая готовность къ жертвамъ, т. е. отреченіе отъ личнаго ради блага коллективной личности — вотъ существенныя черты добродѣтелей, къ которымъ животное призывается соціальною жизнью и которыя оно дѣйствительно практикуетъ подъ давленіемъ внушаемыхъ ею чувствъ, иногда даже само того не вѣдая» (стр. 469).

Въ предѣлахъ библиографической замѣтки мы можемъ только указать на богатое содержаніе книги Эспинаса. За упомянутымъ уже историческимъ введеніемъ, которое представляетъ очеркъ ученій объ обществѣ, до О. Канта и Г. Спенсера включительно, помѣщенъ отдѣлъ о случайныхъ ассоціаціяхъ между животными разныхъ видовъ. Затѣмъ слѣдуютъ нормальныя общества между животными одного и того же вида. Въ концѣ книги два приложенія.

Обширный матеріалъ, собранный и разработанный Эспинасомъ, даетъ ему возможность приходить къ важнымъ обобщеніямъ и выводамъ. Нѣкоторые изъ этихъ выводовъ и обобщеній встрѣчаютъ основательныя возраженія, но и они далеко не бесполезны, возбуждая мысль и содѣйствуя правильному разрѣшенію поставленныхъ вопросовъ. Встрѣчаются иногда и противорѣчія во взглядахъ Эспинаса. Такъ, онъ говоритъ (стр. 20), что «всякое ученіе выясняется отчетливо лишь тогда, когда оно встрѣчается съ противоположными доктринами. Противорѣчіе составляетъ для идеи одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ условий прогресса». А на стр. 30 Эспинасъ утверждаетъ, что идея абсолютнаго, рельефно выступающаго въ «первый разъ (?) въ общественномъ договорѣ Руссо», внезапно затормозила какъ теоретическій прогрессъ, такъ и практическія приложенія экспериментальнаго метода и на полстолѣтіе замедлила движеніе идей, удачно резюмированныхъ Кондорсе. Во всякомъ случаѣ умная и богатая фактами книга Эспинаса составляетъ хорошее приобрѣтеніе для русской литературы.

Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. Даневскаго. Спб. 1882 г.

Историко-догматическое изслѣдованіе г. Даневскаго представляетъ цѣнный вкладъ въ нашу литературу международнаго права, несмотря на

нѣкоторую торопливость въ обработкѣ обширнаго матеріала изслѣдованія, на что уже было указано въ печати (въ *Голосъ*). Г. Даневскій даетъ очеркъ развитія началъ равновѣсія и легитимизма, подвергаетъ эти начала подробному разбору и высказываетъ за принципъ національности, какъ основу государственнаго строя и международныхъ отношеній. «Система равновѣсія и всѣ попытки къ ея устроенію оказались несостоятельными: механическая теорія и искусственные планы, связанные съ нею, были произвольны, давали оправданіе насилию» (Введеніе, VI). «Торжество легитимизма отняло бы у европейскихъ народовъ возможность дальнѣйшаго ихъ развитія, закрѣпивъ навсегда извѣстные правовыя основанія европейскаго порядка.» (стр. 227). Широкое распространеніе національной идеи влечетъ за собою вредныя и даже опасныя послѣдствія для многихъ государствъ съ разноплеменнымъ населеніемъ,—этого г. Даневскій, конечно, не отрицаетъ. По мнѣнію автора, «не подлежитъ сомнѣнію, что въ случаѣ столкновенія между правомъ національностей (на политически-независимое существованіе) и трактатами, послѣдніе должны уступить первому. Этому требуетъ идея исторической справедливости: жизнь индивидуума и нація не можетъ быть скована договорами вѣчными и неизмѣнными» (стр. 301). Понятно, что начало національности сталкивается съ такъ-называемымъ правомъ завоеванія. Вопросъ этотъ приобрѣлъ вновь огромное практическое значеніе послѣ франко-прусской войны, въ результатъ которой получилось насильственное отторженіе отъ Франціи Эльзаса и части Лотарингіи. Г. Даневскій полагаетъ, что право завоеванія быстро идетъ къ исчезновенію и скоро совсѣмъ не будетъ имѣть *raison d'être* (стр. 313). Этому оптимистическому взгляду, къ сожалѣнію, противорѣчатъ факты исторіи новѣйшаго времени, когда завоеванія Россіи и Англіи растутъ съ ужасающею быстротой и грозятъ обоимъ государствамъ немаловажными затрудненіями. По отношенію къ европейскимъ странамъ начало національности является, дѣйствительно, опаснымъ, все болѣе и болѣе усиливающимся противникомъ права завоеванія; но намъ думается, что г. Даневскій придаетъ этому началу нѣсколько преувеличенное значеніе. Нѣмцевъ справедливо озадачиваетъ и раздражаетъ тотъ фактъ, что жители завоеваннаго Эльзаса, также нѣмцы по происхожденію, покидаютъ родину, выселяются въ Алжирію, чтобы не быть подданными Германской имперіи.

«Отчужденіе территоріи (среди мира или послѣ войны) возможно,—говоритъ г. Даневскій,—только послѣ поголовнаго голосованія населенія, обставленнаго всѣми гарантіями для правильной и добросовѣстной организациі свободной подачи голосовъ» (стр. 333). Еслибы такія гарантіи были достижимы, то онѣ настолько обуздали бы побѣдителя, что война явилась бы нелѣпымъ (въ огромномъ большинствѣ случаевъ) предпріятіемъ. Съ другой стороны, крайнее проведеніе начала національности и вполне отрицательное отношеніе къ теоріи равновѣсія могло бы сопровождаться

невыгодными послѣдствіями, отчасти вслѣдствіе того, что въ нѣкоторыхъ государствахъ племена перемѣшаны территориально, отчасти потому, что многочисленныя національности попали бы въ невыгодное, по отношенію къ великимъ націямъ, положеніе. Замѣтимъ кромѣ того г. Даневскому, что самое опредѣленіе «націи» до сихъ поръ неудовлетворительно, и недавно еще Ренанъ выступилъ съ новыми разъясненіями по этому вопросу.

Сочиненіе г. Даневского читается съ большимъ интересомъ. Оно заключаетъ въ себѣ и историческій очеркъ вышеупомянутыхъ началъ, и разборъ трактатовъ, подписанныхъ подъ вліяніемъ этихъ началъ, и нѣкоторыя догматическія положенія. Авторъ обнаружилъ весьма обширную начтательность, причемъ ясно проводятся основныя идеи сочиненія.

В. Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Отношеніе правительства къ вопросу о расколѣ.

Жизнь неутомимою логикой фактовъ на нашихъ глазахъ дѣлаетъ почти невозможнымъ дальнѣйшее стѣсненіе свободы вѣрующей совѣсти, установленное нашимъ законодательствомъ о расколѣ. Въ послѣднее время весьма важныя политическія обстоятельства рѣшительнымъ образомъ повліяли на отношеніе правительства къ вопросу о правахъ раскольниковъ. Несмотря на очевидную несостоятельность нашего законодательства о расколѣ и даже на политическую опасность отъ существованія такого порядка, при которомъ нѣсколько милліоновъ гражданъ лишены права свободно исповѣдывать религіозныя убѣжденія, несогласныя съ ученіемъ господствующей церкви, — правительство долгое время не принимало никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ освобожденію вѣрующей совѣсти отъ налагаемыхъ на нее закономъ стѣсненій. Такъ дѣло продолжалось до 1878 года, когда правительство объявило войну Турціи. Причиной и конечною цѣлью войны, какъ было заявлено всему міру, служили притѣсненія христіанскихъ подданныхъ отъ варварскаго турецкаго правительства и необходимость освободить угнетенное населеніе, предоставивъ ему способы воспользоваться болѣе широкими политическими правами. Внутри Россіи, въ народной массѣ, существовала увѣренность, что христіанскіе подданные Турціи испытывали стѣсненіе въ исповѣданіи христіанской вѣры и что русскія войска были призваны возвратить угнетеннымъ народамъ естественное, человѣческое право — свободно исповѣдывать ту религію, какая избрана совѣстью cadaго. И вотъ русскія войска побѣдоносно прошли почти до воротъ Константинополя. Турція подверглась погрому и потеряла значительную часть прежнихъ областей въ Европѣ и Азіи. Нѣкоторыя провинціи были присоединены къ Черногоріи, Сербіи и Румыніи, изъ другихъ образовалось новое Болгарское княжество. Жители всѣхъ этихъ бывшихъ турецкихъ областей остались вполне довольны своею судьбою, найдя въ новомъ государственномъ

устройствъ болѣшя, чѣмъ прежде, гарантіи спокойнаго пользованія политической свободой. Нѣсколько иная судьба выпала на долю той небольшой территоріи на устьяхъ Дуная, которая по мирному договору досталась Россіи. Вновь присоединенная территорія, находясь съ 1856 года подъ властью Румыніи, заселилась русскимъ раскольничьимъ населеніемъ, которое до присоединенія къ Россіи пользовалось полною свободой въ дѣлахъ вѣры. Теперь на эту область должны были распространиться общіе русскіе законы, установившіе безчисленные стѣсненія для раскольниковъ въ дѣлѣ исповѣданія ихъ вѣры. Что же это такое? Неужели такимъ финаломъ могла завершиться война, предпринятая, по убѣжденію русскаго народа, для освобожденія вѣрующей совѣсти отъ угнетенія ея варварскимъ турецкимъ правительствомъ? Самое имя турецкаго правительства у насъ давно обратилось въ позорную кличку и сдѣлалось синонимомъ варварскаго угнетенія политической свободы. Повидимому, вступивъ вооруженною силой въ предѣлы Турціи, мы вносили туда свѣтъ европейской цивилизаціи, дарили политическую свободу угнетеннымъ народамъ. Но когда единоплеменному съ нами русскому населенію пришлось присоединиться къ Россіи, то въ результатъ такого присоединенія оказалось, что наши единоплеменники должны были лишиться существенно важнаго политическаго права, которымъ прежде пользовались. Мы очутились въ положеніи очень непріятномъ: съ одной стороны, конечно, Турція—государство варварское, но и тамъ, по правдѣ говоря, давно существуетъ религіозная свобода, такъ что и не было никакой надобности въ освобожденіи христіанской вѣры отъ несуществующихъ стѣсненій. А съ другой стороны мы считаемъ Россію государствомъ цивилизованнымъ, между тѣмъ какъ во всей Европѣ оно одно не признаетъ религіозной свободы. Не особенно лестно, что сравненіе съ Турціей оказалось не въ нашу пользу. Какъ тутъ быть? Если на вновь присоединенную область распространить дѣйствіе нашихъ законовъ о расколѣ, тогда населеніе покинетъ страну и будетъ искать спасенія для своей совѣсти въ предѣлахъ той самой Турціи, откуда только-что вышли русскія войска, окончивъ свою освободительную миссію. Если же для вновь присоединенной области сдѣлать изъятіе въ смыслѣ предоставленія населенію той же религіозной свободы, какою оно пользовалось подъ властью Румыніи, то этимъ самымъ должна поколебаться сила всего дѣйствующаго въ государствѣ законодательства о расколѣ. Напримѣръ, тогда уже нельзя будетъ не признавать старообрядческую іерархію въ Россіи, коль скоро будетъ признана эта іерархія во вновь присоединенной области; въ такомъ случаѣ старообрядческой епископъ или священникъ изъ вновь присоединеннаго края, пользуясь общими правами русскаго гражданина, будетъ свободно проживать во всей Россіи, нисколько не скрывая своего духовнаго сана. Такимъ образомъ полное законодательное признаніе религіозной свободы за русскими раскольниками въ присоединенной области, въ концѣ концовъ,

было бы равносильно признанію той же самой свободы за всѣмъ много-милліоннымъ русскимъ расколомъ. Но какъ бы то ни было, а нужно было на что-нибудь окончательно рѣшиться, и естественное дѣло, что рѣшеніе религіознаго вопроса у насъ могло послѣдовать исключительно въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ рѣшенъ всѣмъ цивилизованнымъ человѣчествомъ. Не можемъ же мы въ самомъ дѣлѣ идти противъ теченія XIX вѣка и сохранять свое законодательство о расколѣ въ то время, когда современная намъ жизнь вездѣ уже основана на началахъ полной религіозной свободы. Мы не въ силахъ этого сдѣлать и неминуемо должны уступить могучему напору свѣтлыхъ идей, сдѣлавшихся достояніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Всякому понятно, что нашему законодательству о расколѣ предстоитъ впереди не дальнѣйшее развитіе, но неминуемая и скорая отмѣна.

Послѣдствіемъ присоединенія къ Россіи части румынской территоріи было то, что въ 1879 году состоялось особое Высочайшее повелѣніе, разрѣшающее старообрядцамъ въ присоединенной къ Имперіи по Берлинскому трактату части Бессарабіи свободно отправлять богослуженіе по ихъ обрядамъ и употреблять колокольный звонъ. Это Высочайшее повелѣніе не было объявлено по всей Имперіи, такъ что извѣстіе о немъ почти не шло за предѣлы небольшой пограничной области. Притомъ же и дарованная бессарабскимъ старообрядцамъ свобода отправленія богослуженія обставлена весьма значительными стѣсненіями. Такъ, напримѣръ, въ недавнее время газеты сообщали, что старообрядцы Измаильскаго уѣзда обратились съ ходатайствомъ о дозволеніи имъ построить при церквахъ въ селеніяхъ Подковкѣ и Жебриенахъ двѣ новыя каменные колокольни, вмѣсто нынѣ существующихъ старыхъ и ветхихъ. По газетнымъ сообщеніямъ, министерство внутреннихъ дѣлъ не встрѣчаетъ препятствій къ удовлетворенію этого ходатайства, въ виду того, что въ 1880 году разрѣшено было возобновленіе старообрядческой церкви въ Кагулѣ. Зависимость отъ министерскаго благоусмотрѣнія даже въ такомъ пустомъ дѣлѣ, какъ постройка новой колокольни вмѣсто старой, достаточно показываетъ, насколько стѣснены бессарабскіе старообрядцы въ области вѣроисповѣданія. Но ихъ положеніе все-таки можно назвать счастливымъ сравнительно съ единовѣрцами ихъ въ остальныхъ частяхъ Имперіи. Только съ самаго недавняго времени, а именно послѣ присоединенія къ Имперіи части Бессарабіи, начались нѣкоторыя—правда, незначительныя и робкія—попытки къ облегченію религіознаго положенія раскольниковъ. Война съ Турціей, поставивъ насъ въ весьма непріятное положеніе лицомъ къ лицу съ религіознымъ вопросомъ, вынудила сдѣлать многія уступки въ пользу раскольниковъ. Прежде всего начался пересмотръ старыхъ, въ административномъ порядкѣ рѣшенныхъ, дѣлъ о преступленіяхъ раскольниковъ. Эти преступленія состояли большею частію въ принадлежности къ непризнанной правительствомъ старообрядческой іерархіи. Для характеристики по-

рядка освобожденія такихъ ссыльныхъ старообрядцевъ мы приведемъ слѣдующее письмо пермскаго корреспондента *С.-Петербургск. Вѣдомостей*: «Старообрядцевъ, открыто пріемлющихъ священство, въ Пермской губерніи насчитывается до трехъ тысячъ душъ. Главное мѣсто ихъ населенія находится въ Оханскомъ уѣздѣ, около Озерскаго завода, въ Вознесенской и другихъ волостяхъ. Оханскому уѣздному исправнику полковнику Бородоевскому, миссіонеру Оханскаго уѣзда священнику Дмитрію Попову и единовѣрческому священнику Николаю Серебрянникову почему-то захотѣлось упомянутыхъ старообрядцевъ, священство пріемлющихъ, называть раскольниками, и, въ силу этого даннаго этимъ людямъ названія, упомянутыя лица и творять надъ ними, что хотять. Я не буду подробно говорить здѣсь о сломкѣ упомянутыми лицами моленъ нашихъ старообрядцевъ и постройкѣ изъ нихъ другихъ зданій; я не буду говорить о закрытіи этихъ моленъ и о тѣхъ оскорбленіяхъ и преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются старообрядцы въ это время и при этихъ случаяхъ. Здѣсь же подробно сообщу, на основаніи имѣющихся у меня въ рукахъ письменныхъ документовъ, слѣдующій фактъ. Еще въ 1866 году крестьянинъ Пермской губерніи, Оханскаго уѣзда, Вознесенской волости, Зарѣчскаго сельскаго общества, Артемій Яковлевъ Тетеневъ, былъ посвященъ тобольскимъ старообрядческимъ епископомъ Савватіемъ въ санъ старообрядческаго священника. Представители нашей судебной, административной и духовной власти если не признали, то допустили совершиться этому факту. Въ силу обоихъ этихъ обстоятельствъ, Артемій Тетеневъ священствовалъ у старообрядцевъ Зарѣчскаго сельскаго общества, Вознесенской волости, въ теченіе полныхъ одиннадцати лѣтъ, что было если не признано всѣми официально, то официально допущено. Но, вотъ, является и поступаетъ въ Вознесенское село единовѣрческимъ священникомъ нѣкто Николай Серебрянниковъ. Радѣя столько же объ интересахъ единовѣрія и православія, сколько и о необходимости быть замѣченнымъ своимъ начальствомъ, этотъ священнослужитель, обязанный быть проповѣдникомъ и представителемъ евангельскаго ученія—ученія любви, правды, мира и всепрощенія, начинаетъ писать на Артемія Тетенева рядъ доносовъ и извѣтовъ на имя миссіонера Дмитрія Попова. И вотъ оба они, въ сообществѣ съ оханскимъ уѣзднымъ исправникомъ и становымъ приставомъ, доводятъ дѣло до того, что противъ Артемія Тетенева возбуждается правильное, настоящее, судебное преслѣдованіе за распространеніе будто бы имъ раскола. Но представитель этого правильного, настоящаго, преслѣдованія—пермскій окружной судъ, въ распорядительномъ своемъ засѣданіи, состоявшемся 6 сентября 1877 года, на основаніи 277 ст. Уст. угол. суд., постановилъ: возбужденное противъ Тетенева преслѣдованіе производствомъ прекратить. Униженные и оскорбленные упомянутымъ постановленіемъ пермскаго окружнаго суда, отъ 6 сентября 1877 года, священники Дмитрій Поповъ, Николай Серебрянни-

ковъ и оханскіе уѣздный исправникъ и становой пристава не протестуютъ противъ этого постановленія, не ведутъ этого дѣла дальше тѣмъ же путемъ, которымъ начали, не приносятъ на это постановленіе пермскаго окружнаго суда жалобы въ судебную палату,—нѣтъ, они поступаютъ проще и вѣрнѣе, начавъ хлопотать объ административной высылкѣ Артемія Тетенова съ мѣста его родины, оттуда, гдѣ находятся его домъ, хлѣбопашество, хозяйство и его семья, состоящая изъ восьми человекъ. И хлопоты этихъ людей на этотъ разъ увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ,—въ началѣ 1880 года Артемій Тетеновъ отрывается отъ своего дома, отъ своей земли и семьи и выселяется съ мѣста своей родины въ Чубаровскую волость, Ирбитскаго уѣзда, Пермской губерніи. Подчинившись этой высылкѣ, Артемій Тетеновъ, тѣмъ не менѣе, вынужденнымъ нашелся протестовать противъ нея. Онъ подалъ на эту административную высылку его жалобу бывшему министру внутреннихъ дѣлъ М. Т. Лорисъ-Меликову, въ которой просилъ возвращенія его на мѣсто родины. М. Т. Лорисъ-Меликовъ въ началѣ 1881 года прислалъ эту жалобу Артемію Тетенову на заключеніе пермскаго губернатора. Послѣдній, прежде чѣмъ дать это заключеніе, спросилъ мнѣнія—о возможности возвращенія Тетенова въ Вознесенскую волость—пермскаго епископа Вассіана (такъ какъ Тетеновъ былъ высланъ вслѣдствіе настоянія и ходатайства духовной власти), этотъ передалъ дѣло Тетенова на разсмотрѣніе пермской духовной консисторіи, пермская же духовная консисторія, въ лицѣ трехъ членовъ своихъ (а всего ихъ пять), выслушавъ это дѣло, постановила: Артемія Тетенова не возвращать на мѣсто его родины. Но курьезнѣе всего вышло то, что одинъ изъ этихъ трехъ членовъ консисторіи подписалъ такое постановленіе, не выслушавъ его и не присутствуя при его докладѣ, другой же изъ этихъ трехъ судей, именно протоіерей Андрей Будринъ, завѣдывающій въ консисторіи дѣлами о вѣрѣ, самъ находился и находится по двумъ дѣламъ подъ судомъ за проступки противъ этой самой вѣры, причемъ за первый изъ этихъ проступковъ онъ недавно только выполнилъ двухнедѣльную эпитимію при архіерейскомъ домѣ, къ которой былъ приговоренъ, а за второй—и до сихъ поръ состоитъ подъ судомъ той же самой консисторіи, въ которой онъ находится въ числѣ членовъ, судящихъ и «правоправящихъ». Въ данное время дѣло объ административной высылкѣ Артемія Тетенова съ мѣста его родины, съ заключеніемъ начальника Пермской губерніи, послано на распоряженіе нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Н. П. Игнатъева. Какое заключеніе далъ о возможности возвращенія Тетенова изъ его административной ссылки пермскій губернаторъ—достовѣрно неизвѣстно, такъ какъ подобнаго рода дѣла еще до сихъ поръ, въ силу старыхъ преданій, считаются почему-то секретными; но, зная гуманный и справедливый характеръ В. А. Енакіева, можно предположить, что это заключеніе его дано въ смыслѣ возвращенія Артемія Тетенова на мѣсто его родины, въ его семью, къ его дому и хозяйству».

Изъ числа ссыльныхъ старообрядцевъ, въ послѣднее время получившихъ свободу, въ особенности выдаются архіереи—Кононъ, Аркадій и Геннадій. Изъ нихъ двое были захвачены русскими войсками въ Добруджѣ во время Крымской кампаніи 1855 года. Будучи привезены въ Россію, они подверглись заключенію въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ, гдѣ оставались съ 1856 года въ теченіе цѣлой четверти столѣтія. Въ теченіе этого времени не разъ возникалъ вопросъ объ ихъ освобожденіи, но синодъ соглашался на это не иначе, какъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ они сложили съ себя духовный санъ. Старообрядческіе архіереи упорно отказывались отъ дѣлаемыхъ имъ предложеній купить свободу цѣною измѣны своимъ убѣжденіямъ. Наконецъ, 8 сентября прошлаго года, состоялось Высочайшее повелѣніе, по которому старообрядческіе архіереи освобождены изъ заключенія безусловно, съ нѣкоторыми только ограниченіями относительно губерній, въ которыхъ дозволено имъ свободное жительство. Освобожденіе ссыльныхъ старообрядцевъ принято обществомъ съ полнымъ сочувствіемъ и возбудило надежды на болѣе широкія правительственныя мѣропріятія въ смыслѣ удовлетворенія присущаго человѣческой натурѣ стремленія къ свободѣ совѣсти.

Бъ сожалѣнію, какъ ни симпатичны и ни успокоительны для общества дѣйствія правительства въ отношеніи раскольниковъ, но они по преимуществу имѣютъ характеръ частныхъ мѣропріятій и потому неспособны внушить твердой увѣренности въ спокойномъ пользованіи тѣми льготами въ отношеніи исповѣданія вѣры, которыя нынѣ даруются раскольникамъ не въ видѣ закона, но какъ милость, снисходительно оказываемая только въ отдѣльныхъ случаяхъ. Мы видимъ, что освобождаются изъ ссылки попъ Тетеновъ, архіерей Кононъ и другіе, но нѣтъ общей амністіи хотя бы только административно сосланнымъ раскольникамъ. Точно также, въ настоящее время, старообрядцы довольно часто получаютъ, въ видѣ особой Монаршей милости, разрѣшеніе на открытіе молитвенныхъ зданій, чего въ предыдущія два царствованія почти совсѣмъ не бывало. Такъ, напримѣръ, 28 лѣтъ назадъ, въ Ростовѣ-на-Дону, по настоянію мѣстнаго духовенства, былъ закрытъ и запечатанъ старообрядческій молитвенный домъ, причемъ вся церковная утварь и книги были конфискованы консисторскимъ начальствомъ, такъ что ростовскіе старообрядцы до настоящаго времени лишены были возможности совершать свои религіозныя таинства и молитвословія. Всѣ ходатайства старообрядцевъ о распечатаніи ихъ молитвеннаго дома оставались, до сихъ поръ, безуспѣшны и только на дняхъ, какъ передаетъ газета *Донской Голосъ*, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи сказаннаго дома и о передачѣ его въ руки старообрядческаго общества. Точно также въ деревнѣ Бутьковой, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, по распоряженію властей, была закрыта старообрядческая молезна. Пока тянулся процессъ изъ-за нея, въ теченіе трехъ лѣтъ, она оставалась запечатанною, а старообряд-

цы деревни Бутьковой всё поголовно выдержали тюремное заключеніе за устройство молитвеннаго дома безъ разрѣшенія. По рѣшенію московской судебной палаты, вошедшему въ законную силу, молеельня подлежала сломкѣ и разрушенію. Это было крайнимъ огорченіемъ для старообрядцевъ. Тогда старообрядцы обратились съ всеподданнѣйшею просьбой къ Государю Императору. Въ настоящее время полученъ Высочайшій указъ, которымъ вполнѣ утверждается существованіе бутьковской старообрядческой молеельни. Бопія съ этого указа вывѣшена, на видномъ мѣстѣ, въ молеельнѣ. Принимая съ должною признательностью милостивое вниманіе Государя Императора къ религиознымъ нуждамъ отдѣльныхъ старообрядческихъ общинъ, въ то же время старообрядцы лишены твердой увѣренности въ спокойномъ пользованіи тѣмъ удовлетвореніемъ религиозно-нравственныхъ потребностей, какое даетъ имъ обычное общественное богослуженіе. Старообрядцы находятся въ положеніи въ высшей степени неопредѣленномъ и крайне затруднительномъ, потому что невозможно даже понять, запрещено или нѣтъ въ настоящее время общественное-богослуженіе по ихъ обрядамъ и въ устроенныхъ ими особыхъ молитвенныхъ домахъ. На практикѣ обнаруживаются два совершенно противоположныхъ направленія въ разрѣшеніи этого вопроса, какъ будто въ одно и то же время старообрядцы и могутъ имѣть особые молитвенные дома и совершать въ нихъ общественное богослуженіе—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все это строго запрещено имъ подѣ страхомъ наказанія по закону. Съ одной стороны мы видѣли, что отдѣльныя старообрядческія общины въ послѣднее время стали довольно часто получать особыя Высочайшія разрѣшенія на открытіе молитвенныхъ домовъ; а съ другой стороны—столь же часто, если только не чаще, существующія молитвенныя зданія закрываются по распоряженію полиціи, священные и богослужебные предметы арестуются, а виновные въ устройствѣ молеельнъ предаются суду. Такъ, напримѣръ, *Голосу* пишутъ изъ Кіева, что въ мѣстномъ купеческомъ обществѣ не малую тревогу произвелъ арестъ полиціей старообрядческаго попа Буликова. Онъ—крестьянинъ Тамбовской губерніи, кіевскій домовладѣлецъ, уже нѣсколько лѣтъ назадъ открывшій въ Кіевѣ молитвенный домъ. Полиція составила протоколъ для привлеченія Буликова къ отвѣтственности за незаконное присвоеніе себѣ духовнаго сана и открытіе безъ разрѣшенія правительства молитвеннаго дома. Точно также въ *Странѣ* мы находимъ слѣдующее характерное сообщеніе изъ Нижняго-Новгорода, повидимому, писанное рукою старообрядца: «По доносу единовѣрскаго священника села Медвѣдова, Семена Михайлова Мясникова, 36-ти лѣтъ, нижегородская духовная консисторія, 9-го октября, за № 7391, предисала судебному слѣдователю произвестъ слѣдствіе, или, лучше сказать, сдѣлать нашествіе на старообрядческую молеельню Елены Лещевой, состоящую при деревнѣ Чернухи, въ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, и, къ великому прискорбію старообрядцевъ, въ 16-й день октяб-

ря 1881 года г. судебный слѣдователь 1 участка Семеновскаго уѣзда исполнилъ въ точности приказъ нижегородской духовной консисторіи и виѣстѣ съ полицейскихъ урядникомъ, двумя православными священниками, благочиннымъ Подольскимъ и доносителемъ Мясниковымъ, и 15-ю понятными сдѣлалъ нашествіе на старообрядческую моленную и жилое зданіе крестьянки Елены Осиповой Лещевой; и эта власть обобрала въ жиломъ зданіи Лещевой св. иконы и книги, собственно ей принадлежащія и завѣщанныя ей отъ дѣдовъ и отцовъ, а равно и въ моленной св. иконы и книги и находившуюся въ отдѣльной комнатѣ тутъ же въ чемоданѣ походную церковь со св. иконами, сосудами и крестомъ. И тутъ же отцы православной церкви разобрали святые иконы (которыхъ оказалось болѣе ста пятидесяти, и преимущественно старыя и въ серебряныхъ ризахъ) на три части: одну положили отправить въ духовную консисторію, одну въ единовѣрческую церковь (должно - быть отцу Мясникову за хлопоты?), а третью—положили сжечь, о чемъ и объявили тутъ же. Между иконами есть одна икона: Спаса Нерукотвореннаго, стараго письма, въ ризѣ. Въ 1654 году патріархъ Никонъ выкололъ глаза иконамъ франскаго письма и таскалъ ихъ по улицамъ, какъ о семъ свидѣтельствуется высокопреосвященнѣйшій Макарій митрополитъ московскій—въ изданной имъ 1881 года книгѣ «Патріархъ Никонъ». Но и тогда, въ 17-мъ столѣтіи, тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ не позволилъ «жечь». И неужели въ концѣ 19 столѣтія будетъ допущено исполнить опредѣленіе преслѣдователей? Намъ сообщали, что Елена Лещева обращалась съ просьбою къ нижегородскому губернатору, но онъ сказалъ ей, что это дѣло возникло по предписанію духовной консисторіи, и посоветовалъ ей просить епархіальнаго архіерея. Лещева была у преосвященнаго, который сказалъ ей, что она должно - быть не сошлась съ приходскимъ священникомъ, и, между прочимъ, обѣщалъ ей серебро съ иконъ возратить (!), а прекратить дѣло не согласился. Затѣмъ Лещева рѣшилась ѣхать въ Петербургъ и лично ходатайствовать въ столицѣ. Здѣсь не иѣшаетъ привести на память изъ Высочайше утвержденныхъ въ 15-й день октября 1858 г. правилъ министра внутреннихъ дѣлъ § 3: «приходское духовенство ни въ какихъ дѣлахъ по предмету раскола не обращается съ требованіями или доносами къ свѣтскимъ властямъ, а входитъ по таковымъ дѣламъ съ донесеніями къ своему епархіальному архіерею, и онъ съ свѣтскимъ начальствомъ входитъ въ сношеніе только въ обстоятельствахъ дѣйствительной важности и въ опредѣленныхъ случаяхъ совращенія изъ православныхъ въ расколъ или въ случаяхъ соблазнительнаго для православныхъ оказательства раскола». Слѣдуетъ поставить вопросъ: имѣетъ ли право духовная консисторія (а въ иныхъ случаяхъ и просто само приходское духовенство) дѣлать предписаніе судебной и полицейской властямъ, безъ вѣдома и согласія мѣстнаго губернатора, дѣлать нашествіе на старообрядческія молены, какъ случилось въ этомъ дѣлѣ Лещевой?» Насколько

неопредѣленно теперешнее положеніе старообрядцевъ, это можно видѣть изъ слѣдующаго газетнаго сообщенія о недовольствѣ, распространившемся въ средѣ саратовскихъ старообрядцевъ, пріемлющихъ австрійское священство. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ нихъ, нѣкто купецъ Г., какъ сообщаетъ газета *Русскій Курьеръ*, построилъ большой домъ, въ которомъ на собственные средства хотѣлъ устроить богадѣльню для своихъ единовѣрцевъ, причемъ богадѣльня должна именоваться «въ память Государя Императора Александра II-го, отъ старообрядцевъ». За разрѣшеніемъ на открытіе купецъ Г. ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ ему обѣщали всевозможное содѣйствіе и покровительство. Каково же было его разочарованіе, когда, по пріѣздѣ изъ Петербурга, онъ получилъ официальную бумагу, въ которой говорилось, что богадѣльня должна именоваться: «въ память Государя Императора Александра II-го», безъ всякихъ прибавокъ. Говорятъ, что купецъ Г. и всѣ сочувствовавшіе этому дѣлу старообрядцы продолжаютъ ходатайствовать о припискѣ «отъ старообрядцевъ». Читателямъ можетъ показаться непонятнымъ курьезомъ весь этотъ случай съ просьбою о разрѣшеніи открыть богадѣльню. Повидимому, здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ мелочнаго упрямства какъ со стороны купца, который во что бы то ни стало хотѣлъ, чтобы на вывѣскѣ красовались слова «отъ старообрядцевъ», такъ и со стороны петербургскаго начальства, не согласившагося удовлетворить желаніе купца. Но вся эта исторія пріобрѣтаетъ весьма глубокій смыслъ, если мы обратимъ вниманіе, что у насъ существуетъ законъ, запрещающій употреблять слово: «старообрядецъ» и обязательно предписывающій замѣнить его словомъ: «раскольникъ», имѣющимъ позорный смыслъ. Понятно, что для старообрядцевъ весьма желательно добиться отміны этого закона, а между тѣмъ даже такое ничтожное домогательство ихъ до сего времени остается безъ удовлетворенія.

Если, при существованіи несправедливыхъ законовъ въ отношеніи раскола, иногда чувство справедливости побуждаетъ смягчать строгость законовъ и отступать отъ точнаго и буквального примѣненія ихъ, то подобнаго рода отступленія, означая собою неуваженіе къ закону, даютъ старообрядцамъ поводъ еще глубже чувствовать свое униженное положеніе предъ лицомъ закона и вызываютъ въ нихъ не только неуваженіе, но страстную и глубокую ненависть къ тому закону, который продолжаетъ существовать, потерявъ всякое уваженіе къ себѣ со стороны своихъ исполнителей. Такое, напримѣръ, отступленіе отъ точнаго и яснаго смысла закона въ интересахъ высшей справедливости мы замѣчаемъ при рѣшеніи въ уголовномъ каскаціонномъ департаментѣ сената дѣла по вопросу о томъ, можетъ ли бракъ раскольниковъ безпоповщинскаго согласія, хотя совершенный по обрядамъ ихъ вѣроисповѣданія, но не внесенный ни въ сказки о 10-й ревизіи, ни въ метрическія записи о раскольникахъ, быть признаваемъ противозаконнымъ сожитіемъ неженатаго съ незамужнею, то-есть преступленіемъ, предъусмотрѣннымъ 994 ст. Улож. о наказ. Дѣло состоитъ въ томъ, что

московскій второй гильдін купецъ Акимъ Шешковъ, бывъ преданъ суду по обвиненію въ незаконномъ сожитіи съ мѣщанкою Анною Новгородскою, послѣдствіемъ чего было рожденіе ребенка, виновнымъ себя не признавъ, объяснивъ, что въ 1868 году, когда состоялъ еще въ расколѣ, онъ вступилъ въ законный бракъ, по обряду безпоповщинскаго согласія, съ принадлежащею къ тому же согласію дѣвицею Анною Новгородскою; что отъ этого брака, дѣйствительно, родился у нихъ сынъ; что въ маѣ 1877 года онъ присоединился къ православной церкви и женился, съ разрѣшенія духовнаго начальства, на мѣщанкѣ Пелагеѣ Андреевой, православнаго исповѣданія. Московская духовная консисторія, спрошенная относительно силы и значенія перваго брака Шешкова, признала недѣйствительность перваго брака Шешкова, какъ не записаннаго въ метрическія записи о бракосочетаніяхъ раскольниковъ. Сверхъ того, консисторія указала и другія основанія недѣйствительности этого брака, именно, что Шешковъ и Новгородская по сказкамъ десятой ревизіи не записаны мужемъ и женой и что, на основаніи указа святѣйшаго синода отъ 14-го августа 1808 г., браки, вѣнченные внѣ церкви, въ домахъ и часовняхъ, раскольниковыми попами, признаются не за браки законные, а за сожительство любодѣйное. Съ такимъ толкованіемъ, однако, московскій окружной судъ, на разсмотрѣніе котораго это дѣло поступило, не согласился. Усматривая изъ Высочайше утвержденныхъ 19-го апрѣля 1874 года правилъ о метрическихъ книгахъ, что «постоянныя сопряженія раскольниковъ именуется супругами», судъ призналъ невозможнымъ вывести отсюда заключеніе, чтобы «постоянныя сопряженія раскольниковъ» между собою, въ тѣхъ случаяхъ, когда они освящены обрядами ихъ обрученія (хотя бы они и не были вписаны въ метрическія книги), можно было отождествлять съ противузаконнымъ сожитіемъ не женатаго съ незамужнею. По этимъ соображеніямъ судъ оправдалъ Шешкова, а гражданскій искъ Новгородской, какъ неоснованный на наличности признаковъ преступленія, въ которомъ обвинялся подсудимый, призналъ неподлежащимъ удовлетворенію въ уголовномъ порядкѣ. Московская судебная палата, разсматривая это дѣло по апелляціи повѣреннаго Новгородской, вполне согласилась съ доводами окружнаго суда и утвердила его приговоръ. Товарищъ прокурора палаты, подавшій по этому дѣлу протестъ, не раздѣляя соображеній суда и палаты, объяснилъ, что палата, не признавъ незаконности сожитія подсудимаго съ мѣщанкою Новгородскою, тѣмъ самымъ какъ бы установила, что Шешковъ, при существованіи брака съ Новгородскою, по мнѣнію палаты, вполне законнаго, вступилъ также на законномъ основаніи во второй бракъ съ Андреевой, и ни за первый, ни за второй бракъ не подлежитъ никакому преслѣдованію. Затѣмъ товарищъ прокурора ссылается на отзывъ консисторіи о признаніи недѣйствительности перваго брака и отождествленіи его съ любодѣйнымъ сожительствомъ. Товарищъ оберъ-прокурора, въ своемъ заключеніи, согласившись съ доводами палаты, при-

зналъ невозможнымъ примѣненіе къ данному дѣлу 994 ст. Улож. о наказ. Правительствующій сенатъ опредѣлялъ: протестъ товарища прокурора судебной палаты оставить безъ послѣдствій, за силою 912 ст. Уст. угол. суд. Хотя судебное рѣшеніе весьма справедливо отказалось признать Шешкова во взведенномъ на него преступленіи, но протестъ товарища прокурора судебной палаты очевидно болѣе согласенъ съ точнымъ смысломъ закона, чѣмъ судебное рѣшеніе. Какъ хотите, а по нашимъ законамъ никакъ не могутъ одновременно существовать два законныхъ брака, и если признается законнымъ второй бракъ Шешкова, совершенный по обрядамъ православной церкви, то, значить, первый раскольничій бракъ его съ Новгородскою былъ незаконный. Но судъ видѣлъ явную неправду въ признаціи незаконнымъ перваго раскольничьяго брака и отъ того въ своемъ рѣшеніи сдѣлалъ отступленіе отъ точнаго смысла законовъ.

Такимъ образомъ сама жизнь съ неотразимою силою подрываетъ авторитетъ дѣйствующаго у насъ законодательства о расколѣ и указываетъ настоятельную необходимость въ отмѣнѣ законовъ, стѣсняющихъ права сектантовъ въ отношеніи исповѣданія религіозныхъ убѣжденій и пользованія гражданскими правами. Сознаніе необходимости пересмотра и измѣненія существующихъ законовъ о расколѣ успѣло уже проникнуть въ высшія правительственныя сферы, гдѣ въ настоящее время происходитъ пересмотръ отдѣльныхъ законоположеній и разныхъ административныхъ постановленій, изданныхъ для руководства органовъ полиціи и православнаго духовенства, которымъ предоставлено наблюдать за внѣшнимъ оказательствомъ раскола въ предѣлахъ Имперіи. Въ числѣ этихъ постановленій существуютъ правила, опредѣляющія порядокъ производства полицейскихъ обысковъ у раскольниковъ и конфискаціи у нихъ разныхъ богослужебныхъ принадлежностей: иконъ, крестовъ, духовныхъ книгъ, картинъ и другихъ предметовъ, относящихся къ потребностямъ богослуженія. Раскольникамъ запрещается имѣть эти богослужебныя принадлежности, служащія для устройства въ частныхъ квартирахъ общественныхъ молельнъ. Считаются дозволенными только тѣ немногія раскольническія молельни, которыя существуютъ съ давняго времени и уже извѣстны правительству. Опытъ показалъ, что предоставленное полиціи широкое право относительно производства у раскольниковъ обысковъ и конфискаціи богослужебныхъ предметовъ нерѣдко вызываетъ разныя злоупотребленія со стороны органовъ полицейской власти; на раскольниковъ же подобныя обыски и конфискаціи дѣйствуютъ тяжелою образомъ, оскорбляя въ нихъ религіозное чувство и усугубляя существующую уже въ нихъ вражду къ администраціи. Конфискованные у раскольниковъ предметы богослуженія обыкновенно препровождаются въ распоряженіе епархіальныхъ начальствъ, которыя и входятъ въ обсужденіе, нѣтъ ли въ этихъ предметахъ чего-нибудь противнаго православной вѣрѣ. Органы же полиціи, не входя въ разсмотрѣніе предметовъ конфискаціи, безъ разбора конфискують у рас-

кольниковъ всякіе предметы богослуженія, хотя бы они и не были противны православію. Вообще же такой порядокъ производства полицейскихъ обысковъ и конфискаціи религіозныхъ предметовъ у раскольниковъ представляетъ массу неудобствъ и въ то же время стоитъ въ противорѣчій съ тѣмъ основнымъ принципомъ русскаго законодательства, который допускаетъ полную терпимость раскола въ государствѣ, постановляя, что раскольники не должны быть подвергаемы преслѣдованію за мнѣнія ихъ о вѣрѣ (ст. 48 Уст. пред. и пресѣч. прест.). Въ виду этого, въ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ дѣйствующихъ у насъ постановленій о полицейскихъ обыскахъ у раскольниковъ и конфискаціи у нихъ предметовъ богослуженія. Въ этомъ отношеніи предполагается распространить на раскольниковъ общеустановленный порядокъ производства дознаній и судебныхъ слѣдствій по обвиненію въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, при непремѣнномъ участіи лицъ судебного вѣдомства, которыя до настоящаго времени были, вообще, устранены отъ участія въ дѣлахъ о раскольникахъ. Подобнымъ же образомъ предпринять въ настоящее время пересмотръ дѣйствующихъ постановленій о сектѣ жидовствующихъ, которая, будучи значительно распространена въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Павлоградскаго уѣзда, Воронежской губ., весьма близка по своему ученію къ еврейской религіи, но существенно уклоняется отъ православія. Поводомъ къ такому пересмотру послужило то обстоятельство, что, по рѣшенію острогожскаго окружнаго суда, недавно состоявшемуся и теперь вступившему уже въ законную силу, 90 лицъ изъ послѣдователей этой секты приговорены, по статьѣ 199-ой Улож. о наказ., къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Закавказскій край. Между тѣмъ при разслѣдованіи ревизовавшимъ Воронежскую губ. сенаторомъ Мордвиновымъ дознано на мѣстѣ, что секта жидовствующихъ, хотя и существенно разнится отъ православія, тѣмъ не менѣе не представляется вредной. Сектанты не склонны къ пропагандѣ своего ученія и живутъ совершенно замкнуто, избѣгая сношеній съ православнымъ населеніемъ. Ни съ религіозной, ни съ бытовой стороны секта эта не представляетъ какихъ-нибудь вредныхъ началъ. Какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ отношеніяхъ своихъ къ властямъ, сектанты отличаются вполне одобрительными качествами, усердно занимаются хозяйствомъ и исправно платятъ подати, такъ что въ средѣ ихъ неизвѣстны случаи уклоненія отъ исполненія повинностей. Въ виду этихъ данныхъ, въ административныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ объ оставленіи послѣдователей секты жидовствующихъ безъ преслѣдованія, съ тѣмъ, чтобъ и приговоръ острогожскаго окружнаго суда относительно 90 сектантовъ, присужденныхъ къ ссылкѣ, оставить безъ всякихъ послѣдствій по отношенію къ этимъ сектантамъ. Да и вообще въ правительственныхъ сферахъ начинаютъ высказываться мнѣнія противъ самаго существованія въ нашемъ уголовномъ кодексѣ наказанія сектантовъ ссылкой на поселеніе въ Закавказскій край.

Такой именно смысл имѣеть представленіе бывшего помощника намѣстника кавказскаго князя Меликова объ отмѣнѣ распоряженія, состоявшагося въ 1853 году, по докладу бывшего въ то время министра внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютанта Бибикова, о воспрещеніи добровольнаго переселенія раскольниковъ въ Закавказскій край. Мѣра эта вызвана была тѣми соображеніями, что дозволеніе добровольнаго переселенія на Кавказъ раскольниковъ ослабитъ страхъ къ ссылкѣ въ этотъ край, примѣняемой къ особо-вреднымъ сектантамъ, и что переселившіеся туда раскольники могли бы вредно вліять, въ религіозномъ отношеніи, на сосѣднее населеніе или войти во вредныя отечеству связи и сдѣлаться орудіемъ враждебныхъ противъ государства замысловъ. Въ настоящее же время, по заявленію князя Меликова, Кавказъ не только не служитъ предметомъ устрашенія, но, напротивъ, привлекаетъ массы переселенцевъ. Поселившіеся же тамъ сектанты—молокане и духоборцы—совершенно безвредны въ религіозномъ отношеніи, вслѣдствіе отсутствія почвы для пропаганды своихъ вѣрученій, а безукоризненнымъ своимъ отношеніемъ къ правительству и трудолюбіемъ они представляютъ поучительный примѣръ для туземцевъ. Сверхъ того, они приносятъ существенную пользу для края, способствуя развитію сельскаго хозяйства, огородничества, рыболовства, а также промысловъ извозничьяго, столярнаго и плотничьяго. При замѣтномъ стремленіи сектантовъ къ переселенію на Кавказъ, разрѣшеніе имъ переселяться туда, по мнѣнію князя Меликова, могло бы способствовать къ заселенію вновь присоединенныхъ областей Батумской и Барской. Такое представленіе князя Меликова, по словамъ газетныхъ сообщеній, уже разсматривалось въ отдѣльныхъ министерствахъ, которыя не встрѣтили препятствій къ отмѣнѣ распоряженія о воспрещеніи сектантамъ переселяться на Кавказъ.

Безъ сомнѣнія, всѣ указанныя нами правительственныя предположенія и мѣропріятія представляютъ лишь весьма скромныя и слабыя попытки къ измѣненію теперешняго совершенно ненормальнаго положенія раскольниковъ. Но важно уже то, что намѣченный жизнью вопросъ объ отмѣнѣ ограниченій и стѣсненій свободы вѣрующей совѣсти теперь изъ области теоретическихъ обсужденій въ средѣ общества перешелъ въ правительственныя сферы и поставленъ здѣсь на очередь для практическаго разрѣшенія. Едва ли можетъ быть сомнѣніе относительно того направленія, въ которомъ будетъ разрѣшенъ правительствомъ вопросъ о расколѣ. Правительство уже имѣетъ передъ собою несомнѣнные и весьма внушительные факты, намѣчающіе собою путь для рѣшенія великаго вопроса о свободѣ вѣрующей совѣсти. Съ одной стороны внимательство государства въ борьбу вѣрученій для поддержанія одного изъ нихъ насильственными мѣрами, посредствомъ запрещенія и стѣсненія свободы исповѣданія прочихъ вѣрученій, въ былое время практиковалось повсемѣстно, а нынѣ отвергнуто всею цивилизованною Европой. Съ другой стороны русское обще-

ство постоянно высказывается противъ сохранившихся у насъ стѣсненій свободы вѣрующей совѣсти и признаеть, что охрана общественными учрежденіями права каждаго гражданина исповѣдывать такую религію, которая свободно избрана его совѣстью, должна составлять одну изъ главныхъ основъ общежитія. Едва ли возможно предполагать, чтобы въ намѣченномъ русскою жизнью вопросѣ о расколѣ правительство пошло и противъ опыта вѣковъ и народовъ, и противъ стремленій русскаго общества. Мы не думаемъ также, чтобы въ данномъ случаѣ можно было придавать серьезное значеніе хитрымъ рѣчамъ объ осторожности и постепенности въ реформахъ, долженствующихъ измѣнить существующее нынѣ взаимное положеніе въ государствѣ различныхъ вѣроисповѣданій. Осторожность и постепенность въ реформахъ есть дѣло очень хорошее, но только тогда, когда мысль о реформахъ зарождается въ правительствѣ ранѣе, чѣмъ въ обществѣ, которое остается неподготовленнымъ къ воспріятію ихъ, не успѣло еще уразумѣть смыслъ ихъ и не усвоило сознанія необходимости ихъ. Другое дѣло, когда инициатива реформъ принадлежитъ обществу, въ которомъ сознаніе необходимости ихъ развилось и окрѣпло ранѣе, чѣмъ правительство рѣшилось приступить къ практическому осуществленію желаній общества. Въ последнемъ случаѣ осторожность и медленность въ проведеніи реформы бывають величайшею ошибкой, а постепенность, обыкновенно имѣющая цѣлью успокоивать волненіе въ средѣ общества, при такомъ положеніи дѣла, наоборотъ, возбуждаетъ только общее недовольство. У насъ въ Россіи нужно бояться не поспѣшности, но медленности правительства въ дѣлѣ реформъ. Во всемъ, за что ни взяться, мы ужасно запоздали и эта-то запоздалость служить одной изъ главныхъ причинъ всѣхъ тѣхъ внутреннихъ неурядицъ, отъ которыхъ мы въ настоящее время страдаемъ. Друзья прочнаго общественного порядка желаютъ немедленныхъ и коренныхъ реформъ по вопросамъ, уже давно намѣченными русскою жизнью, именно по той причинѣ, что въ этомъ они видятъ единственное средство остановить дальнѣйшее развитіе внутреннихъ неурядицъ, отъ которыхъ совѣсть истомилась русское общество, и горячо желаютъ успокоенія, приобретаемаго только вѣрою въ прочность и ненарушимость личныхъ и общественныхъ правъ.

II.

Отношеніе правительства къ рабочему вопросу.

Долгое время у насъ существовало убѣжденіе, что рабочий вопросъ, составляя исключительное достоинство западной жизни, не имѣеть, да и не можетъ имѣть, мѣста въ Россіи, благодаря своеобразнымъ условіямъ экономическаго быта русскихъ крестьянъ. Даже въ настоящее время еще раздаются голоса, утверждающіе, что рабочий вопросъ есть выдумка слѣ-

ныхъ подражателей западной жизни. Мы упоминаемъ о такомъ мнѣніи не для одного лишь курьеза, но, главнымъ образомъ, чтобъ объяснить причину, почему правительство до послѣдняго времени почти не обращало никакого вниманія на положеніе фабричныхъ и заводскихъ работниковъ и не принимало мѣръ къ улучшенію ихъ быта. Впрочемъ, намъ нѣтъ надобности и останавливаться на этомъ пунктѣ, потому что въ послѣднее время отношеніе правительства къ рабочему вопросу значительно измѣнилось. Гораздо интереснѣе будетъ поискать объясненія, почему рабочий вопросъ теперь занялъ собою вниманіе правительства, тогда какъ недавно у насъ совсѣмъ отрицалось самое существованіе его.

Еще въ миновавшее царствованіе вниманіе общества не разъ останавливалось на положеніи рабочаго класса, производились изслѣдованія быта фабричныхъ и заводскихъ работниковъ, отчасти даже вопросъ объ улучшеніи быта рабочаго класса былъ обсуждаемъ земствомъ и разными комитетскими. Такъ владимірское губернское земское собраніе уже не разъ обсуждало вопросъ о необходимости законодательнымъ путемъ оградить права рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. По словамъ корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей*, губернскую земскую управу проектированы обязательныя правила для фабрикъ и заводовъ, подраздѣляющіяся на три группы: 1) собственно объ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, 2) общія правила для фабрикъ и заводовъ, и 3) правила для каждаго рода специальныхъ заведеній въ частности. Правила объ отношеніяхъ фабрикантовъ къ рабочимъ имѣютъ въ виду: 1) устранить отъ работы на фабрикахъ дѣтей до 12-ти лѣтняго возраста, для дѣтей же отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ ограничить рабочий день 8-ю часами, съ 2-хъ часовымъ, для отдыха, промежуткомъ въ половинѣ этого періода; 2) оградить рабочаго отъ эксплуатаціи его при помощи фабричныхъ лавочекъ и произвольныхъ начетовъ, штрафовъ и вычетовъ на такія учрежденія, какъ школы, больницы, бани и пр., которыя должны быть устраиваемы всецѣло на счетъ фабрикантовъ; 3) дать возможность образованія дѣтямъ рабочихъ, для чего на каждой фабрикѣ и заводѣ, гдѣ не менѣе 100 человекъ рабочихъ и при нихъ не менѣе 25-ти человекъ дѣтей отъ 8-ми до 14-ти лѣтняго возраста, владѣльцемъ должна содержаться школа. Для пособія увѣчнымъ рабочимъ, пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ, проектируется образованіе особаго фонда изъ ежегодныхъ сборовъ: съ фабриканта по 10 к. за каждаго изъ его рабочихъ и съ самихъ рабочихъ—по 5 коп. съ каждаго. Фондъ этотъ, если онъ достигнетъ значительной суммы, могъ бы быть обращенъ на устройство богадѣльни для увѣчныхъ рабочихъ и школы для ихъ дѣтей. Увѣчные отъ несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ по винѣ фабриканта, должны быть лечимы и обезпечиваемы на счетъ послѣдняго до полного ихъ выздоровленія. Этотъ проектъ былъ вызванъ необходимостью подождать границу чрезмѣрной эксплуатаціи рабочаго труда владѣльцами фабрикъ. Не подражае Западу, о чемъ у насъ до сихъ

поръ не смолкають праздныя рѣчи, но сама русская жизнь, горькая и ужасная дѣйствительность побуждали земство къ изысканію мѣръ для улучшенія невыносимо-тяжелаго положенія рабочихъ. Вотъ, напримѣръ, что писалъ въ прошломъ году корреспондентъ *Московскаго Телеграфа* о фабричныхъ рабочихъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, извѣстномъ фабричномъ центрѣ Владимірской губерніи: «Итоги, подведенные мѣстными фабрикантами при окончаніи годовыхъ работъ, дали имъ большіе барыши, хотя и не такіе, какъ въ предыдущіе годы; итоги же, сведенные рабочими, обнаружили почти общій для всѣхъ ихъ хозяйственный дефицитъ. Цѣны на всѣ жизненные припасы ежегодно возрастають, а задѣльная плата для здѣшнихъ рабочихъ давно уже стоитъ на одномъ и томъ же уровнѣ, вслѣдствіе чего, понятно, дефицитъ въ экономіи рабочаго долженъ все увеличиваться. По-прежнему, въ среднемъ, ткачъ и теперь получаетъ 12—15 р., ткачиха 7—10 р., дѣти отъ 6-ти лѣтъ 3—5 р. въ мѣсяць. Но прежде, при такой платѣ, семейству, состоявшему изъ двухъ взрослыхъ, одного подростка и двухъ малолѣтнихъ и зарабатывавшему, слѣдовательно, 20—30 р: въ мѣсяць, на эти деньги жить можно было; теперь же, при всеобщей дороговизнѣ и все болѣе и болѣе входящей въ употребленіе системѣ штрафовъ, такого заработка недостаточно на самыя необходимыя потребности. Штрафы эти совершенно несоразмѣрны съ мѣсячною платой: за день прогула берется рубль и больше, часъ и два неявки на фабрику приравниваются къ цѣлому прогульному дню. Переходъ рабочихъ, недовольныхъ своимъ хозяиномъ, къ другому крайне затруднителенъ, такъ какъ фабриканты часто прибѣгаютъ къ соглашенію между собою—никому изъ нихъ не принимать къ себѣ рабочаго, желающаго уйти отъ своего хозяина, вслѣдствіе тяжелыхъ штрафовъ или низкой заработной платы. Случаи увѣчья на фабрикахъ въ нынѣшнемъ году были довольно часты, но обыкновенно они кончаются тѣмъ, что калѣкъ фабриканты выдаютъ въ мѣсяць рублей по пяти, притомъ недолго, до тѣхъ поръ, пока въ городѣ не затихнетъ слухъ объ искалѣченіи рабочаго. Чуть ли не на каждой фабрикѣ, вмѣсто докторовъ, содержатся и лѣчатъ рабочихъ весьма дешевыми средствами фельдшера. Зимой помѣщенія для рабочихъ составляли какія-то низкія и сырыя избы, какъ, напримѣръ, у И. Гарелина. Мѣстныя фабрики не имѣютъ школъ и докторовъ, а чего бы стоило это такому лицу, какъ упомянутый выше И. Гарелинъ, считающій дневныя выручки десятками тысячъ?! Правда, здѣсь есть школа для дѣтей рабочихъ, но она не можетъ удовлетворить потребность въ обученіи грамотѣ при 12.000-омъ населеніи города. Мѣстная рѣчка служитъ общею клоакой для спуска грязной и окрашенной воды съ фабрикъ. Фабриканты въ свое оправданіе по этому поводу говорятъ, что помимо рѣки некуда спускать грязную воду». Таково было положеніе рабочихъ въ началѣ мая 1881 г., когда продолжалась еще голодовка и былъ полный застой въ торговлѣ. Слѣдовало бы ожидать, что дѣла измѣнятся къ луч-

шему, какъ только послѣдуетъ оживленіе въ торговлѣ, вызванное хорошимъ урожаемъ. Но на самомъ дѣлѣ вышло не такъ. Въ сентябрѣ 1881 г. изъ Иванова-Вознесенска писали въ *Порядокъ*, что «Нижегородская ярмарка окончилась для мѣстныхъ фабрикантовъ блистательно: всё расторговались, какъ говорится, на-чисто и по хорошимъ цѣнамъ. Усиленный спросъ былъ на сырецъ высокихъ сортовъ, который продавался на копѣйку и двѣ въ аршинѣ дороже обыкновенныхъ нормальныхъ цѣнъ. Нѣкоторые изъ фабрикантовъ получили крупныя заказы и запродали товаръ впередъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Такой ходъ дѣла объясняется хорошимъ урожаемъ. Не логикѣ вещей слѣдовало бы ожидать, что результаты Нижегородской ярмарки благодѣтельно отзовутся и на заработной платѣ мѣстныхъ рабочихъ. Отнюдь нѣтъ. Наоборотъ, въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ значительное пониженіе заработной платы. Это зависитъ отъ условій найма — условій, выработанныхъ долгимъ временемъ и практикующихся не въ одномъ только Ивановѣ - Вознесенскѣ. Условія эти слѣдующія: рабочіе на здѣшнія фабрики нанимаются на сроки отъ Пасхи и до осенняго заговѣнья (13 ноября) и отъ заговѣнья до Пасхи. Лѣтняя плата выше зимней отъ 1 до 3 руб. въ мѣсяцъ. Какъ ни шли бы превосходно торговыя операціи фабрикантовъ, условія найма остаются неизмѣнны: съ Пасхи плата рабочему увеличивается, а съ осени уменьшается. Только въ одномъ случаѣ размѣры заработной платы могутъ измѣниться: если сбытъ фабричныхъ издѣлій неудовлетворителенъ, то и лѣтняя плата рабочаго понижается».

Не въ лучшемъ положеніи находятся рабочіе на заводахъ и фабрикахъ въ Киевской губерніи, гдѣ точно также давно уже возбужденъ вопросъ объ улучшеніи быта рабочаго класса путемъ законодательнаго огражденія рабочихъ интересовъ. Заводовъ и фабрикъ въ Киевской губ. считается 628; на нихъ вырабатывается въ теченіе года продуктовъ на сумму 58.067.086 руб.; фабрики и заводы располагаютъ, кромѣ паровыхъ двигателей и механическихъ приспособленій, силами 36.567 рабочихъ. Наибольшими размѣрами отличается въ Киевской губерніи сахаро-заводская промышленность; на 80 заводахъ вырабатывается ежегодно сахару, песку и рафинаду на сумму 35.000.000 руб. По словамъ киевскаго корреспондента газеты *Порядокъ*, «какъ заводчики, такъ и еще болѣе рабочіе Киевской губ. ждуть-не дождутся, когда путемъ законодательства будутъ установлены болѣе справедливыя и правильныя отношенія между хозяевами и рабочими. Особенно страдаетъ рабочій людъ на сахарныхъ заводахъ. Исслѣдованіе быта рабочихъ Киевской губерніи на сахарныхъ заводахъ начато еще въ семидесятыхъ годахъ «киевскимъ отдѣленіемъ русскаго технического общества по свекло-сахарной промышленности». Система найма рабочихъ, количество рабочихъ часовъ, помѣщеніе, пища, одежда — все это было предметомъ изслѣдованія упомянутаго «отдѣленія» и найдено въ крайне плачевномъ состояніи. Сахаро-заводчики, въ большинствѣ случаевъ, не-

сами нанимают рабочих, а обращаются къ подрядчикамъ, которые обязуются поставить известное количество рабочих съ содержанием отъ себя. Эти посредники, при содѣйствіи сельскихъ расправъ и волостныхъ правленій, вербуютъ деревенскій людъ и платятъ ему всегда меньше, чѣмъ слѣдуетъ. Кроме того, они обираютъ рабочихъ и другими способами. Такъ въ нѣкоторыхъ заводахъ устроены шинки, лавочки и проч.: что касается штрафовъ, то тутъ царитъ полнѣйшій произволъ. По словамъ «киевского отдѣленія по свекло-сахарной промышленности», бывали такіе факты, что подрядчикъ подавалъ мировому судѣ заявление о взысканіи съ нѣкоторыхъ рабочихъ по 51 руб. штрафа. Еще фактъ; характеризующій значеніе подрядчика на сахарныхъ заводахъ. П. П. Чубинскій, въ своемъ докладѣ «о рабочихъ», говоритъ, что онъ видѣлъ у одного подрядчика нѣсколько условій по разнымъ волостямъ: одной партіи рабочихъ онъ обязался давать 12 фун. мяса на человѣка въ мѣсяцъ, другой только 8 фун.; одной обязался давать сушеную рыбу въ постъ, другой нѣтъ; то же и съ другими продуктами питанія. Словомъ, подрядчики немилосердно обираютъ рабочихъ. Что касается пищи, которою кормятъ подрядчики рабочихъ на заводѣ, то и тутъ, по замѣчанію «киевского отдѣленія по свекло-сахарной промышленности», они стараются выгодать на всемъ; тухлая мука, дурное мясо, плохое сало, постное масло съ водой и т. п. — вотъ чѣмъ угощаетъ подрядчикъ рабочихъ. Вообще, система найма рабочихъ подрядчиками признана кievскимъ «отдѣленіемъ» за самый «отвратительный видъ торговли человѣческимъ трудомъ, человѣческою работою силой», а потому рѣшено ходатайствовать предъ правительствомъ о недопущеніи такого экономическаго зла. Кроме того, оно постановило, чтобы на заводахъ имѣлись бани, купальни, прачки, больницы, тюфляки и проч. Наконецъ, для болѣе точнаго и всесторонняго изслѣдованія этого вопроса, избрана была коммиссія изъ нѣсколькихъ заводчиковъ, на которую возложена была обязанность разработать, между прочимъ, проектъ устройства хозяйственной части на заводѣ артелью, опредѣленіе величины штрафовъ, разбирательство дѣлъ рабочихъ между собой и служащими и т. д. Но... этимъ дѣло и кончилось... Разработка рабочаго вопроса осталась, по-прежнему, на бумагѣ, а эксплуатація и произволъ царятъ на сахарныхъ заводахъ въ полной силѣ до настоящаго времени. Въ 1880 году, при проѣздѣ бывшаго министра финансовъ, г. Грейга, черезъ Кіевъ, заводчики опять подняли старый вопросъ и сдѣлали объ этомъ заявленіе, но дѣло не подвинулось впередъ ни на шагъ. Въ февралѣ 1881 года однимъ изъ мѣстныхъ горнозаводчиковъ снова поднять былъ въ техническомъ обществѣ вопросъ — «о мѣрахъ для установленія взаимныхъ отношеній между рабочими и нанимателями»; инициаторъ вопроса предлагалъ избрать «коммиссію», которая бы успѣленно ходатайствовала предъ правительствомъ о закрѣпленіи выработанныхъ въ этомъ отношеніи мѣръ законодательнымъ порядкомъ. Что сдѣлала коммиссія, намъ неизвѣстно.

Очень можетъ быть, что и эта коммиссія усѣетъ не больше, чѣмъ коммиссія семидесятыхъ годовъ. Кроме того, мѣстное техническое общество на предстоящей въ 1882 году мануфактурной выставкѣ намѣрено предложить на обсужденіе представителей россійской промышленности обшій и основной вопросъ—«объ условіяхъ найма рабочихъ, которыя обезпечивали бы правильное отношеніе между ними и заводчиками». Заботы объ урегулированіи отношеній между рабочими и хозяевами вызываются безотраднѣмъ положеніемъ рабочихъ, не допускающимъ мысли о возможности продолженія теперешняго порядка. Южные рабочие, въ особенности рабочие на свекло-сахарныхъ заводахъ, дошли до такой степени нищеты и порабощенія, что самый видъ ихъ возмущаетъ человѣческое сердце и громко взываетъ о необходимости оградить рабочаго отъ эксплоатациі его труда, дошедшей до послѣднихъ предѣловъ возможности. Такъ, наприимѣръ; осенью прошлаго года изъ Житомира писали газетѣ *Заря*, что о положеніи крестьянъ-рабочихъ на свекловичныхъ плантаціяхъ мѣстнаго крупнаго капиталиста Т—а свидѣтельствуетъ самый видъ работницъ—съ почернѣвшими до неузнаваемости лицами, какъ бы покрытыми корою землянаго цвѣта, съ опухшими и глубоко-растрескавшимися руками, въ измокшихъ, порванныхъ свиткахъ. Помѣщеніе и пища рабочихъ крайне неудовлетворительны. Уходящія съ плантаціи женщины обыкновенно даютъ зарокъ не только самимъ не заниматься на *буряки*, но не допускать къ тому и дѣтей своихъ. Но нужда заставляетъ забывать этотъ зарокъ, и приказчики Т—а, также какъ и другихъ землевладѣльцевъ, законтрактовываютъ рабочихъ въ самую тяжелую для нихъ пору года на условіяхъ крайне невыгодныхъ, такъ что рабочій день значаще осени обходится рабочему въ 25 коп. за самую тяжелую, чисто-египетскую, работу. Относительно контрактовъ, которые заключаются въ юго-восточной Россіи между рабочими и нанимателями, можно имѣть понятіе по слѣдующему образцу, приводимому мѣстными газетами: «во все время работы состою въ полномъ распоряженіи и повинненіи приказчика и не имѣю права отказываться отъ работъ по ночамъ, не только тѣхъ, для которыхъ нанялся, но и всякихъ другихъ, и не имѣю права праздновать воскресныхъ и праздничныхъ дней».—Недобросовѣстность нанимателей доходитъ до того, что они, требуя отъ рабочихъ труда, въ то же время отказываютъ имъ въ мало-мальски годной въ употребленію пищи. Для примѣра укажемъ на дѣло инженера Чернявскаго съ рабочими, разбиравшееся въ августѣ прошлаго года у мирового судьи 1-го участка города Кіева. Въ исковомъ прошеніи повѣренный 16-ти рабочихъ объясняетъ, что рабочіе договорены были работать на кирпичномъ заводѣ въ с. Пироговѣ, причемъ Чернявскій обязался отпускать имъ хорошую пищу; но обязательства своего онъ не исполнилъ и кормилъ рабочихъ негодными и вредными для здоровья продуктами, что констатировано было мировымъ съѣздомъ, приговорившимъ Чернявскаго къ аресту на одинъ мѣсяць. При такихъ условіяхъ рабочіе не могли продол-

жать занятіе на заводѣ и вынуждены были оставить работу еще въ іюнь мѣсяцѣ 1881 года. Чернявскій наотрѣзъ отказался возвратить имъ паспорта, которыхъ и дѣйствительно не возвращалъ, вопреки требованіямъ полиціи. Безъ документовъ на жительство рабочіе бродили по городу и его окраинамъ, лишеныя возможности пріискать занятія, такъ какъ безпаспортныхъ никто на службу не принимаетъ. Каждый изъ рабочихъ долженъ былъ продать остатки бѣлья, обуви и проч., чтобы только кое-какъ прокормиться, и такимъ образомъ понесъ убытокъ не менѣе 10 руб., а всѣ 16—не менѣе 160 руб. Въ виду этого, повѣренный просилъ отобрать отъ Чернявскаго 16 видовъ на жительство и взыскать съ него убытки 160 руб. съ судебными издержками. Къ разбору дѣла Чернявскій, разумѣется, въ видахъ проволочки, не явился, вслѣдствіе чего дѣло разрешено заочно. Допрошенный на судѣ свидѣтель подтвердилъ исковыя требованія. Судья постановилъ отобрать отъ инженера Чернявскаго 16 документовъ и взыскать съ него въ пользу рабочихъ 160 руб. и судебныхъ издержекъ 12 руб. Рѣшеніе объ отобраніи паспортовъ подвергнуто предварительному исполненію.

Въ Московской губерніи общественное сознаніе необходимости прійти на помощь фабричнымъ работникамъ вызвало со стороны губернскаго земства замѣчательно цѣнные труды по санитарному изслѣдованію фабричныхъ заведеній, а со стороны московскаго генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова—учрежденіе особой комиссіи для осмотра заводовъ и фабрикъ въ Москвѣ. Не касаясь здѣсь изданныхъ губернскимъ земствомъ замѣчательныхъ трудовъ д-ра Эрисмана и г. Погожева по изслѣдованію быта рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ Московской губерніи, мы для характеристики положенія здѣшнихъ рабочихъ приведемъ только небольшую выписку изъ московской корреспонденціи газеты *Новости* относительно экономическаго положенія фабрично-рабочаго населенія Дмитровскаго уѣзда: «Отношенія хозяевъ къ рабочимъ настолько извѣстны каждому, такъ основательно выяснены въ печати, что повторять ихъ значило бы пѣть одну и ту же монотонную скорбную пѣсню, конца которой въ близкомъ будущемъ не предвидится. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ, на примѣръ, такой фактъ: цѣнность ржаной муки понизилась въ Дмитровскомъ уѣздѣ до 1 руб. 10 коп. за пудъ, а хозяева-фабриканты, отпуская муку рабочимъ, ставятъ имъ въ счетъ по 1 руб. 75 коп. и даже по 1 р. 85 к. за пудъ. Развѣ это не грабежъ самый очевидный и поразительный?

«Мы всѣ въ долгу, — говорили недавно рабочіе стекольнаго завода М. А. Добровольскаго, — насъ обираютъ, сколько можно. Хлѣбъ стоитъ рубль, а хозяинъ беретъ два». Это—горькая правда!

«Если принять во вниманіе тахішум заработка каждаго рабочаго въ 20 рублей ежемѣсячно, то мінішум вычета изъ него составитъ болѣе $\frac{2}{3}$, т.-е. около 14—15 руб. въ мѣсяцъ. Большинство рабочихъ не имѣетъ порядочной одежды, живетъ на половину впроголодь и отъ истощенія

силъ и другихъ антигигіеническихъ условій преждевременно сходить въ могилу. «Фабричный людъ пьянствуетъ». «Фабричный людъ развращенъ»! Такіе отзывы не новость, но справедливы ли они и исходятъ ли отъ людей, близко изучившихъ положеніе фабричнаго рабочаго?—Это болѣе чѣмъ сомнительно. Можетъ быть въ городахъ и дѣйствительно представляется больше соблазна затратить непроизводительно тяжелымъ трудомъ нажитыя деньги, но въ селеніяхъ такая трата мыслима только въ праздники. Но чтобы тратить, нужно имѣть, а у рабочаго сельской фабрики почти никогда ничего не бываетъ. Здѣсь эксплуатація его доходитъ до такихъ размѣровъ, что на немъ вполне оправдывается легенда о неразмѣнномъ рублѣ. Для нѣкоторыхъ фабрикантовъ Дмитровскаго уѣзда рабочій, дѣйствительно, неразмѣнный рубль. Трудомъ рабочихъ они пользуются бесплатно, да еще такъ обставляютъ ихъ, что они, не получая ничего, остаются должными хозяину. Болѣе половины заработка рабочій тратитъ на харчи, обыкновенно продаваемые на 50—60 проц. выше лавочныхъ цѣнъ; часть денегъ уходитъ на различные штрафы и вычеты и только самыя жалкіе остатки предназначаются для семейства, да и тѣ нерѣдко оставляются въ кабакѣ, содержимомъ, опять-таки, тѣмъ же услужливымъ хозяиномъ. Послѣ этого понятно, что рабочій для хозяина—именно рубль неразмѣнный. Сколько бы ни тратили этотъ рубль, онъ снова очутится у прежняго владѣльца.

«26 февраля корреспондентъ былъ свидѣтелемъ ужасающей нищеты въ семействѣ фабричнаго Боровкова, въ дер. Ковшиной. Боровковъ долженъ былъ одному торговцу небольшую сумму денегъ за провизію для домашнихъ. Требовалось составить опись имущества отвѣтчика. Имущества!! Лохмотья, называемыя одеждой, полунагія дѣти, полуразрушенная изба и блѣдная, точно высохшая женщина, жена Боровкова—вогъ богатство, представившееся глазамъ моимъ.

«Живемъ мы, батюшка, бѣдно, — говорила жена отвѣтчика, — охъ, какъ бѣдно! Соли купить не на что... Всѣ въ долгу. Мужъ получаетъ 15 руб. въ мѣсяцъ, а что на нихъ подѣлаешь? Вишь семья - то какая—малъ мала меньше...—И, какъ бы въ раздумьи, добавила:—Да и вычеты большіе, а кромѣ того и харчи дороги». Ни о пьянствѣ, ни о другихъ тратахъ, свойственныхъ рабочимъ, женщина не заикнулась. Такова картина семейнаго положенія фабричныхъ «Покровской мануфактуры», самой богатой въ уѣздѣ».

Не въ лучшемъ положеніи находятся рабочіе и въ самой Москвѣ, какъ это видно изъ слѣдующаго сообщенія, недавно напечатаннаго въ *Русск. Вѣд.*: «Московскій оберъ-полицеймейстеръ, генералъ Янковскій, вскорѣ по вступленіи въ должность, обратилъ особенное вниманіе на санитарныя условія помѣщеній рабочихъ при торговыхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ. Еще 28 сентября 1881 года онъ лично осматрѣлъ помѣщеніе рабочихъ при булочной купца Алексѣева, состоящей во 2 участкѣ Яузской части,

и въ результатъ оказалось, что проходъ въ помещеніе—темный, тѣсный, до крайности грязенъ и наполненъ зловоніемъ отъ устроенной вблизи ретиралы, изъ которой даже просачивались жидкости; самое помещеніе въ высшей степени неопратно; стѣны не выбѣлены и покрыты грязными пятнами; воздухъ, при бывшихъ въ то время открытыми окнахъ, найдень едва сноснымъ и при закрытыхъ окнахъ долженъ быть душнымъ. Тогда же генералъ Янковскій, указавъ участковымъ приставамъ на такое неприглядное состояніе помещеній для рабочихъ, поручилъ осмотрѣть всѣ заведенія и если будетъ найдена такая же неопратность, то принять мѣры къ приведенію и содержанію помещеній для рабочихъ въ надлежащемъ порядкѣ и чистотѣ. Но не такъ же сочувственно отнеслись къ этому благому предпріятію, участковые пристава. Слѣдя по получаемымъ отъ приставовъ донесеніямъ за ходомъ осмотра заведеній, генералъ Янковскій, время отъ времени, самъ лично заѣзжалъ въ нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, 10 декабря того же года, онъ заѣхалъ на ситце-набивную фабрику Цицель, состоящую во 2 участка Пятницкой части. Въ виду обширныхъ оборотовъ этой фабрики, славящейся богатствомъ, онъ надѣялся встрѣтить образцовыя помещенія для рабочихъ, вполнѣ приспособленныя къ санитарнымъ условіямъ, но долженъ былъ разочароваться: спальни для рабочихъ оказались крайне неудовлетворительны; рабочіе помещены въ нихъ чрезвычайно тѣсно; проходы между рядами сплосныхъ наръ не болѣе одного аршина; воздухъ въ высшей степени спертый; допущена крайняя неопратность; выходовъ весьма мало; фабричная больница устроена въ одной маленькой, душной комнатѣ, гдѣ въ то время, въ числѣ другихъ больныхъ, было двое тифозныхъ. 9 же марта онъ посѣтилъ въ Таганкѣ серебряное заведеніе крестьянина Соколова. Тамъ найдена была та же неопратность въ помещеніяхъ и то же равнодушіе къ положенію рабочихъ: спальная комната 12 проживающихъ мальчиковъ была найдена настолько тѣсною, что надобно удивляться, какъ могли дышать помещающіеся тамъ; мальчики спали по двое на одной кровати. Между тѣмъ, какъ видно изъ отдавнаго имъ на дняхъ приказа до полиціи, участковый приставъ, по представляемымъ въ домостамъ, показывалъ заведеніе это въ удовлетворительномъ состояніи, кромѣ лишь того, что нѣтъ въ мастерской вентиляціи».

Для характеристики положенія фабричныхъ работниковъ въ подмосковномъ районѣ, мы остановимся только на фабрикахъ г. Хлудова, которыя, въ послѣднее время, приобрѣли достаточно большую извѣстность. Изъ нихъ Ярцевская мануфактура—хлопчатобумажная и ткацкая фабрика въ Смоленской губерціи—давала работу слѣдкомъ 3 тысячамъ рабочимъ. Въ 1880 году она прославилась стачкою и забастовкою рабочихъ, вызванною пониженіемъ заработной платы на 10%. Забастовка тотчасъ окончилась, какъ только хозяинъ и нарочно прѣхавшій на фабрику губернаторъ объявилъ рабочимъ, что не будетъ сдѣлана сбавка 10 проц.

съ заработной платы. Рабочіе повѣрили имъ и спокойно разошлись, чтобы по-прежнему приняться за работу. Но утромъ, когда увидалъ губернаторъ, 10-процентная сбавка была оставлена въ прежней силѣ и только были приняты мѣры противъ возможности повторенія забастовки рабочихъ. О возмутительныхъ порядкахъ на Ярцевской мануфактурѣ корреспондентъ *Страны* въ прошломъ году сообщалъ слѣдующія вѣдѣнія: «Фабрика эта, по своимъ несчастіямъ съ рабочими, выдается сильно изъ ряду своихъ товаровъ, несмотря на свою еще молодость, — ей 7 лѣтъ, слѣдовательно, возрастъ младенческой. Преданій насчетъ калѣченій, кажется, не должно быть, а они, эти послѣднія, въ больномъ здѣсь ходу. Мыъ неизвѣстенъ медицинскій отчетъ этой фабрики, также неизвѣстно, составляется ли онъ кѣмъ-нибудь, но за случаи, долетающіе до меня, я ручаюсь, а случаевъ этихъ масса. Не проходитъ дня на фабрику Хлудова, чтобы не былъ испорченъ человекъ. Да, это фабрика хлопчатобумажная, ткацкая и — калѣченія. Въ этомъ году, въ виду прошлогодней исторіи, рабочихъ новичковъ очень много; съ ними — неизбѣжная непривычность къ осторожности, неумѣнье обращаться съ машинами и незнаніе, какія части машинъ особенно долблываютъ человеческое мясо и кости. Кроме того, директоръ фабрики въ нынѣшнемъ году особенно охотно принимаетъ на фабрику дѣтей и подростковъ, въ виду, опять же, неизбѣжныхъ выгодъ хозяина. Теперь я вспоминаю два случая, бывшіе недавно на этой фабрикѣ. Анемичный, слабый 11-лѣтній мальчикъ былъ обыкновенно раздавленъ прядильною машиною. Это характерный случай для внутренняго хозяйства фабрики. А вотъ другой — характерный и для наружнаго. Трубой, пущенною съ крыши фабрики, убитъ тоже наповалъ 6-лѣтній крошка. Первый былъ хоть производитель современной русской мануфактуры, поддерживалъ честь и славу ея, — значитъ, погибъ не за даромъ. Но зачѣмъ же 6-лѣтнихъ убивать, и такимъ еще упрощеннымъ способомъ? Видите, въ чемъ тутъ было дѣло. Снималась съ фабрики деревянная вентиляціонная труба, чтобы замѣнить ее желѣзною. Такъ, вотъ, сперва я была спилена первая и брошена съ крыши 5-этажнаго корпуса на гулявшихъ около фабрики людей; въ результатъ расколотый черепъ ребенка и 100 рублей награжденія матери за этотъ черепъ. Отбивайте расколотый черепъ въ 100 рублей, но зачѣмъ же быть, хоть въ вашей рамкѣ, гг. дѣльцы, несправедливыми относительно раздавленнаго машиною, матери котораго выдали только 25 руб.? Или въ этомъ послѣднемъ случаѣ все можно сложить на безответную и уходящую отъ опредѣленія собственную неосторожность 11-лѣтняго, слабого ребенка? Мыъ думаемъ, тутъ есть доля несправедливости, также какъ и въ массахъ другихъ безответственныхъ калѣченій, которыя на фабрику Хлудова ставятся уже ни во что». Недавно пожаръ истребилъ эту фабрику, которая по-настоящему могла быть названа могилкою рабочихъ. Пожаръ обнаружилъ чрезвычайно дурное устройство фабрики и, въ особенности, былъ замѣчате-

день тѣмъ, что, по распоряженію заводской администраціи, рабочіе были заперты на ключъ въ горѣвшемъ зданіи, отчего многіе погибли прежде, чѣмъ двери были выломаны и отперты насильно отнятымъ у управляющаго ключомъ. Объ этомъ чудовищномъ пожарѣ было произведено слѣдствіе, которое однако ничего не обнаружило. Но вслѣдъ за тѣмъ, по словамъ корреспондента *Недѣли*, директоръ тюремнаго отдѣленія, съ предводителемъ дворянства во главѣ, обрѣли въ духовщинскомъ острогѣ драгоценную находку: въ одной изъ камеръ сидѣлъ нѣкто Лебедевъ, арестованный въ Ярцевѣ послѣ пожара за то, что не имѣлъ паспорта, хотя это не мѣшало ему работать на фабрикѣ до пожара, вмѣстѣ съ другими. Вотъ этотъ-то Лебедевъ, въ присутствіи всѣхъ директоровъ, показавъ, что онъ видѣлъ, какъ слесаря одну дверь отбили, а другую отворили ключомъ, отнятымъ у Миленича, которому предварительно нанесли оскорбленіе. По предложенію г. Гурки (предводителя), земское собраніе постановило ходатайствовать о возобновленіи судебного слѣдствія о пожарѣ при участіи представителей отъ земства. Не лучшей извѣстностью пользуется и другая бумаго-прядильная фабрика гг. Хлудовыхъ въ гор. Егорьевскѣ, Рязанской губерніи. По словамъ корреспондента *Русскаго Курьера*, на этой фабрикѣ, гдѣ насчитывается до пяти тысячъ рабочаго люда, помѣщенія для рабочихъ положительно невозможны. Комнатка въ 15—18 куб. саж. въ два, а иногда и въ одно окошечко предназначается для 8 человекъ. Случается, что въ такой конурѣ живутъ двѣ семьи. Здѣсь вы не найдете ни одного здороваго ребенка,—всѣ они блѣдные, болѣзненные, заморенные. Причины лежатъ въ непосильномъ трудѣ для дѣтей (12 часовъ въ сутки, по 6 въ каждую смѣну), въ дурныхъ гигиеническихъ условіяхъ фабрики и жилыхъ помѣщеній. А между тѣмъ плату нельзя считать высокой: дѣвочка въ 14—15 лѣтъ за 12-часовую работу получаетъ въ мѣсяцъ максимумъ 7 руб. Изъ этихъ денегъ вычитаютъ за больницу, за баню — всего 75 коп., кромѣ того и штрафы въ ходу.

Бѣдственное положеніе фабричныхъ работниковъ и возмутительныя злоупотребленія и произволъ хозяевъ хотя давно обращали на себя вниманіе общества, но только въ прошломъ году сдѣлались предметомъ серьезныхъ заботъ правительства и приобрѣли значеніе важнаго государственнаго вопроса. Причиной этого было то, что рабочій вопросъ сильно обострился подъ вліяніемъ неурожая 1880 года и послѣдовавшаго за тѣмъ промышленнаго кризиса. Нѣкоторое оживленіе промышленности по окончаніи русско-турецкой войны продолжалось очень не долго. Уже весной 1880 года былъ замѣченъ застой въ торговлѣ, который все увеличивался по мѣрѣ того, какъ надежды на урожай становились все слабѣе и слабѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ фабрики и заводы стали сокращать свои обороты, распускать рабочихъ и уменьшать заработную плату. Это сокращеніе работъ и уменьшеніе заработной платы имѣли въ особенности важное значеніе для Моск-

вы и Московской губерніи, которыя по количеству фабричныхъ заведеній и числу рабочихъ занимають первенствующее мѣсто въ Россіи. Изъ собранныхъ въ министерствѣ финансовъ точныхъ и подробныхъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности по всѣмъ губерніямъ Европейской Россіи за послѣднее время, между прочимъ, видно, что, по суммѣ производства и числу рабочихъ, губерніи эти располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ. Первое мѣсто принадлежитъ Московской, гдѣ сумма производства выражается цифрою — 190.494.200 руб., число же рабочихъ доходитъ до 162.701 человѣка. Затѣмъ идутъ губерніи: С.-Петербургская (сумма производства 155.746.900 руб., число рабочихъ—76.833), Владимирская (сумма производства 83.743.200, число рабочихъ—81.861), Бѣвская (сумма производства 24.444.300, число рабочихъ—6.838), Тверская (22.108.700 руб. составляютъ сумму производства при 20.538 рабочихъ). Далѣе слѣдуютъ губерніи: Костромская, Лифляндская, Херсонская и затѣмъ уже остальные 42 губерніи. Сумма производства первой выражается цифрою 20.270.500 руб., при общемъ числѣ рабочихъ въ 21.494, второй—20.106.400 руб., при числѣ рабочихъ въ 12.840 человѣкъ, третьей—20.070.500 руб., при 5.509 рабочихъ, и затѣмъ по остальнымъ—261.015.300 рублями, при общемъ числѣ рабочихъ въ 222.276 человѣкъ. Такимъ образомъ, сумма производства по всѣмъ губерніямъ Европейской Россіи выражается цифрою—798 миллионъ рублей, число же рабочихъ доходитъ до 610.890 человѣкъ. Затѣмъ изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что во члену рабочихъ фабрики и заводы С.-Петербургской, Московской и Владимирской губерній (сумма производства которыхъ составляетъ половину всего фабричнаго производства въ Россіи) распределяются слѣдующимъ образомъ: въ первой изъ наванныхъ губерній (С.-Петербургской) число заводовъ и фабрикъ, имѣющихъ свыше 500 рабочихъ, опредѣляется въ 32, во второй (Московской) въ 66, въ третьей (Владимирской) въ 42; затѣмъ имѣющихъ отъ 200 до 500 рабочихъ: въ С.-Петербургской губерніи—47, Московской.—28 и Владимирской — 37. Далѣе, имѣющихъ отъ 100 до 200 рабочихъ—74, 140 и 46; отъ 50 до 100 рабочихъ—87, 169 и 81; отъ 16 до 50 рабочихъ—194, 321, 92, и, наконецъ, менѣе 16 рабочихъ—308, 893 и 190. Такимъ образомъ, общее число фабрикъ и заводовъ въ губерніи С.-Петербургской—742, Московской—1.527 и Владимирской—488. Такъ какъ въ Москвѣ и Московской губерніи находится больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, фабричныхъ заведеній и рабочей массы, отличается особенною многолюдностью, то понятно, что застой въ промышленности здѣсь долженъ быть имѣть особенно важное значеніе, поставивъ массу рабочихъ семействъ въ тяжелое, почти безвыходное положеніе. Еще весной 1880 года въ Гуслинцахъ, Московской губерніи, гдѣ население погодною занято тканьемъ бумажныхъ товаровъ на мѣстныхъ фабрикахъ, рабочая масса начала подниматься, дойдя послѣ Нижегородской ярмарки до послѣдней крайности, а именно

повысилась на 30%. Зимой 1880 года въ Бронницкомъ уѣздѣ, Московской губерніи, закрылись многія ткацкія миткаля. Въ селѣ Озерахъ, Боложского уѣзда, обавка заработной платы вызвала забастовку 600 придельниковъ на фабрикѣ Щербаковыхъ. Въ Богородскомъ уѣздѣ застой въ промышленности дошелъ до такой степени, что многія фабрики, особенно въ Дороковской и Ильинской волостяхъ, совсѣмъ приостановили работы: фабричныя рабочіе впали въ бѣдственное положеніе; не говоря уже о пришлому людѣ изъ сосѣднихъ Рязанской, Тульской и Калужской губерній, даже мѣстные жители были поставлены въ крайне стѣсненное положеніе по случаю сокращенія заработка. Сокращеніе работъ на фабрикахъ и заводахъ повело къ усиленію нищенства, которое и безъ того было значительно развито въ Москвѣ и Московской губерніи. По свѣдѣніямъ «комиссіи для обсужденія вопроса о призрѣніи нищихъ въ сельскихъ и городскихъ обществахъ и способовъ призрѣнія лицъ, не приписанныхъ ни къ какимъ обществамъ», оказывается, что общее число нищихъ въ 54 губерніяхъ, 9 областяхъ и 8 городахъ, отсюда получены данныя, составляетъ 293.445 человекъ обоаго пола. Изъ нихъ дворянъ 3.235, духовнаго званія—3.491; купеческаго сословія—20; мѣщанъ—43.434, крестьянъ—181.932, отставныхъ нижнихъ чиновъ и ихъ семействъ—11.343 и различныхъ несобственныхъ наименованій—35.039. Изъ общаго числа нищихъ наибольшая цифра приходится на г. Москву—25³/₄ тысячъ, загѣмъ слѣдуютъ губерніи: Лифляндская—16 тысячъ; Курляндская и Московская—по 15 тысячъ, г. Варшава—14 тысячъ, губерніи Нижегородская и Вятская—по 10 тысячъ. По сословіямъ наибольшій контингентъ нищихъ изъ дворянъ представляетъ Москва. По свѣдѣніямъ доставленнымъ комиссіей мѣстными властями, число нищихъ въ Московской губерніи постоянно увеличивается. Одной изъ причинъ такого увеличенія числа нищихъ, по свѣдѣніямъ, были упадокъ торговли и фабричнаго производства, соединенный съ закрытіемъ фабрикъ. Въ концѣ 1880 года въ Москвѣ г. Мейнъ сдѣлалъ заявленіе комитету о просищихъ милостиню, что необходимо усилить благотворительную дѣятельность «въ виду тяжелаго положенія, переживаемаго бѣднымъ классомъ городского населенія, вследствие непомѣрнаго удорожанія цѣны на хлѣбъ», и также въ виду того, что «вслѣдствіе финансоваго кризиса нѣкоторыя подмосковныя заводы и фабрики прекращаютъ, а очень многіе значительно сокращаютъ свою дѣятельность и остаются безъ средствъ къ жизни рабочіе идутъ въ Москву искать себѣ дневнаго пропитанія». Вслѣдствіе непрекращающейся дороговизны и общаго упадка дѣлъ, число нищихъ въ Москвѣ все продолжало увеличиваться въ 1881 году. Такъ въ теченіе перваго полугодія 1881 года въ московскій комитетъ о просищихъ милостиню было доставлено полиціей 2.006 человекъ, возвращено изъ больницы 61; изъ отпуска ссуда 27; принято по резолюціи президента и вице-президента комитета 27, прислано изъ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора и другихъ

мѣсть 13 и оставалось въ распоряженіи комитета къ 1 января 1882 года 211 человекъ. Всего же поступило 2.375, тогда какъ за весь прошлый годъ общее число поступившихъ въ комитетъ было всего 2.009 человекъ. При этомъ кстати отмѣтимъ, что по свѣдѣніямъ коммисіи для обсужденія вопроса о приарѣніи нищихъ, опубликованнымъ въ 1881 году, число нищихъ въ г. Керчи и губерніяхъ Петербургской и Саратовской увеличилось вслѣдствіе недостатка работъ по случаю наплыва рабочихъ изъ другихъ мѣсть, въ Гродненской губерніи—отъ упадка торговли и фабричнаго производства въ связи съ закрытіемъ фабрикъ, въ Уральской области—отъ недостатка заработка для пришлыхъ рабочихъ.

Переходя изъ Московской губерніи въ соседнюю Владимірскую, мы видимъ, что зимою 1880—81 гг. въ Александровскомъ уѣздѣ плата ткачамъ за штуку была понижена съ 1 р. 10 к. на 80 к., отчего зимній заработокъ ткача уменьшился на 8—10 руб. Производство бархата, атласа и фая значительно сократилось. Послѣ Нижегородской ярмарки многіе свѣтелочники настолько сократили число рабочихъ, что около половины кустарниковъ остались безъ занятія. Въ особенности славится во Владимірской губерніи село Орѣхово-Зуево, многолюдный фабричный центръ. Прежде это было незначительное мѣстечко, которое съ проведеніемъ Нижегородской желѣзной дороги начало быстро возрастать. Въ настоящее время населеніе этого фабричнаго городка простирается до 30.000 человекъ. Здѣшнія крупныя фабрики наследниковъ знаменитаго русскаго мануфактуриста Саввы Морозова, В. Е. Морозова, братьевъ Зининыхъ и Новосадова ежегодно привлекаютъ сюда новыя тысячи рабочихъ — постоянный приростъ населенія, такъ какъ всѣ почти рабочіе осѣдаютъ здѣсь. Молодое фабричное поколѣніе, выросшее на фабрикѣ и воспитанное въ фабричной атмосферѣ, не имѣетъ почти никакого понятія о земледѣльческомъ трудѣ, хотя по документамъ и числится земледѣльцами. Такимъ образомъ выработался особый типъ фабричнаго, ничего не знающаго, кромѣ ежедневнаго труда и субботнихъ шабашей. Изъ этого-то Орѣхова-Зуева зимою 1880—81 гг. сначала писали въ газеты, что туда то и дѣло все прибываютъ новыя массы крестьянъ изъ Рязанской, Тульской и Калужской губерній, ища заработковъ; средней руки фабриканты открыто понижали заработную плату, а крупныя фабричныя администраціи, имѣющія отъ 10 до 12 тысячъ рабочихъ, достигали пониженія заработной платы, безъ уменьшенія нормы ея, усиленіемъ и большею строгостью штрафовъ. Но вскорѣ за тѣмъ были получены извѣстія изъ Орѣхова-Зуева, что, вслѣдствіе отсутствія спроса на товаръ, фабрики, даже принадлежащія такимъ солиднымъ фирмамъ, какъ гг. Морозовыхъ, стали значительно сокращать работы и толпы рабочихъ изъ дальнихъ губерній, безъ копѣйки денегъ, направились вонъ изъ Орѣхова-Зуева. Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ распущены по крайней мѣрѣ 3% рабочихъ, что составляетъ нѣсколько сотъ голодныхъ ртовъ. Въ Твери на фабрикахъ Морозова и

Берга часть рабочихъ была распушена, а оставшимся заработная плата понижена на 20%. Въ слесарныхъ мастерскихъ, какъ на фабрикахъ, такъ и при желѣзной дорогѣ, заработокъ сократился, вслѣдствіе того, что послѣпраздничные дни перестали считаться рабочими днями. Во Ржевѣ остановилась пряжа ценьки, по случаю плохого сбыта товара, отчего 12 тысячъ прядильщиковъ едва могли кое-какъ поддерживать голодное существованіе. Въ Калугѣ, по случаю полного застоя въ торговлѣ, рабочіе были поставлены въ невозможность найти какое-нибудь занятіе. Въ Клинцахъ, Черниговской губерніи, въ промышленномъ центрѣ, извѣстномъ производствомъ суконныхъ издѣлій, въ ноябрѣ 1880 года сгорѣли двѣ суконныя фабрики, отчего 1.500 рабочихъ остались безъ работы и хлѣба. Въ то же время на остальныхъ суконныхъ фабрикахъ крупныя фабриканты были принуждены прекратить ночную работу, а мелкіе почти совсѣмъ приостановили производство. Въ мѣстечкахъ Еленкѣ, Варанкѣ, Чуровичахъ и Лужкахъ, Черниговской губерніи, по свѣдѣніямъ коммисіи для обсужденія вопроса о призрѣніи нищихъ, въ послѣдніе годы усилилось нищенство вслѣдствіе упадка промышленности мануфактурными произведеніями, выдѣляваемыми въ этихъ мѣстностяхъ. Въ Самарѣ осенью 1880 года, вслѣдствіе наплыва рабочихъ рукъ изъ голодающихъ деревень и селъ, заработная плата на пристани понизилась съ 80 коп. и 1 рубля до 40 и 30 коп. Въ Саратовѣ цѣны на рабочія руки упали до такой степени, что рабочіе нанимались на винокуренные и маслобойные заводы по 4—5 р. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ хорчахъ изъ щей и каши. Потомъ плата упала до 2 р., и, наконецъ, прожившіеся въ городѣ и оставшіеся въ однихъ рубахахъ крестьяне стали поступать на заводы безъ жалованья изъ-за харчей, причемъ хозяева ухудшили пищу, замѣнивъ кашу картофелемъ. Но и при такихъ условіяхъ нѣсколько заводовъ должны были закрыться въ теченіе зимы. Портные съ мая остались безъ работы; хозяева мастерскихъ разсчитали массу мастеровъ, но и при этомъ очутились въ такомъ положеніи, что заложили швейныя машины; въ сентябрѣ до 30 хозяевъ занимались на пристани поденною работой. Весною, по открытіи навигаціи, заработная плата на рѣчной пристани поднялась было до 50 к. въ день, но векорѣ опять упала до 40 и наконецъ до 30 к. въ день. Цѣна на женскую прислугу понизилась до 1 руб. въ мѣсяцъ и все-таки масса работницъ осталась безъ работы и принуждена обратиться къ проституціи; по вечерамъ улицы были переполнены проститутками, которые осаждали прохожихъ горькими предложеніями. Въ посадѣ Дубовкѣ, Саратовской губерніи, собралось изъ деревень столько народа, ищущаго работы, что многіе согласны были работать изъ-за хлѣба, лишь бы прокормиться зиму, но никто не бралъ ихъ. Весною прошлаго года корреспондентъ *Московскаго Телеграфа* сообщалъ слѣдующія свѣдѣнія о положеніи рабочаго населенія въ Костромской губерніи: «Всеобщая дороговизна прекратила запросъ на фабричныя произведенія, конкуренція вновь изобрѣтенныхъ за-

граничныхъ мѣшковъ уменьшила портовые требованія и фабрики стали сокращать свое производство. Винокуренные заводы останавливаются и даже банкротятся вслѣдствіе недостатка въ хлѣбѣ. Заводы, которые не имѣютъ хлѣбныхъ запасовъ, будутъ въ состояніи возобновить винокурение не ранѣе, какъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ и, притомъ, не иначе, какъ изъ хлѣба, купленнаго въ поволжскихъ губерніяхъ. Не только запросъ фабрикъ на дрова уменьшился, но и люди расчитывались въ большомъ числѣ. Отчаяніе въ средѣ рабочаго населенія было такъ велико, что требовалось особенное искусство при расчетѣ рабочихъ, чтобы дѣло не дошло до бѣды. Уменьшеніе работъ маскировалось всевозможными приѣмами: напримеръ, на рабочихъ налагались беспощадные и часто явно несправедливые штрафы, а когда они начинали спорить, тогда имъ предлагали штрафъ съ нихъ сложить, но съ тѣмъ, чтобы они взяли расчетъ и удалились, удалявшихся же не замѣчали. Рынокъ все болѣе переполнялся свободными руками и голодными желудками, цѣны на трудъ понижались, а цѣны на хлѣбъ стояли на недосыгаемой высотѣ; морозы были жестокіе, и рассказывали о цѣлыхъ семействахъ, погибавшихъ отъ нужды... Въ Костромской губерніи фабрики расчитали третью часть своихъ рабочихъ. Въ городѣ Костромѣ 15% взрослога населенія нищенствуетъ, но этого не замѣчаютъ даже и тѣ, мимо оконъ которыхъ они проходятъ цѣлыми вереницами. Верхніе этажи домовъ стоятъ пустыми, подвальные набиваются людьми и цѣны на нихъ поднимаются; когда-то благоденствовавшіе рабочіе живутъ въ подвалахъ; мужчины, лишившіеся работы, содержатся женщинами и дѣлаются, ради хлѣба, помощниками прачекъ и т. п.». Въ Ярославскомъ уѣздѣ рабочіе напрасно искали работы на винокуренныхъ заводахъ и гдѣ бы то ни было. Извѣстное Мальцевское товарищество было вынуждено ходатайствовать о правительственной ссудѣ для поддержанія своихъ дѣлъ. Въ Ростовѣ на Дону коммерческія дѣла остановились, рабочіе лишились заработковъ, а между тѣмъ пришлое населеніе въ городѣ всѣ прибывало и прибывало. Изъ Таганрога и Николаева жаловались на тяжелое положеніе городского рабочаго люда, объясняемое затишьемъ въ торговлѣ.

Весною и лѣтомъ 1881 года, въ особенности, сдѣлалось замѣтно сокращеніе работъ на фабрикахъ въ Царствѣ Польскомъ. По словамъ варшавскихъ газетъ, весеннія политическія событія отозвались неблагоприятно на промышленность Привислянскаго края, вызывая застой въ продажѣ и заказѣ произведеній нѣкоторыхъ мѣстныхъ фабрикъ. Особенно фабрики Томашова и Эгержа, Петроковской губерніи, принуждены были отпустить многихъ работниковъ, сокращая свое производство; вслѣдствіе этого, въ административныхъ сферахъ края былъ поднятъ вопросъ, — для обезпеченія мѣстнаго рабочаго фабричнаго класса, въ виду почти безвыходнаго его положенія, отъ угрожающей нищеты и даже, быть-можетъ, голода, — доставленіи занятій тѣмъ изъ рабочихъ, которые теперь лишились заработка.

Хотя застой въ торговлѣ и промышленности отразился и на многихъ большихъ фабрикахъ въ Варшавѣ, такъ что одна изъ крупнѣйшихъ варшавскихъ фабрикъ, именно желѣзная—Лильпопа, Роу и Левенштейна, весной отпустила тысячу рабочихъ, но все-таки въ Варшавѣ недостатокъ въ способахъ заработка рабочимъ былъ не такъ чувствителенъ, какъ въ провинціальныхъ небольшихъ, но специально фабричныхъ городкахъ и посадахъ. Напримеръ, въ мѣстечкѣ Ружанахъ, Гродненской губерніи, по словамъ газеты *Новости*, находится шесть суконныхъ фабрикъ, которыя остановились по случаю крайняго застоя въ торговлѣ. Въ то время, когда ружанскіе фабриканты имѣли подрядъ на поставку темнозеленыхъ неворсованныхъ суконъ, они работали безостановочно, но съ 1880 года фабрики остались безъ дѣла. Значительное число рабочихъ осталось безъ работы, отчего многіе изъ нихъ принуждены протягивать руки за подаемъ. Точно также изъ Петрокова писали *Московскому Телеграфу*, что «купцы, влаждующіе суконными фабриками въ городѣ Томашовѣ, пришли къ убѣжденію, что барыши, получаемые ими, слишкомъ незначительны, такъ какъ имъ приходится выдерживать неоскльную, по ихъ мнѣнію, конкуренцію съ заграничными рынками, которые, доставляя къ намъ значительное количество готоваго платья, тѣмъ самымъ подрываютъ сбытъ сукна, выдѣлываемаго на ихъ фабрикахъ. Въ виду этого, они обратились къ правительству съ ходатайствомъ о возвышеніи покровительственныхъ пошлинъ; но такъ какъ почтенные коммерсанты, все-таки, народъ стыдливый и стѣснялись прямо сознаться, что они преслѣдуютъ интересы собственнаго кармана, то въ своемъ заявленіи они указывали на то обстоятельство, что при покровительственномъ тарифѣ, будто бы, поднимется и благосостояніе рабочихъ». Въ Радомской губерніи въ 1880 году было 247 фабрикъ и заводовъ, а именно: перерабатывающихъ произведенія царства растительнаго—109, царства животнаго—46 и ископаемаго—92. Изъ этого числа въ теченіе года закрылось 50; однихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ убавилось на 22.

Зима 1880—1881 года была особенно тяжела для рабочаго населенія Петербурга. Фабрики и заводы сокращали число рабочихъ и понижали заработную плату, а между тѣмъ масса рабочихъ рукъ со всѣхъ сторонъ стекалась въ столицу отыскивать заработка. Не находя ни работы, ни куска хлѣба, ни даже средствъ вернуться на родину, пришлые работники были вынуждены обратиться къ нищенству. Число нищихъ увеличилось чрезвычайно, такъ что по вечерамъ отъ нихъ не было прохода, и даже днемъ, на самыхъ многолюдныхъ улицахъ, они осаждали прохожихъ просьбами о подаваніи. Полиція оказывалась бессильною сдержать этотъ наплывъ нищихъ; мировые судьи были завалены дѣлами по обвиненію лицъ, задержанныхъ полиціей за прошеніе милостыни. Пришлые работники были рады получить какое бы то ни было занятіе, даже на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, лишь бы только прокормиться. Прежде Петербургъ сла-

вился высокими заработками, а теперь дѣло дошло до того, что нерѣдко бывали случаи найма домашней прислуги безъ жалованья изъ одного хлѣба. Между тѣмъ застой въ промышленности продолжался и фабрики все выпускали рабочихъ. Въ концѣ 1880 года на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ состояло рабочихъ 78.194 человѣка; это число можно увеличить въ полтора и даже два раза, если взять въ расчетъ рабочихъ на заведеніяхъ, не принадлежащихъ къ числу фабрикъ и заводовъ. Лѣтомъ 1881 года осталось на фабрикахъ и заводахъ 72.754 человѣка, такъ что въ короткій промежутокъ было отпушено 5.440 человѣкъ, да сверхъ того, за недостаткомъ работы, ожидался еще роспускъ болѣе 7.000 рабочихъ. Самые большіе заводы—и тѣ принуждены были сокращать производство. Таковъ, напримѣръ, Обуховскій пушечно-литейный заводъ, по числу рабочихъ и оборотамъ принадлежащій къ числу самыхъ большихъ заводовъ въ Петербургѣ. Стоимость его опредѣляется въ 7 милліоновъ, а обороты простираются за 3 милліона рублей. Прежде на Обуховскомъ заводѣ было болѣе 3.000 рабочихъ, а въ 1881 году ихъ осталось всего 2.000 человѣкъ. Такое же сокращеніе работъ происходило и въ окрестностяхъ Петербурга. Такъ въ августѣ 1881 года корреспондентъ *Порядка* писалъ изъ Кронштадта: «У нашего рабочаго люда два воскресенья въ недѣлѣ: одно настоящее, такое же, какъ у всѣхъ православныхъ людей на Русѣ; другое, непосредственно слѣдующее за нимъ, празднуется въ понедѣльникъ и почему-то называется *узкимъ* воскресеньемъ. Старинная поговорка, что понедѣльникъ—тяжелый день, у насъ теперь не имѣетъ никакого смысла. Въ прежнее время рабочій, погулявъ въ воскресенье, на другой день шелъ съ тяжелою головою на работу; по пути въ портъ или на литейный заводъ, онъ считалъ долгомъ завернуть въ кабагъ, чтобъ опохмѣдиться по русскому обычаю, а другой и совсѣмъ не являлся на работу. Отъ такой неисправности казна, конечно, терпѣла убытокъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась слѣшная работа, когда эта работа должна была производиться даже въ ночное время. Теперь, по случаю сокращенія расходовъ въ морскомъ министерствѣ, понедѣльникъ у насъ исключенъ изъ числа рабочихъ дней и самое число рабочихъ людей въ порту и на литейномъ заводѣ понемногу сокращается; говорятъ даже, что, въ видахъ экономіи, работы въ порту мѣсяца на два совсѣмъ будутъ прерваны. Положеніе рабочихъ у насъ, вообще, незавидное; въ большинствѣ случаевъ оно граничитъ съ бѣдностію и даже нищенствомъ. Поденная плата начинается отъ 60 коп. и доходитъ до 3 руб.; впрочемъ, послѣднюю плату получаютъ только такъ-называемые *указатели*, будь это сами англичане. Плата идетъ поденно. Теперь возьмемъ для примѣра текущій августъ мѣсяцъ: исключимъ изъ него воскресенье, понедѣльники и другіе праздники, и рабочихъ дней окажется всего 16; такимъ образомъ самый лучший мастерской получить жалованья за мѣсяцъ всего 48 руб. Прибавьте къ этому штрафы: рабочій, не явившійся на работу по неуважительной причинѣ,

не только не получает поденной платы, но долженъ, въ наказаніе, день проработать даромъ, если два дня не являлся, то проработать безъ всякаго вознагражденія два дня, и т. д. А между тѣмъ у насъ такая же дороговизна на всѣ жизненные предметы, какъ и въ Петербургѣ. Требуется крайняя бережливость и воздержность, чтобы сводить концы съ концами; среди же рабочихъ есть люди семейные: иной бьется-бьется съ нуждой и лишеніями, впадаетъ въ отчаяніе и съ горя начинаетъ пить, забывъ про жену и дѣтей. Стоитъ немножко присмотрѣться къ нашимъ рабочимъ, чтобы понять, въ какой суровой, тяжелой обстановкѣ живутъ они, какъ безотраднa ихъ жизнь. Ихъ блѣдныя, истощенныя лица прямо говорятъ, что они мало и плохо ѣдятъ, дышатъ дурнымъ воздухомъ и несутъ тяжелый трудъ; одѣжка у нихъ, большею частію, самая плохая; у другаго, вмѣсто сапоговъ, какіе-то ошметки; голова обыкновенно покрыта дрянной, засаленной фуражкой. Ихъ пища, жилище, самыя удовольствія и развлеченія, которыми они наполняютъ свой досугъ—все говоритъ о нуждѣ, нищетѣ, лишеніяхъ. И при такой-то горькой долѣ ни откуда не приходится къ нимъ умственного и нравственного просвѣтленія». Сокращеніе работъ на фабрикахъ и заводахъ и скопленіе въ Петербургѣ множества работниковъ, не находящихъ заработка и не имѣющихъ другихъ средствъ къ пропитанію, кромѣ общественной и частной благотворительности, вызвали сильную тревогу въ обществѣ. Какъ отголосокъ того испуга, въ какомъ находились имущественные классы въ Петербургѣ весною 1881 года, мы приведемъ слѣдующую замѣтку *Биржевыхъ Вѣдомостей*: «На нашемъ промышленномъ горизонтѣ стали появляться грозныя тучи. Сокращеніе дѣятельности и состава рабочихъ командъ перестало быть на нашихъ фабрикахъ единичнымъ явленіемъ; изъ провинціи получались въ послѣднее время довольно часто свѣдѣнія о закрытіи фабрикъ и распущеніи рабочихъ командъ въ главныхъ центрахъ промышленности. Въ Петербургѣ такихъ закрытій, благодаря дѣятельному участию правительства, до сихъ поръ не было. Быть рабочихъ и ихъ семействъ былъ болѣе или менѣе обезпеченъ, вслѣдствіе чего социалъ-демократическіе агенты среди петербургскихъ рабочихъ только въ рѣдкихъ случаяхъ находили благопріятную почву для своихъ ученій. Сегодня получено нами печальное извѣстіе. Вслѣдствіе полного отсутствія какихъ бы то ни было заказовъ и недостаточности оборотныхъ средствъ, общество путиловскихъ заводовъ и русское общество механическихъ и горныхъ заводовъ видятъ себя вынужденными закрыть свои фабрики и распустить съ праздниковъ свои рабочія команды: первое въ 2.000, послѣднее въ 3.000 человекъ. Такимъ образомъ пяти тысячамъ рабочихъ грозитъ опасность лишенія послѣдняго заработка, грозитъ голодъ имъ и ихъ семьямъ. Положеніе этихъ рабочихъ дѣйствительно отчаянное: новый заработокъ найти нынѣ весьма трудно; прочія фабрики не принимаютъ новыхъ рабочихъ и рады, если только имъ не приходится отпускать старыхъ. Въ провинцію отправятся

съ семействомъ нѣтъ денегъ, въ деревняхъ послѣ двухъ лѣтъ неурожая нечего дѣлать. Остается только одна грустная перспектива—увеличеніе пролетаріата въ Петербургѣ. Правительство не оставитъ такое положеніе безъ вниманія». И точно, въ это-то тревожное время, правительство, обративъ вниманіе на опасность скопленія въ большихъ центрахъ праздныхъ и голодныхъ работниковъ, признало, наконецъ, существованіе у насъ рабочаго вопроса и дѣятельно занялось изысканіемъ шѣръ къ разрѣшенію его. Такъ, весной прошлаго года, въ *Московскомъ Телеграфѣ* писали, что «въ высшихъ правительственныхъ сферахъ весьма дѣятельно разрабатывается вопросъ о принятіи самыхъ радикальныхъ шѣръ противъ чрезмѣрной эмиграціи крестьянскаго населенія средней Россіи въ большіе города и фабричныя пункты. По мнѣнію нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ, такая эмиграція настолько усиливаетъ контингентъ фабричнаго класса, что онъ превышаетъ потребность русскаго фабричнаго производства; кромѣ того, она развиваетъ бродяжничество, нищенство и отучаетъ крестьянъ отъ сельскаго промысла, паденіе котораго все болѣе и болѣе начинаетъ чувствоваться. Вслѣдствіе этого, предложено принятіе слѣдующихъ мѣръ: облегченіе налоговъ, примѣненіе новыхъ правилъ, способствующихъ улучшенію сельскаго хозяйства и экономическаго быта крестьянъ, усиленная помощь правительства къ переселенію крестьянъ на свободныя казенныя земли Кавказа и Сибири и обезпеченіе ихъ, въ первое время, на новыхъ мѣстахъ, различными льготами».

Рабочій вопросъ быстро сдѣлался живымъ насущнымъ интересомъ минуты и вызвалъ много разнообразныхъ проектовъ, направленныхъ къ улучшенію быта рабочихъ. Таковы, напримѣръ, проекты страхованія рабочихъ, возникшіе подъ вліяніемъ надѣлавшаго много шума проекта князя Бисмарка. Намъ извѣстны слѣдующіе проекты россійскихъ Бисмарковъ. Администрація императорскаго фарфороваго завода вошла въ кабинетъ двора Его Императорскаго Величества съ проектомъ о пожизненномъ страхованіи рабочихъ фарфороваго завода при посредствѣ суммъ изъ оборотнаго капитала. Въ то же время графъ Ростовцевъ и г. Дитрихъ вошли съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ учредить акціонерное общество подъ названіемъ «Благо рабочихъ», цѣль котораго состоитъ въ доставленіи еже-недѣльныхъ вспомошествованій и выдачѣ пенсій рабочимъ, больнымъ или получившимъ увѣчья на заводахъ и фабрикахъ, а также въ обезпеченіи рабочаго въ случаѣ старости, когда, вслѣдствіе потери силъ, онъ не въ состояніи зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Складочный капиталъ общества для начала опредѣленъ въ 500.000 руб. сер., но учредители общества, имѣя въ виду, что поднятый ими вопросъ тогда только можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно, когда полезное предпріятіе будетъ охватывать весь рабочій классъ, по слухамъ, нашли существенно важнымъ, чтобы каждый заводчикъ, фабрикантъ или промышленникъ и т. п., производящіе работу посредствомъ рабочихъ рукъ, обязательно были принуж-

дене вносить еженедѣльную премію за каждаго рабочаго, смотря по степени опасности, которой подвергается послѣдній, и свойству самой работы, въ размѣръ 10, 15 или 20 копѣекъ съ человѣка. Въ этомъ случаѣ полагають выдавать больнымъ рабочимъ еженедѣльные пособія и, вообще, оказывать вспомошествованія, а престарѣлымъ и увѣчнымъ—выдавать пенсіи, смотря по характеру полученнаго ими увѣчья или состоянія силъ и рабочей способности ихъ. Пенсіи предполагается раздѣлить на три разряда и размѣръ ихъ опредѣленъ проектомъ въ 3, 5 и 15 руб. въ мѣсяцъ. По словамъ *Новостей*, проектъ встрѣченъ сочувственно въ правительственныхъ сферахъ, такъ какъ, въ послѣднее время, правительство само озабочено рабочимъ вопросомъ и желало бы придти на помощь рабочему классу; но, какъ говорятъ, проектъ вызвалъ возраженіе въ томъ смыслѣ, что обязательное понужденіе предпринимателей къ уплатѣ премій за рабочихъ встрѣтило бы громадныя затрудненія на практикѣ, а также, что такая принудительная мѣра была бы противна духу нашего законодательства. Какъ слышно, найдено возможнымъ установить правило, чтобы хозяева заведеній, въ которыхъ работа производится при участіи пара и гдѣ, слѣдовательно, рабочий подвергается наибольшей опасности, обязательно принимали къ себѣ на работу только тѣхъ рабочихъ, которые сами внесли страховую премію и представили квитанцію вновь учреждаемаго общества. Какъ полагають, фабриканты въ послѣднемъ случаѣ легко увеличатъ заработную плату на 10, 15 или 20 коп. въ недѣлю, которую придется вносить рабочему въ страховую кассу, такъ какъ, въ послѣднемъ случаѣ, имъ придется имѣть дѣло съ человѣкомъ, обезпеченнымъ на случай могущаго его постичь несчастья, увѣчья и т. п. Въ случаѣ измѣненія первоначальной программы въ указанномъ направленіи, общество рассчитываетъ на успѣхъ и въ 1882 году предполагаетъ открыть свои дѣйствія. По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ рукахъ учредителей общества, всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ заведеніяхъ, работающихъ паромъ, насчитывается въ Россіи до 800.000 человѣкъ, а между тѣмъ на каждыхъ 10.000 фабричныхъ рабочихъ ежегодно встрѣчается 116 случаевъ увѣчій, больныхъ же на 10.000 человѣкъ приходится 3.140 человѣкъ, причеиъ длительность болѣзни среднимъ числомъ достигаетъ трехъ недѣль. Сверхъ того, въ прошломъ году, вопросъ объ обезпеченіи рабочихъ, получившихъ увѣчье, и семействъ тѣхъ, которые умерли отъ увѣчья на фабрикахъ, какъ стоящій уже на очереди для разрѣшенія въ министерствѣ финансовъ, привлечь вниманіе московскаго биржеваго комитета, который, съ цѣлью взять этотъ вопросъ для разрѣшенія въ руки самихъ же фабрикантовъ и, такимъ образомъ, устранить участіе въ разрѣшеніи его земства и администраціи, составилъ, совмѣстно съ нѣкоторыми приглашенными лицами, проектъ ходатайства къ высшему правительству о позволеніи составить фондъ (по подпискѣ, которая уже начата), изъ процентовъ съ капитала котораго выдавались бы деньги, по усмотрѣнію комитета, который проек-

тируется при биржевомъ комитетѣ на $\frac{1}{2}$ изъ фабрикантовъ и на $\frac{1}{2}$ изъ лицъ, выбранныхъ биржевымъ обществомъ, лицамъ, получившимъ увѣче на фабрикахъ по своей винѣ, или семействамъ лицъ умершихъ. По словамъ *Русскихъ Вѣдомостей*, фонду предполагается дать наименованіе *Александровскаго* и выбрать особую депутацію въ Петербургъ. Будущему комитету при биржѣ будетъ испрошено при этомъ право составить проектъ для Москвы правилъ о вознагражденіи за увѣче, не ограничивая его никакимъ срокомъ для ихъ представленія. Такимъ образомъ, сборомъ въ 300—500 тысячъ думаютъ задержать изданіе законодательнымъ порядкомъ въ нынѣшнемъ году правилъ о вознагражденіи фабрикантами рабочихъ, получившихъ увѣче. Объ обязательномъ сборѣ съ фабрикъ по числу рабочихъ для образованія фонда пока нѣтъ и рѣчи.

Особенно много шума надѣлалъ своими мѣропріятіями по рабочему вопросу бывшій петербургскій градоначальникъ г. Барановъ. Имъ была образована коммиссія для разработки фабрично-заводскихъ правилъ, которая занялась собраніемъ подготовительнаго матеріала по различнымъ вопросамъ фабричнаго благоустройства. Въ распоряженіе этой коммиссіи былъ назначенъ одинъ изъ состоявшихъ при градоначальникѣ чиновниковъ, на обязанность коего возложено разслѣдованіе на мѣстѣ всѣхъ жалобъ, поступающихъ къ градоначальнику, какъ предсѣдателю коммиссіи, на неисправное содержаніе промышленныхъ заведеній, и вообще разборъ всѣхъ заявленій, касающихся ремесленного, фабричнаго и заводскаго дѣла. 31 іюля 1881 года при петербургскомъ градоначальствѣ учрежденъ былъ особый фабрично-заводскій отдѣлъ. По первоначальному проекту, предметы вѣдомства этого отдѣла должны были заключаться въ заботѣ объ улучшеніи экономическаго быта рабочихъ, въ надзорѣ за исполненіемъ существующихъ постановленій и правилъ по содержанію фабричныхъ заведеній, въ приведеніи въ исполненіе всякаго рода административныхъ мѣръ по отношенію къ рабочимъ и въ другихъ подобныхъ дѣлахъ. Въ случаяхъ особенно важныхъ, при отдѣлѣ предполагалось составлять, подъ предсѣдательствомъ градоначальника, особыя совѣщанія съ участіемъ представителей города, уѣзднаго земства, мѣстныхъ заводоладельцевъ и другихъ лицъ, участіе которыхъ будетъ признано полезнымъ. Въ приказѣ объ учрежденіи фабрично-заводскаго отдѣла градоначальникъ высказывалъ, что, желая избѣжать учрежденія излишнихъ должностей и расширенія штатовъ, онъ ограничился назначеніемъ изъ числа состоящихъ при немъ чиновниковъ одного начальника и другаго помощника начальника отдѣла. Мы имѣемъ мало фактическихъ свѣдѣній о дѣятельности фабричной коммиссіи и фабрично-заводскаго отдѣла при управленіи петербургскаго градоначальника за короткое время, пока г. Барановъ занималъ эту должность. Изъ немногихъ отрывочныхъ данныхъ извѣстно, наприимѣръ, что относительно содержанія спичечныхъ фабрикъ коммиссія проектировала слѣдующее мѣропріятіе: 1) Спичечныя фабрики должно строить подалеже, не менѣе 100 сажень отъ послѣднихъ строеній

въ деревнѣ, для избѣжанія пожаровъ и порчи воздуха въ ней. 2) Въ фабрикѣ должно имѣть не менѣе трехъ комнатъ, съ двумя выходными дверями, и въ такомъ порядкѣ, чтобы тѣ, которыя не занимаются обработкой фосфорной массы, имѣли особый входъ и выходъ. 3) Вышина рабочей комнаты должна быть не менѣе четырехъ аршинъ и вообще эта комната должна быть настолько велика, чтобы на каждаго рабочаго приходилось достаточно воздуха. 4) Стѣны мажальной и сушильной должны быть оштукатурены, а полъ—глиняный, кирпичный или каменный, но никакъ не деревянный. На каждомъ рабочемъ столѣ должна стоять чашка съ водою, въ которую можно было бы бросить внезапно загорѣвшіися спички. Въ рабочей комнатѣ мажальной должны быть одна или двѣ вытяжныя трубы, непременно желѣзныя. Кромѣ того, подъ плитой, гдѣ производится обработка фосфорной массы, долженъ быть устроенъ желѣзный колпакъ съ семью вытяжными трубами. 5) Сосудъ, въ которомъ растворяется фосфоръ и обрабатывается сурикъ, долженъ быть прикрытъ крышкой, чрезъ которую проходятъ мѣшалка и трубка, соединенная съ вытяжными трубами. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ работа на фабрикахъ вовсе не должна производиться. Сверхъ того, извѣстно, что фабричную комиссіей была предположена инспекція фабрикъ и заводовъ, но потомъ она была отложена, въ виду многихъ встрѣтившихся недоразумѣній, впредь до полного выясненія средствъ къ болѣе успѣшному обрѣзкованію фабрикъ и заводовъ. Предполагалось сдѣлать эту инспекцію на болѣе серьезныхъ и обстоятельныхъ началахъ, такъ чтобы она могла быть образцовымъ примѣромъ для инспекцій, которыя будутъ произведены въ свое время въ другихъ фабрично-заводскихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. Впрочемъ нужно замѣтить, что о дѣятельности г. Баранова въ газетахъ писалось такъ много лишняго, что вѣрить газетнымъ извѣстіямъ слѣдуетъ съ крайнею осторожностію. Въ примѣръ того, какія удивительныя вещи рассказывались въ прошломъ году о г. Барановѣ, мы приведемъ слѣдующее сообщеніе *Московского Телеграфа*, отчасти напоминающее милую исторію о томъ, что за важная персона былъ Хлестаковъ въ Петербургѣ: «Въ виду новыхъ правилъ для столичныхъ фабрикъ и заводовъ, выработанныхъ комиссіей Баранова, нѣкоторые провинціальныя земства заявили министерству внутреннихъ дѣлъ желаніе, чтобы эти правила были распространены и на провинціальныя фабрики и заводы. Въ своихъ петиціяхъ земцы указываютъ, что отдаленность провинціальныя фабрикъ отъ контроля высшей правительственной власти заставляетъ еще сильнѣе желать ихъ экономическаго улучшенія. Санитарная часть провинціальныя фабрикъ и заводовъ также оставляетъ многого желать, равно какъ и заработная плата фабричныхъ очень часто далеко не соотвѣтствуетъ цѣнамъ на предметы первой необходимости. Все это въ совокупности заставило правительство обратить вниманіе на положеніе рабочихъ на провинціальныя фабрикахъ, и министерство внут-

реннихъ дѣлъ намѣрено снарядить по этому поводу особую комиссію, которой и поручить тщательное разслѣдованіе этого вопроса».

Когда петербургское градоначальство было упразднено, то временная комиссія по фабрично-заводскимъ дѣламъ была оставлена состоять при управленіи петербургскаго оберъ-полицеймейстера, замѣнившаго собою градоначальника. Дѣятельность этой комиссіи и до сихъ поръ продолжается. Такъ, въ первыхъ числахъ февраля нынѣшняго года, въ исполненіе постановленій комиссіи, предсѣдателемъ ея, оберъ-полицеймейстеромъ г. Козловымъ, было сдѣлано распоряженіе о раздѣчъ чрезъ посредство мѣстной полиціи всѣмъ владѣльцамъ фабрикъ, заводовъ и заведеній съ фабрично-заводскимъ производствомъ, находящихся въ столицѣ и пригородахъ, объявленій комиссіи, съ приложеніемъ перечня возбужденныхъ ею вопросовъ, на которые вышесказанныя лица приглашались представить свои соображенія къ 15 февраля. Приводимъ перечень вопросовъ:

1. Обезпеченіе хозяина въ томъ, что рабочій не оставитъ его ранѣе условленнаго срока и не потребуетъ увеличенія заработной платы.
2. Обезпеченіе рабочаго въ томъ, что хозяинъ не откажетъ ему ранѣе условленнаго срока и что, до истеченія этого срока, объявленная ему плата не будетъ понижена.
3. Указаніе способа, посредствомъ котораго рабочіе могли бы во всякое время знать, а при надобности и доказать количество заработанныхъ ими денегъ.
4. Определеніе числа рабочихъ часовъ для взрослыхъ и малолѣтнихъ.
5. Определеніе времени и порядка выдачи заработанныхъ денегъ.
6. Указаніе льготъ для женщинъ-работницъ въ послѣднемъ періодѣ беременности.
7. Точное обозначеніе размѣра штрафа, причины его взиманія и способъ разрѣшенія споровъ о немъ.
8. Условія почныхъ и праздничныхъ работъ.
9. Определеніе вычетовъ, съ указаніемъ ихъ назначенія.
10. Изложеніе обязательствъ хозяина на случай увѣчья рабочаго.
11. Означеніе мѣста храненія паспортовъ и порядокъ возвращенія ихъ рабочимъ.
12. Выясненіе отношеній рабочихъ къ лавочникамъ и сихъ послѣднихъ къ администраціи завода.

Въ послѣднее время комиссія опять напомнила о своемъ существованіи, выработавъ новыя правила о порядкѣ найма рабочихъ. Вопросъ объ изданіи такихъ правилъ возникъ изъ того, что ежегодно, съ наступленіемъ весны, къ началу строительныхъ работъ постепенно прибываютъ въ Петербургъ изъ разныхъ губерній тысячи рабочаго люда — каменьщиковъ, плотниковъ, штукатуровъ, землекоповъ и друг. Одни изъ этихъ рабочихъ приходятъ по условіямъ, заключеннымъ раньше въ деревнѣ, въ волостномъ правленіи, другіе поступаютъ въ наемъ къ хозяевамъ-подрядчикамъ и стро-

ителямъ на условіяхъ, выговоренныхъ уже здѣсь, въ Петербургѣ. Извѣстно, какую неопредѣленностью отличаются всегда эти заключаемыя рабочими съ хозяевами-нанимателями условія. Въ нихъ не рѣдко не означается даже рядная плата, размѣръ которой предоставляется полному усмотрѣнію хозяина, который и рассчитываетъ осенью рабочихъ «по заслугамъ» или «по усмотрѣнію». Если подрядчикъ—человѣкъ честный и не хочетъ обидѣть рабочаго, то всѣ расчеты кончаются мирно, и обѣ стороны расстаются довольные другъ другомъ. Но если подрядчикъ—изъ новыхъ кулаковъ, тогда съ окончаніемъ работъ, въ осенніе мѣсяцы, начинается безконечная волокита рабочихъ по полицейскимъ участкамъ и по камерамъ мировыхъ судей. Наступаетъ зима, нужно давно уѣзжать въ деревню, а рабочіе все не могутъ добиться расчета отъ хозяина, который не отдаетъ ни заработанныхъ денегъ, ни паспортовъ. Иногда въ этомъ виноватъ не столько подрядчикъ-хозяинъ, сколько домовладѣлецъ, вздумавшій безъ денегъ выстроить громадный домъ, въ надеждѣ расплатиться съ подрядчикомъ при выгодномъ залогѣ или продажѣ. Спекуляція эта иногда не удается и всю тяжесть неудачи несутъ рабочіе. При отсутствіи какихъ-нибудь ясныхъ и опредѣленныхъ условій съ нанимателемъ и строителемъ и при желаніи нанимателя оспаривать срокъ найма и размѣръ платы, равно какъ и насчитывать число прогульныхъ дней и число штрафовъ, не рѣдки случаи, особенно въ послѣдніе годы, что рабочій уходитъ или высылается въ деревню ни съ чѣмъ, проработавъ все лѣто даромъ. Необходимость сколько-нибудь регулировать эти отношенія рабочихъ къ нанимателямъ давно уже стала очевидною и побудила Высочайше утвержденную при петербургскомъ оберъ-полицеймейстерѣ комиссію по фабрично-заводскимъ дѣламъ заняться обсужденіемъ первоначальныхъ простѣйшихъ мѣръ къ устраненію столь частыхъ недоразумѣній между рабочими и нанимателями. Результатомъ работъ комиссіи было изданіе слѣдующаго обязательнаго постановленія петербургскаго оберъ-полицеймейстера о порядкѣ найма рабочихъ для строительныхъ и земляныхъ работъ: «На основаніи ст. 15 республикованнаго при указѣ правительствующаго сената, отъ 4-го сентября 1881 года, Высочайше утвержденаго положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности и въ силу особаго полномочія, петербургскій оберъ-полицеймейстеръ симъ объявляетъ для всеобщаго свѣдѣнія нижеслѣдующее обязательное постановленіе:

I. Никто изъ хозяевъ (строителей или подрядчиковъ) не въ правѣ держать въ Петербургѣ и пригородныхъ мѣстностяхъ, подчиненныхъ вѣдѣнію петербургскаго оберъ-полицеймейстера, работника безъ установленной расчетной книжки, съ указаніемъ въ ней главныхъ условій найма.

II. Видѣ на жительство каждаго нанятаго рабочаго хозяинъ обязанъ предъявлять въ участковое полицейское управленіе съ приложеніемъ къ нему особаго объявленія, въ которомъ должны быть означены: а) срокъ

найма, б) количество условленной платы (съ харчами и квартирою или безъ оныхъ), съ указаніемъ сроковъ ея выдачи, и в) сумма задатка, если таковой былъ данъ.

III. Полиція, принявъ объявленіе, вноситъ содержащіяся въ немъ условія въ вышеупомянутую расчетную книжку, одинъ экземпляръ коей вмѣстѣ съ паспортомъ выдаетъ нанимателю, а другой вручаетъ рабочему.

Въ эти расчетныя книжки, изъ коихъ одна должна находиться у рабочаго, а другая у нанимателя, записываются всѣ платежи, выдаваемые рабочему, и всѣ произведенныя съ него вычеты.

IV. Паспортъ рабочаго, хотя бы онъ проживалъ и не у хозяина, находится у сего послѣдняго.

V. Изложенныя правила не распространяются на рабочихъ, нанимаемыхъ подневно, на срокъ не свыше семи дней.

VI. Виновные въ неисполненіи сего обязательнаго постановленія, на основаніи вышеуказанной 15 ст. Высочайше утвержденнаго положенія, подвергаются взысканіямъ, не превышающимъ трехмѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ 500 рублей».

По поводу этого обязательнаго постановленія слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія и высказать нѣсколько пожеланій относительно возможно большихъ удобствъ и меньшихъ хлопотъ и стѣсненій какъ для нанимателей, такъ и для рабочихъ. Но мы удерживаемся отъ всякихъ замѣчаній изъ уваженія къ первому почину въ дѣлѣ урегулированія взаимныхъ отношеній между хозяевами и рабочими. Притомъ же мы убѣждены, что опытъ вскорѣ покажетъ, въ чемъ должны быть измѣнены и пополнены изданныя петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ правила о порядкѣ найма рабочихъ для строительныхъ и земляныхъ работъ.

Изъ правительственныхъ работъ по рабочему вопросу, имѣющихъ не мѣстный, но общій характеръ, прежде всего мы должны указать на проектируемое удешевленіе перевозки рабочихъ по желѣзнымъ дорогамъ. Чрезмѣрное скопленіе рабочихъ въ немногихъ промышленныхъ центрахъ, во время голода, зимою 1880 и 1881 годовъ, указало правительству на необходимость принятія мѣръ къ цѣлесообразной и возможно болѣе дешевой перевозкѣ рабочихъ силъ съ мѣстъ наибольшаго предложенія ихъ къ пунктамъ наибольшаго спроса на нихъ. Массы здоровыхъ работниковъ, во время безработицы, могутъ представлять собою элементъ въ высшей степени опасный для общественнаго спокойствія, если они, не имѣя ни работъ, ни средствъ къ пропитанію, соберутся въ большомъ центрѣ, гдѣ и безъ того всегда бываетъ не мало голодныхъ ртовъ и безпокойныхъ, отчаянныхъ головъ. Для устраненія этой опасности единственною разумною мѣрою можетъ быть отвлеченіе рабочихъ изъ мѣстъ наибольшаго скопленія ихъ въ такіе пункты, гдѣ бы они могли найти себѣ занятіе. Сверхъ того этою мѣрою достигается до извѣстной степени равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ въ различныхъ отдаленныхъ другъ отъ

друга частяхъ страны. Высшая желѣзнодорожная коммиссія, сознавая, что въ этомъ заинтересованы всѣ классы населенія, всѣ виды труда, всѣ отрасли производства, а слѣдовательно и само государство, выработала цѣлый рядъ новыхъ постановленій, которыя будутъ внесены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Главное вниманіе высшей желѣзнодорожной коммиссіи обращено на удешевленіе провозной платы для рабочихъ партій, отправляющихся на заработки съ начала весны. Какъ образецъ, коммиссія взяла существующіе тарифы въ западной Европѣ, преимущественно Германіи, гдѣ за провозъ рабочихъ по желѣзнымъ дорогамъ существуетъ тарифъ 0,57 в. за версту, т. е. ниже существующаго у насъ 1,25 в. за версту, несмотря на наши громадныя разстоянія. Для этой цѣли коммиссія, по словамъ *Нов. Вр.*, проектируетъ, кромѣ пониженія тарифа третьяго класса, сдѣлать обязательнымъ для желѣзныхъ дорогъ введеніе вагоновъ IV класса для перевозки рабочихъ артелей. Значительное уменьшеніе тарифа, по мнѣнію коммиссіи, не только не уменьшитъ эксплуатаціонныхъ доходовъ желѣзныхъ дорогъ, но значительно ихъ увеличитъ; коммиссія полагаетъ, что, при уменьшеніи таксы, желѣзныя дороги будутъ въ состояніи воспользоваться частью «живаго груза», которая при нынѣшнихъ тарифахъ отъ нихъ отпадаетъ, двигаясь на лошадахъ и зачастую пѣшкомъ. Въ виду того, что теперь существующая стоимость проѣзда между конечными пунктами большихъ дорогъ превышаетъ иногда для рабочаго всю ожидаемую имъ выгоду отъ заработка, высшая желѣзнодорожная коммиссія находитъ необходимымъ установить льготные билеты для рабочихъ артелей.

Особенную практическую важность имѣетъ выработанный правительствомъ проектъ о мѣрахъ къ ограниченію работы и объ образованіи малолѣтковъ и подростковъ, занимающихся на фабрикахъ, заводахъ и въ другихъ промышленныхъ заведеніяхъ. Главныя положенія этого проекта заключаются въ слѣдующемъ: 1) Дѣти до 12 лѣтъ, по общему правилу, къ работамъ не допускаются. 2) Малолѣтки въ возрастѣ отъ 12 до 14 лѣтъ не могутъ быть употребляемы въ работу дневную болѣе восьми часовъ, а ночную—болѣе четырехъ часовъ въ сутки, подростки отъ 14 до 17 лѣтъ въ работу дневную—болѣе десяти часовъ и ночную—болѣе шести часовъ въ сутки. 3) Министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставляется право опредѣлить для малолѣтковъ и подростковъ обоего пола между 12 и 17 годами низшій предѣльный возрастъ, ранѣе котораго они не могутъ быть допускаемы къ занятію тѣми или другими производствами и работами, а также опредѣлять тѣ промышленныя заведенія и тѣ занятія, въ которыхъ могутъ быть допускаемы къ работѣ дѣти отъ 10 до 12 лѣтъ безъ вреда для здоровья. 4) Малолѣтнимъ и подросткамъ, не имѣющимъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ одноклассныхъ народныхъ училищахъ или равныхъ учебныхъ заведеній, должна быть предоставлена возможность посѣщенія школъ не ме-

нѣе двухъ часовъ въ день или 12 часовъ въ недѣлю. 5) Министру финансовъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, предоставляется опредѣлить, при какомъ числѣ рабочаго населенія и въ какихъ размѣрахъ содержаніе начальныхъ школъ обязательно для хозяевъ промышленныхъ заведеній въ тѣхъ случаяхъ, если школы нѣтъ на разстояніи двухъ верстъ отъ промышленныхъ предпріятій. 6) Планъ преподаванія въ этихъ школахъ устанавливается въ объемѣ курса учебныхъ заведеній не ниже причисленныхъ къ четвертому разряду по отбыванію воинской повинности, а надзоръ за школами вѣряется инспекторамъ народныхъ училищъ. 7) Надзоръ за соблюденіемъ постановленій о работѣ малолѣтновъ и подростковъ въ промышленныхъ заведеніяхъ поручается инспекторамъ, которые опредѣляются министрами финансовъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ, на первый разъ въ губерніяхъ Петербургской, Московской и Владимірской. Устройство инспекціи въ другихъ промышленныхъ мѣстностяхъ возлагается на министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, по испрошеніи разрѣшенія на то въ установленномъ порядкѣ. Въ каждой губерніи, гдѣ учреждена инспекція, полагается одинъ старшій и два младшіе инспектора. 9) За нарушеніе правилъ о работѣ малолѣтновъ и подростковъ виновные въ томъ подвергаются аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взысканію не свыше 100 руб., а за нарушеніе правилъ объ обязательномъ посѣщеніи этими рабочими школы виновные въ томъ фабриканты, заводчики и хозяева промышленныхъ заведеній, или управляющіе ихъ—денежному взысканію не свыше 50 руб. Содержаніе инспекціи исчислено по 21.000 руб. въ годъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ будетъ учреждена инспекція, опредѣляется особый сборъ съ промышленныхъ заведеній, съ подраздѣленіемъ ихъ, по числу рабочихъ, на пять разрядовъ, съ платою отъ 5 до 100 руб. съ заведенія, съ обращеніемъ этихъ денегъ въ казну. Означенныя правила предполагается ввести въ дѣйствіе, съ нѣкоторыми ограниченіями, съ 1 іюля 1882 года. Этотъ проектъ, отъ имени министровъ народнаго просвѣщенія, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, представленъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, въ которомъ вскорѣ начнется обсужденіе его при участіи нѣсколькихъ заводо-владѣльцевъ, приглашенныхъ въ качествѣ экспертовъ, а именно: Бочубей (предсѣдатель техническаго общества), Демидовъ кн. Санъ-Дonato, Овчинниковъ, Алексѣевъ, Санъ-Галли, Морозовъ, Миллеръ, Постниковъ, Лавринъ, Четвериковъ, Найденовъ, Руквишниковъ, баронъ Розень, Верховцевъ, Горѣловъ, Торнтонъ и Дитрихъ.

При всемъ уваженіи къ стремленію правительства оказать помощь рабочему классу огражденіемъ молодого рабочаго поколѣнія отъ безграничной эксплуатаціи со стороны капиталистовъ, нельзя однако не замѣтить въ приведенномъ проектѣ полнаго отсутствія оригинальнаго творчества. Весь этотъ проектъ представляетъ собою точную копію съ венгерскаго промыш-

леннаго закона 1872 года. Въ силу послѣдняго закона, къ работамъ на фабрикахъ допускаются дѣти не моложе 10-лѣтъ, причеиъ въ возрастѣ отъ 10 до 12-лѣтъ они допускаются къ фабричнымъ работамъ въ видѣ исключенія изъ общаго правила; не иначе, какъ съ разрѣшенія промывсловаго управленія. Дѣти отъ 12 до 14-лѣтъ могутъ заниматься фабричною работою не болѣе 8-ми часовъ въ день. Для ночныхъ работъ дѣти и подростки до 16 лѣтъ совсѣмъ не должны быть употребляемы; изъятіе изъ этого правила установлено только для подростковъ отъ 14 до 16-лѣтъ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ допускаются и къ ночной работѣ, но съ тѣмъ, чтобъ она не превышала шести часовъ въ сутки. Для посѣщенія школы въ возрастѣ моложе 14-лѣтъ полагается два часа въ день. Словомъ, между венгерскимъ закономъ и нашимъ законопроектомъ существуетъ полнѣйшее сходство. Указывая на такое отсутствіе оригинальности въ нашемъ законѣ, мы, однако, отнюдь не выставляемъ этого обстоятельства въ видѣ упрека. Совсѣмъ нѣтъ,—и не зачѣмъ, да и невозможно избѣгать заимствованія изъ другихъ европейскихъ законодательствъ въ дѣлѣ опредѣленія рабочаго возраста и величины рабочаго дня для дѣтей: Америку нельзя открыть по той простой причинѣ, что она уже открыта. Но когда мы поставлены въ необходимость дѣлать заимствованія у народовъ болѣе насъ богатыхъ опытомъ, то должны выбирать для себя то, что есть лучшаго у этихъ народовъ. Такимъ образомъ, когда намъ понадобилось заимствовать изъ иностранныхъ законодательствъ опредѣленіе возраста и величины дня для дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, то слѣдовало извлечь для своихъ надобностей все, что есть самаго лучшаго въ законодательствѣ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Между тѣмъ венгерское законодательство далеко ниже законодательства Англіи и нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ, гдѣ дѣтскій трудъ охраняется отъ эксплуатаціи несравненно лучше, чѣмъ въ Венгріи. Мы совершенно не понимаемъ, почему именно у насъ отдано преимущество венгерскому законодательству предъ англійскимъ или швейцарскимъ. По крайней мѣрѣ, намъ кажется совершенно неосновательною мысль, что здѣсь могло имѣть мѣсто опасеніе вызвать тревогу въ средѣ фабрикантовъ и заводчиковъ, или желаніе поддержать интересы ихъ. Еслибъ опредѣленіе возраста и величины рабочаго дня для дѣтей, занимающихся на фабрикахъ, могло имѣть тревожное значеніе для фабрикантовъ и заводчиковъ, въ такомъ случаѣ тревога неизбѣжна, все равно—будетъ ли у насъ принято за образецъ венгерское или англійское законодательство. И въ томъ и въ другомъ случаѣ должны были бы страдать интересы фабрикантовъ, у которыхъ, въ настоящее время, малютки 7, 8 и 9-ти лѣтъ, наравнѣ со взрослыми мужчинами, работаютъ отъ 12-ти до 15-ти часовъ въ сутки, не считая перерывовъ работы. Но на самомъ дѣлѣ никакой тревоги между нашими фабрикантами не можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ переживаемое нами время. Теперь, по случаю промышленнаго кризиса, такъ великъ избытокъ рабочихъ рукъ и до такой степени понижена заработная плата, что огра-

ниченія въ эксплуатаціи дѣтскаго труда могутъ пройти почти совсѣмъ незамѣченными со стороны фабрикантовъ, весьма слабо отразившись на ихъ интересахъ. Поэтому едва ли самый главный недостатокъ законопроекта заключается въ томъ, что съ принятіемъ его безъ измѣненій можетъ быть упущено теперешнее крайне благоприятное время для введенія въ дѣйствіе закона, который бы стоялъ на одинаковомъ уровнѣ съ самыми лучшими, наиболѣе гуманными законодательствами Европы. Здѣсь мы видимъ политическую ошибку такого рода: если для кого бы то ни было невыгодно ограниченіе возраста и величины рабочаго дня для работающихъ на фабрикахъ дѣтей, то новый законъ все равно вызоветъ недовольство въ средѣ такого рода лицъ. Это недовольство слѣдуетъ парализовать полнымъ сочувствіемъ къ закону тѣхъ лицъ, для которыхъ дороги рабочіе интересы; между тѣмъ и такія лица не могутъ быть вполнѣ удовлетворены закономъ, дающимъ русскому рабочему менѣе того, чѣмъ пользуется рабочій, напримѣръ, въ Англии или Швейцаріи. Значить лица, близко принимающія къ сердцу интересы рабочаго класса, должны будутъ, тотчасъ по изданіи новаго закона, начать агитацію въ видахъ измѣненія его въ смыслѣ болѣе благоприятномъ для рабочихъ. Можетъ-быть останутся довольны рабочіе? Но, на основаніи опыта другихъ странъ, мы съ наибольшею вѣроятностью должны предполагать, что на первое время рабочіе не поймутъ пользу для себя отъ законодательнаго ограниченія дѣтскаго труда, а напротивъ останутся недовольны новымъ закономъ. Спустя же нѣкоторое время, когда разовьется между рабочими болѣе правильное пониманіе своихъ интересовъ, тогда они, подъ вліяніемъ знакомства съ болѣе совершенными фабричными законодательствами другихъ европейскихъ государствъ, будутъ опять-таки недовольны нашимъ закономъ.

Было бы весьма печально, еслибы сбылись наши опасанія относительно возможнаго послѣдствія колебаній въ рѣшимости придти на помощь рабочему классу путемъ такого фабричнаго законодательства, которое бы давало русскому рабочему всѣ права, какими пользуется рабочій за границею. Но, какъ бы то ни было, въ примѣненіи къ теперешнему положенію рабочихъ въ Россіи новый законопроектъ все-таки долженъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія для нихъ и оттого вполнѣ заслуживаетъ общаго сочувствія и поддержки со стороны общества. Еще лучше и еще желательнѣе было бы, еслибы наше будущее фабричное законодательство приобрѣло какъ можно болѣе друзей себѣ, поставивъ задачу доставить русскимъ рабочимъ, безъ тревоженій гражданской борьбы, полное уравненіе въ области права съ тѣми изъ ихъ заграничныхъ собратьевъ, которые, путемъ долгой и упорной борьбы, завоевали положеніе наиболѣе прочное и обезпеченное отъ производства фабрикантовъ и заводчиковъ. Въ этихъ видахъ мы и высказываемъ наши замѣчанія о недостаткахъ законопроекта.

—скій.

Замѣтки по внѣшнимъ дѣламъ.

I.

Назначеніе статсъ-секретаря Гирса русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ было настоящимъ праздникомъ и предметомъ ликованій для известной части русскаго общества, которою въ направленіи взглядовъ внѣшней политики руководить газета г. Горна — *Journal de St. Pétersbourg*, получающая значительное денежное пособие отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Для нея это было, по ея собственному выраженію, настоящимъ подаркомъ для Свѣтлаго Христова Воскресенія. Но замѣчательно, что она радовалась чужою радостью. Она и не скрывала этого. Ей было любо, что австро-венгерскія и германскія газеты приняли это назначеніе съ полнымъ удовольствіемъ, какъ знакъ миролюбиваго настроенія внѣшней политики Россіи. Въ этомъ событіи Австро-Венгрія и Германія получили, какъ ей казалось, право рассчитывать на нѣчто большее, чѣмъ на личныя склонности г. Гирса, въ благопріятности которыхъ онѣ, конечно, никогда и не сомнѣвались. Конечно, чувство похвальное—утѣшаться тѣмъ, что мы другимъ доставляемъ собою утѣшеніе. Но при этомъ невольно напрашиваются вопросы: что разумѣютъ западные сосѣди наши подъ словомъ миръ? Правильно ли понимаютъ они условія мира притѣнительно къ себѣ самимъ, къ своимъ международнымъ обязанностямъ? Не служить ли въ ихъ глазахъ наше миролюбіе обезпеченіемъ такого мира, который въ свою очередь служилъ бы для нихъ удобнѣйшею подготовкой себѣ такого положенія и такой обстановки, при которыхъ въ одно прекрасное утро они нашли бы возможнымъ сбросить съ себя личину и во всеоружіи предъявить Россіи новыя требованія съ открытою уже угрозою войны? Вѣдь былъ же примѣръ ихъ ничѣмъ не оправданнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Датскаго королевства—и это вмѣшательство окончилось отнятіемъ у Даніи Шлезвига и Голштиніи. Вѣдь была же попытка вмѣшательства въ наше внутреннее польское дѣло. Можно радоваться только взаимному миролюбію, когда съ полною искренностію соблюдается

обоюдно *status quo*, когда ни явно, ни тайно, ни прямо, ни окольно не совершается наступательная политика. Вотъ этого-то мы и не замѣчаемъ въ нашихъ сосѣдяхъ. Съ нервною горячностью они что-то готовятъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Поэтому отъ новаго русскаго министра иностранныхъ дѣлъ дозвоительно бы было ожидать и новаго слова о нашихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Но, въ упоеніи самодовольства, офиціозная газета русскои дипломатіи объявила, что циркуляра отъ новаго министра не будетъ, что его программа изложена въ нотѣ 4 марта.

Какъ бы слагая съ себя бремя тяжелыхъ обязанностей, налагаемыхъ на вѣдомство внѣшнихъ дѣлъ нынѣшнею сложною, замысловатою, опасною политическою игрою Европы, требующею отъ приставленныхъ къ ней лицъ полнаго напряженія ума и испытанной преданности своему государству, русская дипломатическая среда по поводу назначенія г. Гирса спѣшить объявить, что Россія прежде всего займется самой собою. Непонятно, для чего понадобилось извѣщать другія державы о томъ, чѣмъ будетъ занята Россія: это ея собственное, независимое произволеніе, до котораго другимъ, казалось бы, не должно быть никакого дѣла. Развѣ Россія сошлась кляномъ, что у нея не достаетъ свѣжихъ, новыхъ, самородныхъ силъ для того, чтобы равномѣрно и одновременно заниматься и своими внутренними дѣлами, и своими внѣшними отношеніями? Богда внутренняя политика ввѣрена надежнымъ рукамъ, дипломатія остается исполнить свой долгъ государственнаго служенія: неослабно, самоотверженно, ревностно вести внѣшнія дѣла и высоко держать знамя своей страны, если ужъ кому довелось служить ей. При тонкости дипломатическаго языка, допускать намекъ, что отъ Россіи можно и не ожидать сильнаго образа дѣйствій во внѣшнихъ дѣлахъ, и, подъ предлогомъ сосредоточенія государственной политики на внутреннихъ дѣлахъ, мѣнять напряженность труда и неподатливую стойкость въ преслѣдованіи государственныхъ интересовъ за границую на дешевую и легкую уступчивость и на самоуспокоеніе — было бы тяжкимъ грѣхомъ передъ исторіей, государствомъ, народомъ.

Въ программѣ г. Гирса, сообщаемой дипломатическою газетою, начертана нетрудная задача для Россіи—быть вполне миролюбивою, оставаться вѣрною своимъ друзьямъ и неизмѣнною въ чувствахъ, освященныхъ преданіями.

Но кто друзья Россіи?... Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Берлинскаго конгресса, еще не докончившаго своихъ протоколовъ, одинъ изъ русскихъ писателей въ *Agence Générale Russe*: «Теперь-то мы узнали, каковы наши друзья и съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло!» И эти слова прозвучали въ русскои офиціозной дипломатической газетѣ. Тогда, видно, была хотя минутная, но справедливая вспышка негодованія, а потомъ, разумѣется, все было забыто и опять по-старому Россія начала дружить и набиваться на дружбу.

Базалось бы, о друзьях вовсе нечего бы было говорить, потому что едва ли они найдутся у Россіи.

Тѣмъ менѣе можно бы было сослаться на чувства, освященные преданіями. Давно ли установились эти преданія? Не на нашей ли памяти, послѣ уже всѣхъ преданій, Австрія изумила Европу своею неблагодарностію къ Россіи? Вотъ что, между прочимъ, писалъ Императоръ Александръ II М. Д. Горчакову отъ 23 февраля 1855 года: «Изъ Германіи ничего новаго нѣтъ. Императоръ австрійскій, какъ бы почувствовавъ угроженіе совѣсти, объявилъ въ приказѣ по арміи, что въ память помощи, оказанной Австріи въ трудную годину Императоромъ Николаемъ, онъ повелѣваетъ кирасирскому полку, носившему его имя, сохранить оное на вѣчныя времена. При этомъ онъ приказалъ сказать Мнѣ, что сожалѣть до крайности, что не могъ доказать на дѣлѣ другу своему, что одна изъ самыхъ сильныхъ душевныхъ болей его та, что ему не удалось убѣдить его въ своей готовности вернуться на старій путь. Дай Богъ, чтобы это были не одни слова. Признаюсь, Я не имѣю къ нему, послѣ всего, что происходило, никакого довѣрія». Несомнѣнно, что этотъ взглядъ Императора Александра II былъ извѣстенъ и А. М. Горчакову, состоявшему тогда посланникомъ въ Вѣнѣ. Что же послѣ того сдѣлано было Австріей, чтобы возстановить прежнія преданія, имѣвшія, впрочемъ, съ ея стороны всегда живую подкладку? Развѣ то, что во вторую русско-турецкую войну она не дозволила русскимъ войскамъ пройти черезъ Сербію по пути къ Плевнѣ, какъ объ этомъ еще недавно хвастливо заявилъ первенствующій венгерскій министръ Тисса въ венгерской палатѣ?... Князь Горчаковъ, сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ, какъ надо полагать, забылъ и о движеніи дружественной австрійской арміи въ тылъ князю Паскевичу, осаждавшему Силистрію, забылъ и о мнѣніи своего Императора, потому что впоследствии мы видимъ его однимъ изъ главныхъ участниковъ въ заключеніи тройственного союза императоровъ, а потомъ предлагающимъ Австріи параллельное занятіе Босніи и Герцеговины и, наконецъ, безпрепятственно соглашающимся на отдачу ей въ управленіе этихъ областей или, другими словами, способствующимъ къ исполненію ея завѣтнаго стремленія, котораго она до него никакъ не могла добиться, несмотря даже на предложеніе Наполеона III въ пору его полнаго могущества. *Journal de St.-Petersbourg* увѣряетъ, что и г. Гирсъ будетъ вѣрнымъ продолжателемъ той системы веденія внѣшнихъ дѣлъ, какая была при графѣ Нессельроде и князѣ Горчаковѣ. Не сомнѣваемся: это—дѣло не трудное.

Къ тому же сравнительно недавнему времени относится собственно-ручная записка Императора Николая Павловича о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ съ февраля 1855 г. для князя Паскевича. Пояснивши, что Пруссія не допуститъ французскихъ войскъ къ границамъ Познани изъ страха возстанія поляковъ, Императоръ пишетъ въ заключеніе: «По-

слѣдствіе будетъ одинаково, т. е. тогда оборонительное положеніе Пруссіи для собственныхъ выгодъ должно удержатъ прибывшія французскія силы обратиться противъ однихъ насъ. Потому одно опасеніе возстанія заставить Пруссію, можетъ-быть, и не хотя, воѣми силами претивиться появленію французовъ у границъ ея владѣній: такимъ образомъ, — продолжаетъ Императоръ, — она будетъ дѣйствовать почти заодно съ нами, хотя и не сознательно». Все это изложено Императоромъ «въ предположеніи войны съ одними австрійцами (съ французами, англичанами, сардинцами и турками война уже шла), при неучастіи Пруссіи». Но такое предположеніе не вполнѣ оправдалось. Отъ 25 марта того же 1855 года Императоръ Александръ II писалъ князю Варшавскому: «Войска, оставшіяся подъ начальствомъ генераль-адъютанта Лидерса, ослаблены до крайности и все огромное пространство западной нашей границы отъ Днѣстра до самаго Царства Польскаго совершенно открыто вторженію австрійцевъ, которые могутъ почти безпрепятственно овладѣть всѣмъ этимъ обильнымъ краемъ, оставя лишь наблюдательный корпусъ противъ арміи, сосредоточенной въ Царствѣ. Выгодное выдающееся положеніе сей послѣдней парализовано заключеннымъ между Австріей и Пруссіей трактатомъ».

Послѣ такого авторитетнаго свидѣтельства опускаю разоблаченія относительно дружелюбнаго поведенія Пруссіи въ критическое для насъ время крымской войны, почтавшіеся въ русскихъ газетахъ.

Стало-быть, дружба наша съ тѣми державами, въ которыхъ мы особенно старались относиться дружелюбно, даже союзнически, и которыхъ оказывали во всемъ наше содѣйствіе, не взирая, было ли то согласно или не согласно съ коренными, вѣковыми основами нашей политики, — имѣла свои перерывы. Вотъ въ эти-то перерывы и выступало наружу за нашу западную границу постоянное правило, громко высказываемое Австріей: «ratio status sic requirit», т. е. того требуютъ высшіе государственные интересы. А если это такъ, и притомъ несомнѣнно такъ, если стремленіе нашихъ сосѣдей непремѣнно, по заповѣди Фридриха Великаго, клонится къ тому, чтобы сдвинуть насъ и не только не дать роста нашему «коLOSSу», но и умалить, ослабить его, то не лучше ли было бы въ министерской программѣ ограничиться одними государственными воззрѣніями, оставивши въ сторонѣ сердечную сторону внѣшней политики? Преданія неизмѣнныхъ чувствъ, какъ видно изъ предыдущаго, для Россіи собственно, какъ государства, нѣтъ. Если же оно и было прежде, то сдѣлано ли было княземъ Бисмаркомъ что-либо такое, чтобы возстановить его со стороны Пруссіи? — Не знаемъ. Трудно однако доказывать, чтобы съ этою цѣлью онъ укрѣплялъ двойнымъ рядомъ крѣпостей восточную границу Пруссіи или не возвращалъ Даніи Сѣвернаго Шлезвига, какъ условлено было сначала въ Милуловѣ, а потомъ окончателно въ Прагѣ, при заключеніи мирнаго трактата между Пруссіей и Австріей въ 1866 году.

По этому поводу замѣчу, что въ нашей министерской программѣ за основаніе мира полагается уваженіе къ праву и трактатамъ; потому не мѣшало бы нашей дипломатіи испытать подлинность дружбы Пруссіи, предложивши князю Бисмарку уважить право Дани и исполнить невыполненное до сѣихъ поръ условіе Пражскаго трактата.

Еще труднѣе было бы искать присутствіе освященныхъ преданіемъ чувствъ дружбы, довѣрія, доброжеланія въ слѣдующихъ, напримѣръ, дѣйствіяхъ германскаго канцлера, имѣющихъ несомнѣнно уже наступательный характеръ. На Берлинскомъ конгрессѣ, по предварительному соглашенію съ графомъ Андраши и маркизомъ Солсбери, князь Бисмаркъ, чтобъ избавить перваго отъ щекотливаго предложенія просить самому для Австріи занятія турецкихъ областей Босніи и Герцеговины, подговорилъ сдѣлать это предложеніе маркиза Солсбери и самъ горячо поддерживалъ его; а чтобъ привлечь къ тому же и Сень-Валье, обѣщаль тогда же Франціи покровительство надъ Тунисомъ. При странномъ безучастіи князя Горчакова, графа Шувалова и г. Убри, графъ Андраши какъ бы нехотя принималъ этотъ даръ Европы, не взирая на сильное сопротивленіе Каратеодори-наши съ его товарищами. А между тѣмъ князь Бисмаркъ радостно потиралъ руки, съ самодовольствіемъ сознавая, что вѣковая дверь на Балканскій полуостровъ, въ которую такъ долго и назойливо стучалась Австрія, наконецъ открыта не кѣмъ инымъ, какъ имъ самимъ, съ цѣлью вытѣснить оттуда Россію. И дѣйствительно, едва успѣли русскіе уполномоченные подписать свои имена подъ Берлинскимъ трактатомъ и воротиться въ Петербургъ, какъ уже въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Пештѣ, раздались съ официальныхъ трибунъ, не говоря уже о газетахъ, горделивыя и полунасмѣшливыя заявленія, что важнѣйшая побѣда надъ Россіей была одержана именно рѣшеніемъ вопроса о Босніи и Герцеговинѣ и что отнынѣ вліяніе Россіи должно быть вытѣснено дѣйствительною силой Австріи. Уже сдѣлалось общимъ мѣстоимъ въ европейской печати, что кн. Бисмаркъ, вытѣсняя Австрію изъ Германіи, толкнулъ ее на Востокъ, указавши ей новое назначеніе быть наслѣдницею турецкихъ земель. Однимъ разомъ онъ достигалъ двухъ цѣлей: разграничивалъ и примирялъ интересы Австро-Венгріи и Германіи, изъ прежняго соперника дѣлалъ себѣ союзника и выставялъ противъ Россіи новую силу, которая могла съ успѣхомъ дѣйствовать противъ Россіи, будучи поддержана союзною Германіей. Мысль эту кн. Бисмаркъ повелъ къ осуществленію еще гораздо ранѣе русско-турецкой войны. То, что думали мы сдѣлать собственнымъ починомъ, предлагая Австріи параллельное занятіе Босніи и Герцеговины, уже давно было внушаемо кн. Бисмаркомъ. Вотъ что венгерскій первенствующій министръ Тисса сообщалъ въ засѣданіи венгерской палаты депутатовъ 15 февраля 1879 года: «Что справедливо и что, впрочемъ, не безызвѣстно, такъ это то, что еще за много лѣтъ до Берлинскаго конгресса Германія съ прочими державами подсказывала Австро-Венгріи мысль о занятіи Бос-

шии и Герцеговины». Насколько важнымъ считалъ князь Бисмаркъ осуществленіе этой мысли, видно изъ того, что онъ самъ отправился въ Вѣну въ сентябрѣ 1879 года—въ то время, какъ графъ Андраши оставалъ должность министра иностранныхъ дѣлъ и своими личными переговорами съ уходящимъ гр. Андраши и заступающимъ его мѣсто барономъ Гаймерле усилъ настолько прочно поставить дальнѣйшее развитіе этого вопроса, уже вопреки смыслу и буквѣ Берлинскаго трактата, что оказалось возможнымъ тутъ же заключить оборонительный и наступательный союзъ между Австро-Венгріей и Германіей, предметомъ котораго была Россія. Какія рѣчи генерала Скобелева могли бы сравниться съ письмомъ, начертаннымъ по этому случаю «высоочтимую рукою» князя Бисмарка, грозящему безъ всякихъ обиняковъ, что «Германія пойдетъ съ Австріей рука-объ-руку, бокъ-о-бокъ противъ славянскаго дракона», коль скоро онъ, загнанный и припертый, посмѣетъ зашевелиться или помѣшаетъ имъ дѣлать свое дѣло на развалинахъ Турціи. Не безъ особеннаго значенія была въ *Politische Correspondenz* помѣщена статья изъ Берлина, говорившая, что Австро-Венгрія и Германія предоставятъ Россіи свободно придвигаться къ Индіи, если она отступится отъ Балканскаго полуострова. Однако въ Берлинѣ хорошо знали, что Россія не имѣетъ надобности переступать нейтральный поясъ между сферой ея вліянія въ Средней Азійи и сферою такого же вліянія Англій, да притомъ во всякомъ случаѣ берлинскіе дипломаты и стратеги понимали, что Англія достаточно сильна, чтобы помѣряться здѣсь съ Россіей. Такъ что же они уступали Россіи взамѣнъ Балканскаго полуострова?—То, что Россіи недоступно и вовсе ненужно, или, другими словами, ровно ничего. А себѣ за то выторговывали изъ рукъ Россіи лакомый кусочекъ въ Европѣ. Эта ли дружба, освященная преданіемъ?

Но восточнѣе за степными среднеазіатскими ханствами лежатъ китайскія владѣнія, откуда пока никакая европейская держава не можетъ прямо тѣснить Россію. За то кн. Бисмаркъ заботливо посылаетъ своихъ новыхъ агентовъ въ Пекинъ, откуда уже три года отсутствовалъ нашъ китайскій посланникъ г. Бюцовъ, проживая въ Петербургѣ. Одновременно съ Берлинскимъ конгрессомъ Китай, по подстрекательству изъ Берлина, предъявляетъ Россіи свои права на Кульджу. Возникаетъ кульджинскій вопросъ. Печальный конецъ его извѣстенъ. Но онъ оставилъ за собою далекій слѣдъ на будущее время во внѣшней политикѣ пекинскаго двора. Тогда какъ мы значительно ослабили себя въ военномъ отношеніи отдачею Кульджи китайцамъ, эти послѣдніе съ тревожною спѣшностью, подъ руководствомъ наставниковъ, присланныхъ изъ Германіи, образуютъ свои войска, вооружаютъ ихъ европейскимъ оружіемъ, выписываютъ пушки и предпринимаютъ громадныя работы по укрѣпленію и заселенію всей пограничной съ Россіей линіи своихъ владѣній. Это—будущая гроза для Россіи, которая по предусмотрительности нашихъ друзей должна тѣснить и

затруднять насъ на дальнемъ Востока, отвлекая наше вниманіе и наши силы на Западъ, когда наступательное къ Востоку движеніе нашихъ друзей достигнетъ извѣстныхъ размѣровъ.

Остается для насъ какъ бы открытою только одна закавказская сторона, гдѣ мы непосредственно соприкасаемся съ турецкими владѣніями. Въ Европѣ, какъ извѣстно, мы навсегда отгородили себя отъ Болгаріи, введя Добруджу въ составъ независимаго королевства Румынскаго и предоставивъ самой Болгаріи обращаться въ своей внѣшней политикѣ по вѣтру, какой она себѣ произвольно выберетъ. Зоркая и на много лѣтъ впередъ рассчитанная политика дружественной намъ Германіи не упустила изъ вида и нашего закавказскаго положенія. Пользуясь затрудненіями англійскаго правительства въ Ирландіи, которыя затрогиваютъ глубочайшіе корни внутренней англійской политики и потому не даютъ надежды на скорое и прочное ихъ разрѣшеніе, Германія затѣяла величественное предпріятіе въ Азіатской Турціи. Можно угадывать, что берлинскій кабинетъ, несмотря на недавнія взаимныя любезности съ турецкимъ султаномъ, готовъ приравнять его къ послѣдному великому Моголу Индіи, уступившему свои владѣнія англичанамъ. Дѣло въ томъ, что въ Малой Азіи Германія, какъ кажется, рѣшилась послѣдовать примѣру Англій въ Остъ-Индіи. Какъ въ послѣдней богатые англійскіе купцы, начавши съ устройства торговыхъ факторій и образовавши Остъ-Индскую компанію, подчинили страну своему правленію, а потомъ передали свою правительственную власть великобританской коронѣ, вслѣдствіе чего Остъ-Индія стала нераздѣльною частью королевскихъ великобританскихъ владѣній и при лордѣ Дизраэли возведена была въ санъ имперіи, такъ и Германія пускаетъ впередъ въ Малую Азію торговыхъ, желѣзнодорожныхъ, заводскихъ и другихъ предпринимателей съ явною цѣлію захватить въ свои руки всѣ главныя производительныя силы страны, а потомъ, опираясь на вновь водворенные здѣсь интересы своихъ подданныхъ, забрать всю страну и самое правленіе турецкое въ свою опеку и въ дальнѣйшемъ поступить по примѣру Англій. Въ *Politische Correspondenz* изложена вкратцѣ первоначальная программа этого предпріятія, заднюю мысль котораго не особенно трудно угадать. Германскій представитель въ совѣтѣ правленія владѣльцевъ турецкихъ облигацій, Принкеръ, по порученію своего правительства, изучаетъ громаднѣйшія предпріятія въ Малой Азіи, какъ-то: багдадскую желѣзную дорогу, гераклеискіе рудники, табачный акцизъ. Онъ уже вошелъ въ близкія сношенія съ богатѣйшими банкирскими домами въ Германіи, при участіи коихъ образовалось первое торговое общество съ капиталомъ въ 50 милліоновъ марокъ. Съ 1 мая текущаго года общество получить окончательную организацію и законное разрѣшеніе. На первый разъ оно намѣрено предпринять постройку желѣзной дороги въ Бруссу и заняться водвореніемъ обширной колонизаціи. Въ Аеннахъ уже находится складъ германскихъ товаровъ, которые отсюда будутъ

развиться по всѣмъ главнѣйшимъ восточнымъ рынкамъ, гдѣ откроются нѣмецкія факторіи. Примеръ имѣетъ сильныя связи въ Илдызъ-Кіоскѣ и пользуется покровительствомъ султана, на котораго главнѣйше вліяютъ старшій его адъютантъ, Решидъ-бей, и полковникъ Дрейзе, поддерживающій во дворцѣ порученіе, данное его соотечественнику.

Несомнѣнно, что эта нѣмецкая компанія, дѣйствующая совмѣстно съ политическими видами германскаго правительства, въ скоромъ времени приступитъ къ постройкѣ желѣзной дороги по долинѣ Евфрата въ направленіи къ нашему Закавказью. Здѣсь же встаетъ у насъ нѣтъ крѣпости Баязеда, которую по майскому договору съ маркизомъ Солсбери въ 1878 году графъ Шуваловъ нашелъ не лишнимъ возвратитъ Турціи, несмотря на двукратное взятіе ея русскими войсками и отчаянную оборону ея полковникомъ Штоквицемъ въ послѣднюю войну. Важность значенія этой крѣпости въ стратегическомъ отношеніи, ея положеніе, вдавшаеся клиномъ въ наши владѣнія, оцѣнены по достоинству западными стратегами и еще недавно въ *Memoirial Militaire* была помѣщена статья, указывающая на выгоды ея обладанія при наступательномъ военномъ движеніи на наше западно-каспійское побережье.

Видно таково уже судьба наша, что дипломаты наши безъ особеннаго затрудненія отдадутъ обратно наши крайніе и важнѣйшіе стратегическіе пункты: тамъ—Бульджу, здѣсь—Баязедъ, въ то самое время, когда мы еще не обезпечены отъ дальнѣйшихъ затрудненій. Кто поручится, что въ Бульджъ и Баязедъ не поселятся въ скоромъ времени военные агенты Германіи, а также Англій, когда ея правленіе перейдетъ въ руки торіевъ, и что эти природныя твердыни не сдѣлаются опорными пунктами для наступательныхъ противъ насъ дѣйствій?

Между тѣмъ въ самомъ Константинополѣ Германія не щадитъ никакихъ усилій, чтобы держать султана и Блистательную Порту въ своихъ рукахъ. Тамъ есть адъютанты и совѣтники султанскіе, приставленные кн. Бисмаркомъ, есть и устроители высшаго управленія, есть и учителя военные, есть и служащіе, прибывшіе изъ Германіи—кто съ отпускомъ отъ своего начальства, кто съ порученіемъ отъ правительства, кто съ денежнымъ пособіемъ отъ казны. Всего болѣе требуется въ турецкія войска германскихъ офицеровъ. Отуманенный, прельщенный лживыми обѣщаніями возстановленія пошатнувшагося величія власти, султанъ въ благодарность шлетъ торжественное посольство къ императору Вильгельму съ высшимъ орденомъ Нишами-Имтіасъ, а императоръ Вильгельмъ отправляетъ къ султану чрезвычайное посольство съ орденомъ Чернаго Ора.

Это взаимное дружественное пожалованіе и измѣненіе чувствъ высокаго уваженія и преданности, безъ всякихъ впрочемъ видныхъ поводовъ, не лишено было политическихъ цѣлей. Али-Низами-паша и Решидъ-бей на возвратномъ пути изъ Берлина пробыли двѣ недѣли въ Вѣнѣ, а князь Радзивилъ изъ Константинополя поѣхалъ въ Будапештъ.

Еще вскорѣ послѣ Берлинскаго конгресса Австро-Венгрія пыталась закрѣпить свое новое положеніе на Востокѣ союзомъ съ Англіей. Маркизь Солсбери рукоплескалъ этому союзу и называлъ его счастливейшимъ событіемъ. По удачному выраженію чуть ли не самого князя Бисмарка, тѣнь германскаго канцлера изъ Фридрихсруэ прилетала въ среду договаривающихся и обѣими руками благословляла новыхъ союзниковъ. Но переимѣна англійскаго министерства и честныя, трезвыя отношенія Гладстона къ гнѣздилищу политической крамолы оборвали нить сплетаемаго противъ Россіи союза. За то не безъ основанія тогда же зародилось предположеніе, что неудачу съ Англіей кн. Бисмаркъ постарается вознаградить удачею въ Турціи и что онъ создастъ тройственный союзъ: Германія, Австро-Венгрія и Турція—съ цѣлью постепеннаго разрушенія того, что сдѣлано Россіей на Балканскомъ полуостровѣ, и водворенія здѣсь господства Австро-Венгрии подъ рукою одураченнаго ими султана. Нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Турціи, Египтѣ, Тунисѣ и Малой Азіи находится въ такомъ броженіи и такъ спутано различными еще не приведенными въ согласіе стремленіями европейскихъ державъ, что надо ожидать, что когда оно установится, тогда и выступитъ на свѣтъ вышеупомянутый тройственный союзъ съ положительными признаками враждебнаго направленія противъ Россіи. Впрочемъ въ Берлинѣ уже не стѣсняются предсказывать такой союзъ. Въ *Tagblatt* прямо говорится, что преобразование турецкихъ войскъ съ помощію германскихъ офицеровъ есть одно изъ предварительныхъ условій заключенія союза между Германіей и Турціей. При случаѣ турецкія войска должны сражаться противъ славянъ вмѣстѣ съ союзными австро-венгерскими и германскими арміями.

Къ этимъ союзникамъ можно присоединить и четвертаго—папу, стремленія котораго къ окатоличенію православныхъ жителей Балканскаго полуострова съ помощію Австріи слишкомъ извѣстны. Главнаго орудователя въ этомъ дѣлѣ, епископа Штроссмайера, по мысли котораго славянскіе первоучители и просвѣтители Бирмалъ и Меоодій, для лучшей приманки славянъ, причислены къ лику святыхъ римско-католической церкви, кардиналъ Нина, въ письмѣ къ нему, называетъ ревнителемъ и распространителемъ католицизма между славянами. Папа Левъ XIII, преемникъ тѣхъ римскихъ первосвященниковъ, которые нѣкогда двигали всю западную Европу въ крестовые походы противъ мусульманскаго Востока, нашелъ нужнымъ высказать султану Абдуль-Гамиду свое искреннее сочувствіе и дружественное расположеніе, и султанъ, письмомъ отъ 19 іюля 1880 года, отблагодарилъ папу, увѣривъ его и съ своей стороны въ такихъ же дружескихъ чувствахъ. Послѣ того князь Бисмаркъ совершилъ покаянное странствіе въ Ваноссу, и теперь союзъ Ватикана и германскаго правительства установленъ.

Послѣ всѣхъ этихъ данныхъ, которыя, какъ совершившіяся или совершающіяся, событія получаютъ уже несомнѣнное историческое значеніе, не

трудно повѣрить и секретному меморандуму Узедома о границѣ Германіи по Вислу, и сказаніямъ о приглашеніи поляковъ русской Польши въ 60-хъ годахъ признать надъ собою власть Пруссіи, и дальнѣйшему раздѣлу Турціи въ пользу верховенства Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, что такъ настойчиво утверждали англійскія газеты Times и оффиціозная Pall Mall Gazette, и наконецъ новѣйшему плану князя Бисмарка о предоставленіи Познанскаго княжества и русской Польши саксонскому королю взаимѣнъ Саксоніи, предназначаемой для Пруссіи.

Изъ всего этого можно вывести одно заключеніе, въ которомъ едва ли можно сомнѣваться: это—то, что кн. Бисмаркъ, заправляющій судьбами Германіи и нахѣтившій надолго впередъ ихъ теченіе, хранящій на своемъ третьемъ прошеніи объ оставлѣннѣ собственноручную надпись императора Вильгельма: «никогда»; собственнымъ примѣромъ учить, что въ дѣлѣ внѣшней политики не можетъ быть ничего много, какъ одно только безпредѣльно преданное, неукоснительное, неуступчивое служеніе исключительно интересамъ своего государства и своей народности.

Эти только интересы и достаточно бы было имѣть въ виду и намъ въ нашей министерской программѣ.

Но о нихъ говорится только по поводу европейскаго равновѣсія, которое Россія будетъ заботиться поддержать согласно съ своими интересами. Что же такое европейское равновѣсіе? Есть ли въ немъ какое-нибудь неизмѣнное основаніе? По Парижскому трактату провозглашены были неприкосновенность и цѣльность Турецкой имперіи—и это было равновѣсіе. Италия сбросила съ себя австрійское иго и, возсоединивши свои разрозненныя части, образовала единое цѣльное королевство въ качествѣ великой державы: это—равновѣсіе. Австрія была вытѣснена Пруссіей изъ Германскаго Союза: это—равновѣсіе. Пруссія отторгнула отъ Даніи Голштинію и Шлезвигъ, отъ Франціи Эльзасъ и Лотарингію и всю Германію подчинила своему главенству, Пруссія стала Германскою имперіей: и это—равновѣсіе. Австрія двинулась на Балканскій полуостровъ и захватила двѣ области: это—равновѣсіе. Турція урѣзана, подчинена во внутреннихъ дѣлахъ вмѣшательству другихъ державъ: и это—равновѣсіе. Гдѣ же начало и конецъ европейскому равновѣсію и гдѣ же при этомъ устойчивость русскихъ интересовъ? Ясно, что говорить объ европейскомъ равновѣсіи—значить не сказать ничего. Настоящее положеніе Европы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ея окраинъ, есть плодъ смѣлой предприимчивости и хищническихъ захватовъ—съ одной стороны, и запуганности, приниженности, старомоленной бездарности—съ другой. Не въ колебаніи, стало-быть, европейскаго условнаго равновѣсія, которое зиждется на признаніи не права и правды, а совершившагося дѣянія, какъ учить князь Бисмаркъ своимъ изреченіемъ «*beati possedentes*», могутъ покоиться интересы Россіи и зависящее отъ того мирное ея состояніе, но въ чемъ-либо иномъ болѣе существенномъ. Вотъ этого-то мы и не видимъ въ мини-

стерской программѣ, гдѣ по отношенію къ внѣшнимъ дѣламъ встрѣчаемъ только одну сердечную сторону—полное миролюбіе, неизмѣнность чувствъ и дружбу.

Какіе же наконецъ ближайшіе предѣлы поставлены для Россіи, отступая къ которымъ лавнѣ, миролюбіе и дружелюбіе ея могли бы изсякнуть? Мы видимъ, что всѣ великія державы имѣютъ внѣ своего государственнаго очертанія еще болъшую или меньшую область своего преобладающаго вліянія. Это *conditio sine qua non* для всякой державы, желающей имѣть вѣсь въ международныхъ сношеніяхъ и дорожающей своимъ достоинствомъ. Такъ Англія имѣетъ вліяніе на прибрежныя государства, благодаря ихъ доступности для ея флотовъ,—Данію, Португалію, Грецію, Египеть, Малую Азію и часть Европейской Турціи; Франція—на Сирію, Тунисъ, Египеть, отчасти Бельгію, Эльзась и Лотарингію; Италія—на Триестъ, Южный Тироль, Далмацію; Германія—на коронныя земли Австріи, населенныя нѣмецкимъ племенемъ, и отчасти на Румынію. Прѣжнее обширное вліяніе Пруссіи на Германскій Союзъ увѣнчано подчиненіемъ всей Германіи ея главенству, точно также какъ вліяніе Сардиніи на остальную Италію привело къ объединенію всей Италіи. Австро-Венгрія подчинила своему вліянію Сербію и Черногорію. Кругъ вліянія Россіи съ Петра Великаго былъ громаденъ. Всѣ православныя области Турецкой имперіи: Румынскія княжества, Болгарія, Сербія, Черногорія, Герцеговина, Боснія и даже Далмація, цѣлая половина австрійскихъ владѣній, населенная славянами,—входили въ кругъ ея вліянія, сами стремились къ тѣсной связи съ нею, искали въ ней опоры, засылали къ ней своихъ ходатаевъ, обращались съ письменными прошеніями. Не подчиненія конечно добивались они въ большинствѣ случаевъ, хотя въ разное время и Румынскія княжества, и Черногорія, и Сербія добровольно признавали русскаго царя какъ бы верховнымъ надъ собою владыкою и даже австрійскіе сербы просялись подъ русское подданство. Россія обнаружила въ этомъ случаѣ умѣренность и безкорыстіе. Она отвергала такія предложенія въ противуположность Австріи, которая для подобныхъ обращеній не останавливалась ни передъ какою ложью, ни передъ подкупами народныхъ измѣнниковъ. Она сдѣлала больше: отказалась отъ обладанія сосѣдними Румынскими княжествами и предпочла водвореніе въ нихъ самоуправленія. Но она, т. е. оффиціальная Россія, зашла уже слишкомъ далеко въ попятномъ движеніи. Тогда какъ турецкіе и австрійскіе славяне сами шли на встрѣчу ей, она пятилась отъ нихъ все дальше и дальше частію по непониманію началъ народности, частію изъ угодливой робости. Вмѣсто того, чтобы поддерживать въ ихъ средѣ свое вліяніе,—разумѣется, нравственное,—она все болѣе и болѣе отречалась отъ него, доходя порою до самоотрицанія. Черезъ это она теряла свою международную силу и свое европейское значеніе; изъ-подъ ногъ ея уходила почва—та благодарная почва для воздѣйствія на другія державы, а гдѣ и для парализованія вражды. Другія

державы всякими искусственными мѣрами добиваются такой почвы внѣ своихъ предѣловъ, а ей эта почва сама собою давалась. Держась на этой почвѣ, она являлась бы невидимою, но вліятельною силой внутри другаго государства, а это и есть верхъ стремленій и искусства дипломатіи.

Не можетъ быть, чтобы нынѣшняя русская министерская программа могла обойтись хотя безъ намека на эту вспомогательную силу, которую такъ ловко уже пользовались и пользуются другія великія европейскія державы и которая непосредственно дополняетъ собою внутреннюю государственную силу. Послѣ Парижскаго мира кн. Горчаковъ произнесъ извѣстные слова: «la Russie ne boude pas, mais elle se recueille». Подъ конецъ однако оказалось, что la Russie recule. Теперь уже нельзя указать ни одного клочка запредѣльнаго ея вліянія въ Европѣ. Министерская программа намекаетъ, что таковъ взглядъ и нашей дипломатіи. Въ ней сказано: «Ей, т. е. Россіи, остается только упрочить свое положеніе, оградить себя извнѣ и развить свои силы, свои богатства, свое благосостояніе». И далѣе: «только долгъ защитить честь свою или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы». Итакъ, ясно, что Россія уходитъ въ саму себя, замыкается въ самой себѣ. Чего только боялись ея сосѣди, а за ними и другіе, что такъ высоко въ ея пользу цѣнили они, противъ чего были постоянно направляемы ихъ усилія: земельные дѣлежи, пропаганда, колонизація, онѣмеченіе, вопли притворнаго ужаса, козни, клеветы, призраки панславизма, московскіе рубли и пр. и пр.,—то Россія теперь добровольно покидаетъ, ограждалась извнѣ. Неужели враги ея могутъ торжествовать новую мирную побѣду надъ ней, предполагая ее втиснутую въ свои географическія границы, сбитою съ европейской почвы, предоставившею на произволъ другихъ свое историческое наслѣдіе? Неужели можно предположить, что предѣлы чести и безопасности Россіи совпадаютъ съ ея географическими предѣлами и что внѣ ея государственной черты ни интересы православія, имѣющіе въ данную минуту политическое свойство, ни интересы народностей, привлеченныхъ подъ ея вліяніе трудами прежнихъ поколѣній, ни угрозы, воздвигаемыя противъ нея за этою чертою, — не затрагиваютъ ея державнаго достоинства и безопасности? Еслибъ это было такъ, то по-истинѣ громадную жертву принесла бы Россія, низойдя безъ борьбы до уступки тѣмъ вражескимъ подыскамъ, которыми хотѣли выбить ее изъ европейскаго положенія.

Теперь только полнымъ свѣтошъ озаряется злорадство враговъ Россіи, которые давно уже усвоили себѣ дерзость громко заявлять, что Россія занята внутреннею смутой и что ей не до внѣшнихъ дѣлъ, которыя они обрабатываютъ по-своему, какъ имъ желательно. Если это дѣйствительно такъ, то какое страшное преступленіе совершаютъ русскіе крамольники противъ всего русскаго народа, производя такое подавляющее дѣйствіе на его внѣшнія дѣла! Не говоря о преступленіяхъ, которыми они поражаютъ внутренность Россіи (это не цѣль настоящей замѣтки), ихъ смута тяжко,

губительно отражается и на международномъ положеніи Россіи, заставляя ее безмолвствовать и отказываться отъ всего, что за предѣлами своей государственной области она имѣла наследственнаго отъ прежнихъ поколѣній. Мало того: отступая въ свои географическіе предѣлы, она свой ви́шній кругъ вліянія отдастъ на жертву своимъ и его врагамъ, которые не замедлятъ обратить его противъ нея же самой. Военная конвенція между Австро-Венгріей и Сербіей—дѣло ближайшей минуты, и тогда сербскія войска, всегда прежде сражавшіяся рука объ руку съ русскими, пойдутъ противъ нихъ; босняки и герцеговинцы скоро дадутъ своихъ рекрутовъ Австріи, которая также поведетъ ихъ противъ Россіи; Черногорія, стиснутая Австріей, уже не будетъ въ состояніи сдѣлать въ пользу Россіи диверсію, какъ бывало прежде; а окатоличенное населеніе прежнихъ православныхъ земель повернетъ тыломъ къ Россіи и уже всѣмъ нравственнымъ существомъ своимъ будетъ противъ нея, и т. д. и т. д. до безконечности.

Нельзя признать, чтобы было въ порядкѣ вещей, при средствахъ, отпускаемыхъ русскимъ казначействомъ на содержаніе вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, и при хорошемъ подборѣ людей, ослаблять и сокращать ви́шнее положеніе Россіи только потому, что она отвлечена внутренними затрудненіями. Тѣмъ менѣе можно бы было допустить, чтобы нашей дипломатіи удобно было докладывать Европѣ, что на Россіи лежатъ прежде всего заботы о самой себѣ. Но ужь если таковъ въ дѣйствительности взглядъ нашей дипломатіи, то нѣтъ достаточно словъ для обвиненія нашихъ внутреннихъ сѣятелей смуты. Уже по ходу однихъ ви́шнихъ дѣлъ каждый русскій, любящій свое отечество и горячо въ сердцу принимающій честь и достоинство своей родины, съ отвращеніемъ отнесется къ нимъ, видя въ нихъ орудіе враждебной силы, направленное къ сокрушенію ви́шняго могущества Россіи. Они думаютъ, что дѣйствуютъ самостоятельно, по убѣжденію,—напрасно. Тайныя внушенія, пущенныя издалека, переходя черезъ нѣсколько молодыхъ головъ, уже превращаются въ убѣжденіе; такъ по крайней мѣрѣ имъ самимъ кажется, хотя для того, чтобы самому въ себѣ создать внутреннее убѣжденіе, нужно побольше и лѣтъ жизни, и научнаго образованія, и опытныхъ свѣдѣній, и мало ли еще какихъ умственныхъ и душевныхъ запасовъ, чѣмъ сколько ихъ есть налицо у русскихъ анархистовъ. При такомъ условіи и самыя убѣжденія могутъ и должны измѣниться, если честность относительно самого себя не допускаетъ косненія въ изувѣрствѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдній лондонскій конгрессъ анархистовъ отправилъ своихъ эмиссаровъ въ Россію; вѣрнѣе всего, что они снабжены австрійскими паспортами, потому что въ Австро-Венгріи всего болѣе найдется такихъ людей, которые по своей народности могутъ удобнѣе дѣйствовать въ Россіи. Съ другой стороны, нѣкоторыя польскія газеты общали еще не такъ давно раскрыть доказательно нити крамолы, идущей

щія изъ Германіи. Хитроумный Западъ умѣетъ скрыть первоначальный источникъ, откуда зарождается и поддерживается внутренняя смута въ Россіи, такъ что для самихъ крамольниковъ остается это неизвѣстнымъ. Оставляя не русскія имена и носящія ихъ человѣческія существа, которыя во множествѣ встрѣчаются въ политическихъ процессахъ, обращаюсь къ русскимъ смутникамъ съ вопросомъ: неужели они не видятъ, что безусловно и исключительно дѣйствуютъ на руку внѣшнимъ недоброжелателямъ Россіи, придавая этимъ послѣднимъ болѣе смѣлости въ стѣсненіи Россіи извнѣ? Россію очевидно хотятъ поставить въ *circulus vitiosus*, въ закодированный кругъ, въ которомъ она прежде всего должна истребить смуту для того, чтобы потомъ можно было ей выйти на просторъ европейской международной жизни и постоять за себя; но внутреннюю смуту питають и поддерживаютъ извнѣ ея же нравственно-испорченными силами, такъ что кругъ этотъ, по ихъ расчетамъ, долженъ оставаться замкнутымъ.

Какъ же разомкнуть его?—Ужь конечно не завѣреніями передъ иностранцами въ смыслѣ *la Russie geule*. Такія завѣренія могутъ лишь ободрять дерзость внѣшней крамолы, разчитывающей на внутреннюю слабость Россіи. Этой слабости нѣтъ и не можетъ быть въ народномъ русскомъ существѣ; но заграничныя предположенія о ней могутъ доискаться какъ бы нѣкотораго себѣ подтвержденія, перетолковывая въ свою пользу то мѣсто министерской программы, гдѣ говорится, что Россіи остается только «огрѣдить себя извнѣ».

II.

Дипломатическая школа Меттерниха, окончательно въ 1848 году отжившая въ западной Европѣ, продолжала у насъ дѣйствовать при гр. Нессельроде и ин. Горчаковѣ, а можетъ-быть и впредь будетъ дѣйствовать. По ученію этой школы, примѣненному къ Австро-Венгріи, русская дипломатія поддерживаетъ представленіе объ этой разноплеменной и искусственно свинченной монархіи Габсбурговъ какъ о живомъ и болѣе или менѣе цѣльномъ тѣлѣ, подобно другимъ государствамъ, въ которыхъ самородное правительство вышло изъ народа и дѣйствуетъ съ народомъ, въ народѣ и для народа. Не желая знать или принять въ соображеніе искусственность, съ которою Габсбургскій домъ, чуждый всѣмъ австро-венгерскимъ народностямъ, кромѣ одной незначительной доли нѣмцевъ, старается править своимъ государствомъ, русская дипломатія смотритъ, по своимъ старымъ преданіямъ, на населеніе, управляемое Габсбургами, какъ на нѣчто безразличное, какъ на простой матеріалъ управленія. Эти, исключительно кабинетныя, отношенія, при которыхъ только въ воображеніи дипломатовъ существуютъ единство и крѣпость государственнаго строенія Австро-Венгріи, вводили Россію въ прежнее время въ большія ошибки

и порою горькое разочарованіе. Петербургскій кабинетъ сносился съ вѣнскимъ кабинетомъ по одному общепринятому шаблону, а что составляло существо государственное въ Австріи, загораживаемое правительствомъ, того и не принимали въ расчетъ. Оттого Россія ошибочно измѣрля удѣльный вѣсъ Австріи и теперь, кажется, продолжаетъ измѣрять его величиною государственной области и населенія: отсюда—и ошибочная оцѣнка ея силъ.

Но стоило бы только измѣнить нашу кабинетную политику, какъ она вездѣ въ Европѣ измѣнена, на народную, стоило бы только провѣтрить этотъ застоявшійся въ четырехъ стѣнахъ кабинетный воздухъ, впустить въ него свѣжую струю народности—и тогда представленіе объ Австріи или нынѣшней Австро-Венгріи, какое мы издавна составили себѣ, улетучилось бы. Австрія явилась бы на половину проникнутою склонностію ея населенія къ Россіи, и эта естественная склонность, будучи совершенно законною, постоянно дѣлала бы суетными всѣ движенія противъ Россіи другой половины населенія. Такимъ образомъ при народной и сколько-нибудь естественно-человѣческой политикѣ Россія не имѣла бы причины не только опасаться Австріи, но даже и принимать въ строгій расчетъ ея голосъ въ международныхъ дѣлахъ, гдѣ замѣшаны наши существенныя пользы и выгоды. Относительно Россіи Австрія оставалась бы всегда недвижною, потому что два внутреннихъ противоположныхъ теченія взаимно сдерживали бы одно другое. Эта тайна основнаго бытія Австріи давно уже сознавалась и самими Габсбургами, и ихъ правительствомъ; они ставили ее выше даже самыхъ важныхъ политическихъ затрудненій, которыя имъ приходилось испытывать,—для нея они жертвовали многимъ. И тогда, когда Россія, ошибочно считая Австрію государствомъ подобнымъ другимъ, избирала путь и дѣйствовала согласно этому общему представленію, Австрія, руководимая тайною своего бытія, вдругъ сворачивала въ сторону и избирала, повидямому, ничѣмъ необъяснимое положеніе, которое только въ этой тайнѣ находило всегда свое разрѣшеніе. «Россія не должна имѣть нигдѣ и никогда въ Европѣ рѣшительнаго успѣха, особенно въ дѣлахъ славянскихъ, иначе она привлечетъ къ себѣ расположеніе австрійскихъ славянъ—и тогда Австрія окажется въ разложеніи. Внутреннее разложеніе еще не столь опасно,—его можно исцѣлить изворотливостію внутренней политики,—но разложеніе, устремленное за предѣлы государства и внѣ ихъ находящее себѣ причину, это то же, что государственное безсиліе, это—косность». Такова приблизительно формула этой тайны. Для поясненія достаточно указать на слѣдующее. Когда Суворовъ спасалъ Австрію отъ французовъ въ Италіи, вѣнскій дворъ подставлялъ ему при этомъ ногу и едва не успѣлъ сгубить всей русской арміи въ Швейцаріи. Когда императоръ Александръ I, изгнавши Наполеона изъ предѣловъ Россіи, шелъ освобождать Европу, Австрія оставалась на сторонѣ Франціи въ явномъ противорѣчій съ своими собствен-

ными интересами. Только усиленное ухаживаніе русскою дипломатіи за княземъ Шварценбергомъ и значительныя обезпеченія со стороны освобождающей Россіи освобождаемой ею Австріи, и притомъ насчетъ славянъ, подвинули, наконецъ, Австрію пристать къ союзнымъ Россіи и Пруссіи. Когда императоръ Николай I спасъ Австрію отъ распаденія, она всѣми мѣрами старалась умалить и исказить этотъ напрасный подвигъ союзническаго великодушія и потомъ въ удобную минуту нанесла вредъ Россіи. Только страхомъ за свое государственное бытіе можно объяснить эти поступки австрійскаго правительства и множество мелкихъ, съ ними однородныхъ. Вся Европа кричала на первыхъ порахъ о неблагодарности Австріи, тогда какъ тутъ дѣйствовало другое, болѣе уважительное и понятное, чувство самосохраненія. Отъ самосохраненія Австрія въ удобныя минуты спѣшила перейти къ нападенію, выражавшемуся во вредныхъ просякахъ и подкноахъ противъ Россіи. Примѣровъ—безъ числа.

Что же русская дипломатія, наученная опытомъ и, вѣроятно, не хуже другихъ понимающая суть дѣла, — приняла ли она какія-либо мѣры къ тому, чтобы для Россіи Австрія ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не имѣла значенія какаго бы то ни было препятствія?

Есть документальныя доказательства, что въ 50-хъ годахъ русская дипломатія смотрѣла на Австрію именно такъ, какъ я сказалъ выше; затѣмъ въ завѣдываніе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ вступилъ князь Горчаковъ, имѣвшій во время своего пребыванія въ Вѣнѣ полную возможность изучить внутренній составъ Австрійской имперіи. При кн. Горчаковѣ взглядъ нашей внѣшней политики, а также и приемы ея нисколько не измѣнились. Послѣ Парижскаго мира нашей дипломатіи предоставлялось взвѣсить и обсудить наши отношенія къ Австріи, пользуясь свѣжимъ урокомъ, который долженъ былъ убѣдить въ совершенной непригодности школы гр. Нессельроде. Пренія связи порваны, свобода дѣйствія была полная. Однако мы не только ни на шагъ не отступили отъ прежняго способа возрѣнія на Австрію, не только не постарались познакомиться съ отечественною исторіей прошлаго столѣтія и заручиться въ самой Австріи благоприятными для насъ элементами, а напротивъ, при всякомъ лживомъ крикѣ, умышленно-недобросовѣстномъ обвиненіи насъ въ панславизмѣ, принимая все это за чистую монету, старались чураться всего славянскаго, отказывались и отъ законныхъ общечеловѣческихъ правъ, какими пользовались, напримѣръ, германскіе нѣмцы относительно остзейскихъ нѣмцевъ. Нашъ представитель въ Вѣнѣ г. Новиковъ зналъ только кабинетныя сношенія и старался быть приятнымъ вѣнскому двору, обнаруживая совершенно противоположное направленіе тому, которому долженъ бы былъ слѣдовать въ истинныхъ интересахъ Россіи и въ преемствѣ историческаго преданія.

Вышло то, что мы собственными же усиліями придавали призрачной Австріи, какою она должна бы быть для Россіи, плоть и кровь. Волна

противъ насъ продолжали раздаваться съ цѣлью запугать насъ, чтобы мы съ кривой не свернули на настоящую дорогу, и тѣмъ громче порою они слышались, тѣмъ ревностнѣе трудились мы надъ созданіемъ изъ Австріи дѣйствительнаго органическаго государства согласно нашимъ кабинетнымъ представленіямъ. Въ итогѣ получилось то, что и въ 70-хъ годахъ изъ опасенія Австріи, какъ подлиннаго государства, мы сдѣлали ей такъ много уступокъ, такъ усердно засылали къ ней и заискивали въ ней, что послѣдняя турецкая война принесла намъ только ущербъ въ международномъ положеніи, а Австріи—осязательныя выгоды. Кроме того, держась стародавняго представленія объ Австріи, какъ цѣльномъ и свободно дѣйствующемъ государствѣ, мы дали поводъ Англии и Германіи рассчитывать на Австрію какъ на могущественнаго фактора въ рѣшеніи восточнаго вопроса въ смыслѣ для насъ неблагопріятномъ.

Насколько мы не знали Австріи и ошибались въ ея дѣйствительномъ значеніи, укажу на одинъ случай, обнаружившій изъ-подъ личности государственной силы ея жизненную слабость. Какъ извѣстно, въ предпоследнюю турецкую войну Австрія выдвинула въ тылъ нашимъ войскамъ двѣ арміи: одну—къ границамъ Румыніи, другую—къ Землинѣ. Войска ея знали, что цѣль этого движенія была во вредъ Россіи; между тѣмъ всѣ вообще славянскія народности были одушевлены въ пользу Россіи, и это чувство не могло не отразиться и въ славянскихъ войскахъ. И вотъ, подойдя къ Землинѣ, славянскіе полки отказались идти дальше. Смута и переполохъ были страшные. Австрійскія власти прибѣгли къ хитрости; они объявили солдатамъ, что они дальше не пойдутъ, что ихъ распускаютъ по домамъ и чтобы поэтому они сдали свое оружіе. Солдаты повиновались и когда оружіе было у нихъ отобрано, ихъ окружили цѣпями и мадьярскими полками и потомъ безъ разбора, отсчитывая девять, каждаго десятаго разстрѣливали. Случай этотъ не былъ допущенъ къ оглашенію въ печати. Австрійское правительство приглушило его. Извѣстенъ ли былъ опъ нашей дипломатіи? Но не мѣшало бы, чтобы тогда же дипломатія приняла его въ соображеніе на будущее время.

Итакъ, Австрія всего болѣе страшится русской народной политики и употребляетъ всѣ усилія, чтобы ея не было и духа. Официальный Петербургъ для нея не страшенъ: это видно изъ тысячи любезностей, которыми русская дипломатическая газета напутствовала удалявшагося изъ Петербурга графа Кальноки-де-Вереспатакъ, и изъ другихъ уже не совсѣмъ похвальныхъ поступковъ этой газеты, печатающей пристрастно и завѣдомо-ложно такія одностороннія извѣстія, которыя служатъ къ выгодѣ Австріи и обману общественнаго мнѣнія Европы. Австрія хорошо понимаетъ, что иное дѣло—Россія, представляемая дипломатіей, и иное дѣло—Россія въ русскомъ народѣ. Ничто не могло бы такъ убійственно подѣйствовать на Австрію и принести дѣйствительный миръ Европѣ, какъ хотя временное отстраненіе дипломатическихъ ширмъ и непосредственное пре-

бываніе русскаго Царя въ средѣ своего народа. И вотъ наглядное и знаменательное тому доказательство.

Въ Боккѣ Боторской объявленъ былъ прошлою весной рекрутскій наборъ. Австрійское правительство предвидѣло затрудненіе въ исполненіи этого несправедливаго распоряженія, нарушавшаго исконныя права мѣстнаго населенія, укрѣпленныя за нимъ обязательствомъ Габсбурговъ и ручательствомъ императора Александра I въ письмѣ къ черногорскому владыкѣ Петру Петровичу Нецошу. Приготовленія однако шли своимъ чередомъ. Населеніе было оповѣщено. Вдругъ получается въ Вѣнѣ извѣстіе, что русскій Императоръ предпринялъ путешествіе въ Москву и далѣе во внутреннія великороссійскія губерніи. Мигомъ, будто по какому волшебству, всѣ слухи о наборѣ замолакли, распоряженія приостановились, правительственныя власти смолкаютъ; нѣтъ больше и помину о наборѣ. Съ чуткимъ трепетомъ прислушиваются въ Вѣнѣ ко всему, что сообщается о Высочайшемъ путешествіи. Внутренняя австрійская политика притихла. Ее смущаютъ безчисленные неумолкаемые и восторженные голоса русскаго народа, встрѣчающаго и привѣтствующаго лицомъ къ лицу своего Государя и непосредственно изъ устъ царскихъ слышащаго милостивое царское слово. Грознымъ призракомъ встаютъ передъ Вѣной живая русская сила, готовая на всякое самопожертваніе, могучій русскій духъ въ прямомъ общеніи съ русскимъ Царемъ. Все, что было затѣяно и подготовлялось смутнаго и несправедливаго, отложено въ ожиданіи будущаго. Ждутъ, не будетъ ли какихъ извѣстій, хотя косвенно относящихся до международнаго положенія Россіи. Но Высочайшее путешествіе окончено. Съ удвоенною торопливостью дѣлаются вновь изъ Вѣны распоряженія о рекрутскомъ наборѣ; возможность сопротивленія мѣстнаго населенія уже болѣе не принимается въ соображеніе. Вѣнскій кабинетъ какъ будто чувствуетъ себя вновь съ развязанными руками. Генераль Даленъ объявляетъ рекрутскій наборъ и въ прокламаціи обязываетъ мѣстное населеніе, — умалчивая, что оно находится въ подданствѣ у султана, — служить подъ австрійскимъ знаменемъ и идти куда укажетъ его императорско-королевско-апостольское величество. Послѣдствія принадлежатъ уже настоящей минутѣ.

Такимъ образомъ разгадка на-лицо. Внѣшнее опредѣленіе Россіи не тамъ, гдѣ сочиняются ноты, откуда направляются въ извѣстныя газеты восторженныя похвалы и барону Гаймерле, и графу Кальноки, гдѣ для общаго свѣдѣнія отмѣчается, какое выраженіе лица замѣчалось у князя Бисмарка, — не тамъ, гдѣ во всеуслышаніе говорятъ: «Мы счастливы, что предугадали со стороны гр. Кальноки и изъ его собственныхъ устъ свидѣтельство о томъ, что онъ удостовѣренъ въ миролюбіи Россіи» (тогда какъ, наоборотъ, приличнѣе бы было назвать гр. Кальноки счастливымъ вслѣдствіе миролюбія Россіи); но опредѣленіе это тамъ, гдѣ русскій Царь и съ нимъ весь его преданный народъ. Вотъ гдѣ подлинная Россія, которой боится, которою дорожитъ Австрія.

Да, не Австрія нужна Россіи, а Россія нужна для Австріи.

Данцигское свиданіе, состоявшееся въ послѣднихъ числахъ августа послѣ Высочайшаго путешествія по кореннымъ русскимъ областямъ, заставило Австрію обнаружить это признаніе довольно замысловатымъ способомъ. Будто бы императоръ Францъ-Іосифъ, находясь въ Мишкольце и спѣша на маневры къ своимъ «храбрымъ» войскамъ, бросилъ въ стоявшую на полу корзину клочки двухъ полученныхъ имъ въ тотъ день телеграммъ: одной—отъ русскаго Императора, другой—отъ барона Гаймерле.

На судѣ въ Мишкольце дѣло представилось въ слѣдующемъ видѣ. Послѣ отбытія императора Франца-Іосифа изъ Мишкольце, вся мебель изъ помѣщенія, имъ занимаемаго, была отнесена обратно въ мебельный магазинъ, откуда была взята на прокатъ для императорскаго двора. Въ числѣ прочихъ вещей попала въ магазинъ и корзина съ бумагами. Журналистъ Ванчи, слѣдившій за этимъ передвиженіемъ мебели, замѣтилъ въ корзинѣ красные клочки какихъ-то бумагъ; онъ собралъ ихъ и унесъ съ собою. На досугѣ онъ сложилъ эти клочки и получилъ полный текстъ двухъ депешъ, которыя и отдалъ напечатать въ мадьярской газетѣ *Egyétértes*.

Депеши эти были шифрованные и гласили:

Первая, которую, вслѣдъ за мадьярскою нескромною газетою, поторопилась обнародовать и наша *Journal de St. Pétersbourg*:

«Его величеству, императору австрійскому въ Мишкольце.

«Поздравительная телеграмма, присланная тобою по случаю дня Моего тезоименитства, глубоко тронула Меня и Я отъ души благодарю тебя за нее. Я былъ очень радъ видѣть императора Вильгельма, уважаемаго друга, съ которымъ насъ связываютъ общія узы самой глубокой привязанности». — «Александръ».

Эта депеша помѣчена: «С.-Петербургъ 12 сентября (31 августа) 1881 г.»

Другая:

«Вѣна 15 (3) сентября 1881 г., 4 ч. 58 м. пополудни.

«Графъ Кальноки телеграфируетъ: г. Гирсъ, котораго я только что видѣлъ, очень доволенъ взаимными впечатлѣніями данцигскаго свиданія. Императоръ Александръ возвратился съ высокими чувствами успокоенія и внутренняго удовольствія; въ особенности хорошее впечатлѣніе произвела какъ на Царя, такъ и на г. Гирса мудрость и неожиданная умѣренность словъ князя Бисмарка и успокоила ихъ относительно того, что онъ не преслѣдуетъ нигдѣ никакихъ иныхъ, кромѣ мирныхъ, цѣлей. Императоръ Вильгельмъ сообщил императору Александру столь успокоительное заявленіе въ Гаштейнѣ нашего всемилостивѣйшаго государя и прибавилъ, что онъ съ радостію нашелъ подтвержденіе извѣстныхъ ему дружественныхъ чувствъ его императорскаго королевскаго апостолическаго величества. Послѣ того, какъ г. Гирсъ фактически подтвердилъ, что на полѣ вѣдшей политики нѣтъ никакого внушающаго опасенія вопроса, разговоръ сосредоточился главнымъ образомъ на борьбѣ съ социалистическою

опасностію, и тутъ также князь Бисмаркъ рекомендовалъ большую осторожность и умѣренность при предложеніи международныхъ мѣръ. Г. Гирсъ говоритъ, что самая многозначительная сторона данцигскаго свиданія заключается въ томъ, что Царь тѣмъ самымъ не двусмысленно выразилъ предъ лицомъ всей Россіи свою волю продолжать консервативную и миролюбивую политику». — «Гаймерле».

Судебное преслѣдованіе за напечатаніе этихъ депешъ было возбуждено по требованію барона Гаймерле, на основаніи полномочія, даннаго ему императоромъ Францомъ-Иосифомъ. Судъ приговорилъ журналиста Ванчи къ аресту на 3 дня и денежному штрафу въ 30 флориновъ.

Бывшій австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ бар. Гаймерле не нашелъ неумѣстнымъ предавать гласности суда это дѣло. Такимъ образомъ самый приговоръ суда установилъ достовѣрность того будто бы пути, каковыя депеши, не подлежащія обнародованію, попали въ печать.

Обвиненіе, поддерживаемое прокуроромъ, мотивировано нарушеніемъ тайны писемъ и депешъ, совершеннымъ чрезъ противозаконное присвоеніе себѣ того, что послано было на имя другаго лица. Но едва ли такого рода обвиненіе можетъ быть состоятельно въ данномъ случаѣ: могла ли тайна продолжать оставаться тайною, когда раскрытый шифръ депеши бросается въ корзину какъ уже ни къ чему не пригодный? И развѣ взять изъ корзины клочки бумаги, предоставленные на произволеніе перваго встрѣчнаго, значить присвоить себѣ то, что принадлежитъ другому? Подстольная корзина никогда не можетъ отправлять службу ни портфеля, ни архива.

Неизвѣстно, какъ взглянула на клочки императорской депеши русская дипломатія, но конечно въ русскомъ царствѣ найдется не одинъ вѣрно-подданный, который возмутится такимъ обращеніемъ съ депешкою своего Государя. Дальнѣйшее официальное молчаніе не можетъ, конечно, успокоить справедливое негодованіе русскаго человѣка.

Но такъ ли все это было въ дѣйствительности, хотя приговоръ суда, повидимому, и подтвердилъ справедливость разсказа Ванчи?

Въ недавнее время были на Западѣ случаи обнародованія секретныхъ документовъ, и каждый разъ такой поступокъ приписывался нескромности мелкихъ чиновниковъ, переписчиковъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ все совершалось по распоряженію самого министра, который, не рѣшаясь прямымъ путемъ нарушить дипломатическое приличіе, избиралъ для того окольный путь. Обыкновенно сообщался во всеобщее свѣдѣніе такой документъ, которымъ министръ могъ похвалиться передъ обществомъ или палатами. Достаточно припомнить дѣло Марвина.

18 (30) мая 1878 г. между маркизомъ Солсбери и графомъ Шуваловымъ состоялось секретное соглашеніе, безъ котораго не могъ быть созванъ и Берлинскій конгрессъ, какъ вѣнецъ «той солидарности съ великими державами, которой, по выраженію правительственнаго заявленія,

Россія добивалась двадцать лѣтъ». По этому секретному соглашенію Россія отказалась въ Азіи отъ Баязеда, этой дорогой по своему стратегическому значенію крѣпости, вдвойнѣ дорогой—и по количеству пролитой подъ ея стѣнами русской крови, и по достославному сидѣнью въ ней полковника Штоввица. По этому же соглашенію Россія отступилась отъ условій Санъ-Стефанскаго договора, касавшихся Европейской Турціи, и жертвовала мнѣческому европейскому концерту, созданному воображеніемъ князя Горчакова, правами своей государственной полновластности и главнѣйшими итогами многотрудной войны. Всѣ эти лживыя угрозы европейскаго вооруженнаго вмѣшательства, всѣ эти семитысячныя индійскія арміи, перевезенныя на Мальту, всѣ эти флоты, снаряженные къ берегамъ Босфора, были лишь мыльнымъ пузыремъ, по позднѣйшему признанію самихъ англійскихъ министровъ, и однако они произвели въ свое время такое сильное дѣйствіе на графа П. А. Шувалова, что онъ счелъ нужнымъ совершить поѣздку въ Петербургъ и потомъ немедленно, по возвращеніи въ Лондонъ, подписать роковое майское соглашеніе. Лорду Биконсфильду было чѣмъ щегольнуть передъ общественнымъ мнѣніемъ—и вдругъ въ газетѣ Globe появляется текстъ этого самаго соглашенія, переписанный въ лишнемъ экземплярѣ нѣкимъ вольнонаемнымъ служащимъ въ Foreign Office, Марвиномъ. Публика могла бы еще сомнѣваться въ подлинности этого документа; но чтобъ отстранить всякое сомнѣніе въ этомъ отношеніи, лордъ Биконсфильдъ обращаетъ дѣло къ суду. Судъ разбираетъ и ставитъ противъ Марвина обвинительный приговоръ, опредѣляя ему двухнедѣльный арестъ. Цѣль достигнута, подлинность оглашеннаго документа доказана—и лордъ Биконсфильдъ торжествуетъ.

Сходство обстоятельствъ наводитъ на мысль, не съ подобною ли цѣлью обнаружены и австрійскіе секретные документы, а для лучшаго отвода избрана незначительная, но независимая и сенсационная мадьярская газета? Въ самомъ дѣлѣ, въ Данцигѣ происходитъ неожиданное свиданіе между русскимъ и германскимъ императорами; общественное мнѣніе незадолго до того считало Австро-Венгрію отстраненною отъ взаимныхъ дружескихъ связей двухъ сѣверныхъ имперій; свобода дѣйствія Австро-Венгрии на Балканскомъ полуостровѣ, еслибъ она не была обезпечена благоволительнымъ расположеніемъ Россіи, не могла бы казаться прочною; самые народы Австро-Венгерской монархіи не могли бы съ увѣренностію поддерживать свое правительство въ его движеніи на Востокъ, и вообще ощущалось въ это время какое-то тревожное опасеніе, которое невольно выдавало сокровенную робость и тайно сознаваемое безсиліе Австро-Венгрии, коль скоро у нея не было надежной заруки въ Россіи. И вотъ, чтобъ успокоить общественное мнѣніе, чтобы доказать, что Австро-Венгрія сильна въ своихъ дѣйствіяхъ дружбою Россіи, что противъ нея ничего не имѣется, что и она причастна тѣснымъ узамъ связующимъ Россію и Германію,—появляются на свѣтъ двѣ секретныя депеши. Подлинность одной слѣшшитъ

подтвердить *Journal de S.-Petersbourg*, воспроизводя ее у себя; подлинность второй книгъ не опровергается, а обѣихъ вмѣстѣ подтверждается судомъ, что и слѣдовало доказать въ интересъ вѣнскаго двора.

Какъ бы то ни было, для трезваго русскаго взгляда не подлежитъ болѣе сомнѣнiю, что силу свою и увѣренность въ самой себѣ Австрія почерпаетъ лишь въ Россіи при посредствѣ берлинскаго двора. Стало-быть, не мы должны заискивать въ ней, а она въ насъ. Если она обнаруживаетъ удивительную, даже непонятную смѣлость въ своихъ дѣйствiяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ каждый шагъ ея попираетъ старинныя историческія приобрѣтенiя Россіи и во всякое другое время могъ бы возбудить европейскую тревогу, то очевидно, что ей не страшенъ дипломатическій Петербургъ.

А. Майковъ.

Хроника французской жизни.

Принятие сенатомъ закона объ обязательномъ обученіи. — Анти-клерикальный конгрессъ. — Новое фіаско Гамбетты. — Патеръ Мансамбре и отецъ Гиадинтъ. — Приѣзъ Сюлли Прюдомъ въ академію. — Новыя книги: „Людвигъ XV и Елизавета Россійская“ Альберта Вандаль. V-й томъ Исторіи революціоннаго трибунала г. Валлонъ. — „Pot-bouille“ Эмиля Золя. — Обзоръ періодической печати. — „Zes Rantzou“, драма гг. Эрмана и Шатріана. — Некрологи.

Послѣ долгихъ и горячихъ преній сенатъ утвердилъ законъ объ обязательномъ обученіи. Въ силу одной изъ статей этого закона, министръ вѣроисповѣданій лишенъ права вмѣшательства и наблюденія въ народныхъ школахъ и пріютахъ. Католическая партія выразила опасеніе, что религиозное чувство въ дѣтяхъ этою мѣрой будетъ окончательно уничтожено. Жюль-Ферри отвѣтилъ на это, что правительство обязуется соблюдать строжайшій нейтралитетъ; «если наставникъ, — сказалъ онъ, — забудется до того, что позволить себѣ въ школѣ ученіе противное вѣроисповѣданію кого бы то ни было изъ учениковъ, онъ подвергнется столь же строгому взысканію, какъ за побой ученику или всякое другое превышеніе власти». Католическая партія рѣшилась противиться 14-ой статьѣ закона, налагающей штрафъ на родителей за нарушеніе обязательности обученія. Сенаторы и депутаты правой пишутъ воззванія и учреждаютъ комитеты для поддержки родителей, которые рѣшались нарушить законъ; имѣется въ виду выдавать денежныя вознагражденія за непріятности и издержки, которымъ подвергнутся родители, отказывающіеся представлять своихъ дѣтей, обучающихся дома, на испытанія, назначенныя правительствомъ. Очевидно, что каждый ребенокъ изъ зажиточнаго семейства будетъ въ состояніи удовлетворить требованіямъ испытательнаго комитета, составленнаго изъ инспектора народныхъ школъ, окружнаго члена и посторонняго лица, имѣющаго дипломъ. Испытательный комитетъ обязанъ удостовѣриться, что дѣти, воспитанныя дома, получаютъ воспитаніе равняющееся обученію народной школы, иначе отвѣтственность обязательнаго обученія легла бы исключительно на бѣдные классы. Клерикальная партія добивается, чтобы родители составили коалицію противъ этихъ испытаній; но если экзаменаторы ограничатся простымъ во-

просить, знает ли ребенок чтение, письмо и первые правила арифметики, то опасения родителей конечно скоро разсытятся.

Правительство, предоставивши всемъ муниципальнымъ совѣтамъ избраніе меровъ, исходатайствовало у палаты устраненіе изъ муниципальных совѣтовъ тѣхъ изъ ихъ членовъ, которые пользовались этимъ званіемъ только въ силу того, что они были обложены экстренными налогами. Отнынѣ, какъ бы ни былъ богатъ человѣкъ, онъ не имѣетъ права голоса въ муниципальномъ совѣтѣ, если онъ не выбранъ общиной. Парижъ еще не участвуетъ въ этихъ либеральныхъ реформахъ, хотя и ему готовится удовлетвореніе въ лицѣ почетнаго мера, который будетъ представлять городъ на судѣ; должность пока чисто номинальная, но званіе парижскаго мера такъ громко, что оно вскорѣ придастъ значеніе самой должности и можетъ замѣнить вліяніе префектовъ Сены и полиціи.

Буассе (Boyssey) возбудилъ въ палатѣ вопросъ объ отмѣнѣ конкордата. Палата передала вопросъ въ комиссію и изъ 22 членовъ комиссіи только трое высказались за измѣненіе существующаго порядка. Это можно назвать торжествомъ практичной политики, избѣгающей радикальныхъ мѣръ и довольной полумѣрами. Само правительство дѣйствуетъ въ томъ же духѣ. Оппозиція, взбѣшенная, что ей не удастся уничтожить конкордатъ, будетъ воевать и требовать буквального исполненія каждой статьи, что можетъ кончиться большими неприятностями для духовенства: напримѣръ, конкордатъ признаетъ однихъ приходскихъ священниковъ (curés), и при строгомъ соблюденіи конкордата можно лишитъ жалованья всѣхъ священниковъ, не имѣющихъ приходовъ. Лѣвая надѣется этими придирками заставить само духовенство просить объ отмѣнѣ конкордата. Лѣфевръ (Lefebvre) представилъ палатѣ законо-проектъ объ отнятіи у приходовъ и монастырей монополіи похоронъ; этимъ урѣжется значительный церковный доходъ: налогъ съ похоронъ приносить духовенству крупные барыши; даже похороны такъ называемыхъ *libres penseurs*—и тѣ оплачиваются наравнѣ съ другими. Съ 30 марта по 2 апрѣля въ Парижѣ собирался антиклерикальный конгрессъ, созванный обществомъ *Union démocratique de propagande anti-cléricale* (демократической союзъ антиклерикальной пропаганды). Мы уже упоминали объ этомъ обществѣ, существующемъ подъ почетнымъ предѣдательствомъ Виктора Гюго, Гарибальди и Луи-Блана; въ немъ участвуютъ многіе политическіе дѣятели республиканской партіи, сенаторы, депутаты и журналисты.

На очереди былъ, разумѣется, вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, получившій двойной интересъ вслѣдствіе проекта, внесеннаго въ палату. Многія провинціальныя общества прислали своихъ представителей; уполномоченные изъ провинціи высказывали особенное раздраженіе противъ своихъ депутатовъ, общавшихъ своимъ избирателямъ въ прошлогоднихъ программахъ хлопотать въ палатѣ объ отдѣленіи церкви отъ государства, но, повидимому, забывшихъ свои обѣщанія. Въ былое время

нѣкоторые изъ самыхъ ярыхъ республиканскихъ вождей оставались, несмотря на свой радикализмъ, ревностными сынами католической церкви; въ наше время республиканскіе депутаты не только всѣ анти-клерикалы, но люди безъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій; тѣмъ не менѣе, хотя они и ратуютъ очень громко противъ духовенства, но не рѣшаются въ палатѣ перейти отъ словъ къ дѣлу и боятся, поборовъ духовенство, лишиться консервативной опоры, полезной для общественной безопасности.

Депутаты явились на конгрессъ въ меньшемъ числѣ противъ прошлагодняго,—тогда, наканунѣ выборовъ, было особенно выгодно, въ видахъ популярности, заявить о своемъ анти-клерикализмѣ. Всѣ члены почти единодушно признали необходимость уничтоженія конкордата, неудобнаго въ примѣненіи и въ сущности утратившаго уже свое значеніе; съ тѣхъ поръ, какъ первый консулъ республики договаривался съ папою въ 1801 году, произошло не мало переменъ. Папа провозгласилъ себя непогрѣшимымъ и лишился своей свѣтской власти; приверженцы старыхъ порядковъ хлопчуть изъ личныхъ цѣлей и смотрятъ на духовенство какъ на орудіе своего властолюбія. Уполномоченные изъ провинціи сообщили нѣкоторыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ къ духовенству жителей деревень; по ихъ отзывамъ крестьяне находятся въ меньшемъ подчиненіи священникамъ, чѣмъ многіе думаютъ, но мелкая буржуазія въ деревняхъ изъ личныхъ расчетовъ держитъ сторону духовенства. Основная мысль, которая проводилась конгрессомъ, та, что вѣра или безвѣріе есть дѣло личнаго убѣжденія, не подлежащее никакому обсужденію или вмѣшательству какъ со стороны правительства, такъ и частныхъ лицъ. Толковали также о свободѣ ассоціацій: нѣкоторые требовали полной свободы, другіе же не хотѣли предоставить это право духовнымъ конгрегаціямъ; но большинство возстало противъ этого исключенія, доказывая, что если допустить одно исключеніе, за нимъ легко можетъ послѣдовать и другое, какъ, на примѣръ, относительно рабочихъ союзовъ.

Флоке, префектъ Сены, старается изъ всѣхъ силъ угодить населенію Парижа; онъ изыскиваетъ средства доставить участіе въ городскихъ подрядахъ группамъ рабочихъ артелей, но затрудненіе заключается въ недостатокѣ капитала у рабочихъ. Имѣется въ виду склонить хозяевъ къ предоставленію рабочимъ извѣстной доли барышей. Между нѣсколькими предложеніями, внесенными префектомъ въ комиссію, устроенную имъ для улучшенія быта рабочихъ классовъ, на первомъ планѣ стоитъ предположеніе выстроить около ратуши биржу для рабочихъ. Постройка обошлась бы муниципалитету въ 12 милліоновъ франковъ. Въ этомъ зданіи предполагается помѣстить большой крытый рынокъ, залы для собраній синдикальныхъ палатъ, справочныя конторы для комиссіонной продажи равныхъ издѣлій.

Въ настоящую минуту вся Франція волнуется по поводу безпрестанно повторяющихся отказовъ отъ присяги, что ставитъ магистратуру въ весьма

неловкое положеніе. Предложенъ законо-проектъ, по которому присяга въ узаконенной формѣ замѣнится торжественнымъ обѣщаніемъ сказать правду, и только правду, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ присяжный или свидѣтель заявлять, что присяга противна его убѣжденіямъ.

Леону Сэ приходилось уже неоднократно защищать свой бюджетъ. Имѣя передъ собой текущій долгъ въ три миллиарда, онъ предполагать не увеличивать этой почтенной суммы и покрыть экстраординарный бюджетъ въ 1.200 милліоновъ безъ выпуска новыхъ рентъ. Съ одной стороны онъ рассчитываетъ на фонды сберегательныхъ кассъ, съ другой—на содѣйствіе большихъ желѣзнодорожныхъ компаній, которыя готовы во всякое время снабдить его нужными милліонами въ полной увѣренности вознаградить себя на счетъ публики. Въ сущности развѣ это не тотъ же заемъ? Правительство поступаетъ какъ нѣкто стыдящійся сдѣлать заемъ на свое имя и поручающій сдѣлку пріятелю, съ тою только разницей, что пріятель можетъ оказать услугу даромъ, а желѣзнодорожныя компаніи помогаютъ правительству не безъ задней мысли, именно съ тѣмъ, чтобъ отклонить выкупъ желѣзныхъ дорогъ, котораго онъ такъ боится.

Одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ недостатковъ французской журналистики—ея зависимость отъ банковъ. Большая часть газетъ издаются компаніями на акціяхъ; финансисты, обладатели этихъ акцій, вмѣшиваются въ направленіе газеты, а главный редакторъ то и дѣло рискуетъ лишиться своего мѣста, если захочетъ отклониться отъ навязываемаго ему направленія. Гамбетта задумалъ воспользоваться этимъ положеніемъ дѣла и скупить нѣсколько газетъ съ цѣлью измѣнить ихъ направленіе со дня на день. Но предпріятіе это Гамбеттѣ не только не удалось, но еще повредило ему въ общественномъ мнѣніи. Никто изъ его друзей не попалъ въ бюджетную комиссію, въ которой они привыкли распоряжаться самовластно. Онъ имѣлъ въ виду купить *Petit Journal*, *Telegraphe*, *National* и *France*. Большинство акцій этихъ газетъ принадлежитъ національному банку; расчетъ былъ въ томъ, чтобы скупить какъ можно болѣе акцій этого банка, созвать экстренное собраніе акціонеровъ, настоять на смѣнѣ директора и членовъ совѣта, а затѣмъ назначить новыхъ редакторовъ. Гамбетта потерпѣлъ полнѣйшее фіаско; нѣкоторыя изъ этихъ газетъ объявили, что они обратятся въ судъ, такъ какъ ихъ редакторы заключили контракты, ограждающіе ихъ права. Въ день назначенный для экстреннаго собранія акціонеры не явились и собраніе не состоялось. Всѣ газеты разразились гомерическимъ смѣхомъ. «Гамбетта-финансистъ,—написала *France*, одна изъ газетъ, которой болѣе другихъ угрожала опасность,—оказался столь же несостоятеленъ, какъ Гамбетта-политикъ. Когда онъ увидалъ, что мы готовы вступить съ нимъ въ борьбу и не пощадимъ его, онъ скрылся и, по обыкновенію, отказался отъ своего намѣренія. Этотъ вѣчный продавецъ медвѣжьихъ шкуръ, возводящій нахальство въ политическую систему, есть знаменіе нашего времени. Онъ все знаетъ, все можетъ,

во всемъ увѣренъ, но событія быстро, одно за другимъ, опровергаютъ его предсказанія. Его планы уничтожаются, его комбинаціи распадаются какъ карточные дома, его самыя хитрыя махинаціи разлетаются; но послѣ каждой неудачи онъ, не краснѣя, опять принимаетъ на себя роль же-пророка и становится еще нахальнѣе прежняго». Нѣтъ сомнѣній, что эта неудавшаяся комбинація сильно повредитъ Гамбеттѣ. Общество, усомнившееся въ его политическихъ способностяхъ, стало двусмысленно поговаривать о его честности. Не дешево обошлась ему задуманная сдѣлка. Ему положительно не везетъ; онъ похожъ на несчастнаго игрока: что бы онъ ни предпринялъ, его вездѣ преслѣдуетъ неудача.

Политическій міръ былъ очень занятъ напечатанной въ газетахъ перепиской между отцомъ Гіацинтомъ, теперешнимъ аббатомъ Луазонъ, и доминиканцемъ патеромъ Монсабрэ, моднымъ проповѣдникомъ, восхвалявшимъ съ высоты кафедръ въ церкви Notre Dame de Paris подвиги святой инквизиціи и удостоеннымъ рукоплесканій многочисленныхъ слушателей, стекавшихся великимъ постомъ на его проповѣди. Отецъ Гіацинтъ, бывший доминиканецъ, основатель галликанской секты и настоятель такъ называемой старой католической церкви въ Парижѣ, обратился къ патеру Монсабрэ, приглашая его на публичный диспутъ, какъ это было въ царствованіе Валуа между католиками и протестантами, и вызывался доказать модному витіи, что онъ отклоняется отъ истиннаго духа католической религіи. Монсабрэ отказался отъ публичнаго диспута подъ предлогомъ, что онъ не надѣется на приличное поведеніе публики, которая явится на диспутъ, и предложилъ отцу Гіацинту «дружескую бесѣду съ глаза на глаза». Отецъ Гіацинтъ повторилъ вызовъ съ ручательствомъ за благопристойность слушателей и Монсабрэ согласился на конференцію въ помѣщеніи, въ которомъ отецъ Гіацинтъ держитъ свои бесѣды; но противникъ этимъ не удовлетворился и разразился въ газетахъ противъ «толкователя ложныхъ истинъ, отклоняющагося отъ общественнаго контроля». Какъ съ той, такъ и съ другой стороны выказано мало взаимной христіанской любви и терпимости. Нельзя впрочемъ не отдать преимущества доминиканцу ренегату передъ его собратомъ;—онъ по крайней мѣрѣ не признаетъ доблестей инквизиціи и не отстаиваетъ законности Варфоломеевской ночи.

Члены международного литературнаго общества собирались на торжественномъ обѣдѣ въ café Riche; рѣшено, что слѣдующее годовичное собраніе общества соберется въ маѣ въ Римѣ. Луи Ратисбонъ, переводчикъ Данта, сказалъ рѣчь, въ которой коснулся недавнихъ манифестацій въ Палермо и назвалъ собраніе международныхъ литераторовъ въ Римѣ «вечерей общаго согласія». Руицъ Цорилла, бывший президентъ совѣта министровъ въ Испаніи, просилъ присутствующихъ присоединиться къ его завѣтному желанію видѣть рабство уничтоженнымъ въ испанскихъ колоніяхъ, гдѣ оно хотя и отмѣнено закономъ, но еще существуетъ de facto.

Въ академіи происходилъ торжественный приемъ Сюлли Прюдома (Sully Prudhomme), поэта, или, лучше сказать, носителя Парнаса, какъ называетъ себя молодая плеяда французскихъ поэтовъ. Въ сущности они правы, избравъ это названіе: имъ не доступно творчество настоящаго поэта, воспламеняющее душу читателя; они не творятъ и не возбуждаютъ, а выбираютъ какую-нибудь господствующую идею, разрабатываютъ ее, придаютъ ей изящную форму — и публика наслаждается ихъ поэзіей, какъ роскошными бездѣлушками. Ихъ стихъ пріятно звучитъ въ ухахъ, но не шевелитъ душу; подобные таланты увѣнчиваются всѣми академіями, а по преимуществу французскою. Сюлли Прюдомъ предстояла незавидная роль сказать хвалебное слово своему предшественнику Дювержье де-Гороннъ, плохому подражателю Одиллонъ Барро.

Въ своемъ вступленіи онъ обратился съ нѣсколькими лестными фразами къ самой академіи, поощряющей писателей, «которые не гонятся за одобреніемъ толпы». Сюлли Прюдомъ не имѣетъ даже претензіи обращаться къ отечеству; онъ—трубадуръ буржуазіи и его круговоръ не идетъ далѣе кружка абонентовъ *Revue des Deux Mondes*. О Дювержье де-Гороннъ, сынѣ депутата реставраціи, Сюлли Прюдомъ говоритъ, что «онъ имѣлъ потребность достигнуть немедленнаго разрѣшенія задачъ человѣческихъ судебъ и нашелъ успокоеніе совѣсти въ идеализмѣ, построенномъ на эклектической философіи». Ученіе это удобно тѣмъ, что вмѣсто строгихъ и опредѣленныхъ правилъ оно предоставляетъ каждому право выбирать тѣ, которыя приходятся ему по личному вкусу. Впрочемъ, судя по словамъ Сюлли Прюдомъ, онъ самъ не согласенъ съ тѣмъ, что въ эклектической философіи сказано послѣднее слово человѣческой премудрости; онъ говоритъ, что Дювержье былъ одаренъ умомъ, жаждущимъ свѣта, ненавидѣлъ мракъ и потому никогда не углублялся.

Сюлли Прюдомъ хвалитъ литературную искренность французскихъ поэтовъ тридцатыхъ годовъ, но порицаетъ изысканость стиля, котораго они придерживались; но то, что онъ называетъ изысканостью, было не что иное какъ высокопарность. Онъ признаетъ, что поэзія того времени была страстная, изліятельная, народная, но публика сама отъ нея отклонилась. Онъ въ слѣдующихъ чертахъ характеризуетъ положеніе современныхъ французскихъ поэтовъ: «Поэты удалились на Парнасъ; въ этомъ убѣжищѣ они отдѣлились отъ народа, сдѣлались менѣе восторженными, но болѣе утонченными. Они сосредоточили всю свою любовь на искусствѣ, изучили его тайны, довели его формы до такой окончанности, что одни избранные способны наслаждаться ихъ твореніями, для профановъ же они недоступны. Тщательное изученіе версификаціи можетъ только обратиться въ пользу поэзіи; нѣтъ примѣровъ, чтобы дурно написанный стихъ былъ поэтиченъ, правильно же написанный стихъ всегда хорошъ. Лира, полученная нами отъ великихъ художниковъ, строго и гармонически настроена. Что сдѣлаютъ изъ нея тѣ, которымъ она вручена? Останутся ли они по-

прежнему чужды страстямъ, волнующимъ общество, или сойдутся они съ нимъ и сдѣлаются проводниками современной мысли въ ея новѣйшихъ воззрѣнiяхъ на судьбы человѣчества? Я горячо желаю этого примиренiя и надѣюсь видѣть его осуществленiе. До сего времени поэты составляютъ замкнутое семейство посреди общества, которое можетъ просуществовать безъ нихъ, но безъ котораго они не могутъ обойтись. Ихъ положенiе тягостно: взаимнъ насущнаго хлѣба, который достается имъ такъ нелегко по ихъ непрактичности, они могутъ предложить лишь роскошный цвѣтокъ съ благоуханiемъ, доступнымъ только душѣ; но если этотъ цвѣтокъ не оцѣненъ, потому что онъ не утоляетъ голода, къ нему относятся безъ презрѣнiя, — каждый инстинктивно сознаетъ, что это прелестный продуктъ человѣческой культуры, отодвинутый на второй планъ тиранническимъ владычествомъ низшихъ матеріальныхъ потребностей».

Сколько несообразностей въ этой исповѣди жителей Парнаса! Не правда, что плохо написанный стихъ лишенъ поэзiи, — великая мысль, облеченная и въ плохую форму, все-таки сохраняетъ свою поэзiю; еще большая неправда, что правильно написанный стихъ всегда хорошъ, — рѣча, покрывающая пустоту содержанiя, отвратительна. Французскiе поэты сами сравниваютъ себя съ фабрикантами предметовъ роскоши, когда увѣряютъ, что тираннiя низшихъ потребностей оттадживаетъ отъ нихъ массу народа, у котораго вкусъ недостаточно развитъ, чтобъ оцѣнить поэтическую квинтэссенцию, предлагаемую ими избранной публикѣ въ изящно изданныхъ томикахъ. Когда поэтъ страдаетъ скорбями народа, когда стихи вырываются изъ его души, поддерживаютъ вѣру въ будущее и силу въ настоящемъ, — то и бѣдняки знаютъ ихъ наизусть. Народъ требуетъ живаго слова, а не риторикки. Сюлли Прюдомъ не требуетъ отъ своихъ собратiй никакого нравственнаго усилiя; онъ находитъ, что имъ слѣдуетъ ожидать того времени, когда разбогатѣвшiй работникъ будетъ въ состоянiи наслаждаться мѣрными вздохами академическихъ поэтовъ. «Въ сущности, — говоритъ онъ, — вся промышленность, съ ея могучими и замысловатыми машинами, стремится къ одной цѣли — къ освобожденiю духа черезъ подчиненiе ему физическiхъ силъ; благодаря машинамъ, этимъ покорнымъ рабамъ человѣчества, ему откроется возможность искать истину ради истины, предаваться наукѣ и поэзiи въ ихъ самомъ широкомъ значенiи». Къ сожалѣнiю, для страданiй человѣчества безразлично большее или меньшее распространенiе машинъ; скорби человѣчества связаны съ отсутствiемъ возвышенныхъ чувствъ и великихъ дѣлъ: машины не развѣютъ поэзiи въ людяхъ. Я распространяюсь надъ теорiями Сюлли Прюдома потому, что это — общiя воззрѣнiя всей его среды. Этимъ объясняется упадокъ французской поэзiи. Викторъ Гюго еще держится одинъ, какъ старый дубъ; послѣ него останутся поэты, похожие на кокетокъ, которыя любятъ собою въ зеркало и снимаютъ съ себя фотографiи. Теперешнiе поэты передаютъ читателю свои малѣйшiя впе-

чатлѣнія и исключительно заняты собою; вся ихъ любовь обращена на самихъ себя. Сюлли Прюдомъ безъ всякаго увлеченія перечисляетъ различные эпизоды изъ жизни своего предшественника; это очень понятно, когда хвалебное слово сказано не по личному вдохновенію, а для исполненія академическаго обычая. Дювержье былъ англоманъ и сочувствовалъ собраніямъ реформистовъ, въ которыхъ видѣлъ только подражаніе англійскимъ митингамъ; когда же эти самые реформисты помогли въ 1848 году изгнать Людовика-Филиппа, парламентская партія удивилась и Дювержье воскликнулъ въ отчаяніи: «Еслибы мы знали, что стѣнки волкана такъ тонки,—мы не допустили бы взрыва». Онъ ненавидѣлъ имперію и написалъ объемистую «Исторію парламентскаго правительства», выставляя его достоинства въ назиданіе императорскому правительству. Дювержье придерживался середины и мечталъ о буржуазной олигархіи, ловко оберегающей себя однако и отъ деспотизма, и отъ народнаго владычества. Онъ дожилъ до паденія имперіи, не увидавъ исполненія своихъ политическихъ надеждъ. Общее голосованіе пережило имперію и разсѣяло надежды орлеанистовъ, что перевѣсъ останется на сторонѣ среднихъ классовъ. Максиму Дюканъ было поручено принимать Сюлли Прюдомъ. Новый академикъ началъ свое поэтическое поприще рядомъ маленькихъ стихотвореній въ родѣ «Сломанной вазы», литературное достоинство которыхъ весьма незначительно и можетъ сравниться съ значеніемъ романсовъ въ музыкѣ. Послѣ этого онъ философствовалъ въ стихахъ въ мрачномъ духѣ Лукреція: «Онъ мечталъ о страшномъ молчаніи непостижимаго міра». Изъ его натянутыхъ стиховъ можно заключить, что автору навсегда останутся недоступными высшее созерцаніе и душевное потрясеніе, такъ звучно выраженныя въ «Манфредѣ» Байрона и произведеніяхъ другихъ великихъ поэтовъ. Максимъ Дюканъ хвалилъ своего новаго собрата, также по обязанности, вяло и холодно. Въ своей рѣчи онъ коснулся своего взгляда на поэзію и сказалъ, что «это тоска по неизвѣстному, несмѣнная зоря далекаго рая». Порицаніе существующаго зла, стремленіе къ достиженію осуществимыхъ идеаловъ гораздо поэтичнѣ этихъ неопредѣленныхъ вздоховъ. Рѣчь Дюкана нѣсколько прикрашена воспоминаніями дальнихъ странствованій автора; онъ цитируетъ слово нубійскаго проводника, сказавшаго ему въ минуту, гдѣ вѣтеръ колыхалъ песокъ пустыни: «Послушай пустыню, она плачетъ; она горюетъ, она желала бы превратиться въ лугъ». Ораторъ прибавилъ отъ себя, что «каждый изъ насъ носитъ въ себѣ пустыню, желающую превратиться въ лугъ». Публика была слегка разочарована этимъ литературнымъ турниромъ,—въ обихъ ораторахъ проглядывало полнѣйшее равнодушіе къ предметамъ ихъ рѣчей. Эти торжественныя собранія тѣмъ интересны, что официальная литература пользуется ими для провозглашенія своего кодекса, всегда отсталаго отъ общаго направленія, но которому тѣмъ не менѣе волей-неволей приходится подчиняться, такъ какъ

на немъ основаны приговоры Аристарховъ, стоящихъ во главѣ литературнаго міра.

Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ во Франціи долго оставался кладомъ, недоступнымъ для публики; его неприкосновенность строго оберегалась хранителями, имѣвшими исключительный доступъ до этого драгоценнаго матеріала. Это была своего рода монополія, хотя въ большинствѣ случаевъ лица, имѣвшія возможность пользоваться этимъ капиталомъ, не касались до него и придерживались обычая нѣкоторыхъ собирателей рѣдкостей, считающихъ за преступленіе показывать свои коллекціи постороннимъ лицамъ; архивариусы, какъ гении въ восточныхъ сказкахъ, сторожили свои сокровища безъ пользы себѣ и другимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ архивъ открытъ для всѣхъ желающихъ съ нимъ познакомиться, на насъ щедрою рукою посыпались изданія пожелтѣвшихъ пергаментовъ министерства иностранныхъ дѣлъ; многіе изъ этихъ документовъ относятся къ Россіи. Албертъ Вандаль только-что издалъ толстую книгу — «Louis XV et Elisabeth de Russie» (Лудовикъ XV и Елизавета Россійская), въ которой онъ проводитъ мысль, что союзъ съ Россіей въ XVIII вѣкѣ предотвратилъ бы несчастія Франціи въ 1870 г.: еслибы Лудовикъ XV, вмѣсто покровительства туркамъ, полякамъ и шведамъ, сошелся бы съ Россіей, онъ могъ бы, при помощи могущественной союзницы, сокрушить Пруссію въ зародышѣ и этимъ сохранить Франціи потерянные ею провинціи. А. Вандаль придаетъ особенное значеніе личной благосклонности императрицы Елизаветы къ королю Лудовигу XV, котораго въ дѣтствѣ прочли ей въ женихи. Въ XVIII вѣкѣ большая часть каронованныхъ лицъ руководствовались въ своей политикѣ одной личною выгодой, при полномъ отсутствіи всякихъ нравственныхъ принциповъ; но Лудовикъ XV сознавалъ въ душѣ обязанности, возложенныя на него традиціями, хотя у него и не хватало энергіи доводить до конца свои предпріятія, — онъ ограничивался безплодными попытками; въ большинствѣ случаевъ его врожденная апатія брала верхъ; съ другой стороны онъ не находилъ твердой опоры въ своихъ министрахъ, кардиналахъ де-Флери и Дюбуа, неспособныхъ къ энергической и послѣдовательной политикѣ. Фридрихъ II не признавалъ никакихъ законовъ совѣсти и ему было ни по чемъ бросить союзника въ минуту опасности и отдать слабаго на произволь сильнаго. Мы находимъ у Вандала много интересныхъ подробностей, дополняющихъ исторію Европы въ XVIII вѣкѣ. Онъ начинаетъ свою книгу пріѣздомъ Петра I въ Парижъ. Находясь еще въ Голландіи, Петръ дѣлалъ предложеніе о заключеніи франко-прусско-русскаго союза; но къ чему бы онъ тогда послужилъ Франціи? Кардиналъ Дюбуа, стоявшій за союзъ съ Англіей, настаивалъ на томъ, чтобы предложеніе Петра было отклонено. «Царь и король прусскій, — сказалъ онъ, — слывятся государиими очень неблагонадежными». Петръ I требовалъ ежемѣсячную субсидію въ 25.000 дукатовъ въ продолженіе всей сѣверной войны. Возымѣлъ ли Петръ въ Парижѣ первую мысль отдать замужъ дочь

сью Елизавету за семилѣтняго короля, это остается неизвѣстнымъ; въ послѣдствіи онъ помышлялъ объ этомъ бракѣ. Вандавъ объясняетъ этимъ неосуществившимся планомъ постоянную симпатію Елизаветы къ французскому королю. Разсуждая о раздѣлѣ Польши, будто бы уже предложенномъ Пруссіей Петру I, Вандавъ находитъ, что было бы политичнѣе со стороны Лудовика XV предоставить всю Польшу владычеству Россіи и этимъ помѣшать союзу петербургскаго кабинета съ двумя германскими державами; но Вандавъ забываетъ, что Пруссія и Австрія этого бы не допустили. Нельзя не улыбнуться ребячеству всѣхъ этихъ плановъ перестройки уже совершившихся событій.

Кардиналъ Дюбуа, первый министръ регента, былъ не что иное какъ интриганъ; онъ вздумалъ просить руки второй дочери Петра для герцога Шартръ, съ Польшей въ приданое. Какое невѣжество подумать, что Петръ I согласится купить союзъ съ Франціей за такую цѣну!... Вандавъ приписываетъ неудачу этихъ плановъ нерасположенію Остермана, но слѣдуетъ полагать, что въ данномъ случаѣ министръ дѣйствовалъ по велѣнію своего государя. Послѣ смерти Петра I императрица Екатерина I склонилась къ супружеству Елизаветы съ Лудовикомъ XV и предлагала свою поддержку для вступленія на польскій престолъ герцога Бурбонскаго, если онъ женится на Маріи Лещинской; герцогъ Бурбонскій отклонился отъ этого предложенія и женилъ самого Лудовика XV на дочери изгнаннаго польскаго короля; вслѣдъ за этимъ Россія подписала въ 1726 году тридцатилѣтній союзъ съ Австріей; по мнѣнію Вандава, этотъ договоръ—одно изъ самыхъ важныхъ политическихъ событій XVIII вѣка. «Германскій элементъ,—пишетъ онъ,—долгое время просасывался въ Россію; Германія поставляла ей администраторовъ, полководцевъ, инженеровъ, которые, переходя на службу къ царямъ, не забывали своего отечества и перенесли на берега Невы нѣмецкіе обычаи, страсти и стремленія».

Это мирное вторженіе началось еще до 1726 года и Вандавъ ошибается, если видитъ въ немъ послѣдствіе несостоявшагося брака между русской великою княжною и французскимъ королемъ. Авторъ весьма подробно описываетъ роль, разыгранную французскимъ посланникомъ, де-Шатарди, при вступленіи Елизаветы на престолъ и его опалу при русскомъ дворѣ. Когда Лудовикъ XV, заключивъ союзъ съ Австріей, одновременно съ тѣмъ сблизился съ Россіей, три державы возмечтали подавить Пруссію: послѣдовало пораженіе Франціи при Росбахѣ; французское правительство расточало свои силы и средства въ безплодныхъ борьбахъ и союзахъ, заключенныхъ махинаціями темныхъ интригановъ. По мнѣнію Вандава, союзъ Лудовика XV съ Россіей, заключенный нѣсколькими годами ранѣе, помѣшалъ бы развитію Пруссіи и нанесъ бы смертельный ударъ генію и счастью Фридриха II, полежившаго основаніе могуществу своихъ преемниковъ. Вскорѣ умираетъ Елизавета, на престолъ вступаетъ Екатерина II, союзъ Пруссіи, Австріи и Россіи скрѣпляется раздѣломъ Польши и со-

ставляетъ предисловіе современной исторіи. «Этотъ союзъ,—говоритъ авторъ,—пережилъ прошлый вѣкъ». Вандаля желаетъ, чтобы Франція расторгла этотъ тройственный союзъ и перетянула на свою сторону двухъ союзницъ противъ третьей. Но суть дѣла такъ же мало доступна пониманію Вандаля, какъ была она въ свое время непонятной кардиналамъ де-Флери и Дюбуа; онъ воображаетъ, что мелкія политическія махинаціи въ состояніи измѣнить государственную жизнь народовъ, не ищетъ причинъ, кроющихся гораздо глубже, и удовлетворяется поверхностнымъ взглядомъ на событія, созданнымъ его оскорбленнымъ патріотическимъ самолюбіемъ.

Г. Валлонъ напечаталъ на дняхъ пятый томъ своей «Исторіи революціоннаго трибунала» (*Histoire de tribunal révolutionnaire*). Мы уже говорили объ этомъ трудѣ при появленіи IV тома *). Валлонъ издаетъ документы, по которымъ историки писали исторію революціи; они въ сущности краснорѣчивѣе всѣхъ сочиненій, которымъ служили матеріаломъ; V томъ доводитъ насъ до паденія Робеспьера. Чѣмъ далѣе революціонный трибуналъ подвигался на своемъ кровавомъ пути, тѣмъ болѣе онъ отклонялся отъ справедливости. Мнимое возстаніе въ тюрьмахъ ускорило эзекуціи; доносчики опустошали тюрьмы на удачу; сынъ платился за отца, жена за мужа; въ этомъ ужасномъ «горнилѣ» послѣднихъ дней террора погибъ поэтъ Андре Шенье. 9-го Термидора счастье обратилось противъ вождя революціи, самого Робеспьера. Валлонъ группируетъ характеристичныя изреченія, сказанныя противъ него на судѣ: Бареръ нашелъ, что «его блѣдность наводитъ ужасъ»; Бюзо называлъ его «человѣкомъ съ кошачьимъ лицомъ»; Буше Соверъ говорилъ, что «его появленіе въ конвентѣ производитъ впечатлѣніе головы Медузы». Валлонъ находитъ, что главнымъ двигателемъ его дѣйствій было властолюбіе; въ сущности же Робеспьеръ былъ фанатикъ, замкнувшійся въ извѣстномъ кругѣ идей и безпощадно уничтожавшій каждаго отклонявшагося отъ его воззрѣній.

Революціонный трибуналъ кончилъ свое существованіе, уничтоживъ почти всѣхъ своихъ учредителей. Не даромъ сказано, что революція, какъ Сатурнъ, пожирала своихъ дѣтей. Вожди, казнившіе столько невинныхъ жертвъ, съ удивленіемъ увидали себя на скамьѣ подсудимыхъ; эти всемогущіе проносеулы узнали надъ собою оправданіе мифологической легенды виновника, преслѣдуемаго фуриями. Мстителями явились друзья и родственники убитыхъ жертвъ, жаждавшіе мщенія.

Дѣло комитета города Нанта крайне трагично. Этотъ комитетъ былъ невообразимъ въ своихъ жестокостяхъ. Описывая его звѣрства въ «Исторіи революціи», Мишле напоминаетъ, что въ числѣ жителей этого города много купцовъ, обогатившихся торговлею негровъ, и замѣчаетъ, что бѣдствія, обрушившіяся на этотъ городъ, были, можетъ-быть, карою Про-

*) *Русская Мысль* 1881 г., кн. VIII.

видѣнія за столъ гнусную торговлю. Въ Нантѣ мужчина и женщина свазывались голые вмѣстѣ и бросались въ рѣку; но и этого было мало: обреченныхъ на смерть было слишкомъ много, — ихъ сотнями бросали въ барку, заволоачивали досками и, отколотивъ во днѣ отверстие, опускали на дно Луары. Очевидецъ, присланный какъ свидѣтель, рассказываетъ эти ужасы въ лѣтописяхъ, оставшихся памятниками человѣческаго звѣрства; онъ повѣствуетъ о крикахъ несчастныхъ жертвъ, молящихъ о помилованіи; онъ просовывалъ руки и ноги, которыя безошадно отрубались палачами. Сердце разрывается, умъ затмѣвается, читая эти страницы.

Барье, предводительствовавшій въ этой бойнѣ, былъ призванъ въ конвентъ и послѣ оживленныхъ преній приговоренъ къ казни. Онъ требовалъ у конвента доказательства своей вины. «Если нужны вещественныя доказательства, — воскликнулъ Лежандръ, — обратите теченіе Луары къ Парижу, доставайте барки, опущенныя на дно рѣки, и вы увидите трупы всѣхъ невинныхъ жертвъ, а ихъ такъ много, что они задушатъ живыхъ». Самые безошадные вожди террора, призванные на судъ, были въ недоумѣніи; какъ объяснить свою провавую горячку. Фуке Тенвилль, гровный прокуроръ, произносившій обвинительныя рѣчи противъ легіона невинныхъ, очутившись на скамьѣ подсудимыхъ, сказалъ: «Я былъ только послушнымъ колесомъ, приведеннымъ въ движеніе машиной революціоннаго правительства». Онъ смертью искупилъ свои злодѣяства.

Революціонный трибуналъ уничтоженъ конвентомъ 31 мая 1795 года. «Учрежденіе этого судилища, — говоритъ Валлонъ, — было заблужденіе, сгубившее республику. Оно пошатнуло ея принципы, яезавило ея духъ, привело къ казни ея дѣятелей и опозорило ихъ имена». Невидимому, авторъ опасается возвращенія дней террора и съ этою цѣлью издалъ толстые томы документовъ. «Не дурно, — говоритъ Валлонъ, — предостеречь современниковъ, не сочувствующихъ этимъ дѣйствіямъ; пусть придумаютъ заблаговременно, какими путями ихъ отклонить въ будущемъ. Время не терпитъ и если мы не употребимъ всѣхъ средствъ, предоставленныхъ намъ общественнымъ правомъ для предотвращенія будущихъ бѣдъ, то мы будемъ сами виноваты и заплатимъ за свою непростительную безошадность». Хотя историческая ясность взгляда Валлона нѣсколько непрачана его опасеніями за будущее, но нельзя не сознаться, что они имѣютъ свое основаніе. Будущія столкновенія классовъ весьма возможны во Франціи. До 1870 года никто не допускалъ возможности повторенія ужасовъ террора, — каждый думалъ, что они въ исторіи Франціи останутся единичнымъ явленіемъ; но междуособія коммуны доказали, что бѣшеные порывы толпы и забвеніе всѣхъ человѣколюбивыхъ инстинктовъ могутъ повториться и въ наше время. Валлонъ считаетъ своимъ долгомъ предостеречь современниковъ; ему мерещится въ будущемъ грозное привидѣніе новаго Фуке Тенвилля, читающаго обвинительныя рѣчи противъ буржуазіи, къ которой принадлежитъ и самъ авторъ.

На днях вышелъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ новый романъ Зола «Pot-bouille» (у пылающаго очага). Онъ еще зимою печатался въ фельтонѣ Gaulois и уже успѣлъ надѣлать не мало шуму процессомъ, принудившимъ Зола измѣнить имена нѣкоторыхъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Нѣтъ сомнѣнія, что читающая публика бросится на новое произведеніе Зола съ тою же жадностью, съ которою раскушался его предыдущій романъ—«Nana»; проданный въ количествѣ ста шестнадцати тысячъ экземпляровъ. Если въ воззрѣніяхъ и понятіяхъ прежнихъ поколѣній мы видимъ явный отпечатокъ школы Вольтера и Руссо, то невольно спрашиваемъ себя: не придется ли и нашимъ дѣтямъ заплатить дань вліянію Зола. Несомнѣнно, да, — Руссо и Вольтеръ пошатнули церковную и королевскую власть и подорвали авторитетъ аристократіи, а Зола является въ наше время ихъ преемникомъ, преслѣдователемъ буржуазіи.

Его новый романъ есть не что иное какъ сатира буржуазной семейной жизни; онъ опозориваетъ ее простымъ изложеніемъ того, какъ заключаются брачныя союзы, какія вырабатываются изъ нихъ супружескія отношенія, какія вытекаютъ изъ всего этого послѣдствія. Читатель входитъ въ новый прекрасный домъ, выстроенный со всеми приспособленіями современнаго комфорта, съ изящною лѣстницей, газомъ и водой, проведенными во всѣ этажи; передъ нимъ раскрываются всѣ квартиры, тщательно разбирается каждый семейный очагъ и вотъ изъ-подъ витринаго благолѣпія передъ нимъ раскрываются сиротныя помойныя ямы. Контрастъ между мнимой порядочностью и дѣйствительною безнравственностью выставленъ какъ общее правило безъ исключеній. «Всѣ лицеиѣры, всѣ мерзавцы!»—восклицаетъ Зола.—Если публика преклоняется передъ тѣмъ, кто ее позоритъ, она тѣмъ сама подписываетъ приговоръ своего нравственнаго разложенія: папа, принявшій отъ Вольтера посвященіе его трагедіи «Магомметъ II», этимъ поступкомъ доказалъ, что онъ самъ сознаетъ ослабленіе своего могущества; аристократія, улыбающаяся сарказмамъ Вольтера и разсужденіямъ Руссо, направленнымъ противъ нея же, была наганунѣ гильотины. Что же ожидаетъ французскую буржуазію, признающую сходство съ собою въ поворныхъ портретахъ, нарисованныхъ Зола, и равнодушно перелистывающую книгу, перешолненную самыхъ грязныхъ и возмутительныхъ преступленій? Буржуазія дрожить отъ страха за цѣлость своихъ капиталовъ, рветъ и мечетъ противъ социалистовъ и теоретиковъ, мечтающихъ о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи богатства, и не понимаетъ, что злѣйшіе враги его собственнаго благосостоянія — это сотни тысячъ читателей «Nana» и «Pot-bouille». Прочитавъ разоблаченія популярнаго и несомнѣнно талантливаго романиста, каждый бѣднякъ можетъ сказать съ горечью: «Такъ вотъ та грязь, тѣ нечистоты, которыя скрываются въ этихъ роскошныхъ жилищахъ». Ожесточеніе противъ зажиточныхъ классовъ найдетъ себѣ новую пищу, тѣмъ болѣе, что авторъ, вода насъ по всѣмъ этажамъ, вездѣ показываетъ тотъ же развратъ, а

этотъ домъ онъ представляетъ не въ видѣ исключенія, а какъ общій типъ всѣхъ домовъ, обитаемыхъ буржуазіей; вотъ заключеніе самого автора, въ концѣ книги высказанное кухаркой: «Всѣ на одинъ ладъ; вездѣ царство свиньи и комп.».

Романисты всѣхъ литературныхъ эпохъ никогда не забывали, при описаніи темныхъ сторонъ человѣческой природы, что искра свѣта можетъ проникнуть въ самый глубокій мракъ и что есть въ жизни отрадные черты, искупающія окружающее насъ зло. Въ своихъ романахъ Зола показываетъ намъ грязь, и только грязь: на мѣсто любви является одна похоть; всѣ связи основаны исключительно на плотскихъ инстинктахъ; романъ лишень всякаго дѣйствія: нѣтъ героя или героини, вокругъ которыхъ группировались бы второстепенные характеры; не видать ни цѣли, ни главной мысли романа,—люди копошатся, надуваютъ одинъ другого и развратничаютъ самымъ гнуснымъ образомъ. Всѣ дѣйствующія лица Зола выкроены на одинъ образецъ,—всѣ одинаково скверны. Прочитавъ книгу, читатель испытываетъ тяжелое чувство отвращенія и съ недоумѣніемъ спрашиваетъ себя: «Неужели фотографическіе снимки Зола взяты съ натуры и общество насъ окружающее достигло подобнаго растлѣнія?». Во всемъ образцовомъ домѣ есть только одно порядочное семейство какаго-то литератора, не имѣющее сношеній съ прочими жильцами; но Зола имъ мало интересуется и упоминаетъ о немъ вскользь.

Онъ отдаетъ предпочтеніе хроникѣ разврата и съ любовью изучаетъ всѣ его разнообразныя формы; авторъ копируетъ манеру Бальзака и весьма тщательно рисуетъ людей и всю окружающую ихъ обстановку.

Одно изъ первыхъ лицъ, съ которыми знакомитъ насъ авторъ, Октавъ, прикащикъ изъ магазина, жуиръ низшаго разряда, у котораго очень развитъ аппетитъ къ женскому полу зажиточнаго класса; эгоизмъ его не имѣетъ предѣловъ и онъ, не стѣняясь, преслѣдуетъ свои цѣли; а такъ какъ Зола не признаетъ наказанія порока, то Октавъ выходитъ побѣдителемъ во всѣхъ приключеніяхъ; въ концѣ концовъ, онъ женится на богатой женщинѣ, и именно на той, которая одна вела себя безукоризненно; изъ всѣхъ женщинъ, описанныхъ въ романѣ Зола, она единственная здоровая тѣломъ и душою; она знаетъ всѣ похождения Октава и все-таки выходитъ за него замужъ. Для чего, почему?—спрашиваетъ читатель; но на эти вопросы нѣтъ отвѣта. Любовныя похождения Октава, этого Донъ-Жуана изъ-за прилавка, весьма разнообразны и даже часто выходятъ изъ предѣловъ правдоподобія. Вульгарный *commiss*, заработавшій нѣсколько тысячъ франковъ въ провинціи удачною распродажей гнилаго товара, пріѣзжаетъ въ Парижъ съ цѣлью увеличить свой капиталъ; онъ имѣетъ особенное влеченіе къ торговлѣ предметами женскаго туалета и видитъ въ нихъ нервыи шагъ къ обольщенію своихъ покупательницъ. Октавъ къ услугамъ каждой женщины, даже всѣхъ разомъ, еслибъ онъ того пожелалъ. Первое его похождение замѣчательно по цинизму, съ которыми оно

описано въ романѣ. М-ше Pichon, жена мелкаго чиновника, съ автоматическою точностью, изо дня въ день, выполняющаго свою службу, любитъ романы и томится какой-то неопредѣленною тоскою; ее не удовлетворяетъ монотонность ея жизни. Октавъ знакомится съ ней и на первыхъ же порахъ одерживаетъ надъ ней побѣду, заставъ ее врасплохъ въ столовой, гдѣ она занята чтеніемъ романа; она отдается ему безъ сопротивленія. По словамъ автора, все приключеніе не доставило ей никакого удовольствія; ее озабочиваетъ болѣе всего поврежденный переплетъ романа, брошеннаго на обѣденный столъ.

Не въ обиду автору будь сказано, но въ данномъ случаѣ онъ совершенно неправъ. Въ дѣйствительной жизни мелкая чиновница лучше описанной имъ героини и изображенное имъ паденіе не правдоподобно; въ небогатой буржуазной средѣ женщина, которую мужъ не обижаетъ, у которой есть ребенокъ, не способна отдать свою честь безъ оглядки первому встрѣчному.

Октавъ обращается съ такими поползновеніями къ другой жительницѣ того же дома, Валеріи. Это — истерическій субъектъ изъ типа современныхъ женщинъ, которыхъ психіатры школы доктора Шарко относятъ къ разряду душевно-больныхъ. По мнѣнію г. Шарко и его учениковъ, въ Парижѣ весьма трудно найти женщину, обладающую полнымъ разсудкомъ; онъ всѣ болѣе или менѣе теряютъ равновѣсіе своихъ умственныхъ способностей отъ вліянія окружающей ихъ нравственной атмосферы. При чтеніи романа Зола выносятся то же впечатлѣніе.

Другой жилецъ, архитекторъ Кампардонъ (Camperdon), принесъ любовь въ жертву выгодной женитбѣ: жена его страдаетъ неизлѣчимою болѣзнію и прикована къ кушеткѣ; мужъ встрѣчаетъ въ Парижѣ прежнюю свою возлюбленную, Гаспарину, и поселяетъ ее у себя въ домѣ; дни онъ проводитъ съ женой, ночи съ любовницей. Жена не тяготится своимъ положеніемъ и довольна, что Гаспарина слагаетъ съ нея всѣ хлопоты по домашнему хозяйству.

Въ своемъ беспощадномъ бичеваніи французской буржуазіи, Зола часто переходитъ въ крайности, но многія сцены его схвачены вѣрно и типы переданы рельефно. У архитектора виситъ въ кабинетѣ большое изображеніе Богородицы съ пылающимъ сердцемъ. Онъ даетъ пріятелю слѣдующее весьма характеристичное объясненіе своего мнимаго религіознаго чувства: «Я состоялъ епархіальнымъ архитекторомъ, а вы не повѣрите, какъ выгодно это званіе для полученія работъ въ высшемъ обществѣ, а затѣмъ плавать мнѣ на всю ихъ дребедень».

Большая часть книги Зола посвящена описанію семейства Josseland (Жоссеранъ). Отецъ, кассиръ, получаетъ восемь тысячъ франковъ жалованья, но его доходъ не удовлетворяетъ притязаній его семейства. Онъ работаетъ какъ волъ, надписывая по ночамъ адреса на бандероляхъ, чтобы заработать нѣсколько лишнихъ франковъ; но его судьба этихъ не облег-

чается,—супруга осыпает его в каждом шагу самой унижительной и колючою бранью. M-me Josserand иск.лючительно занята одною мыслию отдать замуж своих дочерей и ради этого терзает себя и всѣх окружающих; она тратит послѣдніе грошѣ на приманку жениховъ наружнымъ видомъ семейнаго благосостоянія; насѣтленія ея дочерямъ насчетъ любви жениховъ очень курьезны: «Не будь чѣмъ-нибудь порна,—говоритъ она дочери своей Бертѣ.—Гибкій станъ скорѣе понравится мужчине, чѣмъ плоская доска; если онъ позволитъ себѣ какую-нибудь вольность, не будь глупа и знай, моя милая, что мужчина, который увлечется, попадетъ въ капканъ». Въ этомъ взглядѣ Зола видитъ установившееся предисловіе къ брачной жизни. Весь его романъ—обвинительный актъ, противъ буржуазныхъ женитьбъ, плодящихъ, по его мнѣнію, цѣлыя поколѣнія физически и нравственно разслабленныхъ существъ.

Весь изображаемый Зола развратъ учиняется безъ увлеченія, просто скуки ради; въ этихъ оргіяхъ нѣтъ даже опьяненія древнихъ вакханалій, а только одинъ цинизмъ и пошлость. Мы не станемъ оспаривать правоту многихъ возрѣній Зола: не мало можно встрѣтить матерей во вѣсѣ M-me Josserand, не мало невѣрныхъ женъ, но дѣло въ томъ, что въ романѣ Зола каждая женщина всегда готова отдаться мужчине; это—заблужденіе: въ среднихъ классахъ во Франціи чувственность далеко не такъ развита, какъ полагаетъ авторъ; многія женщины воздерживаются отъ паденія хоть бы изъ страха за послѣдствія его.

Отецъ Josserand въ сущности честный труженикъ, но Зола не терпитъ честныхъ людей и всегда старается выставить ихъ дураками. Josserand разыгрываетъ самую жалкую роль въ семейномъ быту и подъ вліяніемъ жены даже соглашается на безчестное дѣло, обѣщая жениху дочери приданое, которое онъ не въ состояніи выплатить. Josserand умираетъ, испивъ до дна всю чашу униженій. Одной изъ его дочерей, Бертѣ, удается словить жениха щедраго и большаго, который женится на ней нехотя, потому только, что она позволила ему вольности въ присутствіи другихъ. Берта вступаетъ въ интригу съ Октавомъ; мужъ застаётъ ихъ врасплохъ, но дѣло улаживается безъ дуэли; Берта не перестаетъ обманывать мужа, но онъ утѣшается тѣмъ, что жена дѣлается хорошею хозяйкой.

Читатель переходитъ отъ одного нравственнаго урода къ другому. Авторъ разнообразитъ свои типы, но тѣмъ не менѣе они всѣ отвратительны. Судья Дюверье (прежній Дюверди, изъ-за котораго возникъ процессъ)—чопорный и сухой консерваторъ; на судѣ онъ относится съ особенною строгостью къ незамужнимъ матерямъ, самъ же—въ связи съ кокеткой Клариссой, которая покидаетъ его; онъ въ отчаяніи и хочетъ съ горя лишиться себя жизни; въ это время его призываютъ къ смертному одру старика-тестя, стараго нотаріуса Vabre, котораго считаютъ миллионеромъ. Вся семья собирается и съ жадностью ожидаетъ кончины старика. Алчность

корыстолюбивыхъ наследниковъ описана въ яркихъ краскахъ, но, увы, миллионеръ оказывается разореннымъ въ биржевыхъ спекуляціяхъ.

Въ видѣ дополнительной черты къ общему характеру жильцовъ типичнаго дома, Зола описываетъ ихъ лицезѣрное негодованіе, когда къ рабочему, живущему на чердакѣ, приходитъ почевать его законная жена, живущая на фабрикѣ, за городомъ и навѣщающая мужа два раза въ мѣсяцъ. Всѣ единодушно возстаютъ противъ такого безстыдства и настаиваютъ на томъ, чтобы рабочему было отказано отъ квартиры. Зола не рисуетъ своихъ героевъ широкою кистью художника, — у него толпится въ романѣ несметное количество дѣйствующихъ лицъ, ничтожныхъ существъ съ мелкими натурами и низкими наклонностями. Читатель путается въ цѣломъ лабиринтѣ эпизодовъ, начатыхъ и недооконченныхъ интригъ, въ которыхъ вездѣ выступаетъ на сцену самый грубый эгоизмъ, — ни одного сердечнаго порыва, ни одного проблеска искренняго чувства. Довольно вѣрно схваченъ силуэтъ м-ме Луизеи, богобоязненной молодой вдовы, покинутой мужемъ вскорѣ послѣ свадьбы. Она изъ тѣхъ женщинъ, которыя позволяютъ за собой ухаживать до извѣстной степени; у ней цѣлуютъ пальчики; можно даже рискнуть и кое-что другое, но все до нѣкоторыхъ границъ, — есть черта, которую нельзя переступить. Въ этой смѣси чувственности и лицезѣрія, кокетства и осторожности можно узнать женщину, находящуюся подъ вліяніемъ духовенства; этотъ типъ часто встрѣчается и снятъ съ натуры. Несмотря на разнообразіе любовныхъ приключеній, романъ не имѣетъ развязки. Повидимому, Зола, написавъ 415 страницъ, бросилъ перо, довольный тѣмъ, что выполнилъ свое обязательство относительно издателя и публики. Его герои остаются всѣ довольными грязью, въ которой копошатся; они, несмотря на всѣ свои пороки, являются передъ свѣтомъ поборниками порядка, религіи, семьи и собственности. Судья Дюверье, имѣвшій содержанку въ городѣ и бывшій въ связи съ кухаркою, которая только-что родила отъ него ребенка и забросила его, ораторствуетъ передъ своими гостями о чудовищныхъ развѣтахъ, въ которыхъ развивается дѣтоубійство, о невозможности излѣчить развратъ, — слѣдовательно, о необходимости вырвать его съ корнемъ. Вся книга построена на обличеніи лицезѣрія правящаго во Франціи класса. Зола старается доказать буржуазіи, что она заражена всеми смертными грѣхами, такъ жестоко караемыми ею въ низшихъ слояхъ общества, — что вся сила ея вліянія, слѣдовательно, не въ нравственныхъ достоинствахъ, а во жи и деньгахъ.

Во второй мартовской книжкѣ *Revue Nouvelle* г. Поль-Бурже началъ рядъ современныхъ психологическихъ этюдовъ статьей о Ренанѣ. Одно изъ первыхъ достоинствъ Ренана въ глазахъ г. Бурже — это его диллетантизмъ, «весьма ловкая и пріятная способность ума склоняться поочередно къ разнымъ формамъ жизни, но ничему всецѣло не отдавать себя». Отдавать себя взаимно, но не дарить — вотъ одинъ изъ законовъ диллетантизма или лучше сказать ренанизма. Послѣднее слово современнаго про-

свѣщенія есть «любезное отреченіе отъ всѣхъ предметовъ человѣческихъ страстей». Ни къ чему не пристращаться, не питать ни любви, ни ненависти—вотъ второй параграфъ реановскаго катихизиса. Говоря о Неронѣ, Ренанъ называетъ его «бѣднымъ юношей». Этотъ любопытный диллетантъ, анализирующій самыя разнообразныя мнѣнія и заблужденія людей, ненавидитъ только прочыя убѣжденія, пламенную вѣру и безавѣтное самопожертвованіе. Мучениковъ онъ удостоиваетъ презрительнаго сожалѣнія, съ условіемъ однако, чтобъ они вновь не появлялись на сцену. Не разъ проводилъ онъ мысль, что мученики приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Жалкіе люди, заслужившіе презрѣніе порядочнаго общества, сдѣлались святыми. Обличенія общества во лжи, часто повторяемыя, по мнѣнію Ренана, вредны. Общество должно требовать, чтобъ его приговоры уважались. «Слѣдовательно, если общество и испорчено, проповѣдники не имѣютъ права клеймить его».

Парижскіе салоны въ глазахъ г. Бурже суть храмы диллетантизма. «Изъ пятнадцати человѣкъ, собравшихся въ одномъ салонѣ,—пишетъ онъ,—едва ли найдутся двое одного мнѣнія о политикѣ, литературѣ, исторіи, религіи. Всѣхъ соединяетъ только общее уваженіе къ приличіямъ. Въ былое время каждый кружокъ имѣлъ присущее всѣмъ его членамъ основное пониманіе главныхъ жизненныхъ задачъ. Въ наше время это невозможно; мы пережили столько перемѣнъ въ политикѣ, въ литературѣ, въ религіозныхъ понятіяхъ, унесены такими разнообразными теченіями, что каждый долженъ усвоить, самъ по себѣ, различныя формы политики, эстетики и вѣрованій. Одинъ изъ параграфовъ реановскаго катихизиса провозглашаетъ «законность разнообразныхъ разрѣшеній». Принципы, которые до сего времени считались неизблещимы, не что иное, по мнѣнію Ренана, какъ «обманы нравственной оптики». Премудрость этой школы состоитъ въ томъ, чтобъ оберегать себя отъ твердой вѣры, отъ поспѣшныхъ отрицаній. Въ основаніи этого диллетантизма лежитъ самый мрачный пессимизмъ. Г. Поль-Бурже рисуетъ слѣдующую картину будущности, ожидающей несчастное человѣчество: «Мы въ правѣ предпологать, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ просвѣщенія нервная чувствительность будетъ все болѣе и болѣе притупляться; очень можетъ быть, однако, что, въ виду окончательной несостоятельности научныхъ познаній, многіе впадутъ въ отчаяніе, которое испыталъ бы Паскаль, еслибы лишился вѣры. Со скорбью выходимъ мы изъ черной ямы, чтобъ опять-таки со скорбью вернуться въ ту же черную яму; она останется навсегда отверстой передъ нами, вѣчно темной, вѣчно пустой. Подымутся кровавыя смуты, небывавыя въ исторіи. Жизнь сдѣлается невыносимой, когда утвердится убѣжденіе, что все покончено съ знаніемъ, что одинъ и тотъ же вопросительный знакъ долженъ навсегда остаться неизмѣннымъ на нашемъ горизонтѣ. Убѣдиться, что дальше известной черты ничего нельзя узнать, что знанія нѣтъ, ужасно».

Эти плачевныя гипотезы основаны на презрѣннн къ массамъ, на пренебреженнн къ мнѣнннмъ и судьбамъ большинства. Ренанъ одаренъ парадоксальнымъ умомъ. Мечта, надъ которой онъ, вѣроятно, самъ подсмѣивается, ибо такой умъ не можетъ придать серьезнаго значеннн своимъ философическимъ спекуляціямъ, это учрежденнн олигархнн ученыхъ, располагающнхъ страшными разрушительными снарядами, придуманными наукой и дѣйствительными только въ рукахъ людей, посвященныхъ въ самыя глубокія тайны абстрактныхъ наукъ. «Силы человечества,—говорилъ Ренанъ,—сосредоточились бы въ сомкнутомъ кружкѣ ученыхъ, располагающнхъ не только судьбами цѣлаго міра, но и самой планеты; терроръ былъ бы общій; существованнн всѣхъ было бы въ рукахъ незначительнаго числа избранныхъ разсудка; ихъ владычество было бы утверждено на несокрушимыхъ началахъ». Ренанъ утверждаетъ, что если общество или религнн разъ основаны, то глупо и вредно провозглашать основы ихъ неправильными; однако изъ того только, что вещь существуетъ, еще не слѣдуетъ, что она имѣетъ право существованнн, и нельзя согласиться съ ученнмъ, отрицающнмъ безусловность добра и зла,—подобные взгляды потрясаютъ энергнн нашего вѣка, уже и безъ того удрученнаго сомнѣннями и распатанностью нравственныхъ принциповъ. Счастлива Франція, что ренанизмъ и диллетантизмъ существуютъ только въ высшихъ сферахъ; массы слѣдуютъ совершенно иному теченнн, что и доказано въ томъ же номерѣ *Revue Nouvelle* статью г. Луи-Поля — «Соціальныя эскизы».

Въ статьѣ этой авторъ объясняетъ, что господствующая страсть парижскаго рабочаго—это политика, что онъ предается ей съ увлеченнмъ и что изъ этого истекаетъ его влннн на народныя массы во Франціи. По словамъ автора, «народныя классы въ Парижѣ увлекаются коллективными интересами съ удивительнымъ филантропическимъ самоотверженнмъ», о правящихъ же классахъ онъ говоритъ, что нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы они были такъ испорчены, какъ во Франціи. Въ его воззрѣнняхъ много правды. «Всмотритесь,—говоритъ онъ,—въ духъ французской революціи, отбросьте парламентскія преннн и поверхностныя событнн и вникните въ глубину единства движеннн цѣлой націи; отдѣлите все привитое извнѣ философами и мыслителями, старымъ режимомъ и иностраннымъ влнннмъ — и вы найдете проявленнн евангельскихъ чувствъ, филантропическихъ, гуманныхъ, братскихъ идей, которыя составляютъ сущность Новаго Завѣта. Вникая въ самыя факты, можно увидать, какъ мало-помалу распадаются преграды между религнн и политикой». Далѣе авторъ продолжаетъ: «Если логически разобрать сущность и цѣль политики, то это наука ума и разсудка; она имѣетъ цѣлью опредѣлять отношеннн между собою извѣстнаго числа людей, составляющихъ общество, и отношеннн этихъ отдѣльныхъ группъ къ другимъ,—слѣдовательно, основаннн этой науки должны быть рациональныя и положительныя. Всмотриваясь въ по-

литическія представленія парижскаго рабочаго класса, выносишь убѣжденіе, что она чисто нравственная и рациональная. Развѣ она основана на строгихъ выводахъ фактовъ, проверенныхъ практикой? — Ничуть: она основана на ученіи, имѣвшемъ въ теченіе долгихъ столѣтій характеръ откровенія, на идеалѣ общаго мира, абсолютной справедливости, милосердія, обоюднаго доброжелательства, братства и равенства, всего того, чему училъ Иисусъ, что проповѣдывалось человѣчеству какъ воля Божія въ теченіе восемнадцати вѣковъ. Вотъ мѣрило, на которомъ основываетъ свои сужденія рабочій классъ въ Парижѣ во всѣхъ вопросахъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики. Я не говорю, чтобъ онъ отрекался отъ практическихъ сужденій, — напротивъ того, онъ высоко цѣнитъ ихъ; но въ политикѣ его разсужденія и выводы чаще всего вращаются въ областяхъ идеалогіи. Каждый, задумавшій пошатнуть евангельскія положенія, будетъ встрѣченъ имъ какъ реакціонеръ».

На слѣдующихъ страницахъ авторъ указываетъ на постепенный переходъ евангельскаго ученія не только въ политическія стремленія парижскаго народа, но и въ умозрѣнія философовъ и социологовъ новѣйшихъ временъ. Всѣ тѣ ученія, къ которымъ такъ сочувственно относится парижская демократія, въ сущности основаны на примѣненіи если не всего евангельскаго ученія, то нѣкоторыхъ его положеній, и тѣ народные витіи, которые въ настоящую минуту ораторствуютъ противъ христіанства, не менѣе того бессознательно стремятся къ цѣлямъ тождественнымъ съ ученіемъ первыхъ апостольскихъ временъ его.

Въ первой апрѣльской книжкѣ *Revue Nouvelle* Жакъ Гаусманнъ разбираетъ вопросъ «отвѣтственности хозяевъ въ несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ». Правительство въ настоящую минуту старается удовлетворить рабочихъ болѣе точнымъ опредѣленіемъ отвѣтственности хозяевъ въ происходящихъ на фабрикахъ несчастныхъ случаяхъ. Авторъ статьи говоритъ, что «въ настоящее время работникъ—только часть механизма, побочное орудіе, зависимое отъ грубой силы, противъ которой онъ не въ состояніи бороться; для того, чтобы сдѣлаться жертвой этой борьбы, достаточно сунуть бездѣлицы — разстройство какой-нибудь части сложнаго механизма, минуты невниманія, неловкости». Несомнѣнно, что распространеніе машиннаго производства увеличиваетъ число несчастныхъ случаевъ. Во Франціи около семи милліоновъ людей, подверженныхъ опасностямъ отъ машинъ. Пропорція несчастныхъ случаевъ, по словамъ автора, отъ 6—7 человѣкъ съ тысячи; цифра 6.000 несчастныхъ случаевъ въ годъ, выставленная имъ, ниже дѣйствительности.

Какое же обезпеченіе предоставляетъ законъ жертвамъ несчастныхъ случаевъ?—Они имѣютъ право жаловаться суду на хозяина и доказывать, что онъ или его подчиненные виноваты въ небрежности. Но если жертва погибла, кто же можетъ доказать, какъ произошло дѣло? Передъ французскимъ закономъ отсутствіе доказательствъ идетъ въ пользу хозяина, а

не рабочего; къ тому же судебное дѣло требуетъ денегъ, и если пройти всѣ инстанціи, оно можетъ продлиться три года. Если строго держаться закона, то такія дѣла въ большинствѣ случаевъ должны рѣшаться въ ущербъ рабочаго, но суды обыкновенно рѣшаютъ вопросъ по совѣсти и часто присуждаютъ хозяина вознаградить рабочихъ или ихъ семейства безъ особенно строгаго соблюденія формальностей. Если магистратура вынуждена, ради справедливости, прибѣгать къ превышенію власти, то это можетъ служить лучшимъ доказательствомъ неудовлетворительности существующаго закона. Мартинъ Надо (Nadaud) внесъ законопроектъ въ томъ смыслѣ, что легальная отвѣтственность за несчастный случай должна безусловно падать на хозяина, если онъ не докажетъ своей невинности; цифра вознагражденія имѣетъ быть немедленно опредѣленной совѣтомъ мировыхъ судей съ правомъ апелляціи въ судъ. Гаусманнъ предлагаетъ другую систему, напоминающую прежнюю «цѣну за кровь». Въ былое время платился штрафъ за каждую рану: глазъ, рука, нога— были оцѣнены въ извѣстную сумму. По проекту Гаусмана вознагражденіе должно опредѣляться въ размѣрѣ платы, получаемой рабочимъ въ минуту несчастія. Подобный проектъ уже былъ предложенъ депутатомъ Феликсомъ Форъ (Faure), который, между прочимъ, предложилъ, чтобы разбираемость этихъ дѣлъ подлежала третейскому суду, составленному изъ мирового судьи, одного хозяина, одного рабочего и мера общины, къ которой приписанъ рабочій. Гаусманнъ полагаетъ, что «принятіе подобнаго закона послужитъ къ уменьшенію антагонизма, или, лучше сказать, недоразумѣній, существующихъ между капиталомъ и трудомъ». Но если и устранить эту причину, сколько еще останется другихъ источниковъ этого антагонизма! Правительство Франціи затрогиваетъ этотъ вопросъ весьма нерѣшительно и довольствуется медленнымъ прогрессомъ, но, конечно, и это заслуживаетъ поощренія.

Въ первой апрѣльской книгѣ *Revue des Deux Mondes* идеалистъ Каро произноситъ хвалебное слово позитивисту Литтре. Идеализмъ Каро имѣетъ свѣтскій колоритъ, приводящій въ восторгъ свѣтскихъ женщинъ. Каро почти не касается ученія Литтре и его учителя Огюста Конта и преимущественно разыскиваетъ въ сочиненіяхъ Литтре матеріалы для его автобіографіи. Литтре родился въ 1801 году; онъ не участвовалъ ни въ какихъ политическихъ борьбахъ своего времени, всецѣло погрузился въ философію и, несмотря на свой позитивизмъ, не разъ мѣнялъ свои воззрѣнія. Онъ самъ сообщаетъ, что, перелистывая свои статьи, написанныя въ 1832 году въ *National*, онъ на каждой строкѣ встрѣчалъ противорѣчіе съ самимъ собою. Его предсказанія будущаго неизмѣнно опровергались событіями. Въ 1850 году, накануне возстановленія имперіи и разгара войны, онъ предсказывалъ паденіе бонапартизма и общій миръ. Литтре отдаетъ преимущество кабинетному ученому передъ человѣкомъ дѣла. Самъ онъ былъ честенъ, трудолюбивъ, убѣжденъ, что нравственныя истины выра-

бываются обдумываніемъ, какъ математическія задачи; онъ былъ отрицателемъ въ теоріяхъ и консерваторомъ въ практикѣ. Въ 1848 году онъ находилъ, что верховная власть пролетариата спасетъ Францію; впоследствии же онъ отказался отъ этого взгляда. Къ религіи онъ относился осторожно и даже съ нѣкоторымъ внутреннимъ смущеніемъ, которое проявляется въ нѣсколькихъ фразахъ, какъ, напримѣръ: «Я не прочь прислушиваться къ голосу древнихъ преданій и шепоту, упрекающимъ меня въ измѣнѣ».

Онъ постоянно старался отклонять отъ себя мысли о загробной жизни. «Для иныхъ,—пишетъ онъ,—жизнь складывается въ шумный и блестящій романъ, для большинства же она остается скромною повѣстью. Въ молодости человекъ ищетъ приложенія своихъ познаній и способностей; если эта цѣль достигнута, онъ успокоивается, женится, работаетъ, имѣетъ успѣхъ или неудачи, испытываетъ нѣкоторыя радости, а тамъ подходит старость, затѣмъ дряхлость, и человекъ вдругъ замѣчаетъ, что мотокъ жизни почти размотанъ, и приходится повторять слова восьмидесятилѣтняго Вольтера: «Въ счастливые годы, когда мнѣ было семьдесятъ лѣтъ». Въ этихъ словахъ видны стоическое спокойствіе и полное отсутствіе духовныхъ началъ, утѣшающихъ человека надеждой, что наша жизнь подобна солнцу, которое, закатываясь на нашемъ горизонтѣ, подымается на другомъ. «Умираешь, какъ придется,—говоритъ Литтре;—смерть такая же случайность, какъ жизнь». Литтре оставилъ послѣ себя огромный лексиконъ, нѣсколько философическихъ, медицинскихъ и политическихъ сочиненій и даже стихи. Но если разобрать въ частности произведенія Литтре, къ нимъ можно примѣнить сужденіе Лапрада о Вольтерѣ: «Если онъ дѣйствительно имѣлъ универсальность, которую самъ признавалъ за собою, нельзя не замѣтить, что его гений, замѣчательный въ совокупности его дѣятельности, не выдерживаетъ критики въ отдѣльныхъ ея отрасляхъ. Что осталось въ его сочиненіяхъ отмѣннаго, оригинальнаго, прочнаго?» Разница только въ томъ, что Вольтеръ имѣлъ громадное вліяніе на свѣй вѣкъ, значеніе же Литтре ограничивается безплоднымъ отрицаніемъ. Въ его глазахъ всѣ существующія вѣрованія покрыты плѣсенью, а замѣнить ихъ нечѣмъ; человекъ можетъ вѣрить только въ то, что понятно его разсудку и открыто его наблюденію; онъ долженъ довольствоваться тѣми немногими радостями, которыя доставляетъ ему здѣшній міръ. Самыя химерическія мечты идеалоговъ, Фурье, поселяющій Микель - Анжеловъ, Рафаэлевъ и Ньютоновъ въ свои фаланстеры, и тому подобные утописты симпатичнѣе безотраднато ученія позитивистовъ, обливающихъ холодною водою и безъ того остывшіе умы и сердца современниковъ.

На сценѣ Comedie Française поставлена новая драма Еркмана и Шатриана подъ заглавіемъ «Les Rantzau»; она пользуется громаднымъ успѣхомъ; публика массами стекается на представленія; пьеса разыграна въ совершенствѣ и поставлена весьма тщательно. Еркманъ и Шатрианъ при-

обрѣли себѣ большую известность своими патриотическими романами и странной литературною ассоціаціей, въ которой ихъ обѣ личности такъ сливаются во-едино, что невозможно узнать, кѣмъ изъ двухъ товарищей что написано. По-нашему нѣтъ ничего менѣе патриотическаго, чѣмъ хвалебные романы обоихъ авторовъ, въ которыхъ они возбуждали жалость своихъ согражданъ къ страданіямъ французовъ въ 1815 году, вмѣсто того, чтобы восхвалять героизмъ людей, пожертвовавшихъ собою для отечества. Публика такъ не возлюбила войну, что когда пришлось защищать свою столицу, французскіе буржуа не сумѣли взяться за дѣло и отдались на капитуляцію нѣмцамъ почти безъ боя. Завязка драмы «Les Rantzau» изъ самыхъ незамысловатыхъ. Два брата перессорились въ молодости изъ-за наслѣдства и всю жизнь ненавидятъ другъ друга; вражда, основанная на корыстолюбіи, дѣлаетъ ихъ антипатичными. У одного брата дочь, а у другаго сынъ, молодые люди, страстно любятъ другъ друга. Послѣ различныхъ перипетій отцы примиряются, чтобы спасти жизнь дѣтей, умиряющихъ отъ любви. Во всѣхъ четырехъ актахъ діалогъ вялый и довольно пошлый. Школьный учитель Флорансъ, пріятель обоихъ братьевъ, разыгрываетъ роль хора въ древнихъ трагедіяхъ; онъ безпрестанно рассказываетъ, что дѣлаютъ дѣйствующія лица. Вражда обоихъ братьевъ разрѣшается сценическимъ эффектомъ. Отецъ дѣвушки отправляется къ брату и проситъ его согласія на бракъ сына; тотъ отказывается: «Но вѣдь Луиза умретъ». — «А мнѣ что за дѣло!» — «Неужели ты дашь бы умереть сыну?» — «Ну, входи!» Эта сцена производитъ потрясающее впечатленіе на зрителей. Искусно устроенная лампа освѣщаетъ лицо умоляющаго брата и производитъ значительный эффектъ. Непонятно, что въ этой пьесѣ, гдѣ нѣтъ ни дѣйствія, ни паѳоса, такъ нравится публикѣ; тѣмъ не менѣе зала оглушается бурными рукоплесканіями; правда, что превосходная игра актеровъ усиливаетъ впечатлѣніе этой бездарной пьесы.

Въ прошломъ мѣсяцѣ Парижу пришлось похоронить нѣсколько знаменитостей. Умеръ Берталь, одинъ изъ послѣднихъ великихъ каррикатуристовъ старой школы. Настоящая каррикатура сходитъ со сцены, — въ модѣ шаржировка.

Берталь, какъ и Камъ, скрывался подъ псевдонимомъ и принадлежалъ къ аристократической фамиліи. Разумѣется, что смѣшныя стороны среды, въ которой онъ выросъ, обратили прежде всего его вниманіе; въ своихъ «Comédies parisiennes» онъ остроумно изобразилъ высшее общество Парижа; онъ занимался также удачно политической каррикатурой.

Смерть Ле-Плей (Le-Play) произвела большое впечатлѣніе въ нѣкоторыхъ кружкахъ; онъ былъ оракуломъ буржуазіи и учредителемъ первой выставки въ 1867 году; газеты прозвали его «Великимъ Консерваторомъ». Во время имперіи онъ постоянно толковалъ Наполеону III-му, что его погубитъ политика національностей и уступокъ рабочему классу. Онъ былъ напуганъ рабочимъ движеніемъ и призывалъ хозяевъ къ дѣятельности,

къ изученію своего положенія, къ благотворительности, но не допускалъ, чтобы буржуазія могла отказаться отъ какихъ-либо привилегій. Его хоронили очень торжественно, со всѣми официальными почестями. Смерть похитила также одного изъ лучшихъ французскихъ юристовъ, прокурора Берто. Умеръ также Жюль-Гишаръ, другъ и душеприкащикъ Мишле, отличавшійся замѣчательными историческими познаніями. Онъ издалъ съ самой тщательной аккуратностью исторію процесса Іоанны Д'Аркъ и познакомилъ насъ съ ея героическими отвѣтами передъ судившимъ ее трибуналомъ. Мы закончимъ этотъ списокъ умершихъ бывшимъ членомъ коммуны, башмачникомъ Тринке. Во время самой коммуны онъ оставался въ тѣни; но когда дѣло дошло до суда, онъ имѣлъ рѣдкое мужество заявить о своихъ дѣйствіяхъ и помыслахъ. Сосланный въ Новую-Каледонію, онъ пытался бѣжать, былъ пойманъ и подвергнутъ усиленному надзору. Послѣ амнистіи онъ вернулся въ чахоткѣ. Несмотря на его прошлое, своимъ возвышеннымъ, правдивымъ характеромъ Тринке заслужилъ общее уваженіе и правительство обезпечило его, назначивъ его инспекторомъ рынковъ. Великодушное забвеніе политической вражды во Франціи—явленіе нерѣдкое.

W***

Паражъ.

28 апрѣля 1882 года.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

- XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ:** I—Отношеніе правительства къ вопросу о расколѣ. II—Отвѣщеніе правительства къ рабочему вопросу.—...снаго 55
- XV. ЗАМѢТКИ ПО ВНѢШНИМЪ ДѢЛАМЪ.**—А. А. Майкова. 98
- XVI. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:**

Принятіе сенатомъ закона объ обязательномъ обученіи.— Анти-клерикальный конгрессъ.— Нвое фіаско Гамбетты.— Патеръ Монсамбрэ и отецъ Гацинтъ.— Приемъ Сюлли Прюдомъ въ академію.— Новыя книги: „Людовикъ XV и Елизавета Россійская“, Альберта Вандаль. V-й томъ „Исторіи революціоннаго трибунала“, г. Валлонъ.— „Pot-bouille“, Эмиля Зола.— Обзоръ периодической печати.— „Les Rantzau“, драма г. Эрмана и Шатриана.— Нерологи.— W***

- Приложеніе: АМЕРИКАНСКІЕ ОЧЕРКИ** Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Т. XIV—XVII. *Окончаніе* 129

О переѣмѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причѣмъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ номеръ.

При переходе городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничныя—недостающаго до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лица, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ исключительно секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія расчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *одного до трехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятны, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причѣмъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка. Относительно же присылаемыхъ въ редакцію и не принятыхъ ею для помѣщенія въ журналъ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не входитъ, еслибы даже на то прилагались марки.

Принимаемыя для помѣщенія въ журналъ произведенія и статьи подлежатъ въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,

ВЫХОДЯЩИЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО; БЕЗЪ ПРЕВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

КНИГАМИ ОТЪ 25 ДО 35 ЛИСТОВЪ.

Условія подписки на 1882 годъ (третій годъ изданія):

	годъ.
Безъ доставки	1 р.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 р.
Съ пересылк. въ др. гор.	17 р.
За границу	19 р.

Подписка на меньшіе сроки и розничная продажа книгъ прекращены.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, домъ № 42, въ отдѣленіи конторы—на Петровскѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, при конторѣ объявленій Н. Н. Печковской и въ магазинѣ типо-литографіи Н. Н. Кушнерева и К^о, на Никольской улицѣ, домъ Чижевыхъ.

Гг. иногородныхъ просятъ высылать деньги исключительно въ контору.

ЗА ПОДПИСКУ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ РЕДАКЦІЯ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ.

Контора открыта ежедневно отъ 11 часовъ утра до 4 часовъ дня.

Оставшіеся экземпляры *Русской Мысли* изданія 1881 года продаются по 15 руб., съ пересылкой по 17 руб., — изданія 1880 г.—по 8 руб., съ пересылкой по 10 руб. за годъ.

Редакторъ С. А. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

RETURN TO **CIRCULATION DEPARTMENT**
→ 202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
 1-month loans may be renewed by calling 642-3405
 6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
 Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

rec'd circ. MAR 7 1988		
SEP 05 1991		
AUTO DISC. AUG 05 '91		

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
 FORM NO. DD6, 60m, 12/80 BERKELEY, CA 94720

©s

LD 21-100m-7,'39(402s)